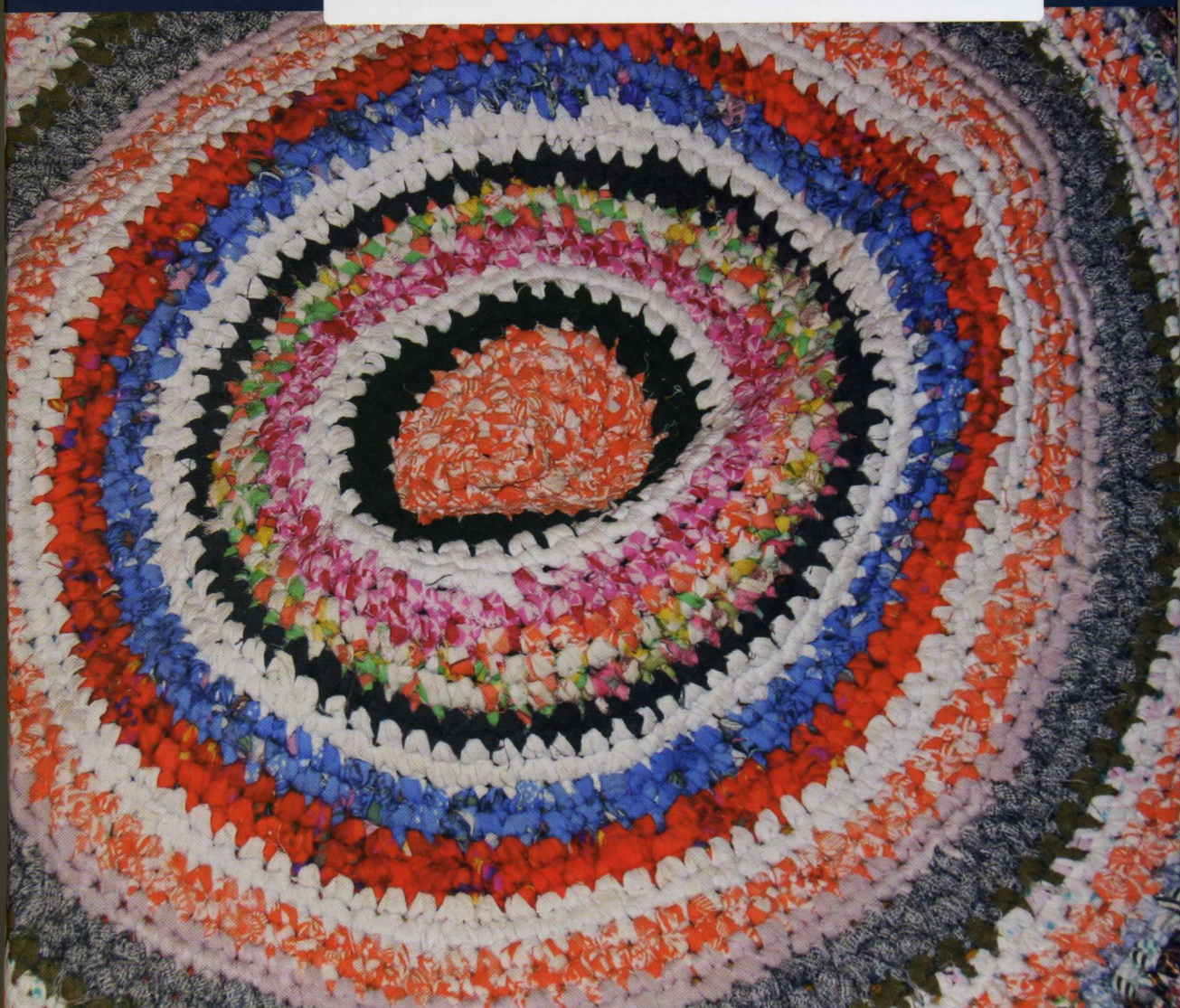
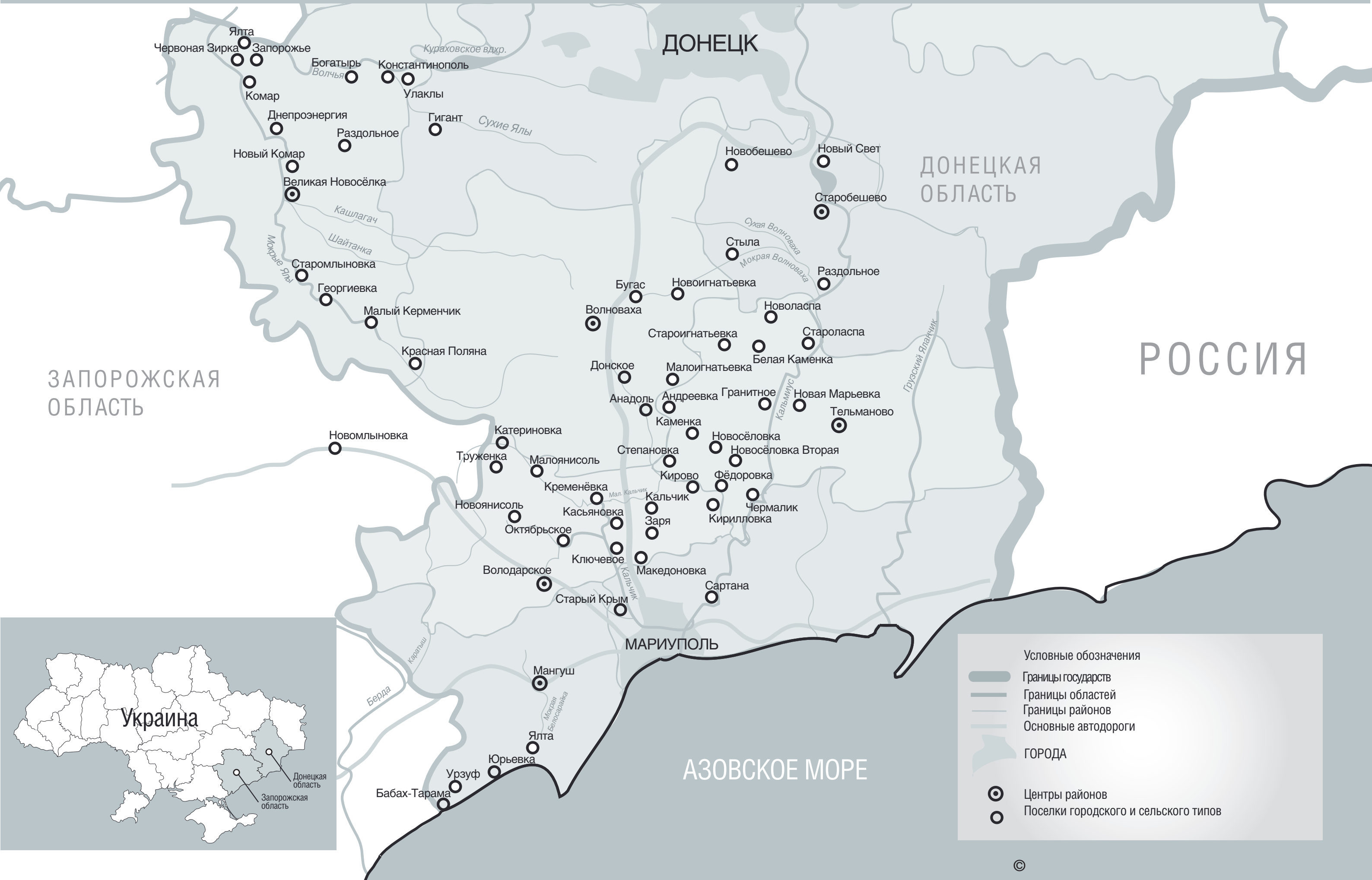

**Лингвистическая
и этнокультурная
ситуация в греческих
селах Приазовья**

МЕСТА КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ГРЕКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГРЕЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Редколлегия серии

Максим Кисилиер

Фатима Елоева

Елена Перехвальская

Александр Русаков

Олександр Рыбалко

Иван Джуха

Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья

По материалам экспедиций 2001–2004 годов

Ответственный редактор *М. Л. Кисилиер*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

—О серии «Язык и культура мариупольских греков»

Наверное, это свойство человеческой природы — внезапно проявлять интерес к тому, что оказывается на грани исчезновения или уже почти исчезло. Причем с осознанием безвозвратности потери вырастает важность того, что исчезает, и возникает желание рассмотреть как следует оставшееся и сберечь то, что прежде не привлекало никакого внимания и, казалось бы, не представляло ничего ценного.

Именно такое чувство чего-то ускользающего возникает сегодня при знакомстве с языком и культурой греков Приазовья (иначе — мариупольских греков). Нельзя сказать, чтобы эти греки были обижены вниманием: об интересе к ним, например, свидетельствует библиография, составленная С. А. Калоеровым [КАЛОЕРОВ 1997]; к мариупольским грекам обращались еще до революции; в советское время к ним неоднократно организовывались экспедиции — до середины 30-х гг. в рамках политики создания письменности для малых народов СССР и потом, начиная со времен хрущевской «оттепели». Тем не менее, сегодня появилась новая угроза, неожиданно пришедшая из Греции. С одной стороны, именно в Греции появилось первое, наиболее полное описание *румейского языка*¹ [ΣΥΜΕΟΝΙΔΙΣ, ΤΟΜΡΑΪΔΙΣ 1999] и вышли основные работы Е. Ф. (Паппу-)Журавлевой,² с другой стороны, усиление культурных связей с Грецией приводит к тому, что у молодого поколения остается все меньше и меньше шансов сохранить свой язык и культуру, т. к., во-первых, новогреческий язык (далее НГР) намного престижнее и полезнее,³ во-вторых — литература на родном языке практически непонятна, хотя бы в связи с ограниченным количеством доступных изданий практической грамматики и словарей румейского языка.⁴

Хотя исследование А. Д. Громовой, проведенное летом 2002 г., позволяет оптимистично предположить, что «румейский язык (. . .) продолжает жить»⁵ и среди молодых румеев, не приходится сомневаться, что при их детях ситуация будет принципиально иной, ведь уже сегодня, как свидетельствует А. А. Новик, румей, представляя свое прошлое на официальных мероприятиях, берут «в качестве примера и образца чаще всего (. . .) уже не местные каноны и реалии, а то, что характеризовало и характеризует культуру либо античной Эллады, либо современной Греции».⁶ По-видимому, подобная опасность — утратить свой язык и национальную самобытность — грозит, правда, в несколько меньшей степени, и татароязычным грекам-*урум*.⁷

¹ Язык *румеев* — грекоязычных жителей Приазовья, от Ῥωμαῖος 'гражданин римской империи'; о названии языка см. Главу 4, с. 97 и сл.

² Об истории исследования греков Приазовья см. «Предисловие», с. 10–17.

³ См. Главу 4, с. 101–103.

⁴ В 2006 г. в Мариуполе наконец был издан «Румейско-русский и русско-румейский словарь пяти диалектов греков Приазовья» [Диамантопуло-Рионис и др. 2006], однако тираж составил только 300 экземпляров, поэтому единственным по-настоящему доступным словарем можно считать неизданный румейско-русский словарь Г. А. Анимиды, представленный в Интернете [АНИМИДА, INTERNET] и в рукописном виде — в ряде греческих обществ Приазовья. Об этих словарях см. также «Предисловие», с. 16 и сл., 17.

⁵ См. Главу 5, с. 133.

⁶ См. Главу 2, с. 75.

⁷ Урум — это тюркская огласовка от Ῥωμαῖος. Об урумах см. Главу 3 (с. 79).

Серия «Язык и культура мариупольских греков» представляет собой не просто набор исследований по лингвистике, фольклору и этнографии. На данном начальном этапе ставятся две вполне практические задачи: (а) ознакомить читателя с румейским языком и румейской поэзией и (б) по возможности выработать единый вариант орфографической нормы. В рамках серии планируются тома, посвященные также языку, литературе и культуре урумов, тем более, что в ходе экспедиций в Приазовье был собран значительный материал и по урумам.⁸

Предполагается, что издания серии будут не только ориентированы на специалистов — филологов, этнографов, фольклористов — но и обращены к носителям румейской и урумской культуры. Естественно, несколько книг не смогут спасти язык и культуру от вымирания, однако остается надежда привлечь интерес местного населения к своим языкам.

На данном этапе пока трудно говорить о составе серии, однако уже сейчас, помимо настоящего тома «Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 гг.», в рамках серии готовятся к изданию следующие материалы:

1. Антология румейской поэзии. Сост. Г. А. Анимица. Вместе с текстами и переводами в том войдут лингвистические и культурологические комментарии и краткий румейско-русский словарь, охватывающий все румейские словоформы, встречающиеся в томе. Подготовка переводов, комментариев и словаря — М. Л. Кисилиер.
2. Костоправ Г. Леонтий Хонагбей. Поэма. На сартанском и малоянисольском (суб)диалектах с переводом и комментарием. Перевод на малоянисольский (суб)диалект и русский язык — Г. А. Анимица. К изданию также будет приложен оригинальный текст Г. Костоправа, словарь и комментарий. Составление комментариев, словаря и подготовка тома к изданию — Ф. А. Елоева, М. Л. Кисилиер.

Ожидается, что в дальнейшем серия будет расширена, в частности, за счет издания материалов, собранных в экспедициях 2001–2004 гг., уже упоминавшегося словаря Г. А. Анимицы, а также переиздания работы А. К. Гаргалы (Кассандры Костан)⁹ [КОСТАН 1932] в русском переводе и привлечения урумского материала. Все предложения, в т. ч. по составу серии и финансированию отдельных томов, можно присылать в Греческий институт ИФИ СПбГУ по адресу: наб. лейтенанта Шмидта, 11/2, СПб., 199034, Россия или по e-mail: helinst@gmail.com.

М. Л. Кисилиер

⁸ Об экспедициях см. Главу 2, с. 65 и сл.

⁹ О Кассандре Костан см. Главу 1, с. 37.

—Оглавление

О серии «Язык и культура мариупольских греков»	5
Предисловие	9
Список сокращений	23
Часть 1: История и культура	
Глава 1. История урумеев. Хронология основных событий (1771–2003) (<i>Анимица Г. А., Кисилиер М. Л.</i>)	25
Глава 2. Традиционная культура мариупольских греков (<i>Новик А. А.</i>)	65
Часть 2: Язык и самосознание. Языковые контакты	
Глава 3. Тюркоязычные греки (урумы) Приазовья: язык и этническая (само)идентификация (<i>Баранова В. В.</i>)	79
Глава 4. Румейский язык в Приазовье (<i>Баранова В. В., Викторова К. В.</i>)	97
Глава 5. Румейский язык: от 4 до 94 (<i>Громова А. Д.</i>)	113
Глава 6. Переключение кодов и грамматическая интерференция (<i>Лисицкая Е. П.</i>)	134
Часть 3: Лингвистическое описание	
I. Фонетика	
Глава 7. Фонетические особенности (на материале первичного анализа системы фонем малоянисольского субдиалекта) (<i>Николаенкова О. Н.</i>)	163
II. Морфология	
Глава 8. Именная система (<i>Викторова К. В.</i>)	193
Глава 9. Имя прилагательное (на материале урзуф-ялтинского субдиалекта) (<i>Ермишкина О. К.</i>)	206
Глава 10. Морфология глагола (<i>Кузнецова Н. В.</i>)	223
Глава 11. Средства выражения ирреальной модальности (<i>Давыдова О. В.</i>)	347
III. Синтаксис	
Глава 12. Порядок слов (<i>Кисилиер М. Л.</i>)	374
Глава 13. Местоименный повтор дополнения (<i>Борисова А. Б.</i>)	393

Приложения

Приложение 1: Греческие села Приазовья	404
Приложение 1.1 Названия старые и новые	404
Приложение 1.2. Избиратели	404
Приложение 2: Образцы текстов	406
Приложение 3: Имя прилагательное	412
Приложение 3.1. Прилагательные из словаря Хартахая	412
Приложение 3.2. Прилагательные в ЯСД	413
Приложение 3.3. Прилагательные в Хартахаяе и в ЯСД	414
Приложение 3.4. Зафиксированные формы рода и числа	415
Приложение 3.5. Примеры употреблений прилагательных в ЯСД	416
Приложение 4: Предметы материальной культуры, привезенные из экспедиций	425
Список таблиц	427
Список рисунков	430
Библиография	431
Summary	443

—Предисловие

0.1 Общие сведения о приазовских греках

В Приазовье греки попали сравнительно поздно — в конце XVIII в., когда Екатерина II решила заселить приазовские степи¹ и тем лишить татар возможности совершать набеги. О важности этого предприятия свидетельствует тот факт, что переселением греков из Крыма в Приазовье руководил А. В. Суворов. Переселение было трудным и сопровождалось значительными человеческими жертвами.²

О жизни этих греков в Крыму до переселения (т. н. **доприазовский** период) известно очень немного. Можно достаточно уверенно утверждать, что в Крым было несколько волн иммиграции, начиная с античности и кончая 1813 г., когда туда приехали греки из Малой Азии, позднее, в 1826 г., перебравшиеся в Приазовье и основавшие там с. Анадоль.³ Не вызывает сомнения, что именно в Крыму произошло разделение на грекоязычных **румеев**⁴ и татароязычных **урум**⁵. Урумы были, в первую очередь, городскими жителями (отсюда происходит и другое их название — **базариоты**, т. е. жители города); румеи же преимущественно проживали в деревнях. В связи с этим урумский язык был более престижным и стал т. н. «языком базара». Многие румеи владели урумским языком, тогда как урумы почти никогда не говорили по-румейски. Эта ситуация долгое время сохранялась и в Приазовье и стала одной из причин проникновения в румейский язык значительного числа тюркских слов и аффиксов.⁶

Из Крыма греки привезли названия для своих сел, например, Ялта и Старый Крым,⁷ молитвы [Чернухин 2005], а также старые песни, часть из которых, в частности о «Яннисе и змее» имеют многочисленные параллели в разных областях грекоязычного мира. Не совсем ясно, насколько греки утратили связи с грекоязычным миром и его культурой, перебравшись в Приазовье. С одной стороны, переселение в каком-то отношении кажется катастрофой: теряется связь с греческими корнями и местная интеллигенция становится носителем не только местной, но и русской культуры (например: художник А. И. Куинджи (1842–1910) и

¹ Подробнее см. Главу 1, особенно с. 27 и сл.; о переселении в Приазовье см. также [Чернышева 1958: 28–34; Калоев 1998; Анимиди 2003: 27–34].

² Данные разнятся от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ всех переселенцев; см. Главу 1, с. 27.

³ О нескольких волнах иммиграции в Крым свидетельствует ряд особенностей языка приазовских греков, наиболее яркая из которых — местоименный повтор дополнения, появившийся только в раннем новогреческом языке. В понтийском диалекте это синтаксическое явление отсутствует, что, видимо, объясняется относительной изолированностью данного диалекта. Нет оснований считать, что в языке греков Приазовья местоименный повтор дополнения развился независимо, а не был «завезен» иммигрантами. Подробнее о местоименном повторе дополнения см. Главу 13 (с. 393).

⁴ Происходит от $\rho\omicron\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ «гражданин римской империи». Румеями или ромеями называли себя многие грекоязычные группы, в частности, понтийские греки; например, грекоязычные жители турецкого села Узун Гель (недалеко от Трапезунда) именуют свой язык *rumca*.

⁵ Термин *urum* также является распространенным обозначением для тюркоязычных греков [Елова 2006: 24 и сл.]. Важно отметить, что сменив язык, приазовские урумы остались православными христианами; о них см. Главу 3 (с. 79).

⁶ См., напр., Главу 6, особенно с. 136 и далее, 152 и сл. Важно отметить, что татарское влияние не проявилось ни в морфологии (если не считать заимствования аффиксов), ни в синтаксисе.

⁷ См. карту на форзаце.

просветитель Ф. А. Хартахай⁸). С другой стороны, в 1902 г. известный румейский поэт Демьян Бгадица⁹ превратил в ряд румейских песен знаменитую критскую мистерию XVII в. «Жертвоприношение Авраама».¹⁰ Это событие замечательно вовсе не тем, что Д. Бгадица был знаком с этим текстом: как раз в это время в разных частях Османской империи греки переводят «Жертвоприношение» на свои диалекты.¹¹ Едва ли можно считать данный факт случайным совпадением, скорее, он косвенно свидетельствует о сопричастности приазовских греков тем процессам, которые в то время происходили в греческой культуре на территории бывшей Византийской империи. Однако не вызывает сомнения, что переезд в Приазовье не только значительно ослабил связь с греческой культурой и ускорил обрусение греков, но и, возможно, привел к «диалектному перераспределению» внутри румейского языка, в результате чего возникли новые субдиалекты,¹² не существовавшие в Крыму.

В настоящий момент румеи и урумы в подавляющем большинстве случаев проживают отдельно. По-румейски говорят в семнадцати селах, причем по селам сильно варьируется уровень компетенции носителей. Например, в с. Ялта, бывшем в советское время курортом, жители, в основном, способны породить лишь отдельные слова, а в с. Малоянисоль нередко даже колхозные летучки проходят на румейском языке. В целом, русский язык везде является доминирующим, лишь однажды в с. Малоянисоль удалось встретить очень старую информантку, вовсе не владевшую русским языком. Часто румейский язык играет роль тайного «мужского» языка, на котором парни и мужчины говорят в своей компании, не желая, чтобы их поняли.¹³

0.2 Краткие сведения по истории изучения языка греков Приазовья

Условно историю изучения греков Приазовья можно разделить на четыре этапа:

1. дореволюционный,
2. 20-е–30-е гг. XX в.,
3. 60-е–80-е гг. и
4. новейший период.

⁸ О Ф. А. Хартахае см. Главу 1, с. 31.

⁹ См. там же, с. 32.

¹⁰ Варианты песен доступны онлайн http://www.azovgreeks.org/agportal/library.asp?page_id=displ&id=84.

¹¹ См., напр., [ВАЛТА 1997–1998: 138].

¹² Термин ‘субдиалект’ здесь и далее понимается как ‘под-диалект’, т. е. локальная разновидность диалекта. Термин ‘говор’ возможен, но, поскольку в работах, посвященных румейскому языку, можно встретить его не только по отношению к разновидностям румейского языка, но и по отношению к самому румейскому языку (мариупольский говор), его употребление представляется нежелательным. Впредь термин ‘говор’ используется только в цитатах из других исследований. О субдиалектах румейского языка см. с. 13.

¹³ Подробнее о роли и сохранности румейского языка см. Главу 4 (с. 97).

0.2.1 Дореволюционный период

Впервые приазовские греки привлекли к себе научное внимание в середине XIX в. В 1859 г. уже упоминавшийся выше Ф. А. Хартахай создал первый словарь румейского языка [ХАРТАХАЙ 1859],¹⁴ позже переизданный Т. Н. Чернышевой [ЧЕРНЫШЕВА 1959]. Большинство исследований этого времени были посвящены истории, культуре и быту греков Приазовья [ХАРТАХАЙ 1861; 1864;¹⁵ БРАУН 1890], однако, по крайней мере, три работы, помимо упомянутого словаря Ф. А. Хартахая, прямо или косвенно описывают язык румеев. В 1874 г. В. И. Григорович приводит несколько десятков румейских слов в русской транскрипции [ГРИГОРОВИЧ 1874: 6–7, 49–51]. По мнению М. В. Сергиевского, «Григоровичем был записан говор с. М[алый] Янисоль» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 534 (сн. 2)]. Данные В. И. Григоровича послужили источником для Ф. Блау [BLAU 1874], статья которого, в свою очередь, была использована П. Кречмером, предположившим, что румейский язык — либо понтийский диалект, либо один из северногреческих диалектов [KRETSCHMER 1905: 18].

0.2.2 Послереволюционный период

Собственно лингвистическое изучение румейского языка началось только после революции и проходило оно в рамках курса, направленного на развитие языков малых народов и создания для них письменности и литературы. В связи с этим в 20-х гг. прошлого века в Приазовье началась активная полевая работа;¹⁶ специально для румейского языка разработали алфавит на основе димотики (см. рис. 0.1):

Рис. 0.1. Первый румейский алфавит.

Α α	Ζ ζ	Μ μ	Σ σ, ς
Β β	Θ θ	Ν ν	Τ τ
Γ γ	Ι ι	Ο ο	Υ υ
Δ δ	Κ κ	Π π	Φ φ
Ε ε	Λ λ	Ρ ρ	Χ χ

Во многом этот алфавит был похож на алфавит, созданный для понтийских греков. Графема ζ использовалась для обозначения /z/ и /ž/; знак υ передавал фонему /u/. В алфавите отсутствовали диграфы αι и οι, характерные для димотики, зато были весьма употребительны сочетания согласных: σσ—/š/, τσ—/ts/,

¹⁴ Интересно отметить, что уже тогда Ф. А. Хартахай в своем словаре назвал румейский язык «умирающим наречием».

¹⁵ Работа переиздана в 2003 г.

¹⁶ В 1927 г. прошла первая диалектологическая экспедиция сотрудников ЛГУ под руководством И. И. Соколова. Полевую работы по языку и фольклору проводили также и местные исследователи (К. Костан; см. Главу 1, с. 37).

τσσ — /џ/. У неодносложных слов ставились ударения, энклитики писались через дефис со словоформой-хозяином.¹⁷

В результате в Мариуполе появилась румейская пресса и театр, на румейский язык стали переводить русскую литературу и начал формироваться литературный язык, появление и расцвет которого связаны с именем Георгия Костоправа.¹⁸ Здесь нет возможности подробно рассказывать об этом интереснейшем культурном, социолингвистическом и лингвистическом явлении, однако важно отметить, что в основу литературного языка лег субдиалект, распространенный в с. Сартана, однако не в чистом виде: в нем активно использовались элементы из субдиалектов других сел, прежде всего, Малоянисоля. Не все поэты сразу приняли этот литературный язык, и в течение некоторого времени ему приходилось соперничать с упрощенным вариантом димотики, см., например, отрывок из стихотворения А. Риониса «Στι λῖρα-μου» ‘Моей лире’ (1933 г.):

- (0.1) Πέχξε ο λῖρα-μου, πέχξε-μου
 Κι αρχίζο το τραγύδι
 ‘Сыграй, лира моя, сыграй мне,
 И начну¹⁹ песню’ [FOTIADIS 1990: 79]²⁰

Очевидно, что и сам Г. Костоправ не мог решиться полностью отказаться от димотики и писать исключительно по-румейски. Так, он написал на румейском наиболее выдающееся свое произведение «Леонтий Хонагбей», во многом ориентируясь на песни реально существовавшего Леонтия Хонагбея,²¹ однако язык своеобразного послесловия²² к поэме, несомненно, основывается на димотике:

- (0.2) *Μετρή хрызумέно на лэгу κάμβосα λόя я ту пийма «Лебнти Хонагбейс». Ту пийма-му инэ грамэну я тус яшларџс*
 ‘Считаю нужным сказать несколько слов о поэме «Леонтий Хонагбей». Поэма моя написана для молодежи’ [АНИМИЦА, Рукопись₃]

Единственные особенности, характерные для румейского языка, которые здесь встречаются, — это сужение неударного о в u²³ и употребление румейского существительного *яшларџс*.²⁴ Из наиболее ярких новогреческих черт, нехарактерных для румейского языка, следует отметить употребление предлога я (για), форму артикля в вин. п. *тус* (τους) и форму перф. *инэ грамэну* (είναι γραμμένο).²⁵

¹⁷ Ударное слово, с которым клитика составляет единое фонетическое слово; в англ. терминологии *host* ‘хозяин’.

¹⁸ См. Главу 1, с. 37.

¹⁹ Букв. ‘начинаю’.

²⁰ Показательно, что в [FOTIADIS 1990] стихотворения А. Риониса, в отличие от произведений Г. Костоправа, приводятся без перевода на новогреческий язык (далее НГР).

²¹ См. Главу 1, с. 32.

²² «*Λίγα λόя я то пийма „Лебнти Хонагбейс“*» ‘Несколько слов о поэме «Леонтий Хонагбей»»; о кириллическом алфавите румеев см. ниже с. 15 и сл.

²³ См. Главу 7, с. 163.

²⁴ Можно также отметить ударение в слове *пийма*, ср. с НГР *ποίημα*. Здесь, правда, скорее всего, следует усматривать влияние русского языка.

²⁵ Надо признать, что и в стихах Г. Костоправ иногда использует перф. формы, видимо, под влиянием димотики, см. примеры (0.3) и сл. на с. 13.

Используя димотику в послесловии, Г. Костоправ прибегает к довольно известному приему, цель которого — продемонстрировать читателю, что автор пишет свое произведение на «народном» языке сознательно, а не потому что не владеет литературным вариантом.²⁶

Скорее всего, создание новой литературной языковой модели стало возможным благодаря лингвистическим описаниям, появившимся в 30-е гг. В первую очередь, следует отметить [СПИРИДОНОВ 1930: 176; Соколов 1930: 63–64], где было предложено разделить все локальные варианты румейского языка на пять (суб)диалектных групп по степени их близости к НГР:²⁷

1. урзуф-ялтинский субдиалект (села Урзуф и Ялта — далее ЯСД);
2. большеянисольский субдиалект (села Большой Янисоль, Стыла и Константинополь — далее БСД);
3. новокаракубский субдиалект (села Большая (Старая) Каракуба, Новая Каракуба, Бугас — далее НкСД);
4. сартанский субдиалект (села Сартана, Чермалык и Македоновка — далее ССД);
5. малоянисольский субдиалект (села Малоянисоль, Новый Янисоль, Кирьяковка, Труженка и Чердакли — далее МСД).

В качестве отдельной группы можно выделить субдиалект с. Анадоль (далее АСД), характеризующийся понтийским компонентом.²⁸ Такое деление было принято всеми последующими исследователями румейского языка и существует до сих пор.

К сожалению, материалы экспедиций 1927–1934 гг. сейчас недоступны. Известно лишь, что они были конфискованы после ареста И. И. Соколова, поэтому о результатах экспедиций можно судить исключительно по [СПИРИДОНОВ 1930; Соколов 1930]. Пожалуй, наиболее удачным описанием румейского языка, относящимся к этому периоду, следует признать [СЕРГИЕВСКИЙ 1934]. Статья М. В. Сергиевского посвящена ССД и до сих пор не утратила своей актуальности. В ней, однако, встречаются отдельные досадные неточности; например, на с. 582–583 приведены формы перфекта:

(0.3) *ta ínnī atí ɣraména ta lója*²⁹

‘были там написаны слова’

²⁶ Показательным примером подобного языкового варьирования может служить патерик византийского монаха Иоанна Мосха «Луг Духовный» (нач. VII в.), где автор создает особую языковую модель, воспроизводящую речь образованных монахов того времени. При этом «Введение» к патерику написано практически на классическом древнегреческом языке; см., напр., [КИСИЛИЕР 2003: 12–13].

²⁷ В основание этого деления, в первую очередь, положены фонетические особенности субдиалектов; см. также Главу 7, с. 166. Однако это деление также поддерживается данными по именной и глагольной морфологии; см., напр., Главы 8, 10 (с. 193 и 223, соответственно).

²⁸ Этот субдиалект почти не охвачен в настоящем томе. Исключением является Глава 10, описывающая некоторые особенности глагольной морфологии АСД; см. особенно с. 345. М. В. Сергиевский вообще предлагает не включать АСД в число румейских субдиалектов [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 535 (сн. 5)].

²⁹ Здесь и в следующих примерах сохранена орфография М. В. Сергиевского.

и плюсквамперфекта (или **давнепрошедшего**, в терминологии М. В. Сергиевского):

(0.4) ὄο θάρνα πα **ímnī ŷraménus**

‘я думал, что **был записан**’

(0.5) πας tu taxtá **ítan ŷraména** paléja svótkis

‘на доске **были записаны** старые сводки’

Указанные примеры, как отмечает и сам М. В. Сергиевский, взяты из поэзии Г. Костоправа; они отражают не факты живого языка, а появились под влиянием НГР (ср. с примером (0.2), с. 12).

Послереволюционный период изучения румейского языка закончился внезапно и трагично. Он закончился репрессиями основных исследователей (И. И. Соколова) и местных поэтов (Г. Костоправа), а также запретом на развитие румейского языка и культуры.

0.2.3 Период 60-х–80-х гг.

До прихода к власти Н. С. Хрущева изучение румейского языка было под запретом. Новый этап полевых исследований в Приазовье связан с именами профессора Киевского университета А. А. Белецкого и его аспирантки, а позднее сотрудницы и жены Т. Н. Чернышевой.³⁰ Первая экспедиция в Приазовье состоялась уже в 1953–54 гг., почти сразу после смерти И. Сталина. Результатом экспедиционной работы, продолжавшейся до 1959 г., стала целая серия публикаций, которые были посвящены морфологии глагола [ЧЕРНЫШЕВА 1958] и фонологии ЯСД [ЧЕРНЫШЕВА 1960b], первичному описанию МСД [БЕЛЕЦКИЙ 1959], а также адаптации тюркизмов в румейском языке [БЕЛЕЦКИЙ 1964]. Помимо собственно лингвистического описания, А. А. Белецкий и Т. Н. Чернышева производили записи фольклорных текстов [ЧЕРНЫШЕВА 1960a].³¹ Деятельность этих выдающихся киевских ученых имела огромное культурное значение. Во-первых, был опубликован глоссарий Ф. А. Хартахая [ЧЕРНЫШЕВА 1959] и впервые после репрессий было сказано о существовании литературы на румейском в первые десятилетия советской власти [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 5]. Во-вторых, А. А. Белецкий разработал новый румейский алфавит на основе кириллицы [БЕЛЕЦКИЙ 1969; 1986] (см. рис. 0.2).

По сравнению с первым алфавитом (см. рис. 0.1, с. 11), увеличилось количество букв, причем стали активно использоваться диграфы. Так, в новом алфавите противопоставлены /g/ и /ǵ/ (gк и g, соответственно), /d/ и /ǰ/ (d и dǰ) и /t/ и /θ/ (t и tθ). Кроме того, здесь различаются гласные /i/ ↔ /ɪ/ и открытое и закрытое /e/, согласные /s/ ↔ /š/ ↔ /č/ и /z/ ↔ /ž/, а также появляется особая графема для /ts/. Создав этот алфавит, А. А. Белецкий, несомненно, достиг свою цель: румей вновь смогли читать по-румейски, и для этого теперь не надо было учить греческие буквы. Стоит, впрочем, отметить два момента, которые А. А. Белецкий, видимо, не успел доработать. Во-первых, это существование графем *и* и *ы*, хотя, как свидетельствует анализ фонологической системы румейского

³⁰ См. также Главу 1, с. 50.

³¹ К сожалению, большинство магнитофонных записей либо уничтожены, либо находятся в таком состоянии, что плохо поддаются оцифровке.

Рис. 0.2. Современный румейский алфавит.

<i>А а</i>	<i>Е е</i>	<i>К к</i>	<i>С с</i>	<i>Ч ч</i>
<i>Б б</i>	<i>Ж ж</i>	<i>Л л</i>	<i>Т т</i>	<i>Ш ш</i>
<i>В в</i>	<i>Дж дж</i>	<i>М м</i>	<i>Тѣ тѣ</i>	<i>Ы ы</i>
<i>Г г</i>	<i>З з</i>	<i>Н н</i>	<i>У у</i>	<i>Э э</i>
<i>Гк гк</i>	<i>Дз дз</i>	<i>О о</i>	<i>Ф ф</i>	<i>Ю ю</i>
<i>Д д</i>	<i>И и</i>	<i>П п</i>	<i>Х х</i>	<i>Я я</i>
<i>Дѣ дѣ</i>	<i>Й й</i>	<i>Р р</i>	<i>Ц ц</i>	

языка, проведенный в ходе последних экспедиций, организованных филологическим факультетом СПбГУ (см. ниже с. 17), /i/ и /ɪ/ находятся в дополнительной дистрибуции и, следовательно, являются не разными фонемами, а аллофонами одной фонемы.³² В связи с отсутствием литературной письменной традиции и, следовательно, орфографической нормы существование обеих графем приводит к тому, что одни и те же слова могут иметь разные варианты написания: *мунупáти* и *мунупáты*.³³ Во-вторых, нет четких правил словораздела, прежде всего, при записи местоименных энклитик,³⁴ когда последние часто ощущаются носителями как местоименные аффиксы и пишутся слитно со словоформой, от которой зависят. Эти моменты свидетельствуют, как мне кажется, о том, что форма записи, предложенная А. А. Белецким, не получила дальнейшего развития и должной оценки ни со стороны ученых-лингвистов, ни у румейских писателей и поэтов.

Появление кириллического алфавита, по-видимому, стало одним из важнейших факторов, повлиявших на возрождение румейской литературы. Однако, несмотря на новый общедоступный алфавит и сравнительно большое число поэтов, возрождение румейской литературы носило исключительно маргинальный характер, и румейская литература уже не поднялась на уровень 30-х гг. и не превратилась в массовое явление.³⁵

Видимо, не без влияния А. А. Белецкого и Т. Н. Чернышевой сами румеи стали опять заниматься изучением своего фольклора и языка. Прежде всего, следует упомянуть Э. В. Хаджинова,³⁶ собравшего около трех сотен песен и их вариантов в ходе работы над своей диссертацией «Песенный фольклор румеев Донбасса». Помимо богатейшего материала и ряда интересных параллелей с фольклором Греции, важным достоинством этой работы является и частичное описание урумских песен. К сожалению, Э. В. Хаджинов не успел до конца обработать собранный материал и завершить свое исследование, и сейчас можно лишь представить, каким оно мыслилась.

³² См. Главу 7, с. 172 и сл.

³³ Пример из вариантов песни о Яннисе и змее, представленных в незаконченной диссертации Э. Хаджинова. Помимо *и/ы*, подобная вариативность встречается и с *е/э*, а иногда даже с *г/гк* и *д/дѣ*.

³⁴ О местоименных клитиках см. Главу 12, с. 389 и сл.

³⁵ Причиной маргинального характера румейской литературы 60-х гг. и позднейшего времени является, с одной стороны, полное доминирование русского языка и культуры, а с другой, отсутствие тем и сюжетов, которые могли бы стать стимулом для ее развития, как это происходило в 30-е гг.

³⁶ См. Главу 1, с. 47.

В 1966 г. А. А. Диамантопуло-Рионис, учившийся в середине 1930-х гг. в Ленинграде у И. И. Соколова, начал работу над словарем румейского языка. Изначально предполагалось, что словарь будет состоять из трех частей: 1) румейско-русский словарь, 2) русско-румейский словарь и 3) грамматика румейского языка.³⁷ Хотя в итоге получились только части 1 и 2, это не снижает значимости проделанной работы. Словарь включал в себя 13 355 слов и охватывал (хотя и в разной степени) все субдиалектные группы румейского языка. К 1975 г. словарь был в целом готов, однако появился он только в 2006 г.³⁸ и из первого словаря румейского языка, стал последним,³⁹ хотя и самым полным. Словарь вышел очень маленьким тиражом (300 экз.) и фактически недоступен, поскольку сразу стал библиографической редкостью. Поэтому необходимо подготовить второе улучшенное издание, в которое следует добавить следующие аспекты: 1) описать общие принципы используемой кириллической орфографии; 2) в словарных статьях указать основные грамматические формы, например, мн. ч. для имен существительных или видовременные формы для глаголов; 3) привести контексты словоупотребления; 4) более равномерно представить варианты по субдиалектам; 5) проверить распределение форм по субдиалектам в румейско-русской части и в русско-румейской частях, которое на данный момент не всегда совпадает: например, в румейско-русской части вариант *nam* 'земля, почва' обозначен как общерумейский, а *námy* — как характерный для БСД, ССД и МСД, в то же время в русско-румейской части при переводе лексемы 'земля' *nam* отмечена как форма, не встречающаяся в МСД, а про вариант *námy* говорится, что он употребляется в ССД и МСД; однако при переводе лексемы 'почва' форма *nam* отнесена исключительно к ЯСД, а *námy* — к БСД и ССД [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 148, 313, 403]; 6) привести румейско-русскую и русско-румейскую части в большее соответствие друг другу: в имеющемся издании, например: *ay* в румейско-русской части переводится 'так' (с. 37), а в русско-румейской части лексема *так* вообще отсутствует; 7) привести в соответствие переводы в румейско-русской и русско-румейской частях: сейчас, например, в первой *nos* переводится 'как', а во второй — *nos* ставится в соответствие русск. *зачем* (с. 157, 312 соответственно).

Начиная с середины 1970-х гг., в селах Новая Каракуба и (частично) Малоянисоль проходят экспедиции под руководством Е. Ф. Журавлевой, благодаря которым появился ряд описаний фонетических особенностей румейского языка [Журавлева 1979; 1982].⁴⁰

0.2.4 Новейший период

Новейший период изучения румеев и их культуры принципиально отличается от всех предыдущих двумя факторами: 1) распался Советский Союз, и более чем на десятилетие для московских и петербургских исследователей румей стали чем-то далеким и чужим; 2) румеями стали активно интересоваться зарубежные, в первую очередь греческие, ученые. В значительной степени на это повлиял

³⁷ Подробнее см. [Кузьминков 2006: 3–5].

³⁸ См. также Главу 1, с. 53.

³⁹ См. [Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; об остальных словарях см. с. 17.

⁴⁰ См. также Главу 7, с. 163 и сл.

переезд в Грецию Е. Ф. Журавлевой, работы которой⁴¹ стали надолго основным источником сведений по румейскому языку для неоэллинистов Европы и США.⁴²

Несколько в стороне от остальных работ стоит, пожалуй, наиболее полное на данный момент описание румейского языка [SYMEONIDIS, TOMPAIDIS 1999]. В этой работе охвачены все грамматические уровни, включая лексику (дается небольшой словарик, с. 101–131), однако и она не лишена нескольких существенных, по моему мнению, недостатков. Во-первых, работа носит сугубо описательный характер: в ней фактически не предпринимается попытка проанализировать собранный материал и вывести какие-нибудь языковые закономерности. Во-вторых, в главах, посвященных морфологии, почти не учитываются особенности субдиалектов, которые иногда существенны.⁴³ В-третьих, Х. Симеонидис и Д. Томпаидис практически не описывают способы образования мн. ч., которые, кстати, различаются по субдиалектам.⁴⁴ Наконец, в работе не представлено ни одного примера диалектного текста. Несмотря на указанные недостатки, [SYMEONIDIS, TOMPAIDIS 1999] до сих пор остается одним из лучших описаний румейского языка.

Как уже упоминалось, после распада СССР российские ученые долгое время не обращались к теме румеев. Однако в 2001 г. состоялась первая экспедиция, организованная СПбГУ, в села Приазовья. Полевые исследования в рамках экспедиций продолжались до 2004 г.,⁴⁵ и их результаты представлены в настоящем томе. Уже в ходе подготовки этого издания в Мариуполе вышло новейшее исследование, посвященное, в основном, социолингвистической ситуации в румейских селах Приазовья и контактам румейского языка с НГР [HRISTOU 2007]. Автор этой книги несколько лет провела в Приазовье и собрала большой и очень интересный материал, в первую очередь — по селам Ялта и Малоянисоль, представленный в работе в виде диалогов с информантами (с. 184–295).

Отдельно стоит отметить деятельность местных энтузиастов. Она касалась разных аспектов местной культуры, но я считаю нужным остановиться только на нескольких моментах: в 1999 г. вышел «Русско-румейско-новогреческий словарь» [Кирьяков 1999], включивший 10 000 слов и ставший первым изданным словарем румейского языка; к 2003 г. был готов другой словарь румейского языка, составленный Г. А. Анимицей, базирующийся на лексике из МСД и ориентированный на литературные произведения, созданные на румейском;⁴⁶ наконец, в 2004 г. Г. А. Анимича подготовил грамматическое описание МСД [Анимича, Рукопись₂].

0.3 Место румейского языка среди диалектов НГР

Вопрос о месте румейского языка среди диалектов НГР поднялся почти сразу, как только румейский привлек внимание научной общественности. И тогда же были предложены две основные гипотезы, существующие и сегодня: 1) румей-

⁴¹ Отмечу основные: [ΡΑΡΡΟΥ-ZOURAVLIOVA 1995; 1998; 1999; 2001]

⁴² См., напр., [HENRICH 1999; JOSEPH 2003].

⁴³ См., напр., в этом томе Главы 8 и 10 (с. 193 и 223 соответственно).

⁴⁴ См. Главу 8, с. 201 и сл.

⁴⁵ Об этих экспедициях см. Главу 2, с. 65.

⁴⁶ К сожалению, этот словарь до сих пор не издан, однако он доступен онлайн [Анимича, INTERNET]

ский является понтийским диалектом и 2) румейский относится к северногреческим диалектам. Обе гипотезы первым высказал П. Кречмер в 1905 г.

0.3.1 «Понтийская» гипотеза

П. Кречмер заметил, что в румейском и понтийском сходным образом происходит палатализация [KRETSCHMER 1905: 18]:⁴⁷ 1) /h/ перед /e/ и /i/ переходит в /š/: РУМ šon = НГР χιόνι ‘снег’, РУМ šnar = НГР χηνάρι ‘гусь’, РУМ sintišénu = НГР (диалект.?) συντυγχάνω ‘беседовать’, РУМ mašér = НГР μαχάρι ‘нож’, РУМ č[i] en’ = НГР [ou]χ ένι ‘нет’;⁴⁸ 2) /k/ перед /e/ и /i/ переходит в /č/: РУМ ščilí = НГР σκυλί ‘собака’.

Х. Симеонидис и Д. Томпаидис посвящают целый, правда крохотный, раздел своей работы «понтийским» чертам в румейском [SYMEONIDIS, TOMPAIDIS 1999: 133–139], где указывают на общие глагольные окончания, отрицания, частицы, предлоги, лексику и целые выражения.

Можно также отметить, что и в понтийском, и в румейском местоименное дополнение, в основном, находится в постпозиции к управляющему глаголу:

(0.6) понт. έίπεν άτόν [KONTOSOROULOS 2001: 143, ср.: ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΙΣ 1958: 232–234]

(0.7) РУМ írin-tun⁴⁹
‘[он] (рас)сказал ему’

0.3.2 «Северногреческая» гипотеза

Предположение о принадлежности румейского языка северногреческим диалектам первым выдвинул, как было сказано выше, П. Кречмер [KRETSCHMER 1905: 18]. Эта гипотеза базируется на ряде общих черт, якобы объединяющих румейский язык и северногреческие диалекты (= СевГР), которые четко формулирует Н. Кондосопулос [KONTOSOROULOS 2001: 94]: 1) исчезновение безударного /i/: СевГР: πιγάδ’, РУМ: píγád’, ср. с НГР: πηγάδι ‘источник’; 2) сужение безударного /e/ в /i/: СевГР: πιδί, РУМ: píđits, ср. НГР: παιδί ‘ребенок’; аналогичным образом происходит сужение безударного /o/ в /u/: СевГР: κουρίτσ’, РУМ: kurtsíts, ср. НГР: χορίτσι ‘девочка’.

0.3.3 Недостатки «понтийской» и «северногреческой» гипотез

Обе описанные выше гипотезы вызывают сомнения, поскольку доводы, приводимые в их поддержку, кажутся недостаточно обоснованными.

Недостатки «понтийской» гипотезы:

1. палатализация /h/ и /k/ перед /e/ и /i/ характерна не только для понтийского диалекта, но и для других диалектов НГР, в частности для т. н. юго-восточных диалектов, например, кипрского, не являющегося понтийским диалектом;

⁴⁷ Примеры П. Кречмера цитируются в транскрипции, принятой в этом томе; см. с. 21.

⁴⁸ Букв. ‘не есть’.

⁴⁹ В потоке речи произносится с озвончением írin-dun. Подробнее о позиции местоименного дополнения в румейском языке см. Главу 12, с. 375, 388 и далее.

2. вопрос об общих глагольных окончаниях и лексике румейского и понтийского [SYMEONIDIS, TOMPAIDIS 1999: 133–139] требует более детального рассмотрения. На данном этапе можно предположить, что румейский имел тесные контакты с понтийским, что, наиболее ярко проявилось в современном состоянии АСД, который практически не описан. Относительно совпадения частиц отмечу лишь, что, например, энклитика -ра⁵⁰ встречается в целом ряде диалектов, например, на Крите;⁵¹
3. и в румейском, и в понтийском местоименные дополнения, особенно клитические формы, чаще всего следуют за управляющим глаголом, однако в румейском появление модальной частицы (= МЧ) перед глаголом приводит к препозиции местоименной клитики,⁵² чего не происходит в понтийском:

(0.8) РУМ **na sas** l'έϋι

'МЧ вам скажу'

(0.9) понт. ἀτὰ εἶχα **νᾶ** ἔλεγα **τον**

'это [я] должен был МЧ сказать ему' [ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ 1958: 236]

Это различие очень ярко свидетельствует о том, что в понтийском, в отличие от румейского, нет тенденции сохранять/формировать цепочки проклитик;

4. еще одним существенным отличием румейского от понтийского является наличие в первом местоименного повтора дополнения.⁵³

Доводы в пользу «северногреческой» гипотезы также не вполне убедительны, потому что исчезновение конечного безударного /i/ и сужение гласных /e/ и /o/ вообще характерно для многих диалектов НГР;⁵⁴ кроме того, в румейском возможны варианты с сохранением безударного -i.⁵⁵

0.3.4 Румейский язык — особая единица среди диалектов НГР

Еще М. В. Сергиевский, не соглашаясь с П. Кречмером по поводу принадлежности румейского языка к северногреческим диалектам, отметил, что данное утверждение несправедливо для всей совокупности румейских субдиалектов. Он предложил рассматривать румейский язык «как совершенно особую единицу среди известных (...) греческих говоров» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 585]. Позже М. В. Сергиевского поддержал А. А. Белецкий [БЕЛЕЦКИЙ 1969: 13]. Несомненно, в румейском языке присутствуют определенные черты, сближающие его с северногреческими диалектами, с одной стороны, и с понтийским — с другой.

⁵⁰ О частице -ра в румейском языке см. Главу 12, с. 385 и далее.

⁵¹ Благодарю Э. Якумаки сообщившую мне про употребление частицы -ра в критском диалекте.

⁵² Подробнее см. Главу 12, с. 388.

⁵³ См. Главу 13 (с. 393).

⁵⁴ См. также [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 585].

⁵⁵ См. Главу 7, с. 163 и далее.

Т. Н. Чернышева справедливо отмечает, что румеи не являются прямыми потомками обитателей древнегреческих колоний. Возможно, и были не подтвержденные документально волны миграции из Северной Греции в Крым, что могло происходить не ранее XIV в. При этом, как известно, в Крым активно приезжали греки из Малой Азии [Чернышева 1958: 39–42]. Можно вообще предположить, что в Крыму на каком-то этапе возник своеобразный языковой или — точнее — диалектный котел, в который попали понтийский, северногреческие, а вероятно, и другие диалекты НГР. Показательно, что, по словам Т. Н. Чернышевой, в ЯСД фраза «он говорит по-гречески» (т. е. по-румейски) передается как *λεῖ κριτικά*⁵⁶ [Чернышева 1958: 39].

Кажется, сам факт смешения разных диалектных черт заставляет признать румейский язык отдельной единицей в среди диалектных групп НГР. Тем не менее, я выскажу один контраргумент, который, правда, носит, скорее, методический характер. В существующей сейчас классификации диалектов НГР, только один диалект не входит ни в одну диалектную группу — это цаконский, наиболее архаический и необычный из диалектов НГР. Мало того, он очень плохо понятен для носителей других диалектов, типологически выделяясь из всей массы диалектов НГР. Румейский же представляет собой типичный диалект НГР. Он довольно легко понятен и, как мне кажется, стоит ближе к стандартному НГР, чем понтийский, критский или кипрский. Единственное основание для выделения румейского в отдельную диалектную группу заключается в том, что на данный момент неясно, к какой из существующих групп его следует отнести, а не в том, что он сильно отличается от прочих диалектов. Этот факт в очередной раз свидетельствует о необходимости разработки новой классификации диалектов НГР и определения принципов такой классификации. Несмотря на то, что едва ли стоит в ближайшее время ожидать появления такой классификации, я думаю, вопрос о месте румейского среди диалектов НГР следует оставить открытым и условно считать его диалектом со смешанными признаками.

0.4 Об этом томе

0.4.1 Особенности

Настоящая коллективная монография основана на результатах полевой работы, проводившейся сотрудниками, аспирантами и студентами филологического факультета СПбГУ в 2001–2004 гг. Изначально она замышлялась просто как сборник статей по разным грамматическим темам, однако по ходу подготовки она превратилась в комплексное описание, охватившее не только социолингвистические факторы и языковые особенности румейского языка, но также историю и культуру румеев Приазовья. Соответствующие разделы не могут в полной мере конкурировать по информативности, например, с [KARDASIS 1998] или [Иванова 2004], но их цель не в том, чтобы заменить эти работы. Они дают возможность читателю, не интересующемуся специально историей и культурой румеев, получить информацию, необходимую для понимания лингвистического раздела,

⁵⁶ Букв. '[он] говорит по-критски'. В примере сохранена орфография Т. Н. Чернышевой, лишь проставлены ударения.

не выходя за рамки этого тома. Пожалуй, это первое отличие данной коллективной монографии от большинства существующих описаний румейского языка. Стоит также отметить три особенности собственно языкового описания:

1. представлен анализ того, как люди разного возраста относятся к румейскому языку и насколько хорошо им владеют;
2. описание многих грамматических категорий основывается на сопоставительном анализе нескольких диалектов, причем, помимо материала пяти румейских субдиалектов, использовался АСД;
3. впервые выполнено описание категорий предложения, порядка слов и местоименного повтора дополнения.

Уже сейчас видны, по крайней мере, два недостатка нового описания: во-первых, полностью или частично остались неохваченными лексика, числительные и местоимения, кроме личных и притяжательных; во-вторых, по техническим причинам примеры даются без глоссирования. Это обычная практика для описания диалектов НГР, однако для современного лингвистического описания отсутствие лемм, несомненно, является существенным недостатком. В некотором отношении ситуацию исправляют необходимые грамматические комментарии (в сносках) и практически дословный перевод.

0.4.2 Оформление примеров и работа редактора

При подготовке этого тома, прежде всего, надо было решить вопрос о записи румейских примеров. Выбранный принцип записи примеров, в целом, типичен для европейских и американских работ по диалектам НГР. Он основывается на фонематической транскрипции, выполненной латиницей. Отмечу некоторые специальные обозначения согласных: δ — звонкий щелевой межзубный; θ — глухой щелевой межзубный; γ — звонкий фрикативный заднеязычный; ʃ — глухой щелевой переднеязычный апикальный; ʒ — звонкий щелевой переднеязычный апикальный; ç — глухая среднеязычная альвеолярная аффриката; ts — глухая среднеязычная дентальная аффриката. Поскольку в румейском /i/ и /ɪ/ находятся в дополнительной дистрибуции и, следовательно, представляют собой не разные фонемы, а аллофоны одной фонемы,⁵⁷ оба звука обозначаются графемой *i*.

Все неодносложные слова оформляются ударением; односложные слова пишутся без ударения, кроме нескольких исключений: 1) *mí*(*n*) ‘не’ (отрицание при императ. и неизъявит.) vs. *mí* ‘меня, мне’ (1 л. ед. ч., клитическая форма, вин. п.) 2) *mís* ‘мы’ vs. *mí* ‘в’; 3) *sí* ‘ты’ vs. *sí* ‘тебя, тебе’ (2 л. ед. ч., клитическая форма, вин. п.); 4) *tín* ‘они’ vs. *tin* (3 л. ед. ч., клитическая форма, вин. п.); 5) *sás* ‘вас, вам’ (ударная форма) vs. *sas* (клитическая форма); 6) местоимение *kó-* (часть притяжательного местоимения).⁵⁸ Для записи русских заимствований, не получивших румейских окончаний, используется кириллица. Энклитики (частицы, слабые формы местоимений и притяжательные местоимения) отделяются дефисом от связанной с ними ударной словоформы.

⁵⁷ См. Главу 7, с. 174 и сл.

⁵⁸ См. Главу 12, с. 378 (табл. 12.3).

Таблица 0.1. Слияние предлога с артиклем.

сочетание	расшифровка	сочетание	расшифровка	сочетание	расшифровка
asu	as/ax? tu	p(ʼ)isa	p(ʼ)is ta	su	[a]s tu
pasa	pas ta	p(ʼ)isu ⁽¹⁾	p(ʼ)is tu	sun	[a]s tun
pasu	pas tu	p(ʼ)isun	p(ʼ)is tun	usun	us tun
pasun	pas tun	sa	[a]s ta		

Примечание

- ⁽¹⁾ Отличать от наречия p(ʼ)isu ‘назад, обратно’.

Одним из важнейших принципов оформления примеров является принцип унификации, заложенный в идее фонематической транскрипции, т. е. при записи примеров не учитываются ассимиляция и диссимиляция, возникшие под влиянием фонетического окружения. Так, хотя информант произносит *liyan-du*, пример будет записан, как *liyan-tu*, а вариант произнесения указывается в сноске с пометой **прим. ред.**

В румейском языке некоторые предлоги сливаются с артиклем. Полученные сочетания не оформляются ударением, хотя они часто состоят из более, чем одного слога. Их перечень приводится в табл. 0.1.

Все приводимые в этом томе примеры выверялись по словарям [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006],⁵⁹ и все несоответствия указывались в сносках. Также отмечались случаи отсутствия слов в словарях. Эта информация, возможно, не столь актуальна для этой коллективной монографии, но она может оказаться полезной при подготовке новых словарей или переиздании уже существующих. Примеры из словарей приводились в кириллической орфографии А. А. Белецкого с ударениями.

Редактор тома считал себя в праве давать в сносках свои комментарии с пометой **прим. ред.** Это свидетельствует не о разногласиях между авторами коллективной монографии, а о сложности и неоднозначности обсуждаемых проблем. Ответственность за окончательный текст глав лежит исключительно на редакторе.

⁵⁹ Правда, первый словарь использовался в более полном виде, чем он представлен онлайн.

—Список сокращений и условных обозначений

Общие сокращения

- авт. — автор(ы)
 агглют. — агглютинативное (устройство парадигмы)
 акт. — актив(ный)
 аор. — аорист
 асимметр. — асимметричная (система)
 Баб. — бабушка информанта
 безличн. — безлично/безличный
Бел — пример из [БЕЛЕЦКИЙ 1959]
 буд. вр. — будущее время
 вар. — вариант
 вин. п. — винительный падеж
 ГГ — глагольная группа
 глаг. — глагол
 гласн. — гласный (тип)
 ГЧ — главная часть условной конструкции
 дат. п. — дательный падеж
 диалект. — диалектная форма
 ед. ч. — единственное число
 ж. р. — женский род
 жен. — женщина
 ЗЧ — зависимая часть условной конструкции
 ИГ — именная группа
 именит. п. — именительный падеж
 императ. — императив
 имперф. — имперфект(ивная форма)
 Инф. — информант
 кауз. — каузативный
 кл. — класс
 косв. п. — косвенный падеж
 ласк. — форма с уменьшительно-ласкательным суффиксом
 личн. — личная форма
 личн. мест. — личное местоимение
 м. р. — мужской род
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии Наук (Кунсткамера)
 мн. ч. — множественное число
 муж. — мужчина
 МФА — Международный Фонетический Алфавит
 МЧ — модальная частица
 наст. вр. — настоящее время
 нач. — начало
 неизъявит. — глагол не в изъявительном наклонении
 неодуш. — неодушевленное/неодушевленность
 неопр. арт. — неопределенный артикль
 непрош. вр. — непрошедшее время
 обл. — область
 одуш. — одушевленное/одушевленность
 осн. — основной
 опр. арт. — определенный артикль
 особ. — особенно
 откл. — отклонения
П — пример относится к песенной традиции
 пар. — парадигма
 пасс. — пассив(ный)
 пгт. — поселок городского типа
 перен. — переносное значение
 перф. — перфективная форма
 пос. — поселок
 предл. п. — предложный падеж
 прилаг. — имя прилагательное
 прош. вр. — прошедшее время
 прям. п. — прямой падеж
 распр. — распространенный
 распред. — распределение (моделей образования имперф.)
 род. — родился/родилась
 род. п. — родительный падеж
 с. — село
Сг — пример М. В. Сергиевского [СЕРГИЕВСКИЙ 1934]
 симметр. — симметричная (система)
 скл. — склонение
 сл. — следующий (-ие)
 сл.-обр. — словообразовательная (основа)
 Соб. — собиратель
 совр. — современный
 согласн. — согласный (тип)
 СПП — сложноподчиненное предложение
 ср. — сравни
 ср. р. — средний род
 суппл. — супплетивная форма
 суфф. — суффикс
 сущ. — имя существительное
 табл. — таблица
 творит. п. — творительный падеж
 тыс. — тысяча
 УК — условная конструкция

унифиц. — унифицированный (тип)	CL — клитическая форма
ФГОУ — Федерация Греческих Обществ Украины	NC — носовой согласный
Xш — пример из [Хорош 1998]	O — дополнение
цит. — цитируется	O _d — прямое дополнение
Ч — пример из [Чернышева 1958]	O _i — косвенное дополнение
чел. — человек	Pl. t. — Pluralia tantum
экз. — экземпляр	S — подлежащее
Adv — обстоятельство	STR — ударная форма
Art — артикль	V — глагол
Aux — связочные элементы	V — гласный
C — согласный	V _{fin} — финитная часть глагольного сказуемого
C ⁱ — мягкий согласный	vs. — versus

Обозначения языков и (суб)диалектов

англ. — английский	понт. — понтийский диалект НГР
АСД — румейский субдиалект с. Анадоль	РУМ — румейский язык
БгСД — румейский субдиалект с. Бугас (входит в НкСД)	русск. — русский язык
БСД — большеянисольский субдиалект	СевГР — северногреческие диалекты
БЯС — Балканский языковой союз	ССД — сартанский субдиалект
ДГР — древнегреческий язык	тат. — татарский язык
др.-тюрк. — древнетюркский язык	тур. — турецкий язык
и.-е. — индоевропейский язык	урум. — урумский язык
караим. — караимский язык	УСД — румейский субдиалект с. Урзуф (входит в ЯСД)
кр.-тат. — крымско-татарский язык	франц. — французский язык
МСД — малоянисольский субдиалект	ЧСД — румейский субдиалект с. Чердакли (входит в МСД)
МкСД — румейский субдиалект с. Македонька (входит в ССД)	ЯСД — урзуф-ялтинский субдиалект
НГР — новогреческий язык	ЯлСД — румейский субдиалект с. Ялта (входит в ЯСД)
НкСД — новокаракубский субдиалект	

Условные обозначения

[] элемент добавляется автором главы или редактором для лучшего понимания ¹	* незафиксированный вариант
{ } плеонастический элемент	— (слово)форма не зафиксирована
< > употребление варьируется у разных информантов	∅ нулевой элемент
<...> пример или цитата приводится выборочно ²	/ знак синтаксического членения
	#...# цепочка клитик

¹ В последнем случае ссылка на автора главы отсутствует.

² Отличать от обычного многоточия (...), обозначающего паузу в речи информанта.

Глава 1

– История урумеев:

хронология основных событий (1771–2003)*

Немногим более двух веков назад в приазовские степи были практически не заселены. Первыми сюда пришли *урумеи*,¹ они освоили степь и проложили первые дороги. В 1778 г. они переселились из Крыма в Россию, в течение одного года (1779–1780) основали в Приазовье 19 сел и г. Мариуполь. С самого начала в Мариуполе было 1 506 лиц только мужского пола, тогда как в Ростове, Таганроге и Азове вместе взятых проживало всего менее 2 000 душ.

История урумеев неотделима от истории Греции, России, Крыма, Украины и Турции. В Крыму, на побережье более двух с половиной тысяч лет тому назад греки начали основывать колонии. С тех пор было несколько волн эмиграции греков в Россию; они происходили по разным причинам и обладали разной интенсивностью. Переселение урумеев из Крыма в Россию, прежде всего, связано с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. Активное участие в организации и проведении переселения принимали кн. Г. А. Потемкин (ок. 1739–1791), гр. П. А. Румянцев (1725–1796) и гр. А. В. Суворов (1730–1800). За переселением внимательно следила императрица Екатерина II (1729–1796).

Инициатором переселения урумеев из Крыма, непосредственным руководителем и организатором этого крупного события в истории крымских христиан был митрополит Игнатий. Митрополит Игнатий был не просто основателем Мариуполя и поселений вокруг города. Под его непосредственным руководством выбирались места для поселений, строительства церквей и основных общественных сооружений не только в городе, но и в каждом селе.

Митрополит Игнатий (в миру **Иаков**) родился в 1713 г.² на греческом острове Фермия (совр. Кифиос, Киклады), недалеко от Аттики. Он происходил из старинного рода Гозадинов,³ превратившегося в России в Гозадиновых/Хазадиновых. Вероятно, Иаков, по обычаю того времени, обучался в венецианской греческой коллегии, а служение проходил при константинопольском патриархе. Не исключено, что в детстве его отвезли на Афонскую гору и оставили там у дальнего родственника-инока для воспитания [Гарбуз, Хаджинов 2001].

1771 г.

23 апреля: архиепископ Игнатий, назначенный митрополитом Готфийско-Кефайской епархии⁴ прибыл из Константинополя в Крым. Сначала он приехал

* Авторы главы благодарят греческие общества сел Чердакли-Кременёвка и Касьяновка.

¹ **Прим. ред.:** термин ‘урумеи’ Г. А. Анимца предлагает использовать для общего названия грекоязычных *румеев* и татароязычных *урумов*.

² Другие года приводятся в [Гозадинова 1915; ХАРТАХАЙ 1861: 321–322]. Эти датировки, видимо, следует считать неверными.

³ См. воспоминания внучатого племянника митрополита Игнатия [Гозадинова 1915].

⁴ Назначение Игнатия происходит в 1769 г. после смерти занимавшего этот пост Гедеона.

в Георгиевский монастырь, оттуда в г. Бахчисарай, где в Мариамполе с 27 апреля 1771 г. была его кафедра.

29 сентября: Игнатий через командующего русским корпусом в Крыму В. М. Долгорукова (1722–1782) обратился с письмом к Екатерине II и к Синоду с просьбой принять христиан Крыма в подданство России.

8 декабря: архиепископ Игнатий повторно обращается к Екатерине II с той же просьбой.⁵

1774 г.

Окончена русско-турецкая война. В болгарской деревушке Кючук-Кайнарджа подписан мирный договор. К России перешли Керчь и крепости Еникале и Кинбурн. Крымское ханство получило независимость от Турции. Во главе Крымского ханства встал 56-ой по счету хан Шагин-Гирей (ок. 1755 — ок. 1787). Получив престол благодаря России, он верно служил русскому двору, что постоянно вызывало недовольство среди крымских татар. Возмущение часто перерастало в восстания против хана, которые Россия быстро умирляла.

1778 г.

23 апреля: в первый день Пасхи Игнатий объявил в Бахчисарайском Успенском ските о предстоящем переселении в Россию.

27 апреля: генерал-поручик А. В. Суворов, командовавший корпусом на Кубани, переведен в Бахчисарай на должность командующего крымским корпусом.

16 июля: крымские христиане приняли «Постановление» с просьбой переселить их между Днестром и его притоками — Самарой и Орелью.

28 июля: начало переселения. Из Бахчисарая выехала первая группа крымских христиан: 70 греков (33 муж. и 37 жен.) и 9 грузин. Депутаты христианских обществ направились в Азовскую губернию для осмотра мест предполагаемого заселения.

В августе составлен проект «Жалованной грамоты» Екатерины II крымским христианам.

18 сентября: завершён вывод крымских христиан в Россию (31 386 чел., в т. ч. 18 390 урумеев). Из крымских сел Бай-Су, Чердаклы и Каракуба выведено было 107 (51 муж. и 56 жен.), 154 (75 муж. и 79 жен.) и 244 (131 муж. и 113 жен.) урумея, соответственно.

⁵ Л. Н. Кузьминков считает, что в этом обращении уже явно выражена идея переселения в пределы России [Кузьминков 1997]. С подобной точкой зрения не согласен С. А. Калоеров [КАЛОЕРОВ 1998: 20]. Эти обращения архиепископа Игнатия обнаружил выпускник Мариупольской мужской гимназии, проф. Киевского и Московского университетов Г. И. Челпанов (1862–1936). Они опубликованы в виде приложений («Прошение митрополита Игнатия Святейшему Синоду от 29 октября 1771 г.» и «Прошение митрополита Игнатия к Екатерине Великой от 8 декабря 1771 г.») в [Тимошевский 1892: 39–44].

29 сентября: последняя из 58 партий вышедших из Крыма христиан прибыла в Александровскую крепость (сейчас г. Запорожье), всего 30 690 чел. (взрослых: муж. 11 833, жен. 11 012, всего 22 845; несовершеннолетних: муж. 4 043, жен. 3 802, всего: 7 845 чел.).⁶

1779 г.

В апреле часть урумеев оказалась на территории будущего Мариупольского уезда, где они и осели навсегда, основав первые 7 урумеевских сел в Приазовье:⁷ Камара, Салгир Янисала (иначе Большой Янисоль), Керменчик,⁸ Богатырь, Константинополь, Чембрек, Улаклы. С. Чембрек через полтора года перестало существовать.

21 мая: Екатерина II подписала «Жалованную грамоту».

23 июня: Игнатия вызывают в Петербург, чтобы окончательно решить вопрос о выделении территории в будущем Мариупольском уезде.

3 июля: Игнатий с депутатами из переселенцев отправляется в Петербург.

В июле митрополит Игнатий в Петербурге получил у Г. А. Потемкина разрешение занять походную Свято-Николаевскую церковь, построенную еще во времена Запорожской Сечи, на территории будущего г. Мариуполя, под одну из церквей урумеев.

2 октября: Г. А. Потемкин подписывает карту Мариупольского уезда, а Екатерина II ее утверждает.

В ноябре митрополиту Игнатию в Петербурге вручена «Жалованная грамота».

1780 г.

К 1780 г. из Крыма переселились христиане из 174 селений (31 098 чел., в т. ч. урумеев 18 407); ок. 300 тыс. татар выехало в Турцию. В Крыму осталось около 60 тыс. мужского пола. В 1778 г. из Крыма в Россию переселились 18 395 урумеев, а на **17 декабря** 1780 г. в г. Мариуполе и 19 урумеевских селах было 13 740 жителей. Потери на пути из Крыма в Приазовье составили 4 655 чел. [Кузьминков 1997]. С. А. Калоеров считает, что данные Л. Н. Кузьминкова ошибочны, и предлагает следующие: из Крыма вывели 16 788 греков, волохов и грузин; в 1780 г. в Приазовье было 14 035 переселенцев, т. е. потери в пути составили 2 753 чел. [КАЛОЕРОВ 1998: 18–19, 34–35].

⁶ Здесь и далее приводятся по возможности наиболее полные сведения по истории с. Чердакли Володарского р-на Донецкой обл. (с 1945 г. — Кременёвка). Подробнее о переселении см. [ДЖУХА 1993; ХАСХАЧИХ 2001 (2004); АНИМИЦА, Рукопись₁].

⁷ Теперь это села Великоновоселковского р-на. Современные названия большинства урумеевских сел приводятся в Приложении 1.1. (с. 404).

⁸ После основания с. Новый Керменчик в 1786 г. село переименовано в Старый Керменчик.

В мае-июне Урумеи в Приазовье основали еще 14 сел: Бешев, Каракуба,⁹ Стыла, Ласпи, Карань,¹⁰ Чермалык, Георгиевка, Сартана, Старый Крым, Мангуш, Ялта, Урзуф, Чердакли, Малая Янисала (иначе Малоянисоль).

3 июня: дата основания с. Чердакли переселенцами из крымских сел Бай-Су, Чердаклы и Малая Каракуба. Село основали 160 чел.; построили 40 домов [Кирьяков 1993а: 70 (п. 17)].¹¹

Летом урумейские села пережили засуху и нашествие саранчи.

В июле в урумейских селах Приазовья построены первые малые церкви.¹²

11 июля: выходцы из крымских городов в ответ на свою просьбу получили разрешение поселиться в устье Кальмиуса и основать г. Мариуполь.

27 июля: Игнатий отбирает Свято-Николаевскую церковь, отстранив протопопа Романа Кошевского, отказавшегося освободить церковь.

8 августа: день основания г. Мариуполя. Каждый житель получил по жребию номер дворового места согласно составленной карте города.

29 августа: жители Мариуполя впервые в своем городе отметили праздник Успения пресвятой Богородицы.

11 декабря: церковные принадлежности Свято-Николаевской церкви были переданы в г. Павлоград.

В г. Мариуполе построены Харлампиевская соборная церковь, Успенская церковь, Рождества Богородицы (Рождество-Богородничья) церковь, церковь Федора Стратилата; в с. Стыла построена церковь Кирьякии; в с. Урзуф построена церковь Архангела Михаила.

1781 г.

В конце 1781 г. все урумеи покинули с. Чембрек и поселились в с. Малая Янисала.

1782 г.

В с. Бешево построена церковь Георгия Победоносца.

1783 г.

Русские войска заняли Крым.

В с. Игнатьевка построена церковь Петра и Павла.

⁹ В связи с основанием с. Малая Каракуба и Новая Каракуба в 1786 г. село получило название Большая Каракуба.

¹⁰ В 1881 г. переименовано в Старую Карань в связи с основанием с. Новая Карань.

¹¹ Чердакли — русское название села (ср. р., не склоняется); по-румейски село называется *Чердахлѹ*; урумское название — *Чердаклы*. Жители села называются по-румейски *чардахлѹт* (м. р. *чардахлѹтус*, ж. р. *чардахлѹтса*), а субдиалект села — *чардахлѹтку*.

¹² В с. Чердакли, например, открылась малая Константино-Еленинская церковь.

1784 г.

В с. Мангуш построена церковь Федора Стратилата.

Уполномоченные (по два чел. от г. Мариуполя и от каждого села) на окружном съезде выбрали штат греческого суда сроком на три года в составе председателя, четырех заместителей и секретаря.

8 апреля: манифестом Екатерины II Крым присоединен к России.

1785 г.

В с. Сартана построена Георгиевская церковь; в с. Улаклы построена Успенская церковь; в с. Ялта построена церковь Иоанна Златоуста. **Весной** основано с. Митрополитское — родовое селение митрополита Игнатия.

Сгорела церковь в с. Чердакли.

1786 г.

В с. Большая Каракуба построена церковь Дмитрия Солунского; в с. Старый Крым построена Свято-Успенская церковь.

16 февраля: в возрасте более 70 лет умер митрополит Игнатий [КАЛОЕРОВ 1997: п. 235].

Летом выходцы из с. (Большая) Каракуба основали с. Гончариха (с 1797 г. Новая Каракуба, сейчас Красная Поляна), а выходцы из с. Керменчик — с. Хаджиновка (Новый Керменчик, сейчас Новомлиновка).

1787 г.

В с. Чердакли на месте церкви, сгоревшей двумя годами ранее, построена новая Константино-Еленинская церковь.

1789 г.

В апреле Азовская и Новороссийская губернии объединены в Екатеринославскую [ХАСХАЧИХ 2004: 25].

1790 г.

В Мариуполе открыта Городская дума (городской глава Попов и 6 гласных).

1791 г.

В г. Мариуполе построена церковь Марии Магдалины.

1792 г.

В с. Большая Янисоль построена Георгиевская церковь.

1794 г.

В с. Богатырь построена Преображенская церковь; в с. Ласпи построена церковь Георгия Победоносца.

2 сентября: основан г. Одесса.

С 1794 г. урумеи могли получать права и привилегии, предусмотренные для русских дворян.

1795 г.

В с. Карань построена церковь Св. Троицы; в с. Улаклы построена церковь.

1797 г.

Греческий пехотный полк из Керчи переведен в Балаклаву и стал именоваться Балаклавским греческим батальоном, а греки, служащие в батальоне, — балаклавскими. Батальон расформирован ок. 1857 г.

С. Гончариха переименовано в Новую Каракубу.

1798 г.

В с. Камара построена Марининская церковь.

1802 г.

Выходцы из с. Большая Каракуба основали с. Бугас.

1807 г.

Г. Мариуполь и урумейские села выделены в отдельный греческий округ, подчиненный Таганрогскому градоначальству.

1812 г.

В с. Стыла построена церковь; в с. Чердакли построены мосты: Первый мост через р. Полковая, Второй мост через р. Кальчик (нумерация мостов ведется от центра села к Мариуполю); в с. Игнатъевка построена церковь.

1820 г.

В с. Константинополь построена церковь.

1823 г.

К 1823 г. в Мариупольском уезде образовано 17 немецких колоний.

Основано с. Боевое.

1824 г.

В с. Сартана построена церковь.

1825 г.

Н. И. Гнедич (1784–1833) издает книгу «Простонародные песни нынешних греков», [Гнедич 1825].¹³ В ней собраны песни трех видов: *семейственные* — для годовых празднеств, свадеб, пиров, похорон; *исторические*, в т. ч. особенно т. н. *клефтические*; *мечтательные* (романтические) [Гнедич 1956: 208].

Архимандрит Никифор основал в с. Сартана духовное училище с шестилетним сроком обучения на греческом и русском языках.

1826 г.

Греки из Анатолии (Малая Азия) основали в Приазовье румейское село Анадоль.

1830 г.

В Приазовье эпидемия холеры.

1831 г.

С. Боевое переименовано в Покровское.

Задунайские казаки атамана Гладкого основали хутор Гладкий (сейчас Володарское).

1836 г.

17–25 марта: родился Ф. А. Хартахай.

Феоктист Авраамович Хартахай (1836–1880) — первый румейский историк, публицист и просветитель, на собственные средства организовал в г. Мариуполе первые мужскую и женскую гимназии, первым директором которых он и стал. Известность Ф. А. Хартахая принесла его речь, произнесенная на похоронах Т. Г. Шевченко (1814–1861), и сочинение «Христианство в Крыму» [ХАРТАХАЙ 1864].¹⁴ Другим важным трудом Ф. А. Хартахая является рукопись «Язык умирающего греческого наречия» [ХАРТАХАЙ 1859], ставшая первым словарем румейского языка.¹⁵

¹³ Книга переиздана в [Гнедич 1956: 207–240]; текст также доступен в Интернете: <http://www.rvb.ru/19vek/gnedich/toc.htm> и http://az.lib.ru/g/gnedich_n_i/text_0140.shtml

¹⁴ Сочинение переиздано в [ХАРТАХАЙ 2003]; текст сочинения доступен в интернете: http://tavrika.by.ru/books/hartah_hrk/html/text.htm; см. также [ЧЕРНЫШЕВА 1959].

¹⁵ Отдельные части словаря представлены в Приложении 3.1. (с. 412).

1837 г.

Основан г. Бердянск. Появление нового города приводит к резкому снижению торгового оборота в Мариуполе.

1844 г.

В с. Чермалык построена церковь.

1845 г.

В г. Мариуполе построена Харлампиевская церковь.

1847 г.

В Приазовье, как и в 1830 г., эпидемия холеры.

В г. Мариуполе построена Всехсвятская церковь.

В г. Мариуполе первое театральное представление заезжей профессиональной труппы.

1848 г.

С апреля по сентябрь в Приазовье сильная засуха.

1850 г.

В с. Сартана родился Демьян Бгадица.

Демьян Бгадица (иначе **Богадица**) — румейский поэт, автор многочисленных песен. Наиболее известным произведением Д. Бгадицы является переложение на румейский язык критской мистерии XVII в. «Жертвоприношение Авраама».¹⁶

1853 г.

В середине июня началась Крымская война.

22 сентября: в с. Сартана родился Леонтий Хонагбей.

Леонтий Афанасьевич Хонагбей (иначе **Хонахбей**) — поэт, автор восьми песен «О Марии и Левоне» (1870–1877 гг.), стихов-песен «Сообщения из Таганрогского окружного суда» (1903 г.), «Когда в душе огонь горит» (1903 г.), «Про самого себя», «Бог проклятие послал», «Хоровая шуточная песня». Эпизоды из жизни молодого Леонтия Хонагбея позднее описал в одноименной поэме Г. Костоправ (см. с. 37). Архив Леонтия Хонагбея обнаружил в 1926 г. Кассандра Костан (А. К. Гаргала; см. с. 37) [ПАПУШ 2000: 134].

¹⁶ По-румейски известна как «Гнзфа, Авраам» 'Проснись, Авраам'. Услышать песню можно на сайте <http://www.mak-mak.com/gendb/index.asp?page=rus/folk.htm> в исполнении румейского ансамбля из с. Малоянисоль «Пирнзшу астру» 'Утренняя звезда' (поет С. И. Чавдар) или певицы Тамары Кацы («И ми гнифас лигос тйпо»).

1855 г.

Хутор Гладкий переименован в с. Никольское.

1856 г.

30 марта: окончание Крымской войны (Парижский мир).

1857 г.

Греки-волонтеры русской армии после окончания Крымской войны поселились в с. Митрополитское, которое стало называться Волонтеровка.

1859 г.

В с. Мангуш построена церковь.

Мариупольский округ вновь включен в состав Екатеринославской губернии.

1863 г.

В с. Ялта построена церковь.

1867 г.

В связи с большим притоком украинцев и русских в Приазовье, с середины 60-х гг. закрываются греческие школы; преподавание ведется на русском языке.

1868 г.

В с. (Старая) Карань построена церковь.

1869 г.

Упразднен греческий суд.

1870 г.

В с. Чердакли открыта начально-приходская школа, первыми учителями в селе были супруги Мария Федоровна и Леонтий Александрович. В четырех классах школы обучалось до тридцати детей.

1871 г.

В с. Комар построена церковь.

1872 г.

Богослужение стало вестись на церковно-славянском языке.

1874 г.

Отменены привилегии урумеям. В Мариуполе открыто уездное военное присутствие. **С 15 марта** урумеев начинают призывать в армию.

В Приазовье началось плановое медицинское обслуживание. В г. Мариуполе открыта городская земская больница на 50 мест; ок. 17 мест выделялось жителям сел Приазовья.

Профессор Одесского университета В.И. Григорович (1815–1876) написал книгу, где, в частности, описал свою поездку на реки Калку и Кальмиус [Григорович 1874]. В этой книге опубликован отрывок из песни о переселении урумеев из Крыма в 1778 г.

1875–1876 гг.

Благодаря Ф.А. Хартахаю в Мариуполе открылись первые мужская и женская гимназии.

1876 г.

В с. Урзуф построена церковь.

1877 г.

В с. Большая Каракуба построена церковь.

Первым призывником в армию из с. Чердакли стал Дмитрий Сидорович Маштан.

1878 г.

В г. Мариуполе Василий Леонтьевич Шаповалов (Кечеджи) создал профессиональную актерскую труппу и открыл стационарный театр.

1880 г.

В с. Анадоль построена церковь.

25 марта: умер Ф. А. Хартахай.

1881 г.

Выходцы из с. (Старая) Карань основали с. Новая Карань.

1882 г.

В с. Старый Крым построена церковь.

1883 г.

Основаны с. Византия, с. Македоновка и станция Кизилташ.

1884 г.

Волохи¹⁷ вышли из с. Георгиевка (сейчас Игнатъевка) и основали с. Ново-Игнатъевка.

1885 г.

Издан «Географо-статистический словарь Российской империи» П. П. Семенова-Тянь-Шаньского [СЕМЕНОВ 1885]; там на с. 642 рассказывается про с. Чермалык [КАЛОЕРОВ 1997: 83 (п. 451)].

1886 г.

В с. Старый Керменчик построена церковь.

В урумейских селах все еще сеют исключительно просо и ячмень.¹⁸

В с. Чермалык работают два кирпичных производства, две кузни, три ветряка, пять магазинов. В г. Мариуполе строится порт.

На 1886 г. в с. Чердакли население составляет 1 515 чел. (из них грамотных — 159): 785 муж. (139 грамотных), 730 жен. (20 грамотных); 272 дома, земли — 10 084 десятины, скота: 988 волов, 359 лошадей, 100 жеребят, 497 коров, 1 202 головы молодняка крупного рогатого скота, 3 412 овец, 155 свиней, 221 коза.¹⁹

1887 г.

В с. Чердакли построили земскую школу.

1888 г.

В г. Мариуполе построена Успенская церковь.

1890 г.

В селах Большая Янисоль и Бешево построены церкви.

В первом номере журнала «Живая старина» Ф. А. Браун описывает урумские деревни [БРАУН 1890].

1892 г.

Проведена и начала функционировать железная дорога *Еленовка — Мариуполь*.

Вышла коллективная монография «Мариуполь и его окрестности» [ТИМОШЕВСКИЙ 1892].

¹⁷ Крымские христиане, выходцы из Румынии.

¹⁸ Яровую пшеницу стали сеять позже [ХАСХАЧИХ 2001 (2004): 29].

¹⁹ В конце XIX в. в урумейских селах земледелие все больше преобладает над животноводством, становясь основным средством существования крестьян. Появляются ручные веялки.

1894 г.

В с. Старая Карань построена церковь. В г. Мариуполе строятся трубопрокатный и металлургический заводы.

1895 г.

В селах Малоянисоль (иначе Малый Янисоль) и Старый Керменчик построены церкви.

1896 г.

В с. Большая Каракуба построена церковь.

1897 г.

Выходцы из с. Богатырь основали с. Новый Богатырь.

В г. Мариуполе построено новое здание Марии-Магдалинская церкви.

28 января: проводится первая Всеобщая перепись населения Российской империи.

1899 г.

Выходцы из с. Малоянисоль основали с. Новоянисоль [Николайко 1994; Чапни 2000].

27 мая: в с. Чердакли родился **Константин Федорович Челпан**, первый Главный конструктор двигателя танка Т34.

Начало XX в.

Урумеи стали сеять пшеницу, овес, потом гречиху, кукурузу, позже — озимую пшеницу, подсолнечник и начали применять заводские плуги.²⁰

1901 г.

В Мариуполе построена Петропавловская церковь.

В с. Чердакли на средства прихожан (1 343 муж., 1 213 жен.) построена каменная однопрестольная церковь; священник — Алексей Иванович Кашкадамов.

В с. Чердакли — 335 дворов. В селе начали работать две земские школы и одна *школа грамоты*.²¹

10 дворов переселились из с. Чердакли и основали с. Касьян (сейчас Касьяновка).

²⁰ В плуг запрягаются 2–4 вола или 6 лошадей.

²¹ Школа, где учили писать, читать и считать.

1903 г.

В с. Чердакли построена *двухклассная школа* (двухлетняя *школа грамоты*).

9 ноября: в с. Малоянисоль родился Г. А. Кирьякулов, известный как Георгий Костоправ.

Георгий (Юрий) Антонович Костоправ (1903–1938) — выдающийся румейский поэт и основоположник румейской литературы, автор множества стихотворений на румейском языке и поэм «Леонтий Хонагбей»²² («*Леонтий Хонакпéйс*», Мариуполь, 1934) и «*Ламбóс*» (написана в 1931–1932 гг.). Г. Костоправ переводил на румейский язык стихотворения А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, Д. Бедного, В. Маяковского, М. Горького. Основные сборники стихов: «*Та прóта вíмата*»²³ 'Первые шаги' (Мариуполь, 1933), «*Калимéра, зísимо!*» 'Здравствуй, жизнь' (Мариуполь, 1937), а также посмертные издания: «Здравствуй, жизнь!» (Донецк, 1963, 1989); подробнее см. [Волошко 1963; Мазур 2003].

1904 г.

В с. Богатырь построена церковь.

В некоторых селах Приазовья, в частности в с. Малоянисоль и русско-украинском селе Темрюк (сейчас Старченково), начали действовать сезонные ясли-приюты.

1905 г.

Официально зарегистрировано с. Касьяновка, основанное переселенцами из с. Чердакли.

Некоторые урумеи оказываются в центре революционных событий.²⁴

1906 г.

Умер поэт Демьян Бгадица [Папуш 2000: 22].

1907 г.

20 мая: в с. Македоновка родилась Александра Константиновна Гаргала, известная как Кассандра Костан.

Кассандра Костан (1907–1939) впервые стала исследовать румейский фольклор. Она организовала четыре экспедиции в приазовские села (в 1925, 1926, 1928, 1931 гг.), обнаружила рукописи поэта Леонтия Хонагбея, работала над составлением словаря субдиалекта с. Сартана, но закончить его

²² Поэма посвящена знаменитому румейскому поэту Леонтию Хонагбею. Она написана под несомненным влиянием Сергея Есенина.

²³ Названия сборников приводятся в авторской орфографии. Об особенностях орфографии см. «Предисловие», с. 15 и сл.

²⁴ Напр., уроженец с. Стыла И. К. Васильев принял участие в восстании на броненосце «Потемкин». Он был арестован и казнен [ИГСУ 1976: 794].

не успела. Ее архив исчез в г. Ленинграде во время блокады. Кассандра Костан известна как автор публикации в журнале «Східний світ» №34 (г. Харьков), и монографии «З літератури мариупольських греків» [КОСТАН 1932].²⁵

1910 г.

В Приазовье создана сеть сельских больниц с радиусом обслуживания 12 верст.

Выходит 14 том многотомного труда В. П. Семенова-Тянь-Шаньского «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» [СЕМЕНОВ 1910]. Глава V отдела II называется «Мариупольские греки» (с. 212–227); на с. 842 приводятся сведения о селах, станциях железной дороги *Еленовка — Мариуполь*, предприятиях Мариуполя и сел; численность населения указывается примерно.

В с. Чермалык начинают сеять озимую пшеницу и подсолнух [ХАСХАЧИХ 2001 (2004): 31].

1911 г.

Создано греческое общество «Общество мариупольских греков — потомков выходцев из Крыма».

29 января: в с. Сартана родился Антон Шапурма.

Антон Амвросьевич Шапурма (1911–1987) — румейский поэт и переводчик, член Союза Писателей СССР; входил в литературную группу Г. Костоправа; до 1937 г. публикует стихи по-румейски (на сартанском субдиалекте). В годы «хрущевской оттепели» А. А. Шапурма одним из первых начинает вновь писать по-румейски и распространяет свои стихи в виде рукописных сборников. Основная библиография: «Кобзарь» (рукописный сборник переводов стихотворений Т. Г. Шевченко, 1964), «Малая антология украинской поэзии» (1966), «Тост» (сборник стихов и сказок в переводе на русский язык, 1972), «Сорок небылиц» (стихотворная сказка, 1977), «Край мой приазовский» (1981), «Морской десант» (1985). А. А. Шапурма стал автором одной из первых книг, выпущенных по-румейски после гибели Георгия Костоправа [ШАПУРМАС 1986].²⁶

1912 г.

В с. Чердакли население составляет 2 392 чел.: 1 245 муж., 1 147 жен.; в селе — 420 домов. Количество скота: 958 волов, 785 лошадей, 161 жеребенок, 711 коров, 1 074 головы молодняка крупного рогатого скота, 9 479 овец, 326 свиней. В селе две школы и три кирпичных и черепичных завода. Один фельдшер.

²⁵ О Кассандре Костан см. также [ПАПУШ 2000: 46–47].

²⁶ Об А. А. Шапурме см. также [ПАПУШ 2000: 147–148].

1914 г.

В с. Чердакли сельская община построила школу (1–4 классы), директор школы — Матвей Алексеевич Целовальник; учителя: Антонина Михайловна Спасская, Феофания Юрьевна Жигиль и Екатерина Алексеевна и Елена Алексеевна Кашкадамовы — дочери священника А. И. Кашкадамова.

1917 г.

В феврале Константин Нестерович Хабузов принес с. Чердакли весть о свержении царя.

7 мая: в г. Тбилиси создано греческое общество «Краевой союз греческих граждан Закавказья».

29 июня — 10 июля: в г. Таганроге сорок делегатов создали греческое общество «Всероссийский союз эллинов».

В сентябре школа с. Чердакли стала семилетней; преподавание на русском языке велось до 1929 г.

2 декабря: в г. Мариуполе создан «Мариупольский союз греческого народа».

1918 г.

В августе умер поэт Леонтий Хонагбей; предположительно, он был отравлен врачом.

1919 г.

В с. Чердакли организован партизанский отряд под командованием Григория Стельяновича Спруцко; парторг отряда — Григорий Михайлович Майшмаз.

Г. С. Спруцко после Гражданской войны работал председателем колхоза в родном селе Чердакли, был руководителем на разных производствах, в 1937–1939 гг. был директором Керченского рыбзавода, в 1939 г. репрессирован. Реабилитирован в 1956 г. [Хасхачих 2001].

Активными борцами за советскую власть в с. Чердакли были Антон Михайлович Яйленко, Константин Феофанович Яйленко, Афанасий Феофанович Яйленко, Алексей Лазаревич Сараф, погибшие от рук сторонников партии кадетов, а также Константин Григорьевич Яйленко и Василий Михайлович Яцко.

В с. Сартана Петр Иванович Богадица организовал партизанский отряд, который потом влился в третью роту батальона Апатова.

В середине января в с. Малоянисоль прибыл карательный отряд во главе с офицером Шевченко, состоявший из 32 казаков, для принудительной мобилизации мужчин 1896–97 гг. р. по приказу генерала А. Г. Шкуро (1887–1947). Казаки разместились в школе, а Шевченко — на квартире попа Кириякова. Мужчины, подлежащие мобилизации, сбежали. Казаки захватили ок. 20 заложников и заперли их в здании волостного управления. Узнав об этом,

ротный командир партизан с. Чердакли Г. С. Спруцко с отрядом численностью около пятидесяти человек направился освобождать заложников. Ночью с 18 на 19 января партизаны напали на карательный отряд Шевченко, и на следующую ночь казаки степью ушли в г. Мариуполь. В с. Малоянисоль был сформирован батальон Захара Николаевича Цололо, уроженца Ново-Янисоля. Этот батальон слился с 9-м Украинским Заднепровским полком под командованием Владимира Феофановича Тохтамышы, который освободил Буденовку (сейчас Новоазовск) и Моспино и укрепился на р. Кальмиус. З. Н. Цололо вскоре погиб в бою.

8 мая: в с. Сартана родился Л. Н. Кирьяков.

Леонтий Нестерович Кирьяков — румейский поэт, член Союза Писателей СССР и Украины, лауреат литературной премии имени М. Рыльского. Первые стихи Л. Н. Кирьякова появились в 1937 г. в газете «*Колхтивістис*» 'Колхозник' и журнале «*Пионер*». Основная библиография: «Завжди в дорозі» (в переводе на украинский язык, 1976), «Травнева пісня» (1979), «Память» (1981), «Слава тебя найдет» (1985), «Слово о полку Игореве» (перевод на румейский язык, 1987), «Амфора» (1988), «Конь мой золотокрылый» (1989), «*An ató maréя ас та трія ялус*» 'С той стороны за тремя морями' (1993), «*Та баладъыча*» 'Малышам' (1996). Л. Н. Кирьяков известен как основатель и составитель литературного альманаха «*Пирнэшу астру*» 'Утренняя звезда',²⁷ собиратель румейских песен и сказок и составитель русско-румейско-новогреческого словаря [Кирьяков 1999].

1920 г.

Советская власть делает первые шаги в селах Приазовья и в г. Мариуполе.

1921 г.

В Приазовье голод.

1922 г.

Окончание Гражданской войны.

В с. Чердакли организована первая партийная большевистская ячейка.

Образована Старокараньская волость Мариупольского округа Донецкой обл. (губернии).

1923 г.

В январе-феврале проходит сплошная подворная перепись Донецкой губернии.

В 1923 г. началась реализация нэпа в Приазовье и, в частности, в с. Чердакли.

²⁷ Всего с 1988 по 2002 гг. вышло пять номеров.

1924 г.

Подворная перепись.

В с. Чердакли первые комсомольцы села Юрий Юрьевич Добра, М. И. Яйленко и Г. Д. Яйленко организуют комсомольскую ячейку; секретарь — Григорий Григорьевич Яйленко.

В с. Чердакли организован первый СОЗ «Красный пахарь».

С. Никольское переименовано в Володарское.

1925 г.

Первая экспедиция Кассандры Костан из Харькова в Приазовье по сбору фольклорного материала в румейских селах и в г. Мариуполь.

В селах Приазовья организуются ТОЗы, СОЗы и коммуны.

1926 г.

В с. Чердакли в обществе СОЗ «Красный пахарь» появился первый трактор «Фордзон», на нем работает тракторист Л. Н. Хартахай.

В урумейских селах работают три сельхозтехникума (167 студентов), двадцать сельских библиотек и четыре избы-читальни.

Кассандра Костан вместе с мужем А. П. Ковалевским провела вторую экспедицию в Приазовье по сбору фольклора. Во время этой экспедиции исследовательнице удалось записать песню «Про вдову» у известной исполнительницы Фросы Зурнаджи.²⁸

Андрей Петрович Ковалевский (20.01.[1.02.] 1895, Москва — 29.11.1969, Харьков) — украинский советский историк и этнограф, доктор исторических наук (с 1952 г.), профессор (с 1953 г.), заслуженный деятель науки УССР (с 1965 г.). Закончив Лазаревский институт восточных языков в Москве и харьковский университет, с 1922 г., А. П. Ковалевский работает в научно-исследовательских учреждениях г. Харькова, а с 1934 г. — в Институте востоковедения АН СССР в г. Ленинграде. 8–9 октября 1938 г. А. П. Ковалевский арестован и отправлен в пермские лагеря. Позже, вернувшись в Ленинград, не смог найти могилу жены Кассандры Костан. А. П. Ковалевский — автор статьи «Підземні сховища зерна у мариупольських греків» [КОВАЛЕВСКИЙ 1928] и редактор издания «Антологія літератур сходу» [КОВАЛЕВСКИЙ 1961].

В мае Мариупольский окрисполком принял решение о переходе школьного преподавания с кафаревусы на димотику.

13 июля: коллегия Народного Комитета образования УССР решила организовать в 1926–1927 гг. греческое отделение в Мариупольском педтехникуме

²⁸ Текст издан в [КОСТАН 1932: 29], варианты доступны в [Кирьяков 1989; 1991; 1994: 53–54; PAPPON-ZOURAVLIOVA 1995: 245–246]; о Фросе Зурнаджи и ее песнях см. также [АГАФОНОВА 2004: 35, 58, 62–63].

и постепенно перевести преподавание в педтехникуме с русского языка на димотику, а в Бердянский педтехникум принимать не только урумеев, но и лица других национальностей. В Мариупольском греческом педтехникуме училось 270 студентов; первым директором стал Илья Ильич Коноп (1902–1938 гг.).

17 декабря: началась всесоюзная перепись населения.

1927 г.

В ряде урумейских сел Приазовья школьникам начинают преподавать новогреческий (димотику) или татарский язык. Считалось, что это родные языки для румеев и урумов, соответственно.

8–11 января: первое Всеукраинское совещание в г. Харькове по работе среди национальных меньшинств.

15 апреля: выходцы из с. Чердакли основали с. Афины (одна улица, 80 дворов).
К концу 1927 г. в с. Касьяновка — 25 дворов.

1928 г.

Во многих урумейских селах появились первые трактора.

В школах многих урумейских сел введено преподавание димотики и татарского языка.

Третья экспедиция Кассандры Костан с мужем А. П. Ковалевским в Приазовье по сбору фольклора. По результатам экспедиций 1925–1928 гг. публикация в журнале «Східний світ» № 34 (г. Харьков).

22 мая: выходит постановление Малого Президиума ВУЦИК о создании национальных греческих р-нов Мангушского и Сартанского Мариупольского округа. Кроме них, существовал Большеянисольский греческий р-н Сталинского округа. В этих трех греческих р-нах было тридцать греческих сельских советов.

Сельские советы Мариупольского округа (Мангушского и Сартанского греческих р-нов):

1. Анадольский	8. Новокаракубский	15. Старокерменчикский
2. Бугасский	9. Новокаранский	16. Старокрымский
3. Келлеровский	10. Новокерменчикский	17. Урзуфский
4. Ласпинский	11. Новоянисольский	18. Чердаклинский
5. Македоновский	12. Сартанский	19. Чермалыкский
6. Малоянисольский	13. Староигнатьевский	20. Ялтинский
7. Мангушский	14. Старокаранский	

Сельские советы Сталинского округа (Больше-Янисольского греческого р-на):

21. Богатырский	24. Комарский	28. Старобешевский
22. Большекаракубский	25. Константинопольский	29. Стыльский
23. Большеянисольский	26. Новобешевский	30. Улакльцкий.
	27. Новобогатырский	

1929 г.

17 мая: выходит постановление ЦКНМ при ВУЦИК о переводе тюркско-татарских и греко-татарских меньшинств на латинский алфавит.

В 1929 г. преподавание в школе с. Чердакли ведется на димотике (по 1937 г.); преподает димотику учитель Каписакалис.

В с. Чердакли организован первый колхоз «Красный партизан».

В с. Чермалык работают два черепичных и четыре кирпичных завода.

Осенью 1929 г. в Приазовье начинается раскулачивание. Амбары кулаков перевозятся на колхозные дворы.

1930 г.

В Мариуполе создан греческий театр.

Проф. И. И. Соколов опубликовал статью «О языке греков Мариупольского и Сталинского округов» [Соколов 1930].

С. Афины через три года после основания лишилось своего имени и стало отделением совхоза «Мариупольский».²⁹

В с. Чердакли работают восемь мельниц, общество по производству кирпича («Чердаклинское Общество» или «ЧО»).

Двенадцать зажиточных чердаклинцев раскулачены, в т. ч. отец К. Ф. Челпана, который был сослан с семьей на пять лет в Архангельскую обл.

В с. Чердакли распалось общество СОЗ, по решению схода крестьян организованы три колхоза: «Новая жизнь» (позднее переименован в колхоз им. 8 марта), «Красный партизан», «Труд».

28 августа: при мариупольской газете «Наша правда» начало выходить приложение «Греческая страница», через два месяца ставшее отдельной газетой «*Колехтивістис*».

27 октября: вышел первый номер газеты «*Колехтивістис*». Эту дату предложено считать днем рождения румейской литературы. Для крупных сел редакция газеты «*Колехтивістис*» издавала передвижные газеты: для Сартавы — «Боевой колхозник», для Ялты — «Большевицские темпы», для Македонки — «За третий большевицкий засев», на страницах которой появился раздел для пионеров и школьников.

²⁹ Позднее переименовано в совхоз «Заря».

1931 г.

Состоялась четвертая экспедиция Кассандры Костан с мужем А. П. Ковалевским в Приазовье по сбору фольклора.

В Харькове вышла книга С. Яли «Греки в УССР» [Яли 1931], художник Ф. Яли (208 с.); на с. 205–208 приводится первая основательная библиография, посвященная урумьям.

27 октября: в № 53 (65) газеты «*Колехтивістис*» напечатаны отрывки из пьесы Г. Костоправа «Вперед, вперед. . .»; пьеса, видимо, была написана в 1930 г. к открытию греческого театра.

С 27. 10. 1930 г. по 17. 12. 1937 г. (№№ 1–972 газеты «*Колехтивістис*») газету редактировали: художник Ф. Яли и Иван Сарбей, Григорий Кудокотцев (1905–1938 гг.) в 1936 и 1937 г., Левон Лев в 1937 г., ответственными секретарями газеты «*Колехтивістис*» были: Г. Левентов в 1930–1932 гг., Федор Самаркидис в 1932 г. и Г. Костоправ в 1932–1937 гг.

Выпущено номеров по годам: 1930 г. — 12, 1931 г. — 66, 1932 г. — 67, 1933 г. — 100, 1934 г. — 114, 1935 г. — 139, 1936 г. — 162, 1937 г. (по 17 декабря) — 172 (итого — 832 номера).

7 ноября: газета «*Колехтивістис*» печатает поэму Г. Костоправа «*Ламбос*».

С 1931 г. на основе раздела передвижной газеты для с. Македоновка «За третий большевистский засев», печатавший материалы для пионеров и школьников, появился детский греческий журнал «*Нéос махитіс*» «Юный боец» (иначе «Молодой ударник»).

Выпущено номеров «*Нéос махитіс*» (с 1933 г. журнал выходит под названием «*Пионéрос*») по годам: 1931 г. — 5, 1932 г. — 12, 1933 г. — 3 номера (итого — 20 номеров); номеров журнала «*Пионéрос*»: 1933 г. — 9, 1934 г. — 12, 1935 г. — 12, 1936 г. — 12, 1937 г. — 11 (итого — 56 номеров).

1932 г.

В Мариуполе создана литературная группа урумейских поэтов «Забой». В нее вошли: Г. Костоправ, А. Димитриу, В. Галла, М. Тышлек, С. Коссе, А. Шапурма, Г. Левентов (Левентис).

Опубликована книга Кассандры Костан «З літератури маріупольських греків» [Костан 1932].

В с. Чердакли тракторист Мина Стельянович Яли добивается невиданных результатов на пахоте, занимает первое место в районе и получает премию.

3 июня: выходит постановление ВЦИК об образовании в УССР Донецкой области. Мангушский и Сартанский греческие р-ны реформированы и присоединены к Мариупольскому горсовету.

1933 г.

Вышла первая книга Г. Костоправа «*Та прóта вімата*».

Выходит журнал «*Флогоминитрес спитъёс*» 'Искры, предвещающие пламя' (с № 3 журнал называется «*Небѣтита*» 'Молодость').

Выпуски журнала «*Небѣтита*» по годам: 1933 г. — № 1, 1934 г. — № 2, 1935 г. — №№ 3, 4, 1936 г. — № 5.

В селах Большой Янисоль и Старая Карань работают техникумы.

Массово организуются МТС по обслуживанию созданных колхозов и совхозов.

Паша Ангелина организовала первую в СССР женскую тракторную бригаду в Старобешевской МТС.

Прасковья Никитична (Паша) Ангелина (1913–1959) — известный общественный деятель, организатор и бригадир первой женской бригады в СССР, дважды герой социалистического труда (1947 и 1958 гг.), лауреат Сталинской премии (1948 г.), депутат Верховного Совета СССР I–V созывов.

1934 г.

Опубликована работа профессора М. В. Сергиевского «Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934].³⁰

Г. Костоправ закончил свою поэму «Леонтий Хонагбей».

Поэма начата 12 июля 1934 г., окончена 24 ноября 1934 г.; «*Афиёроси*» 'Посвящение' написано 14 ноября 1934 г.; 13 января 1935 г. выпущен контрольный экземпляр книги, 18 января 1935 г. книга издана; 21 апреля 1935 г. Г. Костоправ выслал книгу своей будущей жене Ольге Евгеньевне Маслаковой.

Г. Костоправ становится членом Союза Писателей СССР.

1935 г.

28 февраля: Г. Костоправ, В. Галла, А. Димитриу выступили по донецкому радио с чтением своих стихов.

В 1935 г. кузнец колхоза им. 8 марта (с. Чердакли) Н. Ю. Спруцко со своим помощником П. П. Ботманом первыми в р-не закончили ремонт техники к весенне-полевым работам.

К. Ф. Челпан постановлением ЦИК СССР № 980 награжден орденом Ленина «за создание мощных современных конструкций машин».³¹ **В конце декабря** 1935 г. К. Ф. Челпан в последний раз встретился со своим отцом.

1936 г.

5 сентября: ансамбль Сартанской МТС на театральном фестивале в Москве исполнил танец «Татарочка», занял первое место среди вокально-танцевальных коллективов.

³⁰ См. также [КАЛОЕРОВ 1997: 125 (п. 844)].

³¹ Имеется в виду создание двигателей для бронетехники, в частности, для танка Т34.

30 сентября: ансамбль Сартанской МТС направлен в Киев на Всеукраинскую олимпиаду.

1937 г.

Вышли произведения А. С. Пушкина в переводе на румейский язык [Пушкин 1937] (182 с.). Составитель и редактор — Г. Костоправ.

Содержание:

- с. 5: Μνμείο μι χερόφτιαστο στον εαφτό-μι ιπρόνο . . . ³² 'Памятник', пер. А. Рионис.
- с. 9: Χαλαδί μιραφίρος 'Каменный гость', пер. Д. Теленчи.
- с. 61: Παραμίθι για τον ψαρά και για το ψαρίτς 'Сказка о рыбаке и рыбке', пер. Г. Костоправа.
- с. 70: Παραμίθι για τον παπά κε για τον γιαλτζί-ту Μπαλτά 'Сказка о попе и работнике его Балде', пер. В. Галла.
- с. 81: Χοριό 'Деревня', пер. А. Димитриу.
- с. 84: Στι Σιβιρία 'В Сибирь', пер. А. Рионис.
- с. 86: Αρίονας 'Арион', пер. А. Димитриу.
- с. 87: Τ'Αντζάρ 'Анчар', пер. А. Димитриу.
- с. 89: Ο Κάφκαςος 'Кавказ', пер. А. Димитриу.
- с. 91: Ο δεζμότις 'Узник', пер. А. Димитриу.
- с. 92: Το ζίνεφο 'Туча', пер. П. Саравас.
- с. 93: Τ'άλογο 'Конь', пер. А. Димитриу.
- с. 95: Ι αθινχάνι , пер. А. Карвонид.
- с. 97: Ο Δον 'Дон', пер. К. Карвониди.
- с. 99: Τυς έχο ζίσι πια τυς πόθυς. . . 'Я пережил свои желанья. . .', пер. А. Рионис.
- с. 100: Το αδόνι 'Соловей', пер. Г. Костоправ.
- с. 102: Πάλι βρέθα 'γο. . . ' . . . вновь я посетил', пер. Г. Костоправ.
- с. 105: Τσινχάν 'Цыгане', пер. К. Пастур.
- с. 141: Επιθεοριτίς τυ σταθμού 'Станционный смотритель', пер. В. Галла.
- с. 166: Ταμπύτας 'Гробовщик', пер. В. Галла.

16 февраля: Г. Костоправ представил книгу переводов А. С. Пушкина на пленуме Союза Писателей Украины в Киеве.

22 февраля: Г. Костоправ принял участие в Пушкинском пленуме Союза Писателей СССР в Москве.

Издана третья книга Г. Костоправа «*Καλιμέρα, ζίσιμο!*».³³

³² Об алфавите румеев см. «Предисловие», с. 11.

³³ Л. Н. Кирьяков считает, что книга «*Καλιμέρα, ζίσιμο!*» увидела свет уже после смерти Г. Костоправа [Балджи 1997]; согласно Э. В. Хаджинову, после 22–27 февраля 1937 г. вышли из печати сборник «*Καλιμέρα, ζίσιμο!*» и альманах «*Небтита*» № 5, закончена «Сказка о Волке и Лисице», написаны стихи «Родня», «Теплый дождь» [Хаджинов 2003].

17 марта: родился румейский поэт Василий Ильич Бахтаров.

13 апреля: завершается вторая олимпиада рабоче-колхозных театров Донбасса. Мариупольский греческий театр дал концерт и показал спектакль «Каменный гость».

5 июня: в с. Ялта родился Э. В. Хаджинов.

Эдуард Валентинович Хаджинов (1937–1979) — собиратель и знаток урумейского фольклора (им записаны более тысячи вариантов песен), автор ряда статей. Собранный материал Э. В. Хаджинов начал систематизировать в рамках своей кандидатской диссертации «Песенный фольклор румеев Донбасса», которую не успел закончить. Огромную научную ценность представляет приложение к диссертации — тексты почти 300 стихов и песен и более тридцати румейских частушек (*удрамайдъа*) [Папуш 2000: 119–120].

12 июня: Г. Костоправ пишет стихотворение «Родня».

В июне Г. Костоправ завершает «Сказку о Волке и Лисице», начатую в ноябре 1934 г.

14 августа: Л. Н. Кирьяков начинает работать вместе с Г. Костоправом [Балджи 1997]. Сотрудничество продолжается до 17 декабря.

13 ноября: мариупольский горпартком рассмотрел вопрос «О состоянии газеты „Колехтивістис“ и греческого издательства». В результате Г. И. Кудоковцев освобожден от должности редактора газеты «Колехтивістис», исключен из рядов ВКП(б), а спустя несколько дней арестован.

24 ноября: газета «Колехтивістис» сообщила, что издательство Донбасса готовит к выпуску поэтический сборник В. Галлы со стихами за 1932–1937 гг. Сборник так и не был издан.

В декабре в Харькове арестован К. Ф. Челпан, а в Мариуполе арестован его отец. Через 3 дня после ареста отец К. Ф. Челпана был расстрелян.

24 декабря: арестован Г. Костоправ.

В 1937 г. в Мариуполе и в селах Приазовья проходят массовые репрессии; уничтожена большая часть урумейской интеллигенции. Репрессировались как противники советской власти, так и активисты. Из известных впоследствии урумеев выжили единицы: Кассандра Костан, А. А. Шапурма, Л. Н. Кирьяков, философ Ф. И. Хасхачих, поэты К. Пастур, П. Саравас, С. Коссе, Г. Левентис, Д. Пенез.

Начиная с 1937 г. по 1939 г. сельсовет с. Чердакли получал переходящее Красное знамя за перевыполнение госпоставок колхозами села.

1938 г.

28 января: исполком Сталинского областного Совета депутатов трудящихся принимает постановление «О ликвидации греческого рабоче-крестьянского театра».

14 февраля: расстрелян Г. Костоправ.

10 марта: расстрелян К. Ф. Челпан.

15 августа: принято постановление «О реорганизации школ нацменьшинств». В школах введено преподавание на русском и украинском языках; мариупольский педтехникум реорганизован в педтехникум учителей начальных классов.

23 сентября: расстрелян Г. И. Кудокотцев.

По Советскому Союзу к расстрелу приговорены 3 175 греков, в ГУЛАГе на 5–10 лет заключено 109 греков, в т. ч. по Сталинской области к расстрелу — 345 греков, в лагерях — 49 греков, в т. ч. в Сартане репрессировано более 50 человек [ПАПУШ 2002: 117].³⁴

1939 г.

19 июля: в г. Ленинграде от рака умерла Кассандра Костан. Место захоронения неизвестно.

1940 г.

В декабре образован Мариупольский р-н Сталинской обл.; в этот р-н входило, например, с. Чермалык.

1941 г.

В сентябре немцы оккупировали Приазовье.

9 октября: прекратились школьные занятия в с. Чердакли.

1943 г.

11 сентября: было освобождено с. Чердакли, «высота 139» — участок фронта у с. Чердакли, где при освобождении села погибло 22 воина Красной Армии. Всего на фронтах Великой Отечественной войны погибли 170 чердаклинцев.

12 сентября: в с. Чердакли возобновила работу школа, сожженная в 1941 г.

К середине октября Приазовье освобождено от немецко-фашистских захватчиков.

1945 г.

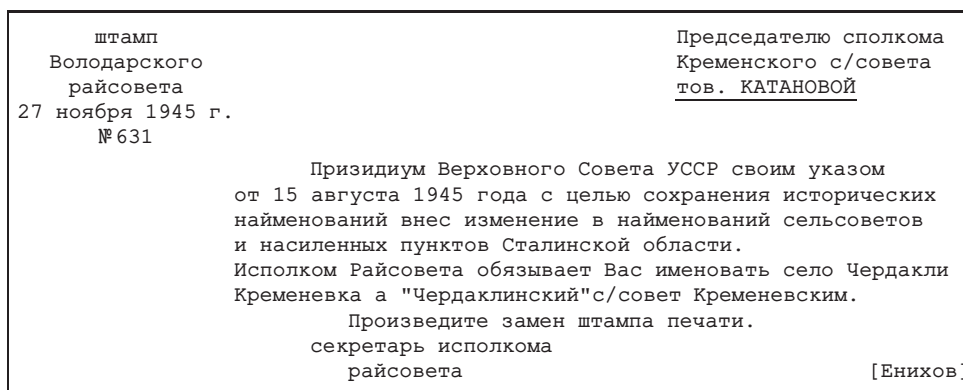
15 августа: вышел указ Президиума Верховного Совета УССР «Об изменении наименований сельсоветов и населенных пунктов Сталинской области». Постановлением Сталинского облисполкома Мариупольский р-н разукрупнен,

³⁴ На с. 118–119 приводятся фамилии 30 репрессированных, на которых уже поступили документы о реабилитации. Количественные данные, приводимые И. А. Папушем, явно не отражают истинные масштабы репрессий.

образован Приморский р-н, пос. Сартана переименован в Приморский, Чердаклинский сельсовет исключен из состава Володарского р-на и включен в числе других сельсоветов (Келлеровский, Чермалыкский, Македоновский, Кальчинский, Бердянский, Виноградский, Старо-Крымский, Сартанский) в Приморский р-н.

27 ноября: с. Чердакли переименовано в Кременёвку.

Рис. 1.1. Указание о переименовании с. Чердакли.³⁵

1946 г.

Переименованы села: с. Большой Янисоль — в Большую Новоселку, с. Большая Каракуба — в Раздольное, пос. Мангуш — в Першотравнове (иначе Первомайское), пос. Сартана — в Приморское, с. Старая Карань — в Гранитное, с. Урзуф — в Приморское, с. Чермалык — в Зажиточное.³⁶

1947 г.

С. Старый Керменчик переименовано в Старомлиновку; станция Кизилташ стала называться Андреевкой.

1948 г.

С. Новая Каракуба стало называться Красная Поляна; с. Бугас получило название Максимовка.

22 октября: постановление Совета министров СССР № 3956 «Об увековечении памяти А. А. Жданова». В результате г. Мариуполь переименован в г. Жданов.

³⁵ Документ скопирован, сохранен стиль и внешний вид оригинала.

³⁶ См. также Приложение 1.1. (с. 404).

1950 г.

В связи со строительством на р. Кальчик плотины и с планируемым подъемом уровня воды большое количество домов в с. Кременёвка было разобрано и перевезено для поселения в с. Касьяновка.

С 1950 г. в течение более чем десяти лет происходят частые реорганизации (соединения, разделения) колхозов, бесконечная смена председателей; работа в колхозах проходит за «палочки» (трудодни) или за мизерную плату.

1952 г.

Школа в с. Кременёвка стала средней; в 1952–1961 гг. было восемь выпусков десятого класса.

1953 г.

Колхозы с. Кременёвка объединены в колхоз им. Маленкова, позже переименованный в колхоз «Дружба».

В 1953–1954 гг. А. А. Белецкий и его жена Т. Н. Чернышева провели первые экспедиции в греческие села Приазовья: Ялта, Урзуф, Кременёвка (Чердакли), *Харáхла* (Малоянисоль).

Андрей Александрович Белецкий (1911–1995) — проф. Киевского государственного университета, выдающийся украинский филолог-классик и неозэллинист, инициатор первых послевоенных экспедиций к грекам Приазовья. А. А. Белецкий разработал новый алфавит на основе кириллицы,³⁷ используемый в современной румейской литературе, и написал предисловие к одному из первых стихотворных сборников, записанных с помощью этого алфавита [БЕЛЕЦКИЙ 1986]. Экспедиции в Приазовье А. А. Белецкий проводил совместно со своей аспиранткой и женой **Т. Н. Чернышевой**. В ходе экспедиционной работы был собран обширный материал, в т. ч. аудиозаписи, по языку и фольклору румеев. К сожалению, этот материал до сих пор не издан и лишь частично представлен в следующих публикациях: [БЕЛЕЦКИЙ 1959; 1964; 1969; ЧЕРНЫШЕВА 1958; 1959; 1960а; 1960b; 1964].

1954 г.

Комбайнерами-передовиками послевоенных лет стали чердаклинцы В. К. Будур и Н. В. Ролинский.

Состоялся первый выпуск Кременёвской средней школы.

10 августа указом Президиума Верховного Совета УССР Малоянисольский и Куйбышевский сельсоветы объединены в один Куйбышевский сельсовет, а с. Малоянисоль переименовано в Куйбышево.³⁸

³⁷ Подробнее см. «Предисловие», с. 15 и сл.

³⁸ «... село Мало-Янісоль надалі іменувати Куйбешеве».

1957 г.

20 декабря: решением исполкома облсовета пос. Ворошиловка Жовтневого сельсовета Приморского р-на переименован в пос. Смелое.

1958 г.

Издана книга Т. Н. Чернышевой «Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района Сталинской области. Исторический очерк и морфология глагола» [Чернышева 1958].

21 апреля: решением исполкома облсовета с. Ворошиловка Октябрьского сельсовета Приморского р-на (пос. Смелое) повторно переименовано в с. Ключевое.

1959 г.

21 января: указом Президиума Верховного Совета УССР Приморский р-н ликвидирован, а его территория поделена между окружающими р-нами и г. Жданов.

22 января: решением Сталинского облисполкома Жовтневый, Кальчинский и Кременёвский сельсоветы переданы Володарскому р-ну.

13 августа: решением Сталинского облисполкома с. Касьяновка Кременёвского сельсовета включено в состав Жовтнева сельсовета.

1960 г.

8 января: решением Сталинского облисполкома Новоянисольский и Володарский сельсоветы объединены в один Володарский сельсовет; Кременёвский и Жовтневый сельсоветы также объединены в один сельсовет — Касьяновский, с центром в с. Касьяновка.

1961 г.

В Харькове издана «Антологія літератур сходу» под редакцией, со вступительным словом и комментариями проф. А. П. Ковалевского [Ковалевский 1961]. После двадцатичетырехлетнего перерыва антология вновь открыла читателю Г. Костопрва, народного самородка Леонтия Хонагбея, творчество известной исследовательницы местного фольклора и переводчицы с румейского языка на украинский Кассандры Костан.

Закончена электрификация учреждений и домов в с. Кременёвка (Чердакли). Школа в с. Кременёвка стала общеобразовательной трудовой политехнической с производственным обучением.

1962 г.

В альманахе «Донбасс» за **январь-февраль** 1962 г. вышел очерк Е. М. Волошко о Г. Костоправе [Волошко 1962b].

3 февраля: в газете «Радянська Донеччина» опубликована статья Е. М. Волошко о Г. Костоправе [Волошко 1962а].

25 апреля: газета «Приазовский рабочий» поместила статью П. Г. Сараваса о Г. Костоправе [САРАВАС 1962].

12 июня: газета «Літературна Україна» поместила статью М. Ф. Рыльского о Г. Костоправе [Рыльский 1962].

Рыльский Максим Фаддеевич (1895–1964) — выдающийся украинский поэт и переводчик, академик АН СССР, лауреат Сталинских (1943 и 1950 гг.) и Ленинской (1960 г.) премий. Многие стихи М. Ф. Рыльского положены на музыку.

8 сентября: газета «Приазовский рабочий» поместила статью П. И. Мазура о Г. Костоправе [МАЗУР 1962] и небольшую статью-заметку с воспоминаниями А. А. Шапурмы.

12 октября: на донецком телевидении впервые в эфире зазвучала румейская речь: Р. Х. Чангли прочитал на румейском языке стихотворение Г. Костоправа «*Саганáх*» 'Гроза'. Совместное выступление Р. Х. Чангли и Е. М. Волошко посвящалось памяти Г. Костоправа и румейских поэтов литературной группы «Забой».

1963 г.

Вышел поэтический сборник Г. Костоправа «*Калимэра, зисимо!*» в русском переводе [КОСТОПРАВ 1963] (переводчики: Р. Х. Чангли, Е. М. Волошко и донецкие поэты во главе с П. Я. Шадуром).

В 1963–1964 гг. открыт музей в с. Старомлиновка; директор С. К. Темир.

1964 г.

17 июля: решением Донецкого облисполкома с. Новоянисоль Боевского сельсовета передано Володарскому сельсовету, пос. Пятихатки присоединен к с. Куйбышево.

1966 г.

Председателем колхоза «Дружба» в с. Кременёвка (Чердакли) стал Иван Николаевич Бурлаченко.

1967 г.

Возрождается работа довоенного ансамбля «Сартанские самоцветы» под руководством Марии Георгиевны Гайтан.

1968 г.

Издана «История городов и сел Украины» (Донецкая обл.) на украинском языке.

По центральным улицам в с. Кременёвка проложен водопровод.

1972 г.

А. А. Шапурма выпустил книгу «Тост» (сборник стихов и сказок в переводе на русский).

1973 г.

В издательстве Киевского Государственного Университета вышла книга «Ленін живе». В нее вошли стихи румейских поэтов на румейском и украинском языках и поэма Г. Костоправа «*Ламбос*».

В пос. Сартана Сергей Анатольевич Зайченко создает ансамбль урумейского танца, превратившийся в танцевальную группу ансамбля песни и танца «Сартанские самоцветы».

1974 г.

В пос. Сартана Михаил Михайлович Лафазан и Василий Иванович Сарбаш основали детскую музыкальную школу № 4.

1975 г.

А. А. Диамантопуло составил словарь румейского языка на 13 355 слов; в Киевском государственном университете словарь был проверен и отредактирован. Потом словарь хранился в г. Львов у Р. С. Харабадот. Издан в 2006 г. [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].³⁹

В с. Кременёвка построен *Большой* мост через р. Калка на дороге *Володарское — Донецк*.

1976 г.

Издан шестой том «Истории городов и сел Украинской ССР» (Донецкая обл.) на русском языке [ИГСУ 1976].

Лучшая доярка колхоза «Дружба» (с. Кременёвка) С. В. Поготовка надоила по 4 000 кг. молока на корову.

24 ноября: прекратило числиться с. Крымка Куйбышевского сельсовета.

1977 г.

А. А. Шапурма издал книгу «Сорок небылиц» (стихотворная сказка).

1978 г.

Издан поэтический сборник «Заграва над морем», в который вошли произведения Г. Костоправа и урумского поэта В. Киора.⁴⁰ Сборник на украинском языке.

³⁹ Об этом словаре см. «Предисловие», с. 16 и сл.

⁴⁰ О В. И. Киоре см. Главу 3, с. 95.

1979 г.

Вышел поэтический сборник «Від берегів Азова», где представлены стихи румейских поэтов в переводе на украинский язык.

В пос. Великая Новоселовка Н. А. Хорош организовал урумский фольклорный ансамбль «*Тирныхор*» 'Новое село (Новоселовка)'.

1980 г.

Впервые в СССР сельский спортсмен Илья Федорович Матэ стал чемпионом по вольной борьбе на XXII Олимпийских играх в Москве.

Певица Тамара Кацы становится солисткой ансамбля «Сартанские самоцветы».

Тамара Анатольевна Кацы (1958–1999) — выдающаяся румейская певица, лауреат второго международного фестиваля фольклора в г. Киеве, дипломант Всемирного фестиваля греков зарубежья (Афины) [ПАПУШ 2000: 47–48].⁴¹

В колхозе «Дружба» в с. Кременёвка построен машинный двор и мастерские.

1981 г.

А. А. Шапурма выпустил сборник стихов «Родное мое Приазовье».

Передовой комбайнер колхоза «Дружба» в с. Кременёвка Константин Георгиевич Акрыбай награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1982 г.

В школах пос. Сартана по инициативе М. Г. Гайтан введено факультативное изучение новогреческого языка.

1985 г.

Издана книга А. А. Шапурмы «Морской десант».

1986 г.

А. А. Шапурма выпустил сборник стихов «*Кардъяко-м ту Приазовье*» 'Родное мое Приазовье' на румейском языке [ШАПУРМАС 1986].

1987 г.

Ансамбль «Сартанские самоцветы» успешно выступил в Москве в рамках II Все-союзного фестиваля народного творчества, посвященного 70-летию Велико-го Октября. **В октябре** ансамбль гастролирует в Одессе.

К 70-летию Октября в пос. Сартана И. А. Папуш создал исторический музей.

⁴¹ Песни в исполнении Т. А. Кацы доступны в интернете на сайте <http://www.mak-mak.com/gendb/index.asp?page=rus/folk.htm>.

1988 г.

А. А. Ашла выпустил пластинку «Песни греков Приазовья» (Москва, фирма «Мелодия»).

В Мариуполе создано историко-просветительское общество имени Ф. Хартахая; руководитель И. А. Налчаджи (1935–1998).

Л. Н. Кирьяков выпустил первый номер альманаха «*Пирнэшшу астру*» 'Утренняя звезда' [КИРЬЯКОВ 1988].

А. Н. Гаркавец издал книгу для чтения (7 класс) «*Ана тилинде*» 'Родной язык' [ГАРКАВЕЦ 1988].

5 июня: прошел первый областной фольклорный фестиваль в г. Жданов.

18 сентября: состоялся первый фестиваль греков Приазовья «*Мега Юрты*» 'Большой Праздник' в Сартане.

В сентябре детская группа ансамбля «Сартанские самоцветы» выступила на республиканском фольклорном празднике в Полтаве.

30 сентября: по Володарскому радио прозвучала первая радиогазета на румейском языке.

4 октября: создано Володарское греческое общество.

10 ноября: в Малоянисоле прошел вечер «85 лет Г. Костоправу».

Ансамбль «Сартанские самоцветы» выступил на республиканском фестивале «Хоровод дружбы» в Симферополе [ПАПУШ 2000: 31].

15 ноября: вышел первый номер рубрики «*Калиспэра!*» 'Добрый Вечер!' в газете «Заря Приазовья».

4 декабря: впервые в Володарском РДК исполнена песня «*Мана, мана*» 'Мама, мама'; слова С. С. Быкова, музыка С. Грамбона.

9 декабря: по Володарскому радио прозвучала вторая радиогазета на румейском языке.

20 декабря: вышел второй номер рубрики «*Калиспэра!*» в газете «Заря Приазовья».

1989 г.

Ансамбль «Сартанские самоцветы» участвует в республиканской телепередаче «Жемчужины души народной».

В г. Мариуполе создано общество «Мемориал» во главе с Галиной Захаровой.

Вышел второй номер альманаха «*Пирнэшшу астру*» [КИРЬЯКОВ 1989].

В с. Кременёвка построен сельский дом культуры; директор И. Н. Анимица.

Одной из улиц в с. Кременёвка присвоено имя К. Ф. Челпана.

- 13 января:** г. Мариуполь в результате многолетних стараний активистов греческого движения во главе с Валентиной Ильиничной Коноп-Ляшко получил обратно историческое имя. Постановлением № 46 от 13 января 1989 г. Совета министров СССР отменено постановление № 3 956 от 22 октября 1948 г.
- 25 января:** создано Мариупольское греческое общество.
- 31 января:** вышел третий номер рубрики «*Калиспэра!*» в газете «Заря Приазовья».
- 8 апреля:** вышел четвертый номер рубрики «*Калиспэра!*» в газете «Заря Приазовья».
- 15 мая:** в пос. Володарское начато обучение членов греческого общества новогреческому языку.
- 15–16 мая:** в Москве прошла первая учредительная конференция греков СССР.
- 17 мая:** принят герб г. Мариуполя; художник Е. В. Харабет.
- 23 мая:** вышел пятый номер рубрики «*Калиспэра!*» в газете «Заря Приазовья».
- 8 августа:** указом Президиума Верховного Совета УССР с. Урзуф получило обратно историческое название.
- 22 августа:** вышел шестой номер рубрики «*Калиспэра!*» в газете «Заря Приазовья».
- 11–24 сентября:** в пос. Великая Новоселовка прошел второй фестиваль греков Приазовья «*Мэга Юрты*».
- 17 сентября:** в с. Сартана прошел второй фестиваль греков Приазовья «*Мэга Юрты*».
- 23 декабря:** создан Союз греков Украины.

1990 г.

- В Донецке начал работу ансамбль детского греческого танца «*Панаір*».⁴²
- В с. Кременёвка введен в действие спорткомплекс [Ходжейса 2001].
- 21–24 февраля:** в г. Донецке прошла Республиканская научная конференция.
- 20 марта:** в газете «Заря Приазовья» № 34 (9 142) напечатана маленькая поэма С. С. Быкова «Чабанские мотивы».
- В конце мая** ансамбль «Сартанские самоцветы» выступил на Втором Международном фестивале фольклора в Киеве.
- 28 августа:** в с. Кременёвка проведен первый послевоенный *Панаір*. Он был организован Иваном Григорьевичем и Марией Стельяновной Узун [Ходжейса 1990]. Для праздничного угощения было использовано 65 куриц, 110 уток, 10 баранов, одна телка (1,5 года) и 600 л. бузы. Следующий *Панаір* готовит Иван Александрович Баенко.

⁴² Название религиозного праздника.

В сентябре в г. Мариуполе прошел третий фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юрты*» и проведены Пятые Аристотелевские чтения, которые завершились в с. Зажиточное (с. Чермалык).

5 октября: ансамбль «Сартанские самоцветы» дал концерты в Москве на Первом Всесоюзном фестивале греков СССР.

15 октября: в газете «Логос» опубликована статья Ф. Х. Кессиди «Маршал Жуков — грек?» [КЕССИДИ 1990].

17 октября — 13 ноября: ансамбль «Сартанские самоцветы» продолжил концерты в рамках Первого Всесоюзного фестиваля греков СССР на теплоходе «Леонид Собинов», совершавшем круиз в Грецию и на Кипр.

18 ноября: открыт музей в с. Кременёвка; основатель и первый директор музея — А. А. Анимица.⁴³

В декабре вышла первая книга стихов В. И. Киора «Печальные письма». Это событие можно считать рождением урумской литературы.⁴⁴

1991 г.

Выпущены и изданы: вторая пластинка А. Ашлы «Музыкальный фольклор греков Приазовья» (Москва, фирма «Мелодия»), сборник «*Пирнэшу астру*» № 3 [Кирьяков 1991], книги Л. Яруцкого «Мариупольская старина» и «Выдающиеся греки-мариупольцы», первый поэтический сборник В. Бахтарова «*Пигадъ*» 'Родник'.

9–10 февраля: в г. Донецке проведена научно-практическая конференция, по результатам которой выпущена книга «Греки Украины: история и современность» под ред. И. А. Яли [Яли 1991].

24 июня: указом Президиума Верховного Совета УССР с. Октябрьское получило обратно свое историческое название Македоновка.

24 июля: населенному пункту Володарского р-на Донецкой обл. указом Президиума Верховного Совета УССР присвоено наименование пос. Асланово.

7–9 сентября: в г. Мариуполе прошел четвертый фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юрты*».

1992 г.

Греческое общество г. Донецка возглавил Федор Дмитриевич Стамбулжи.

Музей в пос. Сартана становится филиалом Мариупольского государственного краеведческого музея.

15 июня: постановлением Верховного Совета Украины получил обратно историческое название пос. Сартана.

⁴³ О действующем директоре музея Е. И. Седлецкой см. [Логвинов 1999].

⁴⁴ Семь лет спустя выйдет вторая книга В. И. Киора «Потерять и найти».

1993 г.

Изданы книги и сборники: Д. Патрича «*Азмоньта стьрэйс*» 'Незабвенные тропы', Д. Патрича «Наша судьба», «Чабрец», куда включены лучшие произведения Г. Костоправа и В. Киора, «*Пирнэшу астру*» № 4 [Кирьяков 1993b], И. Джуха «Одиссея мариупольских греков» [Джуха 1993], сборник «Донбасс и Приазовье: проблемы социального, национального и духовного развития» по материалам научно-практической конференции 26–27 мая 1993 г. в Мариуполе), В. С. Борота «*Хысмёт*» 'Судьба' на урумском языке, сборник Л. Н. Кирьякова «*Ап атó марэя ас та трія ялўс*» 'С той стороны за тремя морями' (повесть, пьесы, поэзия).

Открыт Мариупольский Гуманитарный Институт.

5 января: постановлением Верховного Совета Украины получило обратно историческое название с. Бугас.

С мая по сентябрь проводился пятый фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юрты*» в селах Великая Новоселовка, Кременёвка, Максимовка (Бугас), Сартана, Стыла, Урзуф.

29–30 сентября: в Киеве проведена научно-практическая конференция «Украина — Греция: история и современность».

9 ноября: 90-летие со дня рождения Г. Костоправа.

1994 г.

Изданы книги: «Энциклопедия советских греков» [Кессиди 1994], Д. Патрича «Хоч смійся, хоч плач», стихи Ф. Шебаница «*С ксер-с та рїзис такс*» [ШЕБАНИЦ 1994],⁴⁵ сборник «*Кузмукў пїгáдъ*» 'Народный родник' (с народными и авторскими песнями) [Кирьяков 1994],⁴⁶ «Греки России — уезжать или оставаться?» [Триандафилов 1994], переиздана работа Кассандры Костан «3 літератури маріупільських греків» [КОСТАН 1994].

Состоялась творческая поездка ансамбля «Сартанские самоцветы» в Грецию (г. Солоники, г. Каламарья).

Начато строительство церкви в с. Сартана.

30 августа: участие ансамбля «*Пирнэшу астру*» (Иван Григорьевич Галла, Семен Иванович Чавдар) из с. Малоянисоль в международном фестивале в Польше.

30 сентября: в с. Малоянисоль открыт памятник Г. Костоправу.

1995 г.

Изданы книги: А. Я. Балджи «Эллины Приазовья: вчера, сегодня, завтра» [Балджи 1995], С. А. Зайченко «Танцы греков Приазовья» [Зайченко 1995], второй поэтический сборник В. Бахтарова «*Камбáна*» 'Колокол'.⁴⁷

⁴⁵ См. также [Агджа 1994].

⁴⁶ Известен также под украинским названием «Народне джерело».

⁴⁷ Первый сборник вышел в 1991 г., третий — в 1997 г.

- В г. Донецке создан Приазовский эллинистический центр во главе с проф. С. А. Калоеровым.
- Начала издаваться газета Мариупольского греческого общества «Эллины Приазовья»; с **сентября** 1998 г. выходит под названием «Хронос».
- В г. Мариуполе открыта воскресная школа преподавания языка, истории, культуры Греции.
- Ансамбль «Сартанские самоцветы» выступает на первой международной встрече танцевальных коллективов в Греции (г. Афины, г. Серос) [Папуш 2000].
- В с. Кременёвка проведен газ.
- 22–24 февраля:** в г. Киеве проведена научная конференция «Украина — Греция: история и современность».
- 7 апреля:** основана Федерация Греческих Обществ Украины (ФГОУ); председателем избрана А. И. Проценко-Пичаджи.
- 10 апреля:** умер А. А. Белецкий.
- В мае** ансамбль «Сартанские самоцветы» в г. Киеве участвует в республиканском конкурсе «Згадаймо 'Вспомним', посвященном 50-летию Победы.
- В сентябре** проведен шестой фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юрты́*» в пос. Старобешево.
- В декабре** в г. Салоники прошел первый съезд всемирной греческой диаспоры.

1996 г.

- Изданы книги: И. А. Папуш «История Древней Греции» [Папуш 1996], Л. Кирьяков «*Та баладъы́ча*» (стихи и песни для детей).
- С марта** начала издаваться газета «Эллины Украины».
- Заложен фундамент здания ФГОУ.
- Состоялся первый выпуск Мариупольского гуманитарного института.
- В с. Кременёвка начала работать маслобойня.
- В с. Кременёвка после 30 лет плодотворной работы в 65 лет ушел на пенсию председатель колхоза «Дружба» И. Н. Бурлаченко. Ему удалось сохранить целостность хозяйства и технику. Новым председателем стал Василий Михайлович Митько.
- 24–26 февраля:** в Мариуполе прошла международная научно-практическая конференция «Україна — Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва».
- 31 марта:** умер В. И. Бахтаров.
- В сентябре** ансамбль «Сартанские самоцветы» выступает на родине своих предков — в с. Сартана-Чернополе в Крыму.
- В октябре** объявлено, что готов к изданию сборник «*Пирнѣшу а́стру*» № 5. Он вышел, однако, только в 2002 г.

1997 г.

Изданы книги: В. Киор «Потерять и найти»,⁴⁸ С. А. Калоеров «Греки Приазовья» [КАЛОЕРОВ 1997], Л. Н. Кузьминков «Переселение крымских греков» [КУЗЬМИНКОВ 1997], В. Г. Алиты «Бузуки» (сборник песен), третий вышедший посмертно поэтический сборник В. Бахтарова «Живи, Бугас!»,⁴⁹ поэтический сборник Д. Ф. Пенеза «Калка» [ПЕНЕЗ 1997].

Проведен седьмой фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юрты́*» в селах Бугас, Красная Поляна, Новоянисоль, Старобешево, Чермалык. Фестиваль закончился в сентябре.

Музей в Сартане стал музеем истории и этнографии греков Приазовья.

22 марта: в Мариуполе в здании Гуманитарного института прошел первый съезд ФГОУ.

Объявлено, что в сквере Мариуполя будет установлен памятник митрополиту Игнатию [ШУМЕЕВА 1997].

20 августа: в рубрике «*Калиспэра!*» газеты «Заря Приазовья» опубликовано стихотворение Г. Костоправа «*Йпин та йсам*» 'Сказал правду'.⁵⁰

В декабре в г. Салоники состоялся второй съезд греков зарубежья.

1998 г.

Изданы книги: Г. Левентис «Цена свободы» [ЛЕВЕНТИС 1998], сборник «Моя Эллада — Украина» [ХАРАКОЗ, КИОР 1998]. Также вышли книги Л. П. Морозова: «Мариуполь на видовых открытках 1898–1817 гг.» (ч. 1, 100 с.), «Мариуполь на видовых открытках 1922–1989 гг.» (ч. 2, 48 с.), «А. И. Куинджи. Жизнь и творчество художника на открытках 1898–1989 гг.» (90 с.), «Справочник коллекционных почтовых материалов мариупольской тематики 1837–1920 гг.» (ч. 1, 80 с.).

25 марта: в г. Мариуполе, на Левом берегу, открыт памятник митрополиту Игнатию.

В апреле в Мариуполе, в здании Гуманитарного института, ФГОУ проводит первую Всеукраинскую олимпиаду (94 участника).

В мае объявлено о подготовке к изданию сборника стихов С. С. Быкова.⁵¹

В августе проходит презентация «Русско-румейско-новогреческого словаря» Л. Н. Кирьякова [КИРЬЯКОВ 1999].⁵² Словарь включает 10 000 слов.

⁴⁸ Это вторая книга В. Киора; первая вышла в 1990 г.

⁴⁹ Первый сборник вышел в 1991 г., а второй — в 1995 г.

⁵⁰ Это стихотворение Г. Костоправа было переведено на русский язык в 1963 г. под названием «Проговорился». Этот вариант названия можно считать общепринятым, однако он очень не точен.

⁵¹ Газета «Эллины Украины» (№ 16. Май-июнь 1998 г.) напечатала стихотворение С. С. Быкова «Восторг», а в кратком предисловии было сообщено, что «сейчас готовится сборник его стихов». Сборник так и не появился. Через 3 года Д. Патрича в своей книге «Доля поэта» [ПАТРИЧА 2001: 45–48] поместил материал о творчестве С. С. Быкова и объявил, что благодаря поэту В. Киору и спонсору Ираклию Сепианову выпущен посмертный сборник стихов С. С. Быкова «Возвращение».

⁵² Подробнее см. [ХАРАКОЗ 1999].

В сентябре в рамках месячника греческой культуры на Украине проведены мероприятия, посвященные 10-летию фестивалей греков Приазовья «*Мега Юрты*» и 220-летию переселения урумеев из Крыма в Приазовье.

С сентября газета «Эллины Приазовья» выходит под названием «Хронос».

1999 г.

Издан «Русско-румейско-новогреческий словарь» Л. Н. Кирьякова [КИРЬЯКОВ 1999]. Кроме того, вышли книги Л. П. Морозова: «Справочник коллекционных почтовых материалов мариупольской тематики 1913–1988 гг.» (ч. 2, 80 с.), «Каталог мариупольских денежных знаков и бон» (90 с.).

В г. Мариуполе построен первый в СНГ греческий культурный центр, открыта школа с углубленным изучением новогреческого языка. Георгий Иванович Цивадиц создает городской муниципальный оркестр народных инструментов.

В Мариупольском Гуманитарном институте открыт компьютерный класс.

Материалы ФГОУ помещены в Интернет [ХАДЖИНОВ 2000].

В пос. Сартана открыта лучшая на Украине школа: уникальный дизайн, огромный спортзал и дворовый стадион. На открытие школы приехал Президент Украины.

В с. Бугас открыт памятник В. Бахтарову.

Создано греческое общество в с. Афины-Заря. В него вошли 43 чел. [СЕРГЕЕВ 2000].

В Приазовье 47 урумеевских сел. На выборах в Володарском р-не голосовало ок. 24 000 избирателей в 49 селах (7 сельсоветов). В пос. Володарское — 7 000 избирателей.⁵³

3, 10 17 ноября: газета «Заря Приазовья» публикует очерк Д. Патричи о В. В. Галле «Безвинно расстрелянный».

В декабре в г. Салоники состоялся третий съезд греков зарубежья.

2000 г.

Изданы книги: Г. М. Захарова «Дело К. Ф. Челпана» [ЗАХАРОВА 2000], И. Г. Джуха «*Милър*» 'Мельница' [ДЖУХА 2000], А. Н. Гаркавец «Урумско-украинский словарь» [ГАРКАВЕЦ 2000], Г. Г. Левченко «Крымиада»,⁵⁴ А. Балджи «Недопетая песня Т. Кацы», И. А. Папуш «Творческая деятельность греков Приазовья» [ПАПУШ 2000].

Газета «Заря Приазовья» выпустила рубрики «*Калиспэра!*» с материалами о Г. Костоправе: **8 ноября** — о жизненном пути поэта, поэма «Леонтий Хонагбей» (ч. 1 и 2), «*Харшү-харшү*» 'Друг против друга' (ч. 1); **11 ноября**

⁵³ См. Приложение 1.2. (с. 404).

⁵⁴ Поэма опубликована в газете «Эллины Украины» (№48. Октябрь 2000 г.) со вступительной статьей Д. Патричи.

изданы крылатые строки из поэзии Г. Костоправа; **18 ноября** — статья «О дне Поэта» (автор В. Чернышев);⁵⁵

13 декабря: статья «С любовью к нашему Поэту» и поэма «Леонтий Хонагбей».

Открыта выставка картин художника Чапни в ФГОУ [Коссе 2000].

Коллективное сельхозпредприятие в с. Кременёвка стало агроцехом № 14 Мариупольского металлургического комбината имени Ильича; генеральный директор В. С. Бойко.

В апреле ФГОУ провела третью Всеукраинскую олимпиаду для школьников.

В июне открыт научно-исследовательский центр ФГОУ; заведующий В. В. Харабет.

В июле в с. Кременёвка начинается преподавание новогреческого языка, открыт специальный класс, оборудованный при поддержке греческих спонсоров.

В с. Кирилловка открылся класс по изучению новогреческого языка.

17 июля: установлен памятник Т. Кацы.

В сентябре проведен восьмой фестиваль греков Приазовья «*Мега Юрты*» в пос. Старый Крым.

11 ноября: состоялся Всеукраинский фестиваль греческой песни имени Т. Кацы.

18 ноября: впервые в Приазовье в Володарском р-не проведен День чабана.

2 декабря: состоялся второй съезд ФГОУ за период с 1997 г. по 2000 г.

2001 г.

Издана книга: В. И. Хасхачих «История села Чердаклы».

В рубрике «*Калиспэра!*» газеты «Заря Приазовья» опубликованы: **14 марта** — поэма «Леонтий Хонагбей» (ч. 4) и статья «Феоктист Авраамович Хартахай» (ч. 1); **18 апреля** — «*Харшү-харшү*» (ч. 2) и отчет о презентации книги Г. М. Захаровой «Дело К. Ф. Челпана» в с. Кременёвка; **9 июня** — «Леонтий Хонагбей» (ч. 5) под грифом «К 100-летию Г. Костоправа» и статью «Феоктист Авраамович Хартахай» (ч. 2); **29 сентября** — заметка «Володарское районное общество вчера, сегодня, завтра» и песня «*Ком ту кны, ту ком т аган*» 'Моя колыбель, моя любовь' (слова Г. Анимицы, музыка Ларисы Георгиевны Папуш); **24 октября** — «Леонтий Хонагбей» (ч. 6).

На Украине изучают новогреческий язык шесть-семь тысяч учащихся.

Проведен первый съезд женщин-гречанок Украины; от Володарского районного общества греков в нем принимает участие Т. В. Ничепоренко.

В феврале реликвия г. Мариуполя *Жалованная Грамота* Екатерины II от 21 мая 1779 г. отреставрирована в Львовской картинной галерее.

⁵⁵ Из г. Мариуполя были приглашены родственники Г. Костоправа: Галина Христофоровна Калмыкова (дочь сестры Вали), Виктор Сергеевич Пупу (муж Зои Николаевны, дочери сестры Марии) со своими детьми Дашей и Юрой.

В апреле проходит четвертая Всеукраинская олимпиада школьников. На олимпиаде успешно проявили себя школьники из с. Новоянисоль.

В июне в районной библиотеке в пос. Володарское оборудована комната Володарского районного общества греков.

В августе в школе в с. Малоянисоль открыта комната поэтов и художников.

1 августа: в Володарском музее организована персональная выставка юных художников из с. Кременёвка — братьев Ивана и Кости Седлецких.

2–3 сентября: в с. Кременёвка проведен девятый фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юрты*».

На доме К. Ф. Челпана в г. Харькове установлена мемориальная доска.

Тельмановское и Великовоселковское районные общества греков получили компьютеры в подарок от ФГОУ [Проценко-Пичаджи 2001].

В октябре ко дню «*Όχι*» в Греции в школе в с. Новоянисоль проведена неделя истории и культуры урумеев [Товарчи 2001].

В конце октября — начале ноября в Володарском р-не проведены Костоправские дни [Додуляк 2001].

11 ноября: в г. Мариуполе состоялся первый Всеукраинский фестиваль молодых исполнителей греческой песни, посвященный памяти Т. Кацы.

6–12 декабря: в г. Салоники состоялся четвертый съезд греков зарубежья.

2002 г.

В январе вышел альманах «*Пирнэшу áстру*» №5 [Балджи, Патрича 2002], об издании которого было объявлено в газете «Эллины Украины» еще в октябре 1996 г. В нем Д. Патрича наконец обнародовал, хотя и в завуалированной форме, суть разногласий между урумеевскими литераторами и лидерами ФГОУ:

«... Почти четыре десятка лет длился период, когда всё национальное подвергалось гонению. Наконец наступила оттепель. Самосознание приазовских греков получило (...) импульс к возрождению. Но вместо того, чтобы мобилизовать силы и возможности для возрождения языка и культуры греков Приазовья, лидеры национально-культурного движения ратуют в основном за внедрение новогреческого языка, который отпирает широкие двери в Грецию. Таким образом, тот подъем, который возник вначале, постепенно угас, а изучение новогреческого свелось к тому, что появилась возможность подпольной, подневольной работы в Греции. Иначе говоря, та работа, которая проводилась Г. Костоправом и его сподвижниками, не нашла продолжения в наше время, когда такая возможность появилась. Усилия в этом направлении В. Киора, Л. Кирьякова, В. Бахтарова, Д. Папуша, Г. Патричи, В. Бороты и некоторых других не были должным образом поддержаны. . . ».

В апреле ученица Кременёвской школы заняла второе место на олимпиаде по новогреческому языку.

Профессор С. А. Калоеров закончил подготовку материалов для издания трудов Ф. А. Хартахая.

В мае временно прекращен выпуск газеты «Хронос» в связи с отсутствием средств на издание.

В с. Касьяновка образована греческая молодежная организация Володарского р-на; руководитель — учитель истории В. В. Хая. Членами организации стали двадцать пять урумеев в возрасте 14–28 лет.

2 июля: в с. Кирилловка успешно проведен Володарский районный фестиваль румейской культуры, несмотря на отсутствие музыкантов из с. Малоянисоль (И. Г. Галла, С. И. Чавдар) и трио из Новоянисоля.

5 июля: в греческом обществе «Этерия» г. Мариуполя (на заводе «Азовмаш») прошла презентация нового издания книги «Мариуполь и его окрестности» (репринтное издание [Тимошевский 1892]).

13 июля: в с. Кременёвка прошла встреча с выпускниками школы имени братьев Зосимых (г. Янина); школе в с. Кременёвка было присвоено имя братьев Зосимых.

Запланированный на июль десятый фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юртѝ*» в Мангушском р-не перенесен на 2003 г.

20 декабря: на заседании активистов греческого общества с. Кременёвка принято решение обнародовать составленный ими румейско-русский словарь.

2003 г.

Появились публикации и сообщения, посвященные румейско-русскому словарю: **15 января** — «Рождается словарь» (рубрика «*Калиспэра!*» газеты «Заря Приазовья»); **25 февраля** — в газете «Ильичевец» № 21 (9085); **в феврале** — в газете «Эллины Украины» № 2 (76); **22 марта** — «Словарь в честь поэта» (рубрика «*Калиспэра!*» газеты «Заря Приазовья»); **в сентябре** — в газете «Эллины Украины» № 9 (83).

Исполнилось 225 лет с момента перемещения крымских христиан в Приазовье.

В г. Мариуполе открыт лечебный центр.

Состоялся десятый фестиваль греков Приазовья «*Мéга Юртѝ*».

60-летняя годовщина освобождения Приазовья от немецко-фашистских захватчиков.

11 сентября: в школе в с. Кременёвка прошла презентация «Книги памяти села Чердакли-Кременёвка», составленной к 60-летию освобождения села от фашистов (11 сентября 1943 г.).

9 ноября: 100 лет со дня рождения Г. Костоправа.

11 ноября: в г. Мариуполе, в Володарском р-не и в с. Малоянисоль прошли мероприятия, посвященные 100-летию Г. Костоправа.

6 декабря: состоялся третий съезд ФГОУ.

Глава 2

– Традиционная культура
мариупольских греков*

Полевая практика для лингвиста и этнографа является неременным условием его профессионального становления. Выработка методики полевой работы находится среди приоритетов научных разработок, ведущихся на кафедре общего языкознания филологического факультета СПбГУ. В этой связи в августе 2001 г. состоялась первая комплексная экспедиция в грекоязычные поселения Донецкой обл. Украины. В цели научной поездки входило изучение социолингвистической и этнолингвистической ситуации в регионе.

В первой экспедиции приняло участие 20 чел. (17 студентов и 3 преподавателя), в основном — студенты филологического факультета (кафедр общего языкознания, математической лингвистики, русского языка, английской и германской филологии), а также исторического факультета (кафедра этнографии) СПбГУ. Три преподавателя (Е. В. Перехвальская, А. А. Новик и А. А. Лукина) представляли кафедру общего языкознания. Экспедиция была задумана как летняя практика студентов, обучающихся по специализации «Этнолингвистика и полевые исследования», недавно открытой в рамках кафедры общего языкознания СПбГУ (см. вклейку, фото 2).

Вторая экспедиция в Донецкую обл. состоялась в 2002 г. В ней также приняло участие около 20 чел., в основном с филологического факультета СПбГУ. Руководили экспедицией Е. В. Перехвальская, А. А. Новик и А. Б. Борисова.

В 2003 г. студенты и преподаватели университета вновь изучали этнолингвистическую ситуацию в Приазовье. На этот раз работа экспедиции была направлена по двум векторам: часть студентов изучала румеев, другая часть — урумов. Первые избрали местом своей дислокации для научной работы с. Малоянисоль Володарского р-на Донецкой обл., вторые — пос. Старый Крым под Мариуполем.

В 2004 г. работа по изучению греков Приазовья была продолжена. Экспедиция работала во многих селах, как румейских, так и урумских. Основными центрами изучения стали Старый Крым и Малоянисоль. В рамках полевой работы были совершены долгосрочные поездки в ряд близлежащих сел, основное население которых составляют румей и урумы.

Выбор региона Мариуполя был не случайным (см. фото 1). В Приазовье сложилась уникальная социолингвистическая ситуация: это район компактного проживания греков-румеев и греков-урумов, до сих пор в большой степени сохранивших свой язык и этническую культуру. Несмотря на существование значительной литературы по вопросам истории, этнографии, языка греков Украины,¹ в науке до сих пор не создано подробного описания субдиалектов румейского языка, нет и современных публикаций, посвященных вопросам сохранения традиционной культуры греков юга Украины в новых условиях. Относительно недавно вышло в

* Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования РФ НШ — 697.2003.6.

¹ См. исчерпывающую библиографию в [КАЛОЕРОВ 1997].

свет очень важное исследование Ю. В. Ивановой, посвященное грекам России и Украины [ИВАНОВА 2004]. Книга является плодом многолетнего труда автора по изучению исторических и этнокультурных процессов в Приазовье.

Разумеется, в рамках нескольких экспедиций невозможно собрать исчерпывающий материал по языку и культуре определенного этноса, пусть даже в работе экспедиции принимает участие большое количество человек, работающих по общему плану. Однако проведение комплексной экспедиции может снабдить ценными сведениями о языке и традиционной культуре греков, дать представление о сохранении языковых и культурных особенностей, обрисовать картину бытования различных явлений как лингвистического, так и этнографического и социологического характера.

2.1 Из истории приазовских греков

Греческие поселения в Приазовье возникали, начиная с 1778 г. [ИВАНОВА 2004: 117–118; ШЕРЕМЕТ 2003: 35–40].² Переселению греков в пределы Российской империи, на земли, отвоеванные у Турции, способствовали действия царского правительства. Многолетние кровопролитные войны России и Турции за обладание Крымом и прилегающими территориями привели к переходу обширнейших земель на Азовском и Черном морях под юрисдикцию российского государства. Перед русским правительством встал вопрос заселения и освоения новых владений. До прихода сюда переселенцев с Крымского полуострова местность была малозаселенной, а земли оставались не возделанными.

Царское правительство, желая подорвать экономическую базу Крымского ханства, сложившийся баланс сил, активно стимулировало переезд греческого христианского населения с полуострова на территории, прилегающие к Азовскому морю. До сих пор остаются спорными многие вопросы, касающиеся истории переселения греков [АРШ 1994: 13–16; КАЛОЕРОВ 1998: 5–53], и результаты этого переселения оцениваются неоднозначно. Начавшийся в 1778 г. процесс выезда из Крыма и поселения в Приазовье православного греческого населения продолжался несколько лет.

Как выяснилось, эти события более чем двухсотлетней давности, хорошо известные учителям, краеведам и другим представителям местной интеллигенции, оказались почти полностью забыты «простыми» румеями и урумами. Так, некоторые из информантов затруднялись с ответом на вопрос, как получилось, что их предки поселились в Приазовье. Если же указывалось на то, что в Крыму встречаются сходные топонимы, многие утверждали, что это не более, чем простое совпадение.

Тем не менее, в семьях местной интеллигенции живы рассказы о переселении. Судя по этим рассказам, переселенцы не имели четкого плана действий. Им предоставлялась свобода выбора земель для поселения. Валентина Ивановна Ч. 1950 г. р. из пос. Ялта рассказала, что ее родное селение основали зимой выбившиеся из сил переселенцы: они долго странствовали по заснеженной степи и, увидев вдалеке море, воскликнули: «Ялб!»³ и решили поселиться именно в этом

² См. также Главу 1, особенно с. 27.

³ РУМ 'море, берег моря'.

месте [Новик 2001: 7], назвав его *Ялта* (этой народной этимологии придерживается большая часть населения поселка).

В действительности же переселенцы называли свои новые поселения по названиям тех мест на территории Крыма, откуда они пришли. На современной карте Донецкой обл. можно увидеть селения Ялта, Урзуф, Старый Крым, Сартана и др.⁴ В самой Ялте есть район под названием Массандра.

Несколько десятилетий ушло у переселенцев на освоение новых территорий. Основными занятиями местных жителей были земледелие, разведение мелкого рогатого скота, овощеводство. В греческих поселениях процветали ремесла и торговля. Долгое время села оставались практически моноэтническими. Позже здесь стали селиться русские, украинцы, армяне, представители других национальностей.

Всего в Приазовье греки основали 25 сел и заселили г. Мариуполь [Иванова 1979: 75].⁵ В ходе нынешних экспедиций решено было исследовать подробным образом несколько населенных пунктов, чтобы составить описание их субдиалектов и представить картину сохранности традиционной культуры. В качестве таких пунктов были выбраны пос. Ялта Першотравневого р-на Донецкой обл., с. Малоянисоль⁶ Володарского р-на Донецкой обл. и пос. Старый Крым, находящийся неподалеку от г. Мариуполя и являющийся его районом в административном подчинении. В ходе полевой работы участники экспедиции также посещали и вели работу с информантами и в других местах: в г. Мариуполе и в селах Чермалык, Урзуф, Раздольное, Кременёвка,⁷ Старомлиновка, в поселках Мангуш и Сартана. Однако основной материал, легший в основу этой главы, был собран в пос. Ялта и с. Малоянисоль.

Пос. Ялта, расположенный на берегу Азовского моря, является курортом местного значения и, как гласит щит, приветствующий всех въезжающих в поселок, «здравницей Донбасса». Некогда небольшое село превратилось в поселок с населением в 8000 чел. Во время курортного сезона здесь отдыхает до 40000 чел. одновременно, а во времена Советского Союза приезжало до 70000 отдыхающих. В таких условиях трудно ожидать сохранения греческого языка, старых традиций и обычаев. Однако, как оказалось, выбор места проведения экспедиции был правильным.

В Малоянисоле лучше, чем в других селах, сохраняется румейский язык. Здесь его зачастую понимают даже дети, а представители старшего поколения говорят по-румейски между собой.⁸ Однако село не стало кладезем этнографического материала, которым могло бы быть в силу своей удаленности от промышленных и административных центров. Вместе с тем, почти два месяца, проведенных в Малоянисоле, позволили собрать много данных о традиционной культуре греков Приазовья.

⁴ См. карту на форзаце.

⁵ С. А. Калоеров указывает, что греки основали 21 село [Калоеров 1998: 46]. Различия в подсчетах населенных пунктов вызвана, по всей видимости, тем, что С. А. Калоеров не учитывает тот факт, что жители ряда сел отселились от основных пунктов и основывали новые. См. также Главу 1, с. 27 и сл.

⁶ **Прим. ред.:** иначе Малый Янисоль.

⁷ **Прим. ред.:** до 1945 г. с. Кременёвка называлась Чердакли; см. Главу 1, с. 28, 49.

⁸ См. Главу 4, с. 106 и сл., и Главу 5 (с. 113).

2.2 Сохранность традиционно-бытовой культуры⁹

С точки зрения сохранения традиционной культуры, ситуация в Ялте, Малоянисоле и других греческих поселениях, исследованных в ходе экспедиций 2002–2004 гг., выглядит следующим образом. Охотнее всего информанты рассказывали о традиционной кухне, которая не потеряла здесь своеобразие и отличается от кухни русских и украинцев. Кухня неразрывно связана с культурой жизнеобеспечения общества. Сохранение традиции приготовления и употребления пищи со времени переселения греков из Крыма весьма показательно. Многие блюда местной кухни являются общими и для румеев, и для урумов [Новик 2002а: 12–13].

Практически невозможно найти семью, где бы не готовили национальные блюда. Однако, по свидетельству старейших жителей села, некоторые блюда были утрачены за прошедшие годы. Другие же блюда сохраняют удивительную устойчивость, и без них не обходится ни один праздник. Гостю здесь предложат *чир-чир* — традиционные чебуреки. Это любимое греческое блюдо. Несмотря на то, что оно широко распространено и у других народов [Желтухина 2003: 20; Чиждова 2003: 103], в Приазовье *чир-чир* традиционно считается блюдом греческой кухни.

Приготовление чебуреков занимает довольно много времени. Обычно на это уходит несколько часов. Главное условие — правильно подготовить тесто. У каждой хозяйки есть свой рецепт его приготовления. Муку, как правило, просеивают через сито, чтобы тесто получилось мягким, а не жестким. Сито может быть старым, доставшимся в наследство от бабушки, а может быть совершенно обычным, купленным по случаю в магазине. Рецепт теста и ингредиенты для начинки очень просты. Важно уметь приготовить из простых продуктов вкусное блюдо.

В отличие своих русских и украинских соседей, гречанки для приготовления теста используют *трапéзь*¹⁰ — низкий круглый стол, существующий в местном быту на протяжении жизни многих поколений (см. фото 6). Зачастую в греческих домах *трапéзь* сохраняет утилитарную функцию лишь на кухне. В прошлом за таким низким столиком люди ели, рассаживаясь вокруг. Теперь в ходу современная мебель. Для традиционного стола в доме уже не остается места. Однако многие хозяйки сохраняют бабушкины *трапéзи* специально для готовки, полагая, что лучшего приспособления для раскатки теста не придумать. *Трапéзь*, действительно, очень удобен. Его гладкая поверхность позволяет делать ровные слои теста. Кроме того, тесто не прилипает к дереву. Круглая форма стола способствует тому, что у хозяйки легко выходят одинаковые коржи и слои теста. Многие информантки жаловались на то, что на современных столах так ровно и хорошо не раскатать тесто, как на традиционных *трапéзях*, поэтому они предпочитают раскатывать тесто на старых столах со сколами, а не на ровных современных предметах мебели. Специально для кулинарных целей некоторые хозяйки заказывают *трапéзи* у мастеров, которые еще не разучились их делать. Так, во время экспедиции 2003 г. в с. Малоянисоль семья С. заказала у местного

⁹ См. также Приложение 4, с. 425.

¹⁰ Прим. ред.: вариант *трапéзь* характерен только для ЯСД; в остальных субдиалектах употребляется форма *трапéз*, которая, кстати, встречается и в ЯСД наравне с *трапéзь* [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 190, 449]. Однако мои собственные наблюдения свидетельствуют о том, что, по крайней мере, сейчас, вариант *трапéзь* используется в с. Малоянисоль (МСД).

мастера небольшой деревянный круглый столик для участницы нашей экспедиции Д. В. Агафоновой. Местный мастер очень быстро изготовил из деревянных досок *трапéзь* на низких ножках, и участники экспедиции смогли увезти в Петербург этот предмет традиционной греческой мебели.

У чебуреков бывает три вида начинки. Традиционная и самый распространенная в греческих селах — это мясная. Для ее приготовления используют баранину, говядину, свинину. Часто смешивают несколько сортов мяса (см. фото 8). Для чебуреков с мясом важны приправы. Необходимы лук и перец, остальное определяется желанием и вкусом хозяйки. Начинки в один чебурек кладут немного, чтобы она не вытекла при обжарке. Раскатав слой теста, хозяйка выкладывает на него около столовой ложки мясного фарша с луком и приправами. Начинку равномерно размазывают по слою теста. Раскатывать тесто могут и старинными деревянными каталками, а вот ложки в быту используют уже современные, как правило, из стали.

Чебурек заворачивают и аккуратно обрезают края. При этом используют разные кухонные приспособления, но стараются, чтобы края были фигурными, зигзагом. Начинка готовится заранее, перед раскаткой теста.

В пос. Ялта чебуреки готовят и с рыбой. Ялта стоит на берегу Азовского моря. Многие местные жители занимаются рыбной ловлей. Для чебуреков готовят начинку из рыбного филе со специями. В Ялте есть кафе, которое специализируется на чебуреках с рыбой. Оно принадлежит Таисии З. В море на рыбный промысел ходят ее муж и сын, а она содержит кафе и сама готовит. Это единственное место на побережье, где продают рыбные чебуреки. Хотя это блюдо часто готовят во многих семьях для собственного потребления, оно не вошло в широкий оборот в заведениях общепита.

Пользуются популярностью и чебуреки с сыром. Для их приготовления используют солоную брынзу. В начинку также добавляют различные специи.

Местные жители считают чебуреки с рыбой и сыром относительно новым изобретением. Многие их не приемлют. Традиционным блюдом все информанты называли чебуреки с мясом, поскольку их готовили еще их бабушки и прабабушки.

Чебуреки жарят на растительном масле. Обычно это подсолнечное масло, которое вырабатывается в этом же регионе Украины. В одной порции масла готовят, как правило, не более пяти-шести порций чебуреков; затем масло сливают и наливают свежее.

Своим умением готовить *чир-чирь* гордится практически каждая хозяйка. В Приазовье трудно найти греческий дом, в котором бы не готовили чебуреки, пусть даже только по праздникам. Практически во всех заведениях общепита предлагается это блюдо. Часто случается так, что в местных кафе и барах именно чебуреки оказываются единственным горячим блюдом.

По рассказам информантов, в прошлом ни один праздник, ни одно более-менее значительное застолье не обходилось без чебуреков. Долгое время, еще несколько десятилетий назад, мужчины и женщины не сидели за одним столом. Если в дом приходили гости, то мужчин усаживали за стол, а женщины ели отдельно. К мужскому столу хозяйка подносила чебуреки. Их брали из общего блюда за кончики и ели либо над своей тарелкой, либо просто над столом. Края чебуреков не ели: в гостях это считалось неприличным, кроме того, в кончиках

не усматривали ничего вкусного. Таким образом, кончики откладывали, и перед каждым участником трапезы вырастала горка из недоеденных угловых краешков *чир-чиров*. Ели в прошлом помногу, а потому бывало, что после каждого гостя оставалось до сорока кончиков чебуреков. Строгие правила традиционного этикета в потреблении чебуреков не касались женщин и трапез в семейном кругу. В наши дни правила приличий упростились и подобным образом чебуреки уже не едят. Однако многие пожилые мужчины в гостях не станут съедать чебурек до конца, а обязательно оставят краешки, за которые они держали это произведение кулинарного искусства.

Во время праздника хозяйка может положить в один из *чир-чиров* монетку. Садясь за стол, домочадцы загадывают желание, и у того, кому попадетсся чебурек с монеткой, оно обязательно сбудется.¹¹

Участникам экспедиций неоднократно удавалось понаблюдать за процессом приготовления чебуреков. Один раз в Малоянисоле нас пригласили в дом Дмитрия и Ирины С. и предложили поучаствовать в приготовлении чебуреков. В результате мы засняли на фото- и видеопленку разные этапы стряпни. Затем последовала коллективная трапеза.

Другим излюбленным блюдом греков является *шмуш*¹² — слоеный пирог с начинкой из мяса и тертой тыквы или риса, иногда риса с тыквой. Это блюдо также готовят во многих местных семьях. Информанты в разных селах давали сбивчивые объяснения названия данного кушанья. Некоторые говорили, что *шмуш* — это урумское название блюда, а *кубитэ* — румейское. Другие информанты в том же селе утверждали ровно противоположное (см. также сн. 12). Название никак не влияет на рецепт и вкусовые качества блюда. Важно, что практически все греческое население знает его разные названия, а отсутствие четкого понимания, какое из слов тюркское, а какое греческое, свидетельствует лишь о том, что данное блюдо очень давно появилось на столе местного населения. Большинство информантов говорили о том, что традиция приготовления этого кушанья восходит еще ко времени проживания греков в Крыму [Ачкинази 2003: 393].

Шмуш готовят и по праздникам, и в будни. Это блюдо известно практически во всех поселениях приазовских греков, которые удалось посетить. Неоднократно местные жители, узнав, что участников экспедиций интересует традиционная кухня, вызывались приготовить *шмуш* специально для нас. Если в экспедиционном отряде во время полевых исследований выпадал чей-нибудь день рождения, то зачастую *шмуш* становился подарком местных хозяек именинникам. Это блюдо готовят как в небольших количествах, так и огромными порциями.

Региональных различий в рецептуре блюда отмечено не было. Однажды в с. Малоянисоль участников экспедиции угостили *кубитэ* с картошкой и курицей. Курица была нарезана большими кусками вместе с костями. Поэтому блюдо приходилось есть с осторожностью. Косточки в пироге совсем не смущали хозяйку, ведь именно так готовила еще ее бабушка. На способ приготовления и используемые ингредиенты в большей степени влияют вкус и предпочтения

¹¹ Прим. ред.: похожий обычай существует и в современной Греции при праздновании Нового года.

¹² Другие названия: *түрта* (встречается в ЯСД и БСД [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 193] — прим. ред.) и *кубитэ* (или *кубытэ*, употребляется в НкСД и ССД [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 108] — прим. ред.). Прим. ред.: вариант *шмуш* характерен для ССД, а в НкСД и МСД употребляется *шумш* [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 246, 247], однако по моим собственным наблюдениям в Малоянисоле также говорят *шмуш*.

хозяйки. Кушанье считается традиционным, а потому при его приготовлении используют ту кухонную утварь, к которой привыкли и которой пользуются годами. Специальных приспособлений нет, хотя у многих хозяек есть посуда, к помощи которой они прибегают лишь в случае приготовления этого блюда [РОСЛАВЦЕВА 2003: 263].

К таким блюдам, как чебуреки и *шмуш*, греки традиционно подают *арьян* — ряженку.¹³ Слово *арьян* тюркского происхождения и обозначает в разных регионах кисломолочный продукт, рецептура приготовления которого у разных народов и в различных районах варьируется в зависимости от традиций и вкусовых предпочтений. Приазовские греки *арьяном* называют ряженку, изготовливаемую из топленого молока. От привычной ряженки греческий *арьян* отличается более густая консистенция и насыщенный бежевый цвет. Традиционно в греческой кухне для производства *арьяна* использовали топленое коровье молоко, которое заквашивали ферментом из желудка ягненка или теленка. Подобную закваску хозяйки и сейчас хранят про запас. По мере необходимости они поддерживают закваску, «продлевая жизнь» все новым и новым поколениям особых молочнокислых бактерий. Используют закваску экономно. Особенность приготовления греческого *арьяна* заключается в том, что, как правило, хозяйки не заквашивают большое количество топленого молока в одной емкости, а разливают его по небольшим сосудам и в них помещают небольшое количество закваски. Процесс сквашивания топленого молока происходит в небольших плоских (стаканах, банках, мисках и т. п.). В этих же сосудах напиток и подают к столу. В таком случае на поверхности *арьяна* образуется толстая коричневатая пленка — результат бурной жизнедеятельности молочнокислых бактерий. В некоторых домах *арьян* готовят в больших емкостях и по мере необходимости начерпывают в меньшие емкости.

По схожим рецептам молочнокислый продукт готовят и соседи греков — русские и украинцы, называя этот напиток ряженкой. Впрочем, данный напиток не известен повсеместно в регионе. К примеру, в албанских селах Приазовья ряженку (*арьян*) подобным образом не готовят. Для тюркских народов Крыма традиционно изготовление другого молочнокислого напитка со схожим названием. Турецкий *айран* — это разбавленный водой молочнокислый продукт белого цвета, отлично утоляющий жажду в летний зной.

Прежде весьма популярной среди греков была *буза* — напиток, приготовленный на пшене.¹⁴ *Буза* имеет широкое распространение и у тюркских народов, и у народов Балканского полуострова. Этот своеобразный напиток, вкус которого в первый раз может не понравиться, играл роль прохладительного, заменяя пиво. Участникам экспедиций так и не удалось попробовать греческой *бузы* лично, и о ней известно только по рассказам информантов, бабушки и мамы которых еще его готовили. По сообщению информантов, пожилые люди его еще готовят, однако отведать его так и не пришлось.

У греков распространены вареники с картошкой. В их начинку кладут много лука. Края вареников фигурно обрезают. Местные жители уверены, что это блюдо — чисто греческое изобретение. Информантов-греков не смущал тот факт, что вареники с картошкой широко представлены в украинской национальной кухне.

¹³ **Прим. ред.:** слово не фиксируется в [Анимица, INTERNET; Диамантопало-Рионис и др. 2006], видимо, поскольку оно рассматривается как урумское.

¹⁴ **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET] *буза* переводится как 'брага'.

В 2001 г. в пос. Ялта меня пригласили в дом Михаила Николаевича П. и его жены Ольги Александровны. По случаю моего визита в доме собрались местные жители, чтобы рассказать о греческих обычаях и традициях. Хозяйка хотела угостить подлинным традиционным блюдом и по этому случаю приготовила вареники с картошкой (см. фото 11). Сколько хозяйка себя помнит, в греческих домах это блюдо было самым распространенным угощением для гостя. Готовят вареники в большом количестве, чтобы гость не остался голоден. К вареникам подают сметану или сливочное масло. У гречанок это блюдо мало отличается от украинского. Единственное отличие — используемая картофельная начинка имеет более жидкую консистенцию за счет большого количества лука. Кроме того, возможно, гречанки лепят вареники меньших размеров, чем украинки. Считается, что надо показать кулинарное мастерство, а не только накормить гостя до отвала [Новик, Перехвальская 2002: 355–366].

Среди местного населения румын считаются лучшими поварами, особенно в приготовлении горячих блюд и выпечке. Поваров из Ялты часто приглашают на свадьбы в Мангуш и Мариуполь. Об их подлинном поварском искусстве свидетельствует и то, что в советские времена, как неоднократно рассказывали информанты, именно поварахи из Ялты приглашались готовить на партийные мероприятия в Донецк. Этот факт в сельской среде до сих пор считается очень почетным (см. фото 12).

Традиция производства алкогольных напитков оказалась утрачена. Греки не принесли из Крыма культуру виноделия, поскольку почвы Приазовья не годятся для выращивания винограда, и виноделие не получило здесь распространения. В пос. Ялта, зоне рискованного земледелия, за все лето может ни разу не пройти дождь. Поэтому виноградники устраивают исключительно рядом с домами, чтобы обеспечить им своевременный полив. Домашнее вино, в основном красное, готовят для собственного потребления. Лишь немногие продают такое вино на рынке, и оно пользуется спросом среди приезжих. В Малоянисоле отдельные семьи занимаются виноделием, но они приступили к этому только в последние годы.¹⁵

Гостей почти всегда угощают водкой, которую покупают в магазинах. Самогонварение здесь не было принято. Даже в разруху, после Великой Отечественной войны, водку покупали в сельмагах. Считалось неприличным выставить на свадьбу или в другой праздник на стол самогон. Приезжие, оставшиеся в Ялте навсегда, быстро принаравливались к местным обычаям. Информанты часто подчеркивали, что гнать самогон у них не принято, в отличие от русских и украинских сел. Конечно, в некоторых домах гонят самогон, однако употребление самогона весьма ограничено: его либо пьют сами, не давая гостям, либо используют в качестве платы сезонным рабочим. Так, информанты часто рассказывали о том, что во время строительства дома вынуждены были гнать самогон в больших количествах, поскольку приходилось угощать рабочих-строителей: стройка требует много расходов, а магазинной водки на строителей при их аппетитах не напасешься. Вместе с тем зажиточный Приазовский регион отличается от соседних ограниченным производством и потреблением домашних спиртных напитков.

¹⁵ **Прим. ред.:** некоторые жители с. Малоянисоль, рассказывая о культуре виноделия, шутят, что стали делать вино под влиянием А. А. Новика (автора этой главы).

Кофе в домах румеев и урумов, в отличие от понтийских греков или греков Балканского полуострова, не является культовым напитком. Возможно, жизнь в пределах Российской империи постепенно размывала традицию употребления кофе. Греки, оставшиеся в Крыму, сохранили культуру его потребления. Сложно сказать, что повлияло на затухание данной традиции [Арутюнов 1989: 150–151], отсутствие на рынке самого кофе или сложности с налаживанием быта на новом месте, но так или иначе кофе в среде приазовских греков не прижился. Употребление кофе во многих семьях следует считать инновацией уже советского времени. Многие греки пьют растворимый кофе, который покупают в городе или местном магазине. Традиции варить кофе в турке в местных селах нет. Хорошим кофе нас угощали лишь в доме понтийских греков, переехавших в пос. Ялта из Узбекистана. Кофе сварила хозяйка — Елизавета Анастасьевна С. (1951 г. р.). В связи с тем, что у приазовских греков не сохранилась традиция приготовления кофе, нет у них и обычая гадать на кофейной гуще. Общеизвестно, что почти все понтийские гречанки умеют гадать. Гадание на кофейной гуще передается в понтийской среде из поколения в поколение. Приазовские гречанки этого делать не умеют. За время экспедиций лишь однажды в пос. Ялта мне гадала понтийская гречанка, переехавшая в здешние места к брату. Это и была Елизавета Анастасьевна С. Справедливости ради необходимо отметить, что гадание оказалось очень правдивым. Это можно объяснить простым совпадением и необычной прозорливостью пятидесятилетней гречанки или же поверить в силу ее дара предвидения.

Во время полевой работы удалось собрать очень много материалов по бытовой культуре. В греческих домах до сих пор можно увидеть предметы старой мебели и другую традиционную утварь. В большинстве домов сохраняется *курв́ать*¹⁶ — деревянная софа-настил, крытая тонким слоем войлока, поверх которого кладут цветное покрывало (см. фото 7). На таких *курв́а́тях* проходила вся жизнь семьи. На них женщины рожали, пеленали детей. На них спали дети и взрослые. Во время семейного обеда на софу ставили *трапéзь* — низкий круглый столик (см. выше с. 68) — и принимали пищу, усевшись вокруг него [Рославцева 2003: 265]. На *курв́ати* проводили досуг. Эта софа-настил могла быть довольно велика — до нескольких квадратных метров.

Многие греки до сих пор не могут отказаться от традиционной *курв́ати*. Даже если в доме сделан современный ремонт и куплена новая мебель, из всего старого почти наверняка остается один элемент: деревянная традиционная *курв́ать*, поскольку даже современный грек не мыслит без нее своего дома. Участникам экспедиций приходилось видеть *курв́ать* в Ялте, Малоянисоле, Сартане, Старом Крыму, Старомлиновке и других селах. Эта реалья встречается в разных греческих домах, независимо от того, принадлежит дом румеям или урумам.

Собственные наблюдения участников экспедиций подтверждают, что сидеть на *курв́ати* очень удобно. Ее высота и натуральное покрытие из овечьей шерсти делают пребывание на ней весьма комфортным. Беседуя с информантом, на *курв́ати* можно просидеть несколько часов; при этом не отекут ноги и не появятся никаких неприятных ощущений от долгого сидения на одном месте. Греки очень гордятся своим изобретением.

¹⁶ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 112, 445] дается только вариант *курв́ат*, хотя и отмечается, что он характерен для БСД, ССД, НкСД и МСД; про ЯСД не говорится ничего.

В прежние времена, когда ели на *курв́ати*, на нее расстилали тканое недорогое покрывало или кусок ткани, чтобы не испачкать дорогое покрытие из шерсти, которым традиционно была покрыта *курв́ать*, а уже сверху ставили *трапéзь* и рассаживались вокруг него. В греческих домах прежде было несколько деревянных круглых столов. Один из них, обычно средний по размерам, использовался повседневно. Был еще большой круглый стол, который доставали по случаю приема гостей. У хозяйки на кухне стоял еще небольшой столик, на котором она стряпала и раскатывала тесто. Количество *трапéзей* в хозяйстве зависело от достатка и предпочтений семьи. Однако одним столом почти никто из греков не ограничивался. В наши дни, если в доме и сохраняется *трапéзь*, то только один.

В греческих селах встречаются мастера, умеющие изготавливать традиционную мебель. Как правило, они ее делают на заказ друзьям и знакомым. Мало кто использует это мастерство в качестве источника дохода.

В пос. Ялта сохранилось большое количество старых домов. Местные жители говорят, что самый старый из всех — это дом Полины Степановны К. Этому дому около 120 лет. Он очень просторный, с высокими потолками и множеством комнат. Такими были прежде стандарты строительства в Ялте. Старые дома можно увидеть также в Старом Крыму (см. фото 10) и Малоянисоле. Богатая усадьба есть и в Старомлиновке.

В домах встречаются старые половики, тканые на примитивных станках. Подобные половики мало отличаются от изделий русских и украинских рукодельниц, если не учитывать одну показательную особенность: среди пестрой цветовой гаммы половиков преобладают голубой и синий цвета. Синий — это излюбленный цвет греков Греции, цвет их традиционного костюма, он чаще других встречается и в декоративно-прикладном искусстве. Синий цвет отличает наряды и предметный мир эллинов от реалий соседних балканских народов. Очень значимо, что синий цвет продолжает лидировать и у греков Приазовья. Именно в синий или голубой цвета здесь чаще всего красят декоративные решетки, двери и стены домов, этот же цвет имеет и кафель хозяйственных помещений (см. фото 3).

Когда информантов спрашивали о предпочтении синего и голубого всем другим цветам, они удивлялись: да, принято красить рамы и двери голубой краской, ведь это красиво. «А в какой еще покрасишь?» — спросил однажды один информант в ответ. Интересно, что в соседних албанских и болгарских селах синий и голубой цвета не доминируют в убранстве дома и строительной традиции. Здесь рамы, двери, заборы и прочие декоративные и функциональные детали красят в зеленый, бардовый и белый цвета. Синий и голубой не преобладают и в тканых изделиях.

Сложно сказать, что повлияло на цветовые предпочтения приазовских греков. Возможно, это своего рода воспоминания о жизни на Балканах. На Балканском полуострове, и особенно на островах, при покраске строительных деталей греки используют (почти) исключительно голубой цвет. Или же любовь к голубому цвету возникла под ориентальным влиянием, весьма ощутимом в период проживания в Крыму. Несомненно, тут возможны разные объяснения. Так или иначе, греки в течение долгого времени продолжают отдавать предпочтение голубому и синему при выборе цветовой гаммы, используемой для создания всевозможных предметов интерьера и быта.

Греческие женщины занимались многими видами рукоделия: прядением и ткачеством, вязали и вышивали, изготавливали крючком вязаное кружево (см. фото 4). Многие женщины владеют этим мастерством до сих пор. В домах сохранились старинные ручные прялки *ро́ка*, на которых и теперь в зимнее время прядут шерсть.

Гречанки славились своим умением вязать шали. Обычно шаль вязалась за 2–3 ночи. Помимо собственного потребления, шали вязали на продажу. Это мастерство помогало выжить в тяжелые времена. Так, особенно массовым вязание на продажу стало в период перед Второй мировой войной. Женщина вязала шаль, а затем везла ее в город на продажу. Зачастую получалась не прямая торговля, а натуральный обмен. Мастерница обменивала шаль на кукурузу или на кепку для мужа. В 1939–1940 гг. жизнь, по воспоминаниям информантов, улучшилась, и местным жительницам больше не приходилось изнурять себя рукоделием, чтобы выжить. После войны наступил новый этап возрождения рукоделия. Затем, уже начиная с 1950 г., жизнь стала налаживаться и хозяйки вязали шали почти исключительно для себя.

Основой хозяйства долгое время было овцеводство. Шерсть являлась одним из основных продуктов хозяйственной деятельности. Местные жители славились навыками ее обработки.

Покрывала и дорожки делали не только из шерсти, но и из лоскута. Еще 20 лет назад мастерицы умели ткать и шерстяные покрывала, и коврики. Теперь почти все оставили свои занятия. В селах встречаются лишь единичные исключения. Большинство информантов сожалеют, что женщины оставили рукоделие: «*Теперь в домах ковры и паласы. Все бумажное, импортное и нигудышное*». С таким негативным отношением к современной культуре быта приходилось сталкиваться в ходе экспедиций постоянно (см. фото 5).

Старинные наряды в греческих домах хранятся теперь лишь в сундуках [Герцен, Храпунов 2004: 148–149]. Их уже не надевают по праздникам, как это было принято еще полвека назад. Зато начинает ощущаться ностальгия по прошлому. Многие информанты с сожалением вспоминают о прошлых временах, когда еще играли на народных инструментах, а на свадьбах звучала греческая музыка и пелись старинные песни.

В последние пятнадцать лет среди греков Приазовья наблюдается возрождение интереса к корням собственной традиционной культуры. Особенно очевидны процессы возвращения в жизнь многих элементов культуры, которые были на какое-то время позабыты или утрачены (см. фото 13, 14). Греческое возрождение затрагивает как традиционный костюм, так и предметы быта и разные формы праздничной обрядности. Правда, возрождение это происходит в новых условиях и под влиянием совершенно новых факторов. В качестве примера и образца чаще всего берутся уже не местные каноны и реалии, а то, что характеризовало и характеризует культуру либо античной Эллады, либо современной Греции.

Когда в приазовских селах возникает необходимость сшить греческий костюм, в качестве образца зачастую берется не костюм бабушки или прабабушки, а древнегреческий костюм. Необходимость в костюмах возникает постоянно. Различные фольклорные коллективы, детские ансамбли, участники сельской самодеятельности то и дело устраивают всевозможные мероприятия. Для выступлений нужны костюмы, и такие костюмы шьют, опираясь на античные образцы, почерп-

нутые в книгах и научных публикациях. Оправдывается это тем, что местных музыкантов часто приглашают в Грецию и на Кипр. Местным жителям кажется, что их одежда должна соответствовать тем образцам, которые распространены были там, а то, что носили их собственные бабушки и прабабушки, представляется инновацией, возникшей под татарским, русским или украинским влиянием. Стилизации «под античность» часто выходят странными и уродливыми, не имеющими ничего общего ни с древнегреческой, ни с местной приазовской культурой. Однако, возможно, новоявленная реалья в скором времени станет тем традиционным образцом, на который будут опираться дальнейшие поколения.

Во время народных и религиозных праздников в селах Чермалык, Старый Крым мы наблюдали выступления греческих ансамблей, участники которых были одеты в бирюзовые, розовые и сиреневые наряды из органзы и газа, имитировавшие греческие одежды. Местные жители не воспринимали такие костюмы как нечто вызывающее. Среди людей уже как-то устоялось мнение, что это и есть «настоящие» греческие костюмы.

В бабушкиных сундуках еще хранятся подлинные старинные вещи, однако сегодня их уже почти не надевают даже по праздникам, да и осталось их очень мало. Краеведы постарались собрать для музеев или школьных выставок то, что уберегло время. Надо отдать должное местным энтузиастам, которые позаботились о сохранении реликвий традиционной культуры. Богатые фонды предметов быта греков Приазовья собраны в музеях Мариуполя, Сартаны, Старомлиновки. Почти во всех греческих селах функционируют школьные музеи и выставки, где представлены вещи, характеризовавшие в прошлом народный быт.

Одежда на таких экспозициях представлена в наименьшей степени. Это понятно, ведь одежда изнашивалась прежде всего. Одежда была дорогой, и носили ее до последнего. Даже в музеи и в школьные красные уголки ее не хотели отдавать, т. к. она всегда могла пригодиться хотя бы для полевых работ.

Однако греческие женщины сохранили украшения. После переселения в Приазовье из Крыма среди греков было много мастеров-ювелиров. Они долгое время берегли традиции производства разнообразных изделий, приобретенные еще в ханстве. На новом месте работа ювелиров была востребована. Греки были зажиточными переселенцами. Они могли покупать дорогие украшения для своих жен, обеспечивая тем самым постоянные заказы золотых дел мастерам, тем более, что вложение средств в золотые изделия испокон веков считалось грамотным размещением капитала. Затухание ремесла ювелиров началось после революции 1917 г. Информанты в Ялте и Урзуфе рассказывали, что в прежние времена (имеется в виду XIX — нач. XX в.) греческие ювелиры славились своим умением обрабатывать драгоценные металлы и изготавливать золотые украшения. В музее Урзуфа, находящегося на побережье Азовского моря недалеко от г. Мариуполя, представлены образцы изделий старых греческих мастеров.

Местные ювелиры предпочитали работать с золотом. Здесь наверняка сказывалось ориентальное влияние, весьма сильное в Крымском ханстве. Греческие ювелиры традиционно славились на Балканах работами по серебру, а после османского завоевания широкое распространение в греческой среде получили и золотые украшения. Схожая картина наблюдалась в Крыму, откуда потом навыки обработки золота и особая любовь к этому металлу были перенесены в Приазовье.

Сейчас многие гречанки гордятся своими серьгами. Это традиционные лунницы, известные у многих народов в течение длительного времени, однако в изучаемых селах местные жители говорят, что это типичные греческие серьги: такие серьги носили еще их матери и бабушки. В действительности, подобные серьги носят в этом регионе почти исключительно гречанки. Русские и украинки могут носить разные серьги, с камнями и без, гречанки же, независимо от возраста и материального положения, стараются носить традиционные серьги. Не у всех женщин остались подобные украшения от матерей и родственниц, и их заказывают у ювелиров. За образец берутся старинные серьги, имеющие массивную лунницу и крепкую дужку застёжки. На внешней стороне лунницы обычно имеется гравированный орнамент растительного характера. Подобные серьги в русской среде называются цыганскими. В Приазовье их называют греческими. Заказывая такие серьги у ювелиров, многие женщины используют сохранившиеся золотые монеты царской чеканки. В этом случае информантки не упустят возможности подчеркнуть, что у них серьги из «хорошего», высокопробного золота.

Если серьги приазовские гречанки часто носят старинные, то кольца, браслеты, цепочки и кулоны уже современные. Мало кто может похвастаться старинными бабушкиными украшениями. Исключение может составлять лишь нательный крест, который зачастую переходит от матери или бабушки к дочери или внучке. Все приазовские греки православные, а потому нагрудные или нательные кресты носят многие. Информанты в греческих селах любят подчеркнуть свою принадлежность к христианской вере [Араджиони 1999: 65] и очень гордятся своими единоверцами из Греции (см. фото 9).

Народные верования требуют особого специального исследования, которое выходит за рамки этой главы. Многие греки верят в существование ведьм и ведьмаков, в их способность причинить вред или навести порчу. В Ялте пожилые «знающие» женщины могут снять сглаз и вылечить от испуга, помочь справиться с болезнью и избавить от порчи и т. п.

Во время работы экспедиции ее участникам удалось собрать значительное количество предметов традиционной культуры греков Приазовья (см. фото 15). Эти вещи были переданы в дар Музею антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии Наук (Кунсткамера).¹⁷ Основу коллекции составили изделия греческих рукодельниц, в т. ч. домотканые коврики, кружевная салфетка, предметы художественного тканья. Также были привезены два керамических сосуда, время бытования которых определяется концом XVIII–XIX вв. Подобная утварь была широко распространена у греков и в Крыму, и в Приазовье.

Многие вещи, которые пополнили фонды старейшего российского музея, характерны не только для греков и их бытовой культуры, но и для народов, проживавших с греками в ближайшем соседстве. Таков, к примеру, утюг, переданный в дар МАЭ директором школьного музея пос. Ялта В. И. Челпаном. Подобные утюги промышленного производства наводняли рынки не только в Приазовье, но и в других районах Российской империи. Однако все, что характеризует быт греков прошлого, имеет сейчас чрезвычайную ценность, ведь для потомков осталось очень мало сведений, позволяющих пролить свет на жизнь и культуру греческого населения в период после переселения из Крыма.

¹⁷ Коллекция МАЭ РАН. № 7197. №№ 1–17.

Ряд предметов, привезенных в Петербург, не отличаясь коренным образом от вещей, использовавшихся в среде русских и украинских крестьян, тем не менее несет греческую этническую специфику. Так, длинные домотканые дорожки и круглый коврик, привезенные из пос. Ялта, выдержаны в синих и голубых тонах, а это, как уже отмечалось (см. с. 74), очень характерно для греков. Возможно, широкое использование греками синего и голубого цветов стало результатом ориентального влияния. Известно, что бирюзовый цвет пользуется популярностью на Востоке, а также у мусульманских мастеров — зодчих, ткачей, резчиков и т. д. Вместе с реалиями с Востока проникали и предпочтения. Престижными становились не только вещи, но и вкусы и суждения. В любом случае, такое влияние было опосредованным.

Из экспедиции в Петербург было привезено даже корыто, которое использовали еще в XIX в. Его подарил директор музея в пос. Сартана И. А. Папуш. Все вещи, собранные в Донецкой обл., были представлены на выставке «Далекое — близкое. Новые европейские экспедиции Кунсткамеры», проходившей в декабре 2001 — феврале 2002 гг. [Иванова, Новик 2001b]. Эта выставка (см. фото 21) вызвала значительный интерес у посетителей музея и нашла отклик в прессе [Иванова, Новик 2001a: 6; Мишин 2002; Ivanova, Novik 2002: 19].

Самобытная культура греков Приазовья таит в себе еще много неисследованного и представляет обширное поле для изучения (см. фото 22), и специалисты по этнолингвистике, могут почерпнуть здесь богатейший материал [Новик 2002b: 164–166; Перехвальская 2002: 178–184].

Главное, что характеризует традиционную культуру греков Приазовья, это осознание своей особенности, самости, своего отличия от ближайших соседей. Это самое главное в их этническом самосознании [Арутюнов 1989: 114–115; Новик, Перехвальская 2003: 22–31]. Грек, который говорит по-русски и может совсем не знать греческого, который живет в современном доме и носит европейский костюм, ощущает себя греком — потомком жителей Древней Эллады. И в этом особенная ценность этого народа для исследователя. Изучение греков Приазовья должно стать одним из приоритетов современной отечественной этнолингвистической науки.

Глава 3

– Тюркоязычные греки (урумы) Приазовья:
язык и этническая (само)идентификация

Приазовские, или *мариупольские*, греки проживают на побережье Азовского моря, преимущественно в Донецкой и (частично) в Запорожской областях Украины. По языку греческое население Приазовья делится на две группы: *румеев* (эллинофоны) и *урумов* (тюркофоны). Появление тюркоязычной группы с греческим самосознанием исследователи связывают либо с результатом языкового сдвига и переходом части греков в Крым на доминирующий татарский язык,¹ либо с принятием христианства частью татарского населения [ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ 2002: 178]. Из Крыма греки были переселены по указу Екатерины II в 1778–1779 гг. на незаселенные земли на побережье Азовского моря, где и основали г. Мариуполь и 19 сел,² названия которых повторяли крымские топонимы (Старый Крым (*Эски Крым*), Ялта, Урзуф и др.). Самоназваниями групп были *урумы* (*urım*) и *румеев* (*ruméjs*); в этнографических описаниях XIX в. урумов называли *базаряне*³ (*базариоты*), а румеев — *таты* [Григорович 1874: 56]. Этнонимы *таты* и *базаряне* использовались, видимо, урумами и румеями друг для друга: тюркофоны называли эллинофонов *татами* [БЕЛЕЦКИЙ 1969: 6].⁴ Румеи и урумы селились отдельно друг от друга; смешанным румейско-урумским был лишь один поселок. Разделение приазовских сел на урумские и румейские сохраняется и сейчас. Урумы проживают в более крупных поселках; ими был основан г. Мариуполь.⁵

Во многих сообществах наиболее сильным механизмом этнической самоидентификации служит язык, однако иногда его оказывается недостаточно. В случае с урумами тюркский язык группы противоречит (по крайней мере, с внешней точки зрения) их «греческой» самоидентификации. В этой главе предпринята попытка описать точку зрения самой группы и влияние на *identity* урумов других групп. Наиболее значимыми соседями урумов являются русские и румеи (эллинофоны). Кроме того, на самоидентификацию тюркоязычных греков влияют также контакты с греками из Греции и отдельными носителями других тюркских языков.

¹ Библиографию по этому вопросу в [Араджиони 1999: 43].

² Подробнее см. Главу 1, с. 27–28.

³ Т. е., жители города, горожане (*РУМ bazár* 'город').

⁴ Хотя современные мариупольские греки не используют эти этнонимы, некоторые пожилые урумы вспоминали, что румеев раньше называли *tatlár* или *таткóши*.

⁵ Урумы и в Крыму были более урбанизированной группой [Араджиони 1999: 6]; по-видимому, переход на татарский язык происходил в первую очередь в городах.

3.1 Современное положение тюркоязычных греков Приазовья

На данный момент мариупольские греки представляют собой наиболее крупную компактно проживающую греческую группу на территории бывшего СССР.⁶ Не вполне понятно количественное соотношение урумов и румеев: во всех переписях и те, и другие указаны как **греки** (родной язык, соответственно, **греческий**).⁷ Одновременно и сами урумы указывали «национальность — греки», «родной язык — греческий», и представители официальной власти были склонны не различать две группы — урумов и румеев. Видимо, урумы не перестали считать себя именно **греками** отчасти потому, что греческая identity поддерживалась указанием национальности в паспорте — грек — и возможностью в переписи выбрать эту (и только эту) категорию (отсутствие, например, ячейки «урумы» или «греко-татары»). Как показал Б. Андерсон, переписи населения оказывают значительное влияние на самоидентификацию группы [ANDERSON 1996: 244, 245]. Информанты склонны отвечать на вопрос: «Кто вы?», руководствуясь записью в паспорте, и для многих из них паспортные данные остаются наиболее серьезным аргументом в пользу того, что они — греки.

Город Мариуполь Донецкой обл. является административным и культурным центром греческого движения на Украине. В Мариуполе (сравнительно небольшом городе — районном, а не областном центре) открыто консульство Греции. В Мариуполе также расположена ФГОУ, координирующая работу локальных греческих обществ, существующих почти в каждом румейском или урумском поселке в Приазовье. Деятельность подобных организаций заключается в распространении НГР, издании газеты «Эллины Украины», книг о греческой истории и культуре, создании и поддержке самодеятельных греческих ансамблей, музеев, проведении конференций и съездов, фестиваля греческой музыки «*Мега Юрты*» ('Большой Праздник'), поддержании культурных связей с Грецией, благотворительности, распределении гуманитарной помощи и бесплатных путевок для школьников и пенсионеров в Грецию. Хотя номинально в ФГОУ представлены обе группы греков Приазовья, однако на практике руководящие должности в ФГОУ занимают румеи, а не урумы, что вызывает недовольство последних.

С появлением нового греческого национального движения (с конца 1980-х гг.) появилась возможность преподавания греческого языка в Приазовье. В начале 1990-х гг. проходила полемика активных участников греческого культурного возрождения о возможности преподавания в школе НГР или урумского и румейского языков. Высказывались три основные точки зрения:

⁶ На 1959 г. общее число греков на Украине — 104 359; Донецкая обл.: 93 188; на 1970 г. — на Украине 106 909 (данных по области нет); на 1989 г. на Украине — 98 578; Донецкая обл. — 90 585; в 2001 г. на Украине — 91,5 тыс. чел., из них в Донецкой обл. — 77,5 тыс. чел. [Итоги 1963: 168, 174; 1973: 152; Склад 2002]. Высказывалось мнение, что эти цифры несколько занижены [ГАРКАВЕЦ 1999: 5].

⁷ Это проблема обсуждалась еще в конце 1920-х гг.: «К сожалению, Всесоюзная перепись 1926 г. не учла численность греков, говорящих на татарском языке. По разработанным нами материалам из 92 120 сельского населения греков Мариупольщины и Сталинщины греко-татар 42 359, т. е. 45,9%» (Ялі С. Відомості про стан культурного будівництва серед грецького населення України // ЦДАВО України, 1929. Ф 413. Оп. 1. д. 382. л. 49; цит. по [ГРЕКИ 2000: 258]). Приведенное С. Ялі соотношение (урумы составляют чуть меньше половины от общего числа греков Приазовья), вероятно, справедливо и на сегодняшний день.

1. следует изучать румейский и урумский (соответственно, для румеев и урумов) языки; можно дополнительно изучать НГР как иностранный язык [КИОР, ТОЦКАЯ 1991];
2. поскольку собственно НГР будет восприниматься как иностранный, а диалекты румейские и урумские существенно различаются между собой, то следует продолжить традицию поэта Г. Костоправа⁸ — создание литературного румейского языка путем сближения с НГР [ПАТРИЧА 1992: 16–18]. Судьба урумского языка при этом не оговаривается;
3. румейский и урумский диалекты — результат «порчи» греческого языка, и греки Приазовья должны «вернуться» к НГР [МАЦУКА 1991]. Часто в рамках данной концепции высказывается мнение, согласно которому НГР станет посредником между всеми греками — как греками Греции, так и между румеями и урумами, поможет «преодолеть разобщенность» греков.

Принята, судя по всему, оказалась именно последняя точка зрения. «В настоящее время созданы условия сближения всех диалектов греков Приазовья на основе изучения в школьной сети новогреческого языка» [КАЛОЕРОВ 1998: 38]. Статус НГР в школе варьируется от поселка к поселку: чаще всего работает факультатив по изучению НГР (румейские поселки Бугас, Касьяновка, Кременёвка⁹). В отдельных случаях НГР вообще не преподается (небольшой урумский поселок Каменка Тельмановского р-на) или НГР имеет статус предмета (урумский пос. Старый Крым, где в школе существуют классы с преподаванием на русском, украинском и НГР). Румейский, насколько мне известно, нигде не преподается, в отличие от урумского: факультативные занятия по изучению урумского языка и культуры проходили в школе пос. Старый Крым с 1991 по 2003 гг.

Поскольку урумский и румейские языки воспринимаются как «испорченный» НГР, они не используются на официальных мероприятиях ФГОУ. Например, на фестивале греческой культуры «*Мега Юрты*», в котором принимают участие румей, урумы, греки из Греции (представители посольства) и, возможно, русские и украинцы, публичные выступления проходят на русском и НГР (с синхронным переводом). Однако румейский и урумский языки оказываются в неравном положении: некоторые ораторы небольшую часть речи произносят по-румейски (как правило, приветствия или финальные пожелания благополучия), которую не переводят на русский.¹⁰ Часть представителей греческого движения воспринимает румейский как «*наш* диалект» НГР, несущий «местный колорит», который может быть использован для сплочения группы, хотя этот идиом и не может конкурировать с литературным языком.¹¹ Подобное использование урумского языка¹² в рамках официальных мероприятий ФГОУ невозможно.

⁸ Основоположник румейской литературы, активный участник «эллинизации» 1920–30-х гг.; о нем см. Главу 1, с. 37.

⁹ **Прим. ред.:** старое название Чердакли; см. Главу 1, с. 28, 49.

¹⁰ Песни на фестивале «*Мега Юрты*» исполняются на румейском, НГР, урумском, украинском и русском (в порядке убывания) языках, однако соотношение урумских и румейских ансамблей составляет примерно 1 к 10.

¹¹ Румейский не обязательно родной язык для ораторов, использующих румейские приветствия или формулы-благопожелания. Например, русскоязычный депутат произнес по-румейски несколько фраз, которые, по утверждению одного информанта, попросил накануне написать ему на бумажке.

¹² Представители греческого движения чаще называют урумский язык *татарским*.

Позиция активных деятелей греческих обществ Приазовья, культурной элиты, может быть кратко сформулирована следующим образом: приазовские греки отошли от своей родины — Греции — под гнетом татар, имперской политики России, советской власти (в разные периоды), но сейчас все силы должны быть направлены на возрождение греческой культуры, изучение НГР и проч. Во многих греческих семьях (как урумских, так и румейских) есть книги об истории мариупольских греков, написанные уроженцами Приазовья, формирующие «новую историю» группы.¹³ Хотя не все греки читают эти книги, их популярность достаточно высока: их хранят дома, упоминают в разговоре с приезжими (про нас/наш поселок «даже книга есть»). Одна из наиболее популярных среди наших информантов книг о греках — «Одиссея мариупольских греков» [ДЖУХА 1993] — посвящена истории греков в Крыму, переселению в Приазовье и жизни на новых землях. И. Джуха в популярной форме описывает быт греков в Крыму и Приазовье, опираясь как на работы историков, этнографические описания мариупольских греков XIX — начала XX вв., так и на собственные воспоминания о жизни в Приазовье (в первую очередь, о с. Каракуба). Тираж книги достаточно велик (10 000 экз.), она активно распространялась среди местных жителей. Именно ее чаще всего пересказывают информанты в ответ на вопросы о появлении греков в Приазовье, на нее ссылаются как на наиболее авторитетный источник.

Показательно, что название книги отсылает к мифу о странничестве и возвращении на родину, «одиссее» как судьбе греков, необычайно распространенному в дискурсе многих греческих групп. Подобный стереотип встречается в публицистических статьях о тюркоязычных греках Восточной Грузии [ANTELOVA, VIT SULEIMAN 2003], он чрезвычайно популярен среди понтийских греков. Основной identity понтийских греков становится идея эмиграции, беженства [РОРОВ 2003: 352]. Однако для традиции мариупольских греков не актуальны «греческие» символы странничества, как не характерны и воспоминания о земле предков, прошлой родине — Греции или какой-либо другой. В современной традиции греков Приазовья нет (точнее, не было до недавнего времени) никакого упоминания об Элладе (или Крыме) как родине предков, объединяющей греков. Многие информанты затрудняются ответить, жили ли мариупольские греки когда-либо в Греции. Просветительская деятельность греческих обществ «заполняет» эту лакуну, создавая традицию популярного описания истории группы. Помимо книг об истории группы, значительное влияние на знания греков о своей истории оказывают праздники, посвященные основанию сел. Например, в пос. Старый Крым в 2000 г. отмечалось 220-летие со дня основания села. Было устроено театрализованное шествие, имитирующее приход греков в Приазовье. Возглавлял процессию грузовик с организаторами переселения греков — Екатериной П, митрополитом Игнатием,¹⁴ А. В. Суворовым, за ним следовали арбы, нагруженные традиционными греческими предметами обихода, и группа пеших греков в национальных костюмах. Ораторы рассказывали о переселении греков, был выпущен буклет, содержащий основные сведения об истории поселка. Для многих информантов именно этот праздник стал основным источником сведений об истории группы.

¹³ Наиболее известные: [ДЖУХА 1993; 2000; ЛЕВЕНТИС 1998].

¹⁴ О митрополите Игнатии см. Главу 1, с. 25.

И. Джуха в предисловии к книге «Одиссея мариупольских греков» отмечает наиболее значимые моменты истории группы, которые каждый грек должен знать: «Однако нет такого труда, в котором можно было бы найти ответы на самые основные вопросы, так часто задаваемые мариупольскими греками. Вот некоторые из них: *Когда и почему греки переселились из Крыма в Приазовье? Почему в разных селах говорят на разных диалектах и даже языках? Какова во всем этом роль А.В. Суворова? Наконец, как вообще греки оказались в Крыму?* (курсив мой — В.Б.). Необходимость же такого исследования назрела давно. В беседах с жителями греческих сел Донецкой области автору нетрудно было заметить возросший интерес к своей истории. Вместе с тем, хотелось бы отметить крайне низкую, слабую осведомленность жителей греческих сел Приазовья о событиях не только двухвековой давности, но и сравнительно недавнего прошлого» [Джуха 1993: 6].

Книга И. Джухи не дает четкого ответа, пожалуй, лишь на один вопрос: *почему греки говорят на разных языках*. Автор почти не останавливается на этой теме, лишь упоминает, что часть греков в Крыму перешли на язык татар и часть сел в Приазовье были основаны татароязычными переселенцами. Подобный лаконизм характерен и для других популярных книг о греках Приазовья, статей по истории группы на официальных сайтах греческих обществ (может указываться лишь сам факт существования урумов, без упоминания о тюркоязычности группы). В 1990-е гг. наиболее актуальные для приазовских греков этнонимы 'греко-татары' и 'греко-эллины' (указывающие на «татароязычность» группы) признаются «политически некорректными»;¹⁵ в письменных текстах вновь появляются названия *урумы* и *румей*. Однако большинство информантов-урумов не помнят о том, что когда-то термин *урумы* был самоназванием группы, и считают, что урумы появились в последние 10–15 лет (иногда рассказчики даже путают, кто они — урумы или румеи¹⁶). Официальные представители греческого движения подчеркивают, что урумы «такие же **греки**, как и мы, только говорят на другом языке». Контакты с Грецией сформировали «официальную» точку зрения на проблему двуязычия греков в Приазовье, согласно которой урумский язык рассматривается как **навязанный** идиом, **язык врагов**, который постепенно отойдет и уступит место НГР, а урумы описываются как **жертвы**, не виновные в том, что их язык «неправильный».

Следует отметить, что урумы Приазовья никогда, по-видимому, не воспринимали свой идиом как язык врагов. Для традиции мариупольских греков (по крайней мере, современной) не актуальны такие «общегреческие» сюжеты, как борьба греков с турками.¹⁷ Конфликт между языком и этнической самоидентификацией не был настолько болезненным для приазовских урумов, в отличие, например, от другой тюркоязычной греческой группы — урумов Восточной Гру-

¹⁵ Вот характерное мнение одного из активных участников греческого движения, составителя материалов по истории греков Приазовья С. А. Калоерова: «В 30-ые годы XX века по чьему-то злому умыслу (курсив мой. — В.Б.) указанные группы греков были названы греко-татарами и греко-эллинами. Эти ненаучные, антиэтнографические термины порой можно услышать и сейчас» [Калоеров 1998: 37].

¹⁶ Несколько сложнее обстоит дело с этнонимом *румей*: румеи помнят его и употребляют, но только в румейском языке: *ruméjs, ruméjka*; по-русски они называли себя *греки* или *эллины*.

¹⁷ Отчасти это объясняется тем, что приазовские греки давно живут на Украине и не имели (по крайней мере, в советское время) связей с Грецией, в отличие, например, от кавказских греков (понтийцев), часть из которых в 1930-е гг. даже имели не советское, а греческое гражданство.

зии. Ф. А. Елоева отмечает драматизм мироощущения цалкинских тюркоязычных греков: «Они находятся в очевидном конфликте со своим языком, причем выражают это эксплицитно — полностью отдавая себе отчет, что вынуждены говорить на языке чуждой, враждебной им культуры. В ответ на прямо поставленный вопрос греки-туркофоны отвечают, что говорят на карсском или анатолийском наречии турецкого языка» [ЕЛОЕВА 1995: 4].¹⁸ Негативное отношение к урумскому доходит до отрицания идиома: урумы Восточной Грузии «своим родным языком называют русский или даже греческий (который им совершенно неизвестен)» и просят исследователя не говорить по-урумски: «Говори хоть ты по-человечески!» [ЕЛОЕВА 1995: 5].

Сложность положения приазовских урумов во многом состоит в том, что греческое общества и ФГОУ навязывают им негативное отношение к идиому. Подобное представление в значительной степени вызвано отношением греков из Греции, которые негативно воспринимают тюркский язык греческой группы и при этом обладают мощными возможностями внешней категоризации группы.¹⁹ Несовпадение отношения к языку самой группы — а урумы Приазовья демонстрируют значительную приверженность идиому — и окружения и вызывает, на мой взгляд, те современные процессы изменения самоидентификации урумов Приазовья, о которых пойдет речь ниже.

Для сравнения надо отметить, что контакты с греками из Греции весьма значительно повлияли и на самоидентификацию других греческих групп на постсоветском пространстве. А. Попов напрямую связывает формирование специфической identity *понтийцы*, появившейся в конце 1980-х гг., с возможностью поездок в Грецию: «Они отправляются с Кавказа как греки, но прибывают в Грецию как русские или понтийцы» [РОРОВ 2003: 351]. Постоянные миграции членов сообщества из России в Грецию и назад создают общее информационное поле: люди, которые сами не были в Греции и не встречались с греками из Греции, также начинают определять себя в этих категориях. Греки из Греции бывают и источником самой номинации для бывших советских греков: так, один из информантов А. Попова, воспринимавший (и называвший) до этого себя *греком*, узнал, что он *понтиец*, или *русско-понтиец* (*Russo-Ponti*²⁰), находясь в Греции [РОРОВ 2003: 347]

¹⁸ Противоречивый характер *греческой* самоидентификации отчасти компенсируется «твердостью в вере», чрезвычайно значимой для урумов Восточной Грузии. Ф. А. Елоева отмечает, что урумы являлись и считали себя большими ортодоксами в вопросах веры, чем грекоязычные ромеи (что признается и ромеями) [ЕЛОЕВА 1995: 6–7]. У приазовских же греков вероисповедание не является главным основанием «греческой» identity. Представления о том, что урумы «потеряли язык, но крепче в вере», не свойственно ни урумам Приазовья, ни их окружению. Более того, некоторые ромеи считают урумов мусульманами.

¹⁹ В значении Ф. Барта [ВАРТН 1998].

²⁰ Прим. ред.: по терминологии А. Попова.

3.2 Языковая ситуация в пос. Старый Крым²¹

Старый Крым — средний по населенности поселок в Приазовье (ок. 6 200 жителей²²), фактически — пригород Мариуполя.²³ Директором школы (№ 46) работает президент ФГОУ (уроженка румейского села). Именно с этим связано более активное (по сравнению с другими греческими поселками) введение в школьную программу преподавания НГР, масштабная организация 220-летия основания села в 2000 г., частые визиты делегаций из Греции.

В поселке представлены 4 языка: *русский, урумский, украинский и НГР*. Украинский язык население не использует и, как правило, не владеет им; почти все жители поселка предпочитают украинским телеканалам русские. Знание украинского необходимо только для двух небольших групп: для поступающих в вузы и для поселковой администрации (часть документации, отправляемой в «центр» необходимо вести на украинском языке, что вызывает подчас значительные затруднения; внутреннюю документацию в ряде областей Восточной Украины можно вести на русском языке).

Практически во всех сферах жизни используется русский язык, обладающий высоким статусом. Постепенно распространение русского привело к вытеснению урумского; по-видимому, уже несколько поколений усваивает русский язык как первый. В каком-то смысле распределение русского и урумского языков в поселке достаточно стабильно, и русский занимает здесь доминирующее положение. В ситуации официального общения всегда используется русский (например, в поселковом совете, в кабинете директора школы) тогда как урумский используется только для неформального общения (дома или в компании сверстников). Использование урумского языка в публичной сфере оценивается как **смешное, некультурное** или **невежливое** поведение. Представители старшего поколения говорят по-урумски только между собой; как правило, по-русски — с молодыми (вне семьи) и преимущественно по-русски — с младшими членами семьи.

Урумский используется в общении старшего поколения семьи (например, пожилые супруги могут говорить между собой по-урумски), а также в компании сверстников-стариков — соседей или коллег, если их работа не связана с общением на русском языке.²⁴ Например, в школе, где жили участники экспедиции,

²¹ При описании языковой ситуации в поселке я опираюсь как на материалы интервью, так и на собственноручно лингвистические материалы, записанные в 2003 г. в ходе экспедиции, организованной кафедрой общего языкознания СПбГУ — перевод предложений из анкеты, спонтанные тексты, записанные от тех же информантов, которых я интервьюировала. Эти материалы отчасти позволяют объективно оценить уровень владения языком и скорректировать данные ответов в интервью. Отдельные интервью были записаны также в пос. Каменка Тельмановского р-на, поселке городского типа (далее пгт) районном центре Мангуш (2003 г.) и в пгт Старомлиновка Запорожской обл. (2002 г.). В частях этой главы, посвященных сохранности урумского языка, описывается языковая ситуация только в пос. Старый Крым, где в 2003 г. было опрошено около 50 информантов (с некоторыми я встречалась по несколько раз). Одна группа пожилых женщин была опрошена и в 2002, и в 2003 гг.

²² По данным Городского отдела статистики г. Мариуполя в Старом Крыму в 1979 г. было 6 170 жителей, из них греков — 2 249; в 1989 г. — всего 6 439, из них 1 984 — греки. На 2003 г. в поселке проживало 6 242 чел. Трудно судить, насколько соотношение, представленное в переписи (примерно 1/3 греков), отражает действительную ситуацию. В [Кауринкоски 2002: 82] и в буклете «Старый Крым. 220 лет» приводятся другие данные: 60% греческого населения, 20% русских.

²³ На маршрутке можно добраться до города за 10–15 мин., и часть жителей ездит в Мариуполь на работу (на завод им. Ильича и другие крупные металлургические предприятия).

²⁴ С общением на русском языке связана большая часть возможных для жителей Старого Крыма работ: завод в Мариуполе, преподавание в школе, поселковый совет. Часть работ предполагает возможность

работали пожилые женщины-подруги (технички, сторожа и уборщицы, приходившие каждый день делать ремонт), которые говорили между собой по-урумски. Они объясняли, что привыкли общаться между собой по-урумски и, кроме того, по-урумски можно свободно жаловаться на нежелание работать, усталость, т. к. их не поймут учителя и школьное начальство — в основном, приезжие, не знающие урумского языка.

Информанты указывают, что на урумском не говорят родители с детьми, причем подобная ситуация продолжается, видимо, уже несколько поколений (информанты вспоминают, что родители не обращались к ним по-урумски и говорили по-урумски только между собой). По-урумски к детям могут обращаться бабушки и дедушки, которым дети отвечают по-русски. Дети не говорят по-урумски. Информанты утверждают, что сами начали использовать урумский уже во взрослом возрасте. Существуют две точки зрения на то, будут ли знать урумский современные дети. Часть родителей/бабушек считают, что дети выучат урумский, когда станут взрослыми. Однако чаще всего высказывается иная точка зрения, согласно которой молодые не хотят и не будут знать идиом.

В целом, складывается впечатление, что сообщество скорее пессимистически оценивает перспективы урумского языка и отчасти озабочено этим. Носители языка часто предсказывают смерть урумскому языку; мне показалось, что оценки, которые дают информанты современному состоянию языка, и их прогнозы на будущее рисуют чуть более мрачную картину, чем та, которая складывается у внешнего наблюдателя. По крайней мере, ограничиваясь данными интервью, т. е. мнением самих носителей, следовало бы констатировать более существенный языковой сдвиг, нежели тот, о котором свидетельствует лингвистический материал, собранный в поселке.

Хотя урумский язык используется в весьма ограниченном числе сфер и на нем разговаривает лишь небольшая часть жителей пос. Старый Крым, нельзя говорить об исчезновении, смерти идиома, по крайней мере, в структурном смысле. Тексты на урумском (сказки, молитвы) обнаруживают значительную устойчивость и не содержат русских заимствований, а информант, который хорошо знает язык и помнит сказки, способен на продолжительный рассказ на урумском без переключения кодов, русских заимствований и т. д.

3.3 Греки (урумы) и русские

Сами носители, как уже отмечалось, предполагают, что идиом может исчезнуть со смертью нынешнего старшего поколения, и связывают языковой сдвиг с **русификацией** — распространением русского языка и увеличением русского населения в греческих поселках. Под *русскими* наши информанты понимают всех «негреков», т. е. русских, украинцев и др.: «всех называли *хазáх* — и украинцев, и русских, и кацапов» (С, 1929, Старый Крым).²⁵ К. Кауринкоски отмечает, что в отношениях с русскими и украинцами оказываются значимыми не группы

коммуникации — в зависимости от собеседника — и на урумском, и на русском языке, но преимущественно на русском (например, в магазине).

²⁵ В скобках указаны инициалы информанта, год рождения и место записи. Старый Крым — далее СК. Год записи указан только в записях 2002 г. (остальные интервью записаны в 2003 г.).

татары, эллины,²⁶ русские и украинцы, а только две из них — греки и русские [KAURINKOSKI 1997: 375]. Русским урумы противопоставляют греков урумы противоставляют греков, и, по моим наблюдениям, склонны включать и румеев в группу «греки». К. Кауринкоски отмечает, что «перед лицом численно превосходящих русских и украинцев греки, будь то „эллины“ или „татары“, подчеркивают общность своего происхождения и общность религии» [КАУРИНКОСКИ 2002: 92].

По мнению информантов, они почти перестали говорить по-урумски из-за «смешения» с русскими, наличия в каждой греческой семье негрека. Другое распространенное объяснение — негативное отношение к урумам («говорили — „чертовы греки“; греков за людей не считали»), дискриминация со стороны русского населения (репрессии, греков не брали служить в армию, прекращение преподавания урумского языка в школе и проч.).

Прошлое описывается как лишённое русского влияния: урумы рассказывают о том, что их родители (бабушки и дедушки) не знали русского языка, в поселке не было русских. Часто информанты подчеркивают, что русские были такой редкостью в селе, что взрослые пугали ими маленьких детей. Хотя подобные истории обычно рассказываются от первого лица, как правило, если специально уточнять, пугали ли самого информанта, то оказывается, что в его детстве уже не пугали, т. к. русские уже жили в поселке, а только рассказывали о том, как пугали раньше:

Инф1: Нас детьми пугали, нас родители пугали: «Не балуйся, *хазáх* идет». *Хазáх* — это русский. *Хазáх* заберет!

Инф2: Ну, другая нация, знаешь. Тут же одни греки были. Там кто-то привел русскую. И все ходили смотреть. Говорили, что у них рóги.

Инф1: Конечно. Я когда в Киев ездила с детьми, а свекруха... пишет, значит, Коля письмо. Греки с рогами, мы думали. Отпали, наверное (смеется).

Инф2: Ну, боялись другой нации, я так понимаю. Еще говорили: «*узауáиn baltasáin roduškasándun*», помнишь? Ну, у *хазáха* топор под подушкой. Что он начеку всегда. Ну, боялись.

Инф1: Такие злые казались.

Информанты подчеркивают, что раньше греки не вступали в браки с русскими, хотя рассказывают о стремлении русских заключать браки с греками, высоком престиже греков в глазах русских. «А вот русским наша нация очень нравилась, как приедут: „Какие культурные! Какие чистые!“. Конечно, кацапы, наверное, не такие были чистые». Как правило, представление о запрете в прошлом на смешанные браки существует независимо от знания о своей семье, заключаемых в ней браках: рассказчик либо в принципе не соотносит эти сведения, либо считает свой случай исключением, рассказывает, например, о негативной реакции родственников на брак родителей («тогда с этим строго было...»). Вероятно, во второй половине XX в. количество смешанных браков существенно увеличилось (как и, в целом, русское население Приазовья), однако подобные браки заключались и ранее. К. Кауринкоски приводит «генеалогические таблицы» нескольких греческих семей, в том числе данные о браках одной семьи из Старого Крыма, подтверждающие такое предположение [KAURINKOSKI 1997: 509–510].

²⁶ Прим. ред.: подразумевается грекоязычное население.

Группа «русские» часто отождествляется нашими информантами с группой «приезжие» и с понятием «советская власть», с теми, кто стремится подавить и ассимилировать греков. Противопоставление «русским» во многом конструирует и поддерживает группу «греки» (приазовские греки) как целостное сообщество, большее, чем локальные группы («старокрымские», «мангушане») или «урумы» и «румей» (точнее, в терминах носителей, «греки и эллинцы»).

3.4 Урумы и румей

Наиболее значимая для урумов группа — «румей», или «греко-эллины». В настоящий момент этнонимы «греко-татары» и «греко-эллины» — пара терминов, возникших, видимо, среди негреческого населения Приазовья и позволяющих различать две группы, — чаще всего используются урумами в рассказах о другой группе греков. Для современных урумов этноним *греко-татары*, хотя и стал привычным, имеет оттенок «названия извне», подчеркивающего «негреческую» природу урумов: «Наш язык называют, почему говорят греко-татары? Не татары. Ну, а вообще везде в документах везде пишется греки. Понимаете? А так, вот так словесно сказать, что это греко-татары. Ну, зачем? Ну, правда, не греко-эллины». Румеев урумы называют «греко-эллины», или, чаще, просто «эллины», «эллины», и румейский язык — «эллинским». Если же речь не идет о румеях, о противопоставлении двух групп, то, как правило, урумы называют себя *греками*, а свой язык — *греческим*. *Греко-эллины* и *греко-татары* — что-то вроде «полных», официальных наименований. Как правило, урумы используют именно их, когда нужно объяснить различие двух групп греческого населения. Стандартный ответ на вопрос «Почему у греков разные языки?», звучит как: «Те — греко-эллины, а мы греко-татары». Заданный способ номинации воспринимается информантами как абсолютное знание. Представления о том, кто является кем и почему, во многом мотивируются принятыми названиями («видно и те греки, и те, раз называются. . .»), а в некоторых случаях определяются ими. Этнонимы *греко-эллины* и *греко-татары* задают схему логических (родовидовых) отношений «**греки: эллины и татары**», которую, как правило, и пытаются интерпретировать информанты.²⁷ Однако когда нет необходимости специально объяснить приезжим лингвистам, кто такие румей и урумы, жители пос. Старый Крым называют себя — «греки», свой язык — «греческий», а румеев — «эллины», а румейский язык — «эллинским». Достаточно часто встречается противопоставление «наши греки и те, эллины»; «по-гречески и по-эллински» и т. д. С точки зрения урумов, описание ситуации двух языков греческого населения Приазовья выглядит примерно следующим образом: «мы, греки, говорим по-гречески; они, (греко-)эллины, говорят по-эллински, но мы с ними друг друга не понимаем, потому что мы знаем греческий, а эллинского не знаем».

Урумы полагают, что их язык сохранился значительно хуже, чем румейский. Подобная точка зрения распространена чрезвычайно широко, а оценки жизне-

²⁷ Тот факт, что сочетания «греко-эллины» и «греко-татары» интерпретируется носителями как продуктивная модель образования составных этнонимов, выражающих родовидовые отношения, отчасти подтверждается окказиональными образованиями «греко-какие-то»; еще, вроде, бывают греко-грузины» и пр. Наиболее ярким примером образования по модели *греки-уточнение* является выражение одного из информантов: «греко-эллины и **греко-мы**».

способности урумского языка, которые дают информанты, всегда содержат — явно или подспудно — сравнение с румейским языком. Румеи, по мнению информантов,²⁸ предпринимают специальные усилия для сохранения своего языка и культуры, больше «любят» свой язык. Урумы полагают, что румеи всегда говорят на своем языке: «они дорогу идут — по-своему разговаривают, в магазине по-своему», даже в тех ситуациях, когда использование своего языка для урумов немислимо. «Там они говорят, в основном, на своем языке разговаривают. Там председатель колхоза наряд дает на своем языке». Интересно, что применяемые информантами-урумами гиперболы, описывающие языковой выбор румеев, дают представление о **конвенциях внутри урумскоговорящего сообщества**, о тех случаях, когда использование родного языка настолько немислимо, что так могут поступать только румеи: 1) председатель колхоза дает наряд по-гречески; 2) дети сначала учатся говорить на своем языке, а потом по-русски; 3) по-гречески говорят в автобусе в присутствии русских и т. д. Если сравнить с высказываниями об использовании своего языка урумами, то получится зеркальное отражение:

1. использование урумского языка в официальной сфере (вопрос о том, разговаривает ли информант по-урумски с председателем-урумом или еще с кем-нибудь в поселковом совете): «Ну, что я приду. . . скажет „как неграмотная“, необразованная приду к Михаилу Ивановичу (председателю). „Здрасте, Михаил Иванович, мен šajé deeldému“ — так буду говорить!?! Так некрасиво»;
2. усвоение греческого языка детьми: урумы подчеркивают, что дети, безусловно, учат русский язык как первый (и могут никогда не выучить урумский): «У нас, например, дети уже спокон веков по-русски разговаривают. Школа русская»;
3. урумы подчеркивают, что не принято говорить на своем языке в присутствии русских («Один русский — и уже по-русски говорим, а то невежливо, подумает, что мы за него говорим»), тогда как румеи, по мнению информантов, говорят по-румейски в присутствии русских — в транспорте и проч. «Они там как-то не смотрят. Вот едешь — пол-автобуса русских, они на своем».

Как правило, последняя особенность интерпретируется информантами как **невежливое, некультурное** поведение румеев. «В автобусе сартанские греки как цыгане между собой по-гречески. Между прочим, наши греки в этом смысле культурнее были. Они в обществе не очень между собой по-гречески говорили». «Сойдешь с автобуса — голова вот такая. . . Моя мать говорила: „деџепелџер как, как цыгане“. Они ни с кем не считались. И так громко они разговаривали. . . А оно же слух режет. Каждому неприятно».

Самое распространенное среди урумов объяснение того, почему сохранность румейского языка выше, — румеи живут далеко от города, следовательно, менее русифицированы. Вот характерное рассуждение:

Вот до моего приезда [назначения председателем колхоза в румейский поселок. — В. Б.] это село развивалось практически в чистоте. Здесь было несколько преподавателей, несколько медработников. Тут все рождалось, говорило на своем языке. Это село. Куда вы приедете [урумский пгт Старомлиновка — В. Б.] — это был райцентр.

²⁸ Прим. ред.: имеются в виду информанты-урумы.

Туда очень много приезжало русских на работу — врачи, учителя (...). Там развитие шло быстрее. Вот когда здесь не было ни одной школы — там уже было три. Когда там было 4 школы — здесь была всего одна школа (...). Те греки, которые жили в Крыму в городах — там было больше турок и татар. А в тех селах, куда ездили турки и татары раз в год за данью — они сохранили [греческий язык — В. Б.]. **И те люди, вот которые говорят так, как я, они всегда были грамотнее — вот так вот складывалось.**

Себя урумы воспринимают как более урбанизированную, «культурную» группу, следствием чего является русификация. «Да в том, они [румеев — В. Б.] паровоз увидели — я сказал, в каком году только? Они жили. . . Малоянисоль [румейский поселок — В. Б.], все они как-то от города как-то отсоединено. А мы живем здесь, в заводе работаем, вот все».

Другое распространенное среди урумов объяснение лучшей сохранности румейского языка — количественный перевес румеев. По мнению информантов, румеев очень много, а урумы чрезвычайно малочисленны. Подобное представление отражает не реальное соотношение урумов и румеев, неизвестное информантам, а восприятие своей группы как меньшинства, находящегося в зависимом положении. Часть информантов считает румейский и НГР одним языком и воспринимает преподавание НГР в школе как средство поддержания статуса румейского языка. «На нашем лично никогда не будут [говорить]. На том [т. е. румейском] — будут, потому что новогреческий. Понимаете? Вот преподают. Более внимания тому. А на нашем — в Турцию никто не хочет поехать (смеется), никто не хочет разговаривать. Так он и заглохнет».

Румей — наиболее значимая для урумов группа, от которой они стремятся дистанцироваться в первую очередь. Урумы полагают, что румей отличаются **внешне**, и считают, что могут определить, что незнакомый человек — румей. Самые распространенные объяснения подчеркивают «звериную» природу румеев: они темнее (чернее), грубее, более волосатые и длинноволосые, некрасивые. «Ну, вообще как-то вот посмотришь. . . Они чернее». Вот подробное описание внешности румеев с точки зрения информантов: «Они вот очень длинноносые, во первых. Руки у них такие. . . великие, большие вот. У них приморские мужики вот такие массивные, грубоватые. А у нас — нет. И женщины у нас красивей, чем ихние женщины. Они длиннолицые такие вот, длиннообразые. Ну, не такие вот. Чтоб была — вот идет, круглолицая как мячик! И грубоватые все. И их сразу видно. Сразу заметно». Часто информант затрудняется объяснить, чем именно отличаются румей, однако знает, что они отличаются: «Ну, как-то видно; другие они». Урумам важно не то, чем именно отличаются румей, а сам факт разницы, в т. ч. во внешнем облике. Обращает на себя внимание то, как урумы приписывают румеям те же внешние свойства, что и румей урумам (темные волосы, длинный нос, смуглый цвет кожи, некрасивость).

Еще один признак, отличающий румеев, — это акцент, когда они говорят по-русски: «А по-русски они коверкают, ну, коверкают». По мнению урумов, румей хуже знают русский язык (потому что все время говорят на румейском) и их сразу можно отличить по акценту: «Когда они говорят — акцент. Вот мангушане — не отличишь по языку, грек или русский. А их отличишь». Имитации румейского акцента стереотипны и отчасти отражают произносительные особенности румеев. Общеизвестно, что румей говорят по-русски «мягче, мягко».

По характеру румеи — «вредные»; так считают почти все жители пос. Старый Крым:

Инф.: Они очень вредные.

Соб.: А почему вредные? Они вам что-то плохое делали?

Инф.: Нет, вот скандальные такие. Я на базаре часто встречаю, разговаривать же надо. Общаемся. Их никто городские не любят. Вот они вредные.

Урумы говорят, что румеи вредные, склонные к воровству («воровитые»), недоброжелательные, жадные люди, которые «кружки воды не подадут». «Они. . . ну, как сказать вам. . . Они народ негостеприимный. Мне так показалось». Приписываемые урумами и румеями друг другу свойства характера совпадают, как и описания внешнего облика представителей другой группы.

Рассказы информантов-урумов о взаимодействии с румеями часто описывают скорее конкурентные отношения соседних поселков, чем отношения урумов и румеев (как более абстрактных групп). В таких случаях информант, хотя говорит о румеях (эллинцах) в целом, называет их локальными этнонимами: *ялтане*, *сартанёты* или *сартанские/приморские*, *янисольцы* и проч. Информанты вспоминают, что раньше часто «поддразнивали» румеев, рассказывали про них анекдоты, содержащие мотивы и сюжеты «рассказов о глупцах, простаках». «Никогда не мирили они особенно и всегда поддевали друг друга. Да. Как луну в колодце ялтане. . . [жители румейского пос. Ялта — В. Б.] Наши греки с ялтан смеялись, как они ловили луну в колодце».

Часто урумы подчеркивают не недостатки румеев, а их негативное отношение к урумам: рассказывают, что румеи презрительно относятся к ним, настаивают на том, что только они, румеи, являются **греками**. «Они всегда хотят, что мы — греки, вот чисто греки (. . .). Мы греки, а вы кто такие» (МАД, 1942, СК).

Информанты рассказывают о различиях **бытовых практик, обрядов**, привычек двух греческих групп. Как правило, упоминают различие в свадебном обряде: у румеев полагается приносить сладкое угощение *бахча*; часто информант рассказывает о конфликтах, неловких ситуациях, случившихся из-за различия обрядовых практик:

У них, когда идут на свадьбу, детка, обязательно несут *бахча*. У нас этого не было, мы только с подарком идем. Где-нибудь там подарок. . . И мы опозорились, когда туда поехали. Они по-своему, мы по-своему — все. Они с нас смеялись: „А где ваши бохчи?“. В целом, рассказ о поездках на свадьбу или другой праздник к румеям часто содержит жесткую критику: «У них беспардонная какая-то свадьба! У нас все чинно делается, у нас перед кумовьями привилегию делают — танцуют, поют перед кумовьями, угощают (. . .). Там не поймешь, кто как садиться! Я говорю: начались подарки — кто по-за угол, кто за хату, кто куда. Даже и не подарили.

Другое распространенное в пос. Старый Крым представление о различии румеев и урумов касается способа приготовления праздничного мясного пирога *губитэ/кубитэ/кубитэ*.²⁹ Информанты часто указывают, что румеи *губитэ*³⁰ называют *шумиш/шмуш/шмуш* и кладут туда, кроме мяса, *кабак* (т. е. тыкву),³¹

²⁹ См Главу 2, с. 70 и сл. и сн. 12.

³⁰ Говоря об этом блюде, А. А. Новик отмечает, что информанты иногда путали, какое из названий блюда урумское, а какое — румейское; см. Главу 2, с. 70.

³¹ **Прим. ред.:** украинское (южнорусское) название.

что может иногда интерпретироваться как свидетельство **бедности** или **скудости** румеев. Но часто информанты не приводят никаких примеров различия обычаев, но уверены, что «у них как-то по-другому».

3.5 Урумы и греки из Греции

В последние 10-15 лет кроме главной для урумов группы — румеев, появилась еще одна: **греки из Греции**, так называемые «греческие греки», «настоящие греки». Особенность представителей данной группы состоит в том, что они не являются соседями румеев, а контакты с ними начались сравнительно недавно. Непосредственное взаимодействие с греками из Греции происходит не на групповом, а на индивидуальном уровне. Многие мариупольские греки ездят в Грецию, встречаются с греками из Греции, которые приезжают в Приазовье (с гуманитарными миссиями, на фестиваль «*Мéга Юрты*»). Школьники посещают факультатив по изучению НГР, где им рассказывают о культуре, истории Греции. Однако эти контакты скорее спорадические и затрагивают не все греческое население Приазовья. В отличие от русских и румеев, которые проживают по соседству и с которыми происходит постоянное взаимодействие, греки из Греции остаются для большинства информантов виртуальной, хотя и очень влиятельной группой. Рассказы о взаимодействии кого-то из членов сообщества с греками из Греции бытуют в урумской среде, почти каждый информант упоминает о знакомом или родственнике, побывавшем в Греции.

Контакты с греками из Греции показали, что язык урумов — **неправильный** греческий, а румейский — более **правильный**, и непротиворечивая система «мы греки, а те эллины» перестала быть удовлетворительной. Разумеется, румей и раньше представляли себя (и, возможно, воспринимались) как более **правильную** группу греков, и среди урумов наверняка были слухи о том, что румейский — «более греческий» язык, чем их собственный. Однако «совпадение» румейского языка с НГР оказалось сильным аргументом для многих информантов. Как уже отмечалось выше, урумы и их идиом оказались в менее выгодном положении, чем румей, в греческих обществах, ориентированных на сотрудничество с Грецией. Когда появилась возможность ездить на работу в Грецию, урумы обнаружили, что их язык вызывает негативные эмоции у «настоящих» греков. Греки из Греции — чрезвычайно престижная группа, чьи оценки важны для приазовских греков. Одна информантка (ИТШ, 1963, СК) рассказывала, что по лицам киприотов (кипрских греков), приезжавших в пос. Старый Крым, было видно, что им неприятно слышать урумский язык, напоминавший им турецкий — язык врагов и угнетателей греков.

Контакты с Грецией определили и позицию ФГОУ и греческих обществ Приазовья. Таким образом, точка зрения на урумский язык как **неправильный, навязанный грекам язык врагов** доходит до группы — даже до тех ее представителей, кто никогда не был в Греции и не встречался с «настоящими» греками.

3.6 Урумы и представители других тюркоязычных групп

Урумы хорошо осведомлены о сходстве своего идиома с другими тюркскими языками, однако их рассказы описывают ситуацию, при которой носители других языков понимают «греческий», т.е. такие языки как турецкий, татарский, гагаузский, азербайджанский и другие **похожи на «греческий»** язык. А «греческий» язык, в свою очередь, называют «греко-татарским» потому, что он похож на татарский и некоторые другие языки, т.к. «греки» много взаимодействовали с татарами. «Очевидно, этот контакт с татарами вот и определил это название — „греко-татары“. Татарского языка, татарских слов у нас много». Некоторые пожилые информанты всерьез полагают, что в Азербайджане (Казахстане и проч.) хорошо понимают по-гречески — возможно, там тоже живут греки («гагаузы — тоже как греки вроде»). Они не утверждают этого наверняка; скорее, они просто никогда не задумывались о причинах понимания «греческого» языка другими этносами: «И в Туркмении наш язык есть, деточка. Вот я была месяц в Туркмении в 71 году, там вот эти туркмены точно как черноморские разговаривают наши (...). Разговаривали. Разговаривали. А Туркмения, они, значит... Говорят, мы... Ну, как греки. **Как греки. Только они туркмены называются**». Представления информантов о других группах, как правило, не образуют единой системы. Наивный носитель языка достаточно редко интересуется лингвистическими классификациями; сталкиваясь с необходимостью объяснить «сходство», информанты обращаются к неопровержимому факту: «мы — греки», «наш язык — греческий», и, следовательно, те, кто его понимает, возможно, тоже «греки». Более молодые люди рассказывают о понимании «греческого» языка тюркоязычными этносами скорее с иронией, повинувшись традиционному словоупотреблению: «Я служить попал в Крым. А от турецкой границы — 12 минут подлетного времени. Турция. Радио играет — я возьми — переведи. „Ты что, знаешь **турецкий**?!“ — „Да не знаю, я **греческий** знаю!“. Чуть не вернули обратно».

Контакты урумов с «настоящими» греками и поездки в Грецию вызвали в сообществе обсуждение отношений НГР, урумского и румейского языков. Информанты знают теперь, что урумский язык — **татарский** (хотя все равно называют его греческим), а румейский — «эллинский, который близко к настоящему греческому». Однако среди урумов достаточно сильна **приверженность идиому** и солидарность с теми, кто говорит на их — или близкородственном, взаимопонятном — языке. Встречи с носителями других тюркских языков относятся к индивидуальному опыту и происходят, как правило, вне дома (в армии, отпуске и проч.), поэтому у урумов нет сложившихся, принятых всем сообществом, представлений о конкретных тюркоязычных этносах. Подобные контакты не носят (как и в случае с греками из Греции) характер постоянного, повседневного взаимодействия групп. Однако почти все урумы охотно рассказывают о таких встречах (из собственного опыта или пересказывают истории, услышанные от близких родственников), информация о взаимодействии с тюркоязычными носителями постоянно транслируется в сообществе.

А сын, когда попал в армию, он так страдал, так скучал. И пишет мне письмо: „Мама! **Я услышал свой родной язык, и как будто дома побывал!**“. Он услышал, как разговаривают два азербайджанца. А они немножко... ну, наш язык может понять их язык. И они могут понять.

Раньше армия была, попадали, вот с азербайджанским наш 80 процентов, наверное, сходится. Вот сын попал, служил на Тихом океане, там были все национальности, они немножко понимали друг друга. **Знаешь, как три года в Тихом океане, а тут свой родной язык вроде...**

Глава поселкового совета в пос. Старый Крым рассказывал, что ему очень понравилось в Турции: было приятно понимать язык, а на базаре он чувствовал себя «как среди своих стариков» (для рассказчика это была чрезвычайно эмоциональная оценка). Многие информанты рассказывали, что им было приятно, что «язык совпадает», когда в 2002 г. в пос. Старый Крым приезжали лингвисты из Турции. Влияние языка на самоидентификацию урумов настолько велико, что возможен даже выбор второго компонента этнонима *греко-татары*: одна информантка рассказывала, что в разговоре с тюркоязычными приезжими она представилась как «татарка, татарва»: «Вот азербайджанцы или что — подойдешь, одно слово поймешь у них, а больше нет. Я подошла к ним, говорю: „Выберите мне гранату“. Вот граната, мы ее знаем: „граната“. А как **по-гречески** — оно, наверное, есть название этой гранаты. Выбрала, они что-то сказали — я улыbnулась, я поняла их. Они: „А кто?“. Я говорю: „**Татарка**“ (...). Они дали, денег с меня не взяли. „**Мы, — говорит, — со своих людей денег не берем**“». ³² Данный случай, хотя и является, скорее, исключением, чрезвычайно показателен. Характерно, что описывается ситуация признания, включения рассказчицы в группу «своих» («со своих людей денег не берем»).

Другая группа рассказов иллюстрирует **пользу, практическую выгоду** знания урумского языка. Некоторые жители пос. Старый Крым смотрят по кабельному телевидению турецкие телеканалы. Почти все вспоминают истории о том, как им пригодилось знание урумского, когда они находились далеко от дома (в армии, в отпуске и проч.): носители других тюркских языков были готовы помочь, как только урумы обращались к ним на урумском — устраивали на ночлег, отдавали бесплатно или помогали купить необходимые продукты и т. д.

Я была в Ленинграде с мужем. И вот стою в ЦУМе — дают свитера. Стоим в хвосте где-то еще, а я пошла вперед и смотрю. А две азербайджанки — уж я потом узнала — стоят и разговаривают: мол, *йóхтур* 58 размера. А я... *Йóхтур* — значит, нету уже, закончился. А я: „Ну, если *йóхтур* такого — возьми, поменяешь“. Ну, одно слово. Они: „Что ты там стоишь, иди сюда!“ И меня между собой в очередь.

Часто подобные «смешные истории» рассказываются «серией», одна за другой, и кто-нибудь резюмирует: «да, полезно знать» или «можешь не говорить, но понимать (свой язык) — понимай».

Взаимодействие с другими тюркоязычными носителями и рассказы об этих контактах поддерживают статус урумского языка в сообществе. Если рассказы о контактах с другой «виртуальной» группой — «настоящими» греками — транслируют негативный опыт, описывают ситуации, в которых урумский язык оценивается низко и его использование автоматически приводит к понижению статуса говорящего, то истории о встречах с азербайджанцами, турками и др. демонстрируют внезапное повышение статуса урумов. Для представителей другой

³² В отрывке отражается чрезвычайно характерный для речи урумов «дрейф» между вариантами названий: рассказчица представилась торговцам как татарка, но, описывая эту встречу, называет свой язык греческим (хотя понимает, что этот язык совпадает с языком группы, которую она опознает как «азербайджанцы»).

тюркоязычной группы урум внезапно становится «своим» и опознается как «свой» именно по языку. Психологическую значимость подобных историй, конечно, нельзя сравнивать с рассказами о взаимодействии с греками из Греции: «греческие греки» и «те, из Средней Азии» (или «турки», или «татары») обладают различным статусом и, соответственно, различными возможностями категоризации. Оценки «настоящих» греков, разумеется, обладают гораздо большей значимостью, их воздействие на самоидентификацию урумов гораздо существенней.

В последнее время среди урумов появляется недовольство «экспансией» НГР: «Зачем, допустим, он нам, новогреческий? Старикам, старикам. Греко-татарам, я имею в виду. Ну, дело другое у них там, на Сартане, они эллины, это более настоящие греки. А нам это не нужно». Как правило, люди из семей, где не говорят по-урумски, спокойно относятся к преподаванию НГР, однако в тех семьях, где кто-то из стариков владеет урумским, недовольны тем, что «наши дети учат тот язык, а не наш». Кроме того, деятельность греческих обществ, направленную на пропаганду НГР, информанты часто воспринимают как институциональную поддержку румейского языка, повышающую его статус по сравнению с идиомом урумов:

Инф.: Новогреческий [преподают], деточка, наш не учат, наш никому не нужен.

Соб.: А почему?

Инф.: Ну... это не тот язык. Эллинский вот... в ходу. А мы греко-татары.

Некоторые информанты воспринимают преподавание НГР в школе как изучение румейского («эллинского»), что, при существовавшей всегда конкуренции между урумами и румеями, не может оцениваться урумами положительно.

Существует небольшая группа «урумской культурной элиты», недовольной «экспансией» НГР. Ее силами был создан урумский ансамбль «*Бир тайфа*» («Одна семья»), выпущены несколько передач на урумском языке по телевидению, в школе почти 10 лет³³ существовал факультатив по изучению урумского языка и культуры (не пользовавшийся, правда, особой популярностью: К. Кауринкоски отмечает, что в 1993–94-х гг. его посещали 8 школьников [KAURINKOSKI 1997: 441]; примерно такое же количество, по моим наблюдениям, посещали в последние годы). Свою деятельность они воспринимают как оппозицию работе ФГОУ. Молодой человек из пос. Старый Крым (ок. 1975 г.р.) защитил дипломную работу (в Мариупольском Гуманитарном Институте), где доказывается, что урумы и румеи — разные народы, и урумы — турки. Люди, связанные с «урумской культурной элитой», подчеркивают, что происходит постоянная дискриминация урумов: в составе правления ФГОУ нет урумов, на фестивалях и конкурсах самодеятельности греков Приазовья почти не представлены урумские ансамбли и они никогда не получают призовые места, в школе преподают НГР, а ФГОУ и представители фондов из Греции воспринимают урумов как «греков второго сорта». Лидером этой группы можно считать жителя пос. Старый Крым, пользующегося значительным авторитетом среди урумов, В.И. Киора, — поэта, который вступил в Союз писателей СССР именно как единственный урумский поэт и выпустил книгу [КИОР 1990] параллельно на урумском и русском языках. В последнее

³³ Преподаватель урумского языка летом 2003 г. говорил, что в этом году он, скорее всего, прекратит занятия (в связи с осложнением отношений с руководством ФГОУ). Неизвестно, работает ли факультатив в данный момент.

время резко обострились отношения между руководителями ФГОУ и деятелями «урумской культуры», и последние рассматривают возможности сотрудничества с турецкими лингвистами и преподавателями.

Процесс установления и поддержания границ группы происходит постоянно. В настоящее время система отношений, в которую включены урумы, усложнилась (по сравнению с предыдущим состоянием) — появилась группа «греки из Греции». Вследствие этого, базовая идентификационная модель, которую, несколько упрощая, можно сформулировать как «мы, греки, отличаемся от негреков/русских и среди нас есть греки и эллины», перестала работать. Те определения, которые дает группа «греки из Греции», не удовлетворяют урумов и принуждают их искать новые пути определения группы и ее отношения к русским, эллинам и грекам из Греции. Этот хаотический процесс затрагивает в большей части молодое (более мобильное) население и — рикошетом — остальное сообщество. Одновременно в разных контекстах и у разных людей действуют как старая объяснительная модель («мы греки, а они эллины»), так и новые. Последнее особенно характерно для представителей «урумской культурной элиты». Они продолжают называть себя **греками** и объясняют, что тюркский язык объединяет их с другими тюркоязычными группами. Не так важны логические объяснения, которые пока весьма различны (урумы — еще большие греки, чем греки, потому что сбежали от турок и сохранили чистоту крови; урумы — не греки, а тюрки и т. д.), хотя, вполне возможно, в какой-то момент обретут непротиворечивость и связность официальной «новой истории» группы. Необходимо подчеркнуть, что сейчас сама возможность тюркской самоидентификации признает крайне небольшое число лиц (из информантов — трое мужчин с высшим образованием: двое средних лет и один молодой) и будет воспринята, скорее всего, как крамольная большинством урумов (особенно пожилыми людьми). Большая часть сообщества использует традиционную объяснительную модель, так или иначе ее модифицируя. Однако новая иерархия, в которой ближе к «грекам из Греции» — наиболее престижной группе — оказываются румеи, а урумы выступают как **не вполне греки с неправильным** языком, вызывает внутренний протест у части урумов.

Для урумов характерна значительная приверженность своему языку, хотя он и не обладает высоким статусом. Появление НГР понизило статус урумского языка (и так не слишком высокий, по сравнению с русским), но, парадоксальным образом, именно давление, оказываемое на группу негативной оценкой урумского языка, похоже, вызывает — как противодействие — усиление приверженности идиому, сожаление по поводу его бедственного положения, и тем самым, возможно, увеличивает шансы сохранения идиома.

Глава 4

– Румейский язык в Приазовье

4.1 Варианты названия и статус идиома

В русской исследовательской традиции было предложено около полутора десятков вариантов названия языка румеев Приазовья; приведем основные: *язык мариупольских греков*, *мариупольские греческие говоры* [СОКОЛОВ 1930: 52; ЧЕРНЫШЕВА 1958: 3], *мариупольский диалект новогреческого языка* [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 533], *приазовско-греческий язык*, *язык меотийских греков*, *крымско-румейский язык*, *крымско-румейские диалекты* [БЕЛЕЦКИЙ 1969: 7], *новогреческие таврорумейские диалекты* [ЖУРАВЛЕВА 1979: 99]. Термин *греко-эллинский язык/диалект*, широко используемый в разговорной речи (а в 1920–1930-е гг. и в официальных документах), в науке не прижился. В немногочисленных иноязычных работах используются термины англ. *Marioupolis Greek* [HATZIDAKI 1999], *Crimean Greek (Marioupolis)* [DRETTAS 1999], *Tauro-Roumeic* [ΠΑΡΡΟΥ-ZOURAVLIOVA 1999], франц. *grec-hellen* [KAURINKOSKI 1997], НГР *κριμαπολιτικοί*, *ταυρορουμαίικα* [HENRICH 1999], *κριμαπορουμαίικα*, *ταυρορουμαίικα* [KONTOSPOULOS 2001: 109–111] и изредка *Μαριουπολίτικα*. Приходится констатировать, что общепринятое название для румейского языка в науке пока отсутствует.

Относительно статуса идиома нет единого мнения: большинство исследователей считает его диалектом НГР. Это связано с традиционной для неозллинистики тенденцией, в рамках которой все идиомы, близкородственные НГР, безотносительно лингвистического расстояния, наличия/отсутствия контактов и самосознания носителей, признаются диалектами НГР.¹ Впрочем, Т. Н. Чернышева полагает, что по лингвистическим соображениям лучше называть румейский отдельным языком [ЧЕРНЫШЕВА 1964]. Дискуссии о статусе идиома не существенны для описания его грамматики и фонетики, но в главе, посвященной социолингвистической ситуации в Приазовье, авторам представляется необходимым представить свои соображения по этому вопросу. Хотя строгие критерии отличия языка от диалекта едва ли существуют, мы в данном случае предпочитаем термин *язык*. Называя тот или иной идиом диалектом, мы подразумеваем, что он представляет собой локальный вариант стандартного языка,² тогда как румейский, на наш взгляд, не является локальным вариантом НГР. Мы руководствуемся здесь следующими соображениями:

1. Между румеями и носителями различных диалектов НГР контактов на уровне сообщества не было, по крайней мере, с момента поселения румеев в Приазовье (с конца XVIII в.);

¹ См. [ЕЛОЕВА 1992; KONTOSPOULOS 2001].

² Это справедливо, разумеется, при наличии стандартного языка, как в данном случае.

2. «Языковое расстояние» между румейским и НГР достаточно велико. Невозможно дать сколько-нибудь достоверную оценку взаимопонятности из-за уже упоминавшейся редкости контактов в связи с отсутствием достаточно представительной выборки носителей румейского, имеющих опыт общения с носителями НГР;
3. Между румейским и НГР не существует и не существовало «классических» отношений *стандартный язык — диалект*, когда первый, престижный, вырабатывается в процессе становления государственности и литературы на основе одного или нескольких диалектов и используется в таких сферах, как официальные сношения, образование, государственные СМИ, а также распространен в городах, в то время как второй не обладает престижем, недопустим в высших коммуникативных сферах и используется только сельскими жителями.³

На наш взгляд, точка зрения, в соответствии с которой рассматриваемый идиом является «частью» НГР, сильно влияет на его судьбу. Иллюстрацией этого тезиса может служить ситуация, рассматриваемая в заключительной части этой главы.

Не останавливаясь подробно на достоинствах и недостатках разных терминов, мы будем называть идиом эллиноговорящих мариупольских греков *румейским языком*, а носителей идиома — *румеями*.

По-румейски носители называют свой язык *ruméjku ɣlósa*,⁴ а по-русски употребляются названия 'греко-эллинский' (если требуется подчеркнуть его отличие от 'греко-татарского', т. е. языка *урум*ов — греков-тюркофонов⁵), 'греческий' и 'эллинский язык'. Последние два термина употребляются непоследовательно: разные носители и даже один и тот же информант в разных ситуациях могут понимать под греческим НГР, а под эллинским — румейский или наоборот, а также объединять румейский и НГР под одним из этих названий.

Варианты румейского языка в разных поселках различаются между собой. Исследователи сходятся в том, что следует выделять несколько (суб)диалектов румейского языка, но общепринятой классификации еще не создано. В основу классификаций положены фонетические критерии (выделяют от трех до пяти групп субдиалектов⁶), однако в данном случае интересен не вопрос о количестве субдиалектов и об их статусе, а то, что языковые отличия поселков осознаются самими носителями («У каждого поселка — другой акцент»; «понимаем мы друг друга, но некоторые слова не так» и т. п.). Румеи указывают на локальные различия в языке, однако подчеркивают, что разнообразие локальных вариантов не препятствует взаимопониманию, и описывают субдиалекты разных поселков как один язык, «наш язык».

³ Как будет показано ниже, функции «стандартного языка» и «диалекта» в румейском сообществе сложным образом поделены между разными идиомами.

⁴ **Прим. ред.:** или чаще *ruméjka*.

⁵ Греки Приазовья делятся на румеев (эллинофонов) и урум^{ов} — греков-тюркофонов. Представители этих двух групп проживают в разных поселках и осознают существующие различия. Для противопоставления друг другу носители используют этнонимы 'греко-эллины' и 'греко-татары' (и 'греко-эллинский' и 'греко-татарский языки' соответственно). Подробнее об урумах см. Главу 3 (с. 79).

⁶ См. [Соколов 1930; Сергиевский 1934; ΡΑΡΡΟΥ-ZOURAVLIOVA 1999], а также в этом томе «Предисловие», с. 13 и Главу 7, с. 166.

Стереотипные рассказы о языке соседей позволяют носителям противопоставлять себя жителям других поселков, конструировать локальную идентичность. Рассказ строится, как правило, по следующей модели: констатация большей или меньшей взаимопонятности и противопоставление идиомов по фонетическим признакам и по конкретным лексическим различиям.

Слова, а не элементы морфологического, синтаксического, фонетического уровней воспринимаются носителями как «язык». Однако приводимые информантами примеры отличия собственного идиома от идиома их соседей, строго говоря, не являются «двуязычным словарем», облегчающим понимание другого идиома. Их функция — противопоставление своего и чужого варианта. Как правило, рассказчик сравнивает свой вариант только с одним из других поселков.

Условность лексических различий проявляется в том, что один и тот же рассказчик в разных интервью распределяет слова-отличия по-разному. Информант помнит, что эти слова — примеры отличия его речи от речи жителей других греческих поселков, но при этом может относить слово то к одному, то к другому идиому.

Стереотипные характеристики языковых различий достаточно редко бывают почерпнуты из собственного лингвистического опыта информанта: как правило, это устойчивый набор слов, циркулирующий в сообществе. Нужно учесть, что жители разных поселков говорят между собой, как правило, по-русски, а не по-румейски, так что у информантов, по-видимому, нет собственного опыта разговора на румейском с жителями других поселков.

4.2 Языковой сдвиг и его последствия

Абсолютно все носители румейского языка — билингвы, свободно владеющие и русским языком. Более того, для большинства русский язык является доминирующим — им проще объясниться по-русски, чем по-румейски. Основной фактор, от которого зависит владение «титულным» языком группы, — это возраст. В самом общем виде ситуацию можно описать так: большинство молодых румеев способны сказать по-румейски лишь несколько слов, а дети, как правило, не знают и этого минимума; люди среднего поколения — примерно от тридцати до пятидесяти лет — говорят по-румейски с трудом, но понимают сравнительно легко; люди, которым проще говорить по-румейски, чем по-русски, встречаются только среди старшего поколения.

Ситуацию, в которой сообщество переходит с одного языка на другой (в данном случае с румейского на русский), принято называть языковым сдвигом. Проблеме языкового сдвига и исчезновения языков посвящено множество работ,⁷ в том числе рассматривающих и исчезновение языков на территории бывшего СССР.⁸ В них обсуждаются причины языкового сдвига, этапы пути, который проходит язык от «полного благополучия» до «языковой смерти», влияние этого процесса на культуру сообщества и на структуру исчезающего языка. В данный момент мы хотим обратить особое внимание на последнюю тему — структурные изменения в языке, сопровождающие языковой сдвиг.

⁷ См., напр., [SCHMIDT 1985; DORIAN 1992; GRENOBLE, WHALEY 1999; FISHMAN 2001], а также библиографию в этих изданиях.

⁸ См., напр., [ВАХТИН 2001а; КИБРИК 2001б].

Как уже говорилось, для большинства румеев первым языком является русский, а румейским они владеют только в той или иной степени. Активный словарный запас некоторых носителей составляет два-три десятка слов, причем они могут употреблять одно и то же слово в разных значениях: например, *kalós* может означать 'хороший', 'добрый', 'умный', 'смелый' и проч., а *pusútku* — 'плохой', 'тупой', 'злой', 'трусливый', 'дырявый', 'упрямый' и т. п. То или иное грамматическое значение может не маркироваться или маркироваться разными способами: так, в речи одного и того же носителя может использоваться несколько вариантов образования прилагательных ж. р., а может употребляться форма, немаркированная по роду.⁹ Высочайший уровень варьирования, при котором выражение одного и того же грамматического значения для одних носителей оказывается обязательным, для других — необязательным, одно и то же слово для одних означает одно, для других — другое. Подобное явление обычно, а можно сказать, и неизбежно, сопровождается языковой сдвиг [ELL 1994]. Изучение характера этого варьирования — заманчивая, но чрезвычайно сложная задача, смыкающаяся скорее с изучением усвоения второго языка, чем с целями обычного грамматического описания.

В большинстве глав, помещенных в этот том, вопрос о варьировании практически не затрагивается, и описывается «традиционный» вариант румейского языка — тот, которым пользуются наиболее компетентные носители. Никаких строгих критериев отделения компетентных носителей от некомпетентных не было: участники экспедиций просто работали с теми, кто «лучше говорит», т. е. способен переводить лингвистические анкеты, порождать связные тексты и участвовать в диалогах на румейском языке. Как правило, компетентными носителями оказывались пожилые люди. Подобный ограниченный выбор информантов не умаляет ценности представленных описаний, но надо иметь в виду, что это в некотором роде реконструкция предшествующего состояния грамматической системы румейского языка, который в настоящее время представляет собой скорее конгломерат идиолектов, континуум, один полюс которого описан в настоящем томе, другой представлен в речи людей, едва способных породить несколько фраз по-румейски, но тем не менее считающих себя полноценными носителями румейского языка. Между этими двумя полюсами заключено огромное разнообразие неполного владения.

Полнота владения румейским языком зависит от того, какую роль в жизни данного носителя играет румейский язык, как часто и на какие темы ему приходится говорить по-румейски. Наши наблюдения показывают, что частота использования румейского определяется, в частности, такими параметрами, как возраст и принадлежность к определенному поколению,¹⁰ место проживания, пол. Представляется, что в соответствии с этими критериями можно выделить несколько

⁹ О прилагательных см. Главу 9 (с. 206).

¹⁰ Необходимо различать возрастную группу (возраст) и год рождения (принадлежность к определенному поколению). Владение языком может изменяться на протяжении жизни: как отмечает Н. Б. Вахтин, с возрастом люди начинают вспоминать свой язык, чаще его используют [Вахтин 2001а]. В сообществе существуют нормы использования языка для определенных групп (детей, подростков, стариков), и при переходе носителя в другую возрастную группу его языковое поведение может измениться. Другой значимый фактор — принадлежность к тому или иному поколению. У людей 1920-х гг. р. с детства было больше возможностей овладеть румейским языком, чем у тех, кто родился в 1990-е гг. Именно в этом и проявляется языковой сдвиг.

групп носителей, между идиолектами которых структурные расхождения будут минимальными.

Прежде чем переходить к выделению основных групп носителей румейского языка, необходимо очертить языковую ситуацию в Приазовье: распределение функций между румейским и другими языками, актуальными для румеев (русским, украинским, НГР), их статус и отношение к ним.

4.3 Языки, их оценки и функции

4.3.1 Русский

Абсолютно все жители Приазовья владеют русским языком, для многих румеев он является первым. В школьном и высшем образовании в советские годы использовался почти исключительно русский язык (не считая десятилетнего периода коренизации в 1920–30-х гг., когда функционировало незначительное количество греческих школ). Румеи предпочитают смотреть русскоязычные телеканалы, читать русскоязычные книги и газеты. Русский язык, безусловно, доминирует по частоте использования, практически любая коммуникация может вестись по-русски.

Отношение жителей Приазовья к русскому языку, несомненно, положительное, его называют «языком культуры». Из всех языков в Приазовье только русский оценивается как необходимый. Пожилые люди вспоминают о своем стремлении овладеть русским языком как можно лучше, избавиться от «греческого» акцента. Многие стремились избавить своих детей от неприятных переживаний, связанных с незнанием русского языка, и говорили с ними почти исключительно по-русски, а не по-румейски.

4.3.2 Украинский

В Приазовье — по преимуществу, русскоязычном регионе — почти никто не говорит по-украински. Украинский — государственный язык, т. е., согласно законодательству Украины, должен использоваться в преподавании, официальном общении, в административных и судебных органах и т. п., однако все жители Приазовья предпочитают использовать как в этих, так и в других сферах русский язык, и предпочтение это настолько сильно, что русский язык негласно является вторым официальным языком в Приазовье (как и на всей территории Восточной Украины). Большинство жителей румейских поселков учили украинский в школе, но необходимость использовать этот язык в практических целях почти не возникает. Знание украинского языка требуется только для двух сравнительно небольших групп: работников сельской администрации, обязанных вести документацию на украинском, и абитуриентов вузов. Большинство информантов негативно относится к распространению украинского языка в Приазовье.

4.3.3 НГР

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появилась возможность общения с греками из Греции, и НГР стал актуален для румеев. В первую очередь НГР необходим

румеям для поездок в Грецию; в самом Приазовье он используется лишь в школе и в деятельности греческих обществ: по-новогречески говорят с делегациями из Греции и с Кипра, произносят торжественные речи на румейских праздниках, в репертуар всех фольклорных ансамблей входит несколько греческих песен, в газете «Эллины Приазовья» изредка появляются статьи на этом языке. В школах Приазовья с конца 1980-х — начала 1990-х гг. начали преподавать НГР, однако школьные занятия не привели к широкому использованию языка. Количество румеев, знающих НГР, невелико, и, как правило, это представители младшего поколения, изучающие НГР как иностранный (в Приазовье или в Греции) и не владеющие румейским.

Таким образом, жители Приазовья не используют НГР для коммуникации между собой.¹¹ Его основная функция — символизировать связь румеев с другими греками и, если рассматривать шире, — с греческой культурой в целом. Небольшая часть румеев использует НГР для общения с греками из Греции.

Контакты румейского языка и НГР не имеют существенных последствий и в лингвистическом отношении: ни лексические заимствования из НГР, ни структурные уподобления не распространены в речи носителей румейского. Лишь в речи двух информанток из с. Малый Янисоль¹² было зафиксировано влияние НГР.

Хотя НГР не выполняет коммуникативных функций в Приазовье, его необходимо учитывать при описании иерархии языков, сложившейся в настоящее время. Носители часто объединяют румейский и НГР в одном понятии: и тот, и другой язык по-русски может быть назван греческим или эллинским. Хотя большинство румеев не знают НГР и не могут самостоятельно оценить сходство НГР и румейского, бытует представление об их подобии, часто выражаемое с помощью клише «на столько-то процентов сходится». За распространенным среди информантов измерением сходства языков в процентах стоит идея о близости, почти единстве НГР и румейского языка.

Информанты постоянно сопоставляют НГР и румейский, и в большинстве случаев сравнение не в пользу последнего. НГР, с точки зрения информантов, обладает именно теми положительными чертами, которых недостает румейскому. К ним относятся: экономические преимущества, широкие возможности («с новогреческим куда хочешь поедешь»), наличие литературной нормы («чистый язык»), существование письменности («в новогреческом особые буквы, которые сложно выучить»), наличие официального статуса (НГР — государственный язык Греции и Кипра), традиция преподавания. Румейский описывается как язык, лишенный всех этих преимуществ: он не дает никаких экономических выгод, его невозможно использовать за пределами поселка («наш язык отсюда и до асфальта»; «А зачем оно надо, по-русски знаете — и зачем оно, греческий?»), у него нет литературной нормы («смешанный, испорченный язык»), письменности («наш язык бесписьменный»¹³), официального статуса, традиции преподавания.

¹¹ Хотя в прессе, отражающей точку зрения ФГОУ, встречаются заявления о том, что НГР станет «языком общения греческих групп Приазовья», т. е. урумов и румеев между собой, представить себе подобное развитие событий достаточно трудно: в настоящее время коммуникацию урумов и румеев успешно обслуживает русский язык.

¹² **Прим. ред.:** иначе Малоянисоль.

¹³ Это распространенное мнение, хотя для румейского языка была разработана письменность сначала на основе греческого алфавита (кон. 1920-х — 1930-е гг.), потом на основе кириллицы в 1970-х гг. В

Единственная позиция, по которой румейский язык может быть оценен выше, чем НГР, — это бóльшая «древность» румейского по сравнению с НГР. У такого представления есть два источника: интерпретация названия (раз есть **новогреческий**, должен быть и «**старо**греческий» — отсюда высказывания типа «это новый язык, новогреческий, а наш старый язык, старогреческий») и сохранность архаического пласта лексики в румейском, часто отмечаемая в научных и публицистических текстах. Для информантов бóльшая архаичность, «древность» имеет, безусловно, оценочный характер. Представление о бóльшей древности румейского не очень широко распространено и свойственно, разумеется, только тем информантам, которые не считают румейский и НГР вариантом одного языка.

Фактически люди, сталкивающиеся с НГР (те, кто работает в Греции или учит НГР в школе или вузе) не владеют румейским в достаточном объеме и не могут воспользоваться преимуществом, которое предоставляет знание близкородственного языка. Тем не менее, всем известно, что румейский язык помогает понимать НГР («Ну, знаете, много сходится (румейский с НГР — *В. Б., К. В.*). Вот сестра моя ездила в Грецию дважды. Ну, говорит, если вот так они медленно говорят, то, говорит, все можно понять»). Румейский воспринимается как своего рода инструмент, облегчающий усвоение НГР. В этом контексте о румейском могут сказать «полезный язык», но он полезен только в одном смысле — в изучении языка, дающего, по мнению румеев, действительно широкие возможности.

Тот факт, что носители часто не видят разницы между румейским и НГР (такова, в частности, официальная позиция ФГОУ), косвенно влияет и на «реальное» положение румейского, на сохранность и передачу языка. Хотя фактически усвоение или утрата румейского следующим поколением зависит от множества факторов, установка на изучение престижного НГР («литературного греческого», «нужного языка») служит для части сообщества объяснением утраты родного языка. На вопрос «Знают ли Ваши дети эллинский язык?» некоторые информанты с гордостью отвечали, что нет, но зато они учат (знают) НГР. Молодые люди, владеющие НГР, бывавшие в Греции, называют румейский не «наш язык», а «диалект», «тот диалект, на котором старики говорят».

Вопрос о преподавании греческого языка в Приазовье обсуждался в начале 1990-х гг., и греческими обществами Приазовья было принято решение о преподавании НГР, а не румейского языка. Проблема выбора языка осложнялась отсутствием кодифицированной нормы румейского языка и различием идиомов разных поселков. Изучение НГР описывается официальным дискурсом как «возрождение», возврат к языку, который был утрачен, «искажен» в результате контактов с негреческим населением. «Простые» носители, в общих чертах, разделяют такой подход и считают, что НГР следует специально изучать (в школе), тогда как идеи преподавания румейского языка нашими информантами не высказываются.

4.3.4 Румейский

Во многих поселках румейский язык вообще не используется в коммуникативной функции, в других обслуживает только бытовое общение. В зависимости от использования румейского языка обследованные поселки можно разделить на

настоящее время используется последний вариант (в изданиях современной румейской литературы, словарей и пр.); см. также «Предисловие», с. 15.

«благополучные» (Малый Янисоль, Бугас, Касьяновка, Кременёвка (Чердакли), Македоновка) и «неблагополучные» (Ялта, Сартана, Византия). Можно также указать ряд факторов, влияющих на положение румейского языка: размер поселка, его удаленность от города, соотношение румейского и негреческого населения и т. д., однако их важность не следует преувеличивать. Неблагоприятная ситуация в поселках Ялта и Сартана связана отчасти с их положением: Ялта — крупный курортный поселок на побережье, а Сартана — фактически район города Мариуполя, однако для неблагоприятной ситуации в с. Византия, небольшом поселке, расположенном достаточно далеко от города, нет объяснения, которое было бы очевидным образом связано с перечисленными факторами.

Представления самих носителей о языковой ситуации в разных поселках обусловлены различными стереотипами и зачастую не совпадают с реальным положением. Принято считать, например, что «в Сартане все говорят по-гречески», несмотря на то, что, с точки зрения внешнего наблюдателя, в языковом отношении Сартана относится к неблагополучным поселкам. Подобный стереотип обусловлен репутацией пос. Сартана как своего рода «прототипического румейского» поселка, возникшего благодаря активности греческого движения (там функционирует музей, есть фольклорный ансамбль и проч.).

Рассмотрим функции румейского языка в «неблагополучных» и «благополучных» поселках по отдельности.

4.3.4.1

Наиболее неблагоприятна для румейского языка ситуация в трех из обследованных поселков: в Ялте, Сартане и Византии, население которых практически не пользуется румейским. Все коммуникативные сферы обслуживает русский язык. Даже наиболее компетентные носители (представители старшего поколения) говорят по-румейски с трудом и не могут порождать полноценные тексты. Носители вспоминают отдельные слова, готовые клише, используемые в диалогах с соседями, дома, на базаре и т. д., и охотно «предъявляют» эти слова и фразы, набор которых сравнительно невелик и, по большей части, совпадает у разных носителей.

В то же время румейский язык используется как основной маркер этнической идентичности его носителей. Особенно это характерно для пос. Ялта, где многие информанты отмечали необходимость знания румейского языка для того, чтобы «быть греком»: «Какой же грек, если не говоришь по-гречески!». Для поддержания «греческого» самосознания реальная сохранность румейского не так важна, и жителям пос. Ялта оказывается вполне достаточно нескольких клише. Они склонны преуменьшать степень языкового сдвига, и многие жители поселка полагают, что румейский язык отчасти используется в повседневном общении. Разговор, в который включается несколько румейских фраз, пусть даже только формулы приветствия, оказывается маркирован как **греческий**.

Иногда невозможность поддержать беседу или перевести предложения из лингвистической анкеты оказывалась полной неожиданностью для самих информантов. Зачастую интервьюируемые полагают, что румейский используется от случая к случаю, например, в функции тайного языка, непонятного для негреческого населения. Люди среднего возраста склонны считать, что румейский ис-

пользуется более пожилыми, однако материалы наблюдения не всегда это подтверждают. Преимущественное использование русского языка часто объясняют большим количеством русских в поселке, в присутствии которых «неприлично» говорить на незнакомом им румейском языке.

4.3.4.2

В поселках Бугас, Касьяновка, Македоновка, Малый Янисоль, Кременёвка (Чердакли) положение румейского языка представляется отчасти более благополучным по сравнению с вышеописанными поселками. Хотя здесь также наблюдается языковой сдвиг, проявляющийся в значительном варьировании, а в социолингвистическом плане — в уменьшении числа людей, способных говорить по-румейски на любые темы, среди представителей младшей и средней возрастных групп. Главное отличие этих поселков от Сартаны, Ялты и Византии состоит в том, что их жители используют румейский язык не только как маркер идентичности, но и в коммуникативных целях. Выбор русского или румейского в качестве языка общения в данном случае зависит от определенных условий, которые примерно совпадают в разных поселках. На выбор языка может влиять тема (например, политические новости обсуждаются только по-русски), ситуация общения (например, разговор в сельсовете, в основном, ведется по-русски, между торговками на рынке — по-румейски), «особенности» собеседника (с детьми полагается говорить по-русски).

Для людей старшего поколения (1930-х гг. р.) вполне естественно беседовать с хорошо знакомыми ровесниками (супругами, членами семьи, соседями) по-румейски или переключаясь с румейского на русский. Для них румейский — родной язык. Часто можно услышать, как люди старшего и среднего возраста (1930–1950-х гг. р.) разговаривают по-румейски на улице, в магазине, на остановке и даже в приемной сельсовета (Малый Янисоль, Бугас). Те, кто принадлежит к поколению 1970-х гг. р., не говорят свободно, но могут составить несложные предложения и утверждают, что старшие иногда заговаривают с ними по-румейски.

Для «благополучных» поселков характерно восприятие румейского как естественной части поселковой жизни. Среди румеев принято считать, что человек, живущий в селе, скорее всего, владеет румейским. Также подразумевается, что если человек переезжает в город, то он постепенно забывает язык. Отчасти румейский язык воспринимается как «сельский», пригодный для использования только в родном поселке, тогда как для городского жителя естественно говорить исключительно по-русски. Основанием для подобных представлений могут служить воспоминания о низком статусе румейского в советское время. В пос. Бугас, например, бытует выражение, приписываемое бывшему директору школы: «Наш язык только отсюда до асфальта,¹⁴ а дальше русский».

Различия между «благополучными» и «неблагополучными» поселками отражаются как в стратегиях передачи языка следующему поколению, так и в ответе на вопрос о том, могут ли дети говорить на румейском. В Сартане и Византии ответ был всегда отрицательным, в Ялте иногда отвечали, что учат детей гово-

¹⁴ Трасса Донецк — Мариуполь.

речь по-румейски, но без особого успеха.¹⁵ В «благополучных» поселках Бугас, Малый Янисоль, Касьяновка, Кременёвка стереотип совершенно другой: «Дети не говорят, но понимать — понимают, а когда вырастут, то и говорить научатся».

Большинство детей с таким мнением согласны, они считают, что начнут говорить на румейском, когда окончат школу или называют разные сроки — от полугода до двух лет. А. Хатзидаки, анкетировавшая в начале 1990-х гг. мало-янисольских детей в возрасте от 9 до 15 лет, отмечает, что самооценка владения румейским у 14–15-летних несколько выше, чем у 9–13-летних, хотя, по ее мнению, разница не настолько велика, чтобы делать определенные выводы [ХАТЗИДАКИ 1999]. Эти независимо полученные данные подкрепляют наше предположение о том, что изменение норм использования языка связано с переходом из детского возраста в подростковый.

4.4 Основные группы носителей румейского языка

Рассмотрим подробнее ситуацию в одном из наиболее «благополучных» для румейского языка поселке — в Малом Янисоле (Володарский р-н Донецкой обл.). Поселок находится достаточно далеко от города (и от Мариуполя, и от Донецка) и от побережья, т. е. не является курортом (как, например, пос. Ялта). Сейчас его население составляет около 3 000 чел., из которых греков 2 000. Значительное увеличение численности русского (и украинского) населения в поселке произошло, по-видимому, начиная с 1950-х гг.: по данным хозяйственных книг, еще в конце 1940-х гг. русских здесь почти не было. В поселке есть греческое общество, фольклорный ансамбль, в школе работает факультатив по изучению НГР.

В Малом Янисоле экспедиция работала три года (летом 2002–2004 гг.), и на примере информантов из Малого Янисоля мы опишем группы носителей, по-разному использующих румейский язык, т. е. владеющих им в разной степени.¹⁶ Как уже отмечалось выше, существенными параметрами оказываются возраст, принадлежность к определенному поколению, пол, место проживания. Отдельные группы составляют приезжие и люди, знающие НГР.

4.4.1 Дети 1990-х гг. р.

Родители, как правило, утверждают, что обращаются к детям по-русски: «Они еще маленькие, подрастут — конечно, будут говорить».¹⁷ Меньшее единодушие проявляется в ответе на вопрос: «Понимают ли дети по-гречески?» — чаще всего родители предполагают частичное понимание. Родители и сами дети говорят, что дети слышат румейский, в основном, от бабушек и дедушек и значительно реже от родителей.

Большинство детей оценивают свое пассивное знание румейского достаточно высоко, а активное — крайне низко. Дети утверждают, что овладевают румейским не потому, что они говорят сами или к ним обращаются по-румейски, а потому,

¹⁵ Нужно учитывать, что в Ялте под знанием языка детьми подразумевался тот же «лексический минимум», что и у взрослых.

¹⁶ См. также Главу 5 (с. 113).

¹⁷ «Еще маленькими» называли детей от 1 года до 14 лет.

что другие разговаривают по-румейски при них. Однако дети чаще, чем их родители, утверждают, что дома взрослые обращаются к ним не только по-русски, но и по-румейски. Отвечают дети всегда по-русски. Как и родители, дети считают, что они будут говорить по-румейски, когда вырастут.

4.4.2 Дети старше 14 лет

Родители не сомневаются в том, что дети «все понимают по-гречески», хотя с ними подростки по-румейски не разговаривают, а усваивают язык от друзей.

В возрасте старше 14 лет общение со сверстниками занимает гораздо больше времени и приобретает гораздо большую значимость, чем общение в семье. Именно в этот период могут измениться усвоенные в семье нормы языкового выбора. Общение внутри семьи снова выйдет на первый план после брака или, скорее, с рождением ребенка. Таким образом, верхняя граница этой группы определяется не возрастом, а семейным положением. Для женщин переход в другую группу соответствует обычно возрасту 19–24 лет, для мужчин же разброс значительно больше, примерно от 20 до 30 лет.

Дети 14–17 лет, т. е. до окончания школы, утверждают, что разговаривают друг с другом «только по-гречески». Большинство, в основном, подразумевает использование «греческого мата» — это первый пласт румейского языка, владение которым моментально переходит из пассивного в активное, — и активное употребление некоторых других клише. Большинство подростков в 14–17 лет не могут разговаривать по-румейски, но принимают участие в таких клишированных диалогах, как «*Pu rajs?* («Куда идешь?») — *Su tkan* («В магазин») и т. п. или вставляют отдельные румейские слова в высказывания на русском языке. Словарный запас растет, в основном, за счет названий предметов и простых глаголов.

Те, кто после школы находит работу в колхозе, уже через год-два, а то и раньше легко разговаривают по-румейски «в своей компании» на бытовые и производственные темы. Со старшими они предпочитают говорить по-русски, хотя ничего не имеют против того, чтобы к ним обращались по-румейски. Люди старшего возраста не видят никаких различий между собственной речью и речью этого поколения; некоторые отмечают, что младшие знают меньше слов, но это не очень распространенное мнение.

Подростки, которые не собираются оставаться в селе после окончания школы, не хотят говорить по-румейски, боясь за свой русский язык: «А в город поедешь, и тут такой местный наш греческий вперемешку (...). Поэтому стараемся на русском. У нас в классе все мальчики: Эээ, *baró* («конечно»),¹⁸ как начнут говорить (...) видно сразу наш греческий: *че, чи*», но таких высказываний немного. Абсолютное большинство молодых людей относится к перспективе освоения румейского с некоторым фатализмом: никуда не денемся, хорошо ли, плохо, к добру или к худу, но и понимаем, и говорим, если уедем в город — позабываем, останемся в селе — будем знать лучше, но румейский «выучивается» сам по себе: «Это же наш родной язык».

По-видимому, на начальной стадии активного овладения румейским — в 14–15 лет, когда возникает желание противопоставить себя не взрослым, а младшим, —

¹⁸ Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 41, 328] дает форму *барóх*.

он берет на себя функции тайного языка, сленга: игровую функцию и функцию самоидентификации.

4.4.3 Молодые носители языка

Для следующей возрастной группы — молодых носителей языка — существенным признаком оказывается не только возраст, но и гендерная принадлежность. Молодые женщины владеют румейским языком хуже, чем мужчины, вероятно, потому, что женщины раньше переходят в семейный статус, т. е. просто не успевают провести достаточное время в игровой обстановке, общаясь со сверстниками по-румейски. У них рождаются дети, общение с которыми занимает большую часть времени, а с детьми не говорят на румейском. Женщины никогда не говорят, что используют румейский язык на работе; чаще всего в роли наиболее вероятного собеседника на румейском для них выступает свекровь. Женщины много времени проводят дома, тогда как оставшиеся в поселке мужчины продолжают тесно общаться с друзьями детства (теперь уже не в игровой, а в рабочей обстановке) и, следовательно, говорить по-румейски. Начав работать, они проводят больше времени с людьми значительно старше себя, которые лучше владеют румейским и охотно разговаривают по-румейски между собой, давая, таким образом, молодым людям возможность восполнить пробелы в знании языка.

Абсолютное большинство мужчин 1960-х-первой половины 1970-х гг. р. владеют румейским. На вопрос о том, в каких ситуациях они его используют, отвечают: обычно «с друзьями» и «на работе», реже — дома, с родителями.

4.4.4 Люди 1940–1950-х гг. р.

У подавляющего большинства людей 1940–1950-х гг. р. родной язык русский, но они не испытывают никаких сложностей, говоря на румейском. Они могут выразить любую мысль и не делают ошибок. Даже две женщины 1952 и 1953 гг. р., обе уехавшие из Малого Янисоля в возрасте чуть больше 20 лет и живущие одна в Мариуполе, а другая в Москве, смогли переводить лингвистические анкеты и почти не делали ошибок. У них не было возможности значительно улучшить знание языка после отъезда из Малого Янисоля, т. е. все свои знания они приобрели до двадцати лет. Видимо, следует сделать вывод, что в 1960–1970-х гг. румейский в Малом Янисоле использовался шире, чем сейчас, потому что в настоящее время никто не овладевает румейским в таком объеме к двадцати годам.

4.4.5 Информанты 1930-х гг. р. и старше

Для информантов 1930-х гг. р. и старше, родившихся в Малом Янисоле, румейский — первый язык, русский большинство из них выучили позже. Они утверждают, что говорят по-румейски с ровесниками (что подтверждается наблюдениями) и с представителями младшего поколения, если те понимают румейский, а с детьми говорят только по-русски. По-русски многие из них говорят с сильным акцентом, в чем и они, и младшее поколение полностью отдают себе отчет. Роль румейского в их языковой компетенции несравненно выше, чем в языковой компетенции других его носителей. Еще раз подчеркнем, что это связано как с

абсолютным, так и с относительным их возрастом: с одной стороны, они провели детство в языковой среде, благоприятной для усвоения румейского, в отличие от тех, кто родился в период активной экспансии русского языка, с другой стороны, сообщество отводит пожилым людям роль хранителей этнических традиций вообще и языка в частности, ожидая, что в некоторых ситуациях они будут говорить по-румейски, поэтому у них больше возможностей совершенствовать активное владение языком.

Необходимо отдельно рассмотреть еще две категории носителей румейского языка. Выделение этих групп не связано (или только косвенно связано) с возрастом: это приезжие, оставшиеся жить среди румеев, и те, кто знает НГР — выучил его в учебных заведениях Приазовья или спонтанно овладел им во время поездок в Грецию или на Кипр.

4.4.6 Приезжие, постоянно проживающие в поселках

В Малом Янисоле считается, что все приезжие очень скоро выучивают румейский хотя бы пассивно, потому что это необходимо для нормальной коммуникации. Правда, некоторые наблюдения свидетельствуют о том, что неизбежность овладения приезжими румейским — не более чем стереотип, однако среди приезжих действительно есть люди, овладевшие румейским не хуже, чем их ровесники — местные уроженцы. В Малом Янисоле, так же как и в «неблагополучном» пос. Ялта, распространено мнение, согласно которому говорить на румейском при тех, кто не понимает этого языка, неприлично, и информанты утверждают, что они никогда так не делают. Однако если в Ялте действительно по этим или другим соображениям не говорят по-румейски в присутствии тех, кто не понимает этого языка, в Малом Янисоле, по-видимому, подобный тип общения распространен среди мужчин, работающих в колхозе. При этом новичкам ничего не остается другого, кроме как выучить румейский, в чем им готовы помочь: «Вот парень приехал из Тверской области, женился, жена уехала в Грецию, он остался с ее родителями и наострил, понимает все (...). Такие слова знает, которые я не знаю (...). Он на тракторе работает, там начальник, сварщики, они все местные (...). Они разговаривают на работе, он раньше подойдет и слушает. И вот так он потихоньку-потихоньку (...). Первое, говорит, я мат выучил. А потом уже все остальное (...). Едем в автобусе, он мне говорит: „Как будет поцеловать там девушку, как то...“ Я ему записал, он учил».

4.4.7 Информанты, знающие НГР

В первую очередь к этой группе относятся побывавшие в Греции. В последние 15–20 лет отъезд на постоянную или временную работу в Грецию стал обычным для тех, кто может доказать свое греческое происхождение. Уезжающие на временную работу проводят в Греции от полугода до нескольких лет, т. е. достаточно долгое время для того, чтобы в какой-то степени овладеть НГР «естественным путем»: никаких льгот на обучение греческая сторона не предоставляет. Как правило, это люди 1960-х гг. р. и младше, преимущественно женщины, т. к. востребованными оказываются традиционно женские специальности: сиделка, прислуга, нянька. Для людей этого возраста румейский уже не является первым языком.

Часто они говорят, что знают румейский хуже, чем НГР, и, как правило, низко оценивают румейский в сравнении с НГР. Те, кто выучил НГР в вузах, крайне низко оценивают собственное знание румейского и относятся к нему скорее негативно. Дети, изучающие НГР в школах, иногда используют новогреческие слова и конструкции при переводе анкет, однако употребление этих слов и конструкций в обычной речи не зафиксировано.

Так выглядят основные группы носителей румейского языка в Малом Янисоле. Проводя границы между группами, мы опирались, в первую очередь, на возраст, но, разумеется, на уровень знания румейского языка влияет не собственно возраст, а связанные с возрастом параметры, которые можно разделить на два типа: определяемые годом рождения (от этого зависит, знали ли родители информанта русский язык, учился он в греческой или русской школе, был ли в Греции) и определяемые ожиданиями сообщества, согласно нормам которого каждому возрасту соответствует определенное поведение: подростки должны вести себя не так, как дети, старики — не так, как молодые, и т.п. В число этих ожиданий входят и нормы употребления языка. От детей ожидают незнания румейского, о подростках существует мнение, что они понимают по-румейски и разговаривают по-румейски между собой, старикам полагается знать румейский хорошо, даже лучше, чем русский.

При выделении возрастных групп мы старались указать конкретные механизмы, определяющие частоту использования и степень владения румейским языком носителями внутри группы (такие, как стремление подростков использовать румейский в качестве игрового языка, общение с более старшими носителями языка внутри коллектива и проч.). В лингвистическом отношении внутри группы расхождения между идиолектами отдельных носителей, на наш взгляд, минимальны.

В других румейских поселках носители также делятся на группы с разными нормами использования и владения языком, хотя сами группы (их границы и характеристики) могут отличаться от выделенных в пос. Малый Янисоль. В каком-то смысле «благополучные» и «неблагополучные» поселки различаются механизмами, определяющими использование языка людьми определенного возраста. Например, в поселках Ялта, Сартана, Византия подростки не используют румейский в качестве игрового («тайного») языка и пассивное владение языком, если даже оно у них есть, не переходит в активное.

От социолингвистической ситуации в конкретном поселке, возраста, поколения, пола и лингвистической биографии информанта напрямую зависит степень овладения румейским языком, степень вариативности внутри идиолекта и, следовательно, статус форм, полученных от конкретного носителя. Разумеется, учесть все эти факторы крайне сложно, однако их следует иметь в виду при чтении грамматических описаний. Важно также различать возраст и поколение, к которому относится информант: когда ребенок перейдет в другую возрастную группу, его владение румейским изменится, но все равно будет существенно отличаться от знания языка, например, поколением 1930-х гг. р. Как уже отмечалось,¹⁹ данные, представленные в этом томе, ориентированы скорее на предыдущее (если не «идеальное») состояние языка, на инвариант данных, полученных от «лучших» информантов. Следует помнить, что это только верхушка айсберга и реальное

¹⁹ См. с. 100.

существование румейского языка представляет собою континуум языковых вариантов. Для подавляющего большинства румеев румейский не является первым языком, степень владения румейским как вторым языком зависит от социолингвистической ситуации в конкретном поселке и от жизненных обстоятельств. Однако люди, выучившие и выучивающие румейский в подростковом возрасте как второй язык, также могут стать полноценными носителями румейского или считать себя таковыми.

4.5 Румейский как маркер идентичности группы

На сохранность румейского косвенным образом влияет отношение к нему носителей и их потребность использовать язык в качестве маркера групповой идентичности. Поэтому необходимо обратить внимание на наиболее существенные моменты в отношении к румейскому языку в Приазовье.

В последнее время румейский язык в качестве символического **маркера единства группы** может использоваться на официальном уровне: на открытии фестиваля «*Мéга Юрты́*» («Большой Праздник») некоторые ораторы произносят несколько фраз на румейском.²⁰

Статус румейского языка как **символа культурного наследия** активно поддерживается деятельностью существующих почти в каждом поселке греческих фольклорных ансамблей, исполняющих как фольклорные, так и авторские песни на румейском.²¹ В последние годы выступление фольклорного ансамбля обязательно сопровождает любое официальное торжество.²² Эти выступления воспринимаются как неотъемлемая часть общественного праздника и собирают большую аудиторию. Существование фольклорных ансамблей, в целом, оценивается положительно; румеи видят в их деятельности свидетельство сохранности, жизнеспособности румейской культуры. При этом большинство слушателей, а часто и сами исполнители с трудом понимают румейские песни; для людей, не участвующих в ансамбле, вся румейская песенная традиция представлена единственной песней «*Вай, курціи, курціи*»,²³ несколько строк которой они не без труда могут воспроизвести. Наиболее известный румейский фольклорный ансамбль — «Сартанские самоцветы» в пос. Сартана, созданный в 1930-ые гг., закрытый и возрожденный спустя полвека — воспринимается как главный официальный коллектив. Несколько иной тип фольклорного ансамбля представляет собой непрофессиональный коллектив «*Талака́*»²⁴ в маленьком поселке Касьяновка, состоящий из пожилых женщин, для которых румейский язык родной. Участницы ансамбля «*Талака́*» пишут по-румейски стихи и песни. Ансамбль выступает на всех праздниках, и односельчане знают их произведения (в частности, 16-летняя девочка спела нам одну из их песен, причем довольно длинную).

²⁰ Основная часть речи обычно произносится на русском с переводом на НГР для гостей из Греции.

²¹ Надо отметить, что песни на румейском языке составляют лишь незначительную часть репертуара всех ансамблей. Исполняются преимущественно греческие, а также русские и украинские песни.

²² Напр.: фольклорный праздник «*Мéга Юрты́*», который проводится раз в два года в каждом поселке по очереди, ежегодный День села — «*Панаі́р*», 9 Мая и др.

²³ **Прим. ред.:** русск. 'Вай, девочка, девочка'; песня доступна на сайте <http://www.mak-mak.com/gendb/index.asp?page=rus/folk.htm> в исполнении Тамары Кацы.

²⁴ **Прим. ред.:** букв. 'посиделки'.

Еще один символ румейской культуры — это живущие почти в каждом поселке поэты, пишущие на румейском. Одна из задач, которую румейские поэты ставят перед собой, заключается в развитии литературного варианта румейского языка. Стремясь сделать его, с одной стороны, максимально выразительным, а с другой — понятным всем румеям, они вводят в свои произведения лексические заимствования из НГР и разных румейских субдиалектов. В результате литературный румейский часто непонятен потенциальным читателям, даже если субдиалект автора для них является родным, поэтому стихи по-румейски читают почти исключительно сами поэты. В глазах остальных носителей существования румейской литературы повышает престижность языка. Поэтов считают экспертами в области румейского языка: они знают много слов, у них «неиспорченный», «несмешанный» язык.

Восприятие румейского языка «простыми носителями» достаточно сложно. С одной стороны, знание языка воспринимается как часть «греческой» идентичности — выше уже приводилось распространенное мнение о том, что «грек должен знать свой язык»: «Какой же ты грек, если не говоришь по-гречески!». Однако для многих это остается только декларацией, не влияющей на реальное знание языка. Показательно, что чаще всего категорические утверждения о необходимости знания румейского, сожаления по поводу его незнания свойственны жителям наиболее «неблагоприятных» с точки зрения владения румейским языком поселков.

В целом, можно сказать, что румеи воспринимают свой язык как имеющий низкий статус по сравнению как с русским («язык культуры»), так и с НГР. К румейскому относятся как к локальному варианту, используемому в «своем» поселке, «деревенскому» языку, различающемуся в разных поселках. Румейский часто описывается носителями как «плохой» вариант «литературного» языка.²⁵ Такая оценка носителями своего языка, на наш взгляд, не позволяет надеяться на то, что сообщество будет заинтересованно в его преподавании и развитии литературной нормы.

²⁵ Имеется в виду НГР.

Глава 5

– Румейский язык: от 4 до 94

Во второй половине XIX в. Ф. А. Хартахай посвятил языку румеев рукопись «Язык умирающего греческого наречия» [ХАРТАХАЙ 1859]. Однако эти «умирающие наречия» можно наблюдать и сегодня, в нач. XXI в. Чтобы понять, каким образом настолько затянулось «умирание», была исследована языковая ситуация в румейском селе Малоянисоль Володарского р-на Донецкой области летом 2002 г. Исследование проводилось методом анкетирования информантов. В ходе интервью была собрана информация об отношении информантов к румейскому языку, об их оценке ситуации, о том, кто в их семье и в селе в целом говорил по-румейски на разных этапах их жизни. Кроме того, им давались предложения для перевода с русского языка на румейский и текст для перевода с румейского языка на русский. Всего было опрошено 48 чел (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1. Информанты.

Имя	Возраст	Семья
Дети от 6 до 12 лет (10 человек)		
Сеня Т.	6	Румейская
Коля К.	8	—»«—
Костя Т., брат Сени Т.	8	—»«—
Алла Г.	10	—»«—
Вита Г., сестра Аллы Г.	10	—»«—
Юра А.	10	—»«—
Люба П.	11	—»«—
Настя Б.	6	Смешанная
Лейла Б.	8	—»«—
Ира Г.	12	—»«—
Подростки 13–17 лет (8 человек)		
Коля Г., брат Аллы и Виты Г.	13	Румейская
Надя Д.	14	—»«—
Вячеслав А.	16	—»«—
Ирина Дмитриевна Г.	17	—»«—
Ваня Ч.	15	Смешанная
Федя К.	15	—»«—
Костя Ч.	16	—»«—
Антон Г., брат Иры Г.	16	—»«—
Молодежь от 18 до 30 лет (7 человек)		
Мария Николаевна Г.	18	Румейская
Ирина Александровна П.	22	—»«—
Оксана К., приезжая	21	Смешанная
Юрий Федорович К., муж Оксаны К.	21	—»«—

Имя	Возраст	Семья
Иван Ч.	23	—»«—
Дмитрий Федорович К.	27	—»«—
Евдокия Ставриевна Д.	30	Смешанная, живут в Мариуполе
31–40 лет (9 человек)		
Марина Ивановна Л., род. в Тюмени, жила там до 4 лет	31	Русская
Марина Сергеевна Г.	33	Румейская
Кира Николаевна Б.	35	Родители румей, муж азербайджанец
Николай Васильевич Н.	36	Родители румей, жена русская
Кира Ильинична К.	35	Румейская
Мария Георгиевна А., мать Юры А.	36	—»«—
Валентина Александровна Ч., живет в Греции	36	—»«—
Сергей Степанович Г., отец Аллы, Виты, Коли Г.	38	—»«—
Ольга Андреевна Г., мать Иры и Антона Г., украинка	38	Смешанная
41–60 лет (5 человек)		
Елена Анатольевна Т., украинка	41	Муж румей
Нина Семеновна Т., тетя Сени и Кости Т.	43	Румейская
Владимир Николаевич Ч.	47	—»«—
Мария Кирилловна У.	50	Смешанная (отец украинец)
Иван Федорович Ч.	50	Смешанная
61 год и более (9 человек)		
Нина Ивановна С.	62	Румейская
Анастасия Георгиевна Х., мать Киры Николаевны Б.	65	—»«—
Юрий Дмитриевич Х., дед Юры А.	66	—»«—
Зинаида Георгиевна Ч.	66	—»«—
Александра Петровна К.	67	—»«—
Анастасия Георгиевна Ш.	74	—»«—
Виолетта Ставриевна Г., мать Сергея Степановича Г.	77	—»«—
Вера Константиновна В., бабушка Любы П.	78	—»«—
Лазарь Стельянович У.	93	—»«—

5.1 Анкета

Анкета содержала следующие вопросы:

1. На каком языке (румейский, русский) вам проще говорить?
2. Хорошо ли вы говорите по-русски/по-румейски? С какого времени? Где вы научились этим языкам?
3. Хорошо ли вы понимаете русский/румейский? С какого времени?
4. На каком языке вы говорите чаще?

5. Каким вам кажется румейский язык, на котором говорят в селе (красивым, грубым, простым, сложным и т. д.)?
6. На каком языке говорит большая часть ваших друзей? Как вы оцениваете их способности?
7. На каком языке говорит большинство ваших соседей? Как вы оцениваете их способности?
8. На каких языках говорят ваш супруг (супруга), дети, внуки, родители? Какой язык у каждого из них родной? Как вы думаете, на каком языке им говорить проще? Как вы оцениваете их способности?
9. Как часто к вам обращаются на русском/румейском? Кто это делает (ваши друзья, родители, дети, внуки, супруг/супруга, коллеги, соседи, незнакомые люди)?
10. На каких языках вы говорите в следующих ситуациях, почему:
 - (a) Разговаривая с родителями, бабушками и дедушками?
 - (b) С супругом/супругой?
 - (c) С детьми?
 - (d) С внуками?
 - (e) С соседями и их детьми?
 - (f) На работе?
 - (g) С друзьями и их детьми?
 - (h) С незнакомыми людьми?
 - (i) С домашними животными?
 - (j) Во сне?
 - (k) На каком языке вы ругаетесь?
11. Говорили ли вы на румейском/русском и с кем:
 - (a) В детстве, в школьном возрасте
 - (b) После окончания школы
 - (c) Когда вы пошли на работу
12. Где, от кого и в каком возрасте вы и ваши дети/внуки выучили румейский/русский (от своих родителей, от бабушек или дедушек, от других детей, от других взрослых)?
13. С кем вы и ваши дети/внуки говорят на этих языках: со своими родителями, бабушками и дедушками, в школе, с другими детьми, со своими соседями, другими взрослыми (помимо своих родственников и соседей)?
14. Можете ли вы перейти на румейский, чтобы ваши дети вас не поняли? (для детей — могут ли это сделать ваши родители и понимаете ли вы их в этом случае)
15. Как вы думаете, будут ли ваши дети (вы) лучше говорить по-русски/по-румейски, когда вырастут?
16. На каких языках вам бы хотелось, чтобы говорили ваши дети?
17. На каких языках они точно будут говорить?
18. Как вы считаете, сохранится ли в дальнейшем румейский язык в вашем селе?

В качестве предложений для перевода с русского языка на румейский для взрослых использовались анкеты, составленные другими участниками экспедиции. Нашей целью было не столько выявление закономерностей в использовании

информантами грамматики и лексики румейского языка, сколько оценка способности испытуемых к коммуникации на этом языке. Если информант затруднялся в переводе всего предложения, мы упрощали его, заменяя существительные местоимениями, разбивая предложения на части, предлагая назвать хотя бы те слова, которые информант знает.

Детям и подросткам предлагались предложения специально составленной нами упрощенной анкеты:

1. Мама принесла воды.	16. Кошка сидит
2. Отец взял со стола хлеб	17. Собака лежит
3. Девочка пришла домой	18. Гуси, курицы, утки, индюки — это птицы.
4. Мама дала мне молоко	19. Коза ест траву
5. Я ем мясо. (Он ест мясо, ты ешь мясо)	20. Я пасу овец
6. Он ест курицу (утку, цыпленка)	21. Спи
7. Мужчина пьет воду (утром, днем, вечером)	22. Сядь!
8. Женщина варит суп	23. Ложись!
9. Я вижу гору. (реку, село)	24. Вставай!
10. Я слышу разговор	25. Иди сюда!
11. Сегодня идет снег.	26. Принеси воды!
12. Вчера шел дождь	27. Пей!
13. Это высокое дерево.	28. Ешь!
14. Я хочу есть	29. Пиши!
15. Корова пьет	30. Читай!
	31. Замолчи!

Для перевода с румейского на русский были использованы следующие фразы, записанные на пленку (диктор Федор К., 38 лет, румей):

- (5.1) tu kó-mas tu sp'it' č[i] en' xundró¹ a en' sprútsku
'Наш дом не большой, а белый'
- (5.2) sma su sp'it' ðin'drá
'Около дома² растут³ деревья'
- (5.3) ɣo éxu mána k'i táta, mkro aðirfó k'i méya čáča
'У меня есть мама и папа, младший брат и старшая сестра'
- (5.4) pasu skamní káðit mávru káta
'На стуле сидит черная кошка'

¹ Прим. ред.: досл. 'толстый', вм. méyas 'большой'.

² Прим. ред.: досл. 'рядом с домом'.

³ Прим. ред.: глагол пропущен.

- (5.5) atí draná pasa šnár'ja, pap'ija k'i arníθ
'Она смотрит на гусей, уток и курицу'
- (5.6) yáka-m džef' su putám tu xno k'i tu traí
'Мой старший брат пасет на реке корову и козу'
- (5.7) čáča-m majréf' cyn k'i trayuďá trayóď
'Моя сестра варит суп и поет песню'
- (5.8) pas atí na en' sarí f'istán
'На ней желтое платье'
- (5.9) kátu su stol čimát tu škli
'Под столом спит собака'
- (5.10) yo péru tu psum'í k'i faízu ta plíja
'Я беру хлеб и кормлю цыплят'
- (5.11) pses' ítun vrušís a s'imúr sun uranó en' il'us
'Вчера шел дождь, а сегодня на небе солнце'
- (5.12) yo irévu na p'ínu
'Я хочу пить'
- (5.13) yo p'ínu yála
'Я пью молоко'
- (5.14) mána-m l'ej-m'i: «fer neró»
'Моя мама говорит мне: «Принеси воды»'
- (5.15) yo féru tsibérka k'i féru neró su xujú
'Я беру ведро и несу воду из колодца'
- (5.16) «náz'is⁴ tu kaló tu piďíts» — lej tu mána
'«Спасибо, хороший мальчик», — говорит мама'

Эти фразы были предложены подросткам в возрасте до 14 лет.

⁴ Прим. ред.: от *na zís, ср. с НГР να ζης 'чтобы [ты] жил'; о частице на см. Главу 11, особенно с. 354 и сл.

5.2 Корреляция между возрастом и уровнем владения румейским языком (результаты исследования)

5.2.1 Поколение информантов старше 60 лет

Эти информанты говорят, что до школы они не знали русского языка, и румейский — их родной язык. Так, Виолетта Ставриевна Г. рассказывает:

До школы я не знала русского. Мы жили там, наверху. Это было до войны. До 40-го года. Мы в 41-м году пришли вот сюда. И соседка была русская. Мне было 10 лет, что ли. Пришла она, просит у меня грабли. Ну, я подумала-подумала, чего она там говорит. Подумала-подумала, говорю — ну что это такое, ну что это? Я ж не понимала, что это такое. И пошла в зал, искать. Что искала — я сама не знала. Потом она пришла за мной, говорит, что ты ищешь? Я говорю — то, что сказали. Она говорит, идем со мной. Пошли в сарай, и там она мне показала, и вот тогда я поняла, что это такое.

Вера Константиновна В.:

Родители были греки, пока маленькая была здесь, по-гречески разговаривали, а в городе по-русски, я 10 лет жила в Донецке. Там училась по-русски, в греческой школе здесь 1–2 класс училась, только ничего не знаю. С 30-го года в Донецке училась. До Донецка ничего по-русски не знала, ни здравствуй, ни до свидания, ничего. Меня папа всегда учил, и в школе учили. Я ничего здесь, пока туда не поехали, не знала. Я тут окончила два класса, а там, когда мы переехали, в первом классе я села. А там 7 класс уже кончила на русском языке.

На просьбу охарактеризовать местный диалект многие информанты отвечают:

«Нравится — не нравится, а свой язык, родной» (Виолетта Ставриевна Г.).

«На своем языке легко разговаривать» (Анастасия Георгиевна Х.)

и проч.

Они общаются на румейском языке между собой, часто обращаются на нем к тем, для кого родной язык — русский. Об этом рассказывают и информанты других поколений:

Да. Лучше было раньше, когда дедушки еще наши говорили. Он как-то был более, ну, много разных слов было. Сейчас же много чего нету. Сейчас вот на свадьбе — солянка. Раньше говорили: *fer-m'i álas — дай соль*.⁵ Сейчас — *fer-m'i солянка an tu ála*⁶ — раньше *latiró* ее называли. Помню, дедушка мой чабаном был. Я к нему ходил помогать, ну и просто ходил к нему на смену. И там вот они более, иначе разговаривали. Песни пели (...). Например, мой дед, баба — здесь учились по-гречески. Дед мой в этом году умер, он седьмого года, ему 95 лет было — он много знал. Даже слово *революция* говорил на греческом. А сейчас *топор — секира*, как по-украински.

(Николай Васильевич Н.)

В то же время, многие старики рассказывают, что в школе им было тяжело без знания русского языка, в котором у них на всю жизнь сохранился акцент. Поэтому они старались не разговаривать со своими детьми по-румейски, чтобы

⁵ Прим. ред.: досл. 'принеси мне соли'.

⁶ Прим. ред.: досл. 'принеси мне солянки с солью'.

тем было легче выучить русский. Некоторые до сих пор придерживаются этого принципа в отношении своих внуков. Вот разговор с Анастасией Георгиевной Х.:

Соб.: А с детьми как разговариваете?

Инф.: С детьми по-русски.

Соб.: Почему?

Инф.: Ну чтобы легко им было учиться. Сейчас ведь все на русском, на украинском. Особенно сейчас переводят на украинский язык.

О похожей ситуации в своем детстве рассказала Евдокия Ставриевна Д.:

Инф.: В семье общались на греческом, а с нами общались на русском

Соб.: К вам обращались по-русски?

Инф.: К нам обращались и по-гречески, и по-русски.

Соб.: Сами вы говорили по-гречески?

Инф.: Нет, мы не говорили только из-за того по-гречески, что папа все переживал, чтобы мы знали русский язык и не было потом проблем, не было акцента в школе. А так, в принципе, мы владеем греческим, разговариваем.

Есть семьи, в которых сами матери запрещают старикам обращаться к своим детям по-румейски из этих же соображений, например, семья Александры Петровны К.:

С детьми по-русски разговариваю, не разрешают по-гречески. Мамки не разрешают. Раз они живут среди русских, по-русски с ними.

Вера Константиновна В. рассказывает:

Дома у нас с детьми мы разговариваем по-русски, потому что школа. Они учатся по-русски (...). На работе я по-русски, там дети были, я техничкой там работала среди детей, среди учителей, мы разговариваем по-русски.

Таким образом, в школе, детском саду детей тоже стараются оградить от влияния румейского языка.

Интересно, что аналогичный рассказ был записан нами в Финляндии, но речь шла об ингерманландцах в России и финском языке (Светлана Л., 34 г., с 1990 г. живет в г. Турку, Финляндия):

Инф.: Мы — ингерманландские финны, и жили на территории России, в которой раньше все бабушки и дедушки, живущие в деревнях, имели свою собственную финскую школу. Эти школы в свое время, в 39-м, в 40-м благополучно закрыли, учителей всех, конечно, расстреляли. И поэтому моя бабушка и все наши бабушки говорили только на финском языке. Моя бабушка очень плохо говорила на русском.

Соб.: А с вами как она разговаривала?

Инф.: А с нами она разговаривала на русском, потому что мамы и папы наши знали и русский, и финский, но школы финской не было; мы учились в русской школе; преподаватели к нам относились как к детям, которые знают только русский язык.

Информанты старшего поколения не испытывают трудностей при переводе предложений с русского языка на румейский. Именно их опрашивает в качестве информантов большинство исследователей, проводящих лингвистический анализ румейского языка.

5.2.2 Информанты в возрасте 41–60 лет

Многие из информантов с детства знают румейский язык, хотя их родители и старались ограничить влияние на них со стороны румейского языка:

Соб.: Родители разговаривали с вами в детстве по-гречески?

Инф.: Да, постоянно. Но когда я стала уже собираться в школу, они стали разговаривать по-русски, потому что очень тяжело сочетать греческий язык с русским, и слова, написание слов, грамматики — в этом делаешь ошибки грамматические
(Нина Семеновна Т.).

Даже мои сверстники ходили в школу, если жили в греческих семьях, они говорили чисто по-гречески. Тогда как было заведено — в чисто греческих семьях и браки должны быть чисто греческие, чтоб сохранить нацию. И один мальчик пошел в школу, он не знал буквы. И учительница ему объясняла: „А — avxi,⁷ Б — бричка“. Тяжело переходили. Мы еще когда в школе учились, я когда пошел — в пятьдесят девятом, нам запрещали на греческом говорить в школе (...). В той части [села — А. Г.] сейчас русские, приезжие. В 50-е гг. в село началось заселение переселенцев, чтоб смешать браки, чтобы не было разделения греков и русских. И появились смешанные браки.

(Иван Федорович Ч.)

Возможно, в это время смешанные браки стали более обычными, чем раньше. Так, Иван Федорович Ч. и Мария Кирилловна У. росли в смешанных семьях, но говорили по-румейски со сверстниками, соседями. Владимир Николаевич Ч. утверждает, что с ним и в семье всегда говорили по-румейски; он считает румейский своим родным языком и до сих пор постоянно общается на нем как в семье, так и на работе и с соседями. Иван Федорович Ч. и Мария Кирилловна У. сообщают, что им одинаково легко говорить и по-румейски, и по-русски. Нина Семеновна Т. говорит, что предпочитает общаться на русском языке, хотя при необходимости может говорить и по-румейски.

Эти информанты не испытывают серьезных трудностей при переводе предложений с русского языка. Почти всегда дают перевод сразу, не задумываясь. Нина Семеновна Т. один раз прибежала к помощи отца, поскольку не помнила слова *злой*; Иван Федорович Ч. не мог перевести словосочетание *веселые люди* и также обращался за помощью к соседу. Остальные предложения затруднений у информантов не вызвали. Впрочем, Иван Федорович Ч. выражал неуверенность в своих переводах:

Может, старые греки и по-другому бы сказали. У них еще больше запас слов.

5.2.3 Информанты в возрасте 31–40 лет

Николай Васильевич Н. и Валентина Александровна Ч. утверждают, что их родители говорили по-румейски меньше, чем бабушки и дедушки, которые их воспитывали. В смешанной семье Марины Ивановны Л. по-румейски также говорили в основном старики. С Сергеем Степановичем Г. в детстве говорили и по-румейски, и по-русски, как соседи, так и в семье. Однако Кира Ильинична К. рассказывает и другое:

⁷ Прим. ред.: 'заря'.

Соб.: Вы в школе когда учились, русский уже знали? До школы говорили на каком языке?

Инф.: На русском, конечно.

Соб.: Родители разговаривали с вами по-русски?

Инф.: Да, и я сейчас с детьми по-русски разговариваю.

Соб.: Почему?

Инф.: Потому, что коверкается русский язык.

Мария Георгиевна А. говорит, что в детстве родители говорили с ней по-русски, а между собой по-румейски, и теперь на румейском языке она общается с людьми пожилого возраста, а со сверстниками — на русском. В семье Киры Николаевны Б. (дочь Анастасии Георгиевны Х.) с детьми также говорили и говорят по-русски. Все информанты этой группы утверждают, что их первый язык — русский, хотя по-румейски они говорили еще в детстве. Украинка Ольга Андреевна Г. рассказывает, что, выйдя замуж за румея и приехав в румейское село, она выучила румейский и общается на нем с родственниками и другими взрослыми:

Я сюда приехала — у меня и тети, и дяди, и племянники — все говорили по греческому языку. Я говорю, ну, не разговариваю, а так — такие слова, ну, в общем, понимаю, разговариваю. Я работаю в магазине в сторону Пятихаток — там бабушки, в основном греческое население, и мы по-гречески говорим. Бывает, уже забываешь по-русски, и говоришь по-гречески. Муж в основном по-гречески говорит, и с соседями, родителями, даже со мной (. . .). Поживешь, и кажется, я так все понимаю, мне кажется, я его знала всегда. А когда привыкнешь — ничего сложного такого нет.

Это может свидетельствовать о том, что в ее поколении румейский язык востребован. О других приезжих в селе также часто рассказывают, что они говорят по-румейски:

В селе тоже же у нас много русских. Есть русские такие, приезжают, выходят замуж девчата. Вот я знаю, одна приехала — она через два месяца разговаривала по-гречески лучше, чем мы.

(Сергей Степанович Г.)

[Приезжие — А. Г.] полностью культуру воспринимают. И забывают свой украинский, и говорят на греческом, и такие же греки становятся, и сейчас, кто приезжает, полностью воспринимают. Ну, десять лет поживет. . .

(Иван Федорович Ч.)

Русские, когда приезжают, сразу спрашивают: это как? Вот как вы интересуетесь, они тоже. Как *корова* по-гречески, как *цыплята*. Переведем, и знают все.

(Александра Петровна К.)

Впрочем, украинка Елена Анатольевна Т. говорит, что знает по-румейски лишь несколько слов и не может общаться на этом языке.

При переводе предложений с русского языка Марина Ивановна Л. испытывала затруднения, связанные с изменением структуры предложения (в отличие от представителей старших поколений):

Соб.: Как сказать: *Худой ребенок играет с толстой кошкой?*

Инф.: Надо сориентироваться. Перевод, например, на греческий, там не идут предложения, там слова совсем меняются. *Худой ребенок* — и то уже перевести, надо поменять: arísku balá... arísku balá pez' an... arísku balá pez' an t[u] káta.⁸

Она также испытывала трудности в переводе прилагательных: прилагательное *скромный* (которое знают многие информанты) заменила на kaló 'хороший', *ворчливый* и *бешеный* — на tsinó 'плохой?'. При переводе она прибегала к помощи соседа. Часто вставляла в перевод русские слова: tu kó-m t[u] mána... *невысокая* 'моя мать невысокая', *yo drapú gora* 'я вижу гору'. Не вызвали затруднений у нее простые предложения в повелительном наклонении, типа *дай хлеба, принеси воды*.

Мария Георгиевна А., Николай Васильевич Н. и Сергей Степанович Г. значительно лучше справились с переводом. Они перевели все предложенные стимулы, почти не прибегая к помощи старших. Впрочем, Сергей Степанович Г. часто опускал глагол-связку en' в соответствии со структурой русского предложения:⁹

Соб.: *На небе луна.*

Инф.: pasun uranó féngus¹⁰

Соб.: *На небе солнце.*

Инф.: pas uranó il'us¹¹

Стимул *сегодня идет снег* он также перевел дословно, несмотря на то, что в румейском есть отдельный глагол. Многие информанты более старшего возраста переводят так же, однако мать Сергея Степановича Г., Виолетта Ставриевна Г., поправляла его:

Соб.: *Сегодня идет снег.*

Инф.: s'ímur raj šon'.

Мать: s'ímur šn'is'.

Инф.: Но они просят именно *идет*.

Валентина Александровна Ч. с 1995 г. живет в Греции. При переводе затруднение у нее вызывал только выбор между НГР и румейскими словами, который она делала правильно. Она перевела все предложения без помощи старших.

5.2.4 Информанты в возрасте 18–30 лет

Родители информантов, относящихся к этому поколению, по-видимому, испытывали меньше опасений, связанных с ранним освоением румейского языка, чем это было раньше. Так, Дмитрий Федорович К. утверждает, что румейскому языку его целенаправленно учила бабушка:

⁸ **Прим. ред.:** 'несчастный ребенок... несчастный ребенок играет с... несчастный ребенок играет с кошкой'.

⁹ **Прим. ред.:** по-видимому, это явление не просто вызвано тем, что информант владеет русским лучше, чем румейским, а связано с общими тенденциями развития румейского синтаксиса в ситуации сосуществования с русским языком, ср. с примером(5.2); см. подробнее Главу 12, с. 384.

¹⁰ Вм. pasun uranó en' féngus.

¹¹ Вм. pas uranó en' il'us.

Отец со мной, с детьми больше общался по-гречески, чтобы немножко мы понимали, учил нас. Меня вообще научила бабушка, папина мать. Когда я маленький был, бабушка мне пела разные песенки на греческом языке, но я не помню. Если просила что-то сделать, старалась больше по-гречески. Нас в семье было пятеро детей, она старалась всем по чуть-чуть, и она видела, с тем, кто понимает, она совсем не так занималась.

В то же время, например, родители Евдокии Ставриевны Д. и Марии Николаевны Г. боялись, что румейский помешает им выучить русский язык. В их семьях взрослые общались по-румейски только между собой. Теперь взрослые говорят с ними и по-румейски, и по-русски. Остальные информанты этой группы утверждают, что к ним обращались как на русском, так и на румейском языке. Интересно, что, по словам Ирины Александровны П., соседи чаще обращались к ним в детстве по-русски, а теперь взрослые говорят с ними и по-румейски:

Соб.: На каком языке с вами в детстве говорили соседи?

Инф.: В основном на русском. И я с ними. С подружками — я даже не помню такого случая, чтобы звучал греческий язык.

Соб.: А сейчас?

Инф.: Сейчас как-то стараемся что-то на бытовом уровне сказать друг другу.

Соб.: А с соседями?

Инф.: Тоже.

Из этого можно заключить, что соседи считали, что дети не знают румейского языка, и предпринимали попытки заговорить с ними, только когда те выросли.

Несмотря на то, что в детстве они постоянно слышали румейский язык, информанты этого поколения заговорили на нем только в подростковом возрасте или даже после окончания школы. Ирина Александровна П. рассказывает:

Я сейчас замечаю, что намного больше можно сказать. Чувствую себя намного увереннее в таком возрасте.

Вот сообщение Юрия Федоровича К.:

Соб.: Вы с детства говорили по-гречески или потом начали?

Инф.: После пятого класса. Мне неинтересно было. А потом — кто уже разговаривал по-гречески — мне ж интересно, что они говорят. Может, там поделят, а мне не достанется.

Евдокия Ставриевна Д. живет в Мариуполе, и поэтому говорит главным образом на русском языке. Однако при встрече с жителями села она переходит на румейский:

Инф.: На работе я общаюсь только на русском, я в Мариуполе живу. Вместе с тем, если встречаемся с земляками в Мариуполе, то без проблем общаемся на греческом.

Соб.: Если встретите кого-то из своих, будете по-русски говорить или по-гречески?

Инф.: Ну, смотря как, но обычно, если я встречаю земляков, то они начинают говорить на греческом.

При переводе предложений с русского языка эти информанты часто затрудняются, заменяют слова на более простые.

Мария Николаевна Г. перевела почти все предложения без особых затруднений. Она заменяет некоторые прилагательные словами русского языка:

Соб.: *С веселыми людьми легче жить.*

Инф.: Какие предложения... an kalá ta kózmus...¹² *легко*. Нет у нас. Все так говорят.

Соб.: *Ах ты, бедненький!*

Инф.: Не знаю, *бедненький* как можно сказать.

Соб.: *У него ворчливая жена.*

Инф.: tu kó-t tu inéka ál'ax...¹³ *ворчливая*...¹⁴.

Соб.: *Скромная девочка.*

Инф.: aútu tu kurtsíts en' ál'ax kaló,¹⁵ это будет два слова.

Она также запинается на других прилагательных и вообще переводит медленнее, чем информанты старших поколений, чаще останавливается, думает. Тем не менее, ей удалось перевести большую часть предложений.

Юрий Федорович К. вместо перевода предложений давал перевод отдельных слов. Видимо, он пользуется ограниченным набором синтаксических конструкций:

Соб.: Как вы переведете: *Это человек, которого я вчера видел.*

Инф.: Ну, видишь, это не переводится. Вот pses' — это вчера; íða-tun — это 'видел я его'. Вот ты говоришь *это*, а у нас не так. У нас было бы так: yo pses' íða-tun, и все, — 'я [вчера] *его* видел'.

Ирина Александровна П., изучающая НГР в вузе, путает НГР и румейские слова:

Соб.: *Вчера шел снег.*

Инф.: Дождь — это évrišín,¹⁶ а снег... x'ón'is'e,¹⁷ что-то такое; x'ón'i¹⁸ — от снега... хотя нет, я изучаю новогреческий язык, больше могу сказать на новогреческом.

Соб.: *Отец взял хлеб со стола.*

Инф.: táta p'írin' psum'í apó t[u] trapéz¹⁹

Соб.: *Сегодня на небе солнце.*

Инф.: s'ímur... нет, подождите, s'ímur — это по-новогречески, а *сегодня*... Мама, как будет *сегодня* по-гречески?

Мать: s'ímur.

Инф.: s'ímur íl'us... *на небе* — sun uraó.

Она также не помнит многих достаточно простых слов:

Соб.: *С горы виднеется село.*

Инф.: xóra f'én'íti... xóra...²⁰ f'én'íti... *гора* на нашем диалекте... я уже не помню.

¹² **Прим. ред.:** досл. 'с хорошими людьми', с собирательным сущ. kózmus 'мир, люди': ср. с НГР x'ómoc.

¹³ **Прим. ред.:** досл.: 'его жена'.

¹⁴ Пропущен глагол-связка en'; см. сн. 9.

¹⁵ Досл.: 'эта девочка очень хорошая'.

¹⁶ **Прим. ред.:** 'шел дождь'.

¹⁷ **Прим. ред.:** 'шел снег', это НГР форма — χιόνισε.

¹⁸ **Прим. ред.:** 'снег', это НГР форма — χιόνι, вм. РУМ. șon или șon'.

¹⁹ Вм. ax tu trapéz'.

²⁰ **Прим. ред.:** 'деревня виднеется', форма f'én'íti — это, возможно, искаженная НГР форма φαίνετα; РУМ. fénit.

Соб.: *На меня что-то капнуло.*

Инф.: *Капнуло?..*

Соб.: *Мы только что умылись.*

Инф.: *Умылись... нет.*

Евдокия Ставриевна Д. переводит предложения медленно, с подсказками матери, и говорит, что забывает язык, потому что давно живет в Мариуполе:

Соб.: *Вчера шел снег.*

Инф.: *xtes ítun...²¹*

Мать: *pses'* — это *вчера*.

Инф.: *А, xtes — позавчера... Был снег, вчера был снег?*

Мать: *šon'*.

Инф.: *А, šon', ítun šon'.*

Очевидно, что информанты этой группы испытывают значительно больше затруднений при переводе предложений на румейский язык, нежели представители описанных выше групп. Словарный запас у этих информантов беднее, чем у старших поколений. Однако те из них, кто живет в селе, утверждают, что постоянно используют румейский язык в общении. Мария Николаевна Г. характеризует его как легкий. По-видимому, естественная коммуникация в реальных ситуациях для них проще, чем перевод искусственно составленных предложений.

5.2.5 Подростки 13–17 лет

Все подростки говорят, что часто слышат румейский язык и на улице, и в своих семьях, особенно от бабушек и дедушек. Ирина Дмитриевна Г. утверждает, что ее бабушка вообще не говорит по-русски и родители также обращаются к ней и ее младшей сестре (5 лет) по-румейски. Бабушка Антона Г. тоже плохо говорит по-русски, но с другими взрослыми он пока по-румейски не общается, хотя, видимо, знает румейский с детства:

Соб.: *На каком языке на первом заговорил?*

Инф.: *На русском, а когда в первый класс пошел, учителя на меня ругались, что по-гречески разговариваю.*

Сами подростки заявляют, что дети знают румейский язык хуже взрослых:

Инф.: *Маленькие дети постоянно знают греческий меньше, чем взрослые.*

Соб.: *Когда ты начал говорить по-гречески?*

Инф.: *С 13 лет (Вячеслав А.).*

Соб.: *В селе много народу греческий понимает?*

Инф.: *Все, лет с 13–12 — все абсолютно.*

Соб.: *А до 12?*

Инф.: *Ну, такие обычно тоже понимают, но не говорят (Ваня Ч.)*

²¹ **Прим. ред.:** досл. 'позавчера был'. Возможно также, что информант в какой-то степени владеет НГР, ср. с НГР *χθες* 'вчера'.

Некоторые из опрошенных нами подростков уже используют румейский язык в общении с друзьями. Однако румейский часто привлекает их как тайный язык, язык, на котором они ругаются и сочиняют неприличные песенки:

Соб.: А в школе с друзьями вы говорили на каком языке?

Инф.: У нас в школе не все греки, поэтому на русском.

Соб.: А просто с друзьями?

Инф.: С подружкой иногда так, если где-нибудь идем, а там одни русские, чтоб не понимали, мы по-гречески говорили (Ирина Дмитриевна Г.)

Ваня Ч., Вячеслав А. и Федя К. рассказывают:

Ну, если, например, приезжают с другого села на дискотеку, обсуждаем их по-гречески, чтобы они не поняли.

Как по оценкам самих подростков, так и в соответствии с нашими тестами, они гораздо лучше понимают румейский язык, чем говорят на нем, хотя и могут переводить некоторые предложения.

Коля Г. переводит предложения только с подсказкой старших (отца — Сергея Степановича Г. и бабушки — Виолетты Ставриевны Г.). Он не помнит многих существительных, глаголы знает лучше:

Соб.: *Отец взял со стола хлеб.*

Отец: *táta p'írin...*

Инф.: *táta p'írin psum'í...*

Отец: *... asu стол.*

Инф.: *... asu стол.*

Соб.: *Я ем суп.*

Инф.: *yo tróyu...*

Баб.: *... faí.*²²

Соб.: *Одежда висит на стене.*

Инф.: *одежда krémnit...*

После подсказки Коля Г. сразу произносит нужное предложение, но сам его построить не может. Из предложенных восемнадцати предложений полностью самостоятельно он перевел только три. Из шестнадцати предложений текста для проверки понимания мальчик правильно перевел девять. Он не смог перевести слов *брат*, *сестра* из примеров (5.3, 5.6, 5.7); *утки* в (5.5); *вм. сидит* в (5.4) сказал *живет*, не смог перевести (5.11), а в (5.2) заменил мн. ч. *деревья* на ед. ч. Он также не перевел прилагательное *sarí* 'желтый' в (5.8), но его не знают многие информанты даже пожилого возраста, впрочем, как и другие названия цветов.

Надя Д. испытывала меньше трудностей при переводе предложений с русского языка. Она хорошо знает названия домашних животных (*утки*, *курицы*, *цыплята*, *индюшки*, *корова*, *коза*, *кошка*, *собака*), которые, по-видимому, часто слышит от взрослых. Не помнит некоторых существительных (*гора*, *трава*, *утро*, *день*), местоимения *он*. Тем не менее, она перевела большую часть предложений (20 из 31). Самыми легкими для нее оказались предложения в повелительном наклонении.

²² Прим. ред.: *faí*, в принципе, обозначает любое кушанье.

В переводе текста с румейского языка девочка сделала всего четыре ошибки, бóльшая часть которых объясняется качеством записи и ее невнимательностью. Так, пример (5.4): *rasu skamni káthit mávru káta* ‘На стуле сидит черная кошка’ она перевела как *на скамье сидят мама и папа*, по-видимому, вместо *mávru káta* услышав *mána k’i táta* (тем более, что в предыдущем предложении говорится о матери и отце). В (5.3) она сказала *младшая сестра и брат* вм. ‘(младший) брат и старшая сестра’, видимо, потому что начала переводить его раньше, чем оно прозвучало до конца. В (5.1) она заменила ‘небольшой’ на *большой*. Кроме того, в (5.8) Надя Д. перевела слово *sagí* ‘желтый’ как *серый*, но сомневалась в своем переводе. Видно, что, несмотря на небольшой активный словарный запас в румейском, с переводом на русский язык она справилась хорошо.

Федя К. перевел одно предложение из предложенных восьми. Так же как и Коля Г., он лучше справляется с глаголами, чем с существительными, но его словарный запас очень беден.

Ваня Ч. перевел девять предложений из двадцати пяти. Он не знает даже отдельных простых слов:

Соб.: Как будет *кошка сидит, собака лежит*? Как будет *кошка*?

Инф.: *Кошка — káta, собака — škli.*

Соб.: *Гуси, курицы, утки, индюшки?*

Инф.: Не знаю.

Соб.: *Коза ест траву?*.. ну хоть какое-нибудь слово?

Инф.: *faj — кушает.*

Соб.: *Я пасу овец.*

Инф.: Не знаю.

Соб.: *Сядь.*

Инф.: *kats.*

Соб.: *Ложись? Вставай?*

Инф.: Не знаю.

Вячеслав А. справляется с переводами лучше. Он перевел семнадцать из тридцати одного предложения, знает слова, которых не знают Ваня Ч. и Федя К. (*кошка, собака*, названия птиц, глаголы анкеты, слова *вчера, сегодня, завтра*).

Костя Ч. утверждает, что по-румейски с ним не говорят ни соседи, ни родственники, что он не способен отвечать им; что с друзьями-сверстниками он также не общается на румейском, если не считать ругательств:

Инф.: Я сразу скажу — я греческий не знаю вообще (...).

Соб.: Бывает ли, что к тебе обращаются по-гречески?

Инф.: Иногда бывает, но редко. Вообще молодежь общается на русском.

Соб.: Кто-нибудь из твоих сверстников говорит по-гречески?

Инф.: Если что употребляем, то по-гречески — нецензурные слова. А чтобы общаться...

Соб.: А из тех, кто постарше?

Инф.: Лет с тридцати, кто общается по-гречески. А так греческий язык вымирает.

Он отказался переводить предложения, сказав, что не знает румейского языка. Все это он аргументирует тем, что не собирается оставаться в селе после окончания школы:

Соб.: Можешь сказать *мама принесла воды*?

Инф.: Я говорю — я по-гречески понимаю. А говорить — я не задавался этой целью. Я общуюсь без него. Мы общаемся как — если греческий, это у нас со сверстниками — лучше не надо. А так — русский язык.

Соб.: Ты не хочешь знать греческий?

Инф.: Нет. Зачем он нужен будет. Я в селе не собираюсь оставаться. Лучше я выучу новогреческий. Зачем лишний раз голову забивать.

Ирина Дмитриевна Г. перевела все предложенные предложения, но многие слова заменяла русскими и меняла формулировки предложений. По-видимому, наибольшие трудности у нее вызывают прилагательные:

Соб.: *Когда моя дочь была маленькая, она была толстая.*

Инф.: *ánda ftun tu kó-m... дочь... t[u] kor mikrí atí ftun...²³ толстая* как сказать? [Сестре:] *Надя, как будет толстая? Я даже не знаю.*

Соб.: А как *сейчас она худая*?

Инф.: *tóga en'... худая* у нас говорят *маленькая* — *mikrí*.

Соб.: *Моя жена вспыльчивая.*

Инф.: *tu kó-m t[u] inéka en'... вспыльчивая* в нашем греческом нет. Есть *кричит* — *xlis'*, *žuréf'* — *ругается*.

При переводе предложений она часто останавливается, размышляет.

5.2.6 Дети в возрасте от 6 до 12 лет

Нина Семеновна Т. (тетя Сени и Кости Т.), говорит, что их стараются учить русскому:

Большую часть мы все разговариваем по-русски с детьми, потому, что ломается язык, и произношение — очень тяжело. В одном слове по три по четыре ошибки, когда пишешь, особенно диктанты первоначально.

Однако помогая детям в переводе, она упоминает эпизод, когда отец обращался к ним по-румейски, и, вероятно, это происходит регулярно: «Ну, вот вчера папка приехал и забрал вас на речку, что ты сказал?».

Кира Ильинична К. (мать Кирьякулова Коли К.) утверждает, что не хочет, чтобы дети знали местный диалект. Однако ее сын уже понимает румейский и может немного говорить на нем, а дочь Аня (1989 г. р.) считает, что ей бывает проще объяснить что-то по-румейски, чем по-русски, хотя по-русски она заговорила раньше.

Лейла Б. растет в смешанной семье, ее отец азербайджанец, поэтому дома по-румейски не говорят, а ее бабушка, Анастасия Георгиевна Х., как уже отмечалось, старается обращаться к детям по-русски. Так же поступает и Вера Константиновна В. (бабушка Любы П.):

Соб.: Если нянчите внуков, на каком языке разговариваете?

²³ Прим. ред.: досл.: 'когда была моя... дочь... дочь маленькая она была'. Возможно, форма *mikrí* — влияние НГР.

Инф.: По-русски я разговариваю. *Маленькая* — по-русски; *у-ля-ля, крошечка моя, хорошая* — по-русски я разговариваю. По-гречески я ничего не говорю. Ни *а-ля-ля*, ни *ба-ля-ля*. По-русски. И сразу, как начали учить, по-русски учили. По-русски говорят: *на хлебушка, кушай*. И хвалю, и ругаю — по-русски: *Ай-яй-яй, какой ты бессовестный. Принеси мне водички* — по-русски прошу. Если *Иди спать* говорю, по-русски: *Пора спать. Ножки помыть и спать*. Зову кушать: *Давай кушать* — только по-русски.

Даже если она обращается к внукам по-румейски, они отвечают по-русски.

Алла и Вита Г., как и их старший брат Коля Г., постоянно слышат дома румейскую речь. То же самое происходит в семьях Юры А. и Иры Г. Дед Юры А., Юрий Дмитриевич Х., рассказывает:

Инф.: У меня мать, отец понимали. Мать вообще плохо по-русски разговаривала. Я пошел в школу — два слова по-русски не понимал. А они вон по-гречески не разговаривают [показывает на Юру А.]. Я с ними по-гречески, они по-русски. Некоторые слова, так. . .

Соб.: Вы бы хотели, чтобы он по-гречески говорил?

Инф.: Да он понимает, будет разговаривать.

Соб.: Ваши дети начали говорить, когда были маленькие?

Инф.: Я русский начал с первого класса, мне очень тяжело было. Хорошо, что учителя греки, половина русские, половина украинские, это значит, понимали. Я сейчас не все слова могу сказать, акцент есть. Но любой может понять меня. А с ними я по-гречески, мать по-гречески, жена по-гречески, а они по-русски. Они чисто по-русски говорят, и не поймешь, что грек. Мои дети говорили по-русски, мы с ними по-гречески. А сейчас в основном по-гречески, и по-русски.

Про других детей, кроме Лейлы Б. и Любы П., взрослые также говорят, что те все понимают, но еще не могут разговаривать по-румейски. В отношении Лейлы Б. и Любы П. взрослые могут использовать румейский язык как тайный, чтобы дети не поняли их, тогда как в других семьях это невозможно.

Сеня Т. перевел на румейский язык два из шести предложенных предложений. Вместо того, чтобы переводить предложения с румейского, он повторял их на румейском языке и иногда заменял часть слов на русские:

Соб.: *čáča-m majréf' cun k'i tračudá tračóđ* (см. пример (5.7)).

Инф.: *čáča-m majréf' cun k'i tračudá. . .*

Соб.: А по-русски?

Инф.: *čáča-m majréf' cun k'i tračudá. . .*

Соб.: А по русски, что греческий с русским путаешь?

Инф.: *čáča варит cun и поет tračóđ.*

Соб.: А что такое *tračóđ*?

Инф.: *Песня.*

Ему было проще переводить отдельные слова, чем предложения целиком:

Соб.: *čáka-m džef' su putám tu xno k'i tu traf* (см. пример (5.6)).

[Инф. молчит.]

Баб.: Ну, кто такой *čáka-m*? Котька тебе кто?

Инф.: Брат.

Баб.: Не просто брат, он намного старше тебя, значит, как он называется? Ну, кто такая хпо?

Инф.: Хпо — это *корова*.

Соб.: А траф?

Инф.: *Барашек*.

Баб.: *Коза*, дурила.

Соб.: А что такое *tu putám*?

Инф.: *Речка*.

Баб.: *у́ака* — это брат! Старший брат! А *џа́са* — это старшая сестра.

Эти трудности связаны скорее с переходом от одного языка к другому, чем с незнанием румейского. Так, оставляя в русском предложении румейские слова, ребенок, скорее всего, понимал, что они означают, просто для него они так же естественно звучат по-румейски, как и по-русски. Последние пять предложений текста он перевел полностью.

Его брат Костя Т. перевел с румейского языка десять предложений из шестнадцати. Он не путал румейские слова с русскими. Первые два предложения он отказался переводить, по-видимому, из-за стеснительности. В других предложениях не расслышал несколько слов. Обратился к бабушке за помощью, поскольку не знал слова *иганó* ‘небо’. Он один из двух детей,²⁴ кто правильно перевел слово *сагі* ‘желтый’.

Коля К. также неохотно переводит предложения на румейский, знает отдельные слова, не может перевести слово *мама*, но переводит слово *вода*. С румейского он перевел все предложения, но делал те же ошибки, что и Сеня Т., т. е. смешивал русские слова с румейскими:

Баб.: Кто такая *тёуа џа́са*?²⁵

Инф.: *Большая Аня*.²⁶

Этот пример показывает, что усвоение румейского языка у Коли К. происходит независимо от русского. Слову *џа́са* для него сопоставлено не слово другого языка, а конкретный объект. Это часто происходит при освоении родного языка: сначала у слова есть только конкретный сигнификат, а денотат появляется на более поздних стадиях [DYSON, GENISHI 1984].

Лейла Б. смогла перевести на румейский язык только слово *пегó* ‘вода’. С румейского языка она правильно перевела только примеры (5.10) и (5.13). В некоторых других предложениях она переводила отдельные слова, например, названия животных, слова *мама* и *папа*, предложную конструкцию *под столом*. Тем не менее, перевод с румейского оказался для нее легче, чем перевод с русского.

Алла Г. переводит на румейский язык только отдельные слова из предложений. Полностью она перевела два предложения из тридцати одного. Алла Г. (Инф2) постоянно обращалась за помощью к бабушке и, когда та произносила предложение, сразу точно повторяла его. Ее сестра Вита Г. (Инф1) также оказалась

²⁴ Второй ребенок — Коля К.

²⁵ **Прим. ред.:** ‘большая старшая сестра’; скорее всего, плеоназм, т. к. подразумевается ‘старшая сестра’, т. е. *џа́са* без прилагательного.

²⁶ Аня — имя сестры.

способна переводить на румейский лишь отдельные слова, и то с подсказкой. Девочки правильно перевели с румейского девять предложений из шестнадцати. Они путали названия родственников и домашних животных, пытались угадать правильный перевод:

Соб.: pses' ftun vrušís a s'imúr sun uranó en' íl'us (см. (5.11)).

Инф1: *Вчера... я не поняла.*

Баб.: ... ftun vrušís.

Инф2: *Вчера шел дождь. А сегодня... а сегодня нема уже.*

Соб.: ʏo éxu mána k'i táta, m kro ađirfó k'i méʏa čáča (см. (5.3)).

Инф1: *У меня есть мама и папа... маленький ребенок... [после повтора предложения] и сестра.*

При переводе с румейского Вита Г (которая, как считают в семье, знает румейский хуже сестры) старалась опередить Аллу Г., и той ни разу не удалось произнести предложение первой.

Люба П. не смогла переводить предложения на румейский язык, сказав, что знает только слова пегó 'вода' и ʏála 'молоко'. С румейского она правильно перевела одиннадцать предложений. Три предложения — (5.1, 5.2, 5.6) — она вообще не смогла перевести, в других трех пыталась угадать непонятные слова:

Соб.: pses' ftun vrušís a s'imúr sun uranó en' íl'us (см. пример (5.11)).

Инф.: *Вчера был дождь, а сегодня снег.*²⁷

Ей также было легче переводить предложения на русский язык, чем на румейский.

Юра А. и Ира Г. выполняли перевод с русского языка вместе. Они перевели семь из девяти предложенных предложений, причем Ира Г. (Инф1) обычно переводила отдельные слова, а предложение строил Юра А. (Инф2):

Соб.: *Мама дала мне молока.*

Инф1: *мама... дала? Это íf'irín, как принесла.*

Инф2: *мама íferen-m'í ʏála.*

Соб.: *Как будет Отец взял со стола хлеб?*

Инф1: *папа... взял... psum'í.*

Соб.: *Черный хлеб?*

Инф1: *mávru psum'í.*

Соб.: *Белый хлеб?*

Инф2: *sprútsku psum'í.*

Ире Г. удалось перевести полностью только два предложения. Однако с румейского она правильно перевела тринадцать предложений. В примере (5.6) Ира Г. поняла только названия животных, а (5.14) перевела как *Мама несет воду* вместо 'Мама говорит мне: «Принеси воды»'. Она также не перевела sagí 'желтый' в (5.8).

Юра А. правильно перевел на русский язык одиннадцать предложений и дважды ошибся в числе существительных:

²⁷ Вм. '... сегодня на небе солнце'.

Соб.: *tu kó-mas tu sp'it' č[i] en' xundró a en' sprútsku* (см. пример (5.1)).

Инф. [после двух повторов]: *Наши дома большие.*²⁸

Соб.: *sma su sp'it' đin'drá* (см. (5.2)).

Инф.: *Возле дома дерево.*²⁹

Он также перевел слово *ugabó* 'небо' в (5.11) как *рано*, *sađí* 'желтый' в (5.8) как *белый*, не понял слова *uáka* 'старший брат' в (5.6). Очевидно, что он знает язык значительно лучше многих сверстников, но его пассивное знание превосходит активное.

5.3 Языковая компетенция и жизненный цикл

Информанты 60–70 лет и старше считают румейский своим родным языком. Общение на русском для них до сих пор затруднительно, хотя им и приходится использовать его со школьных лет. Именно в школе многие из них впервые столкнулись с русским языком и вообще с необходимостью постоянно говорить на иностранном языке. Желая избавить своих детей от этих трудностей, они старались оградить их от румейского языка и предоставить им возможность легко выучить русский.

Поколение их детей (30–50 лет), тем не менее, говорит по-румейски. Они способны переводить предложения с русского языка на румейский без особых затруднений, могут общаться на румейском, а многие продолжают использовать этот язык.

Информанты в возрасте 20–30 лет способны переводить предложения с русского языка на румейский, хотя их словарный запас и грамматика могут быть беднее, чем у людей старшего возраста. При этом они утверждают, что много общаются по-румейски.

Подростки могут переводить на румейский отдельные слова (особенно названия животных, которые, по-видимому, часто используют в своей речи взрослые) и самые простые предложения.

Дети до 10–12 лет почти неспособны переводить предложения на румейский язык. Два слова, которые знали все информанты, — это *uála* 'молоко' и *pegó* 'вода'. Этими словами ограничен активный запас самых младших из них. Однако при переводе предложений с румейского языка на русский большинство детей не испытывают затруднений, которые нельзя было бы объяснить качеством записи, и этот факт наводит на мысль о том, что язык не умер для младших поколений румеев, но пока представлен для них в пассивной форме.

Обращаясь к результатам опросов информантов, можно заключить, что и более взрослые начали использовать румейский язык лишь приблизительно с 14–15 лет. В этом возрасте они словно обнаруживают, что рядом с ними живет еще один язык, на который до этого они не обращали внимания. Сначала подростки используют его в своих компаниях, отделяя себя от младших детей. В основном, их интересуют ругательства и непристойные песенки. Затем, после окончания школы, они получают работу, заводят семью, остепеняются и начинают использовать язык в повседневной жизни. Многие рассказывают, что, окончив школу,

²⁸ Вм. 'Наш дом не большой, а белый'; см. также сн. 1.

²⁹ Вм. 'деревья'.

они стали чувствовать себя более уверенно и заговорили на румейском языке; что пришли на работу, где все говорят по-румейски, и поэтому заговорили тоже. При этом взрослые, говоря о способностях своих детей, заявляют, что сейчас те не говорят по-румейски, но будут говорить, когда вырастут, потому что им *некуда деться*. Таким образом, для жителей села румейский язык не выглядит умирающим, он просто живет для определенных поколений.

В то же время, исходя из бесед с членами ряда семей, можно предположить, что румейский снова становится молодым. В этих семьях детей не стараются оградить от румейского, они интересуются этим языком, часто с радостью показывают свои способности в нем. Некоторые особенности переводов, выполненных младшими из детей, характеризуют румейский язык как родной для них.

5.4 Выводы

Можно сказать, что румейский язык в с. Малоянисоль продолжает жить. Однако на момент проведения исследования он имеет статус «языка взрослых»: дети и подростки-школьники пользуются им мало, их знания пассивны, т. е. они понимают все, что им говорят, но отвечать и обращаться к собеседнику предпочитают по-русски. Лишь окончив школу, перейдя во «взрослый» мир, они начинают пользоваться этим языком наравне с другими жителями села. То же самое нередко приходится делать приезжим русским и украинцам; а мальчик, не желающий связывать с селом свою жизнь, напротив, не признает языка. Как и везде, в с. Малоянисоль существуют определенные действия и занятия, присущие той или иной возрастной группе. Так, подростки по вечерам обязательно ходят на дискотеку, а взрослые... говорят по-румейски.

Эти данные интересны не только с точки зрения социолингвистики, но и с точки зрения изучения детской речи. Интересен уже сам факт, что дети знают язык, но не говорят на нем до определенного возраста. Однако главное, если верить информантам, это то, что многие родители не обращаются (или не обращались на протяжении определенного времени) на румейском языке к детям в период овладения речью. Последнее существенно, поскольку известно, что взрослые, в особенности матери, разговаривая с маленькими детьми, определенным образом изменяют характеристики своей речи [Ляксо 2002; KUNL ET AL. 1997]. Повышается частота основного тона материнского голоса, замедляется темп речи, звуки произносятся более отчетливо, чем в обычной речи, повторяются отдельные слова [BERNSTEIN-RATNER 1987; KUNL ET AL. 1997]. Вследствие этого материнская речь привлекает внимание ребенка, стимулируя его к началу усвоения языка [FERNALD, SIMON 1984]. Для материнской речи характерен особый грамматический строй, большое количество вопросительных и побудительных предложений [FERGUSON 1977]. В целом ее характеристики зависят от этапа развития ребенка и в совокупности затрагивают все уровни языка, облегчая ребенку усвоение отдельных языковых категорий, начиная звуковым уровнем и кончая сочетанием всех языковых уровней в речи [BERNSTEIN-RATNER 1987; FERGUSON 1977]. В данном случае ребенок не получает такой помощи со стороны матери. Не исключено, что, хотя характеристики материнской речи значительно облегчают процесс усвоения языка, они не являются его необходимым условием, и механизм, который обеспечивает этот процесс, не в полной мере зависит от них.

Глава 6

– Переключение кодов
и грамматическая интерференция

В этой главе речь пойдет о проблеме грамматической интерференции и переключения кодов в румейском языке, который представляет особый интерес с точки зрения языковых контактов. Языковая ситуация, сложившаяся в Приазовье, непосредственно отражается в переключении кодов и смежных с этим феноменом явлениях: грамматической интерференции, смешении кодов и заимствованиях.

Несмотря на то, что румеи уже длительное время живут в русскоязычной среде, они по сей день продолжают использовать свой язык. Естественно, румейский язык подвергся интенсивному воздействию со стороны русского. В связи с этим встает вопрос о статусе румейского языка в современных условиях, сферах его функционирования и степени интерферируемости. Для приближения к решению всех этих вопросов необходимо прибегнуть к изучению таких явлений как *переключение и смешение кодов*.

Задача этой главы заключается в том, чтобы проследить за явлениями интерференции и *codeswitching/codemixing* в румейском языке, сравнить результаты проявления этих явлений, и степень интерферируемости в текстах разного типа (спонтанных и стимульных), отграничить ситуации собственно переключения кодов от случаев смешения кодов, выявив принципиальное различие между такими ситуациями, и, наконец, определить, являются ли спонтанные тексты текстами румейскими, русскими или представляют собой некоторый единый «смешанный» код.

Для этого был проведен подробный анализ употребления русских существительных и глаголов в румейских текстах. Материалом для исследования послужили аудиозаписи,¹ сделанные в экспедициях в пос. Ялта и Малоянисоль. В использованном материале можно выделить два блока: спонтанные тексты и стимульные тексты. Спонтанные (или, точнее, квазиспонтанные) тексты в основной своей массе получены как ответ на просьбу рассказать что-нибудь по-румейски. Тексты стимульные представляют собой перевод анкет, выполненный информантом.

Необходимо отметить, что выбор субдиалектов (ЯСД и МСД), ставших предметом исследования, неслучаен: пос. Ялта (Первомайского р-на) и Малоянисоль (Володарского р-на) расположены сравнительно далеко друг от друга,² а ЯСД и МСД, как уже упоминалось, сильно различаются по степени близости к НГР. Принципиальное значение имеет и тот факт, что названные субдиалекты функционируют в принципиально разных социолингвистических ситуациях. Пос. Ялта, расположенный на побережье Азовского моря, — единственное из местных более или менее крупных румейских поселений (ок. 4 000 чел.), которое ранее представляло собой курорт, пользовавшийся популярностью у русских и украинцев

¹ Общая длительность звучания кассет с обработанным материалом составляет приблизительно 30 ч.

² См. карту на форзаце.

в советское время. Малоянисоль, напротив, является сравнительно небольшим поселком с населением ок. 2000 чел.; поселок расположен в 30–40 км от морского побережья и в достаточной степени обособлен. Эти факторы сказываются на социолингвистической ситуации в обоих поселениях и тем самым — на состоянии румейского языка. В настоящее время русский является доминирующим языком румеев.³ Он, наряду с официальным украинским, обслуживает все сферы современной жизни: сегодня это язык и культуры, и быта; таким образом, румейский язык оказывается в плане функционирования вторым языком.⁴ В пос. Ялта он имеет значительно более узкую сферу применения, и в ряде случаев нельзя даже безоговорочно утверждать, что он является языком бытового общения: ялтинские румей часто затрудняются породить связный монологический текст «о себе, своей семье». Свой этнический язык они знают значительно хуже русского: путаются в грамматических формах, обладают несравнимо меньшим, по сравнению с русским, словарным запасом. В пос. Малоянисоль, напротив, румейский, несомненно, является языком повседневного бытового общения.

Е. В. Перехвальская предполагает, что румейский язык функционирует как набор формул «вопрос-ответ», которые передаются и запоминаются как целостные клише. Этим может объясняться и тот факт, «что, будучи способными порождать бытовые диалоги, румей не могут составить монологический текст» [ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ 2002: 181].

Тем не менее, и в пос. Ялта румейский язык существует и сохраняется, поскольку он обладает важной функцией: это этнический идентификатор. Именно поэтому язык передается из поколения в поколение, и знание румейского является обязательным условием для того, чтобы считаться румеем. Правда, знание румейского может быть весьма поверхностным, т. к. в действительности румей Ялты на нем почти не говорят: на румейском могут произноситься только стандартные фразы приветствия и прощания, иногда несущие некоторую положительную коннотацию.

6.1 Интерференционные явления

6.1.1 Интерференционные процессы

В румейском языке интерференционные процессы проявляются практически на всех языковых уровнях. Интерференция проявляется на грамматическом уровне, в частности, морфологическом. Подробное рассмотрение употребления русских существительных, глаголов, описание механизмов их адаптации и функционирования глагольного управления будут представлены ниже, в соответствующих разделах этой главы.

Интересной в данном случае представляется не только интерференция в системе языка, но и интерференционные явления в речевой деятельности. Так, например, видимо, нельзя говорить о регулярном заимствовании румейским языком русских морфологических показателей и внедрении их в грамматическую систему языка; тем не менее, случаи оформления румейской основы русским

³ Впрочем, в пос. Малоянисоль встретились некоторые информанты, для которых румейский язык был ведущим.

⁴ См. Главу 4, (с. 97).

показателем в речи встречаются, хотя они и единичны и не носят системного характера.

6.1.2 Синтаксис

Рассмотрение синтаксических явлений будет осуществлено на материале глагольного управления. Подробная характеристика синтаксиса ЯСД не входит в тему настоящей главы, но даже при самом беглом рассмотрении бросается в глаза достаточно высокая степень изоморфизма румейских синтаксических конструкций соответствующим русским, что регулярно проявляется как в спонтанном, так и в стимульном материале. Однако представляется, что нельзя говорить о полной перестройке синтаксического компонента изучаемых субдиалектов под влиянием русского языка: используя современную синтаксическую терминологию, скажем, что сходство с русскими моделями проявляется на уровне *Noun Phrase*, но не *inflectional Phrase* [Бейлин 1997: 38]; так, уделяя синтаксису лишь незначительное внимание в своей статье, Т.Н. Чернышева пишет о развитии в синтаксисе тенденций, свойственных НГР: например, падежные отношения заменяются предложными, все предлоги управляют винительным падежом [Чернышева 1958: 16–17].⁵

То же можно сказать о сложном предложении: основные синтаксические структуры характерны для НГР и, шире, балканского языкового типа. При этом союзы и союзные слова почти полностью заимствованы из русского языка, что можно отнести к лексическим заимствованиям.

6.1.3 Лексика

Что касается лексики, то в румейском языке можно выделить довольно большой пласт русских слов. Наряду с русскими и украинскими заимствованиями, здесь имеются слова тюркского происхождения.⁶ Из русского заимствуются слова практически все части речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные, служебные слова. Закономерным представляется то, что наиболее устойчивой к русскому влиянию оказывается такая часть речи как местоимение. Хорошо известно, что местоимения заимствуются исключительно редко и практически никогда не являются элементом «смешанного» кода, что вполне объяснимо, так как местоимения представляют собой наиболее частотные, базовые элементы языка. Весьма распространенный пример предложения в румейском тексте — все предложение по-русски, за исключением местоимения, например:

(6.1) *yo ('я') подчинялася бригадиру*

Среди заимствований можно выделить:

1. слова, пришедшие в язык в связи с появлением новых реалий;

⁵ Калькирование (простых) предложений типа *снег идет* представляет собой практически кальку идиоматизированного выражения, т. е. интерференцию на лексическом уровне.

⁶ См. в этой главе раздел 6.3.7и сл.

2. слова, вытеснившие/вытесняющие соответствующие лексические единицы румейского языка. Так, в румейском тексте чаще употребляются русские числительные, хотя почти каждый носитель румейского языка может воспроизвести и их румейские эквиваленты.

Это справедливо и для некоторых наречий времени. Практически все информанты используют русск. *раньше*. Очень немногие носители вспоминают РУМ. *próta* (часто для этого требуется некоторое время). Румейское наречие встречается практически только в стимульных текстах, когда информант сознательно настроен на порождение румейского текста.

Если слова первой группы неизбежно появляются в речи всех информантов, то удельный вес заимствованных лексем второй группы, видимо, зависит от индивидуальных и социальных характеристик конкретного носителя языка (как, впрочем, и от речевой ситуации и характера речевых текстов). Так, например, румейские наречия времени появляются в речи образованных информантов (т. е. имеющих как минимум законченное среднее образование), занимавшихся интеллектуальным трудом и вообще склонных к лингвистическим рефлексиям.

Наличие первой группы заимствований, очевидно, может быть объяснено практической необходимостью обозначения тех или иных реалий, для которых отсутствуют слова в данном языке. Вторая группа (русские слова, вытесняющие румейские) отражает естественную для сложившейся ситуации билингвизма тенденцию к русификации лексикона, т. е. заполнения румейского словаря русскими лексемами.

Румеи осознанно отграничивают исконную румейскую лексику от русских заимствований и даже после адаптации часто осознают их как чуждые румейскому языку элементы, ср. следующий ответ на вопрос нулевой анкеты:

(6.2) *inéka kan' жарить⁷ agní no это уже по-русски*

'Женщина жарит ягненка (. . .)'

Ситуация с тюркизмами принципиально иная. Тюркские заимствования попали в румейский язык, в основном, из крымско-татарского (или через его посредство). Однако крымско-татарский язык на протяжении всей своей истории также не был однородным. В конце XV — нач. XVI в. Османская империя начинает активно насаждать турецкий язык на территории Крымского ханства, вследствие чего южные диалекты крымско-татарского языка вбирают в себя большое количество элементов, характерных для огузских тюркских языков.

Вследствие этого все тюркские заимствования в румейском языке можно разделить по происхождению на следующие группы:

- **Татаризмы** — более ранние заимствования, вошедшие в румейский язык, по всей вероятности, до XVI в.: *šimĩš* (ЯСД), *šimĩš* (МСД, ССД) 'половник', ср. урум. *чумуч*, караим. *чомыч*.
- **Турцизмы**, пришедшие, видимо, через крымско-татарский язык позднее, в XVI–XVIII вв.: РУМ *maħalá* 'район' — тур. *mahalle* 'квартал'. Встречающиеся в собранном материале заимствования не всегда можно четко отнести к одной из вышеназванных групп, иногда это общетюркские слова,

⁷ См. с. 147 и сл.

сохранившиеся и в турецком, и в татарском: *buġa* 'бык' — др.-тюрк. корень *bug-/büg-*, кр.-тат. *буга*, караим. *бугва*, тур. *boğa*.⁸

- **Слова, не встречающиеся в тюркских языках крымского ареала:** например, слово *lov* (или чаще в мн.ч. *lov'ja*) 'фасоль' существует только в узбекском и уйгурском языках, а в крымско-татарском языке для обозначения фасоли используется ряд других слов. В то же время это слово встречается в ряде диалектов НГР, в частности, в кипрском.

Тюркские заимствования, вошедшие в язык раньше русских, не столь обособлены от собственно греческой лексики, что видно в адаптационных процессах: тюркские лексемы следуют греческим словоизменительным моделям.

На первый взгляд, представляется разумным отождествлять адаптированные слова с заимствованиями, и, соответственно, случаи неадаптированного употребления рассматривать как смешение кодов. Но, видимо, одного критерия не достаточно. Следует также учитывать регулярность/частотность использования неадаптированного слова.

6.1.4 Переключение и смешение кодов

В текстах на румейском языке довольно часты случаи классического переключения кодов, когда переход с одного языка на другой происходит на границе двух предложений. Однако следует отметить, что наряду с этим в румейских текстах часто встречаются случаи переключения кодов в рамках одного простого предложения. Использование грамматически не адаптированных русских лексических элементов представляет собой здесь весьма распространенное явление (т. е. имеет место смешение кодов).

Закономерным образом встают следующие вопросы:

1. является ли текст на румейском языке с включением грамматически не адаптированных русских лексических элементов текстом на одном языке?
2. отличаются ли существенно явления смешения и переключения кодов?

Думается, исследование адаптационных механизмов поможет приблизиться к ответу на эти вопросы. Рассмотрим адаптационные механизмы в румейском языке на примере имени существительного и глагола.

6.2 О механизме адаптации имен существительных в румейском языке

6.2.1 Общая модель адаптации

Русское имя существительное в румейском тексте адаптируется по четырем параметрам:

- потеря русского падежного показателя (параметр *a*);

⁸ Ср. с урум. *буга*; см. также [Тенишев 2001: 437–438].

- приобретение румейского суффикса (параметр b);
- приобретение артикля (параметр c);
- приобретение румейского предлога (параметр d)

Выделенные параметры, однако, нуждаются в ранжировании, поскольку их статус неодинаков. Возможные варианты адаптации представлены в следующей модели:

$$(6.3) d(+/-/0) c(+/-/(0)) X a(+/-/0) b(+/-/0),$$

где X — словоформа имени существительного, а a, b, c, d — соответствующие параметры с указанием в скобках возможных вариантов их реализации.

Необходимо описать ограничения, накладываемые на адаптацию, и выявить зависимости между значениями разных признаков (своего рода имплицативную универсалию). Существительное приобретает румейский суффикс (параметр b) и/или артикль (параметр c) и/или предлог (параметр d) только в случае потери русского грамматического показателя, т. е. в случае приобретения параметром a положительного значения.

6.2.1.1 Параметр a

Все адаптированные существительные по первому параметру (отсутствие показателя русского падежа) имеют «плюс» или «нуль»; значение «минус» приобретают в таком случае неадаптированные существительные, и прочие параметры уже не могут приобретать значения «плюс».⁹ Значение «нуль» этот параметр принимает в тех случаях, когда нельзя говорить об отсутствии показателя, поскольку и в русском языке он нулевой, или когда румейский и русский показатели совпадают; ед. ч. также маркируется и в русском, и в румейском языках флексией -а. Следовательно, нельзя сказать, адаптировано существительное или нет. Так, в (6.4) параметр a приобретает значение «нуль»:

$$(6.4) \text{yo agar}^i \text{ krovat}^i \\ \text{'Я люблю кровать'}$$

Однако в (6.5) параметр c приобретает положительное значение, из чего следует, что существительное адаптировано, и, таким образом, параметр a также приобретает положительное значение, хотя это не выражено формально:

$$(6.5) \text{yo agar}^i \text{ tu krov}^a \text{t}^i \\ \text{'Я люблю [арт.] кровать'}$$

⁹ Имеется в виду, что если существительное не теряет падежный показатель, то оно и не приобретает других признаков адаптации и не присоединяет румейский суффикс или артикль.

6.2.1.2 Параметр *b*

Параметр *b* — приобретение румейского грамматического показателя. Наиболее регулярно в румейском языке выражается категория числа (все информанты образуют единообразно формы мн. ч.), поэтому в большинстве случаев речь идет о показателе мн. ч. (b_{NUMBER}). Противопоставление ед. ч. ↔ мн. ч. выражается в регулярных изменениях некоторых типов основ и изменении флексии (ед. ч. маркируется нулевой флексией, -а, -о; мн. ч. — флексиями -а, -s).¹⁰

Так, существительные м. р. распределяются по двум типам румейского словоизменения: часть существительных, например: *urók, zavód, stakán*, образуют мн. ч. при помощи окончания -а: *urók'a, zavód'a, stakán'a*; часть — *piróу, t'éxn'ikum, ins'titút* — присоединяют окончание -s: *piróуs, t'éxn'ikums, inst'itúts*. Вписываются в румейские типы словоизменения на -а и на -s русские существительные м. р. 2 скл. Как и румейские существительные в ед. ч. в русском языке, они маркируются нулевой флексией, возможно, поэтому румеям их легче осознать как форму, не чуждую их собственному языку, и, следовательно, адаптировать.

То же можно сказать о некоторых существительных ж. р. Ед. ч. также маркируется и в русском, и в румейском языках флексией -а. Правда, во мн. ч. они имеют окончание -is (*kastrúl'a — kastrúl'is, kn'íуa — kn'íуis*), на месте которого в ЯСД на поверхностном уровне проявляется некая усеченная форма, напр.: *inéka — inék'*, однако известно о наличии такого окончания в ССД: *inéka — inék'is* [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 552].

Регулярно образуется и мн. ч. у русских существительных типа *подушка, тарелка, игрушка* — *podúšiks, tarél'iks, igrúšiks*. Румейских слов с подобным оформлением очень мало,¹¹ единственный обнаруженный пример: *sárka — sár'iks* 'тело'. Образование мн. ч. у русских существительных таким путем очень продуктивно. Можно предположить, что к основе, в качестве которой в таких случаях выступает родительный падеж мн. ч., присоединяется окончание -s. Это требует, однако, дальнейшего подтверждения.

Таким образом, b_{NUMBER} «+» приобретение показателя мн. ч.; «-» его отсутствие при контекстной (синтаксически/экстралингвистически обусловленной) необходимости в нем; b_{NUMBER} приобретает значение «нуль» для существительных в форме ед. ч.

Склонение существительных сохранилось в сильно редуцированном виде. В МСД прямой и косвенный падежи различаются в ед. и мн. ч. для существительных м. р. (термины родства, названия людей и профессий). В ЯСД падежное противопоставление сохраняется лишь в некоторых идиолектах, в других оно почти полностью нейтрализовано.¹²

Таким образом, в МСД применительно к русским заимствованиям можно отметить, что падежное противопоставление регулярно маркируется в следующих словах м. р.: *soldát, уen'erál, d'ir'éktor, načál'n'ik* и т. п., т. е. одуш.+м. р.+ . Так, падежное противопоставление в мн. ч. прямого и косвенного падежей было идентифицировано именно на материале русских существительных, ср. примеры, где

¹⁰ Об образовании мн. ч. см. Главу 8, с. 201 и сл.

¹¹ Тип 6, согласно принятой в этом томе классификации образования мн. ч.; см. Главу 8, с. 201.

¹² Подробнее см. Главу 8, с. 198 и сл.

Таблица 6.1. Показатели прямого и косвенного падежей.

Прям. п. ед. ч.	‘Солдат пришел домой’ soldátus írtin’ [as?] sp’it’	‘Начальник пришел на работу’ <i>начальник</i> írtin’ su ðljá	‘Генерал вернулся домой’ yен’eráls írtin’ a[s] sp’it’
Косв. п. ед. ч.	‘Вся деревня ждала солдата’ úlu t[u] xóra f’flayán tun soldát u	‘Все ждали начальника’ ul-pa f’flayán tun načál’n’ik	‘Вся деревня ждала генерала’ úlu t[u] xóra f’flayán tun yен’erál
Прям. п. мн. ч.	‘Солдаты вернулись’ soldát írtan’	‘Начальники вернулись с собрания’ <i>начальники</i> jírřan <i>su собрание</i>	‘Генералы вернулись’ <i>генералы</i> írtan/jírřan ⁽¹⁾
Косв. п. мн. ч.	‘Все ждали солдат’ ul-pa f’flayán soldáts	‘Все ждали начальников’ ul-pa f’flayán t načál’n’iks	‘Все ждали генералов’ ul-pa f’flayán t yен’eráls

Примечание

⁽¹⁾ Досл. ‘Пришли/вернулись’.

-s добавляется в русское слово, выступая в качестве показателя прям. п. ед. ч. и косв. п. мн. ч. (см. табл. 6.1).

Такая система может на первый взгляд показаться неудобной, однако как раз с типологической стороны хиастически организованная парадигма оказывается верифицируемой, ср. данные старофранцузского языка, например: *goys* ‘король’: прям. п. ед. ч. *goys*, косв. п. ед. ч. *goy*, прям. п. мн. ч. *goy*, косв. п. мн. ч. *goys* [SCHWAN 1911: 158–161]; система, в которой четыре разных граммы выражаются всего двумя показателями, один из которых нулевой, в высшей степени соответствует принципу языковой экономии.

Прямой падеж мн. ч., формально совпадающий с именительным падежом ед. ч., в русском языке вполне может заменяться русской формой мн. ч. (столбцы 2 и 3 в табл. 6.1). Здесь адаптационный механизм не всегда срабатывает, поскольку психолингвистически тяжело адаптировать форму в формально совпадающую с противоположной ей в доминирующем языке. Напротив, говорить о регулярности словоизменительной парадигмы имени в ЯСД не приходится.

Выделение отдельных подпараметров типа b_{NUMBER} , b_{CASE} для флективного языка может показаться некорректным,¹³ однако в связи с формальной нейтрализацией многих грамматических форм (имеются в виду, например, различие только прямого и косвенного падежей и только для определенной группы слов, а для ЯСД лишь идиолектно) подобная характеристика-индексация представляется уместной.

¹³ В своем понимании флективности автор этой главы ориентируется на взгляды В.Б.Касевича [КАСЕВИЧ 1986: 131–132].

6.2.1.3 Параметр *c* (постановка артикля)

Любопытную закономерность удалось выявить для МСД: здесь практически не встречается *c* показатель определенности при именах, стоящих в позиции подлежащего и одновременно являющихся темой высказывания, но налицо регулярная постановка артикля при именах в косвенном падеже. В рамках описанного выше метода, есть возможность установить, что в этом случае параметр адаптации *c* у имен в позиции подлежащего приобретает значение «нуль». Можно с осторожностью предположить, что это тюркизм в грамматической системе. Несмотря на то, что в тюркском морфосинтаксическом типе как таковом определенный артикль отсутствует, однако тюркские языки регулярно маркируют определенность в прямом дополнении [ТНОМАСОН, КАУФМАН 1988: 222]. Поэтому следует учесть, что параметр адаптации *c* осложнен тюркским влиянием. Однако отклонения от предложенного правила статистически достаточно весомы, и имеющийся материал не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть его.

6.2.1.4 Параметр *d* (адаптация предлогом)

Предложная адаптация составляет отдельный случай. В отличие от аффиксального показателя, выражающего значение категории числа/падежа/притяжательности, и артикля — показателя детерминации (кумулятивно выражающего значение числа), являющихся именными категориями, предлог не является показателем какой-либо грамматической категории. Например, с помощью многочисленных пространственных предлогов осуществляется независимое лексическое выражение локализации [Плунгян 2000: 162]. В румейском языке предлоги восполняют слабо выраженные падежные противопоставления (что характерно для аналитического строя). Тесная связь предлога с именем существительным, непосредственная зависимость последнего от предлога, а также потенциальная грамматикализованность (во многих языках то грамматическое значение, которое в аналитических языках выражается сочетанием предлога и существительного, выражается отдельной падежной формой), как представляется, дают весомые основания для постановки параметра адаптации предлогом в один ряд с параметрами адаптации тем или иным аффиксом и артиклем.

Параметр *d*, таким образом, может принимать значения «+/-» или «нуль». «Нуль» означает здесь нерелевантность применения этого параметра в данном контексте, т. е. ненужность предлога по смыслу; «+» — наличие румейского предлога (имеются интересные случаи адаптации существительного предлогом калькированным с русск., см. ниже); «-» соответственно, наличие русского предлога.

Стоит отдельно отметить, что в случаях предложной адаптации именно предлог является доминирующим элементом. Приобретение румейского предлога предполагает как минимум отсутствие русского показателя падежа (случаев *румейский предлог + неадаптированное русск. сущ.* не обнаружено). Предлог выступает в качестве доминирующего элемента словосочетания, поскольку существительное со значением «-» по данному параметру не будет адаптировано по параметрам *b, c*.¹⁴

¹⁴ Стоит отметить, что в данном случае присутствует любопытное соответствие данных полевого исследования ряду синтаксических теорий, например, *Теории Управления и Связывания*, ср. проекции типа P' (P∧NP), см. [ТЕСТЕЛЕЦ 2001: 563–565].

6.2.2 Количественные данные

Интересно сравнить *количество* и *качество* (т.е. адаптированность/неадаптированность) русских существительных в текстах разного типа — спонтанных и стимульных. Ниже приводятся некоторые полученные количественные данные.

6.2.2.1 Ялта (ЯСД)

На 500 существительных в стимульных текстах русских приходится 77, что составляет 15,4% (соответственно, румейских — 423, или 84,6%). В спонтанных текстах русских существительных (на то же количество) — 271 единица (т.е. более половины, 54,2%). Эти данные указывают на то, что в реальной речевой деятельности (по крайней мере, в текстах, максимально приближенных к реальной речевой деятельности) степень интерферированности значительно выше, чем в текстах анкетного характера. В последних же четко поставленная задача «перевести на румейский», естественно, активизирует знание языка. Часто стремление говорить на чистом румейском дает неточный перевод: слова, которых нет, заменяются словами того же семантического круга.

В стимульных текстах количество адаптированных (хотя бы по одному параметру) существительных составило 62,3%, в то время как в спонтанных текстах — всего лишь 22,1%. Это подтверждает вышеприведенные предположения о «закрытости» анкетного материала: если здесь и появляется русское слово, то гораздо более вероятно, что оно появится в адаптированном виде (в отличие от материала спонтанного).

Так, существительных, адаптированных только по признаку *отсутствие показателя надежда*, в стимульных текстах 12,5%, в спонтанных — 40%, например:

(6.6) ʏo aratíva **тарелка**

‘Я искала **тарелку**’

(6.7) n’if’i-m férin’ kaló **пенсия**

‘Моя невестка получает хорошую **пенсию**’

Высокий показатель такого типа адаптации в спонтанных текстах объясняется самим его характером. Сама характеристика *отсутствие*, а не *приобретение* (*наличие*) может рассматриваться скорее как тенденция к адаптации своего рода первый этап. И именно поэтому существительные, не прошедшие его, не адаптируются вообще.

В стимульных текстах самая распространенная адаптационная модель — это «+ — —+», т.е. положительные характеристики по параметрам *отсутствие надежда* и *приобретение предлога*. 25% существительных адаптированы таким образом. В спонтанных текстах — 11,7%, например:

(6.8) ʏo féru jáblaka p’ix **корзина**

‘Я беру яблоки из **корзины**’

(6.9) atí ðul’év’ m’is **колхоз**

‘Она работает в **колхозе**’

Пожалуй, наибольший интерес с точки зрения грамматики представляет вторая характеристика — приобретение румейского грамматического показателя. Интересно, что в стимульных текстах всего девятнадцать существительных маркированы румейским показателем, в спонтанных — двенадцать. В стимульных текстах представлены следующие адаптационные модели с положительной характеристикой по второму параметру: «+ + —» (23 %); «+ + + —» (14,6 %); «+ + — +» (2 %). В спонтанных текстах: «+ + —» (16,7 %); «+ + + +» (3,3 %). Вот некоторые примеры:

Адаптационная модель «+ + —»:

(6.10) na mí val's **tarél'iks** pas trapéz'

'Не ставь **тарелки** на стол'

(6.11) ʏo aršíntsa (?) na kám[u] **uró[']ka**

'Я начала делать **уроки**'

Интересно, что полная адаптация (по всем четырем параметрам) встретилась лишь дважды, при этом в спонтанных текстах. Правда, скорее всего, это должно быть объяснено бóльшим объемом русского материала в спонтанных текстах по сравнению со стимульными. Однако на основании этого можно предположить существование некогда достаточно устойчивого адаптационного механизма, возникшего после переселения греков в районы Мариуполя и разрушающегося в настоящее время вместе с самим говором. Это может быть подтверждено и тем, что сами информанты не только путаются в собственно румейских формах, но и часто не уверены, адаптируя русское существительное. Например, стимульную фразу 'многие заводы дымят' информант сначала перевел как *ta pulá ta zavóds'* карп'ízun, но исправился: «zavód'a правильное».

По параметру *b* (приобретение румейского грамматического показателя) адаптируются почти исключительно существительные в функции подлежащего или прямого дополнения, т. е. в именит. или вин. п.

Среди неадаптированных существительных — большое количество форм творительного падежа. Также практически не встречаются русские адаптированные существительные в конструкциях с творительным падежом. Например, полупредикативная конструкция *быть/работать кем-то по профессии* обычно включает неадаптированное русское существительное. Это может быть связано и с отсутствием соответствующего лексического заполнения данной конструкции: в румейском языке практически нет имен, обозначающих профессии, например:

(6.12) atí ðul'év' **агрономом**

'Она работала **агрономом**'

(6.13) atós ðul'év' **директором АТП**

'Он работает **директором АТП**'

В стимульных текстах информант часто комментирует такие неадаптированные формы, например: «Здесь что-то не совсем увязывается перевод»; в спонтанных текстах неадаптированные существительные обычно не вызывают подобного рода замечаний.

6.2.2.2 Малоянисоль (МСД)

На 500 существительных в стимульных текстах русских приходится 108, что составляет 21,6 %. (соответственно, румейских — 392, или 78,4 %). В спонтанных текстах русских существительных (на то же количество) — 220 (т. е. 44 %); румейских — 280 (56 %). Неадаптированных — 116 (52,7 %), адаптированных — 104 (47,3 %).

В стимульных текстах количество адаптированных существительных составило 95,4 %, в то время как в спонтанных текстах — 47,3 %. Так, существительных, адаптированных только по признаку «отсутствие показателя падежа», в стимульных текстах 10 %, в спонтанных — 18 %.

Конечно, подобные подсчеты во многом условны, т. к. чрезвычайно сильно обусловлены характером материала, особенно стимульного. Тем не менее, они, как представляется, отражают общие языковые тенденции.

Таким образом, в стимульных текстах из пос. Малоянисоль русских существительных больше (108 против 77 в ЯСД), при этом неадаптированных практически нет (5 слов на 108). Неадаптированные существительные практически всегда появляются в речи при наличии дополнительного русского окружения; это может быть русская глагольная форма (адаптированная или нет) или предлог, управляющий словоформой.

Итак, изучение интерференции в области имени дало возможность выявить некоторую разницу между МСД и ЯСД: в первом адаптационные механизмы действуют более регулярно. Если адаптационные параметры в ЯСД приобретают, в основном, значение «минус» или «плюс», то в МСД «нуль» по частотности значительно превышает «минус», что может указывать на тенденцию к большей устойчивости адаптационного механизма и последовательности использования «смешанного» кода. Вообще, как будет показано далее, интерференция интенсивнее происходит в именной сфере и вокруг нее: русские существительные адаптируются, вписываясь в типы собственно румейского словоизменения (становясь, таким образом, заимствованиями).

6.3 Глагол

Глагольная система румейского языка значительно упрощена по сравнению с НГР и, тем более, с ДГР. Подробному описанию румейского глагола посвящены специальные главы настоящего тома,¹⁵ здесь же стоит лишь отметить, что в ЯСД и МСД сохранились три синтетических времени действительного и страдательного залога — настоящее, прошедшее длительное (имперф.) и прошедшее однократное (аор.). В НГР большинство глаголов имеют два залога — действительный и страдательный. «Страдательный залог — самая зыбкая и неустойчивая область новогреческого глагола. В Приазовье чуть ли не каждое село имеет свою особую систему имперфекта страдательного залога {...}. Даже почти тождественные по языку Урзуф и Ялта обнаруживают в этом случае расхождение форм» [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 14]. Аналогичное утверждение справедливо и для пасс. наст. вр. Важно, что если большинство парадигм акт. залога в целом показывают относительное единство румейского языка, то парадигмы пасс. наст. вр. и

¹⁵ См. Главы 10 (с. 223), и 11 (с. 347).

имперф., наоборот, очень ярко выявляют различия отдельных говоров, поскольку оказываются очень чувствительными к языковым и к социолингвистическим изменениям, происходящим в каждом отдельном селе или близкорасположенной группе сел.

Различия по субдиалектам проходят и в сфере словообразования: так, любопытно взглянуть на рефлексy глагольного суффикса -ev-: глаголы в МСД, имеющие в наст. вр. суффикс -ev- по соотношению временных основ распадаются на две основные группы. С одной стороны, это регулярный тип, имеющий правильный имперф. и аорист. С другой стороны, наблюдаются такие соотношения, как ССД, МСД b'itg'evu — БСД, НкСД, МСД b'itra'izu (БСД, ССД b'itg'izu) 'кончать, завершать' с чередованием в основе словообразовательных суффиксов у заимствованных глаголов.¹⁶ В ЯСД ничего подобного не обнаруживается.

Можно предположить, что в этом процессе проявляется общая тенденция к унификации кода в МСД — в данном случае она заключается в стремлении группировать все заимствованные глаголы в один словообразовательный тип. Следствием этого является углубление функционального различия между продуктивными суффиксами -ev- и -iz-, потому что у второго из этих суффиксов также есть особые, только ему присущие функции, главной из которых является образование производных каузативных глаголов. В результате описанного выше перехода суффикс -ev- также приобретает такую специализированную функцию — оформление глаголов, образованных от заимствованных корней. Все это также может являться дополнительным аргументом в пользу достаточно активного языкового развития, осуществлявшегося и, вероятно, продолжающегося протекать в МСД.

Интересное различие в области аналитических глагольных форм (в частности, форм буд. вр.) между ЯСД, с одной стороны, и МСД, с другой, состоит в разном наборе основ, которые используются в этих формах. В ЯСД, как и в НГР, существует две формы буд. вр. — одно (будущее совершенное) образуется от аористной, а другое (будущее несовершенное) от основы наст. вр. путем прибавления к ним окончаний и модальной частицы. В МСД существует только т. н. «будущее несовершенное». Разумеется, при исчезновении одного из двух элементов противопоставления, оппозиция, в частности грамматическая, перестает существовать; поэтому, описывая МСД, нужно говорить о том, что буд. вр. образуется просто путем прибавления МЧ na, вносящей оттенок условности и желательности, к форме наст. вр., т. е. соотношение элементов системы изменилось в сторону упрощения. Надо отметить, что данные изменения отражают стремление к аналитизму. Как хорошо известно, эта тенденция действует в настоящий момент и в русском языке, и можно даже отчасти предположить, что и в субдиалектах румейского языка она актуализовалась именно под влиянием русского языка.

Итак, как и в описанной выше системе именного словоизменения, между ЯСД и МСД существуют различия и в функционировании системы глагола: для ЯСД свойственна большая вариативность глагольной системы, и, как будет показано ниже, активное использование адаптационных механизмов, тогда как в МСД во всех аспектах глагольной системы весьма сильны тенденции к унификации. Кроме того, для ЯСД в целом характерна большая архаичность и консервативность

¹⁶ См. в этой главе раздел 6.3.7 и сл.

Таблица 6.2. Спряжение глагола *káti* в ЯСД⁽¹⁾.

Число	Лицо	Наст. вр.	Имперф.	Аор.	Буд. вр.
Ед. ч.	1	<i>канн</i>	<i>екамна</i>	<i>екана</i>	<i>Ѡа кан</i>
	2	<i>канъсь</i>	<i>екамннъсь</i>	<i>еканъсь</i>	<i>Ѡа канъсь</i>
	3	<i>канъ</i>	<i>екамнннъ</i>	<i>еканъ</i>	<i>Ѡа канъ</i>
Мн. ч.	1	<i>канум</i>	<i>екамнам</i>	<i>еканам</i>	<i>Ѡа канум</i>
	2	<i>канът</i>	<i>екамнннът</i>	<i>еканът</i>	<i>Ѡа канът</i>
	3	<i>канун</i>	<i>екамнан</i>	<i>еканан</i>	<i>Ѡа канун</i>

Примечание

- ⁽¹⁾ Приводится по [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 63]. В МСД 1 л. ед. ч. выглядит как *káti*. Эта форма является более распространенной в субдиалектах румейского языка и иногда даже встречается у носителей ЯСД.

Таблица 6.3. Формы глагола *káti* в рамках конструкций.

Пример	Перевод	Комментарий
<i>mís kán-um жарить</i>	Мы жарим	1 л., мн. ч., наст. вр.
<i>Ѡо ѐ-кам-а жарить psár'a, éfaɣa-ta</i>	Я пожарил рыбу ⁽¹⁾ [и] съел ее	1 л., ед. ч., аор.
<i>Ѡо Ѡа kám-u жарить psár'a, Ѡа ta fáɣu áv'ir'</i>	Я пожарю рыбу [и] съем ее завтра	1 л., ед. ч., буд. вр.
<i>áv'ir' Ѡа jert' Ѡа kán-um жарить psár'a, Ѡа fáɣum</i>	Завтра придешь, будем жарить рыбу [и] будем есть	1 л., мн. ч., буд. вр.

Примечание

- ⁽¹⁾ Здесь и ниже букв. 'рыб' (мн. ч.).

глагольной системы, чем для МСД, поскольку в ЯСД, по-видимому, значительно менее активно происходили процессы языкового развития.

6.3.1 Конструкция: *káti* + инфинитив русского глагола

И в ЯСД, и в МСД русские глаголы адаптируются по одной модели. Адаптация происходит следующим образом: используется конструкция из спрягаемого глагола *káti* 'делать' (см. табл. 6.2) и инфинитива русского глагола:

(6.14) *inéka kan' жарить агпѠ*

'Женщина **жарит** курицу'

В рамках конструкции глагол *káti* может быть употреблен в любой форме, свойственной ему как самостоятельному глаголу (см. табл. 6.3).

О широком употреблении этой конструкции в селах Урзуф и Ялта писала Т. Н. Чернышева [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 44, 62–63]. М. В. Сергиевский в своей статье

о ССД даже не упоминает о ней [СЕРГИЕВСКИЙ 1934], что весьма странно с учетом ее значимости и распространенности в ЯСД. К сожалению, данных о наличии/отсутствии подобной конструкции в других субдиалектах не имеется.

По сути, такая адаптационная конструкция позволяет не смешивать сложные морфологические категории румейского и русского глагола. Румейский глагол спрягается, русский же при адаптации остается в неопределенной форме. Адаптация, таким образом, приобретает чисто формальный характер и не затрагивает морфологию русского глагола.

Правда, в речи двух информантов из общего числа опрошенных эта конструкция приобретает вместо инфинитива личную форму глагола, необходимую по смыслу:

(6.15) *kan' cedim ɣal't'ɨɣul*

‘[Она] **цедит** молоко’

(6.16) *pot na t[u]¹⁷ kan' cedim ɣal't'ɨɣul*

‘Пока¹⁸ [она] **цедит** молоко¹⁹’

Подобные примеры появляются в спонтанных текстах с высоким содержанием русских лексических элементов и большим количеством случаев классического переключения кодов. Вообще конструкция *kámu* + *инфинитив* более частотна именно в таких текстах, а не в «чисто» румейских. Это вполне понятно: любой румейский глагол — если, например, информант его не помнит — может быть заменен при помощи такой конструкции.

Естественно, носители румейского языка не считают адаптированные глагольные лексемы элементами румейского языка. Информанты часто поясняют: «Можно говорить *kámu* с любым словом. Ну, это, считай, по-русски все».

Тот факт, что простые носители румейского осознают русский характер лексического элемента — в данном случае русских глаголов, адаптированных конструкцией с глаголом *kámu* — не позволяет дать ему статус заимствования. Распространенность употребления подобной модели свидетельствует о том, что она закрепились в данной системе языка и, соответственно, это «говорение» на одном языке, т. е. проявление «смешанного кода».

6.3.2 Другие конструкции с глаголом *kámu*

Глагол *kámu* употребляется в качестве вспомогательного глагола не только в описанной выше конструкции. В ЯСД распространена конструкция *kan* + *существительное тюркского происхождения*,²⁰ например *kan laxardı* ‘разговари-

¹⁷ Местоимение *t[u]* является компонентом местоименного повтора дополнения; подробнее см. Главу 13 (с. 393).

¹⁸ Букв. ‘когда’.

¹⁹ Следует признать, что пример (6.16) не может рассматриваться как абсолютно надежный, поскольку нельзя быть до конца уверенным в произношении конечного твердого согласного, т. е. в том, что произносится именно *цедит*, а не *цедить*.

²⁰ Прежде всего, речь идет об урумских заимствованиях; об урумах и их языке см. Главу 3 (с. 79).

вать';²¹ *jékan' ta xazír'ka* 'приготовил';²² *yo kan xasavét* 'я беспокоюсь, тревожусь'.²³

Видимо, по аналогии с данной конструкцией в речи носителей румейского языка появляются и подобные образования с русскими существительными, например, *kan' ремонт* 'чинить'.²⁴ Тем не менее, стимул: «Учитель **починил** крышу сарая» переводится как:

(6.17) *ǰáskals jékan' ремонт madrij²⁵ крыши*

В НГР глагол *χάνω* также имеет некоторые вспомогательные функции, например, в выражениях *χάνω περίπατο* и *χάνω βόλτα* 'гулять'.

6.3.3 Происхождение адаптационного механизма

Аналогичные конструкции с грамматикализированным глаголом со значением 'делать' широко распространены в турецком языке: *имя + etmek/eylemek* (глагол особого лексико-синтаксического назначения со значением 'делать'); например: *yardım etmek* 'помогать'.²⁶ Эти конструкции используются для адаптации иноязычных заимствований, т. е. имя в такой конструкции иноязычного происхождения: так, в турецком на ранних этапах адаптировались заимствования из арабского и из персидского, позднее из индоевропейских языков [Кононов 1997: 396]. Подобная конструкция встречается и в некоторых диалектах албанского языка, находящихся под контактном влиянием тюркских языков; например, в языке албанцев Украины,²⁷ контактировавшем с гагаузским языком, или в одном из цыганских диалектов, происходящих из Северной Греции, где, по мнению А. Ю. Русакова, суффикс *-ker-*, восходящий к лексическому корню *ker-* 'делать', возник вследствие сращения имени и глагола в аналогичной конструкции [Русakov 2000: 158]. Видимо, и в случае с румейским языком, где, безусловно, тюркское влияние имело место, что особенно проявляется на лексическом уровне, можно осторожно предположить заимствование описанного выше адаптационного механизма.

Интересен тот факт, что в конструкцию могут входить как русские, так и тюркские заимствования, притом, что в отличие от первых, русское происхождение которых осознается носителями, тюркские лексические элементы не столь обособлены от собственно греческой лексики.

²¹ РУМ. *taxardí* 'разговор, речь' < урум. *лакхырды*, кр.-тат. *лакхырды*, тур. *lakırdı*.

²² Слово *xazır'ka* (мн. ч., как свидетельствует артикль *ta*) не зарегистрировано в [Анимица, ИНТЕРНЕТ; Диамантопуло-Рионис и др. 2006]. Очевидно, оно происходит от урум. *хазыр* 'готовый', ср. с кр.-тат. *азыр*, тур. *hazır*.

²³ ЯСД *xasavét* (в других субдиалектах часто встречается *xasivét*) 'горе, печаль' < урум. *хасевет*, кр.-тат. *кхасевет*, тур. *kasavet*.

²⁴ Конечно, в данном случае нельзя исключить интерференции с соответствующим русским устойчивым словосочетанием *делать ремонт*.

²⁵ Атрибутивная форма, подробнее см. Главу 8, с 204 и сл.

²⁶ Тур. *yardım* 'помощь'; *yardım etmek* — букв. 'делать помощь'.

²⁷ См. [ЖУГРА, Шарапова 1998: 140].

6.3.4 Неадаптированные глаголы

В спонтанных текстах наряду с глаголами, включенными в конструкцию с глаголом *kámi*, широко используются неадаптированные глагольные лексемы. Причем это употребление распространено, видимо, уже относительно давно: в частности, Т. Н. Чернышева также фиксирует употребление русских глаголов «без всяких следов приспособления к местному говору» [Чернышева 1958: 19].²⁸

Несмотря на уже явно устоявшееся правило в румейском языке, а точнее в «смешанном коде», допускающем использование неадаптированных глагольных лексем, в стимульных текстах они не встречаются вообще. Тем не менее в спонтанных текстах информант не рефлексирует по поводу появления в тексте подобных элементов, в то время как, и это уже отмечалось выше, в стимульных текстах конструкция *kámi* + *инфинитив русского глагола* воспринимается как внедрение в румейский текст русского языка. Принимая во внимание реакцию носителей румейского языка на появление глаголов в текстах разного характера,²⁹ можно предположить одноуровневость адаптированных и неадаптированных глагольных лексем в сознании говорящего.

Неадаптированная форма чаще употребляется как самостоятельное сказуемое (пример 6.18) или вершина составного глагольного сказуемого (6.19), в то время как конструкция с глаголом *kámi*, также широко используемая в функции самостоятельного сказуемого (6.20), является предпочтительной как зависимый элемент в сложных глагольных сказуемых, где главный глагол — румейский (6.21):

(6.18) *кончил* *đía* *класс* *guméjka*

‘Кончил два греческих класса’

(6.19) *решила* *na* *ksev'* *óks[u]* *maréja*

‘Решила выйти наружу³⁰’

(6.20) *atí* *kan'* *kalá* *заниматься* *més[a]* *десятый* *t[u]* *класс*

‘Она хорошо занимается в десятом классе’

(6.21) *đe[n]* *íθilin* *na* *raǰén'* *na* *kan'* *учиться*

‘[Она] не захотела пойти учиться’

(6.22) *ístra* *áršinsa* *na* *kan* *учиться* *més[a]* *второй* *t[u]* *класс*

‘Затем [я] начала учиться во втором классе’ (ЯСД)

Имеет место и лексическая закреплённость некоторых глаголов за конструкцией с *kámi*. Так, некоторые лексемы, регулярно используемые в языке (‘жарить’, ‘учить(ся)’ и т. п.), встречаются только в адаптивной конструкции, в то время как другие, употребляемые реже, могут быть представлены как в адаптированном, так и в неадаптированном виде.

²⁸ Ср.: *ну, попрощались, дьяван* и *ну, попрощались и ушли* (Ч).

²⁹ Речь идет о стимульных текстах с ярко выраженным «румейским характером» и спонтанных, допускающих более свободное использование русских элементов по сравнению с анкетным материалом.

³⁰ Букв. ‘на внешнюю сторону’.

Интересно, однако, и то, что в спонтанных тестах нередко появляются русские глаголы, румейские эквиваленты которых широко употребляются в румейском языке (6.18), а иногда и находятся в активной компетенции данного носителя (6.23):

(6.23) *iniθ' kurtsítsi-m/в сорок втором году родилась éna t[u] ál[u?]* kurtsíts

‘Родилась моя девочка (= дочь), **в сорок втором году родилась** еще (букв. другая) одна девочка’

В (6.18) информант, видимо, забыл румейское слово ‘заканчивать’. В (6.23), что представляет особый интерес, очевидно, эта замена связана с появлением числительных в тексте, что и вызвало переключение кодов.

6.3.5 Аналитическая форма совместного действия

Говоря о глаголе, стоит упомянуть о заимствовании русской аналитической формы совместного действия. В румейском эта конструкция приобрела следующий вид: *давай + as + РУМ глагол*,³¹ например:

(6.24) **Стимул:** *Давайте складывать яблоки в мешки*

давай as válum míla p'is sakúl

‘Давай пусть (МЧ) **положим** яблоки в мешок’

(6.25) **Стимул:** *Давайте помолчим и думаем*

давайте [as?] supázum as nunízum

‘Давайте [пусть? – МЧ] молчим [и] пусть (МЧ) думаем’

Видимо, в данном случае речь идет об уже устоявшемся в языке заимствовании, поскольку носители употребляют ее не только в ответ на стимульную фразу, содержащую соответствующую конструкцию с *давай*, но она также может быть употреблена при порождении спонтанных текстов (6.26), или русская форма совместного действия без *давай* может быть трансформирована при переводе в конструкцию с *давай* (6.27):

(6.26) *давай as padrépsum*

‘Давай пусть (МЧ) **поженимся**³²’

(6.27) **Стимул:** *Побежали быстрее домой*

давай as dramúm čalkótra (?) [as?] sp'it'

‘Давай пусть (МЧ) **побежим** быстрее домой’

6.3.6 Количественные данные

Для завершения разбора адаптационной конструкции для глаголов необходимо привести некоторые количественные данные.

³¹ Румейский глагол обычно стоит в 1 л. мн. ч. наст. вр.; про частицу *as* см. Главу 11, с 358 и сл.

³² Здесь и в (6.27) в румейском примере основа аор.

6.3.6.1 Ялта (ЯСД)

На 500 глаголов в стимульных текстах приходится 17 русских (3,4%), и, соответственно, 483 румейских (96,6%). Все русские глаголы адаптированные. В спонтанных текстах из того же количества (500) — русских глаголов 156 (31,2%), а румейских — 344 (68,8%). При этом из 156 глаголов в русских предложениях (т.е. в случаях классического переключения кодов) — 129; только 27 глаголов, из которых 12 адаптированных и 15 неадаптированных, встречается в рамках румейского предложения.

6.3.6.2 Малоянисоль (МСД)

Из 500 глаголов в стимульных текстах — 13 русских (2,6%) и, соответственно, 487 румейских (97,4%). Все русские глаголы также адаптированные. В спонтанных текстах из того же количества (500) обнаруживается 60 русских глаголов (31,2%) и 440 румейских (68,8%).

Любопытно отметить, что конструкция с *kámu* встречается в МСД реже, чем конструкция с глаголом *kap* в ЯСД, и чаще употребляется просто соответствующая русская словоформа. Это можно объяснить тем, что носители МСД обращают меньше внимания на «румейскость» своей речи, в связи с отмеченной выше одноуровневостью адаптационной конструкции и русской словоформы в сознании носителей. При этом количество русских глаголов в приведенной статистике не становится в МСД на порядок меньше, чем в ЯСД, поскольку лексический запас носителя МСД значительно превышает объем греческой лексики в ЯСД.

6.3.7 Тюркизмы и их адаптация в глагольной системе

Принципиально иную картину дают тюркские глагольные основы, представляющие более древний слой заимствований, по сравнению с русскими: эти основы адаптируются в румейском языке при помощи двух суффиксов *-ajz-*/*-aiz-*³³ и иногда *-ev-*, к которым прибавляются глагольные окончания, например: БСД, НкСД *irištr-aiz-u* (ССД, МСД *irištrízu*)³⁴ 'дразнить, раздражать', ср. караим. *ириштир-*;³⁵ *xutxarájzu* 'спасать', ср. урум. *хутар-*, кр.-тат. *кзуртармак*, караим. *куткар-*, тат. *коткарырга*, тур. *kurtarmaк*.

Для глаголов в (медиально-)пассивном залоге используется суффикс *-efk-* (< *-ev-* + *-k-*?): *baritr-efk-um* 'помириться',³⁶ ср. урум. *барыш-* 'мириться, прощать друг друга', кр.-тат. *барышык* 'мир', караим. *барыштыр-* 'примирить', тур. *barışmak* 'мириться'.

Встречаются также случаи, когда пара глаголов образуется от одной основы с помощью разных суффиксов (см. также сн. 34): *ugrévu* 'претерпевать, случаться'³⁷ и БСД, НкСД *ugraízu* 'мучиться, страдать' — тур. *uğramak* 'испытать, подвергаться'.

³³ В некоторых субдиалектах иногда представлен как *-iz-*.

³⁴ В [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 86, 447] фиксируется также вариант *ириштрэвү* и приводится однокорневой глагол *иришэвү* 'спорить'.

³⁵ Не исключено, что сюда можно добавить тат. *ириштерергэ* 'дразнить, подтрунивать'.

³⁶ Глагол не обнаружен в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

³⁷ Зафиксирован только в [АНИМИЦА, INTERNET].

Любопытно отметить следующую ситуацию, возникшую благодаря неизоморфности грамматических систем двух языков: в румейском языке не существует морфологического способа для выражения каузативности, который, в свою очередь, имеется в тюркских языках: это четырехвариантный суффикс *-dir-/-tir-/-dir-/-tir-*. Как следствие этого, тюркские каузативные и некаузативные глаголы, образованные от одного корня, заимствуются дважды, и суффиксы *-ev-* и *-ajz-/-aiz-(-iz-)* выступают в отношениях дополнительной дистрибуции, ср.: ССД, МСД *b'itřevu-* 'заканчиваться'³⁸ (урум. *бит-*, кр.-тат. *битмек*, тур. *bitmek*) и БСД, НкСД, МСД *b'itřajzu* (БСД, ССД *b'itřizu*) 'закончить' (урум. *битир-*, кр.-тат. *битирмек*, тур. *bitirmek*), ССД, МСД *artřevu* 'увеличиваться'³⁹ (урум. *арт-*, кр.-тат. *артмакз*, тат. *артырга*, тур. *artmak*) и БСД, НкСД, ССД *artrajzu* 'увеличивать, украсть'⁴⁰ (урум. *арттыр-*, кр.-тат. *арттырмакз*, тат. *арттырырга*, тур. *artırmak*).

6.4 Предлоги и глагольное управление

6.4.1 Семантика и сущность глагольного управления

Перед тем как перейти к интерпретации собранного материала, необходимо сделать несколько замечаний общетеоретического характера о предложной семантике и сущности глагольного управления.

Управление — самый явный и однозначный способ выражения сочетаемостных признаков слова в грамматике, поэтому грамматическая интерференция, думается, нагляднее всего может быть представлена на этом материале. Как известно, изучение грамматической интерференции плодотворнее всего именно там, где грамматический и семантический компонент двух языков не изоморфны: валентности слова дают в этом смысле наиболее благодарный материал. И. А. Мельчук разработал способ представления синтаксической информации о слове с помощью модели управления, своего рода «синтаксического паспорта» лексемы [Мельчук 1997: 279–280]. Модель управления должна отражать те валентности, которые являются активными,⁴¹ субкатегориальными и соответствующим семантическим актантам; отражаются *субкатегориальные* признаки, важные для характеристики именно данной лексемы, а не *категориальные*, свойственные части речи в целом; например, если слово — глагол, то оно имеет активную валентность на обстоятельство. Субкатегориальные признаки указывают, например, присоединяет ли данный глагол прямое дополнение, т. е. является ли он переходным, присоединяет ли косвенное дополнение и если да, то какое, и т. п. Модели управления задают соответствие между активными синтаксическими валентностями слова и средствами их выражения в зависимой группе, например, предложно-падежной формой), [Тестелец 2001: 368].

³⁸ В [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 44, 310] приводятся также варианты ЯСД *битэв* и НкСД, МСД *битэву*. Показательно, что в нем не отражено противопоставление *каузативность/некаузативность*, и все глаголы переводятся как 'заканчивать'.

³⁹ В [Анимица, интернет; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 31] зафиксирован также однокорневой глагол *артраэву* 'добавлять', употребляемый в НкСД, ССД и МСД.

⁴⁰ Вероятно, встречается и в МСД. В [Анимица, интернет; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] отсутствует значение 'украсть'.

⁴¹ Активная валентность — это синтаксическая валентность на зависимое.

И. А. Мельчук выделяет следующие случаи управления в русском языке. Управляются: 1) синтаксические актанты глагола, существительного и прилагательного; 2) ИГ-дополнение предлога, например *на столе* (предл. п.); 3) глагол, вводимый союзом *чтобы*, всегда стоящий в сослагательном наклонении: *чтобы ушел*; 4) существительное с числительным в именит. или вин. п.: *два стола, шесть столов*; 5) прилагательное в роли присказуемого имени при некоторых глаголах: *знал его молодым* (творит. п.); 6) ИГ-актант при морфологически выраженной сравнительной степени прилагательного: *сильнее медведя* (род. п.). Стоит отметить, что И. А. Мельчук рассматривает управление как случай морфологической зависимости между словоформами, и поэтому в его списке отсутствуют предложно-падежные (*отнимать у ребенка* — предлог *у* + род. п.; *забота о родителях* — предлог *о* + предл. п.) и союзные (*знать, что происходит* — союз *что* + придаточное предложение) средства выражения.

В русской грамматической традиции часто используются термины *сильное* и *слабое управление*, введенные А. М. Пешковским [ПЕШКОВСКИЙ 1956]. Сильное управление следует понимать как управление актантами: *вспомнить о подарке, прикоснуться к руке, готовый откликнуться, наедине со своими мыслями* и т. п. Подчинительная связь является слабой, если употребление зависимого компонента не обязательно, а лишь возможно: *трудный для учащихся, написать на досуге, рисовать карандашом*. В «Русской грамматике» 1980 г. была предпринята попытка указать на некоторые семантические различия сильного и слабого управления. Сильная связь, наряду с обязательностью, выражает «восполняющие или объектные отношения» (*покупка дома, стать ученым, сердитый на тебя*), слабая связь, наряду с «объектными», выражает «определятельные отношения» (*пилить пилой, гимн труду*) [ТЕСТЕЛЕЦ 2001: 407].

6.4.2 Предложное управление и интерференция

При изучении интерференции между системами управления русского и румейского языков основное внимание уделялось случаям предложного управления. В плане интерференции наибольший интерес представляли случаи предложного управления как наиболее явные. Изучение глагольного управления на материале субдиалектов румейского языка затрудняется в первую очередь тем немаловажным различием, которое присутствует между русским и украинским именно в сфере глагольного управления: тем самым, во многих случаях неясно, имеет ли исследователь дело с необычным адаптационным механизмом, с банальной ошибкой информанта или в данном случае происходит интерференция глагольного управления не между русским и румейским, а между украинским и румейским. Имеет смысл также отметить трудность чисто лингвистического плана: при исследовании интерференции в сфере глагольного управления естественно возникает вопрос, *а не заложено ли данное (переносное) значение в самой семантике предлога?*

Некоторые замечания можно сделать и относительно случаев беспредложного управления: так, функции творит. п. в русском значительно шире, чем инструментальная функция, выражаемая в румейском формой с предлогом *an* 'с'; однако есть случаи, когда употребление творит. п. в периферийном значении в стимульной фразе ведет к необусловленному, казалось бы, с точки зрения румейского

синтаксиса употреблению конструкции с предлогом *an*, которая используется для передачи инструментальной функции, например:

(6.28) **Стимул:** [*Наслаждаться*] *жизнью*

⟨...⟩ *an tu*⁴² *zǐsmu*

‘⟨...⟩ с жизнью’

Формальное выражение *an* + *суц.*, центральное значение которого — инструментальное, расширилось до творит. п. Здесь имеет место перенос плана содержания творит. п. на форму с предлогом *an*, выражающую чисто инструментальное значение.

6.4.3 Система пространственных предлогов

При анализе употребления пространственных предлогов за единицу значения было принято сочетание основных предложных значений *на, в, под, за, около* с векторами движения: к объекту, от/мимо объекта и статическое положение [Плунгян 2000: 249].⁴³ Из приведенной ниже табл. 6.4 (с. 156) видно, что значения делят почти все предлоги на две относительно четко очерченные группы: движение к объекту и статическое положение противопоставлены движению от и мимо объекта.⁴⁴ При этом две обозначенные группы предлогов соотносятся по форме: большинство предлогов второй группы образованы от тех же корней, что и первой.

В ЯСД в предлогах второй группы происходит чередование конечного согласного с -х: по всей вероятности, этимологически в образовании второй группы участвовал предлог *ax* ‘от’, обладающий высокой степенью полисемии, пространственная сфера значений которого совпадает с семантическим «приращением», отличающим предлоги второй группы от первой [Маслинский 2002: 96].

В МСД предлоги второй группы иногда отличаются от первой наличием *a*-перед основной морфемой. Употребление *a*-, по крайней мере на современном этапе, факультативно, поэтому в МСД можно констатировать стремление этих двух групп к совпадению.

Выбор между *p’is* или [a]s объясняется особенностями вводимого существительного, поскольку в МСД, по-видимому, различаются значения ‘находиться в чем-то материальном’ и ‘в чем-то менее конкретном’:

(6.29) *p’is sp’it’*

‘В доме’

(6.30) *su tkan*

‘В магазине (в учреждении)’

⁴² Артикль произносится с озвончением: *an du*.

⁴³ «Самостоятельность» предлога относительно глагола наиболее очевидна при анализе предложений, в которых глагол вообще отсутствует и «восстановление» любой конкретной глагольной лексемы неизбежно меняет смысл исходного предложения. Семантическую структуру предложения в таких случаях определяет, в первую очередь, предлог.

⁴⁴ В ЯСД эта оппозиция снята только при выражении значений ‘под’, для которых существует один предлог.

Таблица 6.4. Пространственные предлоги⁽¹⁾

Суб- диа- лект	Зна- чение	Движе- ние к	Положение в	Движе- ние от	Движение мимо
ЯСД	на	pas	pas	paх ⁽²⁾	paх
	в	més[a] [a]s	més[a] [a]s	*m'ix	*m'ix
	под	kaх	kaх	kaх	kaх
	за	p'is	p'is	p'ix	p'ix
	около	*tis kás[u] ⁽³⁾	s'imá s'imá[a]s	ax	s'imá[a]x ax
МСД	на	pas	pas	pánu ⁽⁴⁾ [a]s	lon
	в	p'is [a]s	p'is [a]s	ap'ísu [a]s	p'is
	под	kátu [a]s	kátu [a]s	ap' (< apó) kátu [a]s	ap' (< apó) kátu [a]s
	за	p'ísu [a]s	p'ísu [a]s	[a]p'ísu [a]s	[a]p'ísu [a]s
	около	sma [a]s	sma [a]s	*ap' (< apó) sma [a]s	*ap' (< apó) sma [a]s

Примечания

- (1) Звездочкой (*) в табл. 6.4 помечены предлоги, незафиксированные в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].
- (2) Здесь и далее предлог paх не отмечен в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006], а в [АНИМИЦА, INTERNET] он присутствует только в рамках словосочетаний.
- (3) В [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 96] *касѹ* (в [АНИМИЦА, INTERNET] — *кас*) переводится только как 'под'.
- (4) Наречие *pánu* 'выше' зафиксировано только в [АНИМИЦА, INTERNET]. Оно используется, в основном, в поэзии и, видимо, является относительно недавним заимствованием из НГР.

(6.31) su nu-m
'В моем уме'

(6.32) su ðlíja
'В работе'

Чрезвычайно любопытным кажется следующий факт: если предлог употреблен в своем буквальном, пространственном значении, интерференции, как правило, не происходит, но употребляется румейский предлог с соответствующим значением:

(6.33) val tu psum'í pasu *стал*
'Положи хлеб на стол'

(6.34) tu psum'í en' pasu *стал*
'Хлеб на столе'

(6.35) kléft'[i]s éban p'is sp'it'
'Вор залез в дом'

(6.36) máŕ'ips'i (?)⁴⁵ tu psum'í p'isu *шкаф*

‘Убери (?) хлеб в шкаф’

(6.37) atína p'isu kó-mas tu xóra saévní-tin⁴⁶ ksen'

‘Ее в нашей деревне считают⁴⁷ ее чужой’

(6.38) atín ínni *первые ученики* p'isu *класс*

‘Они первые ученики в классе’

(6.39) vŭálu tu taxtá ap'isu su *шкаф*

‘Вынимаю доску из-за шкафа’

Не интерферируются также и предложные значения, легко соотносимые с буквальным значением, т. е. логично вытекающие из последнего, например: f'ilú ras ‘целую в’.⁴⁸

Интерференция имеет место, если предлог употреблен в переносном значении, а именно в тех случаях, когда значение предлога выходит за пределы пространственно-временной семантики и, нося чисто формальный характер, логически не мотивировано буквальным значением. Подобные случаи можно обозначить как *пустые предлоги*.⁴⁹ Именно в таких случаях обнаруживается разновидность интерференции, которую называют грамматическим калькированием. Происходит заимствование самой модели управления: отношения между глаголом и его аргументами кодируются по аналогии с доминирующим русским языком, но при этом используются средства румейского языка — употребляется румейский предлог, представляющий собой кальку с русского.

В большинстве таких примеров наблюдается сильное управление, например: *играть на баяне, говорить на (родном) языке, летать на самолете, менять что-то на что-то, отразиться на настроении* и т. п.

Так, было составлено 50 стимульных фраз с предлогом *на*, около 30 из которых представляли собой случаи т. н. *фразеологизованного управления*, или пустых предлогов. Русскому стимулу с предлогом *на* в подавляющем большинстве случаев соответствовала румейская фраза с предлогом *ras*:

(6.40) **Стимул:** *Я играю на баяне, а Маша на скрипке*

ŷo lalú **rasu** *баян*, а *Маша rasu* čimané

⁴⁵ Глагол не приводится в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

⁴⁶ Местоименный повтор дополнения.

⁴⁷ Букв. ‘почитают’.

⁴⁸ Букв. ‘целую на’ — движение направленное по поверхности.

⁴⁹ Предлог является пустым только в том контексте, где он оказывается управляемым. В другом контексте тот же самый предлог может быть уже полнозначным. Напр., франц. предлог *sur* ‘на’ — пустой во фразе *Jean insiste sur cette table* ‘Жан настаивает на этом столе’, но полнозначный во фразе *Le magazine se trouve sur cette table* ‘Журнал находится на этом столе’. Во второй фразе предлог *sur* может быть заменен на *dans* ‘в’, *sous* ‘под’, *pres de* ‘около’, *derrière* ‘позади’ и др., тогда как в первой фразе *sur* употребляется совершенно автоматически. Как «десемантизированные» трактуются т. н. *сильноуправляемые* предлоги: мотивы их выбора при том или ином глаголе объясняются либо семантическими свойствами обозначенной глаголом ситуации, либо особенностями вводимого предлогом существительного; семантика же самого сильноуправляемого предлога при этом словно «растворяется» в глаголе и вводимой предлогом форме, предлог «десемантизируется». Значение предлога полностью самостоятельное: предлоги задают собственный, не всегда совпадающий с глагольным, семантический шаблон, тип описываемой в предложении ситуации.

- (6.41) **Стимул:** Собака лает **на** всех
tu škli laz⁵⁰ **pas** úlnus⁵¹-pa
- (6.42) **Стимул:** Чашка разбилась **на** куски
tu *чашка* tsakón' **pasa** хар'és'⁵²
'Чашка разбивается **на** куски'
- (6.43) **Стимул:** Я говорю **на** родном языке
yo laxardévu **pasu** kó-m tu ylósa
'Я говорю **на** моем языке'
- (6.44) **Стимул:** Она ворчит **на** племянника
[a]tí murmuríz'⁵³ **pasu** anipšó-ts
'Она ворчит **на** своего племянника'
- (6.45) **Стимул:** Она сердится **на** племянника
atí gzen' xulí-ts **pasu** anipšó-ts
'Она выходит свой гнев **на** своего племянника'
- (6.46) **Стимул:** Он кричит **на** всех
Atós xliz'⁵⁴ **pas** úlnus⁵⁵-pa
- (6.47) **Стимул:** Плохая погода отразилась **на** моем настроении
tu pusúrku tu *погода* ékan' *влиять*⁵⁶ **pasu** *настроение*
- (6.48) **Стимул:** Турки напали **на** греков
túrko (?) katévan⁵⁷ **pas** ruméj
'Турки (?) спустились **на** румея'
- (6.49) **Стимул:** Люди летают **на** самолетах
kózmus p'itún **pasa** samoléča
- (6.50) **Стимул:** Я поменяла хлеб **на** молоко
yo m'italaksa psum'í **pasu** yála

⁵⁰ Иногда произносится с оглушением: las.

⁵¹ Местоимение úlnus не фиксируется в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006], однако она встречается в [АНИМИЦА, РУКОПИСЬ₂].

⁵² В [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 217, 335] предложены лишь варианты *хapéца* и *хapéя*; а в [АНИМИЦА, INTERNET] *хapéс*, хотя и присутствует, но имеет значение 'объедки'.

⁵³ Иногда произносится с оглушением: murmurís'.

⁵⁴ Иногда произносится с оглушением: xlis'.

⁵⁵ См. сн. 51.

⁵⁶ См. в этой главе раздел 6.3.1.

⁵⁷ Часто произносится с озвончением: kádevan.

В ряде случаев, однако, возникали колебания; разные информанты давали разные переводы, при этом альтернативой предлогу *pas* всегда выступает предлог *as*, основное значение которого — абстрактное ‘в’ по сравнению с более конкретным предлогом *p’is*:⁵⁸

(6.51) **Стимул:** *Родители женили его на богатой девушке*

Инф1: *táta k’i mána aravónasan-tun*⁵⁹ [a]s plúšku tu kuríts

Инф2: *táta k’i mána aravónasan-tun pasu* plúšku tu kuríts

‘Отец и мать посватали его **за** богатую девушку’

(6.52) **Стимул:** *Эта женщина гадает на картах*

Инф1: *aút[u] t[u] inéka draná fal* [a]s ta xartíja

Инф2: *aútu tu isán draná fal pasa* xartíja

‘Эта женщина смотрит гадание **в** картах’

(6.53) **Стимул:** *Ужасная жара, мы тратим все деньги на воду*

Инф1: *tsanó zest’, mís xardžúm ta kap’ík’a su* niró

‘Сумасшедшая жара, мы тратим деньги **на** воду’

Инф2: *tsanó zest’, úla-mas ta kap’ík’a páyini su* niró

Инф3: *tsanó zest’, úla-mas ta kap’ík’a páyini pasu* niró

‘Сумасшедшая жара, все наши деньги уходят **на** воду’

Инф4: *méya zest’, mís xardžúm ta kap’ík’a pas t[u]* niró

‘Большая жара, мы тратим деньги **на** воду’

(6.54) **Стимул:** *Учитель поделил наш класс на мальчиков и девочек /на три части*

Инф1: *ḍáskals bólipsin t[u]* *класс-mas pas* ta p’iḍ’íča k’i kurčíča⁶⁰ /*pasu* tr’ía méris

Инф2: *bólipsin tu класс-mas [a]s* ta p’iḍ’íča k’i kurčíč[a]/*sa* tr’ía méris⁶¹

Инф3: *ḍáskals bólipsin tu класс* p’iḍ’íts k’i kurčíča

‘Учитель разгородил класс мальчик и девочки’ (беспредложное управление)

«Колебания» между абстрактным предлогом [a]s и конкретным *pas* отражаются не только в анкетах и записях от разных информантов, но и в том, что один и тот же информант задумывается и может выдать оба варианта:

⁵⁸ Совпадение числового индекса у информанта в разных примерах не свидетельствует о том, что речь идет об одном и том же информанте.

⁵⁹ Здесь и у Инф2 *tun* произносится с озвончением: *dup*.

⁶⁰ В [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 114, 293] приводится форма без палатализации: *куруци(ь)*.

⁶¹ У Инф2 опущено подлежащее

(6.55) **Стимул:** *Я опоздала на автобус*

Вариант1: rémna arúós **pas** автобус

Вариант2: rémna arúós [a]s автобус

‘Осталась поздно **на** автобус’

(6.56) **Стимул:** *Я опаздываю на автобус*

Вариант1: úo rémna arúós **pasu** автобус

Вариант2: úo rémna arúós **su** автобус — **su** или **pasu** ну su, su, *можно* su,
úo rémna arúós su автобус

‘Я осталась поздно **на** автобус’

(6.57) **Стимул:** *Этот закон не распространяется на детей*

Вариант1: aútu tu закон či plíthika (?) [a]s ta balájða

Вариант2: aútu tu закон či plíthika (?) **pasa** balájða

‘Этот закон я не распространил (?) **на** детей’

(6.58) **Стимул:** *Взвесьте мне огурцов на три гривны*

Вариант1: zijákset-m'i angúr'a **sa** tr'ía gumúša

‘Взвесьте мне огурцы **на** три целковых’

Вариант2: ziják'si-m'i angúr'i⁶² **pas** ta tr'ía úr'ívnas

‘Взвесь мне огурец **на** три гривны’

(6.59) **Стимул:** *Перерыв сократили на пять минут*

tu перерыв tin' ékaman tu сократить . . . **sa** péndi m'inúča — на одну
минуту — **pas** épa минута, значит можно и так **pasa** péndi m'inúča

Подобная вариативность управления — от информанта к информанту или в речи одного информанта — может свидетельствовать об интерференционном процессе, еще не закрепившемся на системном уровне. Это кажется еще одним аргументом в пользу того, что здесь имеет место именно интерференция, а не случайное совпадение, вероятность которого в таких языках, как генетически родственные, но далеко разошедшиеся друг от друга и разнящиеся на всех языковых уровнях румейский и русский, достаточно мала. Можно предположить, что в связи с разрушением изначальной румейской системы управления, проблема выражения соответствующего немотивированного значения может решаться двумя путями: либо значение выражается самым абстрактным предлогом, либо буквально калькируется с русского предлога. Соответственно, существительное может быть адаптировано калькированным предлогом⁶³ — в этом случае русское существительное адаптируется с помощью румейского служебного слова, но при этом сам адаптационный механизм уже подвергся интерференции с русским языком.

⁶² В [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 24, 370] дается форма *ангжур*.

⁶³ Адаптация существительного калькированным предлогом возможна, если это позволяет лексическое значение существительного, а также глагола в предложении: так, сущ. *стол* не может быть адаптировано калькированным предлогом в предложении с глаголами типа *лежать, стоять, быть*.

Проведенное исследование показывает, что система пространственных предлогов в румейском языке находится в относительной сохранности.

В сознании носителей сильноуправляемые предлоги неразрывно связаны с глагольными лексемами, от которых зависят. При этом, однако, не наблюдается тотального уподобления румейской системе управления русской — даже в тех случаях, когда в высказывании адаптирована русская глагольная лексема. Вариативность в употреблении предлогов демонстрирует лишь то, что интерференция — один из способов решения сложной ситуации выбора носителем, не уверенным в собственном языковом коде.

Возможен и другой выход из ситуации, который также можно проиллюстрировать румейским материалом: ряд словосочетаний с предлогом не переводится на румейский язык вообще, а вставляется в румейский текст как русское вкрапление; в этом случае следует говорить не о переключении кодов, но о говорении с включением «готовых» элементов другого языка, о смешении кодов. Обычно речь идет об устойчивых (для языка-донора) словосочетаниях:

(6.60) **Стимул:** *Мы с отцом часто ходим на охоту*

mís an tun⁶⁴ táta p'ixtá ráxum'its **на охоту**

(6.61) **Стимул:** *Мне подарили на память много кувшинов*

ména ékaman-m'i⁶⁵ подарить **на память** pulá kuvšin'a

Итак, румейские предлоги хорошо сохраняют свои первичные семантические функции, причем их дистрибуция не совпадает с русскими, но полностью уподобились русским предлогам в своих идиоматических приглагольных употреблениях, где предложно-падежная глагольная конструкция становится частью большей глагольной конструкции с конкретно-лексическим, субстанциональным наполнением.

Подводя итоги, следует, прежде всего, сказать, что исследование интерференции, проведенное на материале двух субдиалектов, выявило значительные различия между ЯСД и МСД.

В ситуациях билингвизма, при стабильном функционировании двух или более языков одновременно в обществе, всегда существуют некоторые закономерности в переключении кодов. Если система одного языка начинает разрушаться, перестает нормально функционировать и переключение. Это и наблюдается в ЯСД. Выявить здесь какие-то строгие закономерности чрезвычайно сложно. Любопытным представляется резкое различие в количестве и качестве русских существительных и глаголов в спонтанных и стимульных текстах. Стимульные тексты, таким образом, предстают как некое представление информантов о том, как должна строиться румейская фраза. Основное требование, которое информанты предъявляют к своим текстам, — «румейский» характер стимульных текстов, т. е. наличие минимума заимствований и высокий процент адаптации. В спонтанных текстах это не соблюдается, и оказывается, что они очень далеки от идеального представления носителей о том, как должна строиться румейская фраза. Механизмы адаптации существительных оказываются более сложными по сравнению с единственной имеющейся адаптационной конструкцией для глаголов.

⁶⁴ В данном фонетическом окружении артикль tun подвергается ассимиляции: an **дум** táta.

⁶⁵ Местоименный повтор дополнения.

Ситуация, сложившаяся у носителей ЯСД, — высокая степень интерферируемости, неспособность информантов породить связный монологический текст — наталкивает исследователя на пессимистичные выводы относительно перспектив развития этого субдиалекта. Возможно, это некий этап движения к состоянию, называемому в последние десятилетия «языковой смертью». Ситуация усложняется и тем, что в последнее время среди румеев необычайно возрос престиж НГР, имеющего практическую ценность.⁶⁶

И все же выносить какой-то однозначный приговор здесь нельзя. Выполняемая румейским языком функция этнической идентификации может являться очень сильным фактором сохранения языка. В таких условиях язык может существовать неопределенно долгое время. Представляется очень важной роль сознательных усилий членов языковой общности. От них во многом будет зависеть судьба ЯСД. Важно отметить, что именно в связи с первичностью функции этнической идентификации в ЯСД практически каждое переключение кодов, как представляется, является мотивированным, в отличие от МСД, где смена кода может быть не нагружена идеологически.

МСД, напротив, выработал ряд интересных адаптационных механизмов, в функционировании которых прослеживаются достаточно строгие закономерности. Вообще, МСД характеризуется значительно большим лексическим составом, меньшей вариативностью словоизменительных форм, которым свойственна большая унифицированность; свойством, сближающим МСД с естественным, неинтерферируемым языком, является большая полисемия словоформ. МСД успешно используется для бытового общения.

Итак, основываясь на данных, рассмотренных в этой главе, можно сделать вывод, что ЯСД достаточно сильно интерферируван. Его грамматическая система находится на грани распада, и даже адаптационные механизмы не функционируют нормально. Языковые изменения, произошедшие в МСД, не столь радикальны.

В завершение хочется привести оптимистическое высказывание Н. Б. Вахтина: «На фоне всеобщего развития процессов языкового сдвига, процессов сглаживания культурного разнообразия, распространения того, что называется западной цивилизацией, на всю территорию освоенного ареала — для XX века это практически означает на всю территорию Земли — сформулированный Трубецким закон сохранения разнообразия действует на стороне малых этнических групп, на стороне языков и культур меньшинств, что, как мне кажется, позволяет смотреть в будущее с осторожным оптимизмом» [ВАХТИН 2001b: 314].

⁶⁶ О статусе НГР подробнее см. Главу 4, с. 101 и сл.

Глава 7

– Фонетические особенности на материале первичного анализа системы фонем ма- лянисольского субдиалекта

7.1 Вводные замечания

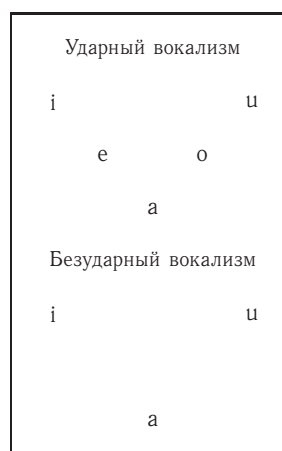
Язык греков Приазовья, как уже было отмечено в «Предисловии» к этому тому (с. 11 и сл.), достаточно рано привлек к себе внимание исследователей, и в район проживания мариупольских греков было организовано немало экспедиций. Несмотря на то, что в ходе этих экспедиций обычно описывался какой-либо отдельно взятый субдиалект, исследователи, по большей части, привлекали материалы и других субдиалектов и пытались сравнивать их со стандартным НГР и его диалектами. И. И. Соколов и Д. С. Спиридонов предложили выделять 5 групп субдиалектов на основании их близости к НГР.¹

Е. Ф. Журавлева предлагает группировать субдиалекты румейского языка, исходя из ряда фонетических характеристик. Для этого, основываясь на описании НкСД, она анализирует системы фонем остальных субдиалектов и рассматривает функционирование в них гласных и согласных фонем [ЖУРАВЛЕВА 1982].

Согласно Е. Ф. Журавлевой, в НкСД гласные среднего ряда² в слабой позиции подвергаются качественной редукции — происходит позиционное фонетическое чередование в пределах одной морфемы, т.е. гласные /e, o/ заменяются на /i, u/ соответственно:³ /'metra/ || /mit'ru/ 'считай' || 'считаю', /'feru/ || /'ifra/ 'несу' || 'принес', /i'neka/ || /iny'ku/⁴ 'женщина' || 'женское', /'stoma/ || /stu'mi/⁵ 'рот' || 'ротовой', /'onuma/ || /u'numata/ 'имя' || 'имена'.

Что касается соответствия гласных в НГР гласным в НкСД, то, по мнению Е. Ф. Журавлевой, конечно-му безударному /i/ в первом заударном слого соот-

Рис. 7.1. Вокализм НкСД.

¹ Подробнее о субдиалектах см. «Предисловие», с. 13.

² Терминология Е. Ф. Журавлевой. Согласно терминологии Щербовской школы это гласные среднего подъема.

³ Здесь и далее примеры из НкСД принадлежат Е. Ф. Журавлевой. Они приводятся в транскрипции Е. Ф. Журавлевой и с ее переводом. Знаку /y/ соответствует знак /i/ Международного фонетического алфавита. Хотя примеры и заключены в косые скобки, имеется в виду фонетическая транскрипция, поскольку Е. Ф. Журавлева считает [y] и [i] аллофонами одной фонемы; см. также ниже с. 172–174.

⁴ Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 88, 302] дает для НкСД форму ⟨i⟩иньки.

⁵ Прим. ред.: не представлено в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

Таблица 7.1. Консонантизм НкСД.

Серия			Ряд							
			губно-губные	губно-зубные	меж-зубные	за-зубные	сви-стя-щие	передне-небные	средне-небные	задне-небные
простые		зубные								
губные			переднеязычные				средне-язычные	задне-язычные		
Шумные	Фрикативные глухие	смычные	глухие	взрывные	p	t	s	ʃ	ħ	k
				аффрикаты			c	č		
	звонкие	взрывные	b	d			ɟ	g		
		аффрикаты			ʒ	ʒ̣				
	Фрикативные звонкие		v	ð	z	ʒ	f	ɣ		
Сонорные	щелевые	плавные	латеральные		ɬ			ɮ		
			дрожащие				ɾ			
	смычные	носовые	m		n			ɲ		

ветствует нуль: НкСД /'vreʃ/ – НГР /'vrehi/ 'идет дождь', НкСД /vrað'mer/⁶ – НГР /vraði'meri/ 'сумерки'. Тогда как во втором безударном слоге конечное /i/ сохраняется: НкСД /'itymi/ – НГР /'etimi/ 'готовая', НкСД /'aplytu/ – НГР /'apliiti/ 'немытая'.

Это справедливо и для неконечного безударного /i/ в первом заударном слоге (если это не приводит к стечению трех согласных): НкСД /'rotsa/⁷ – НГР /'rotisa/ '[я] спросил', НкСД /nu'myʒs/⁸ – НГР /no'mizis/ 'считаешь'.

В первом и во втором заударных слогах /i/ редуцируется до /y/: /'itymi/ – НГР /'etimi/ 'готовая', /'anyksy/ – в НГР /'aniksi/ 'весна', /'mavry/ – НГР /'mavri/ 'черная', /a'letry/⁹ – НГР /a'letri/ 'плуг'. Приводя данные примеры, Е. Ф. Журавлева обращается к истории НкСД, а не к его живой системе, не анализируя противопоставление /i/–/y/.

Консонантизм НкСД состоит из 29 согласных фонем и представлен в [ЖУРАВЛЕВА 1982: 24], см. табл. 7.1.

Ряды:

- Губные: а) губно-губные б) губно-зубные.

- Переднеязычные, зубные простые: а) межзубные б) зазубные.

⁶ Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 53, 267] описывает форму *vraḍm̄er/vraḍm̄ér* как БСД, предлагая для НкСД *vraḍm̄m̄ér/vraḍm̄m̄ér*; возможно, более точный перевод для румейского не 'сумерки', 'вечер'.

⁷ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006] отсутствует.

⁸ Прим. ред.: для НкСД [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 140, 397] дает форму *nun̄yʒu*.

⁹ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006] не приводится форма для НкСД.

- Переднеязычные зубные свистящие.
- Переднеязычные переднебные.
- Среднеязычные среднебные.
- Заднеязычные заднебные.

Серии:

- Шумные фрикативные глухие.
- Шумные смычные глухие: а) взрывные б) аффрикаты.
- Шумные смычные звонкие: а) взрывные б) аффрикаты.
- Шумные фрикативные звонкие.
- Сонорные щелевые плавные: а) латеральные б) дрожащие.
- Сонорные смычные носовые.

При этом Е. Ф. Журавлева выделяет ряды согласных по действующему органу и месту образования, а также серии по способу образования. Особую серию составляют сонорные согласные.

Среднеязычные согласные выделены в отдельный ряд палатальных согласных, у которых среднеязычная артикуляция является основной. Е. Ф. Журавлева опирается на то, что в НкСД нет общей для всех палатальных согласных позиции нейтрализации, о чем свидетельствует наличие позиционно обусловленных полумягких согласных. Однако с точки зрения общезвонности это не имеет решающего значения — фонологическую самостоятельность этого ряда согласных подтверждают пары слов, где среднеязычные и переднеязычные согласные встречаются в одинаковой фонетической позиции: /ty'ry/ 'сыр'—/ʃi'ry/ 'свеча', /'tala/ 'другие'¹⁰—/'ʃala/¹¹ 'еще', /'xten/ 'гребень'—/'ʃen/ 'нет', /'tona/ 'ему'¹²—/'ʃonu/¹³ 'лей', /'xanda/ 'потеряет их'¹⁴—/'xanʃa/ 'колючки', /'ʃala/ 'молоко'—/'ʃala/ 'тихо'. В некоторых субдиалектах этой группы вместо среднеязычных появляются шипящие аффрикаты.

На основании вышеперечисленных фонетических черт, которые характеризуют фонологические системы всех румейских субдиалектов (наличие редукации, а в системе согласных — среднеязычных или аффрикат), в [ЖУРАВЛЕВА 1982: 25–26] предлагается следующая классификация (см. табл. 7.2, с. 166).

Таким образом, по признакам, характеризующим вокалическую и консонантную систему, рассматриваемые субдиалекты группируются по-разному: по вокализму они образуют три группы, которые, однако, не совпадают с тремя группами, выделяющимися по консонантизму (см. рис. 7.2, с. 166).

По обоим критериям БСД и ЯСД объединяются, а это говорит о том, что географическое положение сел может оказываться недостаточным критерием для разделения на субдиалекты.

¹⁰ Прим. ред.: местоимение с артиклем.

¹¹ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 199, 301] дается для БСД и ЯСД приводится форма *тял*, а для НкСД вообще не предлагается никакого варианта.

¹² Прим. ред.: или 'его' (вин. п.).

¹³ Прим. ред.: глагол не зафиксирован в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; возможно, не императив.

¹⁴ Прим. ред.: форма наст. вр.

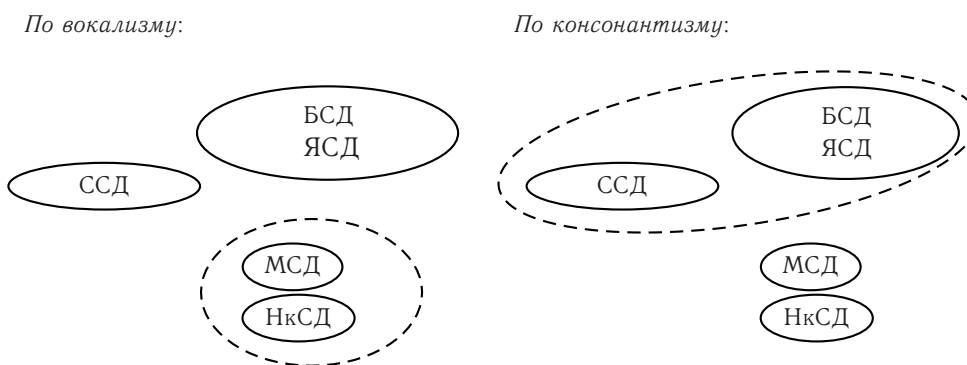
Таблица 7.2. Классификация субдиалектов.

По вокализму			
		предударные гласные	
		исчезновение	сохранение
заударные гласные	исчезновение		БСД, ЯСД
	сохранение	ССД	МСД, НкСД
По консонантизму			
		текающие ⁽¹⁾	чекающие
		с палатализованными	с палатальными с аффрикатами
		БСД, ССД, ЯСД	НкСД МСД

Примечание

- ⁽¹⁾ В таких системах нет шипящих аффрикат перед /i/, в данной позиции возможны палатализованные переднеязычные и среднеязычные согласные.

Рис. 7.2. Различия группировки субдиалектов по вокализму и консонантизму.

7.2 Вокализм МСД

МСД распространен на территории четырех деревень: Малоянисоль (ранее Харáхла или Куйбышево), Кременёвка (ранее Чердакли), Кирьяковка (ранее Екатериновка) и Труженка. Первые два поселения появились уже в 1780 г., почти сразу после переселения.¹⁵ Другие два села в нач. XX в. были основаны эмигрировавшими из с. Малоянисоль румеями, и 85% их населения составляют румыны [PAPPOU-ZOURAVLIOVA 1998: 428].

¹⁵ См. Главу 1, с. 28 и сл.

Материалом для настоящего исследования послужили звукозаписи, сделанные аспирантами и студентами кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ в ходе экспедиций 2001–2003 гг., проведенных под руководством Е. В. Перехвальской и А. А. Новика.¹⁶ Это переводы с русского отдельных фраз из заранее подготовленных анкет, а также спонтанные автобиографические рассказы, стихи и сказки. Для компьютерного анализа были отобраны записи, сделанные у четырех дикторов — двух мужчин и двух женщин.¹⁷ Поскольку запись велась в полевых условиях, определяющим фактором при отборе материала было его качество (т. е. наименьшее содержание шумов). Наряду с этим большое внимание уделялось и процентному соотношению русских и румейских слов — предпочтение отдавалось фрагментам, произнесенным по-румейски.

На основе данных, полученных при слуховом анализе, можно построить таблицу реализаций гласных звуков без учета их фонемной принадлежности (см. табл. 7.3, с. 167).¹⁸

Таблица 7.3. Реализации гласных МСД.

гласный	Ударный			Безударный		
	начало	середина	конец	начало	середина	конец
а	'aθrɒros ⁽¹⁹⁾ 'человек' 'af̃s ⁽²⁰⁾ 'так' 'a ɟax 'очень'	pu'tam 'река'	ɣor'ɣa 'быстро'	аʉl'pɪn 'любят'	ɟɒna'kaθjɪt̃s 'чтобы [вы] сидели' (неизъявит.) tosa'ɟeftɪn 'он заметил'	'ðax ɟa 'пальцы'
ɑ	'andɒ'kuju 'когда слышу'	'rɑɣo'r̃jɪ-stɒɟ '[они] разговаривали'	vɑr'vɑ ⁽²¹⁾ 'есть, есть'	ɑrɑ'ðo 'отсюда' 'ɑ'ɣos 'поздно' 'ɑ'utu 'этот'	ka'lo 'хорошо'	'tɪ ɑ ⁽²²⁾ 'как' 'ɛnɑ 'один' (неопр. арт. ср.р.)

¹⁶ Подробнее см. Главу 2, с. 65.

¹⁷ В исследовании, положенном в основу настоящей главы, был проанализирован следующий материал:

- басня, рассказанная полностью по-румейски. Инф. — муж. 1930 г. р., образование 8 кл.
- румейское стихотворение «Жалобы на попа». Инф. — жен. 1920 г. р., без образования.
- рассказ об армейском концерте с румейскими частушками. Инф. — муж. 1935 г. р., образование 8 кл.
- румейская колыдка. Инф. — жен. 1924 г. р., образование 9 кл (1–4 кл. греческой школы).

¹⁸ Здесь и далее дается фонетическая транскрипция по МФА с учетом аллофонов, отчетливо воспринятых на слух. В тех случаях, где приводится фонематическая транскрипция отдельных слов, она заключается в косые линии.

(19) **Прим. ред.:** согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 34; 462] для МСД характерна форма *átθrapɒs*.

(20) **Прим. ред.:** *af̃s* приводится только в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 37], но не для МСД, а для НкСД.

(21) **Прим. ред.:** не зафиксировано в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; вероятно, это не румейское слово, а урумское (из урум. *var*; ср. с тур. *var*).

(22) **Прим. ред.:** форма не зафиксирована в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

гласный	Ударный			Безударный		
	начало	середина	конец	начало	середина	конец
а				а'до 'здесь' аpл'т'ji 'оттуда'	тuуа'пex ⁽²³⁾ 'страдание имеет' 'pεγλs'jɪnɔ 'прошел'	'tɾi'ɪa 'три' (ср. р. мн. ч.) 'yala 'молоко'
ε	'εrk'jɪt 'приходит' 'εj' 'имеет' 'εkλnmɪ 'сделал'	'psεs 'вчера' 'i'nεkλ 'жена'	'lε 'говорит'	sε'lεfk'jɪs ⁽²⁴⁾ 'двигаешься'	'εdɾεxεn '[он] бежал'	'εrkne 'приходят'
ε		'f'εɲus 'луна' 'dʒεfk'jɪt ⁽²⁵⁾ 'па- сется'	pεr'k'jɪt 'берется'		t'j'e'nurɪ 'новый'	'pεsε 'ляг' 'skol'jε 'школа'
ɪ	'ɪrkλndɔn '[они] шли' 'θɪyus ⁽²⁶⁾ 'без'	pu'lit'j 'продает' ku'lit 'замок' ⁽²⁷⁾ ji'ɾɪs'ɪs 'возвращаешься'	fjɪlj'e'yɪnɪ 'прячутся' vɔ'θɪ ⁽²⁸⁾ 'глубокий' pɾa'tɪ 'ходит'	ɪf'tax 'желание, охота' 'tɪ'ɾɪ 'сыр' 'ɪ'stεr ⁽²⁹⁾ 'потом'	kɪr'm'jɪ'z'nɪt's ⁽³⁰⁾ 'убивают их' akɪr'va 'дорого'	'xɪzɪnɪ 'зовут' sku'tunɪ 'убивают' 'st aθɪn '[он] остано- вил- ся' ⁽³¹⁾
ɪ	'ɪrtλn '[они] пришли' 'ɪtun ' [он] был' 'ɪf'ɪrɔn '[они] принесли'	p'ɪs 'в'	л'т'jɪ 'там'	'ɪ'nekλ 'женщина, жена'	stɪp'jɪ'rɔzλm 'давай его пе- рейдем' (неизъ- явит.) ⁽³²⁾ 'εf'ɪpsλn ⁽³³⁾ '[они] отступи- ли'	'εkam'jɪ '[он] сделал' л'ɲɟur'jɪ ⁽³⁴⁾ 'оругец'

(23) **Прим. ред.:** не обнаружено в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

(24) **Прим. ред.:** глагол не приводится в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

(25) **Прим. ред.:** [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 64] приводят форму *джаэву*.

(26) **Прим. ред.:** словоформа отсутствует в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

(27) **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] не зафиксировано.

(28) **Прим. ред.:** такая форма приведена и в [Анимица, INTERNET], однако [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 285] характеризует эту форму, как свойственную для БСД и ЯСД, предлагая для МСД вариант *ватъис*.

(29) **Прим. ред.:** [Анимица, INTERNET] предлагает для МСД вариант *стэра*, а [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 180, 403] добавляет к этому *стэр*.

(30) **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] словоформа не зафиксирована.

(31) **Прим. ред.:** словоформа не приводится в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

(32) **Прим. ред.:** в потоке речи, видимо, у МЧ *as* происходит выпадение *a-*.

(33) **Прим. ред.:** словоформа отсутствует в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

(34) **Прим. ред.:** [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 24, 370] предлагают форму *анжур*.

гласный	Ударный			Безударный		
	начало	середина	конец	начало	середина	конец
u	'uɫ 'все' (мн. ч.)	'xum 'песок' a'utu ⁽³⁵⁾ 'этот'	рл'su ⁽³⁶⁾ 'на'	uɫ'no 'небо' pu'tu 'могу' fu'mus ⁽³⁷⁾ 'зима'	'panumɫ ⁽³⁸⁾ 'над нами' ɫnduxu'laɟ 'как легко'	'talɟu 'конь, лошадь' (с артиклем) ɫp'katu 'внизу, снизу'
o	'omorɟu 'красивый'	tu'komɫs 'наш собственный' tu'koɫs 'ее собственный' 'zɟoɫs 'к ее дочери'	кɫ'lo 'хороший, хорошо' ɟaɟ'mo 'порка, драка'	o'kop'is ⁽³⁹⁾ 'окопы'	dun'loɟon 'слово' (косв п., с артиклем)	puɟzi'meno 'политое'

В проанализированном материале гласный переднего ряда нижнего подъема [a] встретился во всех позициях по отношению к ударению и к месту в слове. Также следует отметить высокую частотность этого гласного как под ударением, так и в безударных позициях, за исключением безударной позиции в середине слова — здесь частотность реализации данного гласного может варьироваться от диктора к диктору. Гласный заднего ряда [ɫ] ни у одного из дикторов не был реализован под ударением, что, вероятнее всего, говорит о невозможности произнесения этого звука под ударением. Из этого следует, что дистрибуция данного звука ограничена. Подобно [ɫ], гласный [a] встречается гораздо чаще в безударной позиции, нежели под ударением. Однако несколькими дикторами он, тем не менее, был реализован под ударением.

Поскольку неодинаковое распределение гласных [a] и [ɫ] в произнесении разных дикторов было очевидным, была составлена таблица частотности реализаций этих двух гласных у 12 дикторов (см. табл. 7.4, с. 170).⁴⁰

Сравнив реализации разных дикторов, можно сказать, что с точки зрения частотности для более переднего гласного характерна ударная позиция в середине слова (44 случая употребления), тогда как для более заднего варианта наиболее частотной является безударная середина слова (28 случаев употребления). После подсчета спорных случаев, в которых дикторы произнесли оба гласных в одних и тех же местах, и их соотношения с общим количеством употреблений оказалось, что реализация более переднего звука наиболее неустойчива под ударением в конце слова (для этой позиции получилось наименьшее число употреблений, 50% из которых спорные), тогда как для более заднего такой позицией являются

(35) **Прим. ред.:** местоимение не представлено в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; в [Анимица, INTERNET] приводится лишь форма мн. ч.

(36) **Прим. ред.:** скорее всего, это результат слияния предлога pas с артиклем tu; см. также «Предисловие», с. 22.

(37) **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 247, 314] приводится форма без сужения ударного гласного шумб(с).

(38) **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 351] дается лишь вариант *apánu* для МСД.

(39) Этот пример представляет собой заимствование из русского языка, однако это слово приобрело ярко выраженный «диалектный» вид как на морфологическом уровне, так и на фонетическом; о заимствованиях в румейском языке см. Главу 6 (с. 134).

⁴⁰ См. перечень примеров в конце этой главы, с. 188.

Таблица 7.4. Позиционное распределение гласных [a] и [ɑ].

	Ударный						Безударный					
	начало		середина		конец		начало		середина		конец	
	а	ɑ	а	ɑ	а	ɑ	а	ɑ	а	ɑ	а	ɑ
Общее количество	5	2	44	17	4	2	7	6	11	28	7	14
Совпадающие	5	—	33	9	2	—	5	—	2	14	3	7
Спорные	—	1	5	4	2	1	—	2	4	2	—	—
Одиночные	—	1	6	4	—	1	2	4	5	12	4	7

ударные начало и конец (в этих позициях гласный был реализован минимальное число раз, 50% из которых оказались спорными).

Была также подсчитана частотность реализаций более переднего и более заднего гласных для мужчин и для женщин (см. табл. 7.5, с. 171).⁴¹

Для [a] наиболее устойчивой реализацией можно считать его произнесение в середине слова под ударением, поскольку именно в этой позиции частотность реализаций гласного у мужчин и у женщин совпала. Для гласного [ɑ] наиболее устойчивой позицией оказалась безударная середина слова.⁴²

Итак, хотя гласные [a] и [ɑ] в обследованном материале встретились в одинаковых позициях, их следует признать свободными вариантами одной фонемы, поскольку в одинаковом окружении они взаимозаменяемы. Подобная замена гласного на более передний или более задний не ведет к искажению или потере смысла, что доказывает факультативность данных вариантов.

Возможность двух вариантов произнесения одного и того же слова особенно интересна: можно предположить, что реализация того или иного гласного зависит от пола и возраста диктора. Так, более передний гласный в слове [ˈxəθ] ‘хвост’ произнесли трое — две женщины в возрасте 72 и 80 лет и один мужчина 67 лет. То же слово с более задним гласным произнесли двое — мужчина в возрасте 25 лет и женщина 66 лет. Безусловно, невозможно с уверенностью сказать, что выбор более заднего гласного здесь обусловлен возрастом, однако возможность такой зависимости не исключена. Следующий пример, казалось бы, говорит в пользу данного предположения: вариант произнесения местоимения ‘каждый’ [ˈkæθɑ] встретился нам в записях двух мужчин 67 лет и одной женщины 72 лет, тогда как [ˈkɑθɑ] сказали двое — одна женщина 80 лет и мужчина 25 лет. Может быть, такое распределение указывает на то, что более задний вариант сначала был характерен для женской речи, а затем перешел в речь молодежи. Однако данный вопрос, безусловно, требует дополнительного анализа на более широком материале, после чего возможно будет сделать более определенные выводы.

⁴¹ После количества дикторов в скобках указан их возраст.

⁴² Напомним, что под устойчивой позицией здесь понимается такая позиция, которая является наиболее частотной для данного звука, а также та, в которой реализация меньше всего зависит от экстралингвистических факторов (пола, возраста, образования диктора).

Таблица 7.5. Распределение гласных [a] и [ɑ] у разных говорящих.

Позиция	Слово	Число дикторов		
		муж.	жен.	
ударный	начало	'aʎax 'очень'	1 (74)	1 (80)
		'armʎixtu 'неподоенная'		2 (80; 72)
		'aʎax 'очень'		1 (57)
	середина	'ðajna '[они] шли'	4 (67, 25, 67, 74)	3 (84, 80, 60)
		'raθ 'хвост'	1 (67)	2 (80, 72)
		'maθsʎin '[он] научил'	1 (25)	1 (80)
		'pandɾa ⁽¹⁾ 'всегда'		3 (80, 72, 57)
		'stratɒ 'дорога'	2 (25, 74)	1 (72)
		'kaθa 'каждый'	2 (67, 67)	1 (72)
		'ðavɒ '[они] шли'	2 (67, 74)	1 (57)
		ba'zar 'город'	1 (25)	4 (60, 66, 72, 57)
		'ɣakʎis 'братья'		2 (66, 72)
		'raθ 'хвост'	1 (25)	1 (66)
		'strata 'дорога'	1 (67)	1 (80)
		'kaθa 'каждый'	1 (25)	1 (80)
ba'zar 'город'		3 (80, 60, 72)		
'ɣakʎis 'братья'		1 (60)		
конец	pu'la 'много'	1 (74)	1 (72)	
безударный	начало	a'tin 'они'	1 (67)	1 (66)
		a'tus 'он'	1 (25)	
		a'tos 'он'		1 (66)
		a'tona 'его (косв. п.)'	1 (67)	
		a'tin 'они'		1 (72)
	середина	ka'mʎil 'никогда'	1 (67)	
		ma'ɲɾɛfʎ ⁽²⁾ 'мычит'		1 (66)
		xaɾ'ɟumɒɒ 'напротив нас, навстречу нам'		1 (57)
		ka'mʎil 'никогда'	2 (67, 74)	5 (84, 80, 60, 66, 72)
		ma'ɲɾɛfʎ ⁽³⁾ 'мычит'	1 (67)	1 (57)
		xaɾ'ɟumɒɒ 'напротив нас, навстречу нам'		
	конец	'skoʎa 'школа'	1 (67)	2 (80, 60)
		'kaθa 'каждый'	1 (25)	1 (80)
		'strata 'дорога'	1 (67)	1 (80)

Примечания

- (1) **Прим. ред.:** наречие с частицей -ра; об этой частице см. Главу 12, с. 385 и сл.
(2) **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006] данный глагол не представлен.
(3) См. прим. (2).

Дистрибуция гласного [e], видимо, также ограничена. В исследованном материале гласный встречается после мягких согласных, как в ударном, так и в безударном слоге, а также после твердых в абсолютном исходе. Он ни разу не встретился под ударением в абсолютном начале слова, т. е. в позиции, где качество гласного в наименьшей степени зависит от контекста. В этой позиции дикторы всегда произносили более открытый звук, в записи соответствующий [ɛ]. Этот более открытый, более низкого подъема гласный был зафиксирован во всех рассматриваемых позициях.

Таким образом, отсутствие в обследованном материале примеров на гласный [e] под ударением в абсолютном начале может оказаться чистой случайностью, обусловленной ограниченным объемом проанализированного материала, но вероятнее всего это свидетельствует о том, что качество данного звука обусловлено фонетическим контекстом. Гласный [e] встречается после палатализованных и среднеязычных согласных. Вместе с тем, гласный [ɛ] не был реализован ни одним диктором после палатализованного согласного. Следовательно, гласные [e] и [ɛ], скорее всего, — аллофоны фонемы /e/, причем основным аллофоном является [ɛ], поскольку он реализуется в абсолютном начале под ударением.

Гласные [i] и [i̥] также находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: [i] встречается в сочетании с твердыми согласными вне зависимости от ударения и позиции в слове, а [i̥] — с мягкими. Можно было бы предположить, что не согласный влияет на выбор соответствующего варианта гласной фонемы /i/, а, напротив, гласный «смягчает» согласный. В пользу этого говорит, например, то, что оба гласных звука встретились не только в одинаковой позиции, но и в идентичном окружении: [ʲirkandɫn] '[они] приходили' [ʲirtan] '[они] пришли'. Данные слова представляют собой формы прошедшего длительного и прошедшего совершенного времен, образованные от одного глагола. Однако из этого не следует, что здесь фигурирует одна и та же морфема, поскольку в НГР допустимо существование двух основ — незавершенных и завершенных времен. Таким образом, в данном случае рассматриваемые гласные могут служить для различения корневых морфем разных времен, а следовательно, вполне возможно, что [i] и [i̥] не являются аллофонами одной фонемы, несмотря на ограниченность их употребления в одинаковом фонетическом окружении. Хотя при анализе данного материала не встретилось минимальных пар, в которых [i̥] был бы противопоставлен [i], отсутствие таких пар может быть лишь делом случая [Зиндер 1979], важным для определения статуса звука является то, что [i̥] встречается в независимом фонетическом положении — в абсолютном начале.

Для определения фонологического статуса [i̥] и [i] было составлено 24 предложения на русском языке, при переводе которых должны были встретиться пары слов, где рассматриваемые гласные оказывались бы в одинаковом фонетическом положении (см. табл. 7.6, с. 173).

При произнесении одних и тех же слов у разных дикторов различалось качество безударных гласных, но ни один диктор не реализовал более открытый гласный [i̥] в абсолютном начале. Однако для окончательного вывода о фонологической интерпретации [i̥/i] следует рассмотреть реализации соседних согласных, а в отдельных случаях — проанализировать происходящую мену согласных. В табл. 7.7 (с. 7.7 представлены количественные данные по расхождениям в реализации согласных).

Таблица 7.6. Реализации гласных [i] и [ɨ] в абсолютном начале.

Один	[Он] сказал	Прямую (косв. п.)	[Они] приходили	[Они] сказали	[Мы] родились	[Мы] видели	[Они] пришли	Хотите
1 [i's]	[i'pʲit]	[i'su]	[i'irkan-dʌn]	[i'ipan]	[i'nɨθam]	[i'ðʌm]	[i'irtʌn]	[i'revʲit]
2 [i's]	[i'pʲit]	[i'su]	[i'irkan-dʌn]	[i'ipan]	[i'nɨθam]	—	[i'irtʌn]	[j'i'revʲit]
3 [i's]	[i'pʲis] ⁽¹⁾	—	[i'rθɨn] ⁽²⁾	[i'pʲi-nɨ]	—	[i'ðʌm]	[i'irtʌn]	[i'revʲit]
4 [i'sʲpʌ] ⁽³⁾	[i'pʲis]	[i'fʌ] ⁽⁴⁾	[i'irkan-dʌn]	[i'pʲin]	[i'nɨθʌ-mʲitʲs]	—	[i'irtʌn]	[i'revʲit]
5 [i'sʲ]	[i'pʲit]	[i'su]	[i'irkan-dʌn]	[i'ɨʲin]	[i'nɨθam]	—	[i'irtʌn]	[i'revʲit]
6 [i's]	—	[i'su]	[i'irkan-dʌn]	[i'pʲi-nɨ]	[i'nɨθʌmʲitʲs]	[i'ðʌ] ⁽⁵⁾	[i'irtʌn]	[j'i'revʲit]
7 [i's]	[i'pʌ] ⁽⁶⁾	—	[i'irkan-dʌn]	[i'pʲi-nʲi]	—	—	[i'irtʌn]	[j'i'revʲit]
8 [i'sʲ]	—	—	[i'irkan-dʌn]	[i'ipan]	[i'nɨθʌm]	[i'ðʌm]	[i'irtʌn]	—
9 [i'sʲ]	[i'pʲit]	[i'su]	[i'irkan-dʌn]	[i'ipʌn]	[i'nɨθam]	[i'ðʌm]	[i'irtʌn]	[i'revʲit]
10 [i'fus]	—	—	—	—	[i'nɨθam]	[i'ðʌm]	[i'irtʌn]	[i'revʲit]
11 —	[i'pʲit]	—	—	[i'ipan]	[j'nɨθam]	—	[i'irtʌn]	[j'i'revʲit]
12 [i'spʌ] ⁽⁷⁾	[i'pʲit]	[i'su]	[i'irkan-dʌn]	[i'ipan]	[i'nɨθam]	[i'ðʌm]	[i'irtʌn]	[i'revʲit]

Прим. ред.:

- (1) '[Ты] сказал'.
(2) '[Они] пришли'.
(3) Числительное с частицей -ра.
(4) 'Прямо' (наречие).
(5) '[Я] увидел'.
(6) '[Я] сказал'.
(7) См. прим. (3).

Таблица 7.7. Реализации согласных в соседстве с [i] и [ɨ] и их распределение у говорящих.

Реализации	Дикторы	
	Мужчины	Женщины
[i's] 'один'	3 (64, 74, 67)	3 (80, 60, 84)
[i'sʲ] 'один'	1 (67)	3 (72, 52, 72)
[i'fus] 'один'	1 (69)	
[i'su] 'прямой' (косв. п.)	3 (64, 74, 67)	3 (80, 72, 72)
[i'fʌ] 'прямо' ⁽¹⁾	1 (67)	
[i'pʲinʲi] '[они] сказали'		1 (84)
[i'pʲinɨ] '[они] сказали'	1 (74)	1 (60)
[i'nɨθam] '[мы] родились'	3 (64, 69, 67)	4 (80, 72, 52, 72)
[j'nɨθam] '[мы] родились'	1 (25)	

Прим. ред.:

- (1) Не представлено в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

Таким образом, случаи мены согласных в одних и тех же словах можно разделить на две группы:

1. Мена /s/ на /sʲ/ или на /ʃ/

Исходя из полученных статистических данных, всеобщим можно назвать вариант произнесения с твердым согласным таких слов, как [ˈɪs] ‘один’ и [ˈɪsu] ‘прямой’. Таким был фонемный состав этих слов в 50% случаев, причем результат не зависел от пола и возраста дикторов. Следующим по частотности (33%) является вариант с мягким согласным [ˈɪsʲ] ‘один’. Подобное произнесение представляется наиболее характерным для женщин как старшего, так и среднего поколений, но при этом данная реализация не исключена и для мужчин. И, наконец, наиболее экзотической (16%) оказалась реализация шипящего [ˈɪʃus] ‘один’ и [ˈɪʃa] ‘прямо’. Поскольку в записанном материале такие варианты встретились только в реализации мужчин старшего поколения, можно предположить, что это произнесение было свойственно именно мужчинам, а то, что такая мена не встретилась в реализации молодых мужчин, вероятно, говорит об исчезновении мужских и женских вариантов произнесения и замене их всеобщими, или же его следует рассматривать как оговорку.

2. Мена /n/ на /nʲ/

В этой группе более частотным (83%) можно назвать твердый вариант произнесения: [ˈɪpʲɪnɪ] ‘они сказали’ [iˈmʁɑm] ‘мы родились’. Вероятнее всего, именно этот вариант и является всеобщим, поскольку он не только наиболее часто встречается, но и не зависит от пола и возраста диктора. Что касается мягкого варианта произнесения [ˈɪpʲɪnʲɪ] ‘они сказали’, то, возможно, его следует считать отличительной чертой женского варианта произношения, характерного сейчас для более пожилых дикторов (замена твердого согласного на мягкий у дикторов-женщин среднего возраста в обследованном материале не встретилась).

Таким образом, после более закрытого гласного возможны как мягкие, так и твердые согласные, в то время как перед более закрытым [ɪ] встречаются только мягкие. Это свидетельствует о том, что качество согласного обуславливает выбор соответствующего варианта гласного, а не наоборот. Следовательно, [ɪ] и [i] надо признать вариантами одной фонемы /i/, где основным является более передний гласный [i], поскольку только он встретился в независимой позиции.

Фонологический статус гласных /o/ и /u/ сомнений не вызывает. Особенно свойственных реализации только двух этих фонем, при слуховом анализе отмечено не было.

При рассмотрении особенностей реализации гласных в целом, внимания заслуживает произнесение гласных (V) в положении перед носовыми согласными (NC). Компьютерный анализ показал, что зачастую воспринимаемые на слух как V + NC звуковые последовательности на сонограмме выглядят как однородный гласный с ярко выраженной формантной структурой (см. рис. 7.4–7.8, с. 190–192). Безусловно, этот факт не может сам по себе доказывать наличие носовых гласных в системе фонем МСД, но он свидетельствует об особенностях реализации данных сочетаний. Появление носовых гласных, возможно, обусловлено тенденцией разговорной речи к сокращению звуковых цепочек и повышению темпа, что

влечет за собой выпадение безударных гласных, усиление редукции и исчезновение конечных поствокальных согласных. Такие явления могут ускорить процесс приобретения носовыми гласными фонологической самостоятельности.

М. Рулен в своей статье, посвященной носовым, выделяет 3 этапа развития сочетаний *V + NC* [RUHLEN 1967: 225]:

1. Назализация гласного в соседстве с носовым согласным

На первом этапе выбор назализованного гласного прямо обусловлен контекстом, и поэтому он является не чем иным, как назализованным аллофоном соответствующей гласной фонемы. Подобная ситуация наблюдается в большинстве языков, в которых имеются носовые согласные.

2. Выпадение носового согласного

В ходе дальнейшего развития длительность *NC* в позиции перед паузой может сократиться до минимума, что приведет к восприятию *NC* как единого целого с предшествующим *V*. В результате фонетически появляется носовой гласный — гласный, назализованность которого не обусловлена окружением [RUHLEN 1967: 208].

3. Деназализация

В некоторых языках за появлением носовых гласных последовала их замена на неносовые, как это произошло в процессе развития русского языка.

Таким образом, возможные пути эволюции носовых гласных замыкаются в круг, возвращаясь к начальной точке. При этом в разных языках появление носовых гласных идет с различной скоростью и может охватывать либо весь спектр гласных, представленных в системе данного языка, либо только его часть. Ниже, в табл. 7.8, представлены реализации носовых гласных, встретившихся при компьютерной обработке материала (см. рис. 7.4, с. 190).

В обследованном материале встретились все потенциально возможные для МСД носовые гласные.

Ч. А. Фергюсон в п. 11 своих универсалий писал о том, что число носовых согласных не может превосходить число ртовых. Это следует из его утверждения о том, что носовые гласные всегда появляются из сочетания ртового гласного с последующим носовым согласным после выпадения последнего [FERGUSON 1967: 58]. Такое представление о происхождении носовых гласных из сочетания *V + NC* отражается и на уровне фонологии. Гласный, реализованный на фонетическом уровне как носовой, на фонологическом уровне продолжает трактоваться как сочетание *V + NC*, пока в языке не зафиксированы сочетания неносовых гласных с носовыми согласными (т. е. пока носовой и ртовый гласный не встретятся в одинаковом окружении). Если же носовой и ртовый гласные встречаются в одинаковой позиции перед носовым согласным, на фонологическом уровне следует говорить о появлении носовых гласных как самостоятельных фонем, поскольку они противопоставлены ртовым.

Вопрос о фонологическом статусе носовых гласных пока остается нерешенным, в силу ограниченности материала. Хотя не удалось обнаружить ни один из носовых гласных в абсолютном начале, это не свидетельствует о привязанности этих гласных к определенному фонетическому окружению. Кроме того, возможно, в

Таблица 7.8. Реализации носовых гласных.

Гласные \ Позиция	Ударный начало	Ударный середина	Ударный конец	Безударный начало	Безударный середина/конец
ã		'maŋãp 'мама моя'			
ã̃					'otã̃ ⁽¹⁾ 'когда'
ã̄					sʃifjĩkã̄ ⁽²⁾ '[они] тебе позволили'
ẽ					
ẽ̃		ɾupa'jẽsʃi 'куда идешь'			
ĩ̃		ku'ʃĩsʃĩ '[он] покраснел'	kʃii'pʃĩ 'и [он] сказал'		ʃaz'nɪkʃĩ 'пусть будет' (неизъявит.) 'raʃsĩ '[он] подпрыгнул'
õ			tosʃi'tõ 'он был'		
ũ̃			tɪvu'lũ̃ ⁽³⁾ 'что [он] хотел'		'osũ̃ ⁽¹⁾ 'сколько'

Прим. ред.:

(1) Не фиксируется в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

(2) Возможно, форма от глагола fínu 'оставлять'.

(3) Глагол не встречается в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

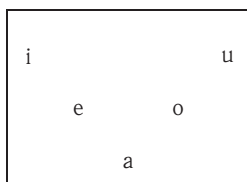
МСД носовые и ртовые находятся на пути к противопоставлению друг другу, на что указывает существование пары слов ['maŋãp] 'мама моя' и ['maŋa] 'мама' (см. рис. 7.5, 7.6, с. 190–191). Следует отметить, что, строго говоря, контекст не совсем одинаков, поскольку здесь носовой гласный встретился в закрытом слоге, а ртовый — в открытом, кроме того, данная пара слов взята из записей одного диктора, т. к. в материале трех остальных дикторов подобные реализации обнаружены не были. Такое положение может оказаться чистой случайностью, поскольку выбор дикторов для компьютерного анализа во многом был продиктован качеством записи, не исключено также, что полученные реализации являются оговоркой или же обусловлены индивидуальными особенностями диктора.

Таким образом, для выяснения фонологического статуса носовых гласных необходимо провести дополнительный анализ. На данном этапе можно лишь предположить, что в МСД носовые гласные стоят на пути к фонологической самостоятельности. Безусловно, пока речь идет лишь о тенденции к изменению системы гласных фонем и не только о зарождении противопоставления гласных по ряду, подъему и огубленности, но и делении их на ртовые и носовые.

Возможно, процесс фонологизации носовых гласных может ускорить то, что МСД существует в разговорной форме. Несомненно, нельзя отрицать существование и литературной формы румейского языка, частью которого является и

МСД: для румеев был создан особый алфавит,⁴³ на румейском выходят газеты, книги, некоторое время в школе шло преподавание на этом языке. Однако с каждым годом усиливается влияние НГР, а кроме того — русского и украинского, которые преподаются в школе и на которых идет преподавание в вузах. Тот факт, что употребление румейского языка, в основном, ограничивается разговорной речью, и обуславливает столь частое выпадение безударных гласных (в первую очередь /i/), а также конечных гласных и согласных. В связи с исчезновением носовых согласных в конце слова происходит дополнительная назализация предшествующего гласного, который теперь содержит информацию и о выпавшем согласном, как бы замещающая его, чтобы сохранить прежний облик морфемы, в состав которой входило данное сочетание.

Рис. 7.3. Вокализм МСД.

Выпадение конечных гласных влечет за собой подобные изменения в системе согласных фонем — гласный переднего ряда, перед которым согласный выступал в своем мягком варианте, исчезает, оставляя мягкость согласному [Внат 1978: 67], что позволяет не допустить искажения облика, обеспечивающего узнавание морфемы.

Итак, вероятнее всего, следует признать, что вокализм МСД состоит из 5 фонем (см. рис. 7.3).

Можно установить следующие закономерные соответствия гласных /o/, /e/ в НГР гласным /u/, /i/ в МСД, а также выпадение гласных в безударной позиции и в конце слова (см. табл. 7.9).

Таблица 7.9. Соответствия гласных НГР и МСД.

Гласные	НГР	МСД	Перевод
/o~u/	/ˈola/	/ˈula/	все
	/ˈolos/	/ˈulus/	весь
	/ˈkozmo/	/ˈkuzmu/ ⁽⁴⁴⁾	мир, народ (вин./косв. п.)
	/psoˈmi/	/psuˈmi/	хлеб
	/koˈritsi/	/kuˈrits̃/	девочка
	/ˈtoses/	/ˈtuses/ ⁽⁴⁵⁾	столько (ж. р.)
	/ˈplusjos/	/ˈplufus/	богатый
	/siˈkonete/	/ˈskut/	поднимается
	/afˈtos/	/aˈtus/ ⁽⁴⁶⁾	он
	/foviˈsˈjariko/	/fuvˈjinˈdʒarku/	боязливый
	/ˈylitosan/	/ˈylitusan/	[они] спаслись
	/ˈos/	/ˈus/	до
	/ˈliyo/	/ˈliyu/	немного
	/ˈpano/	/ˈpanu/	сверху
	/ˈlikos/	/ˈlikus/	волк

⁴³ Подробнее см. «Предисловие», с. 11 и сл., 15.

⁽⁴⁴⁾ Прим. ред.: [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 102, 345, 355] дают для МСД лишь форму *кбзмус* (прям. п.).

⁽⁴⁵⁾ Прим. ред.: [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] приводят лишь неизменяемую форму (наречие).

⁽⁴⁶⁾ Прим. ред.: в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 373] фиксируется для МСД лишь форма без сужения ударного гласного *атос*; личные наблюдения подтверждают, что именно такой вариант широко употребителен, например, в с. Малоянисоль.

Гласные	НГР	МСД	Перевод
V~∅	/xro'nɒn/	/xu'rnu/ ⁽⁴⁷⁾	год
	/sima/	/sma/	рядом
	/'zismo/	/'zismo/ ⁽⁴⁸⁾	житье, жизнь
	/si'koθike/	/'skoθin/	[он] поднялся
	/vraði'meri/	/vraði'mer/ ⁽⁴⁹⁾	вечером
	/ne'kros/	/n'kros/ ⁽⁵⁰⁾	мертвый
	/'efiyan/	/'efxan/	[они] уехали
	/'anθropos/	/'aθrpos/ ⁽⁵¹⁾	человек
	/'kseri/	/'kser/	знает
	/ma'ndili/	/ma'ndilj/ ⁽⁵²⁾	платок/половник
	/'xamo/	/'xma/ ⁽⁵³⁾	внизу
	/'istera/	/'istɛr/ ⁽⁵⁴⁾	потом
	/ðu'lja/	/'ðlija/	работа
/'xr'azete/	/'xr'as/ ⁽⁵⁵⁾	нужно	
/i~e/	/pe'ði/	/pi'ðits/	ребенок, мальчик
	/'eferan/	/'ifiran/	[они] принесли
	/ale'pu/	/al'i'pu/	лиса
	/me'ɣali/	/m'i'ɣali/	большая (ж. р.)
	/'elexan/	/'il'iyan/	[они] говорили
	/ki'munde/	/tʃi'masni/	спят
	/kimame/	/'hmumi/ ⁽⁵⁶⁾	сплю

Следует отметить, что подобные соответствия не являются всеобщими, в ударном и безударном слоге возможно как /o/, так и /u/, /e/ и /i/:⁵⁷ /aðer'fo/⁵⁸

- (47) **Прим. ред.:** словоформа отсутствует в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006], однако опыт общения с румеями свидетельствует о широкой распространенности именно этой формы, по крайней мере, в МСД.
- (48) **Прим. ред.:** [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 80, 303] предлагают для МСД вариант с сужением безударного гласного *zísmy*.
- (49) **Прим. ред.:** согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 267] эта форма характерна для НкСД и ССД, а не для МСД.
- (50) **Прим. ред.:** словоформа представлена только в [Анимица, INTERNET] — *некрѳс*.
- (51) См. сн. (19).
- (52) **Прим. ред.:** для МСД [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 126, 398] предлагают вариант *мандѳл*, форма *мандѳль* дается для ЯСД.
- (53) **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] это наречие отсутствует.
- (54) См. сн. (29).
- (55) **Прим. ред.:** словоформа отсутствует в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 223] приводит форму *xrazít* с явно ошибочным ударением; вариант *xgaz*, несомненно, следует считать более употребительным, по крайней мере, в МСД.
- (56) **Прим. ред.:** форма зафиксирована в [Анимица, INTERNET], однако [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 239] предлагает для МСД вариант *чимѳм*.
- ⁵⁷ **Прим. ред.:** сужение безударного /o/ представляется более регулярным. Можно предположить, что здесь проявляется влияние со стороны русского языка; см. также [PAPPOU-ZOURAVLIOVA 2001].
- ⁵⁸ **Прим. ред.:** [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 15, 262] дают для МСД и ССД форму *адѳарфѳс*. Эта форма записи представляется не совсем правильной: во-первых, в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 15] встречается *адѳерфѳи* 'сестра', а, во-вторых, об этом свидетельствуют аудиозаписи, полученные во время полевой работы в с. Малоянисоль.

‘брат’, /ʏog'ʏa/⁵⁹ ‘давно’, /'erkʲit/ ‘он идет’, а также возможны оба варианта произнесения одного слова у одного диктора. Например, /ʏog'ʏa/ и /ʏur'ʏa/. Кроме того, в целом ряде слов утрачиваются конечные /i/ и /j/, характерные для НГР: /'lej/—/'le/ ‘говорит’, /'spiti/—/'spitʲ/⁶⁰ ‘дом’, /'kseri/—/'kserʲ/ ‘знает’. Подобные соответствия встречаются в греческих диалектах северной группы, к которым относятся диалекты Левкады, северной Эвбеи, Самотраки, Имвроса, Лесбоса, Лимноса, Скироса, Скопелоса, Алонисоса, Скиатоса и северной части материковой Греции [TRUDGILL 2003: 59], а вопрос о причинах их возникновения требует специального анализа.

7.3 Консонантизм МСД

Данные о консонантизме МСД были, подобно данным о гласных, представлены в таблице реализаций каждого встретившегося в материале согласного звука (см. табл. 7.10).

Таблица 7.10. Дистрибуция согласных МСД.

Согласные	Начало слова	Интервокально	Конец слова	В сочетании
p	'pɑrɑm 'папа мой' pʉtɑ'mʲejɑ 'реки' 'pɛgɑsɑn '[они] прошли'	ɑpɑ'tʲi 'оттуда'	'dʒɑp 'холм'	
b	'bɔrɑ 'дверь' bɑ'ro ⁽⁶¹⁾ 'также, и'	sɑbu'nʲɪtsɛs 'в больницах'		su'mbɑtɑ 'на земле'
t	tɔs ⁽⁶²⁾ 'он' tɑrʲi'dʲɪʒ 'дети' (с артиклем)	'itun '[он] был' 'strɑtɑ 'дорога'	pɛr'kʲet 'берется' xɪ'smɛt 'радость'	
d	dʉ'gʉf 'война' 'dɔkʲe '[он] дал' 'dɛɟ '[он] бежит'	ʏɔdɑ'rno ⁽⁶³⁾ 'я смотрю'		ɑndʉ ⁽⁶⁴⁾ 'с'
k	kɑ'lo 'хорошо'	pʉ'surkɑ 'плохо'		
g	'gzɛnʲ ⁽⁶⁵⁾ '[он] вышел'	hɪbʲi'gɛnɪpsɑtun ⁽⁶⁶⁾ 'он [мне] не понравился'		'zɡɔrʲts 'к ее дочери' tɑlɑŋɡu'nɛɟɑ 'подсолнухи' 'fʲɛŋɡʉs 'луна'
f	fɔ'vʉm ⁽⁶⁷⁾ 'боюсь'	'ɛfɫʉɑn '[они] поели'		kʉftʲɪ'ros 'острый'

⁵⁹ Прим. ред.: [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 62, 292] дают лишь вариант *гурга*.

⁶⁰ Прим. ред.: [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 176, 296] предлагают форму *спит*.

⁽⁶¹⁾ См. Главу 4, с. 107, сн. 18.

⁽⁶²⁾ Прим. ред.: не зафиксировано в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

⁽⁶³⁾ Прим. ред.: форма не приводится в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006], о ней см. Главу 8, с. 200, сн. 44.

⁽⁶⁴⁾ Прим. ред.: сочетание предлога с артиклем: *an tu*.

⁽⁶⁵⁾ Прим. ред.: глагол не фиксируется в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

⁽⁶⁶⁾ Прим. ред.: глагол не приведен в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

⁽⁶⁷⁾ Прим. ред.: [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 210, 262] дает для МСД форму *фувџм(ин)*.

Согласные	Начало слова	Интервокально	Конец слова	В сочетании
v	vʌ'diŋ ⁽⁶⁸⁾ 'ходят'	fu'vumi 'боюсь'		tuvrʌdʒimɛr 'вечером' (с артиклем)
s	'skoθin '[он] встал' suŋʌ'no 'на небе'	pu'surku 'плохой' 'osū 'сколько'	pɛ'nas 'проходишь' 'stɛɾɜ's ⁽⁶⁹⁾ 'потом'	'stxoŋʌmʌs 'в нашу область'
z	zdʌ'rovʒis ⁽⁷⁰⁾ 'здоровый'	'nazis 'спасибо'		plʌzbu'dʌzu 'буду учиться'
x	'xum 'песок'	naxo'revun ⁽⁷¹⁾ 'буду танцевать'	ɪf'tax 'желание'	'nɪxtʌ 'ночь'
ʏ	'ʏʌʌ 'молоко'	traʏu'da 'поет'	pʒi'taʏ ⁽⁷²⁾ 'выбрасываю'	'ʏlitʌsʌn '[они] спаслись'
θ	θʌru'rum 'сможем'	s'koθʌm '[мы] встали'	plʌsʏtʃʌθ 'в тени' (с артиклем) 'raθ 'хвост'	ðʌ'kroθθin '[он] прослезился'
ð	'ðʌvʌʌ 'они] ушли'	ʌ'ðo 'здесь'		'ðlɪʃʌ 'работа'
ʒ		'uʒʌs ⁽⁷³⁾ 'ужас'		'vʒɛʒɪvɪs ⁽⁷⁴⁾ 'вежливый'
m	'mʌʌm 'мама моя'	tʃi'mati 'спит'	'kam 'сделай'	tumʒi'smɛɾʃʌ 'в полдень' (с артиклем)
n	'nazis 'спасибо'	'ranu ⁽⁷⁵⁾ 'над'	'pɛɾʌsʌn '[они] прошли' 'letun 'говорит ему (косв. п.)'	
l	'londu 'вдоль' (с артиклем) 'le 'говорит'	pu'litʃ 'продает'	'ʒʌl ⁽⁷⁶⁾ 'путь, дорога'	
r	ru'mɛʒos 'румей'	taɾa'mais 'долины' (мн. ч.) xʌ'l'rɛʃʌ 'ложки' (мн. ч.)	'ʒɪr 'возвращайся' 'stɛɾ ⁽⁷⁷⁾ 'потом'	ðʌ'kroθθin 'прослезился'
tʃ	tʃɛɾɪn'tɪ 'овраг' 'tʃɪr 'след' 'tʃʌtʃʌ 'старшая сестра' 'tʃu'plaxus 'голый'	ʌ'tʃɪ 'там' ʏʌ'l'tʃɛʃʌ ⁽⁷⁸⁾ 'сладко'	tʌ'spʒɪtʃ 'дома'	

(68) Прим. ред.: отсутствует в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

(69) См. сн. (29).

(70) Прим. ред.: отсутствует в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

(71) Прим. ред.: в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 451] для МСД дается форма с сужением безударного гласного *xurʒəvʏ*.(72) Прим. ред.: в [Анимица, INTERNET] представлена форма *netáʒy*, а в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006:154, 263] — *nitáʒy*.

(73) Прим. ред.: не зарегистрировано в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

(74) Прим. ред.: в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006] не фиксируется.

(75) См. сн. (38).

(76) Прим. ред.: не обнаружено в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006]; [Анимица, INTERNET] приводит слово *ʌʌ* со значением 'грива'.

(77) См. сн. (29).

(78) Прим. ред.: не фиксируется в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

Согласные	Начало слова	Интервокально	Конец слова	В сочетании
dʒ	'dʒap 'холм'	gurgu'dʒinlam 'голубь мой'		
fʌ	fʌsaku'meno 'слоmano'	'atʌsʌ(79) 'так' kaʌsʌp '[они] сидели'	kɪrmʒi'zʌniʌs 'убивают их' 'atʌs(80) 'так' 'kamʒiʃkamʒiʌs '[мы] сделали'	
pʒ	pʒisʌ'lon 'на лугу' 'pʒakʌp 'меня забрали'		prɛpʒ 'нужно'	
tʒ/h	tʒitʒkʌ 'такие' hɪ'raʒ 'вид' 'haxo(81) 'не имею' 'hʌmʌmi 'сплю'	'maʌhʌ 'глаза'	dʒʌ'pitiʒ 'холмик' suʒiʃi'tɛtʒ 'собирайтесь'	ʒʌ'ʃlitʒʒi(82) 'хозяйство ее'
kʒ	kʒe 'и' kʒæ'komʌɛ 'и еще, братец'	ka'pʒikʒʌ 'деньги' pʌkʒi(83) 'оттуда'		
fʒ	fʒiʒ'eʒnɪ 'прячутся'	'ifʒɪɾʌn '[они] принесли'	lʌxʌɾ'dɛfʒ '[он] разговаривает'	
sʒ		ɛsuʒiʒi '[ты] был'	fʌ'rʒiʒi 'свистит' 'pʒɛsʒ 'вчера' 'itʒimʒiʒ '[мы] пришли'	'tɪbʌʃxʌ'ɛfʒʒi 'что умеешь'
ʒʒ			tu'fʒiʒʒ 'змея' (с артиклем)	
zʒ	'zʒisimo 'жизнь'(84)			
ʒ	ʒi'risʒis 'возвращаешься'	ʒʌ'liʒɛʒʌ 'сладко'	ʒʌ'liʒɛʒ(85) 'слаще'	
mʒ	mʒis 'мы'	psu'mʒi 'хлеб' tuʌmʒi'smɛɾʒʌ 'в полдень' (с артиклем)		
nʒ		'ðʌnʒʌm '[мы] ушли'	'gʒɛnʒ '[он] вышел'	
ʒ		'aʒʌx 'очень' 'tʒoʒʌ 'поля'	pʒiʒi'kʌt(86) 'много'	

(79) **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006] не приводится; см. также сн. (20).

(80) См. сн. (20).

(81) **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 250, 319] дается форма *ʒxu*.

(82) **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006] обнаружить не удалось.

(83) **Прим. ред.:** видимо, имеется в виду сочетание с предлогом *an aki* [АНИМИЦА, INTERNET].

(84) **Прим. ред.:** форма *zʒisimo* зафиксирована только в [АНИМИЦА, INTERNET]. По-видимому, она является исключительно литературной, ср. с названием поэтического сборника Г. Костоправа (см. Главу 1, с. 37) «*Калимѐра, zʒisimo!*»; [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 303] дает для МСД вариант *zʒismu*.

(85) **Прим. ред.:** форма образована с помощью русского аффикса; об образовании степеней сравнения см. Главу 9, с. 221 и сл.

(86) **Прим. ред.:** не представлено в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

Таблица 7.11. Соответствия сочетания согласных в НГР среднеязычным в МСД.

	НГР	МСД	Перевод
si, sj, xi, θi ~ ʃ	/isja/	/iʃa/	прямо
	/ise/	/iʃi/	[ты] есть
	/xi'monas/	/ʃu'mus/	зима
	/exi/	/εʃ/	имеет
	/tɾexi/	/dɾeʃ/	бежит
	/erθi/	/irʃi/	придет (неизъявит.)
	/plusjos/	/pluʃus/	богатый
ki, ke~tʃ	/ski'ja/	/ʃtʃaθ/	тень
	/ki'munde/	/tʃi'masni/	спят
	/kalo'keri/	/kal'tʃers/ ⁽¹⁾	лето
	/e'ki/	/a'tʃi/	там
ki~h	/kimame/	/hmumi/	сплю
tj~tʃ	/spitja/	/spitʃa/	домá (мн. ч.)
tj~h	/matja/	/maħa/	глазá (мн. ч.)

Прим. ред.:

- ⁽¹⁾ В [АНИМИЦА, INTERNET] приводится форма *калтэрс*; [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 338] предлагает для МСД *калучёр*, сигматические формы *калтэрс* и *калтэрис* даются соответственно для ССД и НкСД.

В связи с существованием пар **звонкий — глухой** и **твердый — мягкий** можно предположить, что существуют и мягких звонкие согласные [bʲ, dʲ, gʲ, vʲ], соответствующие зафиксированному мягким глухим [pʲ, tʲ, kʲ, fʲ]. Отсутствие примеров на звонкие мягкие согласные, по всей вероятности, объясняется ограниченностью материала.

Мягкие согласные возникают из сочетаний согласного с гласным переднего ряда /i, e/ или /j/ в результате утраты второго элемента этого сочетания. Исчезновение элемента, вызывавшего палатализацию, ведет к тому, что постепенно формируется новое противопоставление **твердый/мягкий**, поскольку признак мягкости перестает зависеть от фонетического контекста.

Подобные процессы шли и в МСД, о чем говорит существование соответствий сочетаний *C + /i, e, j/* в НГР и *C^{j87}* в МСД (см. табл. 7.11, с. 182).

Такие соответствия закономерны и являются характерной чертой южной группы диалектов НГР [NEWTON 1972].

При анализе возник вопрос о фонологическом статусе палатализованных согласных. Чаще всего они встречаются в позиции перед гласными переднего ряда /e/, /i/: [pʲi'dits] 'ребенок', [tʲitʲkɫ] 'такие' (ср. р. мн. ч.), [fʲenʲit] 'све-

⁸⁷ Под символом мягкого согласного здесь подразумеваются как палатализованные, так и палатальные согласные, а также щелевые и аффрикаты, поскольку в некоторых случаях происходит мена этих согласных. В случае сочетания щелевого [s] с гласными переднего ряда в МСД возникает шипящий [ʃ].

тит', [ˈerkʲit] 'приходит', [ɛsusʲinʲ] '[ты] был', [pʲiʲfˈkat]⁸⁸ 'много'. Однако некоторые из них встретились и перед другими гласными: [pʲaklɒ] 'меня взяли', [kʲæˈkɒmlɐ] 'и еще, братец', [tʲoʲlʲ] 'поля' (мн. ч.). Палатализованные согласные реализуются и в независимой позиции, т.е. в абсолютном исходе слова: [ˈspʲitʲ] 'дом', [surʲifʲˈtɛtʲ] 'собирайтесь' [lɒxɒtˈdɛfʲ] '[он] говорит', [pɾɛpʲ] 'нужно', [ˈpɾɛsʲ] 'вчера', [[ˈgzɛɪnʲ] '[он] вышел', [ˈsxoʲlʲ] 'школа', [tuˈfʲiʲðʲ] 'змея' (с артиклем). Существование таких примеров свидетельствует о том, что, хотя в большинстве случаев палатализованным согласным в позиции абсолютного конца предшествуют гласные переднего ряда, что может влиять на выбор согласного, палатализованные согласные все же не обуславливаются контекстом. В пользу последнего утверждения говорит, во-первых, употребление палатализованного после /o/ и тот факт, что в приведенных выше примерах гласный переднего ряда /e/ выступает в своем более открытом варианте (как в позиции после твердых согласных). Во-вторых, твердые и палатализованные согласные встретились в одинаковом фонетическом положении: /ˈaʲax/ 'очень', /ˈala/ 'другая', а также в абсолютном конце /pʲuˈlʲitʲ/ 'продает', /kuˈlit/⁸⁹ 'замок', что свидетельствует о независимом фонологическом статусе этих согласных.

Особого внимания заслуживают среднеязычные согласные. В позиции перед гласными переднего ряда /e/, /i/, а также перед /a/ и в сочетании с носовым согласным некоторые дикторы реализовывали среднеязычные смычные наряду с аффрикатами: [ˈmaħɒ]—[ˈmatʲɒ] 'глазá' (мн. ч.), [ˈhɪmɪ]—[ˈtʲɪmɪ] 'сплю', [hiˈraʲ]—[tʲiˈraʲ] 'вид', [ˈhɛn]—[ˈtʲɛn] 'нет'.

Согласный [ħ] артикуляторно близок сильно палатализованному [tʲ] с элементом аффрикации, кроме того, варьирование [ħ] и [tʲ] в одних и тех же словах свидетельствует о том, что эти звуки принадлежат одной языковой единице, что позволяет, не искажая смысл, менять один звук на другой. Однако возможна замена твердого на мягкий или на шипящий: [lɛs]—[lɛsʲ]—[lʲɛʃ] '[ты] говоришь', [kɪlʲˈsʲiʲɒ]—[kʲiʲlʲˈsʲiʲɒ]—[ħiˈiˈħiʲɒ] 'церковь'⁹⁰.

В данном случае можно говорить свободном варьировании твердых, палатализованных, палатальных и аффрикат, которое обусловлено экстралингвистическими факторами, подобно мене гласных, о которой говорилось выше. Закономерности подобного варьирования можно наглядно представить в виде следующей таблицы частотности полученных вариантов (см. табл. 7.12, с. 184).

Для слов, в которых наряду с другими вариантами был произнесен и твердый согласный, именно вариант с твердым согласным является наиболее распространенным. Соотношение реализаций палатализованного и палатального, аффрикаты или шипящего свидетельствует о том, что именно вариант с шипящим или аффрикатой является наиболее частотным. Палатальные согласные встретились в реализациях трех дикторов (двух мужчин и женщины). Все они близки по возрасту, однако появление палатальных в записях именно этих говорящих невозможно объяснить возрастной принадлежностью, поскольку большее число дикторов, близких им по возрасту, произнесли в тех же словах аффрикату. Палатальные согласные встретились по большей части у мужчин, следовательно, можно предположить, что этот вариант характерен именно для мужской речи.

⁸⁸ См. сн. (86).

⁸⁹ См. сн. (27).

⁹⁰ См. рис. 7.4, с. 190.

Таблица 7.12. Распределение реализаций твердых, мягких и аффрикат у говорящих.

Реализации		Дикторы	
		Мужчины	Женщины
твердый	'is 'один'	3 (64, 74, 67)	3 (80, 60, 84)
	'isu 'прямой'	3 (64, 74, 67)	3 (80, 72, 72)
	'les 'говоришь'	2 (74, 74)	3 (66, 60, 72)
	ki ^j 's'i ^j l 'церковь'	3 (64, 65, 67)	2 (80, 72)
палатализов.	'is ^j 'один'	1 (67)	3 (72, 52, 72)
	'les ^j 'говоришь'	1 (67)	
	klu'tʃit ⁽¹⁾ 'щенок'	1 (64)	
	k ^j i ^j 's'i ^j l 'церковь'	2 (74, 67)	1 (60)
палатальный	ħir ⁱ 'ħijl 'церковь'		1 (84)
	'maħl 'глаза' (мн. ч.)	1 (74)	
	ħi'raj 'вид'	1 (74)	
	'ħaxo 'не имею' ⁽²⁾	1 (69)	
	'ħen 'нет'	1 (69)	
	ħ'mum 'сплю'	1 (69)	
аффриката	'iʃus 'один'	1 (69)	
	'iʃa 'прямо'	1 (67)	
	tʃer'k'iʃs ⁽³⁾ 'щенок'	1 (67)	
	klu'tʃits 'щенок' ⁽⁴⁾	2 (74, 25)	2 (80, 60)
	'tʃaxo 'не имею'	6 (64, 67, 74, 25, 69, 65)	5 (66, 84, 60, 72, 84)
	'tʃen 'нет'	6 (64, 67, 74, 25, 69, 65)	5 (66, 84, 60, 72, 84)
	tʃi'matɪ 'спит'	2 (25, 74)	
'leʃ 'говоришь'	1 (25)		

Примечания

- (1) **Прим. ред.:** уменьшительно-ласкательная форма *кучичиц* приводится только в [Анимица, INTERNET].
(2) См. сн. (81).
(3) **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] не представлено.
(4) См. прим. (1).

Вместе с тем, аффрикаты также произнесли большинство мужчин, что опровергает предположение, высказанное выше, поэтому причины данного варьирования требуют дальнейшего исследования.

Существование чередования [k^j]—[ħ]—[tʃ] ставит проблему фонологической трактовки среднеязычного смычного. С одной стороны, близость артикуляции палатализованного и среднеязычного смычных говорит в пользу трактовки этих двух звуков как вариантов одной фонемы, но, с другой, — среднеязычный смычный обладает сильной аффрикацией, что скорее сближает его со среднеязычной аффрикатой. Действительно, в большинстве случаев наблюдается варьирование среднеязычного смычного с аффрикатой, и только в одном примере встретился вариант с палатализованным согласным. Это позволяет предположить, что среднеязычный смычный является аллофоном аффрикаты. Такая трактовка принята

Таблица 7.13. Согласные фонемы МСД.

	Губные	Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные
		Дорсальные	Апикальные		
Смычные	p b p ^j (b ^j)	t d t ^j (d ^j)			k g k ^j (g ^j)
Аффрикаты			t̪s	t̪ʃ d̪ʒ	
Носовые	m m ^j		n n ^j		
Дрожащие			r r ^j		
Щелевые	f v f ^j (v ^j)	θ ð θ ^j	s z ʃ ʒ s ^j z ^j		x ɣ
Сонанты					
Боков. сонант.			l l ^j		

в настоящем разделе, однако окончательное решение о фонологическом статусе среднеязычных смычных требует дальнейшего исследования на более широком материале.

Фонологический статус других согласных, встретившихся в обследованном материале, не вызывает сомнений. Учитывая, что вся система согласных МСД достаточно симметрична, можно предположить, что в нее входят 4 согласных, не встретившихся в обработанном материале.⁹¹

Итак, консонантизм МСД, несомненно, составляют 34 фонемы (см. табл. 7.13).

В МСД наблюдается явление как прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции по **звонкости/глухости** (см. табл. 7.14, с. 186).

Однако в некоторых случаях ассимиляции не происходит: [ˈxnonkimaˈŋɐfʲi] ‘корова моя и мычит’, [ðlˈvas vaˈrɛjɫ] ‘он читает с трудом’.

Следует отметить, что фонетическое окружение в случаях, когда происходит ассимиляция, и в тех словах, где она не происходит, идентично, более того, и тот, и другой варианты встречаются в записях одного диктора. Однако количество сочетаний, в которых не происходит ассимиляции, значительно меньше, а значит, в МСД существует ассимиляция по **звонкости/глухости**.

Проведенный анализ системы фонем МСД нельзя назвать окончательным, поскольку вопрос о носовых гласных как о самостоятельных фонемах, наличие в системе палатализованных [b^j, d^j, g^j, v^j] и статус среднеязычных смычных, а также соответствия между НГР и МСД, безусловно, требуют рассмотрения на более широком материале.

Особый интерес вызывает и то, что внутри одного субдиалекта были обнаружены изменения фонемного состава слов как у разных дикторов, так и у одного и того же. Данный факт важен в связи с фонетическими признаками, с помощью которых определяются границы групп диалектов в НГР. Такими особенностями являются:

1. Выпадение гласных верхнего подъема /i/ и /u/ в безударном слове, а также мена гласных среднего подъема /e/ и /o/ на гласные верхнего подъема /i/ и /u/,

⁹¹ В сводной таблице согласных такие звуки заключены в скобки и выделены жирным шрифтом.

Таблица 7.14. Ассимиляция согласных.

Тип ассимиляции	Пример на действие ассимиляции	Изолированное произнесение	
прогрессивная	[ɑɣɫ'ɫɪzʊm 'gɑtɑmɫs] 'обнимаю кошку нашу'		['kɑtɫ] 'кошка'
	[ɪpɑndʊ] '[они] сказали ему'	['ɪpɪn] '[он] сказал'	['tɔs] 'он'
	['pʲɑkɫɑndʊn] '[они] схватили его'	['pʲɑkɫɫ] '[они] схватили'	
	[tʊn'gɫɛftɫ ⁽¹⁾] 'вора (косв. п. с артиклем)	[tʊn] артикль косв. п.	['kɫɛftʊs] ⁽²⁾ 'вор'
	[stɔn'gɔzmo] ⁽³⁾ 'в мире'	[stɔn] предлог с артиклем в косв. п. ⁽⁴⁾	['kɔzɪm] ⁽⁵⁾ 'мир'
	['ðɑɪnɫɫgɪ'ðɑɪnɫɫ] '[они] шли и шли'	[kɪ] 'и'	['ðɑɪnɫɫ] '[они] шли'
регрессивная	[tʲɑɣɫ'kroxθɪn] '[он] аж прослезился'	['tʲɑx] 'аж'	['ðɑkrʊs] ⁽⁶⁾ 'слеза'
	['ɫɪkʊz 'gzɛ] 'волк [в?]шел'	['ɫɪkʊs] 'волк'	['gzɛnɪ] '[он] вышел'

Примечания

- (1) См. Главу 8, с. 194, сн. 9.
(2) **Прим. ред.:** согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 101, 273] форма *κλέφτης* характерна для НКСД; см. также Главу 8, с. 194, сн. 9.
(3) **Прим. ред.:** более распространенной формой косв. п. представляется *stun kósmu*; ср. с сн. (44).
(4) См. прим. (3); о сочетании предлога с артиклем также см. «Предисловие», с. 22.
(5) См. сн. (44).
(6) **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, INTERNET] дается форма *δάκρυ*, а в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 70, 439] — *δάκρυ*.

соответственно — изоглосса, определяющая границы северногреческих диалектов [ЕЛОЕВА 1992: 54]. На первый взгляд, аналогичное явление наблюдается и в МСД, однако существуют слова, в которых подобных изменений не происходит. Непоследовательность можно попытаться объяснить вторичным влиянием НГР, который активно изучается в школах Приазовья. В то же время, в материале встретились слова, например /ɣog'ɣa/ и /ɣur'ɣa/, где возможны два варианта произнесения (в некоторых случаях оба варианта встретились в записях одного диктора).

2. Палатализация, т.е. замена заднеязычных согласных /k/, /x/, /g/ на /tʲ/, /f/, /z/, соответственно, перед гласными переднего ряда. В диалекте НГР, распространенном на Эгине, в староафинском диалекте, а также в мегарском диалекте вместо шипящих произносятся свистящие /tʲs/, /s/, /z/ [ЕЛОЕВА 1992: 55]. В МСД результатом подобных процессов могут быть как среднеязычные смычные, так и аффрикаты. В данном случае также имеет место полиморфизм — одно слово может быть произнесено по-разному одним и тем же диктором.

Случаи мены твердого согласного на палатализованный, или же палатальный, а иногда и на шипящий или аффрикату, говорят о том, что, возможно, данные изоглоссы в случае с румейским оказываются недостаточными.

В своей статье, посвященной греческим диалектам юго-востока Украины, А. А. Белецкий, говоря о значительности различий между «крымско-румейскими диалектами», приводит фразу «где ты был», произнесенную на нескольких субдиалектах: [пу ісун] с. Бугас, НкСД; [пу існи] пос. Сартана, ССД; [пу інуниш] с. Стила, БСД, [пу ісунсь] пос. Ялта, ЯСД.⁹² Впрочем, «нельзя не признать, что все крымскорумейские диалекты обнаруживают значительное число общих черт, на основании которых их можно и нужно противопоставить прочим новогреческим диалектам» [Белецкий 1969: 14].

На материале МСД также встретились различия в произнесении одних и тех же слов (например, местоимение 'каждый' было произнесено как /'kaθa'is/, /'kaθa'isʲ/, /'kaθa'ifus/). Столь широкая вариативность внутри одного субдиалекта, возможно, свидетельствует о необходимости пересмотра границ субдиалектов, в силу недостаточного количества учитываемых различий, или же в силу изменений, произошедших в самих субдиалектах.

⁹² Прим. ред.: примеры приведены в транскрипции А. А. Белецкого.

Таблица 7.15. Перечень примеров.⁽⁹³⁾

Диктор, пол, возраст	Ударный			Безударный		
	Абсолютное начало	Середина	Конец	Абсолютное на- чало	Середина	Конец
1, жен., 84		'kaθa 'ðan'an 'xalkizin			s't'ifa'noθan	'sko'la
	'andl'kuju	'raθ tα'ɣakisu		α'ɣe:vu α'kon	'otan ka'm'ia	'p'ira 'mera
2, муж., 74		Λ'katu 'barim 'manΛ	pu'la mΛ'kra		jΛna'kaθ'its pΛra'm'iθi sasas'pu	Λstam'i's-ε'la
		'paɣo'r'istΛn' xras		αpΛ'ðo	'patΛnan nΛpa'ndre:vu	s'i'm'ena 'ena
3, жен., 80	'arm'ixtu 'a'ax	'ðajna 'raθ 'maθsin 'pandΛpa			'a'ax	'sko'la 'dre'f'ja
		'strata 'kaθa ba'zar	stivΛ'ra		st'ifa'noθan ka'm'ia	'pandΛpa
4, жен., 60	a'la	'ðajnan t'jindi'r'jax 'p'akΛndun				'sko'la
		ba'zar 'ɣak'is		ar'mext'i	ka'm'ia ðaskl'lit'sa	'mera 'konusa
5, муж., 67		'kaθa 'xras 'ðajna		a'totis a'irm'ixtu	ka'm'ia	
		'strata			bula'f'trajsΛ	'ora
6, муж., 25		'ðajnan 'ðavΛn 'maθsin 'strata		a'tus ar'm'exk'indu	ma'l'evu	
		'kaθa 'raθ		α'iku	laxa'rdef'	m'isa'bedʒa 'konusa
7, жен., 66		'ðava t'jindi'r'jax 'p'astin ba'laʒða		a'tin a'tos	ma'ɣref'	va'reja
		'raθ			ka'm'ia bula'f'tre:vu 'irkandan 'ulapa	ba'laʒða ka'm'ia

(76) Звучание слов, данных наклоном, очень близко или идентично, тогда как слова, выделенные полужирным, были реализованы разными дикторами по-разному, сочетание наклона и полужирного свидетельствует о том, что данные варианты встретились в записях от нескольких дикторов.

Диктор, пол, возраст	Ударный			Безударный		
	Абсолютное начало	Середина	Конец	Абсолютное на- чало	Середина	Конец
8, муж., 69		'kaθl 'ðajnlɲ				
		'strata			ka'm'ija ðaska'litʂl	
9, муж., 67		'kaθl 'ðajnlɲ p'i'astɪn 'raθ fuɪ'ini'dʒarku	xa'ja	a'tɪn a'tonɑ		'sko'la 'xronʲa
		'pɑndɫpɑ			bɑ'zar ka'm'ija ðaska'litʂl mɑ'ʃerʲjɫ xɑ'rʃumɫs	ka'm'ija i'mera pʲi'ðitʃɑ
10, муж., 74	'a'ɫax	'ðajnanɪ 'stratɫ tʃindɪr'jɑx p'astɪn			bɑ'zar 'a'ɫax	
					'p'irɑne ka'm'ia xɑ'jɑjðɫ	
11, жен., 72	'arm'ixtu	'kaθɑ 'ðavɫ 'stratɫ 'raθ p'i'astɪn pɑndɑpɑ	pu'la			
		bɑ'zar bɑ'laɟðɫ	mɑ'kra	a'tɪn	bɑ'zar ka'm'ia 'pɑndɑpɑ	ka'm'ia
12, жен., 57		'ɣɑkʲis 'pɑndɫpɫ p'i'akɫɲ fuɪ'ini'dʒarku 'ɣraftɲɪ			m'isa'f'irʲs'ɲ xɑ'rʃumɫs	
	'a'ɫax	ku'rɪvɑt		ɑrɑvɪ'n'ɑʃtɑn	mɑ'ɣrɛ'f' 'ipɑn xɑ'jɑjðɫ	

Рис. 7.4. Сонограмма 'церковь'.

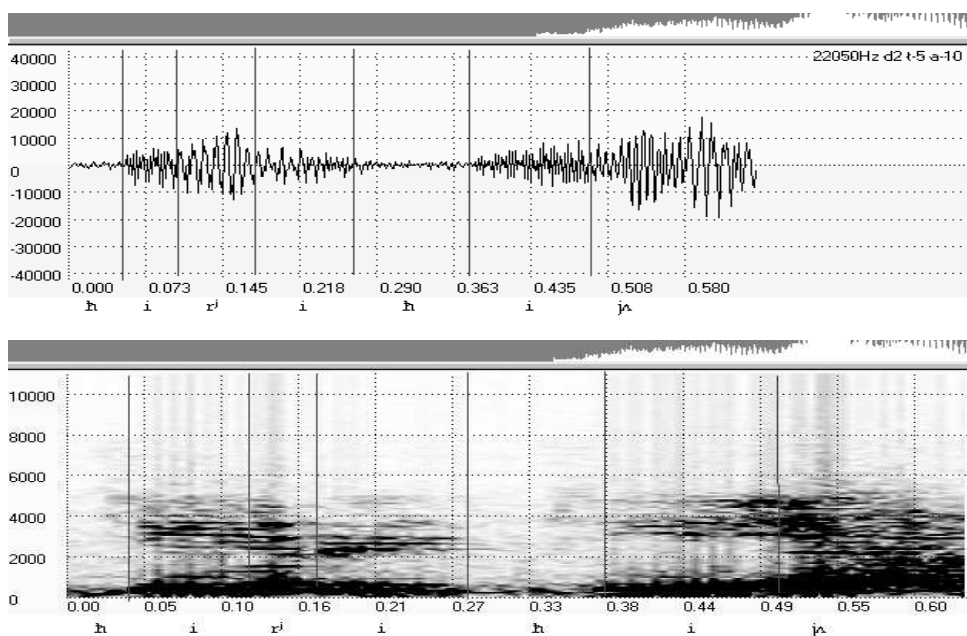

Рис. 7.5. Сонограмма 'мама'.

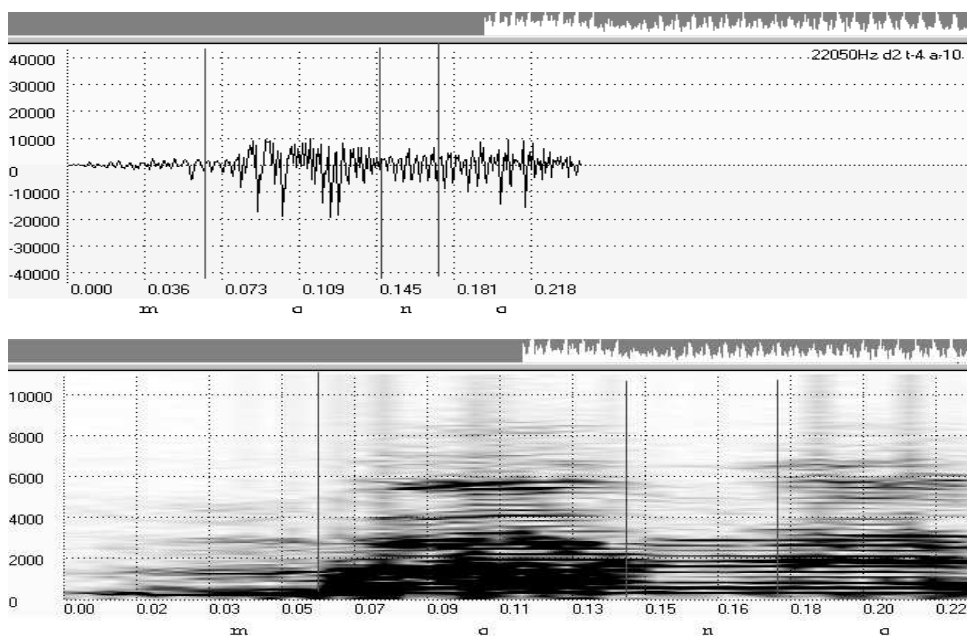

Рис. 7.6. Сонограмма 'мама моя' (Вин. п.).

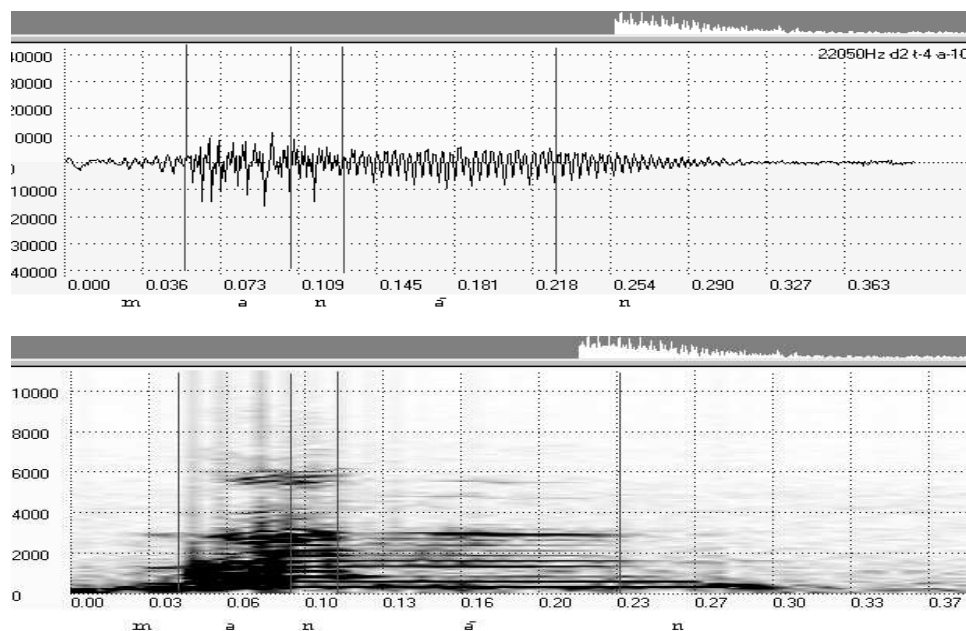

Рис. 7.7. Сонограмма 'церковь'.

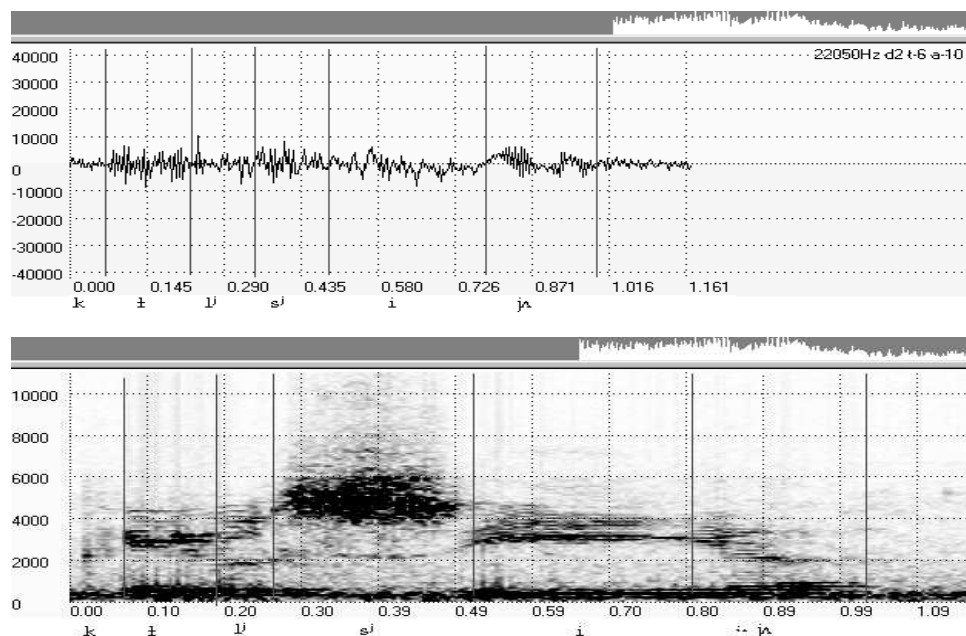
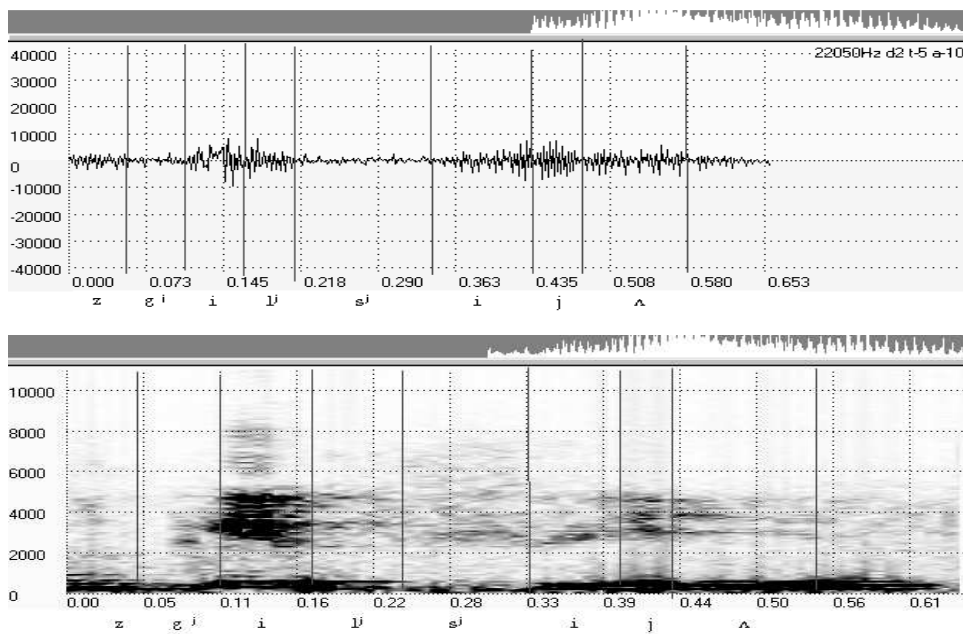

Рис. 7.8. Сонограмма 'в церковь'.

Глава 8

– Именная система

В этой главе описываются только три из пяти основных субдиалектов:¹ МСД (по собственным материалам, собранным в селах Малый Янисоль² и Кременёвка³ в 2002–2003 гг.), ЯСД (по собственным материалам, собранным в с. Ялта в 2001 и 2003 гг.) и НкСД (по описанию Е. Ф. Журавлевой [PAPPOU-ZOURAVLIOVA 1995] и с использованием собственных материалов, собранных в с. Бугас в 2003 г.).

8.1 Существительные как частеречная категория

Категоризация полнозначной лексики по частям речи традиционно проводится на основании трех критериев: **семантического, синтаксического и морфологического** [ЛЭС 1990: 578]. Прототипическое существительное и.-е. языка — слово с предметной семантикой, которое занимает место актанта при предикате и для которого релевантны такие морфологические противопоставления, как число, падеж и классифицирующий род, и не релевантны такие противопоставления, как согласовательные род и число, лицо и время [Плунгян 2000]. Известно также, что эти критерии во многих случаях противоречат друг другу; хрестоматийные примеры: *бег* (существительное с корнем, обозначающим действие), *скорость бега* (существительное в роли определения) и проч. Яркой характеристикой ЯСД является выраженная тенденция к устранению этого противоречия: абсолютное большинство существительных составляют слова с предметной семантикой, причем в большей части предложений они являются актантами или именными предикатами и включаются в морфологические противопоставления, описанные ниже. В словнике, составленном Н. Дич и В. Барановой в 2001 г., собрано ок. 500 имен существительных; из них от качественных корней образованы только *skutnú* ‘темнота’, *xamós*⁴ ‘горе’, *mikró* ‘ребенок’. Многочисленную группу составляют существительные, обозначающие отрезок или момент времени: названия времени суток, времен года, дней недели и т. п.: *n'ixta* ‘ночь’, *óra* ‘час’, *méra* ‘день’, *sturtérs*⁵ ‘осень’, *barasčurá*⁶ ‘пятница’ и проч. Из существи-

¹ О субдиалектах см. «Предисловие» к этому тому, с. 13.

² **Прим. ред.:** иначе Малоянисоль.

³ **Прим. ред.:** до 1945 г. называлось Чердакли; см. Главу 1, с. 28, 49.

⁴ **Прим. ред.:** слово *skutnú* не зарегистрировано в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006]; в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 174] приводится лишь *скутныйя* с тем же значением, впрочем, указывается, что эта форма характерна исключительно для МСД и ССД. Слово *xamós* встречается только в [АНИМИЦА, INTERNET] и переводится как ‘гибель, крах (банкротство)»; [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 216, 339] дает вариант *xamó* для ССД и ЯСД.

⁵ **Прим. ред.:** вариант, употребляемый в БСД, ср. с ЯСД *стуртёръисъ*, ССД и НкСД *стуртёръис*, МСД *стуручёрс* [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 375].

⁶ Для названия дней недели чаще, а месяцев — практически всегда — используются русские заимствования. **Прим. ред.:** подобная форма не фиксируется в словарях: в [АНИМИЦА, INTERNET] приводится *Паращеві*, а [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 417] дает *паращеві* или *паращеві*. По мнению

тельных с временным значением только слова *óra* ‘час’, *méra* ‘день’ и *xróp*’a⁷ ‘год’ имеют мн. ч.: *ors*’, *méris*’ и *xróp*’s соответственно (о мн. ч. см. с. 201). Эти слова функционируют как обстоятельства времени, причем названия времени суток обычно употребляются с артиклем: *tun ruǵnó*⁸ ‘утром’, *tu vǵađí* ‘вечером’ и др., за исключением слова *m’isimér* (’) ‘полдень’. Некоторые информанты сообщали изолированные формы мн. ч. типа *vǵađíja* ‘вечера’, но не удалось получить буквальный перевод предложений типа «*Сегодня холодный вечер*»: предлагались варианты типа *tu vǵađíen*’ *kríj*(s) букв. ‘Вечером холодно’ с комментарием вроде «*Так не скажешь, как по-русски; у нас только так говорят* (т. е. только ‘вечером’ — К. В.)». Это свидетельствует о том, что слова с временной семантикой утрачивают способность играть роль актантов и по своим синтаксическим валентностям перестают отличаться от наречий.

В МСД значительно больше существительных, образованных от качественных, глагольных, темпоральных корней: *ṽaríp*’íja ‘бедность’ (*ṽarípku*(s) ‘бедный’), *kl’éft*’as⁹ ‘вор’ (*kl’éftu* ‘воровать’), *m’ismérs* (’) ‘полдень’ и т. п. Существительные с категориальной семантикой времени сохраняют синтаксические и морфологические особенности имени; ср., например:

(8.1) *s’ímur en’ kríju vǵađís*
‘Сегодня холодный вечер’

где *vǵađís* — это прям. п. при косв. п. *vǵađí*.¹⁰

(8.2) *su kó-mas en’ kríja níxt’is*
‘У нас холодные ночи’

где *níxt’is* мн. ч. от *níxta*.

Кроме того, в МСД активно функционирует механизм синтаксической трансформации, оформляющий существительное в атрибутивной функции, в отличие от ЯСД, в котором этот механизм в настоящий момент почти непродуктивен (см. 8.6).

8.2 Артикль

Существительные имеют препозитивный артикль *tu* в ед. ч. и *ta* в мн. ч. Если существительное начинается с гласной, артикль имеет форму *t* в обоих числах:

авторов словаря, последняя форма характерна лишь для ЯСД и БСД, однако подобное утверждение требует дополнительной проверки.

⁷ **Прим. ред.:** предположительно в такой форме слово используется исключительно для обозначения возраста.

⁸ **Прим. ред.:** здесь имеют место озвончение и регрессивная ассимиляция по месту образования; произносится *tum ruǵnó*. В ЯСД, ССД и МСД употребляется вариант *ruǵnó* [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 153, 459], однако в Малоянисоле мне приходилось слышать и *ruǵnó*, особенно в выражении *tun ruǵnó*.

⁹ **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET] дается форма прям. п. *kl’éft*(y)s; [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 273] предлагает вариант *kl’éftis*.

¹⁰ **Прим. ред.:** в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 53, 267] приводится несигматическая форма прям. п.

(8.3) **t ál̥y-u**-m en' daɣatlíðku

‘Моя лошадь сильная’

(8.4) **t ál̥ya**-m íni daɣatlíðka

‘Мои лошади сильные’

(8.5) tu xno ĩi θa na troj aútu **t áširu**

‘Корова не будет есть эту солому’

Форма **tun** употребляется при существительных м. р. в косв. п. ед. ч.:

(8.6) s'í aɣarás **tun Vásja**?

‘Ты любишь Васю?’

(8.7) érkum [a]s **tun ðáskal**

‘Прихожу к учителю’

В остальном наличие/отсутствие артикля и выбор формы подчиняются скорее некоторым тенденциям, чем строгим правилам (даже если рассматривать только идиолекты наиболее компетентных информантов). Эти тенденции выглядят следующим образом:

1. Некоторые существительные, начинающиеся с согласной, требуют форму т исключительно в ед. ч.: **t xóga** (мн. ч. **ta xór'is**) ‘деревня’, **t maxalá** (мн. ч. отсутствует) ‘жители одной улицы, квартала’, **t хujú** (мн. ч. **ta хujújða**) ‘колодец’, **t tajfá**¹¹ (мн. ч. **ta tajfájða** ‘семья’), **t pórtá**¹² (мн. ч. **ta pórtis** (МСД?) ‘дверь’), **t mána** (мн. ч. **ta mán'is**) ‘мать’, **t stráta** (мн. ч. **ta strát'is**) ‘дорога’, **t manáka** (мн. ч. **ta manák'is**) ‘старуха’, **t buyá** (мн. ч. **ta buyájða**) ‘бык’, **t хumšú[s?]** (мн. ч. **ta хumšújða**) ‘сосед’, **t káta**¹³ (мн. ч. **ta kát'is**) ‘кот’.
2. У склоняемых существительных артикль, наряду с флексией, маркирует падеж: **прямой** vs. **косвенный** (см. с. 198). Отсутствию артикля в прям. п. противопоставляется наличие **tun** в косв. п.:

(8.8) tu sínef[u?] fsálsin **tun íl'u**

‘Туча закрыла **солнце**’

(8.9) ∅ **íl'us** ánda káθit, [a]tó¹⁴ en' kóč[i?]n'u

‘**Солнце** когда садится, оно красное’

3. Если при существительном имеется определение, выраженное местоимением, артикль ставится после местоимения:¹⁵

¹¹ **Прим. ред.:** происходит озвончение и произносится **t dajfá**.

¹² **Прим. ред.:** произносится с озвончением: **t bórtá**.

¹³ **Прим. ред.:** произносится с озвончением: **t gáta**.

¹⁴ **Прим. ред.:** словоформа не представлена в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

¹⁵ При этом определение находится перед определяемым словом; см. также Главу 12, с. 381.

(8.10) atú tu xno na troj úlu tu xurtár'

‘Эта корова съест¹⁶ всю траву’

(8.11) tu kó-mas tu sp'it' en' méya

‘Наш дом большой’

4. Если определение выражено прилагательным, артикль употребляется и перед прилагательным, и перед существительным:

(8.12) tun yaǵírku tun áθarpu káθa ís-ra purí na tun alydéf'¹⁷

‘Бедного человека каждый может обидеть’¹⁸

(8.13) ta xlurá ta f'íšn'is č[i] en' ómnusta

‘Зеленые вишни невкусные’

(8.14) tu kó-m tu méya tu balá

‘мой старший сын’

(8.15) tsanó škli xatalév' p'is tu sprútsku t[u] arn'íθ

‘Глупый щенок бежит за белой курицей’

5. Неопределенная референтность и нереферентное употребление имени требуют нулевого артикля:

(8.16) p'isu avlí sték'it ∅ méya ðindró

‘Во дворе стоит большое дерево’

(8.17) ∅ xlurá f'íšn'is č[i] en' ómnusta

‘Зеленые вишни невкусные’ (ср. с прим. 8.13)

(8.18) tos eš' ∅ xulčárku inéka

‘У него злая жена’

(8.19) yo či θa péru ∅ sp'it'

‘Я не буду покупать дом’

Числительное *is*, *m'ía*, *éna* ‘один’ также используется для выражения неопределенности, но функционирует скорее как неопределенное местоимение, нежели как неопределенный артикль.

6. В предложных группах артикль сливается с предлогом, например:

(8.20) táta-m pez' anda (< an ta)¹⁹ balájða-t

‘Мой отец играет со своими детьми’

(8.21) ta xna ráyūn p'isun (< p'is tun) tuvardží²⁰

‘Коровы идут за пастухом’

(8.22) yo dranú pasu (< pas tu) džap

‘Я смотрю на гору’ и проч.

¹⁶ Прим. ред.: букв. ‘будет есть’.

¹⁷ Прим. ред.: глагол не зафиксирован в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

¹⁸ О частице -ра см. Главу 12, с. 385 и сл.

¹⁹ Прим. ред.: по принятым в этом томе принципам записи такого рода сочетания пишутся раздельно.

²⁰ Перечень сочетаний предлогов с артиклем приводится в «Предисловии», с. 22.

8.3 Одушевленность/неодушевленность и род

В категорию одушевленных входят существительные, относящиеся ко взрослым людям и обозначающие названия профессий, термины родства и т. п., например: *tvardžís* ‘пастух’, *đaskál'n'a*²¹ ‘учительница’, *inéka* ‘женщина, жена’, *ađerfós*²² ‘младший брат’, *xumšúš* ‘сосед’, *xumšáva* ‘соседка’ и др., а также имена собственные. Все остальные существительные являются неодушевленными. Так, слова *mikró(s)* (БСД, НкСД, ЯСД), *mkro(s)* (МСД, ССД) и *balá* ‘ребенок’ относятся к неодушевленным; слова *r'íđ'í*, *r'íđ'íts* (ласк.) ‘мальчик, юноша’ и *kuríts*, *kurtsíts* (ласк.) ‘девочка, девушка’ входят в ту или иную категорию в зависимости от значения в данном контексте: если референт рассматривается говорящим как ребенок, *r'íđ'í* и т. п. употребляются как неодушевленные, если как взрослый — одушевленные.

В категории неодушевленных существительных отсутствует противопоставление по роду; можно сказать, что все эти существительные относятся к ср. р. в противоположность одушевленным существительным, которые могут быть м. и ж. р.

Одушевленные существительные, обозначающие мужчин, относятся к м. р., обозначающие женщин — к ж. р.: *úakas* ‘старший брат’ (м. р.), *úaka*²³ ‘старшая сестра’ (ж. р.) и проч.

В этом распределении имен по родам, всецело обусловленном семантически, наблюдается уже упомянутая тенденция к устранению несоответствий между значением и формой. Согласно описанию состояния румейского языка на 1920-е — нач. 1930-х гг. [СЕРГИЕВСКИЙ 1934], слова, не обозначающие людей, также могли относиться к м. или ж. р.; М. В. Сергиевский приводит следующие примеры: *rátus*²⁴ ‘земля, почва’, *rónus*²⁵ ‘боль’ (м. р.), *níxta* ‘ночь’ (ж. р.); теперь эти слова относятся к ср. р., хотя *rátús* и *rónus* в МСД сохраняют отдельные признаки грамматической одушевленности, проявляющиеся в склонении (см. с. 198).

Заемствования из русского языка подчиняются тому же правилу: наименования мужчин относятся к м. р., женщин — к ж. р., все остальные слова — к ср. р.

Что касается НкСД, Е. Ф. Журавлева отмечает, что многие имена м. р. и ж. р. перешли в ср. р. [РАРРОУ-ZOURAVLEVA 1995: 196], но, кроме слов, обозначающих мужчин, относит к м. р. все слова на *-os*, *-us*:²⁶ *uranós*²⁷ ‘небо’, *t'irós* ‘погода’,

²¹ **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 71, 459] встречаются лишь варианты *đvaskal'ícá/đvaskal'ícá*.

²² См. Главу 7, с. 178, сн. 58.

²³ **Прим. ред.:** словоформа отсутствует в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

²⁴ **Прим. ред.:** в такой форме зафиксировано только в [АНИМИЦА, INTERNET]; [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 148, 313, 403] дает варианты *pat* (нехарактерен для МСД) и *pátu* (нехарактерен для ЯСД).

²⁵ **Прим. ред.:** отсутствует в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006]; в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 157, 261] даются варианты *pon* (ЯСД), *pónьма* (ЯСД), *pónu* (БСД, МСД, НкСД, ССД), *pónьма* (ССД).

²⁶ **Прим. ред.:** примеры приводятся в орфографии Е. Ф. Журавлевой. В частности, здесь различаются /i/ и /i/, для обозначения последнего используется графема у. Как указывалось в «Предисловии», с. 21, в используемой в этом томе форме записи румейских примеров /i/ и /i/ не различаются в связи с тем, что в румейском языке они находятся в дополнительной дистрибуции; см. Главу 7, с. 172 и сл., а также табл. 7.6 и 7.7, с. 173.

²⁷ **Прим. ред.:** сигматический номинатив фиксируется только в [АНИМИЦА, INTERNET]; [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 201, 358] предлагает форму *uranó*.

ánušus ‘ветер’ и др. Однако несомненно, что и в НкСД наблюдается упомянутый процесс перераспределения существительных по родам: так, Е. Ф. Журавлева относит *ílus* ‘солнце’ и *uḡaḡo* ‘небо’ к числу имен ср. р. К ж. р., кроме имен, обозначающих женщин, относятся также дни недели и некоторые слова, обозначающие время: *méra* ‘день’, *núxta* ‘ночь’, *ánuksy* ‘весна’.

Во всех субдиалектах род и одушевленность — внешние категории, они проявляются при замене существительного полным местоимением в ед. ч. (м. р. *atós*, ж. р. *atí*, ср. р. *ató*) и кратким местоимением в обоих числах (ед. ч.: м. р. *tun*, ж. р. *tin*, ср. р. *t*, мн. ч.: м. р. *tin*, ж. р. *ts*, ср. р. *ta*),²⁸ а также в форме прилагательного, которое согласуется с существительным в роде и числе; в мн. ч. некоторые прилагательные имеют две формы: для одушевленных и неодушевленных существительных: *puhá f'íšn'is* ‘много вишен’ (МСД), *puhá áyur* ‘много мужчин’ (МСД), *kalá sp'íča* ‘красивые дома’ (МСД), *kalí inék'is* ‘красивые женщины’ (МСД).²⁹ Большинство прилагательных в мн. ч имеют единую форму для всех трех родов.

Одушевленные существительные могут быть субъектом принадлежности, т. е. референтом посессивных постпозитивных местоимений, выбор которых в 3 л. ед. ч. определяется родом существительного-референта: *inéka-t* ‘его жена’, *áyur-ts* ‘ее муж’. В других лицах род референта не различается.

8.4 Склонение

Подавляющее большинство существительных не склоняются. У склоняющихся существительных различаются два падежа: **прямой**, оформляющий первые актанты при глаголе и существительном в функции предиката, и **косвенный**, оформляющий существительные во всех остальных функциях. В ед. ч. прямой падеж маркируется окончанием *-s*, косвенный — нулевым окончанием (см. табл. 8.1): ЯСД *ǰjáskał-s* — *ǰjáskał-∅* ‘учитель’, МСД *surbadži-s* — *surbadži-∅* ‘хозяин’.

В мн. ч. в ЯСД падежи не различаются: *ǰjáskał'ja* ‘учителя’, в МСД прямой падеж маркируется нулевым окончанием, косвенный — окончанием *-s*: *surbadžiθ-∅* — *surbadžiθ-s* ‘хозяйева’; в некоторых случаях косвенный падеж ед. ч. совпадает с прямым падежом мн. ч., а прямой падеж ед. ч. совпадает с косвенным падежом мн. ч.: ед. ч. прям. п. *m'isaf'ír-s* — косв. п. *m'isaf'ír*, мн. ч. прям. п. *m'isaf'ír* — косв. п. *m'isaf'ír-s* ‘гость’.

Во всех субдиалектах склоняются все существительные, имеющие в ед. ч. окончание *-s*. К ним относятся все существительные м. р. и некоторые существительные ср. р.; существительные ж. р. не склоняются.

Займованные из русского языка существительные м. р., обозначающие мужчин, в прямом падеже имеют окончание *-s* (*br'iyad'ír-s* ‘бригадир’, *vrač-s* ‘врач’, *M'íša-s* ‘Миша’, *ḡorbačóf-s* ‘Горбачев’) и склоняются так же, как и исконные.

Таблица 8.1. Падежные окончания.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Прям. п.	-s	—
Косв. п.	—	-s

²⁸ О местоимениях см. также Главу 12, особенно табл. 12.1, с. 376.

²⁹ О прилагательных см. Главу 9 (с. 206).

В МСД из существительных ср.р. склоняются имеющие окончание -s, обозначающие явления природы и с категориальным значением времени. К последним относятся названия времени суток и времен года: vгаđí-s³⁰ ‘вечер’, pírno-s³¹ ‘утро’, m’ismér-s ‘полдень’, ber-s,³² bajér-s ‘весна’, kalčér-s³³ ‘лето’, sturučér-s ‘осень’, šunké-s,³⁴ šumó-s ‘зима’; например:

(8.23) pírno-s en’ kríjus

‘Утро холодное’

(8.24) áyuru-s gzen’ as sp’it’ tun purnó³⁵

‘Мужчина ушел из дому утром’ и проч.

К склоняемым существительным, обозначающим явления природы, относятся íl’u-s ‘солнце’, ánimu-s ‘ветер’, féngu-s ‘луна’, uganú-s³⁶ ‘небо’, vruší-s³⁷ ‘дождь’, šón(i)-s³⁸ ‘снег’; kríju-s³⁹ ‘холод’.

Даже самые компетентные информанты лишь спорадически маркируют падеж существительных rátu-s ‘земля’ и rópu-s ‘боль, болезнь’ (см. сн. 24, 25). Например, одна и та же информантка дает подряд два перевода: ‘боль’ — rópus, ‘головная боль’ — čfalírópu.⁴⁰ Иначе говоря, формы этих слов с нулевым окончанием и с окончанием -s находятся уже не в парадигматических отношениях, а в отношениях свободного варьирования, в отличие от описанных выше форм существительных других семантических полей (обозначающих мужчин, явления природы и отрезки времени), которые остаются собственно падежными.

В ЯСД количество существительных, имеющих две падежные формы, значительно меньше. При этом для большинства информантов к склоняемым относятся только те, которые обозначают мужчин: táta-s,⁴¹ pápa-s,⁴² patéra-s ‘папа, отец’, aðrefó-s⁴³ ‘брат’, á[n]dra-s ‘муж’, áθrap-s ‘человек’, ruméj-s ‘румей’, хумšú-s ‘сосед’, jirót’-s ‘старик’, palikár’-s ‘юноша’, đjáskal-s ‘учитель’. Из существительных, обозначающих явления природы, jil’-s ‘солнце’, ajéga-s ‘ветер’, uganó-s ‘небо’ для

³⁰ См. сн. 10.

³¹ **Прим. ред.:** форма с сигматическим номинативом указывается только в [АНИМИЦА, INTERNET].

³² **Прим. ред.:** словоформа не зафиксирована в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

³³ См. Главу 7, с. 182, сн. 1.

³⁴ **Прим. ред.:** словоформа не представлена в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

³⁵ См. сн. 8.

³⁶ См. сн. 27.

³⁷ **Прим. ред.:** форма с сигматическим номинативом приводится лишь в [АНИМИЦА, INTERNET]: *врошís*.

³⁸ **Прим. ред.:** форма с сигматическим инфинитивом не засвидетельствована в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

³⁹ **Прим. ред.:** форма с сигматическим номинативом указана только в [АНИМИЦА, INTERNET].

⁴⁰ Ср. также переводы предложений из анкеты: «*Эта болезнь очень опасная*» aútu tu **rópu** en’ fudegó (букв.: ‘Эта болезнь есть опасная’) и «*Болезнь его не убила*» **rópu-s** tóna či skóčín’ tun (букв.: ‘Болезнь его не убила его’ — местоименный повтор дополнения; о повторе см. Главу 13, с. 393).

⁴¹ **Прим. ред.:** форма с сигматическим номинативом не встречается в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

⁴² **Прим. ред.:** словоформа не зафиксирована в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006].

⁴³ **Прим. ред.:** в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 262] эта форма указана как характерная для БСД; для ЯСД дается вариант *адрифос*.

Таблица 8.2. Склонение имен существительных в НкСД
по [PAPPOU-ZOURAVLEVA 1995: 208].⁽¹⁾

Род	Падеж	Ед. ч.			Мн. ч.		
ср. р.	именит.	piðý 'мальчик'	spit 'дом'	stóma 'пот'	piðýja	spít 'a	stómata
	вин.	(tu) piðý	spit	stóma	(ta) piðýja	spít 'a	stómata
м. р.	именит.	ándra 'мужчина'	anурšós 'внук'		ándrys	anépša	
	вин.	(tun) ándra	anурšó		(tus) ándrys	(ta) anépša	
ж. р.	именит.	inéka 'женщина'	nyf 'невестка'		inékis	nýfja	
	вин.	(tyn) inéka	(tyn) nyf		(tys) inékis	(ta) nýfja	

Прим. ред.:

- ⁽¹⁾ Примеры приводятся в орфографии Е. Ф. Журавлевой; см. также сн. 26.

части информантов являются склоняемыми; большинство информантов из тех, кто кажется наиболее компетентными, употребляют обе формы, не различая их значения.⁴⁴ Слова šop 'снег' и vruší 'дождь' зафиксированы в ЯСД только с нулевым окончанием, так же как и существительные, обозначающие отрезки времени: vradí 'вечер', pirnó 'утро', sturčér'⁴⁵ 'осень', kal'čer'⁴⁶ 'лето', šunó 'зима'.

Большая часть существительных, которые в МСД относятся к склоняемым, утрачена в ЯСД, и соответствующие понятия обозначаются русскими словами. Сокращение количества склоняемых существительных привело к перестройке системы склонения: в отличие от МСД, в ЯСД, согласно данным, полученным от наиболее компетентных информантов, склоняются только существительные м. р. и три существительных ср. р., обозначающие явления природы, например: jil's 'солнце', ajéras 'ветер', uranós 'небо'.

В обоих субдиалектах падежные противопоставления нейтрализуются, если при существительном имеется постпозитивное притяжательное местоимение, которое занимает место падежного окончания: прям. п. ađrefó-s — косв. п. ađrefó-∅ 'брат'; прям. и косв. п. ađrefó-s 'твой брат'; прям. и косв. п. ađrefó-m 'мой брат' и т. п. (см. сн. 43).⁴⁷

В НкСД Е. Ф. Журавлева также выделяет два падежа: именит. и вин. п., по функциям не отличающиеся от выделенных в этой главе, соответственно, прямого и косвенного падежей. Данные Е. Ф. Журавлевой приведены в табл. 8.2.

По мнению Е. Ф. Журавлевой, единственным маркером падежного противопоставления является артикль (кроме следующего типа: именит. п. anурšós — вин. п. anурšó). Е. Ф. Журавлева не включает в эту таблицу существительные

⁴⁴ Ср.: «Я смотрю на небо и вижу солнце» ɣo darnú (=draná, скорее всего, свободное варьирование, не зафиксированное в словарях — прим. ред.) pas t[u] uranó, darnú t[u] jil' и jíða t[u] jil'-s; «Солнце село» t[u] jil'kats' и t[u] jil-s kats'; «Дует ветер» fisá ajéra-s' и fisá ajéra и проч.

⁴⁵ Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 178, 375] дает для ЯСД форму стуртэрьис(ь).

⁴⁶ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 92, 338] для ЯСД приведен вариант калтэрь.

⁴⁷ Прим. ред.: имеются, впрочем, основания утверждать, что притяжательные местоимения не следует рассматривать как аффиксы; подробнее см. Главу 12, с. 12.7.2 и сл.

м. р., образующие мн. ч. с нулевым окончанием (типа *m'isaf'ír-s — m'isaf'ír-∅*); согласно нашим данным, собранным в с. Бугас, они склоняются так же, как и в МСД (см. табл. 8.1, с. 198).

8.5 Число

В румейском языке различаются ед. ч. и мн. ч.; имеется несколько типов образования мн. ч.:

8.5.1 ЯСД

1. У существительных с основой на согласный мн. ч. образуется добавлением окончания *-ja* с палатализацией исходного согласного основы: *mašér' — mašér'-ja* 'нож', *mat — máč-a* 'глаз'⁴⁸.
2. У существительных с основой на *-í* в мн. ч. появляется окончание *-j'*: *ftí — ftí-ja* 'ухо'⁴⁹.
3. У существительных, оканчивающихся в ед. ч. на *-ó*, мн. ч. может заканчиваться на *-á*: *vū-o — vū-a* 'яйцо'⁵⁰.
4. У существительных, оканчивающихся в ед. ч. на *-ó* в мн. ч. может появляться окончание *-ús*: *jal-ó — jal-ús* 'море' (ср. с типом 6 для МСД ниже).
5. У существительных с основой на безударный гласный мн. ч. образуется добавлением окончания *-s* с выпадением безударного гласного: *rórt-a — rórt'-s* 'дверь'⁵¹.
6. Основы на *-ka* в мн. ч. получают окончание *-iks*: *podúš-ka — podúš-iks* 'подушка'⁵².
7. Основы на ударный гласный получают в мн. ч. окончание *-s*: *laḡú⁵³ — laḡ-ús* 'заяц'.
8. Основы на согласный могут приобретать в мн. ч. окончание *-s*: *l'uk — l'uk-s* 'волк'.

⁴⁸ **Прим. ред.:** эти существительные исторически относятся к ср. р. В отличие от НГР, они утратили *-i*, однако этот звук появляется в виде *j* при образовании мн. ч.; в мн. ч. они приобретают окончание ср. р. *-a* и имеют похожие варианты в НГР: *το μαχάρι — τα μαχάρια*, *το μάτι — τα μάτια*; ср. с типом 1 для МСД и НкСД ниже.

⁴⁹ **Прим. ред.:** образование мн. ч. у этих существительных (ср. р.) аналогично типу 1; ср. с аналогом в НГР: *το αφτί — τα αφτιά*; ср. с типами 1 для МСД и 3 для НкСД.

⁵⁰ **Прим. ред.:** ср. с существительными, относящимися к ср. р. в НГР, которые заканчиваются на *-i*: *το αυγό — αυγά* 'яйцо', а также с типом 2 для НкСД.

⁵¹ **Прим. ред.:** ср. с существительными, относящимися к ж. р., в НГР: *η πόρτα — οι πόρτες*, а также с типом 7 для МСД и НкСД.

⁵² **Прим. ред.:** видимо, существительные этого типа типологически восходят к существительным, относящимся к ж. р., которые в НГР заканчиваются на *-ξ* в именит. п.: *σάρξ*, род. п. *σάρκος*, мн. ч. *σάρκες* 'плоть'. Согласно Е. П. Лисицкой, большинство существительных этого типа — заимствования из русского, и единственным обнаруженным собственно румейским примером является *sárka — sáriks* 'тело'; см. Главу 6, с. 140.

⁵³ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 116, 312] для МСД, БСД и ЯСД дается форма *лаго* (ср. также с с. 203); вариант *лагу* описывается как более характерный для НкСД и ССД.

Особым образом образуют мн.ч. слова *gráma* ‘вещь’ — *grámata* и *xóga* ‘деревня’ — *xúŋjata*,⁵⁴ *ajéra-s* ‘ветер’ — *ajérata* (*ajéras*) для большинства информантов принадлежит к существительным *singularia tantum*.⁵⁵

Существительное *laxardí* ‘разговор’ имеет два варианта мн.ч.: *laxardíja* (тип 2) и *laxardís* (тип 7).

Наиболее продуктивным способом образования мн.ч. является окончание *-s* (типы 5–8); тип 4 с историческим чередованием в основе не является продуктивным. По этим типам образуется мн.ч. от заимствованных русских и украинских существительных: *tsiyára* — *tseyárs* (тип 5), *iyrúška* — *iyrúšiks* (тип 6), *pl'itá* — *pl'itás* (тип 7), *p'iróy* — *p'iróys* (тип 8).

Большинство слов с сигматическим номинативом имеют лишь ед.ч.⁵⁶ Существительные *adrefós*⁵⁷ ‘брат’ и *đjaskals* ‘учитель’ образуют мн.ч. по типу 1: *adrefja*, *đjaskal'ja*, соответственно. Вещественные имена в ЯСД, в отличие от МСД, также не имеют мн.ч.

К типу 6, кроме слова *sárka* — *sáriks* ‘тело’, относятся только заимствованные русские и украинские слова ж.р. с суффиксом *-к-*, которые, судя по комментариям информантов, продолжают осознаваться как заимствования: *tsibérka* — *tsibériks* ‘ведро’, *vidélka* — *vidéliks* ‘вилка’, *butílka* — *butíliks* ‘бутылка’ и др. (см. сн. 52).

8.5.2 МСД

1. Если основа оканчивается на согласный, мн.ч. образуется с помощью окончания *-ja* с возможной палатализацией исходного согласного основы: *mašér* — *mašér'-ja* ‘нож’ (ср. с типом 1 для ЯСД и НкСД, а также см. сн. 48).
2. К основам на *-í* в мн.ч. добавляется окончание *-ja*: *rap'í* — *rap'í-ja* ‘утка’ (ср. с типами 2 для ЯСД и 3 для НкСД, а также см. сн. 49).
3. Если ед.ч. заканчивается на *-ó/-u*, мн.ч. образуется с помощью окончания *-a*: *yópat-u* — *yópat-a* ‘колено’⁵⁸.
4. Основы с суффиксом *-ma* получают в мн.ч. окончание *-ta*: *jéma* — *jéma-ta* ‘кровь’ (см. сн. 55).
5. Основы на ударный гласный могут приобретать в мн.ч. окончание *-jđa*: *tul-á* — *tuláj-đa* ‘кирпич’ (ср. с типом 4 для НкСД).
6. Если ед.ч. заканчивается на *-ó*, мн.ч. образуется с помощью окончания *-ús*: *mjal-ó* — *mjal-ús* ‘мозг’ (ср. с типом 4 для ЯСД).

⁵⁴ Прим. ред.: причины сужения корневого гласного неясны.

⁵⁵ Прим. ред.: мн.ч. образуется, как и у существительных ср.р. с суффиксом *-ца* в НГР: *práŋca* — *práŋcata*. Как свидетельствуют приведенные примеры, суффикс *-ma* в ЯСД перестал быть обязательным критерием отнесения существительного именно к данному типу образования мн.ч. В МСД (см. тип 4 для МСД и комментарии) эта тенденция, по-видимому, еще не так сильно выражена.

⁵⁶ Только один информант смог предложить форму мн.ч. от слова *patéra-s* — *patéri* ‘отец’ по русской модели, прокомментировав: «Вообще-то мы так не говорим, отец-то один».

⁵⁷ См. сн. 43.

⁵⁸ Прим. ред.: ср. с существительными ср.р. с основой на *u* в НГР: *ŋonú* — *ŋonúta*; на данном этапе напоминает тип 2 для НкСД.

7. Если ед.ч. заканчивается на -а, мн.ч. образуется с помощью окончания -is: m'ján-a — m'ján'-is 'муха' (ср. с типами 5 для ЯСД и 7 для НкСД, а также см. сн. 51).
8. Существительные м.р. в прямом падеже мн.ч. утрачивают сигматическое окончание: čubán-os⁵⁹ — čubán 'чабан; пастух, пасущий овец', dušmén-os⁶⁰ — dušmén 'враг' и т. п.; surbadžís — surbadžíθ 'хозяин', tuvardžís — tuvardžíθ 'пастух, пасущий коров' и др.

Существительные ср.р., имеющие сигматический номинатив, в основном, не имеют мн.ч.; слова ber-s⁶¹ 'весна', kalčér-s⁶² 'лето', sturučér-s 'осень' образуют мн.ч. по типу 1: bér-ja, kalčér-ja, sturučér-ja. Vrađí-s⁶³ 'вечер' имеет два варианта мн.ч. vrad-éjs и совпадающее с прямым падежом ед.ч. vradí-s. Kríjus⁶⁴ 'холод' и ánimus 'ветер' имеют мн.ч., соответственно, kríjata, anímata. Возможно, к типу 4, в качестве особой подгруппы, следует отнести слова xóra — xuríjata 'деревня', áširu — ašérata 'солома', síđiru — síđerata 'железо', rúxa — rúxata 'одежда' (см. сн. 55).

Два варианта мн.ч. имеет слово laṷó 'заяц' — laṷús (тип 6) и laṷújđa (тип 5).

Вещественные существительные образуют мн.ч. со значением 'избыточность (большое количество) X', например: от rúxn-a — rúxn-is 'пыль' (тип 7):

(8.25) p'is bába-m⁶⁵ tu sp'it' **pulá rúxnis**

'В доме моей бабушки очень пыльно'

8.5.3 НкСД [PAPPOU-ZOURAVLEVA 1995: 205–207]⁶⁶

А. Ср. р.

1. Основы на согласный образуют мн.ч. с помощью суффикса -j- (с упрощением сочетания C + j) и окончания -а (с палатализацией последнего согласного основы): mat — *mát-j-a > mát'a 'глаз', šon — *šón-j-a > šón'a 'снег' (ср. с типом 1 для ЯСД и МСД, а также см. сн. 48).
2. Если существительное в ед.ч. заканчивается на -ó/-у, в мн.ч. оно приобретает окончание -а: xtinó — xtiná 'корова', s'ínifu — s'ínifa 'туча' (ср. с типом 3 для ЯСД и МСД, а также см. сн. 50).
3. Если существительное в ед.ч. заканчивается на -í, мн.ч. образуется с помощью окончания -ja: malí — malíja 'волос' и др. К этому же типу

⁵⁹ **Прим. ред.:** форма *čubános* зафиксирована только в [АНИМИЦА, INTERNET]; [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 240] дает для МСД вариант *čubánus*.

⁶⁰ **Прим. ред.:** [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 69, 274] предлагают для МСД форму *душимán(у)с*.

⁶¹ См. сн. 32.

⁶² См. Главу 7, с. 182, прим. (1).

⁶³ См. сн. 10.

⁶⁴ См. сн. 39.

⁶⁵ **Прим. ред.:** в [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 39], в отличие от [АНИМИЦА, INTERNET], форма *bába* описывается как характерная исключительно для ССД, что представляется неверным.

⁶⁶ **Прим. ред.:** примеры приводятся не в орфографии Е. Ф. Журавлевой, а по правилам, принятым в этом томе.

Е. Ф. Журавлева относит существительные, восходящие к сущ., заканчивающимся на -i: psar (< ψάρι) — psár'ja 'рыба', dulár (< ντουλάρι) — dulár'ja 'буфет', а также isár — isár'ja 'число, величина, счет', dilbóf⁶⁷ — dilbón'ja 'уздечка, повод (у коня)'⁶⁸.

4. Если существительное в ед. ч. заканчивается на -θ/-έ/-ά, форма мн. ч. заканчивается на -jða: voθ⁶⁹ — vójða 'бык, вол', balá — balájða 'ребенок' и др. (ср. с типом 5 для МСД).

В. Существительные м. р. образуют мн. ч. по двум типам:

5. При помощи суффикса -j- и окончания -a: palíkarus⁷⁰ — palikár'-j-a 'парень', adrifós — adréf'ja 'брат'⁷¹
6. С помощью нулевого окончания: xurjátis⁷² — xurját 'крестьянин', kléftis⁷³ — kleft 'вор', ðáskalus — ðaskál 'учитель'

С. Ж. р.

7. У существительных, которые в ед. ч. заканчиваются на -a, мн. ч. имеет окончание -is: inéka — inékis 'женщина', méra — méris 'день' (ср. с типами 5 для ЯСД и 7 для МСД, а также см. сн. 51).
8. Если ед. ч. заканчивается на -á/-éja/-íja, мн. ч. приобретает окончания -éjis/-íjis: furá⁷⁴ — furéjs 'печь', yunéja — yunéjs 'стена'⁷⁵.

8.6 Атрибутивная форма

В румейском языке имеется несколько способов оформления атрибутивных словосочетаний из двух существительных:

1. Словосочетания с предлогом: kurvát' рах⁷⁶ ksil 'деревянная кровать' (букв. 'кровать из дерева'), ftir'á⁷⁷ рах šnar(') 'гусиные перья' (букв. 'перья из гуся'),

⁶⁷ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 69, 271] дается только мн. ч. *дылббвья* (НкСД), *дылббвья* (МСД, ССД), *дилббвья*; ед. ч. *дылббв* приведено в [Анимица, INTERNET].

⁶⁸ Прим. ред.: тип 3, видимо, аналогичен типу 1; ср. с типом 2 для ЯСД и МСД, а также см. сн. 49.

⁶⁹ Прим. ред.: [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 53, 54, 264] предлагают форму со звонким согласным, *водь*, а для НкСД даже выделяют вариант *вудь*.

⁷⁰ Прим. ред.: для НкСД в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 346] предлагается лишь форма *палкар*, правда, в значении 'млодец'.

⁷¹ Прим. ред.: при образовании мн. ч. существительные данного типа, очевидно, переходят в ср. р., ср. с НГР: ο αδέρφός — τα αδέρφια, а также с типами 1–3.

⁷² Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 230, 332] для НкСД дается форма *хурьятус*.

⁷³ Прим. ред.: для НкСД, помимо варианта *клэфтис*, [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 101, 273] указывает также форму *клэфтус*.

⁷⁴ Прим. ред.: в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] словоформа не зафиксирована.

⁷⁵ Прим. ред.: в НкСД существительные ж. р. образуют сигматическое мн. ч., ср. с типом 7.

⁷⁶ Прим. ред.: предлог не обнаружен в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; возможно, имеется в виду *ax* 'из'.

⁷⁷ Прим. ред.: словоформа не найдена в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; возможно, это вариация от ftir'á 'перья'.

faí antu⁷⁸ kréj[aj]s ‘мясной суп’ (букв. ‘суп с мясом’), troš su *трактор* ‘колесо трактора’ (букв. ‘колесо в тракторе’) и проч.

2. Примыкание: gaх⁷⁹ trapéz’ ‘край стола’, *берег* t[u] jaló ‘берег моря’, tsibérka niró ‘ведро воды’, t[u] ađrefó-m ta malíja ‘волосы моего брата’ (букв. ‘брата моего волосы’), táta-m tu traуóđ ‘песня моего отца’ (букв. ‘отца моего песня’). Порядок слов выглядит как «**главное — зависимое**», если зависимое существительное неодушевленное, и — «**зависимое — главное**», если зависимое существительное одушевленное, но встречаются и исключения из этого правила: tu xno хuшšú-mas ‘корова нашего соседа’.
3. Оформление зависимого существительного показателем атрибутивной формы: МСД araní tu taván’ ‘крыша сарая’ (букв. ‘сарая крыша’), ЯСД sp’it’í baraθírs ‘окна дома’ (букв. ‘дома окна’), ksilí tu sp’it’ ‘деревянный дом’ (букв. ‘дерево (материал) дома’) и др. Существительное в атрибутивной форме всегда предшествует определяемому существительному.

В ЯСД атрибутивная форма образуется от очень ограниченного числа существительных и исключительно с помощью суффикса -í. Даже в речи наиболее компетентных информантов наблюдается экспансия аналитических способов выражения атрибутивных отношений: с помощью предлога и с помощью примыкания. Атрибутивная форма не образуется от русских и украинских заимствований.

В МСД существуют следующие способы образования атрибутивной формы:

1. От существительных, имеющих мн. ч. на -jđa (тип 5) — прибавлением окончания -đí: tulá ‘кирпич’ — tulađí tu sp’it’ ‘кирпичный дом’, tajfá ‘семья’ — tajfađí áθarπus ‘семейный человек’.
2. От ряда существительных на -ó/-u — прибавлением окончания -ú: pinkó ‘мышь’ — pinkú tpepi⁸⁰ ‘мышинная нора’; niró ‘вода’ — nirú pli ‘водяная птица’⁸¹
3. От ряда существительных на -a — прибавлением окончания -as: níhta ‘ночь’ — níhtas pli ‘ночная птица’, skól’a ‘школа’ — skól’as avlí ‘школьный двор’.
4. От существительных м. р. на -s атрибутивная форма совпадает с основой: áθarπus ‘человек’ — áθarπu laxardí ‘человеческая речь’, kl’éft’as⁸² ‘вор’ — kl’éft’a sp’it’ ‘дом вора’.
5. Большинство существительных образуют атрибутивную форму с помощью окончания -í: čol ‘поле’ — čulí⁸³ čičák ‘полевой цветок’ и проч.

У существительных на -í, образующих мн. ч. с окончанием -ja (тип 2) атрибутивная форма совпадает с формой ед. ч.: traí ‘коза’ — traí čérata ‘козьи рога’.

В МСД используются и другие описанные выше способы выражения атрибутивных отношений, но в речи наиболее компетентных информантов они не вытесняют атрибутивную форму.

Про НкСД данных не имеется.

⁷⁸ Прим. ред.: произносится с озвончением: an du; ср. с примером (8.20).

⁷⁹ Прим. ред.: в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] словоформа не обнаружена.

⁸⁰ Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 196, 300] дает для МСД форму *тырпí/тырпí*.

⁸¹ Прим. ред.: в пп. 2–4 атрибутивные формы, несомненно, восходят к род. п.; в этих формах род. п. сохранился благодаря грамматикализации и уже не ощущается носителями как особый падеж.

⁸² См. сн. 9.

⁸³ Переход ударения и редукция в безударном слове.

Глава 9

– Имя прилагательное

(на материале урзуф-ялтинского субдиалекта)

**9.1 Характеристика собранного материала
и методы исследования**

В этой главе представлены полевые материалы, собранные во время лингвистической экспедиции летом 2001 г. Полевая работа велась в нескольких населенных пунктах Донецкой обл., преимущественно в пос. Ялта Першотравневого р-на.

Практически все опрошенные информанты считают себя румеями, даже те из них, кто признает свое знание языка недостаточным, а также отмечает, что практически никогда не разговаривает по-румейски. Как правило, для подтверждения своей национальной принадлежности производится ссылка на запись в паспорте.¹ Очень часто расспросы о румеях и об их языке приводят к тому, что информант начинает рассказывать о переселении из Крыма и об основании деревень вокруг Мариуполя.² Текст о переселении достаточно устойчив от информанта к информанту.

Наряду с этим, как правило, рассказывается о селах, в которых живут греки, и перечисляются как румейские, так и урумские села. Практически всегда в связи с этим обсуждаются различия между «языками» (т. е. языковыми вариантами различных деревень, иногда речь идет также о НГР), при этом сведения о взаимной понятности «языков» очень неоднозначны: на этот счет разные информанты дают порой противоречивые сведения. Информанты единодушны только в отношении урумов, которых они также считают греками, но говорящими на непонятном им (румеям) языке.

Таким образом, большинство информантов осознают себя принадлежащими к группе греков,³ живущих в различных селах и говорящих на отличных (вплоть до полной взаимной непонятности) языках, но объединенных общей исторической судьбой.

Румеи, живущие в пос. Ялта, практически не используют румейский язык в своей повседневной речи: общение происходит на русском. Исключение составляют несколько обиходных фраз и слов, которые иногда вставляются в речь. По всей видимости, степень владения румейским варьируется от информанта к информанту. Так, некоторые из них способны порождать тексты, в которых происходит постоянное переключение кодов с русского языка на румейский (в том числе, они могут содержать автоперевод).⁴ В этом случае возможна запись спонтанных фраз, заключенных в некоторый повествовательный контекст, однако

¹ Некоторые информанты с сожалением говорят о том, что, боясь репрессий, они записали себя русскими, и теперь не могут доказать свое румейское происхождение.

² О переселении и основании г. Мариуполя и греческих сел Приазовья см. Главу 1, с. 27 и сл.

³ О самоидентификации румеев см. Главу 4 (с. 97).

⁴ О языковой интерференции см. Главу 6 (с. 134).

текстов, произнесенных по-румейски от начала и до конца, не было зафиксировано. Большинство информантов способны переводить с русского языка на румейский отдельные слова, словосочетания и предложения, в которых они могут употреблять румейские слова, не используемые ими в повседневном общении. Среди информантов были и такие, которые, по их собственному признанию, на тот период времени ни с кем не говорили по-румейски, однако, когда перед ними была поставлена задача перевода, достаточно хорошо с ней справлялись.

Неизвестно, впрочем, насколько можно доверять заявлениям информантов об отсутствии или наличии общения на румейском. Очевидными свидетельствами в пользу того, что язык является «живым», служат многочисленные примеры отхода информантов от анкеты. Вопрос собирателя часто вызывал у них своеобразный поток языковых ассоциаций, включающих различные румейские слова, выражения и фразы. Среди них могли быть уже упомянутые общеупотребительные фразы, набор которых достаточно постоянен от информанта к информанту. По всей видимости, в подобной ситуации произнесение фраз из этого набора должно демонстрировать то, «как мы умеем говорить по-гречески». Однако были и другие случаи, когда «поток ассоциаций» свидетельствовал о менее поверхностных знаниях информанта.

Вместе с тем, многие информанты утверждают, что они говорят по-румейски в повседневной жизни, однако это утверждение вызывает определенные сомнения, поскольку наиболее полноценными примерами использования румейского являются упомянутые выше тексты с постоянным переключением с румейского языка на русский.

Несмотря на то, что сфера употребления ЯСД, по всей видимости, ограничивается диалогической речью, сами его носители убеждены в том, что у них есть свой язык.

Таким образом, имеющиеся данные о прилагательных в ЯСД практически не содержат фиксации спонтанной речи.⁵ Преимущественно они состоят из записей бесед с информантами, в которых их просили перевести что-либо на румейский язык.

Помимо пос. Ялта, полевая работа велась также в с. Малоянисоль Першотравневого р-на и с. Чермалык Тельмановского р-на. Во время полевых интервью информанты опрашивались по анкетам, специально составленным для исследования тех или иных особенностей языковой системы исследуемого субдиалекта; анкеты постоянно модифицировались и дополнялись с учетом новых данных.

Перед автором этой главы стояла задача составления и записи анкет, которые позволили бы собрать словарь имен прилагательных и описать их грамматические свойства. Эта деятельность осуществлялась в сотрудничестве с другими участниками экспедиции. Общее время звучания записей, содержащих анкеты на имена прилагательные, составило 9 часов; было опрошено 17 информантов.⁶

При анализе материалов использовались также фрагменты анкет, записанных другими участниками экспедиции, которые привлекались в том случае, если они содержали интересующую информацию.

⁵ В спонтанных текстах с переключением кодов, как правило, встречается очень мало прилагательных. Из знаменательных частей речи используются, в основном, существительные и глаголы.

⁶ См. Приложение 3.5. (с. 416).

В результате анализа расшифровок был составлен словарь имен прилагательных, содержащий 89 словарных единиц,⁷ а также произведено описание грамматики имен прилагательных. Данное описание не претендует на полноту и окончательность: его следует рассматривать как первичный обзор принципов устройства фрагмента грамматической системы, на основе которого, после привлечения новых данных, может быть составлено более полное описание.

При записи имен прилагательных использовалось несколько методов опроса. Целью первого этапа было составление списка лексем в ЯСД, настолько полное, насколько позволяла компетенция его носителей и сроки экспедиции. С этой целью информантов просили переводить с русского языка на румейский отдельные слова (см. с. 211 и сл.). После того как был достигнут некоторый объем словаря, наступил второй этап, на котором русские прилагательные, предназначенные для перевода, включались в некоторый синтаксический контекст — контекст словосочетания или предложения. Последние составлялись таким образом, чтобы можно было выявить состав грамматических категорий имени прилагательного и набор их синтаксических функций, а также уточнить значения отдельных лексем через особенности их сочетаемости с существительными.

В качестве основы для сбора словаря прилагательных использовался список из ста наиболее частотных русских прилагательных, выбранных из частотного словаря [Засорина 1977]: предполагалось, что эти слова могут оказаться частотными и в изучаемом субдиалекте.

В список были внесены некоторые предварительные коррективы, которые сводились к изъятию из него слов, имеющих специфическую стилистическую окраску, например: *народный, общественный, международный, капиталистический, промышленный, партийный* — т. е. книжных и газетных слов, которые вряд ли могли бы быть частотными в устной речи современных сельских жителей.

Коррективы вносились в список и позже, в процессе полевой работы. Оказалось, что далеко не все слова из списка могли быть записаны: многие из них не были известны информантам. Возможно, отчасти это стало результатом того, что список был недостаточно очищен от книжной и газетной лексики. Однако основная причина, по всей видимости, заключается в том, что ЯСД в данный период времени не используется в качестве языка повседневного общения и некоторые слова попросту из него исчезли. Как показывает сравнение объемов списка прилагательных со списками слов, относящихся к другим знаменательным частям речи, словарь прилагательных у носителей ЯСД гораздо беднее, чем словарь существительных или глаголов.

Часть слов из исходного списка была известна практически всем информантам, однако некоторые прилагательные удалось зафиксировать лишь в речи лишь одного информанта. Эти прилагательные также были включены в словарь, однако закрепление за ними статуса словарной единицы должно быть предварено дополнительной проверкой.

Впрочем, в процессе работы исходный список пришлось не только сокращать, но и дополнять. Следует выделить два основных источника расширения списка: во-первых, расширение списка происходило за счет прилагательных, произносимых информантами по ассоциации с теми, которые их просили перевести; во-вторых, в список вошли также антонимы к содержащимся там словам. В процес-

⁷ См. Приложение 3.2. (с. 413).

се опросов стало очевидно, что информанты с большей вероятностью вспоминают перевод пар антонимичных прилагательных или сочетаний с ними, нежели отдельных слов.

9.2 Словарный дефицит и правила оформления иноязычных слов

Словарь прилагательных в ЯСД, как уже отмечалось выше, сравнительно беден, и во время интервью информанты достаточно часто оказывались в ситуации, когда они не знали румейского слова, которое их просили произнести, или плохо его помнили.⁸

Поведение информантов в ситуации словарного дефицита различалось в зависимости от того, какая задача была перед ними поставлена: перевод слов, словосочетаний или предложений.

В случае, когда требовалось перевести слова, достаточно частой реакцией был отказ переводить: долгое молчание или ответ «Не знаю», а также опущение слова в предложении. Во многих случаях вопрос о том, как переводится на румейский то или иное слово, встречал ответы типа: «А так и будет».

Как показал анализ переводов предложений, а также немногочисленных спонтанных текстов, последний ответ, по всей видимости, не является уходом от вопроса, а соответствует реальному речепотреблению. При необходимости произнести фразу, содержащую слово, которое неизвестно ему по-румейски, информант легко заменяет его соответствующим русским (изредка украинским). По всей видимости, употребление определенных русских слов в какой-то момент может закрепиться, стать общеупотребительным, после чего слово *перестает осознаваться как иноязычное* и может считаться полноправным членом словаря.⁹

При переводе предложений на румейский язык замены слов на русские были достаточно частотны. Информанты во многих случаях комментировали свое речевое поведение, иногда останавливая перевод и пускаясь в развернутые рассуждения. Эти комментарии можно условно разделить на два типа. В первом случае информанты объясняли, что то или иное слово «по-румейски будет точно так же, как и по-русски». По всей видимости, именно эти слова можно считать вошедшими в ЯСД из русского. Комментарии другого типа содержат сетования по поводу того, что язык забывается: «Вот мы, греки, сами своего языка не знаем». Сходные рассуждения часто фиксировались в начале интервью с информантами, непосредственно после того, как исследователи объявляли о целях своего посещения. Часто такого рода сетования содержат упоминания о хорошем знании языка родителями:

⁸ В некоторых случаях перевод предложения превращался в очень долгий и мучительный подбор каждого нужного слова.

⁹ В пользу последнего утверждения свидетельствует тот факт, что информанты приводят в пример некоторые слова, русские по происхождению, говоря об отличиях ЯСД от других субдиалектов. Пример из полевого интервью: Инф.: «Малоянисоль немножечко сходится с нашим, кой-какие слова». Соб.: «А чем?». Инф.: «Ну, у них другой язык. У нас говорят „деньги“ — у них говорят *çimüſ*». **Прим. ред.:** *çimüſ* — это не румейское слово, а заимствование из урумского языка: *çimîſ*. Оно не встречается в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

atú t[u] sp'it' jen' parakatótur, *чем aftó t[u] al[u?]* (. . .).¹⁰ Вот, например, больше по-русски разговариваем, даже вон мы вдвоем с дедом, у нас детей нет, мы. . . нет-нет по-русски разговариваем, так вон по все по-русски разговариваем. Греческий язык, у нас родители ушли и греческий язык унесли с собой. Был бы сейчас бы мой отец, он бы такие слова сказал. . . объяснил, что вы бы, моя девочка. . .

Русские прилагательные, используемые информантами в румейских предложениях, ставятся в ед.ч. м.р.: mis¹¹ *правый* t[u] šer' 'правой рукой'; xurtár¹² jen' *зеленый* 'трава зеленая'.¹³

Прилагательные, заимствованные из русского языка, не включались в словарь прилагательных, поскольку иначе в связи с каждой заменой пришлось бы принимать решение относительно общепринятости или окказиональности словопотребления. В некоторых случаях можно с определенной долей уверенности говорить о завершившемся заимствовании — например, достаточно устойчиво употребление русских прилагательных для цветообозначения. Однако в большинстве случаев граница между заимствованием и окказиональным употреблением будет размытой. Проблема осложняется и тем, что объем и состав сохранного румейского словаря варьируется от носителя к носителю, и, соответственно, разные носители будут использовать разные русские слова.

Существуют и другие способы возмещения «словарного дефицита». Так, вместо спрашиваемого румейского слова информанты могут использовать какое-то другое румейское слово, как правило, более частотное.¹⁴ Если речь идет о переводе целой фразы, информант может использовать синтаксическую конструкцию, отличную от русской, заменив интересующее собирателя слово на слово, относящееся к другой части речи.

Так, например, слова *верхний* и *жаркий*, входившие в исходный список прилагательных, не были зафиксированы ни разу, и, по всей видимости, они отсутствуют в ЯСД.¹⁵ При переводе предложений с русского языка информантам приходилось каким-то образом компенсировать отсутствие в их лексиконе этих слов.¹⁶

Ниже приводятся примеры наиболее стандартных диалогов с информантами:¹⁷

(9.1) Соб.: А как сказать: *яблоки остались только на верхних ветках?*

Инф.: ta-míla rémnaп psilá pas t[u] utéja¹⁸

Соб.: (. . .) Это значит — *высоко на ветках?*

Инф.: Да.

¹⁰ 'Этот дом хуже, чем тот другой' (перевод ред.).

¹¹ Прим. ред.: предлог не зафиксирован в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

¹² Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 455] дает для ЯСД также форму *xurtár*.

¹³ Интеграция слов других частей речи в грамматическую систему несколько сильнее; подробнее см. Главу 6 (с. 134).

¹⁴ Подробнее см. с. 212 и сл.

¹⁵ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 301] русскому прилагательному *жаркий* дается эквивалент из ЯСД *zistós*.

¹⁶ Предпринимались также попытки спрашивать эти лексемы отдельно без употребления этого слова в контексте предложения, однако эти попытки не дали позитивного результат: информанты либо не давали ответа, либо просили уточнить контекст (что именно «верхнее» или «жаркое» имеется в виду).

¹⁷ Аналогичные конструкции были получены от нескольких разных носителей ЯСД.

¹⁸ Прим. ред.: букв. 'высоко на иве'; см. также Приложение 3.5., с. 422, сн. 11.

Соб.: Нет, а как сказать — *на верхних ветках?*

Инф: psiló, pas psiló *ветка*¹⁹

(9.2) Соб.: Как будет: *сегодня особенно жаркий день?*

Инф.: símur jen' pulá *жара*

В примере (9.1) информант перестраивает фразу таким образом, чтобы избежать употребления прилагательного, выразив его значение частотным наречием. Использование употребительного прилагательного psiló(s) в значении 'верхний' (*там же*) следует, скорее всего, рассматривать как вынужденное и окказиональное.

Пример (9.2) также заслуживает внимания. Румейская фраза дословно означает 'сегодня сильная жара'. В данном случае информант изменяет высказывание так, чтобы выразить значение требуемого прилагательного с помощью заимствованного русского существительного *жара*. По всей видимости, оно уже не осознается как «чужое» для румейского языка слово и естественно воспринимается в румейском предложении. Можно предположить, что если бы в данном случае имело место окказиональное заимствование, то, скорее всего, использовалось бы русское прилагательное, а не существительное.

Можно выделить четыре способа реакции информантов на отсутствие в их лексиконе слова, которое необходимо использовать в данный момент: а) отказ произносить требуемое слово, б) замена на соответствующий русский эквивалент, в) замена на более частотное румейское слово и г) изменение грамматической конструкции с выражением соответствующего значения словом, относящимся к другой части речи. В последнем случае о неточностях в переводе русской фразы часто можно было судить по обратному переводу, который делался самими информантами (т.н. *автопереводу*), и тогда уточнение перевода происходит с помощью дополнительных вопросов.

То, как информанты переводят на русский только что произнесенные ими самими румейские предложения, позволяет выявить и другие виды несовпадений с исходным русским стимулом. Так, при переводе на румейский могут опускаться отдельные лексемы — в особенности наречия и частицы, — меняться время или лицо глагола. Наконец, возможен случай, когда информант произносит фразу, вообще не являющуюся переводом фразы-стимула, но описывающую сходную ситуацию.

9.3 Основные принципы организации словаря

При составлении словаря всем лексемам-прилагательным были присвоены русские соответствия. В качестве русского варианта могли выбираться как те русские лексемы, которые использовались в качестве стимулов, так и переводы, даваемые самими информантами (автоперевод). В том случае, если одно русское слово соответствовало нескольким румейским, оно отмечалось в качестве отдельной единицы.²⁰ Если же одно румейское слово соответствовало нескольким

¹⁹ Прим. ред.: букв. 'высокая, на высокой ветке'.

²⁰ См. с. 214 и сл.

русским, то каждое русское слово фиксировалось как отдельное значение румейского слова. Все они также записывались в словарь как отдельные единицы, каждое из значений под отдельным номером (kaló²¹ 1, kaló 2 и т. д.).

Следует еще раз оговориться, что соответствия между словами и предложениями, предлагаемыми информантам для перевода, равно как и соответствия между записанной румейской фразой или словом и ее автопереводом не являются до конца надежными источниками для выведения значений румейских слов.

Таким образом, те переводы, которые приводятся в качестве значений прилагательных в Приложении 3.2. (с. 413), не могут считаться полноценным лексикографическим описанием. Тем не менее, был выбран именно такой принцип составления словаря, поскольку он наиболее объективно отражает характер полых интервью и, вероятно, более адекватен ощущению носителей языка относительно соответствий между румейскими и русскими словами.

9.4 Отмеченные случаи полисемии

Как уже отмечалось, многие информанты склонны использовать вместо неизвестных им слов другие, более частотные слова. Это привело к тому, что четырем особенно частотным словам было приписано по несколько значений. Среди них, в частности, встретились три прилагательных, обозначающих размер:

- (9.3) makr'í²² 1 'длинный'
 makr'í 2 'высокий' (о дереве)
 makr'í 3 'широкий'

- (9.4) xudró²³ 1 'большой'
 xudró 2 'высокий'
 xudró 3 'полный, толстый'
 xudró 4 'тяжелый'

- (9.5) m'ikró²⁴ 1 'маленький'
 m'ikró 2 'низкий' (о дереве)
 m'ikró 3 'младший'

Практически все не первые значения, обозначенные в словаре, фиксировались в ситуации, когда информант не мог вспомнить другого, менее частотного слова, которое присутствует в ЯСД и было зафиксировано также и у других информантов.²⁵

²¹ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 91, 295] для всех субдиалектов дается сигматическая форма м. р. *калбс*, а также указываются ж. р. *калй* и ср. р. *калб*, однако, как показывает опыт экспедиционной работы, прилагательные в форме м. и ж. р. практически не встречаются; см. также с. 219 и сл.

²² **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 124, 295] приводит для ЯСД вариант *макринёшик*, трактуя *макрёс* (*макрёса*, *макрёй*) как БСД и МСД.

²³ **Прим. ред.:** прилагательное отсутствует в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

²⁴ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 131, 342] дает для всех субдиалектов сигматическую форму м. р. *микрбс*, а также указываются ж. р. *микрий* и ср. р. *микрб*; см. также сн. 21.

²⁵ См. с. 213 и сл.

Аналогичная ситуация наблюдается и с дополнительными значениями прилагательного *kaló*²⁶ ‘хороший’.

- (9.6) *kaló* 1 ‘хороший’
kaló 2 ‘красивый’
kaló 3 ‘добрый’

Информанты употребляли это прилагательное для обозначения любой положительной характеристики человека, животного или предмета.

Таким образом, использованная в словаре информация отражает скорее упомянутую выше способность некоторых высокочастотных слов выступать в качестве заменителей лексических единиц, неизвестных информанту, нежели полисемию в общепринятом значении этого термина.

Ниже приведен пример переводов на румейский язык одного и того же предложения, записанного от двух разных информантов:

- (9.7) Соб.: *Это дерево выше*, чем то
 Инф1: Tút[u] utéja²⁷ jen' **xudrótur**²⁸ ax²⁹ aftó
 Инф2: Tút[u] utéja jen' **psilótur** *чем* aftó

Существуют, однако, прилагательные, для которых употребление термина ‘полисемия’ более обосновано. Так, самостоятельными являются не первые значения слов *méya*³⁰ (первое значение ‘большой’, второе — ‘старший’) и *m'ikró*³¹ (первое значение ‘маленький’, третье — ‘младший’). Русские слова *старший* и *младший* переводятся на румейский язык только этими словами или словами с этими корнями, поскольку иногда употребляются также формы компаратива от *méya* и *m'ikró*. В значении ‘старший’ используется также образованное от *méya* прилагательное *m'eúalo*,³² известное ограниченному числу информантов и не имеющее другого значения.³³

9.5 Отмеченные случаи синонимии

Ниже перечислены румейские прилагательные, которым в экспедиционных записях соответствует один русский эквивалент:

²⁶ См. сн. 21.

²⁷ **Прим. ред.:** букв. ‘ива/верба’.

²⁸ См. пример (9.4); об образовании сравнительной степени см. с. 221 и сл.

²⁹ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 36] предлог *ax* фиксируется только для ССД и АСД.

³⁰ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 130, 261, 265] для ЯСД дает форму *mégasy*.

³¹ См. пример (9.5) и сн. 24.

³² **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 129, 261] приведена лишь форма для ССД: *mégalus*, *mégaly*, *mégaly*.

³³ Интересно также обратить внимание на развитие второго значения у указательного местоимения *als* ‘другой’. Среди экспедиционных записей есть достаточно много примеров того, как это местоимение употребляется в сочетании с существительными, называющими различные периоды времени; в этом случае оно имеет значение ‘прошлый’, реже — ‘будущий’: *t[u] ál'[u] t[u] furá* ‘в прошлый раз’ (**прим. ред.:** *furá* не зафиксировано в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006]), *t[u] ál'[u] t[u] xron* ‘в прошлом году’; **прим. ред.:** ср. с НГР, где местоимение *άλλος* связано с выражением будущего: *την άλλη βδομάδα* ‘на следующей неделе’.

- (9.8) *xudró*,³⁴ *méya*³⁵ ‘большой’
 (9.9) *ómurf*,³⁶ *murfútsik*,³⁷ *kaló*³⁸ ‘красивый’
 (9.10) *pal'éj*,³⁹ *jiród'ik*⁴⁰ ‘старый’
 (9.11) *parakát*,⁴¹ *xalam'énu*,⁴² *θilós* ‘плохой’
 (9.12) *jumá*,⁴³ *xudró* ‘полный’
 (9.13) *sapmén*,⁴⁴ *vurm'ár*⁴⁵ ‘гнилой’
 (9.14) *spastirkó*,⁴⁶ *t'em'íz*⁴⁷ ‘чистый’
 (9.15) *áγur*,⁴⁸ *áspro*,⁴⁹ *xluró*⁵⁰ ‘зеленый’
 (9.16) *kudó*,⁵¹ *kudútsik*⁵² ‘короткий’
 (9.17) *m'ikró*,⁵³ *m'ikrútsik*⁵⁴ ‘маленький’
 (9.18) *mávur*, *mavrútsik*⁵⁵ ‘черный’
 (9.19) *aranó*, *aranútsik*⁵⁶ ‘мелкий’
 (9.20) *ftixó*, *ftixútsik* ‘худой’; *ftinútsik*⁵⁷ ‘тонкий’
 (9.21) *méya*, *meýálo* ‘старший’

³⁴ См. сн. 23.

³⁵ См. сн. 30.

³⁶ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 142] приводит форму м. р. *ómurfcs*, указывая, что она встречается во всех субдиалектах, кроме ЯСД.

³⁷ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 137] для ЯСД дается вариант *мурфүцикс* (м. р.); это прилагательное однокорневое с *ómurf*.

³⁸ См. сн. 21.

³⁹ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 144] указывает для ЯСД м. р. *paléjcs*.

⁴⁰ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 88] для ЯСД фиксируется вариант *йиродсь* (м. р.).

⁴¹ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 146] дает для ЯСД м. р. *паракáтс*.

⁴² **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 215] приводит для ЯСД форму м. р. *халамéнс*.

⁴³ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 251] для ЯСД указан м. р. *юмáтс*.

⁴⁴ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 168] дает для ЯСД м. р. *сапмéннс*.

⁴⁵ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 272] приводит для ЯСД м. р. *вромъярс*, букв. ‘вонючий’.

⁴⁶ **Прим. ред.:** прилагательное отсутствует в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

⁴⁷ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 195] для ЯСД указывает вариант *тымíзикс* (м. р.).

⁴⁸ **Прим. ред.:** для ЯСД в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 295] указывается м. р. *áγурсь*, букв. ‘дикий’.

⁴⁹ **Прим. ред.:** соответствующей формы для ЯСД в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006] не обнаружено, букв. ‘белый’.

⁵⁰ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006] словоформу обнаружить не удалось.

⁵¹ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 108] приводит м. р. *кудбс*.

⁵² **Прим. ред.:** ласк. от *kudó*.

⁵³ См. сн. 24.

⁵⁴ **Прим. ред.:** ласк. от *m'ikó*.

⁵⁵ **Прим. ред.:** ласк. от *mávur*.

⁵⁶ **Прим. ред.:** ласк. *aranó*.

⁵⁷ **Прим. ред.:** ласк. от *ftixó*.

(9.22) xam'ilútsik, m'ikró 'низкий' (о дереве)

(9.23) var'í, xudró 'тяжелый'

(9.24) psiló, xudró, makr'í 'высокий' (о дереве)

(9.25) saxíx,⁵⁸ platí, makr'í 'широкий'

После того как относительно какой-то пары слов фиксировалось, что они имеют эквивалентный перевод, участники экспедиции пытались выяснить у информантов, чем синонимы каждой из пар отличаются между собой. После записи предложения или словосочетания с одним из этих прилагательных, задавался вопрос, возможна ли такая же конструкция с другим прилагательным. В некоторых случаях носители языка могли объяснить разницу, однако гораздо чаще оказывалось, что информант хорошо знает значение только того прилагательного, которое он произнес сам. Ему может быть известно, что другое, синонимичное слово существует, однако, если он пытается рассуждать об их разнице, то начинает путаться. Ниже приводится типичный фрагмент беседы с информантом про разницу в значениях пары прилагательных из примера (9.21):

(9.26) **Стимул:** *Мой старший сын всегда покупает хорошие яблоки*

Инф1: *старший*. . . ðikó-m méya t[u] riði. . . irév' n[a] yorás' míla. . . *хочет купить яблоки, так?*

Соб.: А нельзя сказать meýalo-m t[u] riði? meýalo?

Инф2: meýalo? *Большие*. Это *большие*.

Инф1: meýalo riði, это meýalo riði na. . . , по-нашему — méya t[u] riði. . . méya t[u] riði. А уже. . . ваши как-то ударения, значит это получается по. . . по. . .

Инф2: méya t[u] — это у нас как на человека говоришь, а когда meýalo, то это *много*.

Инф1: То их много, meýalo — это *много*. . . Да. У нас понимаешь, если один сын [это] méya t[u] riði. meýalo riði — значит *много* t[a] riða, *много*. . . *много детей* значит, *много сыно*[вей]. . . *много детей*.

Соб.: meýala riða — значит *много детей*?

Инф1: Это *много детей*, meýala riða. Не, meýalo riði, не, pulá riða. Это pulá riða, это pulá — *много детей*, а meýalo riði — это méya riði (. . .) ну у нас méya riði говорят. Ну, напиши meýalo riði, мне все равно.

Тем не менее, как уже было сказано, в некоторых случаях информанты были способны объяснить разницу между синонимами.

Так, разница между синонимами из примера (9.8), а также между первым и вторым словом из (9.9) может трактоваться как стилистическая. Относительно прилагательных xudró и méya информанты говорили, что они имеют одно и то же значение, однако второе, по утверждению одного из информантов, «более литературно» (sic!). Прилагательное ómurf, в отличие от murfútsik, фиксировалось

⁵⁸ **Прим. ред.:** не обнаружено в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

достаточно редко и некоторыми информантами характеризовалось как «греческое» (речь идет о НГР, который воспринимается носителями ЯСД как более «высокий» языковой вариант). Иногда утверждалось, что это слово не может употребляться с некоторыми существительными. Разные информанты высказывали различные мнения о том, с какими именно существительными слово *óturf* употребляется или не употребляется; иногда утверждалось, что так нельзя сказать про мужчину, а можно только про женщину; иногда — что оно употребляется только с существительными, обозначающими взрослых людей, но не детей, животных, предметы. При этом, однако, другие информанты использовали слово *óturf* во всех этих контекстах.⁵⁹

Различия между синонимами в примерах (9.10–9.12) заключаются в оттенках значений и в том, что они употребляются с разными существительными. Так, в (9.10) прилагательное *ral'ej* используется только в сочетании с существительными, обозначающими предметы (антоним *t'inúrij* — ‘новый’), а *jiród'ik* — с существительными, обозначающими людей (антоним *jásik* — ‘молодой’). Чем различаются синонимы в (9.13), (9.14) и (9.21), так и осталось невыясненным, поскольку для них не было записано достаточного количества контекстов.

Относительно (9.15) следует заметить, что первый и второй варианты слова ‘зеленый’ были записаны от информантов, не являющихся уроженцами пос. Ялта (слово *áur* — от человека, родившегося в г. Мариуполе; слово *ásrro* — от уроженца с. Урзуф⁶⁰). Третье слово, безусловно, является частью ЯСД, однако оно имеет другое значение: ‘неспелый’. Слово ‘зеленый’, которое обозначало бы цвет и использовалось бы в ЯСД, не было зафиксировано. Вместо него используется соответствующее русское слово.

Достаточно любопытный случай представляют собой синонимы в (9.16–9.19). Во всех этих случаях второе слово образовано от первого по распространенной словообразовательной модели путем прибавления уменьшительного суффикса *-tsik*. По всей видимости, некоторые слова с этим суффиксом утрачивают свое уменьшительное значение, поскольку при автопереводе информанты во многих случаях не передают уменьшительности. Последнее обстоятельство можно объяснить и несколько иначе: замена существительных на соответствующие уменьшительные формы, является нормой (они очень частотны), тогда как частотность употребления уменьшительных прилагательных значительно ниже. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что информанты не стремятся обязательно отразить уменьшительно-ласкательный суффикс при переводе.

По всей вероятности, первые два слова из (9.9) также демонстрируют действие словообразовательной модели с суффиксом *-tsik*. В отличие от прилагательных, обсуждаемых выше, которые могут свободно заменять соответствующие неуменьшительные и практически эквивалентны им, прилагательное *turfútsik*, по всей видимости, образовалось на более раннем этапе развития (суб)диалекта и разошлось по значению со своим производящим словом. Оно успело подвергнуться некоторым фонетическим изменениям и закрепиться в словаре, практически вытеснив из употребления слово *óturf* (ср. также с (9.20)). По всей видимо-

⁵⁹ См. Приложение 3.5. (с. 416).

⁶⁰ **Прим. ред.:** скорее всего, *ásrro* употребляется и в с. Ялта, если говорящий достаточно хорошо владеет субдиалектом, поскольку различия между ЯлСД и УСД (особенно на лексическом уровне) незначительны, что и позволяет традиционно объединять их в ЯСД.

сти, сходный процесс произошел с другими зафиксированными прилагательными: *sprútsik* — ‘белый’, *lafrútsik* — ‘легкий’, *stinútsik* — ‘узкий’, *хам’ílútsik* — ‘низкий’. В этих словах выделяется тот же самый уменьшительный суффикс, однако в (суб)диалекте на современном этапе его развития отсутствует производящее слово. Интересно, слова ‘белый’ и ‘низкий’ зафиксированы в [ХАРТАХАЙ 1859], причем слово ‘белый’ имеет уменьшительный суффикс, а слово ‘низкий’ — нет.⁶¹

Следует отметить, что словообразовательная модель с суффиксом *-tsik* является очень продуктивной, и далеко не все слова, содержащие его, утрачивают свое уменьшительное значение. Это справедливо лишь в отношении некоторых прилагательных.⁶²

Наконец, в (9.22–9.25) отражено явление расширения значения высокочастотных прилагательных, о чем шла речь в разделе 9.4 (с. 212). Для четырех русских прилагательных записаны менее частотные румейские переводы, которые имеют более специфическое значение. В (9.24) таким прилагательным является слово *psiló* ‘высокий’, которое часто заменяется нашими информантами либо словом *xudró*, имеющим первое значение ‘большой’, либо словом *макр’í*, имеющим первое значение ‘длинный’. В (9.25) как первое (*saxúx*), так второе (*platí*) слово имеют в качестве основного значение ‘широкий’. Таким образом, эти слова являются «настоящими» синонимами, в то время как третье слово из этой группы — то же самое слово *макр’í*, у которого наблюдается расширение исходного значения.

Интересно, что первые слова из (9.21–9.24) имеют соответствия в [ХАРТАХАЙ 1859],⁶³ и во всех трех случаях значение, зафиксированное Ф. А. Хартахаем в середине позапрошлого века, совпадает с экспедиционными записями. Кроме того, два слова из тех четырех, которые, как отмечалось, расширяют свое значение при необходимости возместить незнание других слов, также имеют в нем соответствия. Это слова *xudró* и *макр’í*. Что вполне закономерно: в XIX в. они были зафиксированы только в одном значении — в том, которое в наших записях обозначено как первое и основное.

9.6 Образование наречий от прилагательных

В предыдущем разделе говорилось об одной из продуктивных словообразовательных моделей, зафиксированных ЯСД. Другой такой моделью, по всей видимости, является образование от прилагательных наречий образа действия. Имеющиеся экспедиционные записи не позволяют утверждать это с абсолютной уверенностью, поскольку во время экспедиции было записано лишь несколько таких наречий. Однако в пользу этого говорит тот факт, что во время записи практически не было случаев отказов переводить требуемые лексемы.

Ниже приведены записанные наречия (в скобках приводятся прилагательные, от которых они образованы):

(9.27) *čál’ka* ‘быстро’ (*čál’t’ik* ‘быстрый’)

(9.28) *kalá* ‘хорошо’ (*kaló* ‘хороший’)

⁶¹ См. Приложение 3.1. (с. 412).

⁶² См. Приложение 3.2. (с. 413).

⁶³ См. Приложение 3.3. (с. 414)

- (9.29) krijes ‘холодно’ (krij(s), kri ‘холодный’)
 (9.30) makrá ‘далеко’ (makr’í ‘длинный’)
 (9.31) murfúts’ka ‘красиво’ (murfútsik ‘красивый’)
 (9.32) parakáta ‘плохо’ (parakát ‘плохой’)
 (9.33) pulá ‘очень’ (pulá, pulí ‘многие’)

Прилагательное pulá (Pl. t.) омонимично образованному от него наречию, и отличить одно от другого в предложении возможно с опорой на синтаксические признаки (не во всех случаях можно полагаться на соответствие между исходным русским предложением и его румейским переводом, равно как и на автоперевод). Эта словоформа может считаться прилагательным только в том случае, если она является определением к существительному, стоящему в мн. ч. (атрибутивная конструкция), или сказуемым в предложении, где подлежащим является существительное во мн. ч. (предикативная конструкция). Вместе с тем, чтобы признать данную словоформу наречием, необходимо, чтобы в предложении присутствовало прилагательное или другое наречие, к которому оно могло бы относиться:

- (9.34) ščilí jen’ pulá apsó
 ‘Собака очень злая’
 (9.35) aftós jen’ pulá ðinatós
 ‘Он очень сильный’
 (9.36) ta spít’a jen’ pulá kalá
 ‘Дома очень хорошие’
 (9.37) mikrútsik aftós jídun pulá ftixó piðíts
 ‘В детстве он был очень худым мальчиком’
 (9.38) ʏo p’íra pulá kartópla ax t[u] bába-m
 ‘Я взял много картошки у своего отца’
 (9.39) mis tút[u] xóra jen’ pulá kalá spit’á
 ‘В нашей деревне много красивых домов’ или
 ‘В нашей деревне очень красивые дома’

В примерах (9.34–9.37) pulá может трактоваться только как наречие, поскольку ни в одном из этих предложений нет существительного во мн. ч., от которого оно могло бы зависеть, зато в каждом присутствует прилагательное, к которому оно относится; в (9.38) pulá, напротив, может быть только прилагательным; а (9.39) может быть истолкован двояко.⁶⁴

⁶⁴ Данное румейское предложение было записано как перевод русского стимула, совпадающего с первым из приведенных вариантов.

9.7 Материалы из [ХАРТАХАЙ 1859] и ЯСД

Сравнение составленного в ходе экспедиции словаря объемом 89 лексем и [ХАРТАХАЙ 1859] (96 ед.) показало, что у них совпадает двадцать одна лексема. Процент совпадения, как видно, достаточно невелик. Это обстоятельству можно предложить два объяснения. Так, если справедливо предположение Т. Н. Чернышевой о том, что Ф. А. Хартахай делал свои записи в различных румейских селах и что в его словаре собраны лексеммы из различных субдиалектов [ЧЕРНЫШЕВА 1959: 114], то неудивительно, что большое количество лексем в словарях не совпадают.⁶⁵

Некоторые несовпадения носят чисто фонетический характер, другие свидетельствуют о разном соотношении прилагательных с суффиксом *-tsik* и без него на разных этапах развития ЯСД. Кроме того, некоторые различия между фонетическими репрезентациями форм могут получить любопытное толкование в связи с полученными в результате экспедиции сведениями о морфологической категории рода.

9.8 Морфологические категории имени прилагательного

В данном разделе рассматриваются морфологические категории имени прилагательного, которые удалось обнаружить в процессе обработки собранных материалов. Это, прежде всего, категории **рода** и **числа**, которые проявляются в согласовании прилагательного с существительным.

9.8.1 Категория рода

Грамматический род, присущий тому или иному существительному, проявляется в формах имени прилагательного. Таким образом, информация о том, с какими формами прилагательного согласуется существительное, позволяет отнести его к одному из родов. Анализ сделанных записей показал, что абсолютное большинство существительных относится к ср. р.⁶⁶

Формы м. и ж. р. у прилагательных встречаются в сочетании с очень ограниченным числом существительных. Однако существительные эти принадлежат к числу наиболее частотных. Поскольку существительных, при которых могут стоять формы прилагательных м. или ж. р., сравнительно немного, было трудно составлять предложения для перевода. Для большинства прилагательных оказалось невозможным подобрать контекст, в котором они сочетались бы с существительными м. и ж. р. С подбором контекстов для записи форм ср. р. ситуация была несколько проще: даже если обследовалось прилагательное, которое не может сочетаться с названиями неодушевленных предметов ('умный', 'худой' и др.), было возможно составить предложение, в котором оно сочеталось бы с названиями животных или детей.

Как уже говорилось выше, помимо записи предложений и словосочетаний, также производилась запись отдельных слов. Переводя отдельные слова, информанты вынуждены были выбирать одну из форм прилагательного — притом, что

⁶⁵ Совпадающие лексеммы приведены в Приложении 3.3. (с. 414).

⁶⁶ Подробнее о категории рода см. Главу 8, с. 197 и сл.

в качестве стимула использовались русские прилагательные в м.р. ед.ч. Как правило, это была форма ср.р., что свидетельствует о том, что именно она воспринимается носителями языка как нейтральная, «словарная». Однако были и исключения: так, для прилагательного ‘умный’ для всех опрошенных информантов нейтральной является форма м.р. *ṽnostikós*.

Интересно, что в [ХАРТАХАЙ 1859] большинство прилагательных записано в форме м.р. с окончанием *-ус*, но есть и некоторое количество форм ср.р., заканчивающихся на *-у*. В случае записи формы ср.р. Ф. А. Хартахай пытался передать ее значение при переводе:

(9.40) *гальчѣцку* ‘сладкое, сладенькое’

(9.41) *кинѹрьу* ‘новое’

(9.42) *тимѣцку* ‘чистое’

(9.43) *тѣткус, тѣтку* ‘такой, такое’

Тот факт, что формы м.р. в [ХАРТАХАЙ 1859] явно преобладают, по всей видимости, свидетельствует о том, что в середине XIX в. категория рода была гораздо более развитой, чем она является на данном этапе развития ЯСД.

Зафиксированные формы м. и ж.р. представлены в Приложении 3.4. (с. 415) Как можно увидеть, прилагательные *kaló* и *xudgó* имеют две формы ж.р., однако не удалось выявить каких-либо факторов, которые определяли бы выбор формы. Предположение о том, что условием для различения этих форм является синтаксическая конструкция — атрибутивная или предикативная, — не подтвердилось.

Таким образом, на основании анализа примеров и контекстов их употребления, можно сказать, что прилагательные используются в особой форме м. или ж.р. лишь в очень ограниченном количестве случаев: в сочетании с существительными, обозначающими лиц женского и мужского пола. В сочетании с остальными существительными (т.е. в гораздо более широком круге контекстов) прилагательные используются в нейтральной форме, условно называемой здесь формой ср.р.

9.8.2 Категория числа

Подбор контекстов для записи форм мн.ч. был гораздо менее проблематичным, нежели для форм рода — как правило, использование числа совпадало с его распределением в русских предложениях, даваемых для перевода. Единственное отличие заключалось в том, что некоторые существительные, например *staf’íl’* ‘виноград’, в ЯСД чаще всего используются в мн.ч.

Два из записанных прилагательных — ‘хороший’ и ‘многие’ — имеют по две формы мн.ч., одна из которых используется в сочетании с существительными ср.р., а другая — с существительными м. и ж.р.:

(9.44) *kalá míla*

‘Хорошие яблоки’

(9.45) *kalí kózim'*

'Хорошие люди'

(9.46) *pulá pilistéra*

'Много голубей'

(9.47) *pulí á[n]dri murfúts'ik*

'Много красивых мужчин'

Таблица 9.1. Образование мн. ч. у прилагательных.

тип	ед. ч.	мн. ч.	тип основы
1	<i>lir-ó</i>	<i>lir-á</i>	-o
2	<i>mávrur</i>	<i>mávr-a</i>	C
3	<i>pal'éj</i>	<i>paléj-ja</i>	-j
4	<i>makr'-f</i>	<i>makr'-éjja</i>	-i
5	<i>murfútsik</i>	<i>murfúts'k-a</i>	-ik

Слово *kózim'* 'люди' проявляет некоторую непоследовательность в сочетании с прилагательными: иногда с ним согласуется форма прилагательного мн. ч. м./ж. р., а иногда — ед. ч. ср. р.⁶⁷

Как свидетельствуют экспедиционные записи, существует пять типов морфологических основ имен прилагательных, от которых по-разному образуется форма мн. ч. (см. табл. 9.1).

В последний, 5 класс, входят все прилагательные с суффиксом *-tsik*, как уменьшительные, так и не имеющие уменьшительного значения.

9.9 Образование и употребление форм компаратива и суперлатива

В ходе экспедиции удалось записать формы компаратива для двенадцати прилагательных. Этого материала недостаточно для того, чтобы описать грамматическую подсистему компаратива, однако возможно сформулировать некоторые предварительные выводы.

В ЯСД фиксируются формы синтетического компаратива, которые образуются с помощью аффикса *-tur*, которому предшествует гласный: прилагательные с 1 или 2 типами основы — гласный *-o-* или *-i-*; 3 или 4 тип основы — гласный *-e-*. Исключение составляет прилагательное *kaló*, которое имеет форму *kalítur*. Прилагательные 5 класса с уменьшительным суффиксом не имеют собственной формы компаратива; в случае необходимости используется форма, образованная от соответствующего прилагательного без такого суффикса даже в тех случаях, когда для данного корня зафиксировано только прилагательное с уменьшительным суффиксом.

В компаративе имеются разные формы для всех трех родов обоих чисел. Они проявляются в сочетании с теми же существительными, что и формы положительной степени:

(9.48) ср. р. ед. ч.: *kalítur, xudrótur, makrétur, meyalótur*

⁶⁷ Зафиксированные формы мн. ч. представлены в Приложении 3.4., с. 415.

(9.49) м. р. ед. ч.: *xudróturs, ýnostikóturs, meyalóturs*

(9.50) ж. р. ед. ч.: *ýnostikótursa, meyalótursa*

(9.51) мн. ч.: *makrétra, kalítra*

Формы компаратива употребляются в конструкции с союзом *ax*, который, впрочем, в речи многих информантов вытеснен соответствующим русским союзом *чем*:

(9.52) *kóçun' spit' jen' murfútur ax t[u] sprutsik*

‘Красный дом красивее, чем белый’

(9.53) *atút[u]s áþraps jen' ýnostikóturs чем aftós*

‘Этот человек умнее, чем тот’

Было также зафиксировано употребление конструкции с аналитической формой суперлатива, которая состоит из формы компаратива и частицы *lon*.⁶⁸

(9.54) *atút[u] jen' lon makr'étur maخالá [mis xóra]*

‘Это самый длинный квартал [в селе]’

(9.55) *aftú t[u] spit' jen' lon xudrótur pas⁶⁹ ðikó-mas t[u] maخالá*

‘Этот дом самый большой в нашем квартале’

⁶⁸ См. также [Чернышева 1958: 13].

⁶⁹ **Прим. ред.:** произносится с озвончением: *pas ðikó-mas*.

Глава 10

– Морфология глагола в румейском языке

10.1 Вводные замечания

В этой главе представлены материалы четырех экспедиций филологического факультета СПбГУ, состоявшихся на территории Донецкой обл. в 2001–2004 гг.¹ Летом 2001 г. были собраны материалы по субдиалектам сел Ялта и Урзуф Первомайского (Першотравневого) р-на (ЯСД);² летом 2002 г. — по субдиалектам сел Малоянисоль (бывш. Куйбышево/Харахла = МСД),³ Кременёвка (бывш. Чердакли = ЧСД⁴), Труженка и Катериновка Володарского р-на (все они относятся к МСД) и с. Красная Поляна (бывш. Новая Каракуба Великоновоселковского р-на = НкСД); летом 2003 г. — по субдиалектам сел Малоянисоль и Сартана (бывш. Приморское = ССД), Великой Новоселки (иначе Большая Новоселка, бывш. Большой Янисоль = БСД), летом 2004 г. — по субдиалектам сел Малоянисоль, Красная Поляна, Ялта, а также Бугас и Анадоль Волновахского р-на (БгСД и АСД соответственно). Материал по глагольной системе разных субдиалектов представлен неравномерно. Наибольшее количество данных имеется по субдиалекту с. Малоянисоль. Поэтому, когда речь идет об общих особенностях субдиалектов румейского языка, по умолчанию приводятся примеры именно из МСД. Во всех прочих случаях указывается источник.⁵

Необходимо кратко сказать об особенностях записи румейских словоформ. Для ЯСД, НкСД, АСД, имеющих регулярную фонологическую корреляцию твердых и палатализованных согласных, палатализация отображается регулярно во всех случаях. В примерах из ССД, НкСД, БгСД отображаются палатальные t' , d' .⁶

По умолчанию румейские глаголы приводятся в имперф. форме непрощ. вр. 1 л. ед. ч., перевод на русский дается в инфинитиве или в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. В случае необходимости в скобках приводится вспомогательная форма непрощ. вр. 3 л. ед. ч. (если не указано иное).

¹ О них см. Главу 2, с. 65.

² **Прим. ред.:** в этой главе специально различаются субдиалекты сел Ялта (ЯлСД) и Урзуф (УСД), относимые в остальных главах к одному субдиалекту (ЯСД); о субдиалектах румейского языка см. «Предисловие», с. 13.

³ См. Приложение 1.1. (с. 404).

⁴ **Прим. ред.:** в остальных главах ЧСД особо не выделяется и включается в МСД.

⁵ Помимо собственно экспедиционных данных, в главе используется языковой материал из следующих печатных источников: 1. [СЕРГИЕВСКИЙ 1934] (=Cr) — информация по ССД, МСД, МкСД, БСД; 2. [ЧЕРНЫШЕВА 1958] (=Ч) — информация по ЯСД; 3. [БЕЛЕЦКИЙ 1959] (=Бел) — информация по субдиалектам сел Малоянисоль и Чердакли (МСД); 4. [ХОРОШ 1998] (=Хш) — сведения по БСД, в основном, художественные тексты. Языковые примеры из данных работ, за исключением отдельных случаев, даются в латинской транскрипции.

⁶ В табл. 10.54 (с. 341) записываются как t' , d' , в отличие от палатализованных t' , d' в других субдиалектах.

Настоящая глава не охватывает весь массив румейских субдиалектов, но к настоящему моменту получен материал, по крайней мере, по одному из субдиалектов, представляющих каждую из выделяемых исследователями пяти основных субдиалектных групп, а также по субдиалекту с. Анадоль, стоящему особняком.

В задачи этой главы входит описание как основных грамматических (а также некоторых лексических и морфонологических) изоглосс, характеризующих глагольные системы обследованных субдиалектов румейского языка, так и варьирования близкородственных языковых систем по некоторым общим для них параметрам, касающимся устройства глагольной системы и ее частных подструктур.

Как известно, НГР является классическим флективным языком. Понятие **словоизменительной парадигмы**, причем такой, где словоформа делится именно на две части — изменяемую и неизменяемую, как раз и возникло в процессе описания греческого языка. Прототипическая словоформа в языках флективного строя отчетливо поляризована — она начинается с основы и заканчивается окончанием. Однако фузионные процессы внутри словоформы, обусловленные тенденцией к большему укреплению ее внутренней интегрированности, часто затемняют четкую границу между основой и окончанием. С этим фактом связаны многие трудности морфологического (и фонологического) анализа флективных языков — как в аспекте членения словоформы на сегменты (морфемы), так и в аспекте интерпретации того или иного «морфемоподобного» сегмента, а также определения словообразовательного и словоизменительного статуса морфем. О проблемах подобного рода применительно к румейскому материалу, а также о типологическом варьировании по субдиалектам в этой сфере будет говориться ниже.

Другой важный параметр типологического варьирования субдиалектов румейского языка связан со структурой парадигмы лексемы во флективных языках. Любая словоизменительная парадигма распадается на ряд частных субпарадигм, соответственно категориям той или иной части речи. При этом формы, противопоставленные по одним грамматическим категориям, оказываются психологически ближе для носителя языка, чем формы, противопоставленные по другим категориям. Например, противопоставленность русских глаголов по лицу в наст. вр. и по роду в прош. вр. ощущается носителем языка слабее, чем оппозиция форм наст. и прош. вр. Степень психологической близости тех или иных грамматических форм друг к другу тесно взаимосвязана с неизменяемостью/изменяемостью основы в склонении и спряжении.⁷

Исходя из этого, можно обозначить два полюса, между которыми осуществляется динамика функционирования и развития морфологической системы румейских субдиалектов (как и многих других языков). Для определенных субпарадигм характерны процессы морфологического взаимовлияния и выравнивания по аналогии — как внутри одной лексемы, так и между различными лексемами. Другие частные парадигмы, наоборот, стремятся к более сильному формальному размежеванию. Типологическое варьирование внутри глагольных систем субдиалектов румейского языка связано с выбором различных аналогических механизмов порождения форм, а также с различной областью распространения этих механизмов для разных субдиалектов.

⁷ См. об этом, правда, в несколько ином аспекте [Зализняк 1967: 119].

10.2 Грамматические категории румейского глагола. Видовременные основы

Для румейского глагола во всей совокупности его форм релевантны следующие грамматические категории: **залог, вид, наклонение, время, лицо, число**. Набор категорий для той или иной частной глагольной субпарадигмы может быть меньше этого общего набора. Значения данных категорий могут выражаться следующими регулярными средствами:

1. **словоизменятельные аффиксы: суффиксы**, выражающие одновременно залог и вид, и **префикс**, выражающий время;
2. **окончания**, выражающие залог, время, лицо, число;
3. **акцент**, являющийся вспомогательным средством выражения некоторых категорий, в особенности времени (см. с. 329 и сл.).

Стоит отметить, что данный набор морфологических средств полностью совпадает с тем набором, который выделяет для русского языка А. А. Зализняк [Зализняк 1967: 118]. Меньший словарный состав и более простые правила акцентуации делают описание румейского языка более простым, чем описание русского.

Важным для румейского языка (как и любого языка флективного строя) является понятие **основы**. В этой главе будут различаться два типа основ: **словообразующая** и **формообразующая (словоизменятельная)**. Словообразующая основа включает в себя **корень** и **словообразовательные аффиксы**. Формообразующая основа включает в себя **словообразующую основу** и **формообразующие аффиксы**, противопоставляясь, таким образом, **окончанию**.

10.3 Состав и значение глагольных категорий

Категорию **залога** в большинстве случаев целесообразно считать словоклассифицирующей, а не словоизменятельной, однако для некоторых случаев верно и обратное:

(10.1) ʏo dáma-t angalíx-t-a

‘Я вместе с ним обнялся’

(10.2) káθa bajér tu čol alitréxk-it ki spérk-it

‘Каждую весну поле вспахивают и засевают’

В примере (10.1) форма страдательного залога имеет значение реципрока, и в этом случае налицо аргументы в пользу обеих трактовок категории залога. В глаголах из примера (10.2) представлено значение пассива в чистом виде, и более логично рассматривать их как словоизменятельные формы соответствующих акт-глаголов, а не постулировать наличие в языке таких лексем, как ‘вспахиваться’ и ‘засеваться’.

В целом, набор значений парадигмы страдательного залога и семантическое соотношение однокоренных глаголов, имеющих пасс. и акт. парадигму, в большой степени напоминают соотношение русских возвратных и невозвратных глаголов. Но словообразующие основы глаголов действительного и страдательного залога в румейском, в отличие от русского, практически никогда не совпадают.⁸ Поэтому для морфологического описания удобнее говорить об **акт. и пасс.** глаголах, понимая их как разные лексемы. «Активными» и «пассивными» в этой главе будут называться глаголы исключительно с точки зрения формальных признаков — наличия соответствующей словоизменительной основы и соответствующего набора окончаний. Семантика глаголов при этом учитываться не будет.

Категории **вида** и **времени** являются центральными словоизменительными категориями румейского глагола, тесно связанными между собой. В субдиалектах румейского языка существует два типа систем организации и взаимной соотносительности этих категорий — условно назовем их «**симметричная**» и «**асимметричная**». Симметричная система является более архаичной и характерна для ЯлСД, ССД, БСД. Асимметричная система более инновационная и была обнаружена в МСД, НкСД (/БгСД), АСД. Исторически она образовалась в результате утраты противопоставления по виду в непрош. вр.

Рассмотрим вначале **симметричную** систему. Временной план здесь разделен на маркированное прошедшее и немаркированное непрошедшее. Видовой план подразделяется на маркированную перфективность и немаркированную имперфективность. Схематически можно представить эту систему в виде табл. 10.1.

Каждой клетке в симметричной системе соответствует особый набор морфологических словоизменительных средств образования словоформ финитного глагола. Для форм императ., лишенных противопоставления по времени, актуальна, соответственно, только видовая оппозиция.

Надо сказать, что в современном состоянии румейского языка эта система уже не является вполне симметричной, обнаруживая тенденцию к утрате противопоставления по виду в непрош. вр. (таким образом, в некотором смысле иерархически «подчиняя» видовую категорию временной), а также в **императ.** В НГР противопоставление по виду практически утрачено в императ. пасс. глаголов, однако еще сохраняется для активных. В румейском языке видовая оппозиция в императ. практически утрачена в большинстве субдиалектов и для акт. глаголов. Что касается финитных форм, то как в НГР, так и в румейском налицо **функциональное неравноправие** видовых форм в непрош. вр. Перф. формы непрош. вр. могут употребляться только в составе конструкций с МЧ,⁹ не случайно они получили в неоеллинистике название зависимого наклонения.

В части румейских субдиалектов эти формы были полностью утрачены, и таким образом в них образовалась типологически иная, **асимметричная** видо-

Таблица 10.1. Симметричная видовременная система.

вид \ время	время	
	непрош.	прош.
имперф.	-/-	-/+
перф.	(+/-)	+/+

⁸ Ср., напр., основы глаголов *aletríz-u* 'пахать', *spérn-u* 'сеять' с основами глаголов из примера (10.2).

⁹ См. с. 323 и сл., а также Главу 11, с. 354 и сл.

временная система, в которой категория вида подчинена категории времени и выражается только в части временных форм (см. рис. 10.1).

Поэтому одни и те же («материально») формообразовательные средства, используемые в румейских субдиалектах, должны получать несколько разное грамматическое истолкование в зависимости от типа видовременной системы в том или ином субдиалекте.

Например, одни и те же суффиксы *-s* и *-k* являются **перфективными** (видовыми) в системе первого типа, но фактически **перфектными** (выражающими одновременно вид и время) в системе второго типа. Но парадокс асимметричной системы заключается в том, что если в системе финитных форм в непрош. вр. исчезли перф. формы, то в системе нефинитных форм (императ. и причастия) в большинстве случаев все произошло наоборот — перф. формы сохранились (особенно последовательно — в императ. пасс. глаголов и мн. ч. акт. глаголов), а имперф. были утрачены. В этом смысле, несмотря на то, что система стала асимметричной, разделение формообразовательных средств на видовые и временные все же так или иначе сохранилось во всех субдиалектах, они не стали в полном смысле видовременными.

В дальнейшем изложении будут различаться следующие **типы словоизменительных основ**:¹⁰

- а) имперф. акт. основа непрош. вр. (= акт. основа наст. вр.¹¹): **yráft**¹² ‘пишу’;
- б) имперф. акт. основа прош. вр. (= акт. основа имперф.): **é-yráft-a** ‘[я] писал’;
- в) перф. акт. основа прош. вр. (= акт. основа аор.): **é-yráp-s-a** ‘[я] написал’;
- г) перф. акт. основа непрош. вр.: [na] **yráps-u** (ССД) ‘напишу’;
- д) имперф. пасс. основа (имперф. основы непрош. и прош. вр. всегда совпадают): **čimá-t** ‘спит’, **čimá-tun** ‘[он] спал’;
- е) перф. пасс. основа (перф. пасс. основы непрош. и прош. вр. также совпадают): **čimí-θ-a** ‘[я] поспал’, [na] **čimí-θ-u** ‘поплю’.

Стоит отметить, что имперф. акт. и пасс. основы непрош. вр., как правило, равны по своему составу словообразующей основе, т. е. содержат только корень и словообразовательные аффиксы. Кроме того, у некоторых глагольных классов чистая словообразующая основа является формой императ. 2 л. ед. ч.

Категории лица и числа выражаются парадигмами личных окончаний.

¹⁰ Ср. с [MACKRIDGE 1985].

¹¹ Приводимые в скобках параллельные наименования не вполне строгие терминологически и используются условно исключительно для удобства восприятия. Точно так же помета «наст. вр.» означает в точном смысле не наст. вр., а именно непрош. вр.

¹² Жирным шрифтом выделяется словоизменительная основа.

Рис. 10.1. Асимметричная видовременная система.

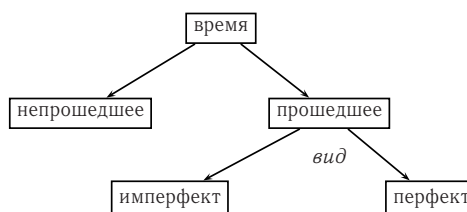
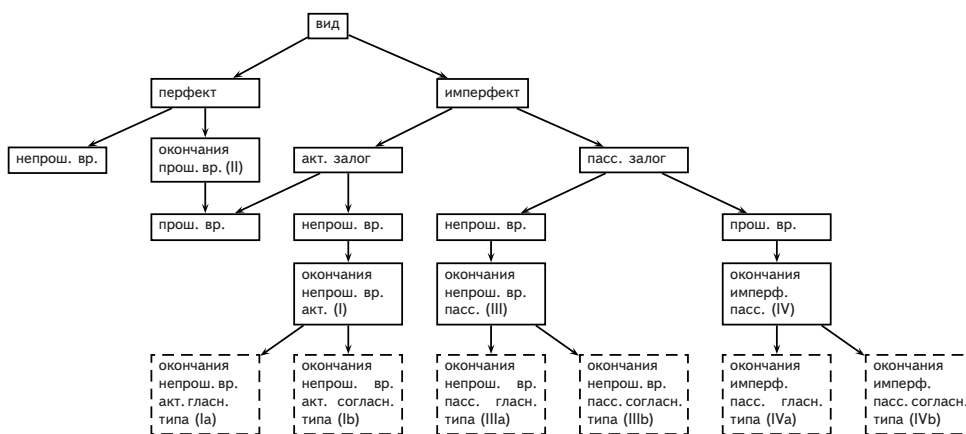

Рис. 10.2. Выражение грамматических значений в окончаниях финитного глагола.

10.4 Парадигмы окончаний финитного глагола

Система парадигм окончаний в НГР является неоднородной в плане набора выражаемых значений в частных субпарадигмах глагола. В общей сложности как для симметричных, так и для асимметричных видовременных систем выделяется **четыре** основных набора окончаний финитных словоформ (пар. I, II, III, IV). Три из них (кроме II) в некоторых диалектах НГР могут иметь по два морфологических подвида, обусловленных структурой словообразующей основы глагола и, соответственно, акцентной характеристики словоформы (подробнее см. с. 229–233, 236–243). Систему выражения грамматических значений в глагольных окончаниях можно представить в виде схемы. Крайняя левая рамка, очерченная тонкой сплошной линией, представляет перф. акт. словоформы непрош. вр., существующие в симметричных системах и отсутствующие в асимметричных (см. рис. 10.2).

В целом можно сказать, что у акт. глаголов парадигмы окончаний противопоставляют только временные планы (прошедшее vs. непрошедшее), но не вид. У пасс. глаголов в плане окончаний противопоставлены все четыре видовременные финитные формы. Что касается самой категории залога, то имперф. акт. и пасс. формы противопоставлены с точки зрения набора окончаний, а перф. — нет. Упрощенно (если не учитывать гласный и согласный подвиды соответствующих парадигм) рис. 10.2 можно представить в виде табл. 10.2.¹³

Видно, что наиболее маркированными в плане грамматического значения являются имперф. пасс. окончания наст. и прош. вр. (пар. III и IV). Пар. IV при этом более маркирована, чем пар. III — в силу того, что прош. вр. в румейском более маркировано, чем непрош. Собственно, у пар. IV определенными оказыва-

Таблица 10.2. Упрощенная схема выражения грамматических значений в окончаниях глагола.

время	вид	акт.	пасс.
непрош.	имперф.	I	III
	перф.		
прош.	имперф.	I	IV
	перф.		

¹³ Ближе всех к такому распределению находятся субдиалекты типа НкСД.

ются все значения — время, вид и залог, поэтому ее можно называть парадигмой пасс. имперф. Окончания этих двух парадигм являются самыми сложными по структуре и наиболее вариативными по субдиалектам. Подобная вариативность отмечается и для НГР: «Многочисленность диалектных, идиолектных и стилистических вариантов для этих двух наборов временных окончаний представляет собой обезкураживающую картину для изучающего греческий как иностранный (и отчасти затруднительна также для носителей языка). В особенности окончания прош. вр. побудили лингвистов назвать их „джунглями“ и „кошмаром генеративиста“ („generativist’s nightmare“») [MACKRIDGE 1985: 177]. Словоформы, имеющие эти окончания, не содержат более никаких словоизменительных аффиксов в основе, например: *ḥim-úm* ‘сплю’ (пар. III), *ḥim-úmni* ‘[я] спал’ (пар. IV). Их грамматическое значение итак уже в достаточной степени определено с помощью окончаний.¹⁴

10.4.1 Парадигма I: окончания акт. глаголов непрощ. вр.

В классическом языкознании глаголы в ДГР традиционно подразделяются на т. н. «слитные»¹⁵ и «неслитные» (с основой на согласный). Эту классификацию применяли и к НГР; ее влияние обнаруживается и в исследованиях, посвященных румейским субдиалектам [ЧЕРНЫШЕВА 1958; БЕЛЕЦКИЙ 1959]. Однако параметр слитности/неслитности является сугубо историческим и не вполне адекватно описывает оппозицию глагольных классов, существующую в НГР на синхронном уровне. Поэтому авторы более или менее современных грамматик НГР в основном используют термины ‘первое’ и ‘второе спряжение’. Дифференциальным признаком для разграничения спряжений считается место ударения в форме наст. вр. Например: «К первому спряжению относятся глаголы, имеющие ударение на предпоследнем слоге в акт. форме 1 л. наст. вр. и на третьем от конца слоге в пасс. форме 1 л. наст. вр. Эти глаголы оканчиваются на -ω в действительном залоге и на -ομαι в страдательном: *δένω* — *δένομαι*, *γράφω* — *γράφομαι*. Ко второму спряжению относятся глаголы с ударением на последнем слоге в акт. форме 1 л. наст. вр. и на предпоследнем слоге в пасс. форме 1 л. наст. вр. Эти глаголы оканчиваются на -ω в форме действительного залога и на -ιμαι или -ομαι в форме страдательного: *αγαπώ* — *αγαπιέμαι*, *λυπώ* — *λυπούμαι*» [ТРИАНДАФИЛИДИС 1995: 209]. Примерно то же встречается и в значительно более новой англоязычной грамматике [MACKRIDGE ET AL. 1999].

Однако, как будет показано далее (см. с. 329–336), более простым получается описание, в котором акцентуация словоформ в румейском языке ставится в зависимость от их структуры, а не структура от акцентуации. Поэтому более важным и структурно адекватным дифференциальным признаком для разграничения двух глагольных подтипов представляется признак финали основы. Традиционные «слитные» глаголы будут далее называться **глаголами на гласный** (например: *αγαρ-ί* (*αγαρά-∅*)¹⁶ ‘любить’, *ριγ-ί* (*ριγί-∅*) ‘мочь’), а «неслитные» — **глаголами на согласный** (например, *δανάζ-ι* ‘читать’).

¹⁴ Стоит отметить, что существует еще отдельная парадигма окончаний императ.; см. с. 325–327.

¹⁵ Глаголы с основой, оканчивающейся на гласный, который вступает в морфонологическое взаимодействие, «сливается» с последующим гласным звуком аффикса (ο или ε).

¹⁶ Жирным шрифтом в форме 3 л. мн. ч. отмечается финаль основы.

Несмотря на то, что в грамматиках НГР говорится о двух спряжениях, фактически акт. парадигм наст. вр. приводится не две, а три. Для глаголов на гласный всегда приводятся две отдельные парадигмы окончаний. Вот, например, как выглядят парадигмы окончаний глаголов второго спряжения (традиционных «слитных» глаголов; см. табл. 10.3).

Так же объясняют эту парадигму применительно к румейскому языку и Т. Н. Чернышева и А. А. Белецкий [ЧЕРНЫШЕВА 1958; БЕЛЕЦКИЙ 1959]. Исторически, однако, -а- и -i-, которыми различаются эти парадигмы, являются словообразовательными гласными суффиксами, т. н. тематическими гласными. М. В. Сергиевский трактует различие двух подтипов гласн. типа в румейском языке именно через понятие **тематического гласного**, хотя в качестве дифференциального признака для разграничения «первого» и «второго» спряжения для него выступает все же позиция ударения в слове. «Ко второму спряжению, как сказано выше, относятся глаголы, имеющие в наст. вр. ударение на окончании. По характеру тематического гласного в этих формах они делятся на две группы: первая имеет тематический гласный -а- в чередовании с -u-, вторая — тематический гласный -i- в чередовании с тем же -u-. В зависимости от характера гласного образуются различно и формы прошедшего времени» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 577]. В подобной трактовке содержится некоторое противоречие. До конца непонятно, к какой морфеме М. В. Сергиевский относит тематический гласный. По самому определению тематического гласного, он не может относиться к окончанию, однако тогда это противоречит разделению глаголов на два подтипа, которое М. В. Сергиевский осуществляет по признаку места ударения: «Все глаголы можно разделить на два основных класса. Первый составляют глаголы, имеющие ударение на корне, (...) ко второму относятся глаголы, имеющие ударение на окончании» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 567]. Однако в глаголах второго класса (по М. В. Сергиевскому) ударение иногда принимает на себя тематический гласный, а иногда — окончание. Кроме того, далеко не все глаголы первого класса имеют ударение на корне, у многих оно падает на суффикс: *đul-éŷ-u*¹⁷ ‘работать’ (однокоренное *đl-ij-a* ‘работа’); *lunag-íz-u* ‘чесать шерсть’ (от *lunár* ‘чесалка’). В грамматиках НГР глаголы разделяются на спряжения по признаку места ударения в смысле порядкового номера слога от конца слова. Такое определение на материале румейского языка совсем не работает, поскольку, в силу редукции заударных гласных, ударение в глаголах на согласный падает то на предпоследний, то на последний гласный: *fér-u* (акт. наст. вр., имперф. 1 л. ед. ч.) — *feg-∅* (акт. наст. вр., имперф. 3 л. ед. ч.) ‘нести, приносить’. Ударение в румейском языке (как, впрочем, и в НГР) в действительности в значительной степени морфологизовано и не может служить надежным дифференциальным признаком для описания противопоставления двух спряжений.

Таблица 10.3. Окончания глаголов II спряжения в НГР.

	первая категория	вторая категория
1 л. ед. ч.	-ó	-ó
2 л. ед. ч.	-ás	-ís
3 л. ед. ч.	-á	-í
1 л. мн. ч.	-úme	-úme
2 л. мн. ч.	-áte	-íte
3 л. мн. ч.	-ún	-ún

¹⁷ Жирным шрифтом выделен словообразовательный суффикс.

Поэтому представляется возможным не отказываться от понятия гласного суффикса, тем более что он также регулярно представлен в формах имперф. данных глаголов и довольно часто — в формах императ. ед. ч. (суффикс -а- — во всех субдиалектах, а -i- — только в тех, где в соответствующих позициях не произошло редукции i, u > ∅). Например: *ɣɪkǎ-∅* (акт. имперф. наст. вр. 3 л. ед. ч.) ‘слышит’ — *ɣɪkǎ-n-a* (акт. имперф. наст. вр. 1 л. ед. ч.) ‘[я] слышал’ — *ɣɪkǎ* (императ. 2 л. ед. ч.) ‘услышь’ vs. (ЯлСД) *lal'f-∅* (акт. имперф. наст. вр. 3 л. ед. ч.) ‘говорит’ — *lal'i-n-a* (акт. имперф. наст. вр. 1 л. ед. ч.) ‘[я] говорил’ — *lal'i-mi* (императ. 2 л. ед. ч.) ‘скажи мне’.¹⁸ Такой подход также позволяет описывать спряжение акт. и (в некоторых субдиалектах) пасс. глаголов гласн. типа как единую парадигму, т. е. не разбивать парадигмы I, III и IV на подтипы. Кроме того, при таком истолковании данные глаголы попадают в класс многосложных (см. с. 246 и сл.), что позволяет объяснить их регулярность в плане образования временных основ. Показательно, что в [MACKRIDGE 1985] при рассмотрении акт. глаголов на гласный тематический гласный включается в окончание, а при анализе пасс. глаголов на гласный — рассматривается отдельно, потому что это упрощает описание.¹⁹ Здесь же тематический гласный будет рассматриваться именно как **словообразовательный суффикс** и включаться в состав словообразовательной и, соответственно, словоизменительной основы.

Следует признать, что проблема истолкования тематических гласных существует и они действительно занимают промежуточное положение между основой и окончанием. При любом варианте описания возникают некоторые противоречия. В предлагаемом варианте трактовки проблема связана с истолкованием структуры **перф. пасс. форм непрош. вр.** (зависимого наклонения), содержащих суффиксы -t- и -θ- (для тех субдиалектов, для которых эти формы существуют).

Таблица 10.4. Сдвиг ударения ⁽¹⁾.

	акт. имперф. 'читать'	пасс. перф. 'спать'
непрош. вр.	ðavǎz-u	-čimi-θ-ú
прош. вр.	ðávaz-a	čimf-θ-a

Примечание⁽¹⁾ Жирным шрифтом выделен ударный гласный.

Устройство системы средств выражения соответствующих видовременных значений акт. и пасс. глаголов различается. Для акт. глаголов противопоставление словоформ по времени маркируется не только в окончаниях, но и, как правило, с помощью акцентуации и словоизменительных аффиксов: *grǎft-u* ‘пишу’ — *é-ɣraft-a* ‘[я] писал’; *é-ɣrap-s-a* ‘[я] написал’ — *na ɣrǎp-s-u* (ССД) ‘напишу’. Для пасс. словоформ использование двух последних средств для выражения временного противопоставления значительно более ограничено. Уже упоминалось, что имперф. пасс. формы непрош. и прош. вр. всегда различаются только набором окончаний (см. табл. 10.2 и ниже, с. 228 и сл.): *čim-úm* ‘сплю’ — *čim-úmni* ‘[я] спал’. Интуитивно кажется, что точно таким же образом одна и та же основа используется для построения перф. пасс. форм непрош. и прош. вр., а словоформы различаются только акцентуацией (сдвигом ударения на слог назад в прош. вр.) и набором окончаний. Сдвиг ударения в прош. вр. характерен и для многосложных имперф. акт. глаголов (см. табл. 10.4).

¹⁸ Наряду с *lal* ‘скажи’.¹⁹ Последнее особо оговаривается [MACKRIDGE 1985: 177].

Однако перф. пасс. формы непрош. вр. имеют такую же акцентуацию и парадигму окончаний, как и имперф. акт. глаголы на гласный *-i-* в непрош. вр.; т.е. на *čim-iθ-ú* (3 л. ед.ч. на *čimi-θi-∅*, ССД) ‘поплю’ как *rig-ú* (3 л. ед.ч. *rigi-∅*) ‘могу’. Другие примеры:²⁰ *f'il'ix-t-ú* (БСД) ‘целоваться’, *fruk'is-t-ú* (ЯлСД)/*fukrix-t-ú* (БСД) ‘слушать’, *fuvi-θ-ú* (ЯлСД) ‘бояться, пугаться’, *nis-t-ú* (ССД)/*in-θ-ú* (ЯлСД) ‘становиться’, *lus-t-ú* (ЯлСД, БСД, ССД) ‘мыться’, *s'uk-θ-ú* (ЯлСД)/*sku-s-ú* (ССД) ‘вставать’, *spirnix-t-ú* (ССД) ‘засеваться’, *sta-θ-ú* (ЯлСД, БСД) ‘стоять’, *xaγamu-θ-ú*/ *xaγamu-t-ú* (ССД) ‘портиться’, *xras-t-ú* (ЯлСД) ‘быть должным’.

Исключениями здесь являются только глагол *étk-um* ‘приходить’, у которого ударение в перф. пасс. основе непрош. вр. будет падать на корень: *-jég-t-u* (ЯлСД, БСД)/*-ég-t-u* (ССД), а также пасс. глаголы, перф. основы которых имеют иные словоизменительные суффиксы, не *-t-* и *-θ-*. Это, например, основы *-kát-s-* (ЯлСД, БСД) (от *kaθ-um* ‘сидеть’), *-xág-* (ЯлСД) (от *žeg-um* ‘радоваться’). Однако такие основы с точки зрения морфологической структуры подобны перф. акт. основам: *-kát-s-* как *-yǵár-s-* ‘писать’, *-xág-* как *-kség-* ‘знать’. Таким образом, глагол ‘приходить’, содержащий суффикс *-t-*, является единственным настоящим акцентуационным исключением. Перф. пасс. основа прош. вр. у этого глагола: *-ír-t-*, и омонимии перф. и имперф. основ здесь не возникает.

Тем не менее, невозможно считать, что перф. пасс. формы непрош. вр. после словоизменительного аффикса *-t-* или *-θ-* присоединяют словообразовательный гласный аффикс *-i-*, т.е. что *-i-* в на *čimi-θi-∅* (ССД) ‘попит’ аналогично *-i-* в *rig-i-∅* ‘может’. Также было бы странным признать этот аффикс словоизменительным, потому что тогда непонятно его грамматическое значение. Можно было бы, например, считать, что для перф. пасс. глаголов непрош. вр. существует собственная парадигма спряжения, или отнести *-i-* к окончанию, как это делается в грамматиках НГР. Наиболее непротиворечивой представляется трактовка *-i-* в этих словоформах в качестве части аффикса *-θ-* (или *-t-* в других глаголах). Данные аффиксы, соответственно, имеют по два алломорфа, в зависимости от фонологического контекста: *-θi-/-θ-* и *-ti-/-t-*, и обладают определенными акцентными свойствами (см. правило 2, с. 330). В итоге, гласная финаль словоизменительной основы может являться не только словообразовательным суффиксом, но и частью словоизменительного суффикса.

Описывая гласную финаль основы акт. глаголов как словообразовательный суффикс, можно построить следующую двухступенчатую иерархию глагольных классов, положив в ее основу единый признак — финаль основы (см. рис. 10.3).

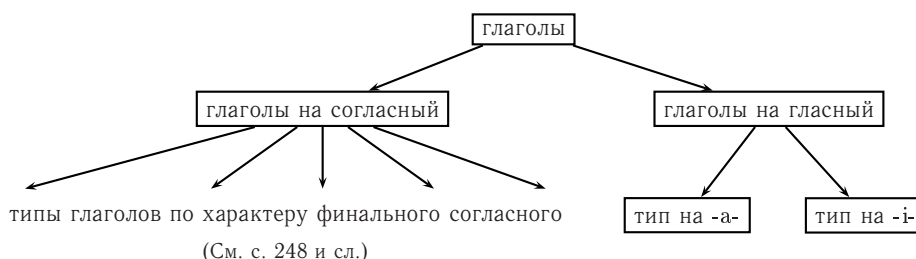
Соответственно, имперф. акт. глаголы непрош. вр. на гласный оформляются в румейском с помощью парадигмы окончаний Ia, а на согласный — с помощью пар. Ib. При этом для части субдиалектов, как будет показано далее, возможно описание пар. I как единой, без разбиения на подклассы (см. табл. 10.8, с. 235).

Парадигма Ia: окончания акт. глаголов непрош. вр. гласн. типа

Данная парадигма мало варьируется по субдиалектам и практически совпадает с соответствующей парадигмой в НГР, за вычетом регулярных фонетических

²⁰ Приводятся формы пасс. перф. наст. вр. 1 л. ед.ч., русский перевод дается в инфинитиве.

Рис. 10.3. Иерархия глагольных классов.

различий. В табл. 10.5 она приводится в варианте МСД на примере глагола ‘любить’.

Таблица 10.5. Парадигма Ia в румейском и НГР.

	РУМ	НГР
1 л. ед. ч.	аҫар- \emptyset - ú	аҫар- \emptyset - ó
2 л. ед. ч.	аҫар- á-s	аҫар- á-s
3 л. ед. ч.	аҫар- á-\emptyset	аҫар- á-\emptyset
1 л. мн. ч.	аҫар- \emptyset - úm	аҫар- \emptyset - úme
2 л. мн. ч.	аҫар- á-t	аҫар- á-te
3 л. мн. ч.	аҫар- \emptyset - ún	аҫар- \emptyset - ún

За счет редукции конечных безударных гласных данная парадигма в румейском языке унифицировалась с точки зрения акцента, получив «колонное» окончное ударение. Точно такой же вид пар. Ia имеет и в ЯлСД (с факультативной мягкостью согласных в 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч.), АСД, ССД, БСД. В НкСД и БгСД окончание 2 л. мн. ч. выглядит как *-in'* — наращение *-in'* присутствует в субдиалектах группы НкСД абсолютно во всех глагольных окончаниях, имеющих в других субдиалектах *-t* в качестве финального согласного.

Сравнительно небольшие различия по субдиалектам и хорошая сохранность парадигмы в целом во многом объясняются простотой структуры самих окончаний, а также окончным ударением, препятствующим значительным фонетическим изменениям во флексии.

Парадигма Ib: окончания акт. глаголов непрощ. вр. согласн. типа

Варьирование этой парадигмы по субдиалектам более значительно. Наиболее интересная проблема в связи с этой парадигмой — это вопрос об интерпретации грамматического различия между формами 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч. в ЯлСД и вообще об интерпретации окончания 3 л. ед. ч. во всех субдиалектах. В табл. 10.6 приводятся наборы окончаний в румейских субдиалектах.²¹

Наличие или отсутствие гласного в окончании 1 л. мн. ч. в АСД и БСД, главным образом, зависит от того, следует ли за ним местоименная энклитика в функции дополнения или нет, например: *f'er* ‘несу’, но *f'èru-t* ‘несу это’. Впрочем, эта закономерность не является жестким правилом.

²¹ Для ССД для сравнения также приводится парадигма из [СЕРГИЕВСКИЙ 1934]. Распределение разных морфонологических вариантов окончаний по конкретным глаголам и идиолектам специально не изучалось.

Таблица 10.6. Парадигма Ib в НГР и румейских субдиалектах.

	НГР	МСД	ССД (Cr)	ССД	НкСД, БгСД	АСД	БСД	ЯлСД
1 л. ед. ч.	-o	-u	-u	-u	-u	-⟨u⟩	-⟨u⟩	-∅
2 л. ед. ч.	-is	-s⟨'⟩	-s	-s⟨'⟩	-is⟨'⟩	-⟨i⟩s	-⟨i⟩s	-'s⟨'⟩
3 л. ед. ч.	-i	⟨'⟩∅	∅	⟨'⟩∅	⟨'⟩∅	⟨'⟩∅	⟨'⟩∅	⟨'⟩∅
1 л. мн. ч.	-ome/-ume	-um	-um	-um	-um	-um	-um⟨i⟩	-um
2 л. мн. ч.	-ete	-'t	-it	-⟨i⟩t	-itin'	-it	-t	-'t⟨'⟩
3 л. мн. ч.	-un	-ni	-ni	-ni	-un	-un/-ni	-un/-ni	-un

Фонологическая релевантность факультативной мягкости конечного согласного в ряде форм представляет особый вопрос, тем более что устройство фонологических систем разных субдиалектов в смысле фонологичности палатализованных согласных различается. Наиболее важно, конечно, решение вопроса о статусе мягких согласных на конце форм 3 л. ед. ч. (особенно в ЯлСД). Окончание 3 л. ед. ч. в любом случае является нулевым, вопрос заключается в том, следует ли считать, что значение 3 л. ед. ч. выражается через **операцию палатализации**. Во всех субдиалектах, даже в ЯлСД, палатализованность конечного согласного во всех глагольных формах факультативна. При этом в ЯлСД в 1 л. ед. ч. палатализованных согласных на конце слова не бывает никогда. То же справедливо и для АСД и БСД в тех случаях, когда в 1 л. ед. ч. представлено нулевое окончание. Поэтому представляется, что основным морфонологическим вариантом основы 3 л. ед. ч., а также основ 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч., по крайней мере в ЯлСД, где палатализация на конце представлена наиболее регулярно, следует считать форму с палатализованным согласным на конце. Предпочтительность такого описания подкрепляется еще и тем, что у глаголов с определенным типом финали в этих формах имеется морфонологическое чередование согласных, которое в генеративной фонологии было бы, вероятно, описано как «глубинная палатализация». Так, -y- (-x- на конце слова) чередуется в этих позициях с -j-, -x- с -š-. Кроме того, в ЯлСД на конце слова в 3 л. ед. ч. -k- чередуется с -t', -šk- с -šč-, -m- с -n.²² В МСД, ССД, НкСД и БгСД у глаголов, имеющих финаль основы на -y-, в тех же формах -y- иногда чередуется с ∅. В этих же субдиалектах, если словообразующая основа оканчивается на группу согласных, второй из которых является носовым (типа -xp-, -gp-, -lp-), то носовой в 3 л. ед. ч. также исчезает. С подобными чередованиями согласных тесно связано чередование гласных -u- и -i- в словообразовательных суффиксах некоторых глаголов БСД и ЯлСД. В качестве примера такого чередования в табл. 10.7 приводится глагол 'знать' из ЯлСД (подробнее см. с. 288 и сл.).

Если не вводить понятие «операция палатализации» и не учитывать данные чередования в основе при представлении парадигмы окончаний, то для части субдиалектов возможно единое описание пар. I, без разбиения ее на подвиды.

²² Правда, последнее чередование вряд ли можно было бы убедительно описать, используя понятие глубинной палатализации, и оно, скорее всего, не относится напрямую к данному типу чередований.

Таблица 10.7. Морфонологические чередования в глагольных основах.

	C/Cj	u/i	y/x/j(/t')			x/š	yn/x	m/n
	'читать' (ЯлСД)	'знать' (ЯлСД)	'давать' (ЯлСД)	'идти' (МСД)	'течь' (МСД)	'бежать' (МСД)	'зарезать' (МСД)	'бежать' (ЯлСД, перф. наст. вр.)
1 л. ед. ч.	ǰjaváz	ks'évur-∅	ǰux/ǰu	paɣ-u	réɣ-u	dréx-u	fsáɣn-u	-dram
2 л. ед. ч.	ǰjaváz'-s'	ks'év'ir'-s'	ǰuj-s'	paj-s	re-s	dreš-s	fsax-s	-drám'-(i)s'
3 л. ед. ч.	ǰjaváz'-∅	ks'év'ir'-∅	ǰuj/ǰut'-∅	paj-∅	re/rej-∅	dreš-∅	fsax-∅	-dran-∅
1 л. мн. ч.	ǰjaváz-um	ks'évur-um	ǰuy-um	páy-um	réɣ-um	dréx-um	fsáɣn-um	-drám-um
2 л. мн. ч.	ǰjaváz'-t'	ks'év'ir'-t	ǰuj-t	paj-t	re-t	dreš-t	fsax-t	-drám'-(i)t
3 л. мн. ч.	ǰjaváz-un	ks'évur-un	ǰuy-un	paɣ-ni	réɣ-ni	dréx-un	fsáxn-un	-drám-un

Речь идет о тех субдиалектах, где в «согласной» парадигме (Ib) в 3 л. мн. ч. представлено окончание -un. В первую очередь это субдиалекты групп ЯлСД и НкСД, а также условно БСД и АСД, где в разных глаголах встречаются как -un, так и -ni, но закономерности их распределения, а также встречаемость в одних и тех же глаголах не были специально изучены; см. пример из АСД. в табл. 10.8.

Таблица 10.8. Парадигмы Ia и Ib в АСД.

	гласн. тип (Ia) 'любить'	согласн. тип (Ib) 'читать'
1 л. ед. ч.	aɣap-ú	ǰjaváz-(u)
2 л. ед. ч.	aɣapá-s	ǰjaváz'-is
3 л. ед. ч.	aɣapá-∅	ǰjaváz'-∅
1 л. мн. ч.	aɣap-úm	ǰjaváz-um
2 л. мн. ч.	aɣapá-t	ǰjaváz'-it
3 л. мн. ч.	aɣap-ún	ǰjaváz-un

и палатализованная (в пар. Ib) основы выделены в табл. 10.8 жирным шрифтом.

Однако ни для одного субдиалекта пар. Ia и Ib все же не являются абсолютно идентичными на фонологическом уровне. Отнесение операции палатализации конечного согласного основы к свойствам окончания также представляется наиболее естественным решением. Поэтому в описании сохраняется разделение пар. I на 2 подвида для всех субдиалектов.

10.4.2 Парадигма II: окончания прош. вр.

В этой парадигме не наблюдается существенных колебаний по субдиалектам, за исключением отражения в этих окончаниях регулярных (суб)диалектных фо-

Если выстраивать иерархию чередований таким образом, что не окончания из пар. Ib, начинающиеся на -i-, вызывают палатализацию в основе, а наоборот, палатализованная основа «вызывает» появление протетического гласного -i- в окончаниях, то пар. Ia и Ib на морфонологическом уровне в данном случае полностью совпадут. Кроме того, можно проследить известный параллелизм в распределении гласной/согласной (усеченной гласной) основ в пар. Ia и палатализованной/непалатализованной финали основы в пар. Ib. Гласная (в пар. Ia)

нологических различий. Парадигма, приводимая М. В. Сергиевским для ССД, полностью совпадает с парадигмой, выявленной в ходе экспедиции (за исключением отражения палатализации), поэтому она здесь не приводится. Ситуация с палатализованными согласными здесь такая же, как и в предыдущем случае. В качестве особой изоглоссы, разделяющей румейские субдиалекты на две части со срединной переходной зоной, стоит отметить окончание *-in(ʹ)* в 3 л. ед. ч. — оно регулярно представлено в МСД, ССД, НкСД и БгСД, нерегулярно — в БСД и АСД, полностью отсутствует в ЯлСД (см. табл. 10.9).

10.4.3 Парадигмы III и IV: окончания имперф. пасс. глаголов непрощ. (III) и прощ. (IV) вр.

Согласно Т. Н. Чернышевой, «страдательный залог — самая зыбкая и неустойчивая область новогреческого глагола. В Приазовье чуть ли не каждое село имеет свою особую систему имперфекта страдательного залога. . . . Даже почти тождественные по языку Урзуф и Ялта обнаруживают в этом случае расхождение форм» [Чернышева 1958: 14]. Подобная вариативность свойственна и формам пасс. наст. вр., что неудивительно, если учитывать, что большую часть парадигмы составляют безударные двух- и трехсложные окончания. В НГР эти парадигмы, как уже говорилось, также неустойчивы (см. табл. 10.2, с. 228, и ниже). Все описанные выше парадигмы окончаний (Ia, Ib, II) в целом объединяют румейские субдиалекты, противопоставляя румейский язык другим диалектам НГР. Парадигмы пасс. наст. вр. и имперф., наоборот, очень ярко выявляют различия отдельных румейских субдиалектов, противопоставляя их между собой. Эти парадигмы оказываются наиболее чувствительными к языковому, прежде всего, фонетическим и, как будет показано далее, отчасти к социолингвистическим изменениям, происходящим в субдиалекте того или иного села (см. с. 241 и сл.).

Ниже приводится сводная табл. 10.10 (с. 238–239), представляющая пар. III и IV для ССД, МСД, НкСД, БгСД, БСД, АСД. Парадигмы для ЯлСД даны в отдельной таблице с особыми комментариями.²³ В эти таблицы включен как экспедиционный материал, так и данные из печатных источников. Так, по БСД и ССД использованы данные из [Сергиевский 1934].²⁴ Кроме того, в отдельном столбце в параллель к экспедиционным данным приводятся парадигмы МСД и

Таблица 10.9. Парадигма II в НГР и в румейских субдиалектах.

	НГР	МСД	ССД	НкСД, БгСД	АСД	БСД	ЯлСД
1 л. ед. ч.	-a	-a	-a	-a	-a	-a	-a
2 л. ед. ч.	-es	-is'	-is	-is'	-is	-{i}s{ʹ}	-s'
3 л. ед. ч.	-e	-in'	-in{ʹ}	-in'	{-in}	{-in}	{∅}
1 л. мн. ч.	-ame	-am	-am	-am	-am	-am	-am
2 л. мн. ч.	-ate	-it	-it	-itin'	-it	-{i}t	-{ʹ}t'
3 л. мн. ч.	-an	-an	-an	-an	-an	-an	-an

²³ См. табл. 10.14, с. 242.

²⁴ Для глаголов гласн. типа ССД М. В. Сергиевский приводит только парадигму наст. вр. и формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. для имперф.

ЧСД из [Белецкий 1959], а в параллель к парадигме ЯлСД приводятся данные из [Чернышева 1958]. В столбце, иллюстрирующем парадигмы МСД и ЧСД из [Белецкий 1959] в тех случаях, когда окончания для этих двух сел различаются, в квадратные скобки помещаются окончания МСД. Помещение окончаний в круглые скобки означает, что они были взяты из соответствующего печатного источника, но не были подтверждены в ходе полевой работы. Если было зафиксировано какое-то иное окончание, то оно приводится без скобок вначале. В тех случаях, когда экспедиционные данные и данные других исследователей совпадают, окончание дается без скобок. Интересно, что наибольшее количество расхождений по парадигме было обнаружено с данными М. В. Сергиевского для ССД. При этом формы, которые приводит М. В. Сергиевский, в основном совпадают с парадигмой, зафиксированной в ходе экспедиций в МСД. Возможно, это связано с нормативной установкой М. В. Сергиевского, а также с тем фактом, что для анализа румейского языка он активно использовал произведения Г. Костоправа²⁵ — уроженца Малоянисоля.

Что касается вопроса о тематическом гласном в пасс. глаголах, то разные исследователи решают его по-разному. Обычно тематический гласный включается в состав окончания — как для гласного, так и для согласн. типа. При этом большинство исследователей (кроме А. А. Белецкого) не учитывает наличие двух подтипов гласн. типа пасс. глаголов: типа *fuv-á-t* (3 л. ед. ч.) ‘боится’ и типа *mul-ú-t* (3 л. ед. ч.) ‘прячется’.²⁶ Для более наглядной демонстрации различий между этими двумя типами приводятся парадигмы из [Белецкий 1959] так, как сам А. А. Белецкий дает их, т. е. с включением ударных -á- и -ú- в состав окончания (выделены в табл. 10.10 жирным шрифтом). Во всех прочих случаях для тех субдиалектов и для тех видовременных субпарадигм, где глаголы подразделяются на гласный и согласный типы, гласный суффикс -á-/-ú- в формах 2 л. ед. ч., 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. исключен из состава окончания. В этих случаях перед окончанием ставится знак ‘˘’, маркирующий наличие ударения на предыдущем слоге.

П. Макридж в [MACKRIDGE 1985] при описании парадигм пасс. наст. вр. и имперф. избирает, специально оговаривая это, иную стратегию, чем при описании всех прочих парадигм. Он выделяет особо в качестве тематических гласных все ударные гласные в этих словоформах. Это позволяет представить единые наборы окончаний в этих парадигмах для всех глаголов как гласного, так и согласн. типа и различных их подтипов, а затем описывать существующие различия в спряжении через различные наборы тематических гласных. Окончания, которые описал П. Макридж,²⁷ представлены в табл. 10.10 (с. 238–239). Однако при всей экономности такого описания для НГР остается нерешенным общетеоретический вопрос о значении этого гласного — словообразовательном или словоизменительном — и, соответственно, о принадлежности его к основе или к окончанию.

По субдиалектам выявляется **три** основных типологических языковых стратегии противопоставления гласного и согласного глагольных классов в рамках той или иной видовременной субпарадигмы. Внутри каждой видовременной субпарадигмы (будь то пар. III или пар. IV) всегда действует одна и та же стратегия.

²⁵ См. «Предисловие», с. 13 и сл.; о Г. Костоправе см. Главу 1, с. 37.

²⁶ Об этимологическом соотношении акт. и пасс. глаголов на гласный см. с. 250 и сл.

²⁷ Без тематических гласных.

10.10. Пар. III, IV для НГР и ССД, МСД,

		ССД (+Cr)		МСД		ЧСД, МСД (Бел)	
		гласн. тип	согласн. тип	гласн. тип	согласн. тип	гласн. тип	согласн. тип
III	1	-úmi (-úm)	(-um)	-úm	-um	-úm	-um
пасс. имперф. наст. вр.	2	´ -si (-s)	-is	´ -s	-is	-ás/-ús	-is
	3	´ -ti(n) (-t)	-it	´ -t	-it	-át/-út	-it
	1	-úmas (-úmits)	-umas (-umas/ -umits)	-úmits	-umits	-úmas [úmits]	-umas [umits]
	2	´ -sas (-sits)	-isis (-isits)	´ -sits	-isits	-ásas/-úsas (-ásits/-úsits)	-isas (-isits)
	3	-únni	-ni	-ún	-ni	-únni/-ún	-ni
IV	1	-úmni	(-nimi)	-úmni	-nimi	-úmni	-nimi
пасс. имперф. прош. вр.	2	´ -sni	(-nisi)	´ -sits	-nisi	-únsni/-úmsni	-nisi
	3	(´ -tindun)	-indun	´ -tin'dun	-indun	-úndun	-andun
	1	-úmnas	(-nimas/ -nimits)	-úmnits	-nimits	-úmnas (-úmnits)	-nimas (-nimits)
	2	´ -snas	(-nisits)	´ -snits	-nisits	-únsnas (-únsnits)	-nisas (-nisits)
	3	(´ -tandan)	-andan (-undan)	´ -tandan ´ -ndan	-andan	-úndan	-andan

Однако в одном и том же субдиалекте эти стратегии не всегда одинаковы для **обоих** парадигм одновременно. Это является лишним свидетельством независимости видовременных субпарадигм друг от друга (при их одновременном внутреннем единстве) в румейском языке.

Распределение **первого типа** существует преимущественно в пар. III и наиболее последовательно представлено в парадигме пасс. наст. вр. НкСД и прилегающего к нему БгСД (см. табл. 10.11).

Языковая стратегия состоит в максимальном уподоблении окончаний гласн. и согласн. типа. Различие в линейной структуре окончаний IIIa и IIIb изоморфно различию наборов окончаний Ia и Ib. При таком распределении наиболее удобно описывать оппозицию типов IIIa и

Таблица 10.11. Парадигмы IIIa и IIIb НкСД.

	гласн. тип (IIIa)		согласн. тип(IIIb) 'мыться'
	-a- 'спать'	-u- 'прятаться'	
1 л. ед. ч.	t'im-úmin	mul-úmin	lú-šk-umin
2 л. ед. ч.	t'im-á-sin	mul-ú-sin	lú-šk-isin
3 л. ед. ч.	t'im-á-tin	mul-ú-tin	lú-šk-itin
1 л. мн. ч.	t'im-úmas	mul-úmas	lú-šk-umas
2 л. мн. ч.	t'im-á-sas	mul-ú-sas	lú-šk-isas
3 л. мн. ч.	t'im-úndin	mul-úndin	lú-šk-undin

НкСД (БгСД), БСД, АСД.

		НкСД, БгСД		БСД (+Cr)		АСД		НГР ⁽¹⁾
		Гласн. тип	Согласн. тип	Гласн. тип	Согласн. тип	Гласн. тип	Согласн. тип	
III	1	-úmin	-umin	(-úm)	-um[i]	-úm	-um	-me
пасс. имперф. наст. вр.	2	' -sin	-isin	(' -s)	-is	' -s	-is	-se
	3	' -tin'	-itin	' -t	-[i]t -itin	' -t	-it	-te
	1	-úmas	-umas	(-úmtsits)	-amtsits -antsis -umits	-úmits	-umits	-maste
	2	' -sas	-isas	(' -stits)	(-astits)	' -sits	-isits	-ste -saste
	3	-úndin'	-undin'	(-úndin)	-andin	-úndin	-ni	-nde
	IV	1	-úmun	-amun	(-únduna)	-anduna	-úndam	-andam
пасс. имперф. прош. вр.	2	-únsun	-ansun	(-únduns)	(-anduns)	-úndans	-andans	-sun[a]
	3	-úndun	-andun	(-úndun)	-andun	-úndan	-andan	-tan[e] -ndan
	1	-úmas	-amas	(-úmtsats)	-amtsats -amtsas	-údamits	-andamits	-maste -mastan
	2	-únsas	-ansas	(-ústats)	(-astats)	-úndasits	-andasits	-saste -sastan
	3	-úndan	-andan	(-úndan)	-andan	-úndan	-andan	-ndusan -ndan[e]

Примечание⁽¹⁾ Из [MACKRIDGE 1985].

III именно как противопоставление **гласн.** и **согласн.** типов, т. е. для НкСД, как и в случае с пар. I (см., напр., табл. 10.8 (с. 235) и выше), пар. III возможно представить как единый для обоих классов набор окончаний + правила их морфологического преобразования, в зависимости от структуры словоизменительной основы. Различие глагольных классов в акцентуации здесь вполне естественным образом описывается через наличие/отсутствие тематического гласного, т. е. так же, как и для пар. I.

Таким образом, для НкСД выстраивается очень стройная и последовательная система с симметричным противопоставлением гласн. и согласн. типов у акт. и пасс. глаголов непрош. вр. Эти типы как в акт., так и в пасс. залоге имеют практически единую парадигму окончаний и противопоставлены только в плане структуры словообразующей основы (первые имеют основу на гласный, вторые — на согласный), и в силу этого также в плане акцентуации.

К такой системе очень близко устройство пар. III (как и ее «активного» коррелята, пар. I) в МСД. Единственным отклонением здесь является противопоставление окончаний 3 л. мн. ч.: -un (гласн. тип)/-ni (согласн. тип) как для акт., так и для пасс. глаголов. Впрочем, эти окончания с некоторой долей условности тоже

можно считать алломорфами одного окончания, распределенными в зависимости от морфонологического контекста (в данном случае — акцентуации). Пар. III в ССД тоже приближается к такому распределению, однако в меньшей степени.²⁸ Еще дальше от этого распределения отстоит пар. III в АСД, в которой окончания 3 л. мн. ч. -úndin (гласн. тип)/-ni (согласн. тип) уже невозможно более или менее естественным образом описать как морфонологические варианты единого морфонологического инварианта.

Парадигму III в БСД приходится описывать иначе, поскольку разница гласн. и согласн. типов слишком значительна, чтобы описание этой парадигмы как единой представлялось скольконибудь естественным. Можно считать, что в этой парадигме уже действует стратегия **второго типа**. Она состоит в том, что если парадигмы наст. вр. акт. глаголов гласн. и согласн. типов еще более или менее сводимы к некоторому инварианту, то в соответствующих парадигмах

Таблица 10.12. Парадигмы IVa и IVb в МСД.

	гласн. тип (IIIa)		согласн. тип (IIIb)
	-a- 'слушать(ся)'	-u- 'прятаться'	'приходить'
1 л. ед. ч.	fukr-úmni	ml-úmni	írk-nimi
2 л. ед. ч.	fukr-á-sits	ml-ú-sits	írk-nisi
3 л. ед. ч.	fukr-á-tindun	ml-ú-tindun	írk-indun
1 л. мн. ч.	fukr-úmnits	ml-úmnits	írk-nim'its
2 л. мн. ч.	fukr-á-snits	ml-ú-snits	írk-nisits
3 л. мн. ч.	fukr-á-tandan	ml-ú-tandan	írk-andan

пасс. глаголов эти типы четко противопоставлены двумя различными системами окончаний. При такой языковой стратегии понятие тематического гласного для пасс. парадигм все же имеет смысл — с одной стороны, пар. IIIa и IIIb четко противопоставлены, с другой стороны, между лично-числовыми окончаниями подтипов а и б нельзя найти какого-либо регулярного различия. Поэтому при упразднении понятия тематического гласного, т. е. при включении его в состав окончания, формальное различие между глагольными основами, присоединяющими окончания IIIa и IIIb, по-видимому, придется формулировать через акцентуацию глаголов: в типе IIIa — ударные окончания, в типе IIIb — безударные. Таким образом, применительно к этим парадигмам (и только к ним!) линейная структура морфем окажется зависимой от акцентуации, хотя в румейском языке вообще наблюдается противоположная тенденция. Таким образом, использование понятия тематического гласного (словообразовательного суффикса) упрощает описание системы языка в целом и поэтому оказывается предпочтительным.

Пар. III в АСД реализует стратегию, промежуточную между первой и второй. При этом, помимо пар. III в БСД, вторая стратегия еще реализуется в пар. IV в МСД и ССД. В табл. 10.12 приводится пример пар. IV из МСД.

В пар. IV прочих субдиалектов (НкСД, БСД, АСД) реализуется стратегия **третьего типа**, для которой, по-видимому, понятие тематического гласного должно иметь иное значение. Названия «гласн. тип» и «согласн. тип» в табл. 10.13 даны условно, по аналогии с противопоставлением классов в пар. III и I.

²⁸ Иначе пришлось бы вводить большее количество правил для распределения алломорфов окончаний.

Таблица 10.13. Парадигмы IVa и IVb в АСД.

	гласн. тип (IVa) 'бояться'	согласн. тип (IVb) 'приходить'
1 л. ед. ч.	fuv-úndam	ír-k-andam
2 л. ед. ч.	fuv-úndans	ír-k-andans
3 л. ед. ч.	fuv-úndan	ír-k-andan
1 л. мн. ч.	fuv-úndamits	ír-k-andamits
2 л. мн. ч.	fuv-úndasits	ír-k-andasits
3 л. мн. ч.	fuv-úndan	ír-k-andan

Из табл. 10.13 видно, что глагольные типы в плане линейной структуры регулярно противопоставлены всего одним гласным, который сохраняется неизменно во всех лично-числовых формах. В гласн. типе при такой стратегии нет различия между глаголами типа fuv-á-t и mul-ú-t, которое во всех субдиалектах так или иначе сохраняется в пар. III. Фактически, данная стратегия является в чистом виде **агглютинативной**. Она формально противопоставляет разные грамматические значения и унифицирует одинаковые. Если взять пар. IV из АСД изолированно от остальной глагольной системы, то можно сказать, что в словоформе выделяется словообразующая основа (fuv- или ír-k-), маркер класса, определяющий, в частности, акцентуацию слороформы,²⁹ суффикс прош. вр. -nda-, показатель лица (-m- — 1 л./-s- — 2 л./-n- — 3 л.), показатель числа (∅ — ед. ч., -ts- — мн. ч.; в 3 л. число не выражено). Здесь тематический гласный включается как один из аффиксов в агглютинативную цепочку.

Безусловно, такая модель противоречит по всем параметрам устройству классической словоформы фузивно-флективного языка. В связи с этим возникает дилемма — описывать разные подсистемы языка с применением абсолютно разной терминологии³⁰ либо пытаться каким-то образом описать подобную парадигму через понятия основы и окончания. Если не вводить особое акцентуационное правило для парадигм, реализующих третью стратегию, тогда следует считать, что гласные -i- и -u- принадлежат окончанию. Соответственно, в гласн. типе, согласно общему морфологическому правилу, действующему для акт. и пасс. глаголов гласн. типа в непрош. вр., тематический гласный исчезает перед окончанием, начинающемся с гласного. Собственно, это всегда гласный -u-: АСД fuv-á-t 'боится', но fuv-úm 'боюсь' и fuv-úndam '[я] боялся'. В пар. IV в АСД, НкСД, БСД все окончания начинаются с гласного, т. е. материально тематический гласный в парадигме данного типа вообще не представлен и о его наличии сигнализирует только акцентуация глагола. Такое несколько парадоксальный подход все же позволяет сохранить единство описания правил акцентуации как зависимых от сегментной структуры глагольной словоформы, а также параллелизм в описании акт. и пасс. глаголов.

10.4.4 Парадигмы III и IV в ЯлСД

Данные парадигмы в ЯлСД отмечены, прежде всего, значительной вариативностью окончаний. В табл. 10.14 приводится по одному примеру на гласн. и согласн. тип, для которых были записаны полные парадигмы непрош. и прош. вр.

²⁹ Так -ú- — самоударный, -a- — левоударный, в терминологии А. А. Зализняка [Зализняк 1985].

³⁰ Например, для данной модели тематический гласный будет безусловным словоизменительным аффиксом, ничем не отличающимся от других грамматических маркеров.

Таблица 10.14. Парадигмы III, IV для ЯлСД.

		гласн. тип 'спать'	варианты	Ч	согласн. тип 'сидеть'	варианты	Ч	
III	ед. ч.	1	t'im-ú m		-ум	káθ-um	-ум	
		2	t'im-á-s'		-ас	kaθ'-s'	-с	
		3	t'im-á-t		-ат	kaθ'-t	stek-θ	-т
	мног. ч.	1	t'im-ú mstin'	fuv-ú mdin'	-умстинь	káθ-umstin'	sték-umst', sték-umdin', káθ-udum, káθ-un'stin'	-умстинь
		2	t'im-á- stin'		-астинь	káθ-stin'	stek-st'	-стинь
		3	t'im-ú din'	fruk'isk-ú nd'in' fuv-ú nstin'	-удинь	káθ-udin'	sték-un'st'in, sték-un'st', sték-un', sték-udud'in', kr'é m-tin , kr'é m-ud'in' , kr'é m-ut' , kr'é m-ustin' , t'ft un- d'in' , káθ- unt , káθ- utin	-ум, -удинь
IV	ед. ч.	1	t'im-ú mna		-умна	jír-k-umna	-умна	
		2	t'im-á- sun		-асунс	jír't-sun	sték-sun(')s('), t'ft- ums'	-сун, -сунс (УСД)
		3	t'im-á- tun		-атуи	jír'-tün	sték-tun, jír'- tin	-тюи
	мног. ч.	1	t'im-ú mastin'	t'im-ú mna'st'	-умастинь	jír-k-amstin'	jír-k-umdin', káθ- anamstin' , sték- umna'st'	-анамстинь -амстинь (УСД)
		2	t'im-á- sastin'		-асастинь	jír-k-astin'	t'ft-unstin', jír-k- andin' , káθ- amstin' , káθ- ustin' , kaθ- ananstin' , sték- uns't'	-анастинь -астинь (УСД)
		3	t'im-ú nadin'	t'im-ú nan'stin' t'im-ú din' t'im-ú nanan'stin'	-усадинь	jír-k-adin'	sték- anan'st' , jérk- ut , jír-k- anadin' , t'ft- and'in'	-анадинь -адинь (УСД)

от одного и того же информанта, хорошо владеющего языком. Для сопоставления даются парадигмы ЯСД из [Чернышева 1958].³¹ В графе «варианты» приводятся словоформы, зафиксированные разными собирателями от разных информантов, в которых встречаются иные, чем в «основной» форме, варианты соответствующих окончаний.

Можно отметить, что вариативность наблюдается не только при сопоставлении записей от разных информантов, но и в речи одного человека. Например, одна и та же информантка из с. Ялта (1928 г. р., 7 кл.), хорошо владеющая ЯлСД, в ответе на стимул: «На стене висит одежда» в 2001 г. употребила форму kr'é**m-udin** (пасс. имперф. наст. вр. 3 л. ед. ч.) а в 2002 г. в ответе на тот же стимул — kr'é**m-ut'**. Можно допустить, что в использованные материалы могли попасть какие-то искаженные, неправильно записанные собирателями формы, но общая тенденция все равно очевидна. К сожалению, в силу недостаточности ма-

³¹ В [Чернышева 1958] для отдельных глаголов можно найти и другие варианты окончаний.

териала невозможно однозначно определить, существует ли в ЯлСД разделение пасс. глаголов гласн. типа на два подтипа с разными тематическими гласными. Впрочем, есть некоторые основания полагать, что в ЯлСД нет и никогда не было гласн. типа на -и-. В других субдиалектах пасс. глаголам на -и- этимологически соответствуют акт. глаголы на согласный, словообразующая основа которых оканчивается на суффикс -он- (/ -уп- / -и-). Например, 3 л. ед. ч. в МСД: ml-**он**-∅ 'прячет' – ml-**и**-t 'прячется', sk-**он**-∅ 'поднимает' – sk-**и**-t 'встает'. Однако последняя пара глаголов в ЯлСД выглядит как sik-**он** – sik-**он**-um (1 л. ед. ч.);³² т.е. в пасс. глаголах суффикс -он- сохраняется, и эти глаголы относятся к согласн. типу. Поэтому выделение в табл. 10.14 (с. 242) тематического гласного -а- в глаголе 'спать' в качестве отдельной морфемы, а также отнесение его к основе можно считать условностью, принимаемой здесь по аналогии с пар. I и с другими субдиалектами.

Что касается противопоставления между гласн. и согласн. типом, то при подобном уровне варьирования различие между ними, отчетливо сохраняющееся для других субдиалектов, в ЯлСД уже практически стирается. Здесь даже размываются границы между формами различных лиц и чисел. Все это, несомненно, свидетельствует о происходящем сейчас распаде пасс. парадигмы в ЯлСД, следующем в русле общей деградации румейского языка в с. Ялта. Особенно наглядно это видно при сопоставлении экспедиционных материалов с данными Т. Н. Чернышевой, полученными в с. Ялта в 50-х гг. В принципе понятно, что пар. III и IV утрачиваются раньше, чем I и II, в силу сложности структуры окончаний пасс. глаголов.³³ Пасс. глаголы употребляются также значительно реже, чем активные. Наряду с разрушением пасс. парадигм, в ЯлСД также почти утрачен единственный еще сохраняющийся в румейском языке класс страдательных причастий прош. вр. Таким образом, из ЯлСД морфологическая категория залога, по-видимому, уходит целиком.

Если все же пытаться сопоставить устройство парадигм окончаний III и IV в ЯлСД с устройством этих парадигм в других субдиалектах румейского языка, то можно отметить, что в пар. III в целом реализуется стратегия первого типа, а в пар. IV — стратегия второго типа.

10.5 Основы глагола

10.5.1 Общие положения

Глагольные словоформы в НГР состоят, как уже отмечалось, из двух основных частей — словоизменительной основы и окончания из соответствующей видовременной парадигмы. Кроме того, словоформе приписана определенная акцентная характеристика.

Словоизменительная глагольная основа может содержать следующие части: корень (обязательная часть), словообразовательные суффиксы и (редко) приставки, видовые словоизменительные суффиксы, временной словоизменительный префикс (т. н. **аугмент**). Например, в словоформе é-su-s-a '[я] достиг, достал, догнал'

³² Т. Н. Чернышева приводит также форму s'uk-**он**-um.

³³ Именно в ЯлСД, благодаря наращениям и гаплогии, встречаются трех- и даже четырехсложные окончания.

выделяются следующие морфемы: *é-* — аугмент (суффикс прош. вр.), *-su-* — алломорф корня *-son-*, *-s-* — видовой перф. суффикс, *-a-* — окончание 1 л. ед. ч. из парадигмы прош. вр. (II).

В смысле общих правил морфотактики глагольные формы румейского языка мало чем отличаются от глагола в НГР. Однако все же следует сделать одно уточнение, касающееся приставочных глаголов. Дело в том, что если приставочный глагол был образован от односложного глагола, в формах прош. вр. аугмент вставлялся между приставкой и корнем; т. е. этимологически форма аор. производного от глагола *son-u* приставочного глагола *kata-son-u* 'успевать' членится на морфемы следующим образом: *kat-é-su-s-a*. Ср., однако, основные видовременные формы обоих глаголов (наст. вр., имперф., аор., императ. 2 л. ед. и мн. ч.) в МСД:

(10.3) 'достигать': *son-u — son-išk-a — é-su-s-a — só-si — su-s-ét*

(10.4) 'успевать': *katason-u — katésun-a — katésu-s-a — katésu — katesu-s-ét*

Если в (10.3) глагол изменяется как обычный односложный глагол (см. табл. 10.45, с. 302), то в (10.4) глагол изменяется скорее как многосложный глагол, имеющий в основе чередование гласных *a : e*, частично обусловленное ударением. Если рассматривать это чередование как вставку аугмента, то, во-первых, грамматическое значение аугмента будет непонятным в формах императ., во-вторых, будет нарушаться общерумейское акцентное правило о самоударности аугмента (см. правило 4, с. 332). Вместе с тем, морфонологические чередования гласных (или даже колебания) такого рода (*a : e*, *a : i*, *i : e*) распространены в румейском, и во многих случаях трактовка их в качестве присоединения аугмента также представляется затруднительной. Поэтому в большинстве случаев подобные чередования интерпретируются как морфонологическая аномалия, обычно (но не всегда) связанная со смещением ударения. Если не считать подобное чередование в приставках присоединением аугмента, то приставочные глаголы можно в целом относить к многосложному регулярному классу.

Единственным исключением здесь может быть ЯлСД, однако для заключений общего рода недостаточно данных. Ср. основные финитные формы (наст. вр., имперф., аор., перф. форма наст. вр.) глаголов 'достигать' и 'извлекать', а также производных от них приставочных глаголов 'успевать' и 'проводить' в ЯлСД:³⁴

(10.5) 'достигать': *son-∅ — jé-sun-a — jé-s-s-a — so-s-∅*

(10.6) 'успевать': *katason-∅ — katésun-a — katés-s-a — katásó-s-∅*

(10.7) 'извлекать': *vyan-∅/vuz-∅ (Ч) — jé-vyan-a — jé-vyal-a — vyal-∅ (Ч)*

(10.8) 'проводить': *paravýal-∅/paravýan-∅ (Ч) — parávyal-a/para-jé-vyan-a (Ч) — para-jé-vyal-a — paravýal-∅*

Видно, что если в (10.6) и в формах прош. вр. наблюдается, как в соответствующих формах из МСД в (10.4), именно **чередование** гласных, то в (10.8) происходит **вставка** *-jé-* между приставкой и корнем. Поэтому в (10.8) трактовка вставляемого сегмента как аугмента представляется наиболее естественной. Тем

³⁴ Императ. не зафиксирован.

не менее, видно, что словоизменительный тип глагола ‘проводить’ находится в процессе перестройки. В [ЧЕРНЫШЕВА 1958] фиксируются закономерные формы данной лексемы — с частичным супплетивизмом словообразовательных основ в имперф. и перф. формах, а также со вставкой аугмента в обеих формах прош. вр. Однако участники экспедиций СПбГУ застали ситуацию унификации словообразовательных основ этого глагола и частичного сдвига его словоизменительного типа в сторону многосложных глаголов. Единственной нехарактерной для многосложных глаголов формой, содержащей аугмент в качестве внутренней флексии, оказывается форма аор. Это неудивительно, потому что, как будет отмечено далее, для форм аор. характерна наибольшая морфологическая устойчивость.

Следует, правда, признать, что других примеров, подобных глаголу ‘проводить’ в ЯлСД, в собранном материале не встретилось. Для МСД была зафиксирована только форма наст. вр. *paγavúal-u* со значением ‘наговаривать на кого-л. (неправду)’, для других субдиалектов информация по данному глаголу вообще отсутствует. Поэтому в общем случае аугмент в румейском языке можно, прежде всего, считать **префиксом**; для него **нехарактерна** морфотактическая позиция внутренней флексии (между приставкой и корнем).

Приставочные глаголы при этом обычно оказываются многосложными, хотя и существует ряд неправильных приставочных, суффиксальных и иных глаголов с многосложной словоизменительной основой (см. с. 246 и сл.), изменяющихся по тому или иному иррегулярному типу, например, глаголы *r'igm'én-∅* ‘ждать’, *ksiv'én-∅* ‘выходить’, *if'ín-∅* ‘оставлять’ *m'iγal'n'ésuk-∅* ‘расти’ в ЯлСД (см. табл. 10.50, с. 318).

В грамматиках НГР нет единого мнения относительно членения словоформы на словоизменительную основу и окончание. Ситуация здесь отчасти напоминает ситуацию с включением/невключением в окончание тематического гласного, о которой говорилось на с. 230 и сл.. Все ученые выделяют как минимум две временных основы — наст. вр. и аор. [ТРИАНДАФИЛИДИС 1995] или **перфективную** (perfective) и **имперфективную** (imperfective) [MACKRIDGE 1985].³⁵ Перф. основа может быть **сигматической**, т. е. включать видовой суффикс *-s-*, или **асигматической**, т. е. не включать этого суффикса. В дополнение к этим двум основам еще обычно выделяется перф. пасс. основа (иначе — основа пасс. аор.), характеризующаяся наличием суффикса *-t-/-θ-*, о котором уже шла речь выше (см. с. 231 и сл.). Вот, например, что написано о глагольных основах в уже упоминавшейся грамматике М. Триандафилидиса: «Все глаголы в каждом залоге имеют две основы, от которых образуются разные формы глагольных времен. Различаются основа настоящего времени и аористная основа». Но немного ниже следует приписка мелким шрифтом: «От основы пассивного аориста образуются страдательные формы однократных времен. . . » и т. п. [ТРИАНДАФИЛИДИС 1995: 204–205]. В членении словоформ, образованных от этой последней основы, на словоизменительную основу и окончание наблюдается некоторое противоречие. Как в [ТРИАНДАФИЛИДИС 1995], так и в [MACKRIDGE 1985; MACKRIDGE ET AL. 1999] эти словоформы членятся следующим образом: *δέθ-ηχα*, *πληρώθ-ηχα*. Точнее, в [MACKRIDGE ET AL. 1999] говорится, что словоформа *πληρώθ-ηχα* состоит из основы *πληρώθ-* и окончания *-ηχα*, которое, в свою очередь, состоит из суффикса *-ηχ-* и окончания *-α* [MACKRIDGE ET AL. 1999: 112]. Точно так же временной суффикс

³⁵ Последнее представляется более адекватным правилам функционирования этих основ.

-ουσ-, используемый в НГР для образования «прошедшего длительного времени» (т. н. *παράτατικός*, т. е. имперф.) глаголов второго спряжения (на гласный) относится в этой грамматике к окончанию, например, *αγαπ-οῦσα*. Откуда возникает такое «неравноправие» суффиксов в описании, почему одни отходят к основе, а другие к окончанию? По-видимому, причины этого отчасти кроются в следовании классической филологической традиции описания греческого языка, а отчасти — в дескриптивистских установках авторов грамматик. Те суффиксы, которые включаются этими авторами в глагольную основу (т. е. -σ- и -τ-/-θ-) имеют некоторое общее отличие от тех, которые относятся ими к окончанию (т. е. -ιχ- и -ουσ-). Первые, присоединяясь к словообразующей основе, часто вступают с ней в морфологическое взаимодействие. Например (приводятся пары форм наст. вр. и аор.): *τρέχ-ω — έ-τρέχ-ς-α* ‘бежать’, *ξερ-ν-ώ — ξέρ-α-σ-α* ‘знать’, *κλέ-ω — έ-κλαπ-ς-α* ‘плакать’, *περ-ν -ώ — πάρ-θ-ηκ-α* ‘проникать’ и т. д. С точки зрения синхронного состояния языка все эти изменения фонологически немотивированы и представляются собой морфологические следы различных диахронических процессов. Поэтому для авторов грамматик оказывается проще относить эти суффиксы к основе, не членя ее далее, чем решать теоретический вопрос о том, как следует трактовать эти изменения на синхронном уровне — как изменение последнего согласного словообразующей основы, изменение самого суффикса, слияние суффикса с финалью основы в нечленимое единство и проч. Суффиксы второй группы присоединяются к мотивирующей основе механически, агглютинативно, не производя в ней никаких изменений, и поэтому легко могут быть отделены от нее при анализе. Отнесение их к окончанию, по-видимому, является данью классической грамматической традиции и ее постулату о том, что существует всего две основных временных основы (и одна вспомогательная). При этом, когда в [MACKRIDGE ET AL. 1999] делается попытка отделить один из таких суффиксов от собственно окончания, возникает теоретическое противоречие — «окончание, которое включает в себя суффикс и окончание».

Чтобы избежать подобных противоречий при описании временных основ в румейском языке, следует придерживаться следующего правила: **любое изменение мотивирующей основы, в т. ч. акцентное, создает новую словоизменительную основу.**

10.5.2 Устройство видовременных глагольных основ

В румейском языке, как и в НГР, и вообще во многих языках, все глаголы, прежде всего, распадаются на две большие группы: с регулярным и нерегулярным словоизменением. Внутри каждой из групп существуют свои подклассы, при этом большинство подклассов «неправильных» глаголов подчиняется не менее строгим закономерностям, чем те, которые характерны для глаголов «правильных». Их «неправильность» заключается, главным образом, в их сравнительной малочисленности. Морфологическая структура таких глаголов в значительной степени различается по субдиалектам. Это варьирование и формирует некоторые важнейшие изоглоссы, на основе которых должно проводиться деление румейских субдиалектов на группы.

Гласный тип с точки зрения устройства видовременных основ, как и в плане парадигмы окончаний Ia, обнаруживает относительную устойчивость по субдиа-

лектам, и основное морфологическое варьирование связано именно с согласным типом. Дело в том, что минимальная формообразующая основа³⁶ любого глагола гласн. типа по определению состоит более чем из одного слога, поскольку включает в себя как минимум корневой гласный и тематический гласный. При этом основной водораздел между регулярными и нерегулярными глаголами пролегает именно по линии «**односложность/многосложность**»³⁷ минимальной формообразующей основы». В прототипическом случае **акт. основа наст. вр.** и является минимальной основой. При этом у иррегулярных глаголов данная основа является минимальной далеко не всегда. Основа многосложных глаголов, из-за произошедших в субдиалектах фонетических изменений, не во всех формах оказывается **фактически** многосложной. Например, основы наст. вр. акт. глаголов (МСД, ССД) *zlíz-u* 'сжимать' (пример 10.9) или *zbǎáz-u* 'спешить' (10.10) фактически односложны, причем первая из них — во всех видовременных формах. Однако в формоизменении обнаруживаются чередования гласных, демонстрирующие их действительную принадлежность к многосложному классу:

(10.9) *zǎlíz-u* (имперф. наст. вр.) — *zǎlǎz-a* (имперф. прош. вр.) — *zǎlǎk-s-a* (перф. прош. вр.)

(10.10) *zbǎǎáz-u* (имперф. наст. вр.) — *zbǎǎaz-a* (имперф. прош. вр.) — *zbǎǎak-s-a* (перф. прош. вр.)

Большинство многосложных румейских глаголов в диахронии являются производными, поскольку исконный непроемный глагольный корень обычно односложен. Приставочных глаголов в румейском мало, и специально рассматриваться они в этой главе не будут. Многосложные румейские глаголы — это, прежде всего, **суффиксальные** глаголы.

В результате различных языковых процессов некоторые из многосложных словообразующих основ в синхронии стали непроемными; например, непроемна основа *ǎaváz-* 'читать', поскольку в синхронии не существует слова с мотивирующей односложной основой, от которой она образована. При этом в большинстве случаев сохранилась достаточно четкая граница между корнем и словообразовательным суффиксом. Однако для построения классификации глагольного словоизменения в НГР и в румейском обычно важен не весь суффикс целиком, а только его **финаль**, фонема, на которую он оканчивается. В грамматиках НГР глаголы делятся на типы именно по финали словообразующей основы [Триандафилидис 1995: 64]. В то же время при описании румейского языка в ряде случаев указания только на финаль недостаточно; необходимо учитывать структуру суффикса целиком.

³⁶ Под минимальной основой здесь понимается простейшая по морфологическому строению формообразующая основа глагола, содержащая минимальное количество словоизменяемых морфем, т. е. в идеале совпадающая с минимальной словообразующей основой, если для какого-либо слова их выделяется несколько.

³⁷ Под многосложностью здесь и далее понимается наличие в словообразующей основе глагола более чем одного слога.

10.5.3 Словообразовательные суффиксы производных глаголов

Словообразующие основы глаголов **на гласный** оканчиваются на уже неоднократно упоминавшиеся суффиксы -а- и -i-. Эти глаголы образуют сравнительно небольшую группу слов, в основном содержащих исконные греческие корни и потому имеющих соответствия в НГР, например (3 л. ед. ч.): аҫар-**á**-∅ 'любить', траv-**á**-∅ 'тащить', риг-**í**-∅ 'мочь', рl-**í**-∅ (МСД, ССД)/руl-**í**-∅ (ЯлСД, НкСД, БгСД, АСД, БСД) 'продавать' и др. В собранном в ходе экспедиций корпусе, содержащем чуть более 500 глагольных корней, глаголы на гласный составляют примерно 12%. Словообразующих основ на гласный с тюркскими корнями в румейском практически не имеется, поскольку данная модель словообразования не является очень продуктивной. Большинство производных (на синхронном уровне) глагольных основ на гласный образовано от имен прилагательных и существительных, например (3 л. ед. ч.):

глаголы на -а-

- (10.11) рíпа 'голод' > рп-**а**-∅ 'алкать, голодать'
 (10.12) рáту 'почва, земля' > рат-**á**-∅ 'ступать, наступать'
 (10.13) liš-árku 'бешеный' > liš-**á**-∅ 'беситься, взбеситься'
 (10.14) kaliméра 'здравствуй' (досл. καλιμέρα 'доброе утро') > kalmer-**á**-∅ 'приветствовать'
 (10.15) suхúг 'слепой' > suхиг'-**á**-∅ 'слепнуть'

глаголы на -i-

- (10.16) рóп-и 'боль' > рип-**í**-∅ 'болеть';
 (10.17) рíхпа 'пыль' > рихп-**í**-∅ 'пылить';
 (10.18) tíррi³⁸ 'дырка' > тiрр-**í**-∅ 'продырявливать'

В силу сравнительной немногочисленности этих глаголов и малопродуктивности гласной модели словообразования, наблюдается тенденция перехода некоторых глаголов на гласн. в согласн. тип. Бóльшая часть глаголов на гласный имеет суффикс -а-; глаголы на -i- составляют меньше четверти всей группы. Поэтому переход в согласн. тип для глаголов на -i- особенно характерен. В некоторых субдиалектах (АСД, БСД, ССД) практически все глаголы на -i- перешли в тип на -iу- (см. с. 258 и сл.).

Для **согласн. типа** можно выделить две основные группы словообразовательных суффиксов — продуктивные и непродуктивные (через косую черту приводятся некоторые морфонологические варианты соответствующих суффиксов, подробнее см. табл. 10.24, с. 271):

³⁸ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 185, 190, 191] даются варианты *таpпí* (сущ.), *таpпú* (глагол.) для ССД, *трапí* (сущ.) для БСД и ССД и *трипí* (сущ.), *трипú* (глагол.) для ЯСД, БСД, БгСД.

	продуктивные:	непродуктивные:
	1) -íz-/-jz-/-j-	2) -év-/-iv-/-ip-, -év-/-jv-/-jp-
(10.19)	2) -év-/-jv-/-j-	5) -áz-
	3) -íγ-	6) -n-, -ón-/-un-, -án-, -én-/-in-
		7) -áy-

Кроме суффиксов, указанных в примере (10.19), также имеется суффикс -išk-, о котором см. особо с. 250 и сл.

Во многих случаях, особенно если словоизменяемый суффикс является непродуктивным и/или сам глагол на синхронном уровне не является производным, не всегда можно уверенно говорить о том, что словообразующая основа того или иного глагола членится на корень и суффикс. Также в некоторых случаях, возможно, не следует включать в суффикс гласный. Однако все эти вопросы нужно решать для каждого глагола индивидуально, поэтому следует просто оговориться, что здесь понятие словообразовательного суффикса используется условно, именно в значении **типа финали основы**. Для определения словоизменяемого типа глаголов не имеет значения, является ли тот или иной суффикс действительно отделимым от корня или нет, важна лишь фонологическая структура морфоиды в финали основы.

10.5.4 Способы образования видовременных основ регулярных глаголов

К регулярному классу относится большинство глаголов на гласный и многосложных глаголы на согласный. Основное различие в правилах формообразования между этими двумя группами заключается в модели образования **основы акт. имперф.**

Типологическое разнообразие глагольных формообразовательных моделей в румейских субдиалектах связано, прежде всего, с образованием именно этой основы. Модель образования акт. имперф. глаголов на гласный объединяет все субдиалекты румейского языка и противопоставляет их как некоторую общность диалектам НГР. Регулярные модели образования основы акт. имперф. у односложных глаголов различают разные группы румейских субдиалектов между собой. Напротив, **перф. основы** всех глагольных типов в основном сохраняются в неизменности по субдиалектам и во многих случаях тождественны формам НГР. В тех случаях, когда перф. основы, прежде всего, формы акт. аор., не соответствуют формам НГР, либо же представляют какие-то периферийные для НГР варианты — архаические (аор. éđram-a ‘[я] побежал’), редко употребляющиеся (аор. đók-a ‘[я] дал’ или ívt-a ‘[я] нашел’), — они также выполняют функцию консолидации румейских субдиалектов в единую диалектную группу, противопоставленную другим диалектным группам НГР.

10.5.5 Основы глаголов гласн. типа

Основа наст. вр. (= имперф. основа непрош. вр.) как акт., так и пасс. глаголов на гласный всегда равна по своему морфологическому составу словообразующей основе. **Имперф. основа непрош. вр. акт. глаголов** оканчивается на **словообразовательный гласный суффикс -а-** или **-i-**, который, согласно морфоноло-

ческому правилу, исчезает, если окончание начинается с гласного (3 л. ед. ч. vs. 1 л. ед. ч.): *rip-i-∅* vs. *rip∅-ú* 'болеть', *jil-á-∅* vs. *jil∅-ú* 'улыбаться, смеяться'.

Общая для прош. и непрощ. вр. **имперф. основа пасс. глаголов** гласн. типа имеет в качестве финали основы либо суффикс *-a-*, либо суффикс *-u-*. Как уже отмечалось, пасс. и акт. формы, образованные от одних и тех же корней, в большинстве случаев следует считать разными лексемами (см. с. 225). Поэтому в этой главе используются термины «акт./пасс. глаголы», а не «формы акт./пасс. залага». Часто однокоренные словообразующие основы, от которых образуются акт. и пасс. формообразующие основы, различаются морфемной структурой. Наиболее характерным отличием является наличие словообразовательного **суффикса *-išk-*** в пасс. основах, вставляемого перед тематическим гласным. Это отмечал и М. В. Сергиевский: «В известных случаях здесь (в пасс. — Н. К.) является суффикс *-išk-*; ср. *pširiškúm, -ás, -át* при *pširú, dṛaniškúm* 'виднеюсь', *-ás, -át* при *dṛanú* и т. п.» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 579].

В румейском языке имеются два омонимичных суффикса *-išk-*, один словообразовательный, другой словоизменяющий. Ср. соотношения: *rip-u* 'пью' (наст. вр.) — *rip-išk-a* '[я] пил' (имперф.) и *fl-u* 'целую' (наст. вр. акт. глагола) — *fl-išk-úm* 'целуюсь' (наст. вр. пасс. глагола). В первом случае суффикс *-išk-* является словоизменяющим и формирует основу акт. имперф. Этот суффикс играет очень важную морфологическую роль в румейских субдиалектах (см., напр., табл. 10.45–10.50 (с. 302–318)). Второй суффикс является словообразовательным. В имперф. основах пасс. глаголов гласн. типа он занимает позицию между корнем и словообразовательным гласным суффиксом, ср. форму наст. вр. 3 л. ед. ч. *fl-išk-á-t* 'целуется'. В перф. основах этот суффикс принимает форму *-ix-* и занимает позицию перед словоизменяющим перф. пасс. суффиксом, ср. аор. *flíx-t-a* '[я] поцеловался'. В основах пасс. глаголов согласн. типа этот суффикс не встречается, ему соответствует там суффикс *-k-/∅*, например: *bujatr-év-u* 'красить' — *bujatr-éf-k-um*/(перф. наст. вр.) *bujatr-éf-t-a* 'красить'. Появляющаяся в некоторых случаях в имперф. основах пасс. глаголов на согласный последовательность *-išk-*, по-видимому, следует членить на два суффикса, учитывая этимологическое соотношение с основой акт. наст. вр.: *[a]gǝ-íz-u* 'раздевать' — *[a]gǝ-íš-k-um*/(перф. наст. вр.) *[a]gǝ-ís-t-a* 'раздевать'. По соотношению этих форм можно сказать, что словообразовательный суффикс *-íz-* имеет алломорфы *-iš-* и *-ís-*, а *-k-/∅* является отдельным словообразовательным суффиксом, тем же самым, что и в *bujatr-éf-k-um*.

Оба класса акт. глаголов на гласный (как на *-i-*, так и на *-aa-*) этимологически соотносятся с **пасс. глаголами на *-a-***, например (3 л. ед. ч.): а) *pl-i-∅* 'продавать' — *pl-išk-á-t* 'продаваться', *angal-i-∅* 'обнимать' — *angal-išk-á-t* 'обниматься', *tirp-i-∅*³⁹ 'дырявить' — *tirp-išk-á-t* 'продырявливаться'; б) *fl-a-∅* 'целовать' — *f(i)l-išk-á-t* 'целоваться', *pšir-á-∅* 'начинать' — *pšir-išk-á-t* 'начинаться', *stix-á-∅* 'давать обет' — *stix-ixk-á-t/stix-išk-á-t* 'приноситься в жертву по обету', *trav-á-∅* 'тянуть' — *trav-išk-á-t* 'тянуться', *zmun-á-∅* 'забывать' — *zmun-išk-á-t* 'забываться', *(j)in-á-∅* 'рождать' — *in-išk-á-t* 'рождаться', *kalmer-á-∅* 'приветствовать' — *kalmer-išk-á-t* 'здороваться'. Глаголам на согласный с суффиксом *-án-* также соответствуют пасс. глаголы на *-á-*: *xalán-∅* 'разрушать' — *xal-á-t* 'разрушаться'.⁴⁰

³⁹ См. также сн. 38.

⁴⁰ В экспедиционном материале встретился только один глагол на *-án-*.

Пасс. глаголы на -u⁴¹ этимологически соотносятся с акт. глаголами на согласный, имеющими суффикс -on-(-un-/-u-), например (3 л. ед.ч.): ml-on-∅ 'прятать' — ml-u-t 'прятаться', skut-ón-∅ 'убивать' — skut-ú-t 'погибать', хагам-ón-∅ 'портить' — хагамú-t 'портиться', sk-on-∅ 'поднимать' — sk-u-t 'вставать', kulð-ón-∅ 'запирать на замок' — kulð-ú-t 'запираться на замок', kup-ón-∅ 'лить' — kup-ú-t 'литься, выливаться', kup-ón-∅⁴² 'переворачивать' — kup-ú-t 'переворачиваться',⁴³ fusk-ón-∅ 'надувать' — fusk-ú-t 'надуваться; подниматься (о тете)'.⁴⁴

Имперф. основа прош. вр. акт. глаголов на гласный образуется путем прибавления **суффикса -п-** к основе наст. вр. При этом суффикс -а- перед -п- сохраняется всегда, а суффикс -i- — только в тех субдиалектах, где в соответствующей позиции нет редукции безударных i и u, а именно — в БСД и ЯлСД, например: (наст. вр. 1 л. ед.ч./3 л. ед.ч. — имперф. 1 л. ед.ч.): ауар-ú (ауар-á-∅) 'любить' — ауар-а-п-а, рип-ú (рип-í-∅) 'болеть (о части тела)' — роп-i-п-а (ЯлСД, БСД, АСД)/роп∅-п-а (МСД, НкСД, БгСД, ССД, АСД).

Перф. основа акт. глаголов на гласный образуется путем прибавления к основе наст. вр. **суффикса -s-**. Перед этим суффиксом практически во всех случаях, вне зависимости от фонологической системы субдиалекта, происходит выпадение безударного гласного суффикса: ауар-á-∅ — ауар∅-s-a '[я] полюбил' (перф. наст. вр. 1 л. ед.ч.)/ауар∅-s-ét 'полюбите' (императ. 2 л. мн.ч.), рип-í-∅ — роп∅-s-in 'заболело' (перф. прош. вр. 3 л. ед.ч.), lal-í-∅ 'играет (на муз. инструменте)' — lal∅-s-ét 'сыграйте' (императ. 2 л. мн.ч.). Из этого правила есть ряд исключений, когда гласный -а- сохраняется — наличие или отсутствие гласного суффикса на синхронном уровне никак структурно не мотивировано. Исключения с сохранением -а- в основном совпадают с исключениями в НГР:⁴⁴ р'it-á-∅ — р'ét-а-s-a, pit-а-s-ét (МСД) 'летать'; pirn-á-∅ — réр-а-s-a, pir-а-s-ét (МСД)/pirn-á-s-it (ССД) 'проходить, проникать', jir-á-∅ — jér-а-s-a 'стареть', fil-á-∅ — fél-а-s-a (МСД filk-s-a) 'годиться, подходить', anagul'-á-∅ — anagól'-а-s-a (МСД anagól∅-s-a) 'подташнить, мутить', rin-á-∅ — rín-а-s-a 'алкать, испытывать голод', riу-á-∅ — réу-а-s-a 'мерзнуть'; М. В. Сергиевский дает также для глагола kurt-á-∅ 'глотать' в ССД форму kúrt-а-s-a, тогда как в МСД удалось зафиксировать форма kúrt∅-s-a. Кроме того, ряд глаголов на -а- имеет иррегулярную перф. акт. основу, совпадающую по структуре с одним из типов перф. акт. основ глаголов на согласный, имеющих заднеязычный в финали словообразующей основы. Все такие формы обнаруживают колебания по субдиалектам в сторону более регулярных для гласн. типа форм:⁴⁵ vast-á-∅ — vástik-s-a (ССД) 'держат'/vást-а-s-a (МСД) 'выкармливать (ребенка)', trav-á-∅ — tráv'ik-s-a (ЯлСД) 'тянуть; курить'/tráv∅-s-a (МСД, ССД, БСД) 'тянуть', prat-á-∅ — prátik-s-a (МСД, ССД)/prát∅-s-a (БгСД) 'шагать, ходить',

⁴¹ Подобных глаголов очень немного.

⁴² **Прим. ред.:** глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

⁴³ В ЧСД 'умирать'.

⁴⁴ Даются формы наст. вр. 3 л. ед.ч. — аор. 1 л. ед.ч., (в некоторых случаях) императ. 2 л. мн.ч. Если облик формы варьируется по субдиалектам, при каждом варианте приводится его происхождение, по умолчанию указаны формы из МСД.

⁴⁵ Приводятся формы наст. вр. 3 л. ед.ч. — аор. 1 л. ед.ч. (субдиалектные варианты даются через косую черту).

pit-á-∅ — pétak-s-a (АСД)/p'ét-a-s-a (МСД, ССД, ЯлСД) 'летать', angal-í-z-∅/angal-í-∅ — angálk-s-a (МСД)/angál∅-s-a (АСД, БСД) 'обнимать'.⁴⁶

Перф. акт. основы непрош. и прош. вр. различаются исключительно морфологически. Различие связано с разным местом ударения в соответствующих словоформах. Так, в тех случаях, когда в основе прош. вр. гласный суффикс отсутствует, в основе непрош. вр. под ударением появляется протетический гласный -i- (тип а) или (редко) -e- (тип b). Глаголы, имеющие -a- в безударном положении в основе прош. вр., сохраняют его и под ударением в основе непрош. вр. (тип с). В глаголах на гласный, имеющих в перф. акт. основе заднеязычный, безударное -i- под ударением чередуется с -e- (тип d), как и у глаголов на согласный. У глаголов на -i- в перф. основе непрош. вр. гласный иногда сохраняется неизменным (тип e), а иногда чередуется с -e- (тип f):⁴⁷

- а -á-/∅/-í-: aḡar-á-∅/aḡar∅-s-a : -aḡar'í-s- (ЯлСД) 'любить'; ḡrik-á-∅/ḡrik-s-a : ḡrikí-s- (БСД) 'слышать', dran-á-∅/drán-s-a : -draní-s- (БСД) 'смотреть', pšir-á-∅/pšir-s-a : -pširí-s- (ССД) 'начинать', rand-á-∅/ránd-s-a : -randí-s- (ССД) 'прыгать, скакать', rut-á-∅/rót-s-a : -rut'í-s- (ЯлСД, БСД) 'спрашивать', zmun-á-∅/zmón-s-a : -zmuní-s- (ССД) 'забывать', furkal-á-∅/furkál-s-a : -furkal-í-s- (ЯлСД) 'подметать';
- б -á-/∅/-é-: plan-á-∅⁴⁸/plán∅-s-a : plan'é-s- (ЯлСД) 'обманывать, врать'; traḡuḡ-á-∅/traḡuḡ∅-s-a : -traḡuḡ'é-s- (ЯлСД) 'петь';
- с -á-/a/-á-: jil-á-∅/jél-a-s-a : -ilá-s- (БСД) 'улыбаться'; jir-á-∅/jér-a-s-a : -irá-s- (БСД) 'стареть', pirn-á-∅/pér-a-s-a : -pirá-s- (ЯлСД, БСД) 'проникать', pit-á-∅/pét-a-s-a : -p'itás- (ЯлСД) 'летать';
- д -á-/ik-/-ék-: prat-á-∅/prárik-s-a : -praték-s- (ЯлСД, ССД) 'шагать', также trav-á-∅/trávik-s-a : -trav'ék-s- (ЯлСД) 'тянуть; курить' (Сг для ССД: -traví-s- 'тянуть'), vast-á-∅/vástik-s-a : -vasték-s- (ЯлСД) 'держат; терпеть';
- е -í-/∅/-í-: lal-í-∅/lál∅-s-a : -lalí-s- (ЯлСД) 'играть на муз. инструменте; звать; говорить'; fkal-í-∅/fkál-s-a : fkalí-s- (ССД) 'подметать', parakal-í-∅/parakál-s-a : -parakalí-s- (БСД) 'умолять', θar-í-∅/θár-s-a : -θarí-s- (ССД) 'думать';
- ф -í-/∅/-é-: pun-í-∅/pón∅-s-a : -puné-s- (ЯлСД) 'болеть'; pur-í-∅/pór-s-a : -pur'é-s- (ЯлСД, ССД, БСД) 'мочь'.

Эти чередования в перф. акт. основах объясняются исключительно диахронически. Типы а) и е) являются наиболее многочисленными и регулярными, остальные типы образуют «неправильные» подклассы в числе глаголов на гласный.

В плане образования **перф. пасс. основ непрош. и прош. вр.** нет структурного различия между глаголами гласн. и согласн. типов, поэтому их целесообразно рассмотреть вместе. Основное различие между словообразовательными основами пасс. глаголов, этимологически соотносящимися, с одной стороны, с акт. глаголами на гласный, а с другой стороны, с акт. глаголами на согласный, заключается

⁴⁶ Последний глагол и в наст. вр. обнаруживает морфологическое колебание между гласн. и согласн. типом, см. также табл. 10.15 (с. 254).

⁴⁷ Для каждого глагола приводятся формы наст. вр. 3 л. ед.ч./аор. 1 л. ед.ч. : перф. акт. основа непрош. вр. Помета о субдиалектном происхождении означает, из какого именно субдиалекта/субдиалектов взята данная конкретная форма/основа.

⁴⁸ **Прим. ред.:** глагол не зафиксирован в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

в том, какой именно перф. пасс. суффикс они присоединяют. Первые преимущественно присоединяют **суффикс** $-\theta[i]$ - (или $-\gamma$ -, см. табл. 10.15, с. 254 и ниже), а вторые — **суффикс** $-t[i]$ -. Ср. формы пасс. наст. вр. и аор.: $\check{c}im-um$ — $\check{c}im\acute{i}\theta$ -а ‘спать’ (гласн. тип), но $angal\acute{e}xk-um$ — $angal\acute{e}x-t-a/angal\acute{i}x-t-a$ ‘обниматься’ (согласн. тип).

Однако речь здесь идет не о жестком распределении, а скорее о тенденции. В силу значительного морфологического сходства данных основ у гласн. и согласн. типа возникает существенное взаимовлияние типов. В целом наблюдается высокая степень варьирования этих основ для одной и той же лексемы как внутри одного субдиалекта, так и между субдиалектами. Таким образом, с точки зрения перф. пасс. основ противопоставление глагольных классов выражено крайне слабо.

Перф. пасс. основы **прош. и непрош. вр.** глаголов гласн. типа различаются, как и соответствующие акт. основы, исключительно морфонологически. Это различие здесь также обусловлено местом ударения. Как уже отмечалось на с. 231 и сл., в перф. пасс. основе прош. вр. представлены алломорфы словоизменительных суффиксов $-t$ - и $-\theta$ -. В перф. пасс. основе непрош. вр. на них падает ударение, и перед окончаниями, не начинающимися с гласного, они принимают вид $-t\acute{i}$ - и $-\theta\acute{i}$ -.

На с. 254–257 приводится табл. 10.15, показывающая варьирование перф. пасс. основ по субдиалектам. В колонке «наст. вр.» приводятся пасс. глагол и, в параллель к нему, активный. В основном пасс. глаголы являются производными от активных, но не всегда (см. с. 273 и сл.); в табл. 10.15 направление производности никак не отмечается. В колонке «тип» отмечается морфологический тип пасс. глаголов на гласный (на $-a$ - или на $-u$ -). В прочих колонках приводятся формы пасс. аор. Жирным шрифтом выделяется перф. пасс. словоизменительный суффикс. Перевод и формы наст. вр. приводятся преимущественно по МСД. Однако если в каких-то других субдиалектах были зафиксированы формы наст. вр., отличающиеся с точки зрения морфологической структуры от МСД, они также приводятся с соответствующей пометой. Данные по ССД отчасти экспедиционные, но, главным образом, они взяты из [СЕРГИЕВСКИЙ 1934]. Данные по БСД также частично приведены по экспедиционным материалам, но в основном почерпнуты из [Хорош 1998].⁴⁹

⁴⁹ При представлении больших массивов данных, в большинстве случаев указывается источник, если форма почерпнута из [СЕРГИЕВСКИЙ 1934], однако указание на источник опускается, если форма взята [Хорош 1998]. Это связано с тем, что [СЕРГИЕВСКИЙ 1934] является менее надежным источником данных, чем [Хорош 1998]. В связи с нормализаторской установкой М. В. Сергиевского и с тем, что он иногда пользуется материалами из МСД, не давая специальных помет, не всегда можно быть до конца уверенным, что все представленные М. В. Сергиевским языковые материалы отражают особенности именно ССД. В смысле отражения языковых особенностей БСД [Хорош 1998] более надежен, поскольку Н. Хорош сам является носителем БСД и специальной задачи по созданию румейского литературного языка перед ним не стояло. Данные Т. Н. Чернышевой также достаточно надежны и подтверждаются в целом экспедиционными материалами по ЯлСД. Однако в большинстве случаев при цитировании форм из [ЧЕРНЫШЕВА 1958] источник все же указывается. В табл. 10.15 материалы Т. Н. Чернышевой не цитируются.

Таблица 10.15. Варьирование перф. пасс.

Перевод	наст. вр. (МСД)	тип	МСД	ЯлСД
1. раздеваться/раздевать	<a>γđišk-um/<a>γđíz-u		<a>γđis-t-a	γđ'is-t-a
2. знакомиться/ понимать; узнавать	ayrunišk-úm/ ayruníz-u	a	ayruní-θ-a	aynur'és-t-a
3. выздоравливать/ вылечиваться	anéf-k-um/ anífk-um		anéf-t-a	
4. обниматься/обнимать	1. angaléxk-um/ angališk-um/ angalíz-u 2. angališk-úm/angal-ú (-i-θ)	2.a	angaléx-t-a/ angalix-t-a	
5. 1. жениться; 2. выходить замуж; 3. сватать (ЯлСД)	<a>ravun'ášk-um/ aravun'áz-um (МСД, ЯлСД)		aravun'ás-t-a	arvun'ás-t-a
6. краситься/красить	bujatréfk-um/bujatrév-u		bujatréf-t-a	
7. гореть/жечь	čéy-um/čéy-u		káy-a	káy-a
8. спать/укладывать спать	čim-úm/čimíz-u	a	čimí-θ-a	t'im'i-θ-a
9. 1. разваливаться, разрушаться; 2. разбегаться, расходиться	daylef-k-um		dayléf-t-a	
10. а) стыдиться, стесняться б) ?устыдиться/стыдить	а) drép-um б) ?drupjáxk-um/drupjáz-u		а) нет перф. форм б) drupjáx-t-a	
11. пасть/пасти	džéfk-um/džév-u, džaév-u		džéf-t-a	
12. 1. подходить, приближаться; 2. приходить	érk-um		ír-t-a	<j>ír-t-a
13. показываться, появляться	fanir-úm	u	faniró-γ-a	
14. безличн. (3 л. ед. ч.) 1. виднеть- ся, быть видимым; 2. казаться.	f'én'-it		fán-in	
15. 1. целоваться; 2. обниматься (ЯлСД)/целовать	f(i)lišk-úm/f'il'isk-úm (ЯлСД)/fl-u	a		
16. 1. слушать; 2. слушаться/заставлять слушаться	fukr-úm,/fruk'isk-úm/ fukr'isk-úm (ЯлСД)/fkr-úmi (ССД)/fukratíz-u	a	fukrí-θ-a	frukús-t-a
17. 1. умирать, лишаясь кислорода (тонуть, задыхаться и др.)/ 1. причинять смерть, лишая кис- лорода; 2. грузить (ССД, БСД)	furčixk-um/ furčéxk-um/furčiy-u		furčix-t-a/ furčéx-t-a	
18. бояться, пугаться/пугать	fuv-úm/fuviríz-u/fuvérn-u	a	fuví-θ-a	fuv'i-θ-a
19. 1. становиться; 2. оказываться, получаться, выходить	1. <i>i>níšk-um 2. isk-úm (ЯлСД)	2.a	nís-t-a	in'i-θ-a
20. 1. открываться; 2. начинаться/ открывать	iníxk-um/iníz-u		iníx-t-a	
21. рождаться/рождать	inišk-úm/jin-ú (-á-θ)	a	iní-θ-a	jin'i-θ-a
22. 1. сидеть; 2. садиться; 3. обитать/сажать	káθ-um/kaθ-íz-u		kát-s-a	kát-s-a
23. 1. резаться; 2. рубиться; 3. рваться/е резать и др.	kófk-um/kóf-t-u		kóp-a	
24. падать/1. ронять; 2. валить	krimíšk-um/ krimíxk-um (АСД)		krimí-γ-a/ krimí-θ-a	
25. а) висеть б) вешаться/вешать	а) krém-um б) krimáxk-um/krimáz-u		а) нет перф. форм б) krimáx-t-a	
26. проливаться, выливаться/лить	kun-úm/kunón-u	u	kunó-θ-a	

основ по субдиалектам.

	НкСД	БрСД	АСД	ССД, МкСД (+Cr)	НкСД (+Хш)
1.					
2.					
3.		anés-t-a			
4.	angaléx-t-a		angal'ix-t-a		
5.	ʔvs. aravun'áx-a/ aravun'ás-a (МСД)				
6.	bujatéf-t-a	bujatéf-t-a			
7.	káy-a			káy-a	káy-a
8.	t'imí-γ-a			t'im'í-θ-a (Cr)	
9.	dayl'éf-t-a				
10.	drupjáx-t-a	drupjáx-t-a			
11.	džajéf-t-a				
12.	ír-t-a	ír-t-a	ír-t-a	ír-t-a	⟨j⟩ír-t-a
13.				faneró-θ-a	
14.					fán'-in
15.	filix-t-a		f'il'í-θ-a		
16.					
17.	furt'ix-t-a	furt'ix-t-a			furt'í-γ-a
18.	fuvé-γ-a			fuví-θ-a (Cr)	
19.				nís-t-a (Cr)	
20.	iníx-t-a	iníx-t-a			in'í-γ-a
21.				íni-θ-a (Cr)	in'í-θ-a
22.	kát-s-a			kát-s-a (Cr)	
23.				kópp-a (Cr)	
24.	krimí-γ-a	krimí-γ-a		krimí-θ-a	
25.					
26.	t'unó-γ-a	t'unó-γ-a	t'unó-θ-a		

27.	биться, драться/ 1. бить; 2. выбивать (белье)	kupanéxk-um/ kupaníz-u		kupanéx-t-a/ kupaníx-t-a	kupan'ís-t-a
28.	перевернуться/перевернуть	kup-úm/kupón-u	u	kupó-θ-a/ kupó-γ-a	
29.	купаться/купать	lúšk-um/lúz-u (ЯлСД)/lúz-u		lús-t-a	lús-t-a
30.	прятаться/прятать	ml-um/mlón-u	u	mló-θ-a	
31.	умываться/умывать	nífk-um/nív-u		níf-t-a	n'íf-t-a
32.	1. беспокоиться; 2. тужить, страдать; 3. заботиться	n'jášk-um/n'ášk-um			
33.	мыться/мыть	plíšk-úm/plíšk-u	a	plí-θ-a	pl'í-θ-a
34.	начинаться/начинать	pšíríšk-úm/pšírú (-á-θ)	a	pšírí-θ-a	
35.	обижаться/болеть (часть тела)	puníšk-um/pnišk-um/punú (-í-θ)			
36.	шататься, качаться, шевелить- ся/шевелить	saléf-k-um/salév-u		saléf-t-a	
37.	вставать, подниматься/ поднимать, ставить вертикально	sk-um/skón-u	u	skó-θ-a / skó-γ-a	s'íkó-θ-a/ s'úk-s-a
38.	1. стоять; 2. останавливаться/ останавливать	sték-um/stéyn-u		stá-θ-a/stá-γ-a	stá-θ-a
39.	радоваться	šér-um		xára	
40.	вздрогнуть от испуга/пугать	ščáxk-um/?ščáγ-u (БСД)			ščás-t-a
41.	1. промокать, намочить; 2. мочить/мочить	šl-úm/šlón-u	u	šló-θ-a	šuló-θ-a
42.	покрываться, накрываться/ накрывать	šupáxk-um/šupáz-u		šupáx-t-a	
43.	продырявиться/дырять	tirpišk-úm/tirpú (-í-θ)	a	tirpí-θ-a	tr'íp'ix-t-a
44.	собираться, готовиться/ подготавливать, собирать	tmáxk-um/ tmáz-u		tmáx-t-a	t'imás-t-a
45.	находиться, пребывать/ находить	vrišk-um/vrišk-úm/vrišk-u	2.a		
46.	гаснуть/гасить	(v)zíxk-um/(v)zíγ-u		(v)zíx-t-a	
47.	1. пропадать, теряться; 2. худеть/терять	xán-um/xán-u		xá-θ-a	
48.	1. портиться; 2. заболеть/портить	xaram-úm/ xaramón-u	u	xaramó-θ-a/ xaramú-θ-a/ xaramó-γ-a	
49.	хохотать, смеяться (акт. и пасс. глаг.)	xaxanišk-um/ xaxaníz-u		xaxanís-t-a	
50.	нагреваться/греть	xlén-um/xlén-u		xlá-θ-a	
51.	1. расходиться, разделяться; 2. разводиться/разводить, разделять	xuríšk-um/xuríxk-umin (НкСД)/xuríz-u		xuríx-t-axurís-t-a	xur'ís-t-a
52.	лезть, влезать, залезать/ совать	xúšk-um, xúz-um (ЯлСД)/xúz-u		xús-t-a	xús-t-a
53.	сгибаться/сгибать	zar-úm/zarón-u	u	zaró-θ-a	
54.	сходиться, соединяться/ соединять	zmíxk-um/méxk-um/ zmíγ-u		zmíx-t-a	
55.	забываться/забывать	zmunišk-úm/zmun-ú (-á-θ)	a	zmuni-θ-a	

27.	kupaníx-t-a				
28.					
29.	lús-t-a	lús-t-a	lús-t-a		
30.	muló-γ-a			mló-θ-a (Cr)	muló-θ-a
31.	níf-t-a			níf-t-a (Cr)	
32.				n'jás-t-a (Cr)	
33.	plí-θ-a		pl'í-θ-a		
34.	pšíríx-t-a/pšírí-θ-a	pšírí-θ-a/ pšíríx-t-a		psírí-θ-a	pšír'í-θ-a
35.			pun'í-θ-a	puní-θ-a	
36.	saléf-t-a			saléf-t-a (Cr)	
37.	sikó-γ-a	sikó-θ-a		skó-s-a/ skó-θ-a (Cr)	s'ikó-θ-a
38.	stá-γ-a	stá-γ-a		stá-θ-a (Cr)	stá-θ-a
39.	xára				xára
40.	ščáx-t-a				
41.	šuló-γ-a				
42.	ščupáx-t-a			ščupáx-t-a (Cr)	
43.			tr'íp'í-θ-a		
44.				tmáx-t-a (Cr)	
45.		vré-θ-a		vré-θ-a (Cr)	
46.	vzíx-t-a			vzíx-t-a	
47.				xá-θ-a	
48.	xaramó-γ-a		xaramó-θ-a	xaramú-t-a /xaramú-θ-a	
49.		xaxanís-t-a		xaxanís-t-a (Cr)	
50.					
51.	xuríx-t-a				
52.		xús-t-a			
53.					
54.	zmíx-t-a			zmíx-t-a	
55.				zmoní-θ-a	zmun'íx-t-a

Существующий уровень варьирования этих основ по отдельным лексемам, по разным лексемам внутри одного субдиалекта и по субдиалектам с очень разнообразным соотношением морфологической структуры пасс. перф. и имперф. основ позволяет говорить о том, что перф. пасс. основы в значительной степени идиоматизированы и лексикализованы, а не производятся по правилам от имперф. основ. Для перф. форм, в особенности для форм аор., вообще характерна тенденция к идиоматизации, о чем еще пойдет речь на с. 339 и сл. Применительно к вышеприведенным формам интересно отметить одну изоглосс. Из табл. 10.15 видно, что в НкСД и БгСД все формы от глаголов на -и-, а также многие другие глаголы имеют в качестве суффикса пасс. перф. основы -ү-, например: čimí-θ-a (МСД)/t'im'í-θ-a (ЯлСД, ССД) — t'im'í-ү-a (НкСД) 'спать'; fuví-θ-a (МСД, ССД, ЯлСД) — fuvé-ү-a (НкСД) 'бояться'; от глаголов на -и-: kuno-θ-a (МСД)/t'unó-θ-a (АСД) — t'unó-ү-a (НкСД, БгСД) 'проливаться', также sikó-ү-a, stá-ү-a, šuló-ү-a, хагамó-ү-a и др. Этот суффикс встречается и в других субдиалектах (МСД, БСД), однако, как видно, в НкСД и БгСД его частотность значительно выше. По-видимому, в этих субдиалектах, особенно в НкСД, суффикс -ү- практически целиком заместил суффикс θ в пасс. глаголах, образованных от гласн. типа. Так, для этих субдиалектов удалось зафиксировать только четыре пасс. глагола, оформленных в аор. с помощью суффикса θ (см. табл. 10.15): pl'í-θ-a (НкСД) 'помыться', pširi-θ-a (НкСД, БгСД) (наряду с pširix-t-a) 'начаться', sikó-θ-a (БгСД) (но sikó-ү-a в НкСД) 'встать', vge-θ-a (БгСД) 'оказываться'. По-видимому, модель образования перф. пасс. основ от глаголов гласн. типа с помощью суффикса -ү- можно считать одной из диагностических изоглосс, характеризующих субдиалекты типа НкСД.

Любопытно отметить, что для глагола 'вставать' в ЯлСД и ССД зафиксирован также суффикс -s-: s'úk-s-a (ЯлСД) (наряду с s'ikó-θ-a, также s'ukó-θ-a (Ч)), skó-s-a (ССД, также skó-θ-a (Сг)). Для ССД был зафиксирован суффикс -t-: хагамú-t-a (ССД) 'испортиться' (наряду с хагамú-θ-a), однако это может быть ошибкой записи собирателя.

10.5.6 Морфологическое взаимодействие гласн. типа с другими типами

В большинстве субдиалектов к гласн. типу на -i- примыкает в формах непрош. вр. акт. глагол 'жить': z-u (МСД, ССД, БгСД, ЯлСД, В) (имперф. наст. вр.) — -z'í-s-[u] (ЯлСД, ССД, БСД) (перф. наст. вр.). В НкСД и АСД, однако, этот глагол в наст. вр. имеет форму zí-ү-u (zix-∅). Колебание между типами на -i- и -ү- очень типично для румейского языка.

Между типом на гласный (-i- или -a-) и типом на -i-ү- колеблется и неправильный глагол 'посылать' (см. табл. 10.16).

К приведенным в табл. 10.16 формам можно добавить, что от информантки, родившейся и прожившей тридцать пять лет в с. Малоянисоль и переехавшей затем в с. Анадол, была записана форма имперф. p'él'n-išk-a.

Если оставить в стороне особые формы ЯлСД, видно, что для данного глагола обнаруживаются два основных типа соотношения видовременных основ: в МСД и НкСД этот глагол принадлежит к смешанному гласно-согласн. типу, а в БгСД, АСД, БСД — к согласн. типу на -i-ү-, при том, что для ССД М. И. Сергиевский

Таблица 10.16. Глагол ‘посылать’ в румейских субдиалектах.

	имперф.		перф.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.
ЯлСД	p'iláɾun-∅ (p'ilár'in'-∅)	p'éla-n-a	p'él-s-a	-p'iláɾ-∅
МСД	piliɣ-u (pilf-∅)	pél-n-a	pél-s-a	
НкСД	pilɣ-u (pilf-∅)	pél-n-a	pél-s-a	
ССД, МкСД	pilɣ-u (pil'i-∅)	pél-n-a (Cɾ)/ pél i]ɣ-a (Cɾ)	pél-s-a	-pilf-s-∅
БгСД	pilɣ-u (pilf-∅)	péliɣ-a	pél-s-a	
АСД	p'il'ix-∅ (p'il'i-∅)	p'éli'ɣ-a	p'él-s-a	
БСД	p'il'iy-u (p'il'i-∅)	p'éli'ɣ-a	p'él-s-a	?

фиксирует обе модели. По-видимому, данная изоглосса носит **ареально-генетический** характер. С одной стороны, по этой изоглоссе противопоставлены западные (МСД, НкСД) и восточные (БгСД, АСД) румейские субдиалекты — особо следует отметить, что в близкородственных НкСД и БгСД модели различаются. С другой стороны, к модели на -iɣ- примыкает и БСД, находящийся на северо-западе, но имеющий родственные связи с АСД.

Главным фактором, обуславливающим конвергенцию гласн. и согласн. типов и возникновение колебания морфологических моделей в имперф., здесь, как и во многих других случаях, является форма аор. Структура этой формы совпадает у гласн. типа и типа на -iɣ-. Кроме того, у типов -i- и -iɣ- омонимична структура очень частотной формы наст. вр. 3 л. ед. ч.

Указанная конвергенция типов -i- и -iɣ- в ряде субдиалектов охватывает целую группу глаголов. Переход большей части глаголов на -i- в согласный тип зафиксирован для АСД, БСД, ССД (см. табл. 10.17).⁵⁰

Исходя из данных, представленных в табл. 10.17, видно, что колебания между гласн. и согласн. типами в формах наст. вр. более распространены по субдиалектам, чем колебания в имперф. Так, в МСД и НкСД, где во всех этих глаголах имперф. образуется по модели гласн. типа, отмечается согласная модель на -iɣ- в некоторых формах наст. вр. Дело в том, что **основы имперф.** (особенно у регулярных глаголов) образуются всегда **по регулярной модели**. В прототипическом случае они образуются от основы наст. вр., но иногда и от основы аор. **Основы наст. вр.** в этом смысле являются в парадигме **исходными**, т. е. **непроизводными**. Именно поэтому именно для основ наст. вр. оказываются возможными колебания между разными **словообразовательными типами**. Если в результате подобного рода индивидуальных колебаний совершается переход в другой тип большей части «исходных форм» глаголов (т. е. основ наст. вр.), тогда, как это произошло в данном случае, возможно полное переосмысление словоизменительного типа целого глагольного подкласса. Только тогда становится возможным изменение модели образования основы имперф. Модель образования основы им-

⁵⁰ Для сравнения также приводятся аналогичные формы из МСД, НкСД, ЯлСД.

Таблица 10.17. Колебание типов на -i- и -iɣ- по субдиалектам

(I) АСД

перевод	имперф.		перф.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.
подметать	furkal'ix-∅	furkál'iɣ-a/ furkáln'iɣ-a/ furkál'iɣn-a	furkál-s-a	
закрывать	sal'iɣ-u	sál'iɣ-a	sál-s-a	
выгонять	kartakul'iɣ-u	kartakól'iɣ-a	kartakól-s-a	
играть на муз. инструменте	lal'ix-∅	lál'iɣ-a	lál-s-a	
просить		parakál'iɣ-a	parakál-s-a	
посылать		p'él'iɣ-a	pél-s-a	
продавать	pul'ix-∅	púl'iɣ-a	púl-s-a	
кормить грудью	vizal'iɣ-u	vizál'iɣ-a	vizál-s-a	
жить	zix-∅	é-z'iɣ-a/z'f-išk-a	é-zi-s-a	

(II) ССД

подметать	fkalfɣ-u			-fkalf-s-u
закрывать	vsalfɣ-u		fsál-s-a	
посылать	pilfɣ-u	pél-n-a/pél(i)ɣ-a (Cr)	pél-s-a	-pilf-s-∅
гоняю	kartakulfɣ-u (Cr)	kartakól-n-a (Cr)	kartakól-s-a (Cr)	
зову	lalfɣ-u (Cr)	lál-n-a (Cr)	lál-s-a (Cr)	

(III) БСД

играть; звать	lal-ú (-f-∅)/lal'iɣ-u	lál'iɣ-a	lál-s-a	
выгонять	kul'ix-∅		kól-s-a	-kul'f-s-∅
посылать	p'il'iɣ-u	p'él'iɣ-a	p'él-s-a	
продавать	pul'ix-∅	púl'iɣ-a	púl-s-a	

(IV) МСД

перевод	тип	имперф.		перф.	
		наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.
продавать	i	pl-u	púl-n-a	púl-s-a	
играть на муз. инструменте	i	lal-ú	lál-n-a	lál-s-a	
подметать	li	1. fkal-ú 2. fkál'iy-u	fkál-n-a	fkál-s-a	
кормить грудью	li	1. vzał-ú/ 2. vzałfz-u/ vzałéy-u/vzałfy-u	vzał-n-a	vzał-s-a	
вытирать	li	1. <f>sung-ú/ 2. fsungfy-u	<f>sóna-n-a	<f>sóng-s-a	
посылать		pilfy-u	pél-n-a	pél-s-a	
выгонять		kartakulfy-u	kartakól-n-a	kartakól-s-a	
закрывать		fsalfy-u/fsaléy-u	fsály-a	fsál-s-a	

(V) НкСД

посылать		pilfy-u	pél-n-a	pél-s-a	
играть на муз. инструменте	i	lal-ú (+ БгСД)	lál-n-a	lál-s-a (+ БгСД)	
закрывать	i	sal-ú	sál-n-a	sál-s-a	
продавать	i	pl-u	púl-n-a	púl-s-a	

(VI) ЯлСД

посылать		p'ilárun-∅	p'éla-n-a	p'él-s-a	-p'ilár-∅
выгонять		kartakulárun-∅	kartakóla-n-a	kartakól-s-a	
подметать	a	furkal-ú	furkála-n-a	furkál-s-a	
закрывать	a	sfal-ú/sval-ú	svála-n-a	svál-s-a/ sfál-s-a	-sval'f-s-∅
вытирать	a	svug-ú/sfug-ú	sfúga-n-a	sfúk-s-a	
играть на муз. инструменте	i	lal-ú	lál'i-n-a	lál-s-a	-lal'f-s-∅
продавать	i	pul-ú	púl'i-n-a	púl-s-a	-pul'f-s-∅

перф. изменяется «скачкообразно», одновременно для всего подкласса целиком, когда в формах наст. вр. в результате таких колебаний единичных глаголов набирается некоторая «критическая масса» переходов из одного типа в другой; т. е. в МСД и НкСД сохраняется «гласная» модель образования имперф., но в наст. вр. наблюдаются единичные колебания между гласн. и согласн. типами, в ССД уже все представленные глаголы в наст. вр. перешли в согласный тип, но в имперф. еще сохраняется «гласная модель», а в АСД и БСД встречается уже произошедшее скачкообразное изменение модели имперф. в согласн. тип.

10.5.7 Глаголы на гласный и глаголы на носовой сонант

Формы аор. и имперф. части глаголов на гласный и на носовой внешне часто кажутся омонимичными по структуре. Ср., например, в (10.20–10.23):⁵¹

(10.20) xalán-u — xálan-a — xála-s-a (тип -n-) ‘портить’

(10.21) kunón-u — kónun-a — kónu-s-a (тип -n-) ‘лить’

(10.22) pitú — péta-n-a — péta-s-a (тип -a-) ‘летать’

(10.23) aḡar-ú — aḡára-n-a — aḡár-s-a (тип -a-) ‘любить’

О диахронической контаминации этих двух типов в ЯСД пишет Т. Н. Чернышева (курсив мой — Н. К.):⁵² «Слитные глаголы часто с присоединением суффикса *-n-* переходят в неслитные. В димотике⁵³ это обычно для слитных глаголов с основой на *-o-*. Например $\mu\sigma\theta\acute{\omega} > \mu\sigma\theta\acute{\omega}\nu\omega$ — ‘нанимать’. В урзуф-ялтинском говоре эта тенденция проявляется очень последовательно: [xalán] < $\chi\acute{\alpha}\lambda\nu\omega$ — ‘портить, разрушать’. Только в повелительном наклонении сохраняется форма, присущая слитным глаголам: [xála] вместо правильного [xálass] — $\chi\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\epsilon$. Вообще для урзуф-ялтинского говора характерно тесное сближение и переплетение слитных глаголов и неслитных с носовым суффиксом. У них общий способ образования имперф. Ср. [плану — плáнана] — $\pi\lambda\alpha\nu\acute{\omega}$ — $\pi\lambda\alpha\nu\acute{\omega}\sigma\alpha$ — ‘обманывать’ и [лин — элина] — $\lambda\acute{\upsilon}(\nu)\omega$ — $\acute{\epsilon}\lambda\upsilon(\nu)\alpha$ — ‘развязывать’» [Чернышева 1958: 13–14]. К этому можно добавить, что только глаголам на носовой, с суффиксами *-án-* и *-ón-*, из всех глаголов на согласный соответствуют однокоренные пасс. глаголы на гласный.

Тем не менее, несмотря на внешнее сходство соответствующих форм, для образования форм имперф. глаголов на гласный и на носовой используются несколько разные морфологические модели. Для глаголов на гласный — это **смещение ударения + суффиксация**, для производных глаголов на носовой — типичная для многосложных глаголов модель **смещения ударения**. В глаголах на носовой сонант *-n-* является частью словообразовательного суффикса, а в глаголах на гласный — словоизменительным суффиксом. По этим или же по иным причинам в румейских субдиалектах практически не наблюдается контаминации этих двух типов. В качестве чуть ли не единственного примера можно привести только

⁵¹ Приводятся формы наст. вр., имперф. и аор.

⁵² **Прим. ред.:** здесь и далее в цитатах сохранена орфография Т. Н. Чернышевой, но проставлены ударения.

⁵³ **Прим. ред.:** имеется в виду НГР.

Таблица 10.18. Глагол ‘кусать’ в румейских субдиалектах.

	тип	имперф.		перф.	
		наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.
МСД	-k-	ḍák-u	ḍák-išk-a	é-ḍak-a	
ЯлСД	-n-	ḍákun-∅ (ḍákn-un 3 л. мн. ч.)	é-ḍakn-a (Ч)/?ḍák'in-a	jé-ḍak-a	-ḍak-∅
АСД	-á-	ḍak-ú	ḍáka-n-a	é-ḍak-a	
НкСД	-á-	ḍak-ú	ḍáka-n-a	ḍák-s-a	

глагол ‘кусать’, для которого были зафиксированы следующие морфологические модели (см. табл. 10.18).

В МСД этот глагол внешне имеет регулярную для односложных глаголов модель словоизменения. Однако такая модель в МСД характерна для глаголов с основой на сонанты, а не на смычные и спиранты, и в этом смысле данный глагол является неправильным для МСД (см. с. 305). В ЯлСД глагол ‘кусать’ принадлежит к типу на носовой. При этом форма имперф. é-ḍakn-a, приводимая в [Чернышева 1958], является регулярной для этого типа. В ходе экспедиции, однако, была зафиксирована форма ḍákin-a. С такой формой имперф. данный глагол оказывается в числе неправильных глаголов, имеющих уникальное сочетание словоизменительных моделей в парадигме (см. табл. 10.45, тип 10.2, с. 308). Однако, возможно, информант сконструировал такую форму «на ходу» — в таком случае он, очевидно, воспользовался именно «гласной» моделью образования имперф.: ср. ḍákin-a = róg-in-a. Так что утверждение о психолингвистической близости этих двух типов, возможно, не лишено основания. Об этой близости также свидетельствуют рассматриваемые ниже смешанные гласно-согласные типы в МСД и БСД, в которых также прослеживается контаминация гласн. типа именно с типом на носовой сонант (см. с. 263–266).

Вариант, встречающийся в АСД, представляет собой переходную модель, с регулярными для гласн. типа формами наст. вр. и имперф., но сохранившимся, в силу его частотности и идиоматичности, аор. согласн. типа. Именно по форме аор. можно проследить направление перехода — из типа на носовой в тип на гласный. В НкСД (отличающемся инновативностью и по другим параметрам) этот переход уже завершен.

К сожалению, по этому глаголу в других субдиалектах данные отсутствуют. По-видимому, варьирование его морфологического типа также представляет собой одну из изоглосс, **противопоставляющих разные румейские субдиалекты.**

10.5.8 Смешанные гласно-согласные типы глаголов в МСД и БСД

В МСД удалось обнаружить особый смешанный тип, являющийся переходным между гласн. типом и согласн. типом глаголов на -én- (типа maθ-én-u). Этот тип представляет собой самостоятельную и, по-видимому, сравнительно недавнюю инновацию румейского языка. Все входящие в него глаголы имеют корни,

являющиеся поздними заимствованиями из соседних тюркских (урумских) субдиалектов. Из урумского языка были заимствованы целые словообразовательные гнезда, и поэтому в румейском имеются также существительные и прилагательные с этими корнями. Т.е. все данные глаголы являются в румейском производными на синхронном уровне от соответствующих имен. Эти глаголы имеют характерную финаль словообразующей основы — либо -j-, либо -š-. Основы обоих типов как на -š-, так и на -j-, были, по-видимому, напрямую заимствованы из урумского в практически не измененной фонологической форме. К сожалению, в собранном в ходе экспедиций материале мало как самих глаголов такого типа, так и данных о наличии подобных однокоренных глаголов в других субдиалектах, поэтому пока в точности невозможно сказать, является ли данный морфологический тип принадлежностью исключительно МСД или нет. В последней колонке в табл. 10.19 приводятся зафиксированные однокоренные аналоги данных глаголов в ЯлСД, БСД, ССД. В БСД⁵⁴ соответствующие однокоренные слова принадлежат к другому морфологическому типу. Глагол ‘слепнуть’ здесь, по-видимому, образован не от основы *soxuraj-*, а от основы с другим суффиксом: *soxurla-*, также приводимой в [ГАРКАВЕЦ 2000]. Что касается ЯлСД и ССД, то по данным единичным примерам сложно сделать какие-либо общие заключения о морфологическом типе таких глаголов в этих субдиалектах.

Этот класс обладает некоторыми исключительными чертами, выделяющими его на фоне других глагольных словоизменительных моделей. Во-первых, в аор. ударение приходится здесь на гласный суффикс. Форма аор. *suxurj-á-s-a* напоминает, с одной стороны, формы аор. заимствованных глаголов типа *xatalá-j-s-a*⁵⁵ ‘[я] гнал’, а с другой стороны — аор. глаголов на гласный, типа *pér-a-s-a*. Однако от глаголов первого типа эту форму отличает то, что словообразовательная основа в ней оканчивается на гласный -á-, в то время как подобные глаголы в финали словообразовательной основы имеют -j-, являющийся алломорфом суффиксов/суффиксоидов -év-/-íz- (см. с. 277 и сл.). От глаголов на гласный данную форму отличает позиция ударения. Во всех прочих глаголах гласн. типа тематический гласный в аор. никогда не бывает ударным, поэтому для рассматриваемого смешанного согласн-гласн. типа приходится вводить особое акцентное правило про ударность гласного суффикса в аор. (см. с. 332, исключение из правила 3).

Вторая трудность в анализе глаголов этого класса связана с трактовкой морфемной структуры словоизменительной основы имперф. Форма *ukšéniška* внешне ничем не отличается от формы имперф. глаголов на -ép-, например *maθéniška* ‘учился’. По-видимому, основы имперф. гласно-согласн. типа и были образованы по аналогии с основами имперф. глагольного класса на -ép-. Однако они опять же соотнесены с совсем иными по структуре основами наст. вр. Не вполне ясно, как трактовать морфологический состав форм имперф. Первый вариант — считать, что в этих формах имеется словообразующая основа *ukšép-* и она является супплетивной относительно основы на гласный в формах наст. вр. и аор., но при этом образует словоизменительную основу имперф. с помощью регулярного суффикса -išk-. Либо же можно считать, что в этой форме словообразующая основа *ukša-*, как и во всех других видовременных формах. Но тогда для этой формы приходится постулировать аномальный на фоне других моделей глагольного фор-

⁵⁴ Данные взяты из [Хорош 1998].

⁵⁵ Иногда -j- редуцируется до ∅, ср. *xatalá-s-a* (НкСД).

Таблица 10.19. Гласно-согласный тип глаголов с тюркскими корнями в МСД.

перевод	урум. ⁽¹⁾	однокоренные сущ. и прилаг. в МСД	тип	имперф.		перф. прош. вр.	др. суб- диалекты
				наст. вр.	прош. вр.		
1. цвести; 2. расцветать	<i>чичек</i> 'квітка' <i>чичекле-</i> 'цвісти' <i>чичеклен-</i> 'розквітати'	čičák/čičát 'цветок'	a	čičakj-ú	čičakjén-išk-a	čičakjá-s-a	čičak'iz-u (БСД) 'цвести'
слепнуть	<i>сохур</i> 1. 'сліпий' 2. 'недосвідчений' <i>сохурай-</i> 'сліпнути' <i>сохурла-</i> 'сліпнути'	suxúr 'слепой' suxurj-á 'зрение'	a	suxurj-ú/ suxur'-ú	suxurjén-išk-a	suxurj-á-sa/ suxur'-á-sa	suxurláj-s-a (БСД) 'слепнуть' suxná-s-in (ССД) 'стемнело'
скисать	<i>эжиш</i> 'кислий, про- кислий, скислий, прогірклий' <i>эжиш-</i> 'ставати' кислим, скисати, прогіркнути'	ukš-árku (yála) 'кислое (молоко)'	a	ukš-ú	ukšén-išk-a	ukšá-s-a	ks'in'áz-Ø (перф. прош. вр. ksén'a-s-a; ЯлСД) 'скисать'
беситься, взбеситься (в т. ч. и перен.)	<i>лиш-</i> 'чіплятися, зачіплятися, попа- датися, отрапляти, влучати, вставляти, вмикати' ⁽²⁾	liš-árku 'сумасшедший, бешеный'	a	liš-ú	?	lišá-s-a	

Примечания

⁽¹⁾ Цит. по [ГАРКАВЕЦ 2000].⁽²⁾ Хотя, возможно, румейский глагол был образован не от этого корня.

мообразования словоизменительный суффикс -énišk-. Для достижения большей простоты описания словоизменительных моделей в целом в качестве предпочтительного варианта описания можно условно выбрать первый. При первом варианте членения не приходится вводить в описание новые морфологические средства формообразования, а такое явление, как супплетивизм словообразовательных основ, в румейских субдиалектах и так достаточно распространено.

Похожая контаминация гласн. и согл типов обнаружилась в БСД. Наряду с широко распространенным в БСД переходом глаголов на -i- в тип на -iy-, о котором говорилось выше на с. 258 и сл., здесь наблюдается образование основы имперф. некоторых глаголов на гласный (в основном на -a-) по еще одной «согласной» модели — а именно, с помощью суффикса -išk- (см. табл. 10.20).⁵⁶

Сейчас трудно сказать, насколько это явление регулярно в БСД и существуют ли для представленных глаголов параллельные формы имперф., образованные по регулярной для гласн. типа модели. Поэтому морфологический анализ данных форм имперф. несколько затруднителен. Эти формы, по-видимому, образованы не от основы наст. вр., а от основы имперф., уже содержащей имперфектный суффикс гласн. типа -n-. Суффикс -n-, и так редко встречающийся в румейском

⁵⁶ Большинство примеров взяты из [Хорош 1998].

Таблица 10.20. Гласно-согласный тип глаголов в БСД

перевод	тип	имперф.		перф.		императ. 2 л. ед. ч.
		наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	
проникать, проходить	a	p'ern-ú	p'erná-n'-išk-a	p'éra-s-a	-p'erá-s-	pérna
ходить	a	prat-ú	prát-n'-išk-a			práta/prat
издыхать	a	psuf-ú	psóf-n'-išk-a	psóf-s-a		
спрашивать	a	rut-ú	arót-n'-išk-a	arót-s-a	-arutí-s-	
смотреть	a	dran-ú	drán-n'-išk-a	drán-s-a	-draní-s-	drána
мочь	i	pur-ú	pór-n'-išk-a	pór-s-a	-puré-s-	

языке, в БСД особенно редок в силу перехода большинства глаголов гласн. типа в согласн. тип. Таким образом, словоизменительная основа имперф. на -n-, видимо, была переосмыслена как словообразовательная основа на согласный (на носовой сонант), и уже от нее была образована основа имперф. по модели типа *spérn-išk-a* 'сеял' или *đixn-išk-a* '[я] показывал', где носовой сонант является словообразовательным суффиксом. Можно сказать, что в БСД наблюдается тенденция утраты всего словоизменительного класса глаголов на гласный.

10.5.9 Основы многосложных глаголов согласн. типа

Этот класс в румейском языке, как и в НГР, является наиболее многочисленным и регулярным. Сюда входят большинство глаголов, имеющие словообразующую основу, состоящую более чем из одного слога, например, *đaváz-u* 'читать', *yučirév-u*⁵⁷ 'перемещать', *kartakulíy-u*⁵⁸ 'гнать', *jagalatrév-u* 'удаляться' и др. Выше уже приводился набор типов финалей основы таких глаголов — словообразовательных суффиксов или суффиксоидов (см. с. 248 и сл.). Однако, как уже упоминалось, существует ряд глаголов и глагольных подклассов, имеющих многосложную словоизменительную основу, но являющихся иррегулярными глаголами. О приставочных глаголах такого рода было уже сказано на с. 244 и сл., теперь пришло время рассмотреть некоторые виды иррегулярных суффиксальных глаголов.

Пограничное положение между многосложным и односложным классами занимают акт. глаголы, содержащие в основе наст. вр. суффикс *-išk-(-éšk-/-éšuk-/-éšik-/-éšit'-)*, о котором уже говорилось на с. 250 в связи с вопросом о строении основ пасс. глаголов. Это такие глаголы, как *ivr-išk-u* (НкСД, БгСД)/*vr-išk-u* (МСД, АСД, ССД, БСД)/*vr-išuk-∅* (ЯлСД) 'искать' во всех субдиалектах, *pl-išk-u* 'мыть' в МСД, ССД, БСД, а также ряд глаголов в ЯлСД, БСД, ССД: *p'in'-éšuk-∅* (ЯлСД)/*pín-éšk-∅* (БСД)/*pn-éšk-u* (ССД) 'пить', *m'iyal'n'-éšuk-∅* (ЯлСД) 'расти', *rašin-éšuk-∅* (ЯлСД) 'толстеть', *sar'in'-éšuk-∅* 'гнить' (ЯлСД). В других субдиалектах им соответствуют основы без *-išk-*: *pín-u*, *miyalén-u*, *sarén-u* (ССД), *rašén-u*.

⁵⁷ Прим. ред.: глагол не зафиксирован в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

⁵⁸ Прим. ред.: глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

Таблица 10.21. Глагол ‘находить’ в румейских субдиалектах.

	имперф.		перф.		императ.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	2 л. ед. ч.	мн. ч.
МСД	vrišk-u	ívrišk-a	ívr-a		ívri	ívr-ét
АСД	vr'íšk-u	ívr'íšk-a	ívr-a			
БСД	vr'íšk-u (XIII)	ívr'íšk-a (XIII)	jívr-a	?		
ССД	vrišk-u (Cr)	ívrišk-a (Cr)	ívr-a	-évr-u (Cr)		
ЯлСД	vr'íškuk-∅ (vr'íšk-um 3 л. мн. ч.)	ívr'íšk-a	jívr-a/jévr-a	-jévr-∅		
НкСД	<i>vríšk-u	ívrišk-a	ívr-a			
БгСД	ivrišk-u	ívrišk-a	ívr-a			

Этимологически данный суффикс унаследован из ДГР. Он является архаическим индоевропейским словообразовательным суффиксом и отмечается в некоторых глаголах в ДГР, например, НГР βρίσχω ‘находить’ < ДГР εύρίσχω. Среди глаголов, содержащих в НГР данный суффикс в составе словообразующей основы, можно упомянуть еще βόσχω,⁵⁹ διδάσχω, χάσχω [Триандафилидис 1995: 227]. В румейском языке этот суффикс получил очень широкое распространение и приобрел регулярную словоизменительную функцию.⁶⁰

Варьирование форм глаголов ‘находить’ и ‘пить’ по румейским субдиалектам представлено в табл. 10.21 и 10.22. Остальные вышеупомянутые глаголы во всех субдиалектах имеют формы имперф. и аор. типа mičál'n-išk-a — mičáln-a.⁶¹

Для ССД М. В. Сергиевский приводит глаголы рпéšk-u и рín-u⁶² как два разных глагола — первый со значением ‘курить’, второй со значением ‘пить’. В экспедиционном материале по ССД, однако, зафиксирована именно форма рпéšk-u со значением ‘пить’. К сожалению, остальных форм для этого глагола записано не было. Впрочем, в румейских субдиалектах очень распространенным является выражение рín-u tsičárka (букв. ‘пить сигарету’) со значением ‘курить’. Оно было зафиксировано для МСД, НкСД, БгСД, АСД и является одной из лексических изоглосс, выделяющих ЯлСД на фоне всех остальных румейских субдиалектов, потому что там в значении ‘курить’ употребляется глагол trav-ú, основное значение — ‘тянуть, тащить’. Таким образом, морфологического противопоставления глаголов ‘пить’ и ‘курить’, указанного М. В. Сергиевским, в ССД, скорее всего, не существует. Возможно, эти формы отражают вариативность морфологической формы данного глагола внутри ССД, а возможно, М. В. Сергиевский приводит формы, которые на самом деле принадлежат разным субдиалектам. Вопрос об этом глаголе и его формах в ССД требует привлечения дополнительного материала.

⁵⁹ Этот глагол в румейском имеет вид vušk-íz-u (МСД, БСД), vurs'č'-íz-∅/vrus'č'-íz (ЯлСД), vuščíz-u (НкСД, БгСД) ‘пасти’, vóšk-um (МСД, БгСД) ‘пасться’. В данных формах этот суффикс с точки зрения синхронного состояния языка уже входит в состав корня (за исключением, может быть, последней формы).

⁶⁰ Образование основы имперф., см. табл. 10.45–10.50 (с. 302–318) и комментарии к ним.

⁶¹ О глаголе ‘мыть’ см. табл. 10.43 (с. 298) и комментарии к ней.

⁶² Формы имперф. и аор. представлены в верхней и нижней строках в соответствующей графе табл. 10.22.

Таблица 10.22. Глагол 'пить' в румейских субдиалектах.

	имперф.		перф.		императ.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	2 л. ед. ч.	мн. ч.
МСД	pínu	p'in'-išk-a	é-pn-a/i-pn-a		píni	pin-ét
БгСД	pínu	pín-išk-a	é-pín-a			
НкСД	pínu	pín-ušk-a	é-pín-a			
АСД	p'in-∅	p'in-išk-a	é-p'in-a			
ССД	pnéšk-u/ pín-u (Cr)	é-pniška (Cr) pín[-]išk-a (Cr)	é-pn-a (Cr)/ é-pín-a (Cr)	-pín-u		
ЯлСД	p'in'ěšuk-∅ (p'in'ěšk-un 3 л. мн. ч.)/ p'in-u	p'in'[-]išk-a	jé-p'in-a	-p'in-∅		
БСД	pin'ěšk-⟨u⟩/pín-⟨u⟩	jé-pín[-]išk-a	jé-p'in-a	-p'in-[u]		

Основное затруднение, возникающее при трактовке морфологической структуры глаголов, содержащих суффикс -išk- в основе наст. вр., связано с омонимичностью словообразовательного и формообразовательного суффиксов -išk- (см. с. 250). Для тех субдиалектов, где глагол 'пить' в наст. вр. представлен в форме pín-u, не возникает сомнения, что в форме имперф. pín-išk-a суффикс -išk- является **формообразовательным** суффиксом акт. имперф. Непонятно, правда, каким является этот суффикс в тех глаголах, где он представлен в обоих имперф. основах, как наст., так и прош. вр., и к какой морфологической модели следует относить словоизменение этих глаголов. Речь идет о глаголе 'находить' для всех субдиалектов и о глаголе 'пить' для ЯлСД, БСД (ССД).

Наиболее простым и непротиворечивым решением представляется признание в этом случае суффикса -išk- словообразовательным — как в основе наст. вр., так и в основе имперф. В обоих случаях он входит в словообразующую основу. Таким образом, в имперф. формах эти глаголы трактуются как многосложные соответствующей этому типу моделью образования имперф. путем прибавления парадигмы окончаний II и сопутствующей оттяжки ударения на слог дальше от конца. При этом считается, что в аор. представлена односложная основа, образованная путем усечения имперф. основы, т.е. данный тип является **смешанным многосложно-односложным**.

Морфологическая трактовка начального элемента -i- (/ji/je/e) в глаголе 'находить' в имперф., аор. и наст. вр. (в субдиалектах группы НкСД), как и толкование структуры основы аор. этого глагола, представляет определенную проблему.

В тех субдиалектах, где начальный гласный -i- представлен во всех видовременных основах глагола (НкСД и БгСД), проблемы в интерпретации не возникает. Этот гласный просто считается частью словообразующей основы, каковым он и является этимологически.

В тех же случаях, когда этот элемент появляется только под ударением, его можно было бы трактовать на синхронном уровне как аугмент, который у некоторых неправильных глаголов может иметь вид не только ⟨j⟩é-, но и -í, например: í-r-a 'я сказал', í-ǰ-a 'я увидел'. Однако у глагола 'находить' этот элемент, причем именно в виде ⟨j⟩é-, представлен также в перф. акт. основе непрощ. вр. в

Таблица 10.23. Глагол 'дойть' в румейских субдиалектах.

дойть	имперф.		перф.		императ.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	2 л. ед. ч.	мн. ч.
БгСД	arméy-u (armé-∅)	ármīy-a (ármīj-in)	ármik-s-a			
НкСД	arméy-u	ármīya (árm-in)	ármik-s-a			
ССД	arméy-u	?	?	-armék-s-u		
МСД	arm'éy-u (armé-∅)/ irméy-u/ (irmí-∅)	írmīg-a	írm'ik-s-a/ érmik-s-a		írmik-si	írmik-s-ét
АСД	irm'éx-∅	írm'i'y-a (írm'i-in)	írm'ik-s-a			

тех субдиалектах, где это основа имеется, т. е. в ЯлСД, ССД, БСД?, а также в основе императ. ед. и мн. ч.⁶³ При этом в системе глагольного изменения вообще этот префикс имеет грамматическое значение **прош. вр.** Поэтому для сохранения общей системности и непротиворечивости описания начальное -i- (/ji/je/e) в глаголе 'находить' для всех субдиалектов считается частью словообразующей основы.

Похожую проблему представляет собой морфологическая интерпретация глагола arméy-u 'дойть'. В табл. 10.23 можно увидеть варьирование форм этого глагола по румейским субдиалектам.⁶⁴

В данном случае неясно, целесообразно ли трактовать чередование первой гласной в видовременных основах в МСД как присоединение аугмента. МСД — это единственный субдиалект из представленных в экспедиционных материалах, где вообще имеется подобное чередование для глагола 'дойть'. Кроме того, в МСД форма с начальным i- обнаруживается в императ., а также как вариант и в наст. вр. Поэтому можно считать, что во всех субдиалектах глагол 'дойть' принадлежит к регулярному классу, однако в МСД он имеет морфонологическую аномалию.

Данные примеры с (факультативным) чередованием гласной в корне стоят в одном ряду с явлениями в приставочных глаголах, описанными на с. 244 и сл., а также с чередованиями в глаголе 'подниматься' (см. табл. 10.53 (с. 334) и комментарии).

10.5.10 Основы регулярных многосложных глаголов

а) **Имперф. основа непрош. вр. акт. и пасс.** многосложных глаголов равна словообразующей основе, т. е. содержит корень, иногда приставку и словообразовательный суффикс, оканчивающийся на согласный. Список словообразовательных суффиксов и суффиксоидов для акт. глаголов был приведен выше на с. 248 и сл. У пасс. глаголов на согласный, как уже отмечалось на с. 250,

⁶³ См. формы из МСД в табл. 10.21 (с. 267).

⁶⁴ В скобках приводится 3 л. ед. ч. Для этого глагола имеются данные не по всем субдиалектам.

словообразовательная основа здесь часто оканчивается на словообразовательный суффикс -k-, ср. *angalíz-u* 'обнимать' — *angaléx-k-um* 'обниматься'.

- б) **Имперф. основа прош. вр.** как **акт.**, так и **пасс.** глаголов равна по своему линейному составу основе наст. вр., за вычетом морфонологических чередований, сопутствующих сдвигу ударения в акт. глаголах (приводятся формы наст. вр. — имперф.): *ḏaváz-u* — *ḏávaz-a* 'читать', *kunón-u* — *kónun-a* 'лить', *zlíz-u* — *zúlz-a* 'зажимать', *angalíz-u* — *angálz-a* 'обнимать', *bitév-u* — *bítiv-a* 'заканчиваться', *fsalíy-u* — *fsály-a* 'закрывать', *furén-u* — *fórn-a* 'одевать(ся)', *xalán-u* — *xálan-a* 'разрушать, портить', *xavrév-u* — *xavrájv-a* (/xavrájz-a, см. с. 279) 'жарить' и т.п. Основа имперф. пасс. глаголов полностью совпадает с основой наст. вр., в т.ч. и в плане места ударения: *angaléx-k-um* — *angaléx-k-nimi* 'обниматься'.

В формообразовании имперф. словоформ, таким образом, используются только два языковых средства: 1) оттяжка ударения на слог дальше от конца, по сравнению с формой наст. вр. (про правила ударения см. с. 330 и сл.), и 2) присоединение окончаний прош. вр. (пар. II). Пожалуй, только для этого класса глаголов, самого крупного в румейском, более или менее справедливо утверждение грамматик НГР о том, что прош. длительное образуется от основы наст. вр. Хотя и здесь наличие морфонологических чередований, нередко сопутствующие в румейских субдиалектах оттяжке ударения, заставляет говорить об этом с некоторой долей условности. Поскольку в цели данной главы не входит описание абсолютно всех формальных правила синтеза всех румейских глагольных словоформ, а представляются лишь наиболее регулярные морфологические закономерности, то морфонологическими чередованиями при описании правил образования словоизменительных основ в большинстве случаев можно пренебречь.

- в) **Перф. основа акт.** глаголов образуется путем прибавления **суффикса -s-** к основе наст. вр. Как и у глаголов гласн. типа, перф. основы прош. и неперф. вр. различаются только морфонологическими чередованиями, сопровождающими различную позицию акцента в соответствующих словоформах (приводятся формы наст. вр., аор. и «зависимого наклонения»): *nuníz-u* — *nún-s-a* — *nuní-s-u* (ССД) 'думать', *bitév-u* — *bítip-s-a* — *bitép-s-u* (ССД) 'заканчиваться'.
- г) **Перф. основа пасс.** глаголов согласн. типа не отличается по структуре от соответствующей основы гласн. типа. Особенности ее морфологической структуры были рассмотрены на с. 252.

Многосложные глаголы на согласный, так же, как и глаголы на гласный, распадаются на несколько основных подклассов соответственно типам морфонологического видоизменения финали словообразующей основы в составе разных формообразующих основ. Главным образом, эти видоизменения возникают в перф. основах при присоединении перф. суффикса -s- и с синхронной точки зрения являются немотивированными. Чередования гласных в финалях словообразующих основ, в основном, обусловлены общефонологическими особенностями соответствующих субдиалектов и связаны с позицией ударения.

Таблица 10.24. Типы морфонологических чередований в финали словоизменительной основы многосложных глаголов.

имперф.		перф.		имперф.		перф.	
наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.
-iz- -[i]z- [i]θ/-[i]k-/-p- -i-				-év- -jv-/-iv- -jp- -ép-			
nuníz-u 'думать'	núnz-a	núnθ-s-a	nuníθ-s-u	irév-u 'хотеть'	íriv-a	írip-s-a	irép-s-u
angalíz-u 'обнимать'	angálz-a	angálk-s-a	angalíθ-s-u	džaév-u 'пасти'	džájv-a	džájp-s-a	džaép-s-u
plumíz-u 'вышивать'	plúmz-a	plúmp-s-a	plumíθ-s-u	-[θ/a]év-/-[θ/a]iz- -[á]jv-/-[á]jz- -[á]j- -[a]í-			
-áz- -a-/-ak- -á-				xadrév-u 'искать'	xadrájv-a/ xadrájz-a	xadráj-s-a	
aγuráz-u 'покупать'	aγóraz-a	aγóraθ-s-a	aγuráθ-s-u	xatraév-u (ССД)	xatrájv-a	xatráj-s-a	xatraí-s-u
ðaváz-u 'читать'	ðávaz-a	ðávak-s-a	ðaváθ-s-u	xadríz-u (АСД)	xadrájz-a	xadráj-s-a	
-íγ- -[i]γ- θ- -i-				-ón- -un-			
fsalíγ-u/ fsaléγ-u 'закрывать'	fsálγ-a	fsálθ-s-a	fsalíθ-s-u	kunón-u 'лить'	kónun-a	kónuθ-s-a	kunóθ-s-u
-éγ- -iγ- -ik- -ék-				-én- -[i]n- θ- -é-			
arméγ-u ⁽¹⁾ 'доить'	ármíγ-a (НкСД, БгСД)	ármik-s-a (НкСД, БгСД)	armék-s-u	furén-u 'оде- ваться'	fórn-a	fórθ-s-a	furéθ-s-u
-áγ- -aγ- -ak- -ák-				-án- -an- -a- -á-			
fláγ-u 'ждать'	f'ílaγ-a	f'ílak-s-a	flák-s-u	xalán-u 'разрушать'	xálan-a	xálaθ-s-a	xaláθ-s-u

Примечание

- ⁽¹⁾ О морфонологической аномалии в основе этого глагола в некоторых субдиалектах см. табл. 10.23 (с. 269) и далее.

В табл. 10.24 указаны возможные типы соотношений словообразующих основ многосложных глаголов. Данные типы чередований представляют собой обобщенные схемы, учитывающие явления во всех румейских субдиалектах.⁶⁵

Особый интерес с точки зрения типологии и изучения субдиалектов румейского языка представляет подкласс глаголов типа xadr[a?]év-u 'искать'. В этот класс в румейском входит большинство заимствованных глаголов, в основном, с тюрк-

⁶⁵ Примеры приводятся, главным образом, из МСД, в некоторых случаях привлекается материал других субдиалектов. Перф. акт. основы неперш. вр. приводятся по данным ССД, ЯлСД и БСД.

скими корнями.⁶⁶ Обнаруживается значительное варьирование по субдиалектам как в плане структуры словообразующей основы таких глаголов (т.е. суффиксальной модели, по которой оформлены тюркские корни в румейском), так и в плане фонологической структуры самих суффиксов. Кроме того, в МСД сформировалось любопытное в типологическом плане соотношение видовременных основ этих глаголов.

Глаголы с тюркскими корнями составляют значительную часть в румейском глагольном корпусе. Так, например, тюркские заимствования составляют примерно пятую часть собранного словника из более чем 500 румейских корней. Однако набор оформляющих их суффиксальных моделей сравнительно невелик. Например, в МСД продуктивной в этом смысле является только одна модель, исторически представляющая собой контаминацию в одной парадигме двух наиболее распространенных суффиксов *-év-* и *-íz-*. Прежде чем обратиться к описанию данной модели, необходимо рассмотреть типичные для исконных румейских лексем словообразовательные модели, в которых участвуют суффиксы *-év-* и *-íz-*.

10.5.11 Суффиксы *-íz-*, *-áz-*

В МСД для этих суффиксов удалось обнаружить следующие типичные словообразовательные модели:

- а) образование глаголов **от имен существительных и прилагательных** (см. табл. 10.25).
- б) образование глаголов **от глаголов** (см. табл. 10.26–10.28).⁶⁷

Все эти глаголы в МСД образуют видовременные основы по образцу глагола *пшíz-и*, представленного в табл. табл. 10.24 (с. 271), т.е. по словоизменительной модели на *-íz-*, наиболее регулярной в НГР.

10.5.12 Суффикс *-év-*

В румейском языке сохранилось совсем немного глаголов с финалью словоизменительной основы *-év-*, имеющих греческие корни. В собранном в ходе полевой работы корпусе зафиксированы такие глаголы, как *fidév-и* (БгСД) (НГР *φύτεύω*) (но *fidilév-и*/*θidilév-и* (МСД)/*f'itrón-[и]* (ЯлСД, НкСД, ССД)/*θ'itrón-∅* (ЯлСД)) 'сажать (растение)', *đúlév-и* (НГР *δουλεύω*) 'работать', *irév-и* (НГР *γυρεύω*) 'просить, хотеть (только в утвердительной конструкции)', *ksimirév-∅* (безличн., НГР *ξημερώνω*) 'рассветать', *kurév-и* (НГР *κουρεύω*) 'стричь', *mairév-и* (НГР *μαγειρεύω*) 'варить', *randrév-и* (НГР *παντρεύω*) 'сватать, жениться/выходить замуж',⁶⁸ *pistév-и* (НГР *πιστεύω*) 'верить', *surév-и* (НГР *σωρεύω*) 'собирать, складывать', *xurév-и* (НГР *χορεύω*) 'танцевать', *zilév-и* (НГР *ζηλεύω*) 'ревновать'.

⁶⁶ Сюда также относится глагол *zabupév-и* 'заболевать, заболеть', который, по-видимому, представляет собой кальку с русской морфемной структуры *за-бол-еть* с использованием румейского корня *-rip-* 'боль'.

⁶⁷ Обнаружены лишь примеры каузативной деривации.

⁶⁸ Последнее значение встречается редко.

Таблица 10.25. Образование глаголов от имен.

имя	глагол	перевод
alétri/aletér ‘плуг’	aletr-íz-u	пахать
fírnu ‘печь (для хлеба)’	furn-íz-u	печь (хлеб в печи)
kapnó-s ‘дым’	kapn-íz-u	1. дымить, дымиться; 2. курить
kupán ‘валик, подушка’	kupan-íz-u	бить, избивать. ⁽¹⁾
lunár ‘чесалка’	lunar-íz-u	чесать шерсть
šon ‘снег’	šun-íz-∅ (3 л. ед. ч.)	безличн. идет снег
skutn-ós ‘темный’	skutn-íz-∅ (3 л. ед. ч.)	безличн. темнеть
skutn-fja ‘темнота’ ⁽²⁾		
tsanó ‘глупый, дурной’	tsan-íz-u	сходить с ума, дурачиться
ašim-us ‘некрасивый’	ašim-íz-u ⁽³⁾	становиться некрасивым
kóčnu, kúčnu ‘красный’	kučn-íz-u	краснеть
kumbí ‘пуговица’	kumb’j-áz-u ⁽⁴⁾	застегивать
xulí ‘желчь, гнев’	xul’-áz-u	сердиться
đipsa ‘жажда’	đips-áz-u	испытывать жажду

Примечания

- ⁽¹⁾ Ср. также пример из [Хартахай 1859]: *kupanízu* — 1) выбиваю белье при стирке; 2) наказываю кого-нибудь [Чернышева 1959: 119]
- ⁽²⁾ Данное существительное, скорее всего, является отглагольным.
- ⁽³⁾ **Прим. ред.:** глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].
- ⁽⁴⁾ **Прим. ред.:** не зафиксировано в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

Таблица 10.26. Образование от акт. глаголов.

мотивирующий глагол	кауз. глагол	перевод
prat-ú (-á) ‘ходить’	prat-íz-u	носить, вести
faḡ-/faj- перф. основа глагола ‘есть’	fa-íz-u	кормить
maθ-én-u ‘узнавать, учиться’	maθ-íz-u	учить
fur-én-u — носить одежду, одеваться	furj-áz-u	одевать

Таблица 10.27. Образование от непрозводных пасс. (отложительных) глаголов.

мотивирующий глагол	кауз. глагол	перевод
čim-úm ‘спать’	čim-íz-u	баюкать, укачивать, укладывать спать
fuv-úm ‘бояться’	fuvir-íz-u	пугать
káθ-um ‘сидеть’	kaθ-íz-u	сажать
drép-um ‘стыдиться, стесняться’	drup’j-áz-u	стыдить
krém-um ‘висеть’	krim-áz-u	вешать

Морфологическая структура ‘сажать’ (растения), как видно, варьируется по субдиалектам. Интересно, что если в одних субдиалектах он сохранил свою исконную морфемную структуру и словоизменительную парадигму (особенно в БгСД), то в других (МСД) он предстает уже как вторичное тюркское заимствование с тюркским суффиксом и типичным для заимствований словоизменительным типом: *fidilá-jz-a/fidilá-jv-a* (имперф.) — *fidilá-j-s-a* (аор.).⁶⁹ Корень *-fit-* был заимствован в урумский язык из румейского, где от него была образована соответствующая глагольная основа, ср. данные А. Гаркавца: «*фидэле*- садити саджанці, розсаду» [ГАРКАВЕЦ 2000]. Затем эта глагольная основа была вторично заимствована в МСД уже в тюркской огласовке. По морфологическому варьированию такого рода можно судить о степени тюркского влияния на разные субдиалекты румейского языка.

Почти все эти глаголы являются в румейском, с точки зрения синхронного состояния языка, непроизводными. От некоторых из них образуются имена, например: *xógi-mu* ‘танец’, *ǫl-íja* ‘работа’. Все они изменяются по модели глагола *igév-u*, представленной в табл. 10.24 (с. 271) и являющейся наиболее регулярной для глаголов на *-eú-* в НГР.

В МСД большинство глаголов на *-év-* представляют собой тюркские заимствования, оформленные с помощью греческого суффикса. Как уже отмечалось, в собранном материале подобных глаголов представлено порядка 100 ед. (в сумме по всем субдиалектам). Небольшая часть из них является на синхронном уровне производными глаголами — в том случае, если в румейский субдиалект было заимствовано из урумского и соответствующее существительное или прилагательное (см. табл. 10.29, 10.30).

Однако в основном такие глаголы в румейском являются непроизводными. В табл. 10.31 приведено несколько примеров с их турецкими и урумскими этимологическими соответствиями.

Видно, что фонологический облик этих основ не претерпел значительных изменений в румейском, по сравнению с языком-источником, отразив фонологические черты соответствующих урумских диалектов. Как видно, в румейском распространено заимствование урумских основ, включающих в себя и некоторые грамматические суффиксы, в частности, многократно отмеченный исследователями суффикс каузатива, ср., например, такие пары, как *bitév-u* ‘заканчиваться’ — *bitrév-u* ‘заканчивать’, *kušév-u* ‘перемещаться’ — *kuširév-u* ‘перемещать’.

В целом для МСД было обнаружено **четыре модели** словоизменения заимствованных глаголов: 1) иррегулярный смешанный гласно-согласн. тип, о котором см. с. 263 и сл.; 2) в МСД существует глагол *rašaríz-u* ‘мешать; вмешиваться’, который также, вероятно, имеют тюркское происхождение, однако оформлен с помощью суффикса *-íz-* и изменяются по модели глагола *nuńíz-u* (см. табл. 10.24, с. 271).⁷⁰ Оформление заимствований с помощью этого суффикса в МСД — ред-

Таблица 10.28. Ономатопоэтические глаголы.

глагол	перевод
<i>kakan-íz-u</i>	кукарекать
<i>murmur-íz-u</i>	шептать, ворчать
<i>хахан-íz-u</i>	смеяться

⁶⁹ См. ниже с. 279 и сл.

⁷⁰ В словнике О. Гаркавца урумских соответствий для этого глагола найдено не было. Для ССД М. В. Сергиевский приводит *rašaríz-u* наряду с *taráz-u* (НГР τάρασω), оба со значением ‘мешать’,

Таблица 10.29. Образование глаголов на -év- с тюркскими корнями от существительных.

существительное	глагол	перевод глагола
jangás ⁽¹⁾ 'ворчун'	jangaz-lév-u ⁽²⁾	ворчать
laxard-í 'разговор' ⁽³⁾	laxard-év-u	разговаривать
xuláč 'шаг'	xulač-lév-u ⁽⁴⁾	1. шагать; 2. измерять шагами
xuráta 'шутка'	xurata-lév-u	шутить
dugúš 'война'	duguš-év-u (ССД)	воевать
iríš 'спор'	iríš-év-u/iríšt[ɾ?]-év-u	1. дразнить; 2. кривляться, баловаться
jatáx 'подстилка для животных'	jatax-lév-u ⁽⁵⁾	1. прилечь (на подстилку); 2. валяться

Примечания

- (1) **Прим. ред.:** не зафиксировано в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].
- (2) Этимологически -l- перед -ev- является частью тюркской глагольной основы, однако в системе румейского языка при соотносительности таких глаголов с соответствующими именами, в которых -l- отсутствует, по-видимому, надо говорить о суффиксе -lev-. В плане модели словоизменения глаголы на -lev- ничем не отличаются от глаголов на -ev-, поэтому здесь оба эти типа условно названы классом на -ev-.
- (3) Возможно, данное существительное является отглагольным.
- (4) **Прим. ред.:** глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].
- (5) **Прим. ред.:** глагол отсутствует в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

Таблица 10.30. Образование глаголов на -év- с тюркскими корнями от прилагательных.

прилагательное	глагол	перевод глагола
aríx-s, ⁽¹⁾ aríx-ku 'худой'	arix-lév-u	худеть
tím'íz, tímíz-ik, tímís-ku 'чистый'	tímiz-l[a?] év-u	1. чистить; 2. убираться; 3. очищать
zabún-s, zabún-gu 'больной'	zabun-év-u	заболеть

Прим. ред.:

- (1) Не зафиксировано в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

кое исключение; данная функция практически целиком является прерогативой суффикса -év-. Глаголы с суффиксом -év- могут изменяться 3) по типу irév-u, džáév-u и 4) по типу xadrév-u (см. табл. 10.24).

Начнем с **типа 3** (irév-u). Этот тип сравнительно немногочислен и представлен во всех румейских субдиалектах более или менее одинаковым набором глаголов. Это такие глаголы, как bitév-u 'заканчиваться', laxardév-u 'разговаривать', angév-u 'вспоминать', axlašév-u 'договариваться, мириться', čalévu 'жать, косить', čurév-u 'ругать, ругаться', dalév-u 'уставать', daɣlév-u 'разваливать, разрушать',

вмешиваться'. В БСД, румейском субдиалекте Великой Новоселки (смешанного урумско-румейского села), этот глагол выглядит как račagaíz-∅, однако по этому субдиалекту нет данных относительно его словоизменительной модели.

Таблица 10.31. Глаголы на -év- и их тюркские этимологические соответствия.

РУМ	тур.	урум. (цит. по [ГАРКАВЕЦ 2000])	перевод румейского глагола
bigin-[a?]-év-u	beğen-mek	<i>бейен-</i> ‘уподобати (понравиться — <i>Н. К.</i>), симпатизувати, полюбити’	нравиться, любить
I. bit-év-u;(1)	I. bit-mek;	I. <i>бит-</i> (<i>битий</i>) ‘закінчуватися, завершуватися, кінчатися’; II. <i>битир-</i> ‘закінчувати’	I. заканчиваться;
II. bitr-év-u	II. bitir-mek		II. заканчивать
bulaştır-év-u(2)	bulaştır-mak	<i>бохлат-</i> ‘замазати, забруднити (испачкать, загрязнить — <i>Н. К.</i>), спаскудити’	пачкать
çax-év-u	çak-mak	<i>йах-</i> (<i>йахай</i> ; <i>йахай</i>) ‘запалювати, палити, спалювати, підпалювати, випалювати, пекти, обпикати’	1. сверкать, вспыхивать; 2. зажигать, поджигать; 3. донести, предать
dulaş-év-u(3)	dolaş-mak	<i>долаш-</i> ‘бродити, обходити, обїздити, прогулюватися, ходити, навідувати, провідувати, скручуватися, бгатися’	бродить
jald[a?]-év-u		<i>йалда-</i> ‘плавати, плисти’	плавать
I. kučévu;(4)	göçer-mek	I. <i>гѣч-</i> ‘переселятися, вирушати’;	I. 1. перемещаться;
II. kučarévu		II. <i>гѣчир-</i> ‘переводити, переносити, відправляти, переселяти; перевозити, переганяти, пересувати, переставляти; поганяти, зрушувати з місця’	2. переезжать; II. 1. перемещать; 2. переселять
maxtan-év-u		<i>махтан-</i> ‘хвалитися, вихвалитися’	хвалят
xadr-[a?]-év-u		<i>хыдыр-</i> (<i>хыдырый</i> , <i>хыдый</i>) ‘шукати, розшукувати (искать, разыскивать — <i>Н. К.</i>)’	искать
xavr-[a?]-év-u	kavur-mak	<i>хавур-</i> (<i>хавуруй</i> ; <i>хавруй</i>) ‘смажити (жарить — <i>Н. К.</i>), пекти’	жарить
xutxar-[a?]-év-u		<i>хутар-</i> ‘рятувати (избавлять, освобождать — <i>Н. К.</i>), спасати, захищати, вигороджувати’	спасать

Прим. ред.:

- (1) Глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].
 (2) Не зафиксировано в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].
 (3) Глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].
 (4) Не зафиксировано в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

dulaşév-u⁷¹ ‘бродить’, inglinév-u ‘развлекаться, гулять’, jaraşév-u ‘подходить, идти’ (по цвету и проч.), salév-u ‘качать, шатать’, tijév-u⁷² ‘трогать’, xijév-u ‘ценить, жалеть’, хурév-u ‘отцепляться, срываться’.⁷³ По-видимому, наличие подобной модели словоизменения объясняется тем, что румейская основа тут была произведена непосредственно от урумского корня, оканчивающегося на **согласный** (-bit-, -çal-, -dal- и др.). Словоизменительная модель ряда глаголов, в т.ч. и глагола zabunév-u ‘заболеть’, варьируется по субдиалектам между типами igév-u и xadrév-u.

Для **типа 2** (džaév-u) в собранном материале было обнаружено всего лишь три примера: dž(a)év-u ‘пасти’, s(a)év-u ‘уважать’, ça(j)év-u (БГСД) ‘схватить’. Соот-

⁷¹ **Прим. ред.:** глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

⁷² **Прим. ред.:** отсутствует в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

⁷³ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 228] переводится как ‘дарить’.

ветствующие им урумские глаголы имеют одинаковую структуру корня: он односложный, содержит гласный -а- и оканчивается на -j-. Ср. данные А. Гаркавца по двум первым глаголам: «*caŷ-* (*caŷar*, *caŷaŷ*) рахувати, лічити, здавати карти, вважати, шанувати; *dʒaŷ-* (*dʒaŷaŷ*) 1. розстеляти, розкладати, розвішувати; 2. пасти» [ГАРКАВЕЦ 2000]. Если в румейском удастся обнаружить другие слова подобной структуры, то они тоже, скорее всего, будут изменяться по этому типу.⁷⁴

По данным А. Гаркавца, у глагола *dʒaéŷ-u* в урумском имеется два довольно далеких, хотя и связанных друг с другом этимологически, значения: 'расстилать' и 'пасти'. Первое значение зафиксировано А. Гаркавцом для сел Великая Новоселка и Старобешево, второе — для сел Великая Новоселка, Старомлиновка, Богатырь, Гранитное и Старый Крым. Любопытно, что для с. Великая Новоселка, которое, как уже отмечалось, является единственным населенным пунктом со смешанным урумско-румейским населением, А. Гаркавец отмечает наличие обоих этих значений. Похожая ситуация наблюдается и в румейских субдиалектах. Варьирование семантической структуры этого слова, а также варьирование его соотношения с исконными греческими лексемами со значениями 'пасти, пастишь', 'расстилать, стелить постель' составляет одну из важных лексических изоглосс, различающих румейские субдиалекты. К сожалению, пока нет достаточных данных по всем румейским субдиалектам, чтобы получить отчетливую картину диалектного варьирования по этой изоглоссе. Однако на основе экспедиционных материалов можно сделать некоторые промежуточные выводы. Эта изоглосса, во-первых, отражает генетическое родство субдиалектов, например, только для НкСД и БгСД для *dʒaéŷ-u* было зафиксировано значение 'расстилать'. Во-вторых, она отражает степень тюркского влияния на румейские субдиалекты; например, видно, что в ЯлСД этот глагол вообще не употребляется. В-третьих, она отражает некоторые ареальные характеристики, ср., например, глагол *vóšk-umín*, имеющийся в БгСД и отсутствующий в НкСД. В БСД удалось зафиксировать этот глагол в значении 'пасти' наряду с глаголом, имеющим исконный греческий корень. Однако поскольку оба значения этого глагола зафиксированы А. Гаркавцом для урумского субдиалекта того же села (Великая Новоселка), можно предположить, что и в румейском субдиалекте с. Великая Новоселка (БСД) у *dʒaéŷ-∅* также имеется значение 'расстилать' наряду с 'пасти'. В ряде случаев информанты противопоставляли собственное словоупотребление словоупотреблению другого села; такие отсылки в табл. 10.32 приведены в скобках.

Тип словоизменения 4 (*xadréŷ-u*). Глаголы на *-éŷ-/-íz-*, которые были образованы от этимологически **производных** тюркских основ, оканчивающихся на гласный или на сонант (типа *jalda-*, *bitir-*), составляют большинство среди урумских заимствований в румейский и обнаруживают значительное варьирование по субдиалектам в плане словоизменительных типов.

⁷⁴ Наличие корневого гласного а важно в том смысле, что, например, глаголы с односложным корнем *xijéŷ-u* и *tijéŷ-u*, содержащие в корне -i-, изменяются по типу *igéŷ-u*. Точно также в субдиалектах, демонстрирующих редукцию безударных *i* и *u*, имеются некоторые глаголы с односложным корнем, не содержащим гласный, которые имеют иной тип словоизменения. Например, *bréŷ-u* 'скручивать, закручивать' изменяется как *xadréŷ-u*, ср. однокоренные глаголы в других субдиалектах: *burajíz-∅* (ЯлСД) 'вертеть', *buríz-u* (НкСД) 'закручивать, скручивать'.

Таблица 10.32. Глаголы ‘пасти, пасть’, ‘расстелить, стелить постель’ в румейских субдиалектах.

субдиалект	‘пасти’	‘пасть’	‘расстелить’	‘стелить (постель)’
ЯлСД	vurš'č'íz-∅/ vruš'č'íz-∅		stron-∅	van-∅ [rúx-a]
ССД	vuškíz-u			
АСД	džajév-∅			vál-u [rúx-a] (vs. strón-u МСД)
МСД	džév-u/ džajév-u	džéfk-um; vóšk-um	strón-u	strón-u [ta rúx-a]
БгСД	vuščíz-u	vóšk-umin	džév-u/ džajév-u	vál-u [rúx-a]/ strón-u [ta rúx-a]
НкСД	vuščíz-u/ vurščíz-u		džajév-u; džajév-umin (пасс.) ‘расстелиться’	vál-u [rúx-a] (vs. strón-u МСД)
БСД	džajév-∅/ vušk'íz-∅		?džajév-∅	

Во всех субдиалектах такие глаголы имеют корень, оканчивающийся на гласный -а-, к которому присоединяется суффикс -év-/-íz-. Однако в одних субдиалектах (МСД, АСД, НкСД) в форме наст. вр. произошло фонологическое стяжение -aév- и -aíz- в -év- и -íz-, соответственно, а в других (ССД, БгСД, БСД, ЯлСД) — нет. На поверхностно-фонетическом уровне произношение нестяженной формы различается по субдиалектам. В ЯлСД сохранилось отчетливое произнесение [ae] и [ai] как двух слоговых гласных, т. е. примерно как в русском языке, иногда даже с протетической йотацией между ними. Во всех остальных субдиалектах эти сочетания произносятся как дифтонги [áé] и [ái], которые в беглой речи звучат примерно как [êí], но при медленном и отчетливом произнесении восстанавливаются. Такая фонетико-фонологическая вариативность по субдиалектам наглядно демонстрирует стадии перехода [ae]/[ai] > [e]/[i] в тех субдиалектах, где осуществилось стяжение. Стяжение представляется закономерным выходом из ситуации необходимости фонетической реализации дифтонгов в очень ограниченных и морфологически обусловленных контекстах, при том что вообще фонологические системы румейских субдиалектов в их современном состоянии дифтонгов не знают. М. В. Сергиевский по результатам экспедиции 1933 г. зафиксировал для ССД ситуацию, когда в этих глаголах еще отчетливо произносилось сочетание [ae], причем, возможно, как сочетание двух слоговых согласных. В имперф. и аор. таких слов при смещении ударения второй гласный этого сочетания тогда, соответственно, произносился как неслоговой [i], который в современном состоянии языка полностью перешел в [j]: «Только глаголы с коренным а остаются неизменными в отношении гласного корня, причем глаголы на -aév-u (большая часть, татарского происхождения) имеют -áeva и далее в произношении -ájva,

ср. *biḡdraévu* ‘разъясняю’ — *biḡdráǰva*, *ḡariḡlaévu* ‘нищаю’ — *ḡariḡláǰva*, *timizlaévu* ‘чищу’ — *timizláǰva* и т. п.» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 571].

Стяжение гласных в одних субдиалектах и сохранение их в других, предпочтительно, связано с наличием/отсутствием в том или ином субдиалекте перф. основы непрош. вр. Действительно, в этой основе ударение падает на второй компонент дифтонга, как и в форме наст. вр. Таким образом, основы с ударным первым компонентом и основы с ударным вторым компонентом в некотором смысле «уравновешивают» друг друга, что, возможно, предотвращает стяжение. По крайней мере, стяжение отсутствует, прежде всего, в тех субдиалектах, которые сохранили эту основу, а именно в ЯлСД, БСД, ССД. Возможно, правда, эти факты взаимосвязаны только лишь в том смысле, что они оба являются проявлениями большего фонологического и морфологического консерватизма указанных субдиалектов, по сравнению с другими.

Настало время рассмотреть подробнее морфологическое устройство глаголов такого типа в каждом из субдиалектов. В МСД словоизменение всех этих лексем унифицировано в наибольшей степени — они изменяются по типу *xadrév-u*. Однако словоизменительная модель сама по себе является нестабильной: практически любое слово может иметь в имперф. параллельные формы с суффиксом *-jv-* или *-ǰz-*, реальное употребление которых, по-видимому, зависит исключительно от идиолекта. В одних идиолектах встречаются формы как одного, так и другого типа, причем модель может варьироваться как по разным лексемам, так и по употреблениям одной и той же лексемы в разные моменты речи. В других идиолектах преобладает какая-то одна модель — вплоть до того, что наличие второй модели вообще отрицается и приписывается другому субдиалекту, например: «... *xadráǰva*, вот мы говорим *xadráǰva*. А вот, допустим, в другом селе говорят *xadráǰza*. В Кременёвке, по-моему. Есть различия небольшие». ⁷⁵ При этом другой информант из с. Малоянисоль примерно того же возраста ⁷⁶ при переводе фраз на румейский использовал практически исключительно модель на *-ǰz-*. Так, из сорока двух раз, когда он произнес за время интервью заимствованные глаголы, ⁷⁷ тридцать три раза он использовал модель на *-ǰz-*, девять раз — модель на *-jv-* (из которых два — это глаголы *džáǰv-a* и *sáǰv-a*, о которых см. с. 276), а один раз ⁷⁸ модель была навязана собирателем, спросившим, можно ли так сказать. Для трех глаголов было отмечено колебание словоизменительной модели, при этом информант утверждал, что «и так, и так правильно». ⁷⁹ Форма имперф.

⁷⁵ Муж. 1953 г. р., образование 10 кл., род. в с. Малоянисоль, родители румеи, запись 2002 г.

⁷⁶ Муж. 1957 г. р, высшее образование, род. в с. Малоянисоль, родители румеи, запись 2005 г.

⁷⁷ Повторные употребления одних и тех же глаголов считались как разные произнесения.

⁷⁸ Применительно к глаголу *duvláǰv-in* ‘понесла’ (о лошади).

⁷⁹ Полный список этих словоупотреблений выглядит следующим образом: *aldáǰz-is* (2 л. ед. ч.) ‘обманывать’, *axíxláǰz-a* ‘худеть’, *bitráǰz-a/bitráǰv-a* ‘заканчивать’, *bráǰza* ‘скручивать’, *bulaštráǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘пачкать’, *díngáǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘следить, пробовать’, *duvláǰv-in* (3 л. ед. ч.) ‘понести (о лошади)’, *džáǰv-in* (3 л. ед. ч.) ‘пасти’, *džunáǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘отправляться’, *ḡadirláǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘стучать’, *ḡučiráǰz-a* ‘перемещать’, *irištráǰz-a* ‘дразнить’, *jaǰaláǰz-a* и *jaǰaláǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘удаляться’, *jaldáǰz-a* и *jaldáǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘плавать’, *jangazláǰz-in* ‘ворчать, жаловаться’, *mal’áǰv-a* ‘мазать’, *mangráǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘мычать’, *maxtáǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘хвалить’, *muǰanáǰz-a* ‘мучиться’, *sáǰv-a* ‘уважать’, *siǰáǰz-a* (3 л. ед. ч.) ‘гнать’, *taptáǰz-a* (3 л. ед. ч.) ‘хлопать, топтать, топтать’, *tim’izláǰz-a* ‘чистить’, *ḡidiláǰz-a* ‘сажать’ (растения), *uǰráǰv-a* ‘подвергаться, претерпевать’, *un’axláǰz-an* (3 л. мн. ч.) ‘резвиться’, *uxláǰv-in* (3 л. ед. ч.) ‘навещать, проводить’, *xačiráǰv-a/xačiráǰz-a* (2 раза) ‘упускать, ронять, терять’, *xadráǰz-a* ‘искать’, *xataláǰv-in* (3 л. ед. ч.)/ *xataláǰz-in* (3 л. ед. ч.) ‘мчаться, стремиться’, *xavǰaláǰz-an* (3 л. мн. ч.) ‘ссориться’, *xavráǰz-a* ‘жарить’, *xulačláǰz-a* ‘шагать’, *xuldáǰz-in* (3 л.

глагола *xadrév-u* 'искать' зафиксирована в материалах, собранных от двенадцати разных информантов, при этом соотношение вариантов на *-jv-/-jz-* составило 7 : 5, т. е. практически поровну. На примере этого глагола можно сказать, что обе модели употребляются в МСД действительно параллельно. Материал по другим глаголам в МСД демонстрирует ту же тенденцию, однако употребление модели с *-jz-* в целом несколько преобладает.

Проследить направление эволюции этой модели можно, проанализировав формы, записанные в ходе полевой работы у двадцати семи жителей с. Малоянисоль. Часть из этих форм является ответами на вопросы переводной анкеты, а часть встретилась в спонтанных текстах. Кроме того, много подобных форм (по анкетам) было записано у информантки, родившейся в с. Малоянисоль, но в 1954 г. переехавшей в с. Анадоль.⁸⁰ В интервью с ней на четырнадцать случаев употребления модели на *-jv-* приходится только одно словоупотребление с *-jz-* (*jaçalájz-a* 'отходить'). По-видимому, с момента переезда в с. Анадоль она практически не контактировала с жителями собственного села, так что возможно предположить, что в ее речи сохранялась несколько более ранняя норма словоупотребления МСД. Важно отметить, что в АСД, в окружении которого информантка жила с 1954 г., модель на *-jv-* вообще неизвестна и употребляется только модель на *-jz-*, так что ни о каком языковом влиянии в данном случае говорить не приходится. Кроме того, одна из самых пожилых жительниц с. Малоянисоль⁸¹ четыре раза употребила в интервью модель с *-jv-*, ни разу не использовав модель с *-jz-*. На основании этих данных можно выдвинуть гипотезу о том, что изначально в МСД преобладала модель с *-jv-*, которая с морфологической точки зрения является более регулярной для глаголов, имеющих в наст. вр. суффикс *-év-*, но постепенно формы на *-jv-* стали в имперф. замещаться формами на *-jz-*. Дальнейшая унификация этой модели в будущем могла бы привести к полному функциональному распределению суффиксов *-év-* (наст. вр.)/*-jz-* (имперф.) для этого словоизменительного типа в МСД. Некоторые идиолекты МСД уже достаточно близки к этому. Тогда, возможно, появятся основания для выделения особого суффикса имперф. *-z-*. Надо признать, что отдельные формы на *-jz-* удалось обнаружить и у очень пожилых информантов, так что не вполне понятно, как долго в МСД уже существует ситуация подобного параллелизма, сколько она еще сохранится и в какую именно сторону может произойти унификация. Пока свободное варьирование такого рода существует в субдиалекте, наличие суффикса *-jz-*, по-видимому, должно трактоваться как факультативный частичный супплетивизм словообразующих основ в имперф. Морфологической базой для возникновения этого варьирования, скорее всего, послужила единая структура форм аор. у глаголов на *-[a]íz-* и *-[a]év-*. Не вполне, правда, понятно, какой была ситуация с заимствованными глаголами в МСД до возникновения варьирования: имела ли часть этих глаголов изначально суффикс *-íz-* в основе наст. вр., как это происходит в других субдиалектах, например в ССД, во многих отношениях близком к МСД; т. е. открытым остается вопрос, существовали ли изначально в МСД две модели оформления заимствований — на *-év-* и на *-íz-*, — которые затем объеди-

ед. ч.) 'нападать, набрасываться, приставать', *xuratalájz-a* 'шутить', *xutxarájz-a* 'освободить, спасти, защитить'.

⁸⁰ Жен. 1929 г. р., среднее специальное образование, род. в с. Малоянисоль, с 1954 г. живет в с. Анадоль, запись 2005 г.

⁸¹ Жен. 1913 г. р., неграмотная, род. в с. Малоянисоль, запись 2002–2005 гг.

нились в одну, и почему тогда не сохранилось никаких следов, указывающих на то, к какому типу изначально принадлежал тот или иной глагол. Понятно только, что подобные явления в МСД свидетельствуют о протекавших (и протекающих в настоящий момент) здесь процессах активного языкового развития в сторону унификации и спецификации выражения различных значений.

В данном случае тенденция к унификации выражается в стремлении языка сгруппировать все заимствованные глаголы в единый словообразовательный тип. Если верно то, что в какой-то момент произошел переход заимствованных глаголов на *-íz-* в класс на *-év-*, то следствием этого перехода явилось углубление функционального различия между продуктивными суффиксами *-év-* и *-íz-*. Как было показано выше (с. 272 и сл.), у суффикса *-íz-* есть некоторые особые, практически только ему присущие функции, например, образование каузативных глаголов, кроме некоторого числа глаголов с суффиксом *-áz-*, или ономастопэтических глаголов. В то же время для МСД не было зафиксировано заимствованных глаголов, содержащих суффикс *-íz-* в основе наст. вр., если не считать глагола *rašaíz-u* не вполне ясного происхождения. Таким образом, в этом субдиалекте функция оформления заимствований практически полностью, за исключением небольшой группы смешанного гласно-согласн. типа, закреплена только за суффиксом *-év-*.

Теперь пора обратиться к материалу других субдиалектов. Табл. 10.33 демонстрирует типы морфологического оформления заимствованных слов в исследованных в ходе экспедиций селах. В данные по ССД включены материалы из [СЕРГИЕВСКИЙ 1934], а по БСД — из [ХОРОШ 1998]. Над каждой моделью словоизменения указано количество глаголов данного типа, встретившихся в собранном материале. В столбцах под знаком «?» помещены два вида глаголов. Во-первых, это глаголы, представляющие словоизменительные типы, которые в субдиалекте предположительно должны иметься, но данные по которым отсутствуют. Во-вторых, это глаголы, для которых были записаны только единичные формы, а не вся парадигма целиком; при этом данные формы с морфологической точки зрения не вписываются ни в один из хорошо документированных для того или иного субдиалекта словоизменительных классов.

Типы словоизменения по модели *bitév-u* устойчиво присутствуют во всех субдиалектах, различаясь лишь большим или меньшим количеством входящих в них слов. Если в субдиалекте существуют глаголы типа *džaév-u*, они также имеют единый тип словоизменения во всех субдиалектах.⁸² Наибольшее разнообразие словоизменительных моделей обнаруживают именно те глаголы, которые входят в тип, только что рассмотренный для МСД. Видно, что в большинстве субдиалектов (АСД, НкСД, БгСД, БСД) как в наст. вр., так и в имперф. эти глаголы оформлены суффиксом *-íz-*. В БгСД для двух глаголов были зафиксированы параллельные формы наст. вр. на *-év-* и *-íz-*: *aldév-u/aldaíz-u* 'плавать', *xavčalév-u/xavčalaíz-u* 'ссориться, спорить'. Такое колебание в формах наст. вр., при стабильных формах имперф. на *-jz-*, представляет собой в некотором смысле ситуацию, противоположную той, что встречается в МСД. В БгСД формы на *-év-* являются, видимо, более новыми.⁸³ Скорее всего, они проникли в БгСД под влиянием со-

⁸² Данные о глаголах этого типа в ССД и ЯлСД отсутствуют.

⁸³ Об этом говорит и их фонологический облик, с утратой гласного *-a-* перед *-íz-*.

Таблица 10.33. Морфологическое оформление

МСД				
ок. 20	ок. 60	2	4	2
‘заканчиваться’	‘заканчивать’	‘пасти’	‘скисать’	‘мешать (кому-л.)’
bitév-u	bitrév-u	džaeév-u	ukš-ú (ukšá-∅)	pačaríz-u
bftiv-a	bitrájv-a/ bitrájz-	džájv-a	ukšén-išk-a	pačaríz-a
bftip-s-a	bitráj-s-a	džájp-s-a	ukšá-s-a	pačar-s-a
АСД			НкСД	
4	14	1	7	17
‘заканчиваться’	‘заканчивать’	‘пасти’	‘заканчиваться’	‘заканчивать’
b'itév-∅	b'itr'fz-∅	džajév-∅	bitév-u	bitrfz-u
b'ftiv-a	b'itráj-z-a	džájv-a	bftiv-a	bitrájz-a
b'ftip-s-a	b'itráj-s-a	džájp-s-a	bftip-s-a	bitráj-s-a
БСД				ЯлСД
14	28	1	?	8
‘заканчиваться’	‘заканчивать’	‘пасти’		‘заканчиваться’
bitév-⟨u⟩	bitrafz-⟨u⟩	džajév-u	čičakfz-un 3 л. мн. ч. ‘цветут’	bitév-u
bftiv-a	bitrájz-a	džáiv-a		bftiv-a
bftip-s-a	bitráj-s-a	džáip-s-a	huldáik-s-in⟨a⟩ 3 л. ед. ч. ‘набросился’	bftip-s-a
-bitép-s-⟨u⟩	-bitraf-s-⟨u⟩	-džajép-s-⟨u⟩	inglénik-s императ. 2 л. ед. ч. ‘отвлекись’	

заимствованных глаголов в румейских субдиалектах.

ССД			
10	10	6	?
'заканчиваться'	'заканчиваться'	'заболевать'	
bitév-u	ptrafv-u	zabulnafz-u	pačaríz-u (Cr) (тип džaeév-u?)
bftiv-a	ptrájv-a	zabunájz-a	
bftip-s-a	ptráj-s-a	zabunáj-s-a	
-bitép-s-u	-ptraf-s-u	-zabulnaf-s-u	-xavyalafk-s-u 'поссорюсь'
НкСД		БгСД	
1	8	14	2
'расстирать'	'заканчиваться'	'заканчивать'	'расстирать'
džajév-u	bitév-u	bitrafz-u (/bitr év-u)	džaeév-u
džájv-a	bftiv-a	bitrájz-a	džájv-a
džájп-s-a	bftip-s-a	bitráj-s-a	džájп-s-a
ЯлСД			
5	1	2	?
'спасать'	'чистить'	'выгонять'	
xurají-∅	t'im'izl'íz-∅	s'ixtáj-ú (-á)	(тип džajév-u?)
xurájz-a	t'im'izl'ėjz-a	s'ixtája-n-a	
xuráj-s-a	t'im'izl'ėj-s-a	s'ixtáj-s-a	
xura[j]f-s-∅		s'ixtají-s-∅	

седних субдиалектов типа ССД, потому что в близкородственном НкСД ничего подобного обнаружено не было.

В ЯлСД бóльшая часть заимствованных глаголов, по-видимому, должна относиться к типу на *-íz-*. На это, в частности, указывает Т. Н. Чернышева: «В урзуф-ялтинском говоре суффикс [(aí)íz] наряду с [eé] является самым продуктивным. Он оформляет звукоподражательные глаголы с удвоением в наст. вр. и большинство заимствований из тюркских языков. Напр.:

- [*дадані́з*] — „звенеть“,
- [*кірціні́з*] — „хрустеть“,
- [*хурхурі́з*] — „хрипеть“,
- [*хавраі́з*] — „жарить“ — тур. *kavurtmak*,
- [*кучараі́з*] — „переселяться“ — тур. *kaçirtmak*.

Этот суффикс часто встречается в расширенной форме [*лаі́з*], где [*ла*] тюркского происхождения. Любопытно, что [*ла*] наблюдается не только в тюркских заимствованиях, но и в глаголах греческого происхождения. Напр.:

- [*пиронлаі́з*] — „пилить“ — *πριονίζω*.

Большинство глаголов с удвоением в наст. вр. оканчивается в аор. на [*кса*]. Напр.:

- [*чарчарі́з*] — „трещать“ — [*чарчарі́кса*]» [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 72–73].

Имеет также смысл привести цитату из этой работы, касающуюся глаголов на *-éв-* в ЯСД: «[*eé*] — один из самых распространенных суффиксов урзуф-ялтинского говора. Он встречается не только в глаголах греческого происхождения, но и в многочисленных заимствованиях:

- [*бітэ́в*] — „кончать“ — ср. тур. *bitmek*,
- [*барши́эв*] — „нанимать“ — ср. тур. *barismak*,
- [*шаші́эв*] — „удивляться“ — ср. тур. *sasmak*,
- [*цавурэ́в*] — „пахать“ — ср. осетинское *zivvir*.

Глаголы этой группы спрягаются, как рассмотренные выше глаголы с корневым [*eé*]» [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 76].

ЯлСД выделяется на фоне остальных румейских субдиалектов еще и тем, что он достаточно активно использует для оформления заимствованных глаголов модель гласн. типа на *-а-* (регулярную, в отличие от гласно-согласной модели в МСД): «Форму слитных глаголов с *а-* характером основы принимают многие заимствования. Напр.: [*чаклі́ку*] — „болтать, взбалтывать“ от тур. *çaklamak*» [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 64].

Экспедиции Т. Н. Чернышевой состоялись в 50-е гг., и во время экспедиций 2000–2004 гг. в с. Ялта уже не удалось зафиксировать ни одного из процитированных глаголов, за исключением *bitrév-∅* ‘заканчивать’ и *tsavurév-∅* ‘пахать’. Как уже отмечалось, в ЯлСД процесс языкового сдвига зашел значительно дальше,

чем во многих других субдиалектах.⁸⁴ Из приведенных выше примеров можно видеть, что большинство глаголов тюркского происхождения не входит в состав «ядерного» лексикона румейского языка, а наоборот, часто имеет достаточно узкое и специальное значение. По-видимому, подобная лексика в ЯлСД уже во многом утрачена. В ходе полевой работы даже не удалось ни разу зафиксировать глагол 'жарить', приводимый Т. Н. Чернышевой. В ответах на переводную анкету информанты всегда переводили этот глагол на румейский в виде аналитической конструкции с глаголом *делать* и русским глаголом в инфинитиве: *kap-∅ žár'it'*. Данная модель оформления новейших заимствований является в настоящий момент наиболее распространенной в румейских субдиалектах.⁸⁵ Поэтому складывается ощущение, что в ЯлСД (в современном состоянии) большинство тюркских заимствований уже утрачено, а те глаголы, которые еще сохранились, более или менее равномерно распределены по разным небольшим морфологическим подклассам. Например, можно предположить, что глагол *t'im'izl'iz-∅* 'спасать' входил раньше (а возможно, и сейчас еще входит в некоторых идиолектах) в тот же словоизменительный класс, что и *xugaiz-∅* 'освобождать, спасать'. Просто для данного этапа языкового сдвига в принципе характерна более сильная степень раздробленности языка и колебания морфологических форм, чем это свойственно языку в его «живом» состоянии, как это уже было продемонстрировано на примере парадигм пасс. залога в ЯлСД.

В целом по субдиалектам выделяются **четыре** основных типа морфологического устройства рассматриваемой подсистемы заимствованных слов:⁸⁶

1. **система МСД: двухклассная** система, где преобладает унифицированная инновационная модель с (факультативным) дополнительным функциональным распределением словоизменительных суффиксов *-év- ~ -jv-/-jz-* по видовременным основам + небольшой класс смешанного гласно-согласн. типа:

(10.24) *xadrév-u — xadrájv-a/xadrájz-a — xadráj-s-a* 'искать' (ок. 75% заимствований)

(10.25) *salév-u — sáliv-a — sálip-s-a* 'шевелить, шатать, качать' (ок. 25% глаголов)

(10.26) *ukš-ú (ukšá-∅) — ukšén-išk-a — ukšá-s-a* 'скисать' (менее 1% глаголов)

2. **система ССД: трехклассная** система, в рамках которой морфологические классы заимствований на *-ev-* (у некоторых глаголов *-ív-*) и *-iz-* отчетливо противопоставлены, при этом отнесенность того или иного слова к тому или иному классу не имеет никаких морфонологических и иных формальных мотивировок, по крайней мере, на синхронном уровне:

(10.27) *dingaév-u — dingájv-a — dingáj-s-a — dingaí-s-u* 'проверять' (**Cr**)
(также *ptraév-u* 'искать', *timizlaév-u* 'чистить' (**Cr**), *xatalaív-u* 'бегать',
xatraév-u 'искать' (**Cr**), *xaštraév-u* 'терять из виду' (**Cr**), *bildraév-u*
'разъяснять' (**Cr**), *yaŋiplaév-u* 'нищать' (**Cr**), *mangraév-u* 'плакать',
xatalaév-u 'бегать')

⁸⁴ См., напр., Главу 6, с. 135 и сл.

⁸⁵ Об этой конструкции см. Главу 6, с. 147 и сл.

⁸⁶ Сюда не вошли редкие иррегулярные типы и исключения; жирным шрифтом выделены наиболее важные классы, а также чередования в финали словоизменительной основы.

(10.28) xuldaíŷ-u — xuldájz-a — xuldáj-s-a — xuldaí-s-u ‘двигаться’ (Сг) (также xutxaraíŷ-u ‘спасать’, zabulnaíŷ-u ‘заболевает’, tinčlaíŷ-u ‘утихать’ (Сг))

(10.29) čalév-u — čáliv-a — čálip-s-a — čalép-s-u ‘косить’ (Сг)

3. **система НкСД (и БгСД), АСД и БСД:** двухклассная система с преобладанием модели на -íz-:

(10.30) (НкСД) aldíz-u — aldájz-a — aldáj-s-a ‘обманывать’; (АСД) jaldíz-∅ — jaldájz-a — jaldáj-s-a ‘плавать’; (БСД) kučaraíŷ-∅ — kučarájza — kučaráj-s-a — kučaraíŷ-s-∅ ‘перемещать’

(10.31) (НкСД) bujatév-u — bujátiv-a — bujátip-s-a ‘красить’; (АСД) and’év-u — ánd’iv-a — ánd’ip-s-a ‘вспоминать’; (БСД) hazan’év-∅ — hazán’iv-a — hazán’ip-s-a — hazan’ép-s-∅ ‘зарабатывать’

4. **система ЯлСД:** насколько можно судить по данным Т. Н. Чернышевой и по зафиксированным в ходе экспедиции глаголам, модель ЯлСД можно считать **трехклассной**, с преобладанием глаголов на -íz- и -év- и некоторым количеством глаголов на гласный -á-:

(10.32) bura[j]íz-∅ — burájz-a — buráj-s-a — bura-í-s-∅ ‘вертеть’ (также čalaíz-∅ ‘косить’, хаčaraíŷ-∅ ‘ронять’, хураíŷ-∅ ‘спасать’, badžalaíz-∅ ‘царапать’, t’im’iz’íz-∅ ‘чистить’)

(10.33) hazan’év-∅ — hazán’iv-a — hazán’ip-s-a — hazan’ép-s-∅ ‘зарабатывать’

В ЯлСД процент глаголов, оформленных по данной словоизменительной модели, вообще являющейся регулярной для НГР, по-видимому, выше, чем в других субдиалектах. Так, например, ей следуют многие из тех глаголов, которые в других субдиалектах оформлены по нехарактерным для НГР моделям, например maxtan’év-∅ ‘хвалить’, ar’et’év-∅ ‘искать’ (соответствующий в других субдиалектах глаголу с корнем хадr-), zabun’év-∅ ‘заболевает’, bujet’év-∅ ‘красить’.

(10.34) uxlaŷ-ú (uxlaŷá-∅) — uxláŷa-n-a — uxláj-s-a — uxla[j?]í-s ‘проведывать, навещать; разведывать, узнавать’ (также s’ixtaŷ-ú ‘гнать’)

Таблица 10.34. Корни греческие и тюркские.

перевод	ЯлСД	МСД и др.
плавать	p’ev-∅	jald[a?]év-u
пачкать	l’irón-∅	bulaštrév-u ⁽¹⁾
обманывать	plan-ú (-á-∅)	aldév-u ⁽²⁾
разговаривать	šidišén-∅	laxardév-u
пасти	vurš’č’íz-∅	džaév-u

Прим. ред.:

⁽¹⁾ Глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

⁽²⁾ Не зафиксировано в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

ЯлСД обнаруживает наибольшую степень морфологической освоенности заимствований — в этом субдиалекте они чаще оформляются по моделям, регулярным для НГР в целом. Для ЯлСД также зафиксировано наибольшее количество глаголов с греческими корнями, которым в большинстве других субдиалектов соответствуют тюркские заимствования с теми же значениями (см. табл. 10.34).

Также только в ЯлСД были зафиксированы такие глаголы с греческими корнями, как n’ik-ú (niká-∅)

‘побеждать’, ks’irp-ú (ks’irpá-∅) ‘просыпаться, будить’,⁸⁷ полные парадигмы для лексем supáz-∅ ‘молчать’, kúx-∅ ‘слышать’,⁸⁸ исконные значения для лексем arvun’áz-∅ ‘сватать’ (МСД — ‘жениться’), lal-ú (lalí-∅) ‘говорить’.⁸⁹ Такие примеры подтверждают утверждения исследователей о том, что ЯлСД был в меньшей степени затронут тюркским влиянием, чем другие румейские субдиалекты [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 549; ЧЕРНЫШЕВА 1958: 18].

10.5.13 Основы иррегулярных глаголов

К морфологическому классу иррегулярных глаголов относятся все глаголы, у которых словообразующая основа является односложной, т. е. состоит из чистого корня. Кроме того, сюда входит ряд суффиксальных глаголов, прежде всего — глаголов, содержащих в словообразующей основе суффиксы -íš[u]k-/-éš[u]k-, [-u]n-, их алломорфы (см. с. 288 и сл.), -éп-, а также, возможно, некоторые приставочные глаголы (см. с. 244 и сл.). Автор этой главы сознательно не пытается построить строгое определение, позволяющее по структуре словообразующей основы автоматически разделить иррегулярные глаголы от регулярных. В ряде случаев жесткой зависимости не наблюдается, например глагол fugén-u ‘одеваться’ является регулярным, а глагол тафён-u ‘учиться’ аналогичной структуры — нет. Ниже приведены все зафиксированные иррегулярные глаголы для каждого из обследованных субдиалектов.⁹⁰ При этом многосложные глаголы, демонстрирующие определенные морфонологические аномалии в плане чередования гласных в основе, частично обусловленного позицией ударения, в этих таблицах не учитываются.

Наиболее интересным с точки зрения морфологической типологии является варьирование по субдиалектам моделей образования основы имперф. Что касается перф. основ, то отмечаемые здесь аномалии, как и для рассмотренных выше регулярных типов, практически всегда объясняются исключительно диахронически. Формы аор. для иррегулярных глаголов на синхронном уровне едва ли можно считать образуемыми от форм наст. вр. С психолингвистической точки зрения, они, по-видимому, представляют собой лексикализованные идиомы, хранящиеся в памяти целиком. Основы имперф. при этом всегда следует считать производными либо от основы наст. вр., либо от основы аор. (реже) — как с морфологической, так и с психолингвистической точки зрения.

Необходимо отметить одно важное различие между двумя типами иррегулярных глаголов. Образование форм глаголов первого типа подчинено жестким формальным правилам. «Иррегулярность» таких глаголов заключается лишь в том, что характерная для них модель формообразования действует для очень небольшой группы лексем. Ко второму типу относятся действительно «неправильные» глаголы — в том смысле, что они имеют исключительную, только им свойствен-

⁸⁷ В прочих субдиалектах ему соответствует другой глагол, имеющий также греческое происхождение, (a)ṽnif-ú ((a)ṽnifá-∅).

⁸⁸ Полная парадигма глагола ‘молчать’ была зафиксирована еще для АСД, а также в форме имперф. 2 л. ед. ч. для МСД (редко). Глагол ‘слышать’ с данным корнем во всех формах имеется еще в ССД, а в других субдиалектах представлен только в перф. формах; см. табл. 10.40 (с. 294).

⁸⁹ В других субдиалектах, кроме НкСД, — 1. ‘звать’; 2. ‘играть на муз. инструменте’; см. табл. 10.44 (с. 300).

⁹⁰ Этот список составляет порядка 80–90 корней; см. табл. 10.45–10.50 (с. 302–318).

Таблица 10.35. Морфонологическое чередование -u-/i-(/∅) в глаголах в ЯлСД.

пить			указывать			знать			радоваться		
ед. ч.	ЯлСД	мн. ч.	ед. ч.	ЯлСД	мн. ч.	ед. ч.	ЯлСД	мн. ч.	ед. ч.	ЯлСД	мн. ч.
1	p'in'-éšuk-∅	p'in'-éš∅k-um	ð'ix-un-∅	ð'ix-∅n-um	ks'évur-∅	ks'évur-um	šér∅n-um	šér∅n-umst in'			
2	p'in'-éšik-s'	p'in'-éšik-t'	ð'ix'-in'-s'	ð'ix'-in'-t	ks'évir'-s'	ks'évir'-t	šér'in'-s'	šér'in'-stin'			
3	p'in'-éšit'-∅	p'in'-éš∅k-un	ð'ix'-in'-∅	ð'ix-∅n-un	ks'évir'-∅	ks'évur-un	šér'in'-∅	šér∅n-udin'			
ед. ч.	ЯлСД	мн. ч.	ед. ч.	МСД	мн. ч.	ед. ч.	ЯлСД	мн. ч.	ед. ч.	ЯлСД	мн. ч.
1	p'in-∅	p'in-um	ðix-n-u	ðix-n-um	ks'er-∅	ks'er-um	šér-nimi	šér-nim'its			
2	p'in'-s'	p'in'-t	ðix-s	ðix-t	ks'er'-s'	k'ser'-t	šér-nisi	šér-nisits			
3	p'in'-∅	p'in-un	ðix-∅	ðix-n-un	k'ser'-∅	ks'er-un	šér-int un	šér-andan			

ную модель формообразования. Глаголы первого типа можно считать **односложными** (поскольку подавляющая часть односложных глаголов принадлежит именно к этому типу, а иррегулярные многосложные глаголы в эту группу как раз не входят), а глаголы второго типа — **неправильными**. Кроме того, выделяются еще глаголы **смешанного** типа, видовременные основы которых образуются по моделям разных классов. Именно эти глаголы и обнаруживают наибольшую степень колебания моделей формоизменения — по разным субдиалектам и внутри одного и того же субдиалекта. Такими являются, в частности, глаголы, рассмотренные на с. 258 и сл., формоизменение которых колеблется между типом на -i- и типом на -iṡ-, или глаголы типа p'in'éšuk-∅ (ЯлСД) 'пить'.

Для ряда глаголов синхронное толкование моделей формообразования допускает несколько решений. Часть из таких сложных случаев уже была проанализирована выше в связи с другими вопросами (см. с. 262 и далее), здесь будут рассмотрены еще ряд глаголов подобного рода.

Интересным представляется вопрос о наличии и функционировании в румейских субдиалектах **внутренней флексии** (или **инфикса**). Наиболее яркими в этом смысле являются чередования **-u-/i-(/∅)** в словообразовательных суффиксах **-išuk-(-išik-/-išit'-/-išk-)/-éšuk-(-éšik-/-éšit'-/-éšk-)**, **-un-(-in'-/-n-)**, **-árun-(-arin'-/-arn-)** и в суффиксоиде **-ur-(-ir'-)** в спряжении наст. вр. ряда глаголов в ЯлСД и отчасти БСД. Это такие глаголы, как, например, p'in'éšuk-∅ 'пить' (ЯлСД), ks'évur-∅ 'знать' (ЯлСД, БСД), ð'ixun-∅, 'указывать' (ЯлСД, БСД), vríšuk-∅ 'находить' (ЯлСД), pilárun-∅ 'посылать' (ЯлСД), kartakulárun-∅ 'гнать' (ЯлСД).⁹¹ Целесообразно привести парадигмы спряжения глаголов p'in'éšuk-∅, ð'ixun-∅, ks'évur-∅ и пасс. глагола šérn-um 'радоваться' в наст. вр. в ЯлСД. В табл. 10.35 для сравнения приводится спряжение глаголов p'in-∅ 'пить' и ks'er-∅ 'знать', существующих в ЯлСД параллельно с p'in'éšuk-∅ и ks'évur-∅, а также спряжение глаголов ðixn-u 'указывать' и šér-um 'радоваться' в МСД.

Исторически чередования гласных, как и чередования согласных, в указанных словоизменительных суффиксах возникли в результате ассимилятивных фоне-

⁹¹ Другие примеры приведены в табл. 10.48 (БСД; тип 2.2., некоторые глаголы типа 1.2, с. 311) и табл. 10.50 (ЯлСД; типы 1.3, 2.2, 9.1, с. 318 и сл.). Такие глаголы формируют акцентную аномалию в формах наст. вр., см. с. 330 (правило 1а).

тических процессов. Однако как следует их толковать на синхронном уровне? В подобного рода морфонологических чередованиях, повторяющихся в ряде словоформ (как, например, известное чередование типа англ. *sing — sang — sung*), всегда обнаруживается известная степень регулярности, а значит и грамматикализованности. В особенности напоминает внутреннюю флексию чередование *-u/-i-*, противопоставляющее формы 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч. у акт. глаголов такого рода в ЯлСД. Однако это чередование сопровождается чередованием твердых и мягких согласных на конце слова в этих формах, являющимся значительно более регулярным и важным для морфологической системы явлением, чем чередование гласных в суффиксе. Группа глаголов, имеющих подобные чередования гласных в суффиксе слишком мала и неоднородна, чтобы применение понятие «внутренняя флексия» оказывалось в данном случае продуктивным, хотя оно в известном роде и не лишено здесь смысла.

В ЯлСД можно обнаружить еще один случай, в котором можно говорить о внутренней флексии. В табл. 10.36 приводятся зафиксированные в румейских субдиалектах формы глагола ‘делать’ (НГР *χάνω/χάμνω — έχαμα — έχαμα/έχαμα*; частичная дефектная дистрибуция в некоторых субдиалектах с формами глагола *ftáy-u*).

Таблица 10.36. Глагол ‘делать’ в румейских субдиалектах.

	имперф.		перф.		императ.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	2 л. ед. ч.	2 л. мн. ч.
ЯлСД	kan-∅	jé-kamn-a	jé-kan-a	-kan-∅	kan'	
БгСД	káy-u	káj-šk-a	é-kaγ-a			
НкСД	kám-u	kám-išk-a	é-kam-a		kam	kam-ft in
АСД	kam-∅	kám'išk-a	é-kam-a			
БСД	kám-(u)	kám'išk-a	é-kam-a	-kam-∅		
ССД	kám-u ftáy-u	é-ftáy-a (Cr)	é-kam-a/ í-kam-a	-kám-u		
МСД	kám-u (vs. ftáy-u ЧСД)	kám-išk-a é-ftáy-a	é-kam-a		kámi	kam-ét

Стоит оставить за рамками рассмотрения характер варьирования форм этого глагола по субдиалектам и обратиться к форме имперф. в ЯлСД. В сопоставлении с прочими основами глагола ‘делать’ в данном субдиалекте, с формальной точки зрения, внутренней флексией (показателем имперф.) может считаться элемент *-m-*. Впрочем, если обратиться к устройству основ имперф. в языковой системе в целом, то можно увидеть, что одним из важнейших показателей имперф. в ЯлСД является суффикс *-n-* (прежде всего, для глаголов гласн. типа, см. с. 251). Помимо регулярного гласн. типа, он распространяет свое действие и на некоторые иррегулярные глаголы, ср., например, формы наст. вр. и имперф. в ЯлСД: *z-u — jé-zi-n-a* ‘жить’, *ǰ'jav-∅ — ǰ'jáv'i-n-a* ‘уходить’. На фоне остальных румейских субдиалектов корень *-kam-* в основе имперф. в ЯлСД также выглядит более естественно, чем разрывный корень *ka-n*, в который вставляется формант *-m-*. Однако трактовка *-n-* в *jékamna* в качестве суффикса имперф. также не

вполне удачна. За исключением вышеприведенных неправильных глаголов ‘жить’ и ‘уходить’, а также неправильного глагола ‘идти’ с соотношением видовременных основ **paǰén-∅/paχ-∅ — p’iǰan-a/p’iǰ’in-a — p’iǰ-a — -paχ-∅/-paǰén-∅** (где не вполне очевидно, как именно следует трактовать морфемный состав основы имперф.; см. табл. 10.41, с. 296), других односложных глаголов с подобной структурой форм имперф. не обнаруживается. Правда, Т. Н. Чернышева приводит следующие формы глагола ‘знать’: ks’er-∅ — iks’irna — iks’ira. Однако, судя по экспедиционным данным, у глагола ‘знать’ с корнем kser- в румейском языке существуют только имперф. формы. Для этого глагола в ЯлСД удалось зафиксировать параллельные формы iks’ivr-a/(j)iks’ir-a, причем именно как формы имперф. В других субдиалектах также представлены только формы наст. вр. ksér-u/ks’évur-∅ (БСД) и имперф. iksir-a (МСД, НкСД, БгСД, ССД)/ksér-išk-a (ССД)/ikser-išk-a (БСД). Для передачи перф. значения (‘узнал’) используются формы других глаголов: é-ṣaθ-a, ik-s-a, grík-s-a (см. табл. 10.39, с. 293). Поэтому форма iks’ira, приводимая Т. Н. Чернышевой, является формой имперф., а происхождение формы iks’irna вообще не очень понятно.

В этом смысле предпочтительнее толковать глагол kaп-∅ в ЯлСД как частично супплетивный, т. е. считать, что форма имперф. содержит временной префикс je- и словообразующую основу -kaпп-. Такое толкование подтверждается, кстати, с диахронической точки зрения. Варьирование в основе наст. вр. у НГР хáυω/хáυωω подтверждает, что -п- является словообразующим суффиксом, а не был присоединен в ЯлСД к основе глагола в имперф. в качестве словоизменительного суффикса, по модели образования этой формы у глаголов на гласный.

Известной **степенью грамматикализованности** обладают уже отмеченные выше **чередования гласных** в словообразующей основе, **в зависимости от места ударения**, например kunón-u — kónun-a — kónu-s-a — kunó-s-u (ССД) ‘лечь’, bitév-u — bitiv-a — bitip-s-a — bitép-s-u (ССД). Эти чередования также участвуют в грамматическом противопоставлении видовременных основ, однако «полноценными» словоизменительными морфемами все же, безусловно, не являются. То же самое можно сказать и о чередовании гласных под ударением в глаголах rér-u/p’érun-∅ (ЯлСД) — rér-išk-a (МСД, НкСД, БгСД, ССД)/pír-išk-a (МСД, БСД)/p’ir’in-a (ЯлСД) — pír-a — (pár- — основа императ. во всех субдиалектах и основа перф. наст. вр.) ‘брат’, éx-u — íx-a ‘иметь’ (этот глагол имеет только имперф. формы), θél-u — θíli-s-a (аор.) (МСД, при θél-s-a ЯлСД, НкСД, АСД) ‘хотеть’. В глаголах ‘брат’ и ‘иметь’ чередование -e-/-í- в основе с диахронической точки зрения вызвано морфонологическим взаимодействием аугмента с корневой гласной. Однако в синхронном состоянии, как уже отмечалось, в румейском языке широко распространены колебания начальной корневой гласной -i-/-e-/-a-, частично обусловленные позицией ударения.⁹² Поэтому и для глаголов ‘брат’ и ‘иметь’ трактовка такого чередования в качестве внутренней флексии (аугментации) представляется искусственной.

Описанные морфонологические чередования едва ли возможно считать полноценными морфемами. В противном случае набор грамматических средств глагольной морфологии неизмеримо возрос бы, при этом он бы объединял в себе очень неоднородные по степени регулярности форманты.

⁹² См. табл. 10.21, 10.23 (с. 267, 269).

Единственным типом чередований, претендующим на статус морфемы в румейском языке, можно считать палатализацию конечного согласного словообразующей основы в 3 л. ед. ч. при присоединении парадигмы окончаний Ib (во всех субдиалектах) и II (ЯлСД), которая была рассмотрена выше (см. табл. 10.6, 10.7, 10.9 (с. 234, 235, 236) и комментарии к ним). Особенно это касается ЯлСД. Чередование данного типа, видимо, следует считать нелинейной морфемой, и ему можно присвоить имя «**операция палатализации**».

Необходимо рассмотреть еще ряд сложных случаев интерпретации формообразовательных моделей в румейском языке. Интересным представляется вопрос о морфемной структуре перф. акт. основы глагола 'давать'. Во всех субдиалектах форма аор. этого глагола выглядит как *đók-a*, но она соотносится с разными по структуре формами имперф. В табл. 10.37 приводятся формы этого глагола для всех рассматриваемых в этой главе румейских субдиалектов:

Таблица 10.37. Глагол 'давать' в румейских субдиалектах.

	имперф.		перф.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.
ССД	<i>đúç-u</i>	<i>é-đuç-a</i>	<i>đó-k-a</i>	<i>-đó-k-u</i>
БСД	<i>đu-∅</i> (<i>đuç-un</i> 3 л. мн. ч.)	<i>jé-đuç-a</i>	<i>đó-k-a</i>	<i>-đo-k-∅</i>
ЯлСД	<i>đuç/đu-∅</i> (<i>đuç-un</i> 3 л. мн. ч.)	<i>jé-đuç-a</i>	<i>đó-k-a</i>	<i>-đo-k-∅</i>
НкСД	<i>đuç-u</i>	<i>đu-šk-a</i>	<i>đó-k-a</i>	
БгСД	<i>đuç-u</i>	<i>đuj-šk-a</i>	<i>đó-k-a</i>	
АСД	<i>đuç-u</i>	<i>đuj-šk-a</i>	<i>đó-k-a</i>	
МСД	<i>đuç-u</i>	<i>đók-išk-a</i>	<i>đók-a</i>	

Перф. акт. основа *-đok-* с этимологической точки зрения образована по архаической модели, использующей перф. суффикс *-k-*. Такая модель существует и в синхронном формообразовании румейского языка, правда, ее действие распространяется всего лишь на нескольких глаголах:⁹³ *rjáñ-u* — *rjá-k-a* 1. 'держать', 2. 'хватать, ловить', *fín-u* — *fí-k-a* 'оставлять', *dó-k-a* 'давать' (формы наст. вр. образуются от супплетивной основы, см. табл. 10.38, с. 292).

Из табл. 10.37, что по субдиалектам отчетливо выделяется три модели образования основы имперф. глагола 'давать'. Первая модель (ССД, ЯлСД, БСД), где основа имперф. образуется с помощью временного префикса *-(j)e-* (аугмента), совпадает с НГР. Во втором и третьем случаях используется распространенная в румейском языке суффиксальная модель (с помощью суффикса *-išk-*, в некоторых случаях с морфонологическим чередованием на стыке корня и суффикса). Отличие второй модели (НкСД, БгСД, АСД) от третьей (МСД) заключается в используемой словообразующей основе, к которой присоединяется суффикс имперф. Для второй модели эта основа совпадает с основой наст. вр., а для третьей — с перф. основой (точнее, в данном случае — с основой аор.).

Для первых двух моделей вполне удовлетворительным является толкование перф. основы *-đok-* как основы, состоящей из алломорфа *-đo-* корня *-đuç-* и суффикса *-k-*. Но для третьей модели (МСД) такая трактовка проблематична. Тогда пришлось бы считать, что основа имперф. содержит одновременно суффиксы им-

⁹³ Приводятся формы наст. вр. (где они имеются) — аор.

перф. и аор., что логически невозможно. Поэтому приходится считать, что в МСД корень -*дцү-* имеет, кроме всех прочих, еще и алломорф -*док-*.⁹⁴

В таком случае структура формы аор. допускает, по-видимому, двойное истолкование: 1) форма аор. состоит из чистой словообразующей основы и окончания (как, например, формы аор. *ksév-a* 'я вышел' или *miḡálp-a* 'я вырос'); 2) форма аор. состоит из словообразующей основы и суффикса -*k-*, со стяжением одинаковых согласных на поверхностном (для морфологии) фонологическом уровне, т. е. имеет ту же структуру, что и *rjá-k-a* или *fí-k-a*. Второе толкование позволяет сохранить единую интерпретацию морфемного состава формы *đók-a* для всех субдиалектов румейского языка. Первое толкование при этом более адекватно психолингвистическому статусу этой формы для носителей румейского. Действительно, форма *đók-išk-a* ведь и образовалась в результате реинтерпретации морфемной структуры формы *đók-a* носителями МСД, иначе происхождение этой формы объяснить невозможно. Поэтому именно этому толкованию здесь отдается предпочтение.

Интересно, что по этой же модели строится основа имперф. супплетивного глагола 'бить' в МСД.⁹⁵ В табл. 10.38 приводятся формы этого глагола в румейских субдиалектах.

Видно, что распределение моделей образования основы имперф. этого глагола по субдиалектам в точности совпадает с распределением для глагола 'давать'. Глагол 'бить' в большинстве субдиалектов является супплетивным в чистом виде, т. е. его разнокоренные видовременные основы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Единственным (возможным) исключением является ССД. М. В. Сергиевский приводит для ССД форму аор. *é-kruk-s-a*, однако в собранных в ходе последних экспедиций материалах встречается форма с перф. акт. основой [θa] *dók-u* 'ударю'. Исходя из этой формы, можно предположить, что форма аор. *dóka* тоже скорее всего, имеется в этом субдиалекте. В таком случае правило дополнительной дистрибуции супплетивных основ не выдерживается, и для этого субдиалекта глаголы 'бить' с основой *kruç-* и 'ударить' с основой *do-k-* следует считать разными глаголами с дефектными парадигмами. Но окончательно вопрос о распределении перф. основ, образованных от двух этих корней, для ССД пока не выяснен.

Таблица 10.38. Глагол(ы) 'бить — ударить' в румейских субдиалектах.

суб- диалект	имперф.		перф.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.
ССД	<i>krúç-u</i>	<i>é-kruç-a</i>	<i>é-kruk-s-a</i> (/ <i>dók-a</i> ?)	<i>-dók-u</i>
БСД	<i>krux-∅</i>	<i>é-kruç-a</i> / <i>ákrux-a</i>	<i>dók-a</i>	<i>-dok-∅</i>
ЯлСД	<i>krux-∅</i>	<i>jé-kruç-a</i>	<i>dók-a</i>	<i>-dok-∅</i>
НкСД	<i>krúç-u</i>	<i>krú-šk-a</i>	<i>dók-a</i>	
БгСД	<i>krúç-u</i>	<i>krúj-šk-a</i> / <i>krú-šk-a</i>	<i>dók-a</i>	
АСД	<i>krux-∅</i>	<i>krú-išk-a</i>	<i>dók-a</i>	
МСД	<i>krúç-u</i>	<i>dók-išk-a</i>	<i>dók-a</i>	

⁹⁴ Прочие алломорфы этого корня — это -*дцү-* в наст. вр. 2, 3 л. ед. ч., 2 л. мн. ч., -*до-* в императ. 2 л. ед. ч. (*до-s*), -*ди-* в императ. 2 л. мн. ч. (*ди-s-ét*).

⁹⁵ В других субдиалектах иначе.

Таблица 10.39. Глагол ‘слышать’ с корнем [a]kuḫ- в румейских субдиалектах.

	имперф.		перф.		импер.
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	
ЯлСД	kux-∅ (акт.); kúsk-um (пасс., Ч)	júkuḫ-a; kúsk-umna (пасс., Ч)	júk-s-a; kús-t-a (пасс., Ч)	kú-s-∅; ?	kuj-s' (акт. 2 л. ед. ч., Ч) kuj-t' (акт. 2 л. мн. ч., Ч)
ССД	akúḫ-u	ikeḫ-a (Cr)	ik-s-a		
МСД			ik-s-a; akús-t-a (пасс.)		akús (из песни)
НкСД			(vs. ik-s-a МСД)		

Что касается МСД, то форма имперф. глагола ‘бить’ здесь, в отличие от всех остальных субдиалектов, образована не от имперф., а от перф. основы — как и для глагола ‘давать’. Форма dók-išk-a в качестве формы супплетивного глагола особенно отчетливо выявляет совершившееся в МСД морфемное переразложение двух сходных по структуре перф. основ dók- и dók- и утрату ими формальных морфологических признаков перфективности.

Для глаголов с полным и частичным супплетивизмом в румейских субдиалектах вообще характерно такое сочетание, когда перф. основы образуются от одного корня, а имперф. — от другого. Такое распределение наглядно демонстрирует психолингвистическую близость одновидовых форм и слабую связанность разновидовых форм в румейском. Оно может служить еще одним аргументом в пользу того, что основу аор., в отличие от основы имперф., на синхронном уровне едва ли следует считать производной от основы наст. вр. (особенно это касается иррегулярных глаголов). В румейском языке оппозиция видовых форм имеет очень древние корни — ср. восходящий к ДГР супплетивизм основ глаголов ‘есть’, ‘говорить’ и ‘бежать’: -troḫ- (имперф.) vs. -faḫ- (перф.) ‘есть’, -leḫ- (имперф.) vs. -p- (перф.) ‘говорить’, -drex- (имперф.) vs. -dram- (перф.) ‘бежать’. Сохранение ДГР супплетивизма основ глагола ‘бежать’ во всех румейских субдиалектах неоднократно отмечалось исследователями [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 57] и является специфической чертой румейского языка, по сравнению с НГР, утратившим этот супплетивизм.

Что касается прочих глаголов, развивших супплетивизм видовременных основ позднее, то здесь наблюдается варьирование по субдиалектам — от глаголов с частично пересекающимися дефектными парадигмами до супплетивизма в чистом виде (см. ниже с. 294 и далее).

Особого рода супплетивизмом является распределение во всех румейских субдиалектах глаголов íév-u и θél-u ‘хотеть’ с точки зрения употребления в конструкциях с утвердительной и отрицательной модальностью.⁹⁶ С отрицательной частицей ðe[n] (ЯлСД, БСД, АСД)/či (МСД)/t'i (НкСД, ССД) употребляется только глагол θél-u. В утвердительных предложениях употребляется глагол íév-u. Такое распределение сформировалось в результате постепенного ограничения контекстов употребления глагола θél-u и развития значения ‘хотеть’ у глагола íév-u. Исходными для этого глагола являются значения ‘искать’ и ‘просить’. В

⁹⁶ См. также [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 58].

Таблица 10.40. Глаголы слухового и интеллектуального

суб- диа- лект	слушать	слышать	прислуши- ваться	слушаться	понимать
ЯлСД	fruk'isk-úm/ fuk'isk-úm	kux-∅		fruk'isk-úm/ fuk'isk-úm	γr'ik-ú
ССД	1. fkr-úmi; 2. γrik-ú (Cr)	1. akúy-u (Cr); 2. γrikišk-úm (Cr) /γrik-úm (Cr) 'слышаться'	fukr-úm (Cr)		γrik-ú (Cr)
МСД	fukr-úm	1. ayrik-ú/ ayurk-ú (имперф.) 2. ik-s-a (перф.) (+ akús императ. 2 л. ед. ч.)		fukr-úm	1. ayrik-ú/ ayurkú; 2. ayruniz-u; 3. é-maθ-a (перф. прош. вр.)
НкСД, БгСД	fukrú-min (НкСД),/ fukrišk-úmin (БгСД)	[a]γrik-ú (НкСД)	fukrišk-úmin (НкСД)	[a]γrik-ú (НкСД); dinglév-u (БгСД)	
БСД	fukrik-um (Xш)	γrik-ú (Xш)			

современном румейском языке имеется наряду со значением 'хотеть' только второе из этих значений.

В плане варьирования по румейским субдиалектам степени дефектности парадигмы, переходящего в своем крайнем выражении в супплетивизм видовременных основ, наиболее интересны глаголы 'слышать', 'выходить' и 'идти'.

а) Глагол 'слышать' (НГР $\alpha\chi\acute{\omega}$ — $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\gamma\alpha$ — $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha$; $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon/\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\sigma\epsilon$ императ. 2 л. ед. ч.) сохранил полную парадигму, по-видимому, только в ЯлСД и ССД (см. табл. 10.39).⁹⁷

В НкСД этот глагол полностью утрачен, форму $\acute{\imath}ksa$ информанты там приводили как пример различия между НкСД и МСД. В МСД в живом употреблении сохранилась только форма аор., форма императ. была зафиксирована только в тексте песни, представляющем, по-видимому, более раннюю стадию развития языка. Этот глагол находится в разных субдиалектах румейского языка в сложном и разнообразном взаимодействии с глаголами [a]γrik-ú (-á) (с основными встречающимися по субдиалектам значениями 1. 'слышать'; 2. 'слушаться'; 3. 'понять'; 4. 'уметь') и $fukr\acute{u}-m$ (-át) (МСД)/ $fkr-\acute{u}mi$ (ССД)/ $fukrišk-\acute{u}min$ (НкСД, БгСД)/ $fruk'isk-\acute{u}m$ (ЯлСД)/ $?fukrik-um$ (БСД) 1. 'слушать'; 2. 'прислушиваться'; 3. 'слушаться'. Распределение значений между этими тремя глаголами, в сочетании с группой глаголов интеллектуального восприятия, таких как $\acute{a}\gamma\upsilon\pi\acute{\iota}z-u$ (МСД, НкСД)/ $\gamma\pi\upsilon\gamma\acute{\iota}z-[u]$ (ЯлСД, ССД) 1. 'познавать, узнавать (новое)'; 2. 'понимать'; 3. 'узнавать (в лицо)', 4. 'знакомиться/быть знакомым' и $ma\theta\acute{e}n-u$ 1. 'изучать, учить'; 2. 'учиться'; 3. (перф.) 'узнать (новое)'; 4. (перф.) 'понять', также составляет одну из лексических изоглосс, противопоставляющих разные группы румейских субдиалектов. Например, в МСД имперф. формы глагола наст. вр. $\gamma\acute{\imath}k\acute{u}$ и имперф. $\gamma\acute{\imath}ka-n-a$ передают значения 1. 'слышать'; 2. 'понимать'. В то же время, для форм аор. эти значения распределены между формами $\gamma\acute{\imath}k-s-a$ и $\acute{\imath}k-s-a$ соответственно. В НкСД глагол $\gamma\acute{\imath}k-\acute{u}$ передает оба эти значения во всех своих формах. В ЯлСД, напротив, для глагола $kux-\emptyset$ 'слышать' существует полная формоизменяемая парадигма (как и в ССД), и на долю глагола $\gamma\acute{\imath}'ik-\acute{u}$ приходится

⁹⁷ К сожалению, не для всех субдиалектов имеются полные данные по этому глаголу.

восприятия в румейских субдиалектах.

суб- диа- лект	уметь	познавать, узнавать (новое)	1. узнавать (в лицо); 2. быть знакомым, знакомиться	1. учиться 2. изучать
ЯлСД	ʔɪk-ú		ʔɪnɪz-∅	maθén-∅
ССД				maθén-u
МСД	baʂxarév-u	1. aɣɪnɪz-u; 2. ik-s-a (перф. прош. вр.); 3. é-maθ-a (перф. прош. вр.)	aɣɪnɪz-u	maθén-u
НкСД, БгСД	baʂxarév-u (БгСД) (vs. ik-s-a МСД)	é-maθ-a (перф. прош. вр. НкСД)	aɣɪnɪz-u (БгСД)	maθén-u (НкСД, БгСД)
БСД			[a]ɣɪnɪz-∅	maθén-u

только значения 1. ‘понимать’; 2. ‘уметь’. Распределение значений между всеми вышеупомянутыми глаголами по субдиалектам представлено в табл. 10.40.⁹⁸

б) Глагол ‘выходить — выйти’. В румейских субдиалектах наблюдается варьирование распределения форм двух однокоренных глаголов, один из которых содержит этимологическую приставку *ksi-* со значением перфективности. На синхронном уровне в большинстве случаев эту приставку следует включать в состав корня, но значение перфективности словообразующая основа, тем не менее, сохранила (НГР 1. βγάινω — ἐβγαίνα — βγήχα/ἐβγα; βγεε/ἐβγα императ. 2 л. ед. ч., βγέστε/βγήτε императ. 2 л. мн. ч.; 2. ξεβαίνω — ξέβηχα; см. табл. 10.41).

В первой группе субдиалектов (МСД, НкСД, БгСД, ССД) оба глагола сохраняют полные парадигмы. При этом у глагола *gzén-u* (этимологически перф.) более частотными в употреблении являются перф. формы, а у глагола *vʔén-u* — соответственно, имперф. В ЯлСД наблюдается переходное к супплетивизму состояние, когда один глагол (перф.) еще сохраняет полную парадигму, а второй (имперф.) стал уже дефектным. Любопытно, кстати, что в данном случае глагол *vʔén-∅* сохранил не имперф. формы, а формы непрош. вр., т. е. утратил часть парадигмы не по видовой, а по временной оси (это достаточно редкое для румейского языка явление). Т. Н. Чернышева приводит для этих глаголов следующие парадигмы:⁹⁹

(10.35) *ksívéɲ — ksévína — kséva — ksívʔ; ksévʔ, ksívít* ‘выходить’;

(10.36) *vʔén — ksévína — kséva — vʔu — ksévʔ, ksívít* ‘выходить’
[Чернышева 1958: 77]

Она рассматривает глагол *vʔén-∅* уже как супплетивный. С логической точки зрения, однако, при наличии полной парадигмы у глагола *ks’iv’én-∅* это неверно, но отмеченная тенденция к супплетивизму налицо.

В АСД и БСД супплетивизм глагола ‘выходить — выйти’ предстает как сложившаяся модель. Правда, следует отметить, что экспедиционные данные могут

⁹⁸ К сожалению, по некоторым субдиалектам данные неполны, а для АСД данные по этим глаголам отсутствуют.

⁹⁹ **Прим. ред.:** в примерах (10.35, 10.36) сохранена орфография Т. Н. Чернышевой и проставлены ударения.

Таблица 10.41. Глагол(ы) ‘выходить — выйти’ в румейских субдиалектах.

	имперф.		перф.		императ. 2 л.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	ед. ч.	мн. ч.
МСД	1. vʏén-u	vʏén-išk-a/ vʏájɲ-a	évʏ-a ⁽¹⁾		évʏ-a	
	2. gzén-u/ gzév-u	gzén-išk-a	gzév-a		gzév-a	gziva-θ-ét]/ ?gziva-s-ét
НкСД, БгСД	1. vʏén-u	vʏén-išk-a	évʏ-a			
	2. ksév-u	ksivén-išk-a	ksév-a			
ССД	1. vjén-u	vjén-išk-a	é-vʏ-a	-vʏáks-u (?)		
	2. gzén-u	gzén-išk-a (Cr)	gzév-a (Cr)	-gz-ú (gzi-θ 3 л. ед. ч.)	gzév-a	
ЯлСД	1. v'jen-θ			-vʏ-ú (-vʏí 3 л. ед. ч.)		
	2. ks'iv'én-θ/ ks'iv'in-θ	ks'iv'in'-išk-a/ ks'év'in-a/ ks'iv'in-a	ks'év-a	-ks'iv-ú	ks'év-a/ ks'ev' (Ч)	?ks'iv'-ít (Ч)
АСД	[v]ʏ'én-u	[v]ʏ'én'-išk-a/ vʏ'éj-šk-a/ v'én'-išk-a	ks'év-a			
БСД	ʏ'én-θ	ʏ'én'-išk-a	ks'év-a/ ks'iv-a			

Примечание

⁽¹⁾ См. с. 332 и сл.

быть в этом отношении не вполне надежными. Возможно, для этого глагола (глаголов) были зафиксированы именно наиболее частотные формы, а менее частотные просто не попали в поле зрения собирателей. Впрочем, даже если дело обстоит именно так, наши данные хорошо отражают частотность соответствующих форм.

в) Глагол(ы) ‘идти — уходить’ (НГР 1. πηγαίνω/πάω — πήγα — πα; πήγαивε императ. 2 л. ед. ч., πηγαίνετε императ. 2 л. мн. ч.; 2. διαβαίνω; см. табл. 10.42). Здесь наблюдается ситуация, сходная с описанной выше.

В ЯлСД сохраняется полная парадигма двух глаголов, между которыми достаточно четко распределены значения ‘идти’ (рах-θ/раjén-θ) и ‘уходить, уйти, пойти’ (ǰjav-θ). Формы рах-θ и раjén-θ находятся в отношении свободного варьирования, как и в НГР. Ситуация в ССД и БСД напоминает ситуацию с распределением форм глаголов ‘выходить — выйти’ в ЯлСД: один глагол (рах-θ/ра(j)én-(u)) сохраняет все формы,¹⁰⁰ а другой — только часть. В данном случае утрата части форм второго глагола также произошла по «временной оси» — для глагола с корнем -ǰjav- сохранились только формы прош. вр. М. В. Сергиевский

¹⁰⁰ Правда, отсутствуют данные относительно наличия формы рiʏ-a в БСД.

Таблица 10.42. Глагол(ы) ‘идти — уходить’ в румейских субдиалектах.

		имперф.		перф.		императ. 2 л. ед. ч.
		наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	
ЯлСД	1	ǰjav-∅	ǰjáv'-in-a	ǰjáv-a		rajén
	2	paχ-∅/rajén-∅	p'íγan-a p'íγin-a	p'íγ-a	-paχ-∅/-rajén-∅	
ССД	1	ráγ-u/raén-u/ rajén-u (Cr)	p'íγan-a (Cr)	p'íγ-a (Cr)	-p'áγ-u/-raén-u	
	2		ǰájna	ǰáv-a		
БСД	1	paχ-∅/rajén-⟨u⟩/ raén-∅	p'í-išk-a (XIII)/ p'ín-išk-a (?)		-paχ-∅/-rajén-∅	
	2		ǰá-išk-a	ǰáv-a		
АСД		paχ-∅ ‘ухожу’ rajén-∅ ‘иду’	ǰá-išk-a	ǰáv-a		
МСД		ráγ-u	ǰájna	ǰáv-a		
НкСД, БгСД		ráγ-u	ǰáj-n-a/ǰáj-n'-a (vs. rajén-išk-a БСД)	ǰáγ-a		

описывает распределение форм этих глаголов для ССД примерно таким же образом, что и Т. Н. Чернышева — для ‘выходить — выйти’ в ЯлСД:¹⁰¹

(10.37) rajénu, ǰájna, ǰáva ‘иду’;

(10.38) ráγu, p'íγana, p'íγa ‘иду’ [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 577]

Итак, М. В. Сергиевский выделяет форму ra[j]én-u в супплетивную парадигму к ǰájna — ǰáva. Представляется, что для такого разделения ráγu и ra[j]én-u нет реального основания, поскольку между этими формами нет никакого различия в значении (не только в ССД, но и ни в одном другом румейском субдиалекте). М. В. Сергиевский, собственно, и не отмечает никакой разницы между значениями двух глаголов — по-видимому, он распределил таким образом формы наст. вр. между парадигмами просто из соображений симметрии. Что касается форм прош. вр., то, возможно, здесь и существует семантическая оппозиция глаголов p'íγan-a — p'íγ-a ‘пойти’ и ǰájna — ǰáva ‘уйти’. Поскольку в собранном материале формы p'íγan-a — p'íγ-a вообще не встретились, невозможно прийти к однозначному выводу и придется оставить выяснение этого вопроса на будущее. В любом случае тенденция к супплетивизму временных форм для ССД прослеживается довольно четко. В МСД, АСД, НкСД, БгСД глагол ‘идти — уходить’, несомненно, является супплетивным. Форма rajén-išk-a была воспроизведена информантом, носителем НкСД, именно как пример противопоставления своего субдиалекта и БСД.

Выше уже говорилось о проблеме морфологической интерпретации суффикса -išk- в имперф. акт. основах некоторых глаголов (см. с. 266 и сл.). В том случае,

¹⁰¹ См. примеры (10.35) и (10.36).

Таблица 10.43. Глагол 'мыть' в румейских субдиалектах.

		имперф.		перф.		императ. 2 л. ед. ч.
		наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	
1	НкСД	plín-u	plín-išk-a	é-pli-s-a		
	БгСД	plín-u	plín-išk-a	é-pli-s-a		
2	АСД	pl'in-u	é-pl'in-a	é-pl'i-s-a		
?	БСД	(pl'iš-∅ 3 л. ед. ч.)				
4	ЯлСД	pl'iz-∅	jé-pl'iz-a	jé-pl'in-a	-pl'in-∅	pl'in'
5	ССД	plíšk-u	plín-išk-a (Cr)	é-plin-a (Cr)	-plí-n-u	
6	МСД	plíšk-u	plín-išk-a	é-pl-a		plí-si

если сегментный состав основ наст. вр. и имперф. при этом совпадает, предпочтительнее включать этот суффикс в состав словообразующей основы как в формах наст. вр., так и в формах имперф. При этом имперф. основы находятся в отношении **частичного супплетивизма** с перф. основами, как, например, у глагола 'искать': *vríšk-u*, *ívríšk-a* vs. *ívr-a*.¹⁰² В румейском языке, однако, существует по крайней мере один глагол, имеющий в некоторых субдиалектах в основе наст. вр. словообразовательный суффикс *išk-*, а в основе имперф. — словоизменительный. Словоизменительный суффикс *išk-* в формах имперф. присоединяется к основе, находящейся в отношениях частичного супплетивизма с основой наст. вр. Это глагол 'мыть'. Набор его видовременных основ сильно варьируется по субдиалектам — фактически в каждой из шести основных групп румейских субдиалектов для этого глагола обнаруживается собственная парадигма (см. табл. 10.43).¹⁰³

Если окажется, что парадигма глагола 'мыть' для субдиалектов группы БСД также имеет особую структуру, этот глагол можно будет принять за одну из главных диагностических изоглосс разных групп субдиалектов румейского языка. По видовременным формам этого глагола также, по-видимому, можно судить о степени генетической близости субдиалектов между собой, а также об общности и различиях в путях их развития. Например, с точки зрения структуры перф. форм этого глагола румейские субдиалекты распадаются на те же самые три группы, что и по параметру имперф. глаголов 'давать' и 'бить', рассмотренных выше,¹⁰⁴ т. е. на группы 1) НкСД (и БгСД), АСД; 2) ЯлСД, ССД, ?БСД; 3) МСД. ЯлСД в плане структуре парадигмы этого глагола, как и по многим другим параметрам, обнаруживает свою неоднократно отмеченную исследователями исключительность и изначально иную диалектную основу еще в доприазовский и даже докрымский период существования этих субдиалектов.¹⁰⁵ ССД по структуре своих форм оказывается, с одной стороны, близок к МСД (по форме

¹⁰² Чередования в основе, обусловленные позицией ударения или присоединением видовременных аффиксов, автор этой главы не относит к явлению частичного супплетивизма.

¹⁰³ По этому глаголу не имеется достаточно данных только для БСД, где зафиксирована только форма наст. вр. 3 л. ед. ч.

¹⁰⁴ См. табл. 10.37, 10.38 (с. 291, 292) и комментарии к ним.

¹⁰⁵ «Своеобразные черты консонантизма этого (ЯСД — Н.К.) говора (...) отмечены в определенных местах распространения севернореческого диалекта, но это обстоятельство доказывает с несомненностью, что первоначальное население этих пунктов принадлежало к несколько иной диалектической группе, чем все прочие рассмотренные нами типы, специфические особенности которых явились уже

наст. вр.), с другой стороны, обнаруживает родственные черты с ЯлСД (по форме аор.). Последние при этом носят, по-видимому, более древний характер, поскольку формы аор. являются, как уже отмечалось, значительно более устойчивыми в румейском языке, чем формы имперф. Можно привести иные примеры, подтверждающие определенную степень близости ССД и ЯлСД. Например, только в этих субдиалектах зафиксирован глагол *šidišén-∅* (ЯлСД)/*zdišén-u* (ССД) 'разговаривать, беседовать', происходящий из ДГР *συντυγχάνω* 'встречаться'.¹⁰⁶ В прочих группах субдиалектов в этом значении употребляется тюркское заимствование *laḡardév-u*. С морфологической точки зрения оно интереснее тем, что, несмотря на наличие гласного в финали мотивирующей тюркской основы (ср. с урум. *laḡarda-* [ГАРКАВЕЦ 2000]), абсолютно во всех румейских субдиалектах оно относится не к типу на *-év-* : *-jv-/-jz-* (как *ḡardév-u*, см. табл. 10.24 (с. 271) и сл.), а имеет тип словоизменения, наиболее регулярный для НГР (как *iév-u*, см. там же). Таким образом, это заимствование является достаточно древним и хорошо освоенным в румейских субдиалектах. В ЯлСД зафиксировано существительное 'разговор' с этим корнем.¹⁰⁷ Стоит еще отметить, что только ЯлСД и ССД сохранили полную парадигму исконного глагола 'слышать' *kix-∅* (ЯлСД)/*akúy-u* (ССД) и не знают глагола *[a]yḡik-í* в этом значении.

Кроме того, можно отметить близость ССД к ЯлСД, а также к БСД по очень важному параметру сохранения **перф. акт. основы непрош. вр.**, т. е. наличия «симметричной» организации видовременной системы.

В то же время, с точки зрения морфологических моделей, используемых для образования имперф. односложных глаголов, ССД примыкает к МСД (см. табл. 10.46 (с. 305) и далее). По-видимому, это объясняется, прежде всего, ареальными контактами, поскольку формирование системы моделей имперф., в т. ч. распространение модели на *-išk-* и грамматикализация этого суффикса, происходило в румейских субдиалектах уже в период их существования на территории Приазовья.

АСД имеет специфическую форму имперф. глагола 'мыть', что, возможно, объясняется его особой историей на фоне прочих румейских субдиалектов.¹⁰⁸

Субдиалекты типа НкСД, наоборот, не только с точки зрения модели имперф. этого глагола, но и по другим параметрам обнаруживают сходство с МСД в

результатом обособленного развития языка этих колонистов на территории их позднейших мест жительства» [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 549].

¹⁰⁶ А. А. Белецкий относит этот глагол для румейских субдиалектов к рубрике «наличие архаизмов и архаических диалектизм, восходящих к византийской эпохе» [БЕЛЕЦКИЙ 1969: 11]. При этом он приводит его в огласовках *шиндишешу*, *шиншешу*, отличающихся от вариантов, зафиксированных в ходе последних экспедиций, и, видимо, почерпнутых из других субдиалектов. Также этот глагол зафиксирован в форме *синишешу* в [ГРИГОРОВИЧ 1874]. Как отмечает М. В. Сергиевский, «материал Григоровича почерпнут именно из говора м[ало]-янисольского типа», о чем можно судить по отражению в этом материале аффрикат *č* и *dž* на месте палатальных *t'* и *d'* [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 545]. Данное фонетическое явление известно только в МСД, в котором, однако, этого глагол не фиксируется, по крайней мере, в современном состоянии субдиалекта. Вероятно, материал В. И. Григоровича почерпнут из разных групп румейских субдиалектов. В любом случае, надо констатировать, что данная изоглосса охватывает, видимо, больший ареал, нежели тот, что известен на данный момент.

¹⁰⁷ См. табл. 10.44, где представлено соотношение различных глаголов звукопорождения в румейских субдиалектах.

¹⁰⁸ На настоящий момент нет достаточных данных для сопоставления АСД с понтийским диалектом, поэтому невозможно с уверенностью утверждать, что в имперф. данного глагола проявляется понтийский компонент.

Таблица 10.44. Глаголы звукопорождения

суб- диа- лект	разговаривать, беседовать	расска- зывать	говорить, сказать	играть на муз. инстр.	звать
МСД	1. laxardév-u 2. paḡaḡuríšk-um/paḡuríšk-um	léḡ-u	léḡ-u	lal-ú	xlíz-u
НкСД	laxardév-u	léḡ-u	1. lal-ú; 2. léḡ-u		1. lal-ú; 2. xulíz-u
БСД	laxardév-∅; pjan-∅ laxardí ('погово- рить', досл. 'держат разговор')	lex-∅	lex-∅	lal-ú	lal-ú
ССД	zdišén-u	léḡ-u	léḡ-u		1. lalíḡ-u 2. xlíz-u
ЯлСД	1. šiḡišen-∅ 2. kan-∅ laxardí ('поговорить', досл. 'делать разговор')	l'ex-∅	1. lal-ú 2. l'ex-∅	lal-ú	lal-ú
АСД	laxardév-∅ (vs. sindišév-ni 3 л. мн.ч. МСД, ЧСД)	léḡ-u	léḡ-u	lalíx-∅	

плане активного и во многом сходного языкового развития, протекавшего и отчасти продолжающего протекать в этих субдиалектах в период существования на территории Приазовья. Это развитие привело к унификации языковых систем данных субдиалектов по многим направлениям и сформировало их инновационный облик на фоне других субдиалектов. МСД характеризуется наиболее инновационной фонетической системой — в частности, только здесь палатальные t' и d' перешли в аффрикаты $č$ и $dž$. Для НкСД характерна наиболее инновационная и стройная морфологическая система глагола. Можно предположить, что именно субдиалекты типа НкСД являются центром, откуда началось распространение суффикса $-išk-$ как грамматического маркера имперф. Именно здесь действие этого суффикса охватывает практически весь класс иррегулярных (т. е. как односложных, так и неправильных) глаголов (см. табл. 10.49 (с. 314) и далее). НкСД, наряду с ареально примыкающим к нему АСД, имеет наиболее унифицированную двухклассную систему оформления заимствованных глаголов (с суффиксом $-íz-$, см. с. 285 и сл.), а также проявляет наибольшую стройность и симметрию в устройстве системы парадигм окончаний. Все эти факторы свидетельствуют об активности произошедшего в этом субдиалекте языкового развития. В этом смысле даже близкородственный БгСД оказывается не таким последовательным.

10.5.14 Модели образования основ имперф. и аор. иррегулярных глаголов в румейском языке

Ниже табл. 10.45–10.50 (с. 302–318) демонстрируют распределение моделей формообразования иррегулярных глаголов по румейским субдиалектам. Эти таблицы строятся по двум основным осям:

в румейских субдиалектах.

кричать	орать	рыдать	крики животных (в т. ч. мычание)	плакать	суб- диа- лект
xlíz-u		mangrév-u	mangrév-u	kléy-u	МСД
xulíz-u	ukuríz-u	mangríz-u	1. mangríz-u; 2. xulíz-u; 3. ukuríz-u	kléy-u	НкСД
xul'íz-∅		mangraíz-∅	mangraíz-∅	kl'ex-∅	БСД
xl'íz-u (vs. funáz-u в с. Стыла ⁽¹⁾)		mangraív-u		kléy-u	ССД
funáz-∅		(лексема с корнем mangra- не упо- требляется)	funáz-∅	kl'ex-∅	ЯлСД
			mangríz-∅	kl'éy-u	АСД

Прим. ред.:

⁽¹⁾ Субдиалект с. Стыла входит в БСД.

1. по **модели образования основы имперф.** от основы наст. вр. Это первое основное деление;
2. по **морфологической структуре аор.** (перф. основы на синхронном уровне не рассматриваются как производные от основы наст. вр.).

Номер глагольного класса состоит из двух цифр. Первая цифра отображает соотношение указанных выше базовых моделей образования основ имперф. и аор. Вторая цифра отображает некоторые виды соотношений словообразовательных основ имперф. и перф. форм (определенные типы морфонологических чередований, частичный или полный супплетивизм основ). Смешанным многосложно-односложным типам номера класса не приписываются.

Знаком «+» обозначены неправильные глаголы (они таким образом отделены от односложных). Выделяется два основных типа неправильных глаголов. Неправильные глаголы первого типа в целом вписываются в ту или иную подгруппу односложных глаголов, но обнаруживают некоторые незначительные отклонения (нехарактерный для данного класса тип финали, нетипичные морфонологические чередования, частичный супплетивизм основ). Неправильные глаголы второго типа обнаруживают соотношение видовременных основ, являющееся либо уникальным, либо характерным для очень небольшой группы глаголов (например, глаголы с полным супплетивизмом основ, глаголы с перф. суффиксом -k-). Таким образом, глаголы второго типа морфологически иррегулярны в большей степени, чем глаголы первого типа.

После каждой таблицы следуют комментарии к структуре форм имперф. в каждом из субдиалектов. Данные по НкСД и БгСД объединены в одну табли-

цу, отдельные отличия форм БгСД отмечаются. Если для какой-либо лексемы отмечается колебание моделей образования видовременных основ, она включается в несколько классов, соответственно каждому выявленному для нее варианту соотношения моделей формообразования. В том случае, если для какого-либо глагола не зафиксированы некоторые формы, но известно, что они имеются, он все же предположительно включается в тот или иной класс (решение принимается на основе внутри- и междиалектных системных соображений). Если принятие подобного решения кажется невозможным, глагол помещается в рубрику «тип неизвестен». В тех случаях, когда про какую-либо лексему известно, что у нее отсутствуют либо перф., либо имперф. формы, она помещается в группу «вне типов аор.» или «вне типов имперф.». Если какая-либо форма цитируется из того или иного печатного источника, она помечается соответствующим индексом, кроме форм, взятых из [Хорош 1998]. Если по источнику цитируются все приводимые для данной лексемы формы (т. е. в экспедиционном материале соответствующая лексема вообще не зафиксирована), то индекс источника ставится в крайнем левом столбце и при каждой форме уже не дублируется.

Таблица 10.45. Классы иррегулярных глаголов в МСД.

I.		имперф. на -išk-		
		аугмент		
1.1.	класть	vál-u	vál-išk-a	é-val-a
	+ нести, приносить	fér-u	fír-išk-a/fér-išk-a	í-fír-a/é-fír-a
	делать	kám-u	kám-išk-a	é-kam-a
	+ пить	pín-u	pín-išk-a	é-pn-a/í-pn-a
	ткать	fén-u	fén-išk-a	é-fin-a
	отправлять(ся), бросать	sírn-u	sírn-išk-a	é-sirn-a
	сеять, сажать	spérn-u	spérn-išk-a	é-spirn-a
	наклонять, переворачивать	jérn-u	jérn-išk-a	é-jirn-a
	+ кусать	ðák-u	ðák-išk-a	é-ðak-a
1.2.	+ учиться	maθén-u	maθén-išk-a	é-maθ-a
	+ мыть	plíšk-u	plín-išk-a	é-pl-a
		аугмент + -s-		
2.1.	достигать	són-u	són-išk-a	é-su-s-a
	трескаться	spán-u	spán-išk-a	é-spa-s-a
	стелить	strón-u	strón-išk-a	é-st.ru-s-a
	связывать	ðén-u	ðén-išk-a	é-ði-s-a
	+ греть	xlén-u	xlén-išk-a	é-xla-s-a
2.2.	плевать	ftíy-u	ftín-išk-a	é-ft-s-a
	класть кирпич/камень, строить	xtíy-u	xtín-išk-a (/é-xtiz-a)	é-xt-s-a/é-xti-s-a
	гасить, тушить	vzíy-u	vzín-išk-a	é-f-s-a
	печь	psín-u	psín-išk-a	é-p-s-a
	+ жить	z-u (zi-∅)	zín-išk-a	é-s-s-a

чистая словообразующая основа					
3.1.		оставаться	pimén-u	pimén-išk-a	pém[i]n-a
		толстеть	pašén-u	pašén-išk-a	pášn-a
		расти	miyalén-u	miyalén-išk-a	miyáln-a
		богатеть	plušén-u	plušén-išk-a	plúšn-a
	+	умирать	puθén-u	puθén-išk-a	péθan-a
	+	брать	pér-u	pír-išk-a	pír-a
3.2.	+	выйти	gzén-u	gzén-išk-a	gzév-a
	+	спускаться	kadén-u	kadén-išk-a	kadév-a
	+	подниматься	bén-u	bén-išk-a	éb-a
	+	вынимать	vɣál-u	vɣál-išk-a	évɣal-a
	+	выходить	vɣén-u	vɣén-išk-a	évɣ-a
3.3.	+	бить, ударить	krúɣ-u	dók-išk-a	dók-a
	+	давать	ðúɣ-u	ðók-išk-a	ðók-a
суффикс -s-					
4.	+	терять	xán-u	xán-išk-a	xá-s-a
	+	зажигать	íft-u	íft-išk-a	íp-s-a
многосл. > односл.					
	a	скисать (молоко)	ukš-ú	ukšén-išk-a	ukšá-s-a
	a	слепнуть	suxurj-ú/ suxur'-ú	suxurjén-išk-a	suxur'á-s-a/ suxurjá-s-a
	a	цвести	čičakj-ú	čičakjén-išk-a	čičakjá-s-a
	a	беситься	liš-ú	*lišén-išk-a	lišá-s-a
суффикс -k-					
5.	+	ловить	pján-u	pján-išk-a/pjá-šk-a	pjá-k-a
	+	оставлять	fín-u	fín-išk-a	fí-k-a
II. префиксальный имперф.					
аугмент + -s-					
6.1.		чесать	kniz-u	é-kniz-a	é-kni-s-a
		трепать (шерсть)	ksáz-u	é-ksaz-a	é-ksa-s-a
		кипеть	vraz-u	é-vraz-a	é-vra-s-a
		купать	lúz-u	é-luz-a	é-lu-s-a
	+	белеть	spríz-u	í-spriz-a	í-spri-s-a
		ругаться матом	vríz-u	é-vriz-a	é-vri-s-a
		поворачивать	klóθ-u	é-kluθ-a	é-klu-s-a
	+	лежать	péft-u	é-pift-a	é-pi-s-a
		рвать	škíɣ-u	é-škíɣ-a	é-ški-s-a/é-šk-s-a
		счищать, очищать	ksíɣ-u	é-ksiɣ-a	é-k-s-a
		класть кирпич/камень; строить	xtíɣ-u	é-xtiz-a (/xtín-išk-a)	é-xti-s-a/é-xt-s-a

	+	раздевать	⟨a⟩yðíz-u	é-yðíz-a	é-yði-s-a
6.2.		играть	béz-u	é-biz-a	é-bik-s-a
		прилеплять	ðráz-u	é-ðraz-a	é-ðrak-s-a
		капать	stáz-u	é-staz-a	é-stak-s-a
		ляять	láz-u	é-laz-a	é-lak-s-a
		течь	réy-u	é-riy-a	é-rik-s-a
		вязать	pléy-n-u	é-plíy-n-a	é-plik-s-a
		показывать	ðix-n-u	é-ðix-n-a	é-ðik-s-a
		зарезать, закалывать	fsá y-n-u	é-fsá y-n-a	é-fsak-s-a
		сжимать	fséy-n-u/fsíy-u/ fsíy-n-u	é-fsíy-n-a	é-vzik-s-a/é-sfik-s-a
		останавливать	stéy-n-u	é-stíy-n-a	é-stik-s-a
		запрягать (лошадь)	vzéy-n-u	é-vzíy-n-a	é-vzik-s-a
		соединять	zmiy-u	é-zmíy-n-a	é-zmik-s-a
6.3.		писать	yraft-u	é-yraft-a	é-yrap-s-a
		копать	skáft-u	é-skáft-a	é-skap-s-a
		шить	ráft-u	é-raft-a	é-rap-s-a
		сверкать	stráft-u	é-stráft-a	é-st rap-s-a
		воровать, красть	kléft-u	é-klíft-a	é-klip-s-a
		умывать	níft-u	é-níft-a	é-nip-s-a
		рубить	kóft-u	é-kuft-a	é-kup-s-a
	+	удирать	fév-u/féy-u	é-fiv-a/é-fi y-a	é-fip-s-a
	+	плакать	kléy-u	é-klíy-a	é-klap-s-a
	+	жечь	čéy-u	é-čá y-a/é-číy-a	é-kap-s-a
		аугмент			
7.	+	бежать	dréx-u	é-drix-a	é-dram-a
	+	есть	tróy-u	é-truy-a	é-fay-a
	+	сказать	léy-u	í-liy-a	í-p-a
		суффикс -s-			
8.	+	хотеть	θél-u	í-θil-a	θíli-s-a
		вне типов аор.			
	+	знать	ksér-u	í-kser-a	
		стоять	kšáz-u	é-kšaz-a	
III.		чистая словообразовательная основа			
		чистая словообразовательная основа			
9.1.	+	уходить	pa y-u	ðá j-n-a	ðáv-a
9.2.	+	находить	v ríšk-u	ívríšk-a	ívr-a
		вне типов имперф.			
	+	увидеть			íð-a
	+	услышать			ík-s-a

МСД демонстрирует очень стройную и регулярную систему образования форм имперф., которую, за единичными исключениями, можно описать с помощью следующих правил:

- а) Если финаль используемой в имперф. словообразующей основы оканчивается на сонорный (-n-, -l-, -r-, -m-), то основа имперф. образуется путем присоединения суффикса -išk- к этой основе.
- б) Если финаль используемой в имперф. словообразующей основы оканчивается на смычные и спиранты (-t-, -θ-, -χ-, -z-, -š-), то основа имперф. образуется путем присоединения временного префикса e- (аугмента) к этой основе. Кроме того, этим способом образуется основа имперф. глаголов, словообразующая основа которых оканчивается на суффикс -n-, но корень которых оканчивается на смычный или спирант (типа *đix-n-u* 'указывать'). Интересно, что глаголы такой же структуры, корень которых оканчивается на сонант (типа *spér-n-u* 'сеять') имеют суффиксальный имперф. Таким образом, модель образования имперф. присваивается основе «сквозь» суффикс -n-, не учитывая его. Вместе с тем, отделимость словообразовательного суффикса -n- от основы в глаголах типа *spérn-u* на синхронном уровне вызывает определенные сомнения. В МСД (как и во всех остальных субдиалектах, кроме ЯлСД и БСД) этот суффикс сохраняется во всех видовременных основах, в т. ч. и в формах императ. *spérni* (2 л. ед. ч.), *spírni-s-ét* (2 л. мн. ч.) и в причастиях *sparni-mén-u*/*spírni-mén-u*,¹⁰⁹ в то время как в глаголах типа *đix-n-u* в перф. основе словообразовательный суффикс исчезает: *é-đik-s-a*. Поэтому непонятно, есть ли основания видеть на синхронном уровне в глаголах типа *spérn-u* (МСД) суффиксальные словообразующие основы, а не включать исторический суффикс в состав корня. Относительно отделимости суффикса в глаголах типа *đixn-u* можно говорить более уверенно.

К суффиксальной модели, помимо **односложных** глаголов на сонорные, относятся также формы имперф. ряда **неправильных** глаголов с финалью на смычный: *đók-išk-a* 'давать', *dók-išk-a* 'бить', *đák-išk-a* 'кусать', *íft-išk-a* 'зажигать', особенности большинства из которых были рассмотрены выше в табл. 10.18, 10.37, 10.38 (с. 263, 291, 292). Подобные «нарушения» указанного выше морфонологического правила распределения моделей имперф. интересны тем, что показывают, какая из моделей образования имперф. в действительности более поздняя и продуктивная в этом субдиалекте. Эти три формы являются сравнительно поздними образованиями, а для первых двух форм в других субдиалектах вообще не находится морфонологических аналогов.

Таблица 10.46. Классы иррегулярных глаголов в ССД.

I.		имперф. на -išk-			
		аугмент			
1.1.	класьть	vál-u	vál-išk-a (Cr)	é-val-a	vál-u

¹⁰⁹ Ср. с исчезновением суффикса -[u]n- в перф. основе в *sp'ér-un-∅* — *jé-sp'ir-n-a* — *jé-sp'ir-a* (ЯлСД), и *sp'ér-[u]* — *sp'ér-n'-išk-a* — *jé-sp'ir-a* (БСД).

	+	приносить	fér-u/férn-u (Cr)	fér-išk-a (Cr)	ífir-a (Cr)	
	+	делать, строить	kám-u		é-kama/i-kama	kám-u
Cr		бросать	sírn-u	sírn-išk-a	é-sirn-a	
		сеять	spérn-u			
Cr	+	пить; курить (Cr)	pín-u (Cr) (/pnéšk-u)	pín-išk-a (Cr) (/é-pnišk-a (Cr))	é-pn-a/é-pin-a (Cr)	pín-u
1.2.	+	учиться	maθén-u	maθén-išk-a (Cr)	é-maθ-a	maθ-u
	+	выходить	vjén-u (Cr)	vjén-išk-a (Cr)	é-vy-a (Cr)	?vyák-s-u
	+	подниматься, залезать	bén-u		é-b-a	
	+	мыть	plíšk-u	plín-išk-a (Cr)	é-plin-a (Cr)	plín-u
аугмент + -s-						
2.		достигать	són-u	són-išk-a (Cr)	é-su-s-a	
		связывать	ðén-u	ðén-išk-a (Cr)	é-ði-s-a (Cr)	
Cr		гасить	zvín-u	zvín-išk-a	é-zvi-s-a	
	+	жить	z-u (zi-∅)	zí-n-išk-a (Cr) (/é-z-n-a)	é-s-s-a/é-z-s-a (Cr)	zí-s-u
чистая словообразовательная основа						
3.1.		оставаться	pímén-u (Cr)	pímén-išk-a (Cr)	pémn-a	pímén-u
		расти	meɣalén-u		méɣaln-a	
	+	умирать	puθén-u	puθén-išk-a (Cr)	péθan-a (Cr)	
	+	брат	pér-u	pér-išk-a	p'ír-a	
3.2.	+	уходить, выходить	gzén-u	gzén-išk-a (Cr)	gzév-a (Cr) (gzen-∅)	gz-u (gzi-∅)
	+	спускаться	kadvén-u		katév-a	
суффикс -s-						
4. Cr	+	ошибаться	ksxán-u	ksxán-išk-a	ksxá-s-a	
Cr	+	гнить	sapén-u	sapén-išk-a	sápe-s-a	
?	+	зажигать	íft-u		ép-s-a	
суффикс -k-						
5.	+	ловить; держать (Cr)	pján-u	pján-išk-a (Cr)	pjá-k-a	
	+	оставлять	fín-u/[a]fin-u (Cr)	[a]fín-išk-a (Cr)	[a]fí-k-a (Cr)	fí-k-u
многосложный > односложный						
Cr		сосать грудь	vzán-u	vzán-išk-a (/véza-n-a)	vízak-s-a	
Cr		скрывать	mlón-u	mlón-išk-a	múlu-s-a	mló-s-u
II. префиксальный имперф.						
аугмент + -s-						
6.1.		строить	xtíz-u	é-xtiz-a (Cr)	é-xti-s-a (Cr)	
Cr		давить	zlíz-u	é-zliz-a	é-zli-s-a	

		купать	lúz-u			
		1. поворачиваться; 2. (Cr) возвращаться	klóθ-u	é-kluθ-a	é-klu-s-a	kló-s-u
	+	лежать	péft-u	é-pift-a	é-pi-s-a	
		рвать	škíγ-u			
Cr		отпускать	lín-u	é-ln-a	é-l-s-a	lí-s-u
	+	терять	xán-u	é-xan-a (Cr)	é-xa-s-a (Cr) (/xá-s-a)	
6.2.		играть	péz-u	é-piz-a (Cr)	é-pik-s-a (Cr)	
Cr		прилеплять	ðráz-u		é-ðrak-s-a	
		капать	stáz-u			
		лаять	láz-u			
		течь	réγ-u (re-θ)			
		идет дождь (3 л. ед. ч., безличн.)	vreš-θ			vrek-s-θ
	+	бить	krúγ-u (Cr)	é-kruγ-a (Cr)	é-kruk-s-a (Cr) (/dó-k-a)	dók-u
		вязать	pléγn-u			
		показывать	ðíxn-u		é-ðik-s-a	
Cr		сжимать	fsíz-u/fsíγ-u	é-fsiγ-a	é-fsik-s-a	
		запрягать (Cr)	vzéγn-u	é-vziγn-a	é-vzik-s-a	
		останавливать, ставить (Cr)	stéγ-u (Cr)	é-stiγ-a (Cr)	é-stik-s-a	
Cr		объединять	zmíγ-u	é-zmiγ-a	é-zmik-s-a	
6.3.		писать	γráft-u		é-γrap-s-a	
		шить	ráft-u		é-rap-s-a	
		красть, воровать	kléft-u			
		резать, рубить	kóft-u	é-kuft-a (Cr)	é-kup-s-a (Cr)	kóp-s-u
		удирать	fjév-u	é-fjiv-a (Cr)		
	+	плакать	kléγ-u (Cr) (kle-θ)	é-kley-a (Cr)	é-klap-s-a (Cr)	kláp-s-u
	+	жечь	t'éγ-u	é-t'iγ-a (Cr)	é-kap-s-a (Cr)	
		аугмент				
7.1.	+	бежать	dréx-u (Cr)	é-drex-a (Cr)	é-dram-a (Cr)	
	+	есть	tróγ-u (Cr)	é-troy-a (Cr)	é-fay-a (é-faj-θ)	fáy-u
	+	сказать, говорить	léγ-u	í-liγ-a (Cr)	í-p-a	p-u (pi-θ)
7.2.	+	пить; курить (Cr)	pnéšk-u (/pín-u (Cr))	é-pnišk-a (Cr) (/pín-išk-a (Cr))	é-pna/é-pina (Cr)	pín-u
	+	доставать, извлекать	vγál-u/vγalén-u	é-vγaln-a (Cr)	é-vγal-a (Cr)	vγalí-s-u
		суффикс -s-				
8.	+	терять	xán-u	é-xan-a (Cr)	xá-s-a (/é-xa-s-a (Cr))	
	+	хотеть	θél-u	í-θil-a	θili-s-a	

суффикс -k-						
9.	+	давать	đúγ-u	é-đuγ-a (Cr)	đó-k-a	đók-u
	+	бить	krúγ-u (Cr)	é-kruγ-a (Cr)	dók-a (/é-kruk-s-a (Cr))	dók-u
вне типов аор.						
		делать	ft áγ-u (Cr)	é-ftaγ-a		
Cr		знать	ksér-u	í-kser-a/é-kser-a		ksér-u/ ksár-u
	+	иметь	éx-u (eš-∅)	íx-a (iš-in)		áx-u
?		стоять	kšáz-u			
III.	Чистая словообразовательная основа					
10.1	+	уходить	páy-u (raj-∅)/ paén-u	đájn-a/píγan-a (Cr)	đáv-a (đá-jn)/ píγ-a (Cr)	páy-u/ paén-u
10.2	+	находить	vrišk-u (Cr)		ívγ-a	
	+	слышать	akúγ-u (Cr)	íkey-a (Cr)	ík-s-a	
IV.	имперф.-e-+-n-					
	аугмент+-s-					
11.	+	жить	z-u (zi-∅)	é-zna (/zí-n-išk-a (Cr))	é-s-s-a é-z-s-a (Cr)	zí-s-u
вне типов имперф.						
	+	увидеть		íð-a	ð-u (ði-∅)	

В ССД наблюдается такая же закономерность распределения моделей имперф., как и в МСД. В этом субдиалекте как суффиксальная, так и префиксальная модели образования имперф. являются продуктивными. Это особенно очевидно проявляется на примере морфологических инноваций в глаголах, перешедших (полностью или частично) из многосложных в односложные в результате переосмысления основ наст. вр. с «беглой гласной». Так, с одной стороны в ССД имеется *zlíz-u — é-zlíz-a — é-zlí-s-a* 'давить' (по модели *xtíγ-u*, но ср. МСД *zlíz-u — zúlz-a — zúlk-s-a*). При этом встречается *mlón-u — mlón-išk-a* (*-múlu-s-a — mló-s-u*) 'скрывать' (основа имперф. по модели *són-u*, ср. **múlun-a** (МСД)) и *vzán-u — vzán-išk-a* (*- vízak-s-a*) (имперф. как у *srán-u*; М. В. Сергиевский приводит параллельно и закономерную форму **vézan-a**).

Стоит отметить, что единичные отклонения от морфонологического правила распределения моделей наблюдаются в ССД в «противоположную» сторону, по сравнению с МСД. Так, по префиксальной модели образуется имперф. неправильных глаголов с основой на сонорный *xán-u — é-xan-a* 'терять', *vγál[n]u — é-vγaln-a* 'извлекать'. Впрочем, в корректности данных форм, приводимых для ССД в [СЕРГИЕВСКИЙ 1934], нельзя быть абсолютно уверенными, ср., например, зафиксированную в ходе полевой работы форму имперф. этимологически производного от *xán-u* глагола *kxán-išk-a* 'ошибаться'. Однако, по экспедиционным

данным, к префиксальной модели примыкает имперф. глагола *z-u* — *é-z-n-a* ‘жить’ (подобная форма имперф. зафиксирована как в экспедиционных материалах, так и в [СЕРГИЕВСКИЙ 1934], хотя М. В. Сергиевский приводит и параллельную форму *zín-išk-a* (скорее всего, из МСД)). В [СЕРГИЕВСКИЙ 1934] в качестве имперф. к форме наст. вр. *pněšk-u* приводится также форма *é-pnišk-a*, образованная по префиксальной модели, но для *pín-u* дается имперф. *pín-išk-a*. Уже отмечалось, что М. В. Сергиевский, по-видимому, допустил ошибку, считая *pněšk-u* и *pín-u* разными глаголами (см. табл. 10.22, с. 268). Поскольку в экспедиционных материалах по ССД глагол ‘пить’ зафиксирован именно в форме *pněšk-u*, можно предположить, что форму *pín-u* М. В. Сергиевский почерпнул из других субдиалектов, хотя, возможно, обе формы употребляются в ССД параллельно.

Все эти факты, так или иначе, свидетельствуют о том, что в ССД суффиксальная модель образования имперф. была не такой активной и продуктивной, как в МСД.

Таблица 10.47. Классы иррегулярных глаголов в АСД.

I.		имперф. на -išk-		
		аугмент		
1.1.	класть	val-∅	vál-išk-a	é-val-a
	доставать	yal-∅	yál-išk-a	é-yal-a
	делать, строить	kam-∅	kám-išk-a	é-kam-a
	пить	pín-∅	pín-išk-a	é-pín-a
	сеять	spérn-u	spérn-išk-a	é-spír-n-a
	+ приносить	fer-∅	fér-išk-a	í-fír-a
1.2.	+ учиться	maθén-u	maθén-išk-a	é-maθ-a
	+ выходить, лезть (на гору)	[v]yén-u	[v]yén-išk-a/ vyéj-šk-a/v'én-išk-a	
	+ подниматься, залезать	bén-u	bén-išk-a	é-b-a
		аугмент + -s-		
2.1.	трескаться	spán-u	spán-išk-a	é-spa-s-a
	связывать	ďén-u	ďén-išk-a	é-ďi-s-a
	греть	xlén-u	xlén-išk-a	é-xli-s-a
	печь	psín-∅	psín-išk-a	é-psi-s-a
	рвать	šč íy-u	šč íj]-išk-a	é-šč i-s-a
	+ жить	zix-∅	zí-išk-a (/é-ziy-a)	é-zi-s-a
?	гасить	vzíy-u		é-vzi-s-a
	+ лежать	peft-∅	péft-išk-a (/é-pift-a)	é-pi-s-a
2.2.	плевать	ftix-∅ (ftij-∅)	ftí(j)-išk-a	é-ftik-s-a
	+ убегать	fex-∅/féy-u	fé-išk-a (/é-f'iy-a)	é-f'ik-s-a
	вязать	pléyn-u	pléyn-išk-a	é-plik-s-a
	показывать	ďíxn-u	díxn-išk-a	é-ďik-s-a
	останавливать	stíyn-u	stíyn-išk-a	é-stik-s-a
	запрягать	zéyn-u	zéyn-išk-a	é-vzik-s-a
	капать	stáz-∅	stáz-išk-a	é-stak-s-a

чистая словообразовательная основа					
3.1.		расти	miyalén- \emptyset	miyalén-išk-a	miyáln-a
	+	умирать	puθén- \emptyset	puθén-išk-a	péθan-a
3.2.	+	оставаться	pimén- \emptyset	pimén-išk-a	pém-a
	+	уходить, выходить		ksivén-išk-a	ksév-a (ksé-in)
	+	спускаться		kadvén-išk-a	kadév-a
	+	идти, уходить	pa-jén- \emptyset /paх- \emptyset	ḏá-išk-a	ḏáv-a (ḏa-jn)
суффикс -s-					
4.	+	терять	xan- \emptyset	xán-išk-a	xá-s-a
	+	хотеть	θél-u	θél-išk-a (/í-θil-a)	θél-s-a
суффикс -k-					
5.	+	ловить	pján-[u]	pján-išk-a	pjá-k-a
	+	оставлять	fín-u	fín-išk-a	fí-k-a
	+	давать	ḏúy-u (ḏuj- \emptyset)	ḏúj-šk-a	ḏó-k-a
	+	бить	kruх- \emptyset (kruj- \emptyset)	krú-išk-a	dó-k-a
II. префиксальный имперф.					
аугмент + -s-					
6.1.	+	лежать	peft- \emptyset	é-pift-a (/péft-išk-a)	é-pi-s-a
	+	жить	zix- \emptyset	é-ziy-a (/zí-išk-a)	é-zi-s-a
		крутить	klóθ-u	é-kluθ-a	é-klu-s-a
	+	мыть		é-plin-a	é-pli-s-a
6.2.		лаять	láz-u	é-la-z-a	é-lak-s-a
		скользить	y'az- \emptyset	é-y'az-a	é-y'ak-s-a
		прилеплять	ḏraz- \emptyset	é-ḏraz-a	é-ḏrak-s-a
		идет дождь (3 л. ед. ч., безличн.)	vreš- \emptyset	é-vriš-in	é-vrik-s-in
6.3.		писать	yraft-u	é-yraft-a	é-yrap-s-a
		копать	skáft-u	é-skáft-a	é-skap-s-a
		шить	reft	é-raft-a	é-rap-s-a
		резать	kóft-u	é-kuft-a	é-kup-s-a
	+	жечь	t'éy-u	é-t'iy-a	é-kap-s-a
	+	плакать	kléy-u	é-kliy-a (é-klij-in)	é-klap-s-a
аугмент					
7.	+	бежать	dréx-u	é-dr'ix-a	é-dram-a
	+	есть	troх- \emptyset	é-truy-a	é-fay-a
суффикс -s-					
8.	+	хотеть	θél-u	í-θil-a (/θél-išk-a)	θél-s-a
вне типов аор.					
		стоять	kšáz-u	é-kšaz-a	
	+	знать	ksér-u		

III.		чистая словообразующая основа			
	+	находить	vrišk-u	ivrisk-a	ivr-a
		вне типов аор.			
	+	иметь	ex-∅ (eš-∅)	ix-a	

Распределение моделей образования имперф. в АСД очень похоже на распределение в МСД и ССД, однако указанная на с. 305 морфонологическая закономерность здесь несколько «смазана». Среди глаголов с основой на щелевые и смычные (особенно на щелевые -y- и -z-) широко представлено варьирование суффиксальной и префиксальной моделей, в т. ч. и внутри одной лексемы. Например, по суффиксальной модели образованы имперф. формы от глаголов на -y-: *krú-išk-a* 'бить', *đúj-šk-a* 'давать', *ščí[j]-išk-a* 'рвать', *ftí[j]-išk-a* 'плевать', от глагола на -t-: *réft-išk-a* 'лежать', от глагола на -z-: *stáz-išk-a* 'капать'. Кроме того, по суффиксальной модели образуется, в отличие от МСД и ССД, имперф. глаголов с суффиксом -n-, корень которых оканчивается не на сонант: *díx-n-išk-a* 'указывать'. Для ряда глаголов параллельно представлены префиксальная и суффиксальная формы имперф., в частности для «показательного» во многих отношениях глагола 'жить': *zix-∅* — *é-ziy-a/zí-išk-a*.

Возможно, такое колебание объясняется особой историей АСД — модель имперф. на -išk- является достоянием именно румейского языка и, по-видимому, неизвестна понтийскому диалекту. Однако, как уже говорилось, понтийский компонент соединился в АСД с языковым компонентом субдиалекта с. Константинополь, примыкающего, по данным исследователей, к БСД (собственных данных по субдиалекту с. Константинополь у авторов этого тома не имеется). Судя по данным БСД (см. табл. 10.48), в этой группе субдиалектов суффиксальная модель очень распространена, вплоть до образования по этой модели имперф. некоторых глаголов на гласный. Характер распределения суффиксальной и префиксальной моделей в АСД, в т. ч. и отмеченное колебание в классе на щелевые -y-/-z-, совпадает с ситуацией в БСД. Таким образом, особенности моделей образования имперф. в АСД являются, скорее всего, именно проявлением компонента субдиалекта с. Константинополь.

Колебаний в «обратную» сторону (т. е. наличия префиксального имперф. в глаголах на сонанты) в АСД обнаружено не было, за исключением неправильного глагола 'мыть': *é-rlin-a*. Однако за отсутствием данных по понтийскому диалекту и за недостатком данных по этому глаголу для субдиалектов типа БСД, невозможно сделать вывод о происхождении этой формы (см., напр., табл. 10.43, с. 298).

Таблица 10.48. Классы иррегулярных глаголов в БСД.

I.	имперф. на -išk-			
	аугмент			
1.1.	класть	ván-[u]	ván-išk-a	van-∅

	+?	вынимать, извлекать	ɣan-θ	ɣán-išk-a		
		делать	kám-[u]	kám-išk-a	[j]é-kam-a	ka m-θ
	+	пить	p'in-θ (/p'inéšk-θ)	p'in-išk-a (/jé-p'in-išk-a)	jé-p'in-a	p'in-θ
1.2.		сеять	sp'érun-θ/sp'ér-[u]	sp'érn-išk-a	jé-sp'ira	sp'er-θ/ sp'ir-θ
	+	приносить	f'érun-θ (f'érin'-θ)	ifr-išk-a	ifr-a (if'ir'-θ)	f'er-θ
	+	учить(ся)	maθén-u		é-maθ-a	
	+	выходить	ɣ'en-θ/vɣ'én-u	ɣ'én-išk-a (ɣ'én-išk-θ)		
аугмент + -s-						
2.1.		греть	xl'en-θ		jé-xl'i-s-a	
		варить			jé-ps'i-s-a	
		лопаться			jé-spa-s-a	
		связывать			jé-ð'i-s-a	
		доставать, достигать, догонять,	soɲ-θ		jé-su-s-a	so-s-θ
2.2.		указывать, показывать	ð'ixun-θ	ð'ixn-išk-a (ð'ixn-išk-θ)		ðik-s-θ
		запрягать			jé-z'ik-s-a	
		сжимать, зажимать				sv'ik-s-θ
		зарезать			jé-svak-s-a	svák-s-θ
чистая словообразовательная основа						
3.1.		оставаться, переставать	p'imén-θ	p'imén-išk-a	p'émn-a	
	?	расти		m'ɣal'én-išk-a		
	+	умирать	puθ'én-θ	puθ'én-išk-a	p'éθan-a (p'éθan-θ)	
3.2.	+	спускаться	kadv'én-[u]	kadv'én-išk-a	katév-a (katév-θ)	
	+	выходить			ks'é-va/ks'ív-a (ks'iv'-θ)	
	+	подниматься	imb'én-u			
	+	идти	paɣ-θ (pa.j-θ)/ pa(j)én-[u]	p'i-išk-a (p'i-išk-θ)/ p'in-išk-a		paɣ-θ/ pa.jén-θ
	+	уходить		ðá-išk-a (ðá-išk-θ)	ðáv-a	
	+	говорить	l'éɣ-u (l'éj-θ)	l'éj-šk-a (/i-l'iɣ-a)	íp-a	íp-u
суффикс -s-						
4.	+	ронять, терять	xán-[u]	xán-išk-a (xán-išk-θ)	xá-s-a	
	?	хотеть	θ'él-u	θ'éln-išk-a		
суффикс -k-						
5.	+	хватать, ловить	p'ján-[u]	p'ján-išk-a	p'já-k-a	p'ja-k-θ

	+	оставлять	af'in-u	af'in-išk-a	[a]f'i-k-a	f'i-k-∅
многосл. > односл.						
	a	ходить	prat-ú	prát-n-išk-a		
	a	издыхать	psuf-ú	psóf-n-išk-a	psóf-s-a	
	a	спрашивать	rut-ú	arót-n-išk-a	arót-s-a	arutí-s-∅
	a	смотреть	dran-ú	drán-n-išk-a/ ?drán-išk-a	drán-s-a	draní-s-∅
	a+	проходить; проникать	p'ern-ú	p'erná-n-išk-a	p'erá-s-a	p'erá-s-∅
	i	мочь	pur-ú	pór-n-išk-a	pór-s-a	puré-s-∅
II. префиксальный имперф.						
аугмент+-s-						
6.1.		раздевать			jé-γð'i-s-a	
		купать		jé-luz-a		
		рвать	š'iy-u (š'ij-∅)			
	+	лежать	p'eft-u	jé-p'ift-a	jé-p-s-a	
	+	жить	z-u (z'ij/z'i-∅)/z'iy-u	[j]é-z'iy-a (jé-z'ij-∅)	jé-z'i-s-a	z'i-s-∅
6.2.		играть	b'ez-∅	jé-b'iz-a		b'ek-s-∅
		лаять	laz-∅			
		течь			jé-r'ik-s-a	
		идет дождь (3 л. ед. ч., безличн.)	vr'eš-∅			vr'ek-s-∅
6.3.		писать	γráf-u		é-γrap-s-a	γrap-s-∅
		лизать, облизывать	γl'ift-u			
		резать, рубить				kop-s-∅
	+	плакать	kl'éy-u (kl'ej-∅)			klap-s-∅
	+	жечь			jé-kap-s-a	? (kái-s 2 л. ед. ч.)
аугмент						
7.1.	+	бежать	dr'éx-u (dr'eš-∅)	jé-dr'ix-a (jé-dr'iš-∅)	jé-dram-a	
	+	кушать, есть	trox-∅ (troj-∅)		jé-fay-a (jé-faj-∅)	fax-∅
	+	говорить	l'éy-u (l'ej-∅)	í-l'iy-a (l'éj-šk-a)	íp-a	íp-ú
7.2.	+	пить	p'in'éšk-∅ (/p'in-∅)	jé-p'in-išk-a (jé-p'in-išk-∅) (/p'in-išk-a)	jé-p'in-a	p'in-∅
суффикс -k-						
8.	+	давать	ðu-∅	jé-ðuγ-a (jé-ðuj-∅)		ðo-k-∅
	+	бить	kruh-∅ (kruj-∅)	é-kruγ-a (é-kruj-∅) (/?ákruγ-a (Xш))	dó-k-a	do-k-∅

			вне типов аор.		
	+	иметь	(j)ex-∅ (eš-∅)	jix-a/jéx-a	
III.			имперф. jé- + -išk-		
			аугмент		
9.	+	пить	p'in-∅ (/p'in'éšk-∅)	jé-p'in-išk-a (jé-p'in-išk-∅) (/p'in-išk-a)	jé-p'in-a p'in-∅
			вне типов аор.		
	+	знать	ks'évur-∅ (ks'év'ir'-∅)/ks'éru	i-ks'er'-išk-a	
IV.			чистая словообразующая основа		
10.	+	находить	vrišk-u	ifrišk-a	jivr-a (jiv'ir'-∅)
			вне типов имперф.		
	+	увидеть			jid-a ð-u
			тип неизвестен		
	+?	мыть	*pl'išk-u (pl'iš-∅)		
	+?	зажигать, светить	ift-[u]		

Меньше всего систематически собранного материала имеется по НкСД, однако какие-то заключения на основе экспедиционных данных и форм, обнаруженных в [Хорош 1998], все же можно сделать. Здесь, собственно говоря, наблюдается та же закономерность распределения моделей имперф., что и в МСД и ССД. Однако, как и для АСД, для НкСД характерна несколько бóльшая сфера действия суффиксального имперф., чем для МСД и ССД. Помимо глаголов на сонорные, суффиксальная модель охватывает и глаголы на -у-. Причем, как и в АСД, для форм имперф. этих глаголов характерно колебание между суффиксальной и префиксальной моделями, ср. *í-l'iŷ-a/l'éj-šk-a* 'сказать'. В этом смысле суффиксальная модель обнаруживает в данных субдиалектах несколько бóльшую активность, чем в МСД и ССД. На это также указывает рассмотренный на с. 265 переход части глаголов на гласный в смешанный гласно-согласн. тип в БСД, с образованием имперф. на -išk- по аналогии с глаголами на носовой.

Таблица 10.49. Классы иррегулярных глаголов в НкСД (и БгСД).

I.		имперф. на -išk-		
		аугмент		
1.1.	класть, ставить	vál-u	vál-išk-a	é-val-a
	делать	kám-u/káŷ-u (БгСД)	kám-išk-a/káj-šk-a (БгСД)	é-kam-a/é-kaŷ-a (БгСД)
	ткать	fén-u	fén-išk-a	é-fin-a

	сеять	spérn-u	spérn-išk-a	é-spirn-a
	опрокидываться, разваливаться	jérn-u	jérn-išk-a	é-jirn-a
	+ пить	pín-u	pín-ušk-a/pín-išk-a (БгСД)	é-pin-a
	+ приносить	fér-u	fér-išk-a	í-fir-a
	+ оставаться	pimén-u	pimén-išk-a	pém-a/pémn-a
1.2.	+ учиться	maθén-u	maθén-išk-a	é-maθ-a
аугмент + -s-				
2.1.	достигать	són-u	són-išk-a	é-su-s-a
	стелить (БгСД, в НкСД нет)	strón-u	strón-išk-a	é-stru-s-a
	связывать	ðén-u	ðén-išk-a	é-ði-s-a
	греть	xlén-u	xlén-išk-a	é-xli-s-a
	мыть	plín-u	plín-išk-a	é-pli-s-a
	варить (НкСД), печь (БгСД)	psín-u	psén-išk-a(НкСД)/ psin-išk-a (БгСД)	é-psi-s-a
	рвать	šč íy-u	šč i-ška/šč íj-šk-a	é-šč i-s-a
	гасить, тушить	vziy-u	vzi-šk-a/vzij-išk-a (БгСД)	é-vzi-s-a
	+ жить	ziy-u (НкСД) (/z-úu (БгСД))	zi-ška (НкСД, БгСД)/ zij-šk-a (БгСД) (/zin-isk-a(БгСД))	é-zi-s-a
	раздевать	γðíz-u	γðíz-išk-a	é-γði-s-a
	ругаться матом	vríz-u	vríz-išk-a	é-vri-s-a
	кипятить	vráz-u	vráz-išk-a	é-vra-s-a
	подскальзываться	γláz-u	γláz-išk-a	é-γla-s-a
	купать	lúz-u	lúz-išk-a	é-lu-s-a
	совать, засовывать	xúz-u	xúz-išk-a	é-xu-s-a
	крутить	klóθ-u	klóθ-išk-a	é-klu-s-a
	+ лежать, ложиться	péft-u	péft-išk-a	é-pi-s-a
	зарезать	sáγn-u	sáγn-išk-a	é-sak-s-a
2.2.	играть	béz-u	béz-išk-a (НкСД, БгСД)/ béz-išk-a	é-bik-s-a
	капать	stáz-u	stáz-išk-a (НкСД)/ stáz-išk-a (БгСД)	é-stak-s-a
	ляять	láz-u	láz-išk-a	é-lak-s-a
	вязать (на спицах)	pléyn-u	pléyn-išk-a	é-plik-s-a
	показывать	ðíxn-u	ðíxn-išk-a	é-ðik-s-a
	останавливать	stíyn-u	stíyn-išk-a (НкСД)/ stéyn-išk-a (БгСД)	é-stik-s-a
	течь	réy-u (re-θ)	ré-ška/réj-šk-a (НкСД, БгСД)	é-rik-s-a
	удирать	féy-u	féj-šk-a (НкСД, БгСД)/ é-fiγ-a (БгСД)	é-fik-s-a
	идет дождь (3 л. ед. ч., безличн.)	vreš-θ	vreš-išk-in	é-vrik-s-in
2.3.	писать	γráft-u	γráft-išk-a	é-γrap-s-a

		шить	ráft-u	ráft-išk-a	é-ra-p-s-a
		красть	kléft-u	kléft-išk-a	é-klip-s-a
		умываться	nift-u	nift-išk-a	é-nip-s-a
		резать, рубить	kóft-u	kóft-išk-a	é-kup-s-a
	+	плакать	kléy-u (kle-∅)	klé-šk-a/kléj-šk-a	é-klap-s-a
	+	жечь	t'éy-u	t'éj-šk-a	é-kap-s-a
чистая словообразующая основа					
3.1.		толстеть	pašen-u	pašen-išk-a	pášin-a
		расти	muyalén-u	muyalén-išk-a	muýáln-a
	+	умирать	puθénu	puθén-išk-a	péθan-a
		доставать, вынимать	ksivál-u	ksivál-išk-a	kséval-a
	+	спускаться	katívén-u/kadivén-u (БгСД)	katívén-išk-a/kadivén-išk-a (БгСД)	katév-a (katén'-∅)/ kadév-a (БгСД)
	+	выходить	ksév-u	ksivén-išk-a	ksév-a (ksen'-∅)
	+	братъ	pér-u	pér-išk-a	pír-a
	+	подниматься, входить	imbén-u	bén-išk-a	éb-a
	+?	выходить	výén-u	výén-išk-a	év-y-a
3.2.	+	бежать	dréx-u	dréš-išk-a (НкСД, БгСД)/ dré-šk-a	é-dram-a
	+	есть	tróy-u	tró-šk-a (НкСД, БгСД)/ trói-šk-a (БгСД)	é-fay-a
	+	говорить	léy-u	lé-šk-a (НкСД) (/i-liy-a (БгСД)/i-l-a (БгСД))	í-p-a
суффикс -k-					
4.	+	ловить	pján-u	pján-išk-a	pjá-k-a
	+	оставлять	fín-u	fín-išk-a	fí-k-a
	+	давать	đúy-u	đu-šk-a/đu-j-šk-a (БгСД)	đó-k-a
	+	бить	krúy-u	krú-ška (НкСД, БгСД)/ krúj-šk-a (БгСД)	dó-k-a
суффикс -s-					
5.	+	хотеть	θél-u	θél-išk-a (/i-θil-a (НкСД, БгСД))	θél-s-a
	+	зажигать	íft-u	íft-išk-a	íp-s-a
	+	терять	xán-u	xán-išk-a	xá-s-a
вне типов аор.					
		стоять	ksáz-u	ksáz-išk-a	
		1. должен; 2. надо (БгСД)	xraz-∅ (безличн. НкСД, БгСД)/xraz-u (личн., НкСД)	xráž-išk-in	
префиксальный имперф.					
6.	суффикс -s-				
	+	хотеть	θél-u	i-θil-a (НкСД, БгСД) (/θél-išk-a)	θél-s-a

			аугмент		
7.	+	говорить	léγ-u	í-liγ-a (БгСД)/i-l-a (БгСД) (/lé-šk-a (НкСД))	í-p-a
			вне типов аор.		
8.	+	знать	ksér-u	í-ksera	
III.			чистая словообразующая основа		
9.1.	+	находить	[i]vríšk-u	ívγ-išk-a	ívγ-a
9.2.	+	уходить	ráγ-u (raj-∅)	ḏájñ-a (НкСД, БгСД)/ ḏájñ'-a (НкСД)/ ḏán'-a (НкСД) (vs. rajén-išk-a БСД)	ḏáγ-a (ḏan'-∅)
			вне типов аор.		
	+	иметь	éx-u (eš-∅)	ix-a (iš-in)	
			вне типов имперф.		
	+	увидеть			íð-a

Субдиалекты группы НкСД (особенно сам НкСД) представляют собой наиболее унифицированную систему в плане образования имперф. иррегулярных глаголов. Префиксальный имперф. имеет здесь, по-видимому, только глагол ksér-u 'знать', а для глагола 'хотеть' наблюдается колебание форм имперф.: *θél-išk-a*/*í-θíl-a*. Из общей системы выпадает также неправильный глагол 'идти', вообще имеющий особое соотношение форм в НкСД. Основу имперф. глагола [i]vríšk-u — ívríšk-a 'находить', как было сказано на с. 267, следует считать равной по составу основе наст. вр. и одновременно словообразующей основе, т. е. суффикс -išk- в основе имперф. является словообразовательным, а не словоизменительным. При этом основа имперф. внешне структурно «омонимична» основам всех прочих глаголов, ср. *ívrišk-a* ~ *fér-išk-a*.

Отдельные отклонения от суффиксальной модели отмечаются в БгСД: *é-fiγ-a* '[я] сбежал', *í-liγ-a* '[я] сказал', *í-θíl-a* '[я] захотел'. Возможно, в этом сказывается влияние соседних субдиалектов с меньшей распространенностью суффиксального имперф.

Можно предположить, как уже было упомянуто, что базой для формирования регулярной грамматической модели образования имперф. -išk- послужил именно НкСД. Если обратить внимание на функционирование этой модели в других субдиалектах, то можно увидеть, что чем ближе та или иная группа субдиалектов расположена к НкСД, тем выше в ней активность данной модели. Можно построить определенную шкалу от субдиалектов с наибольшей распространенностью этой модели к субдиалектам с наименьшей распространенностью: НкСД (и БгСД) → БСД, АСД → МСД → ССД → ЯлСД. Что касается ЯлСД, то, как будет отмечено далее (см. табл. 10.50, с. 318), он и в этом смысле обнаруживает непохожесть на прочие румейские субдиалекты, будучи в наименьшей степени

затронут действием этой модели. Впрочем, и территориально ЯСД расположен далее всех прочих субдиалектов от НкСД.

Таблица 10.50. Классы иррегулярных глаголов в ЯлСД.

I.		префисальный имперф.				
аугмент + -s-						
1.1.		печь	ps'in-∅	jé-ps'in-a	jé-ps'i-s-a	ps'i-s-∅
		отпускать, развязывать	l'in-∅	jé-l'in-a	jé-l'i-s-a	l'i-s-∅
		гасить	zv'in-∅	jé-zv'in-a	jé-zv'i-s-a	
	+	греть	xl'en-∅	jé-xl'in-a (/xl'en'-isk-a)	*jé-xl'i-s-a	
		стелить	stron-∅	jé-strun-a	jé-stru-s-a	
		лопаться	span-∅	jé-span-a	jé-spa-s-a	
	+	связывать	ð'en-∅	jé-ð'in-a	jé-ð-s-a	ð'e-s-∅
	+	доставать, достигать, догонять	son-∅	jé-sun-a	jé-s-s-a	so-s-∅
		строить	xtiz-∅	jé-xtiz-a	jé-xti-s-a	
		рвать	š'iz-∅	jé-š'iz-a	jé-š'i-s-a	š'i-s-∅
		плевать	ftiz-∅	jé-ftiz-a	jé-fti-s-a	
		счищать	ks'iz-∅	jé-ks'iz-a	jé-ks'i-s-a	
		купать	luz-∅	jé-luz-a	jé-lu-s-a	lu-s-∅
		кипятить	vaáz-∅	jé-vraz-a	jé-vra-s-a	vra-s-∅
		крутить	kloθ-∅	jé-kluθ-a	jé-klu-s-a	
		молоть	l'eθ-∅	jé-l'iθ-a	jé-l'i-s-a	l'e-s-∅
	+	ложиться	p'eft-∅	jé-p'ift-a	jé-p-s-a	p'e-s-∅
1.2.		лаять	laz-∅	jé-laz-a	jé-lak-s-a	
		капать	staz-∅	jé-staz-a	jé-stak-s-a	
		драться, ссориться	draz-∅	jé-draz-a	jé-drak-s-a	
		играть	p'ez-∅	jé-p'iz-a	jé-p'ik-s-a	p'ek-s-∅
		идет дождь (3 л. ед. ч., безличн.)	vr'eš-∅	jé-vr'iš-∅	jé-vr'ik-s'-∅	vr'ek-s'-∅
		течь	r'ex-∅	jé-r'iy-a	jé-r'ik-s-a	
1.3.		стрелять	r'iyun-∅	jé-r'iyun-a	jé-r'ik-s-a	r'ik-s-∅
		останавливать	st'éyun-∅	jé-st'iyun-a	jé-st'ik-s-a	
		вязать (на спицах)	pl'éyun-∅	jé-pl'iyun-a	jé-pl'ik-s-a	pl'ek-s-∅
		сжимать, зажимать	sf'iyun-∅	jé-sv'iyun-a	jé-sv'ik-s-a	sf'ik-s-∅
		зарезать	sváyun-∅	jé-svay-a	jé-sfak-s-a/ jé-svak-s-a	
		указывать, показывать	ðixun-∅	jíðixn-a	jí-ðik-s-a/ jé-ðik-s-a	ðik-s-∅
1.4.		писать	yraft-∅	jé-yraft-a	jé-yrap-s-a	yrap-s-∅

		красть	kl'eft-∅	jé-kl'ift-a	j'ékl'ip-s-a	kl'ep-s-∅
		резать	kof't-∅	jé-kuft-a	jékup-s-a	kop-s-∅
		шить	raft-∅	jé-raft-a	jé-rap-s-a	rap-s-∅
Ч		мазать	l'ift-∅	jé-l'ift-a	jé-l'ip-s-a	l'ip-s-∅
		копать	skaf-∅	jé-skaf-a	jé-skap-s-a	
		плыть	pl'ev-∅	jé-pl'iv-a	jé-pl'ip-s-a	pl'ép-s-∅
	+	умывать	n'iv-∅	i-n'iv-a/i-n'ift-a/ jé-n'iva (Ч)	i-n'ip-s-a/ jé-n'ip-s-a (Ч)	
	+	плакать	kl'ex-∅	jé-kl'iy-a	jé-klap-s-a	klap-s-∅
Ч	+	жечь	t'ex-∅	jé-t'iy-a	jé-kap-s-a	kap-s-∅
аугмент						
2.1.	+	бежать	dr'ex-∅ (dreš-∅)	jé-dr'ix-a	jé-dram-a	dram-∅ (dran-∅)
	+	кушать, есть	trox-∅ (trój-∅)	jé-troy-a	jé-fay-a	fax-∅ (faj-∅)
	+	говорить	l'ux-∅ (l'éj-∅); l'oy-un 3 л. мн. ч.)	i-l'ix-a	i-p-a	p-u (pi-∅)
	+	класть	van-∅ /?val-∅	jé-van-a	jé-val-a	val-∅
	+	вынимать, снимать	vyan-∅/vyaz-∅ (Ч)	jé-vyan-a	jé-vyal-a	vyal-∅
	+	делать	kan-∅	jé-kamn-a	jé-kan-a	kan-∅
	+	мыть	pl'iz-∅	jé-pl'iz-a	jé-pl'in-a	pl'in-∅
2.2.		удирать	f'éyun-∅	jé-f'iy-n-a	jé-f'iy-a	f'iy-∅ (Ч)
		сеять	sp'érun-∅	jé-sp'irn-a	jé-sp'ir-a	sper-∅ (Ч)
	+	кусать	đákun-∅	jé-đakn-a (Ч) (/đákin-a)	jé-đak-a	đak-∅ (đat'-∅)
	+	приносить	f'érun-∅	ji-f'irna/i-fr'in-a	ji-fr-a	f'er-∅
	+	подниматься, залезать, врываться	b'en-∅	jé-b'in-a	jé-b-a	
суффикс -k-						
3.	+	хватать, ловить	p'jan-∅	jé-pjan-a/jé-pjin-a (/pjín'-išk-a)	p'já-k-a	
	+	давать	đux/đu-∅ (đu-j-∅)	jé-đu-y-a	đó-k-a	đo-k-∅ (đot'-∅)
	+	бить	kruх-∅ (kruj-∅)	jé-kruy-a	dó-k-a	do-k-∅ (Ч)
суффикс -s-						
4.	+	ронять, терять	xan-∅	jé-xan-a	xá-s-a	
	+	хотеть	θ'él-[u]	ji-θ'il-a	θ'él-s-a	
вне типов аор.						
		быть виновным	ft'ex-∅ (ftej-∅)	jé-ft'iy-a		
		быть должным (3 л. ед. ч., безл)	xraz'-∅	jé-xráz'-∅		

	+	знать	ks'évur-∅/ ks'er-∅	i-ks'ivr-a/i-ks'ir-a (/?i-ks'irn-a Ч)		ks'er-∅
II.						
имперф. на -išk-						
чистая словообразовательная основа						
5.	+	оставаться, переставать	pimén-∅	p'im'in'-išk-a	p'émn-a (p'émin'-∅)	p'im'én-∅
	+	ждать	p'irm'én-∅	p'ir'im'én'-išk-a/ p'irm'én'-išk-a/ p'ir'm'in'-išk-a	p'érm'in-a	p'irm'én-∅
	+	выходить	ksiv'én-∅/ ks'iv'in-∅	ks'iv'in'-išk-a (ks'év'in-a/ ks'iv'in-a)	ks'év-a	ks'ivén-∅/ ks'iv-ú (ks'iv'i-∅)
	+	умирать	puθ'én-∅	puθ'in'-išk-a	p'éθan-a	puθán-∅
аугмент						
6.		учить(ся)	maθ'én-∅	maθ'én'-išk-a/ maθ'in'-išk-a	jé-maθ-a	maθ-∅
аугмент + -s-						
?7.	+	греть	xl'en-∅	xl'én'-išk-a (/jé-xl'in-a)	*jé-xl'i-s-a	
суффикс -k-						
8.	+	хватать	p'jan-∅	pjin'-išk-a (/jé-pjan-a)	p'já-k-a	
	+	оставлять	if'in-∅	if'in'-išk-a (if'in'išč-∅) (/jéfin-a)	[i]f'ík-a ([i]f'it'-∅/ f'et'-∅)	f'i-k-∅ (fit'-∅)
III.						
чистая словообразовательная основа						
9.1.	+	расти	m'iyal'n'éšuk-∅	m'iyal'én'-išk-a/ m'iyál'n'-išk-a (Ч)	m'iyál'in-a	
Ч	+	толстеть	pašin'éšuk-∅	pašin'-išk-a	pášin-a	pašin-∅
Ч	+?	гнить	sap'in'éšuk-∅			
	+	находить	vr'išuk-∅	ivr'išk-a	jivr-a jévr-a	jé-vur-∅ (jé-v'ir'-∅)
	+	братъ	p'érun-∅	p'ir'in-a/p'iran-a (Ч)	p'ir-a	par-∅
9.2.	+	спускаться	kat'iv'én-∅	kat'év'in-a	kat'év-a	
	+	выходить	ksiv'én-∅/ ks'iv'in-∅	ks'év'in-a/ks'iv'in-a (/ks'iv'in'-išk-a)	ks'év-a	ks'iv-ú (ks'iv'i-∅)/ ks'ivén-∅
	+	всходить	an'ivén-∅	an'év'in-a	an'év-a	an'iv-ú
	+	уходить	ð'jav-∅	ð'jáv'i-n-a	ð'jav-a/ð'áv-a	
	+	идти	paх-∅/pajén-∅	p'iy'i-n-a/p'íya-n-a	p'iy-a	paх-∅/ pajé-n-∅
аугмент						
10.1	+	пить	p'in'éšuk-∅	p'in'išk-a	jé-p'in-a	p'in-∅

10.2	+	кусать	đákun-∅	đák'in-a (/jé-đakn-a (Ч))	jé-đak-a	đak-∅ (đat'-∅)
суффикс -k-						
11.	+	оставлять	if'in-∅	jéf'in-a (/if'in'-išk-a)	⟨i⟩f'i-k-a	f'i-k-∅ (Ч)
суффикс -s-						
12.	+	слышать	kux-∅	júkuχ-a	júk-s-a	ku-s-∅
вне типов аор.						
	+	стоять	ks'íz-u	áks'iz-a		
	+	иметь	jex-∅ (ješ-∅)	jix-a		jex-∅
IV.		имперф. на je- + -п-				
аугмент+-s-						
13.	+	жить	z-u	jé-z'i-n-a	jé-z-z-a	zí-s-u
вне типов имперф.						
		увидеть			ji-đ-a	đ-u
?	+	выходить	v'je-n-∅			vχ-u (vji-∅)

Из табл. 10.50 видно, что наиболее регулярной в ЯлСД является **префиксальная** модель — таким образом, данный субдиалект отличается наибольшей степенью архаизма и консерватизма в плане образования основ имперф. Что касается имперф. на -išk-, то, хотя суффикс -išk- получил в ЯлСД большее распространение, чем в НГР, он все же остался преимущественно словообразовательным, а не словоизменительным. У большинства глаголов, содержащих этот суффикс в основе имперф., основа наст. вр. также его содержит.¹¹⁰ Также надо отметить, что система соотношения видовременных основ в ЯлСД (как и рассмотренная на с. 242 парадигма пасс. окончаний) отличается большей **раздробленностью**, по сравнению с остальными субдиалектами румейского языка. В ЯлСД большее, чем в остальных субдиалектах, количество глаголов не подпадает ни под какую-либо из регулярных моделей формообразования, образуя обширный класс исключений. В частности, в ЯлСД было обнаружено наибольшее число супплетивных глаголов.¹¹¹ Помимо общих с другими субдиалектами глаголов drex-∅ 'бежать', trox-∅ 'есть', l'ux-∅ 'сказать', в ЯлСД супплетивными являются глаголы kan-∅ 'делать', ksévux-∅ 'знать', van-∅/val-∅ 'класть', vvan-∅ 'вынимать', pl'iz-∅ 'мыть',¹¹² вся группа глаголов, содержащих суффикс -ěšuk- в основе наст. вр. Это также не отмеченные в данной таблице многосложные глаголы raγayál-∅/raγayán-∅ 'проводить', p'iláγun-∅ 'посылать' и kartakuláγun-∅ 'выгонять'. Кроме того, только в ЯлСД имеются такие неправильные глаголы, как đébug-∅ 'не мочь' и đépaχ-∅ 'не иметь', образовавшиеся, соответственно, из đe[n] ruχ-ú и đep ex-∅. Последние

¹¹⁰ Это глаголы типа p'ip'ěšuk-∅, о которых уже отчасти шла речь на с. 288.

¹¹¹ Имеются в виду глаголы как с частичным, так и с полным супплетивизмом видовременных основ.

¹¹² Впрочем, данный глагол обнаруживает частичный супплетивизм основы и в других субдиалектах.

Таблица 10.51. Неправильные глаголы смешанных односложно-многосложных типов в ЯлСД.

	имперф.		перф.		императ. 2 л.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	ед. ч.	мн. ч.
‘посылать’	p'ilárun-∅	péla-n-a	pel-s-a	p'ilár-∅	p'éla (Ч)	p'ilár't (Ч)
‘выгонять’	kartakulárún-∅	kartakóla-n-a	kartakól-s-a			
‘не мочь’	ǰébur-∅	ǰébur-n-a	ǰébur-s-a	ǰe[ǰa]puré-s-∅		
‘не иметь’	ǰénaх-∅	ǰénaх-a				

Таблица 10.52. Степень интеграции/раздробленности подсистемы иррегулярных глаголов в румейских субдиалектах.

параметры	МСД	НкСД	ССД	АСД	БСД	ЯлСД
1. кол-во моделей имперф.	3	3	4 (+je-n-)	3	4 (+je-išk-)	4 (+je-n-)
2. кол-во типов соотношения моделей имперф. и аор.	9	9	11	8	10	13
3. кол-во неправильных глаголов	35	29	34	26	30	45

четыре глагола относятся к различным смешанным односложно-многосложным типам; в табл. 10.51 приводятся зафиксированные формы:

Первые два глагола принадлежат к смешанному гласно-согласн. типу (тип на árun + тип на гласн. á). Что касается отрицательных глаголов, то они стоят вне каких-либо типов. Особенно стоит обратить внимание на уникальные перф. формы непрош. вр. (к сожалению, имеется информация только по одному из глаголов, но второй, вероятно, ведет себя таким же образом). Фактически МЧ (без которых эти формы не функционируют; в данном случае приведен пример с частицей буд. вр. ǰa), вставляются внутрь глагола, между отрицательной приставкой (бывшей частицей) и корнем — след того состояния, когда отрицательные глаголы были сочетанием частицы и глагола.

В ходе исследования было проведено краткое сопоставление табл. 10.45–10.50 (с. 302–318) по следующим параметрам (смешанные односложно-многосложные типы при подсчете не учитывались):

1. количество зафиксированных моделей образования имперф.;
2. количество зафиксированных типов соотношения моделей образования основы имперф. и основы аор. (первая цифра номера класса);
3. количество зафиксированных неправильных глаголов среди иррегулярных.

Наиболее интегрированные системы иррегулярных глаголов по этим параметрам обнаруживаются в МСД, НкСД, а также АСД. Наиболее раздробленной

оказывается система ЯлСД — она имеет самые высокие показатели по всем параметрам. Количество неправильных глаголов в этом субдиалекте, по сравнению с остальными, увеличивается за счет большего количества супплетивных глаголов, а также широко распространенного колебания ударной гласной \acute{e} : i и др. морфологических аномалий в имперф. глаголов со словоизменительными суффиксами $-\acute{e}p-$ и $-\acute{e}\check{s}uk$. Подобные колебания, как уже неоднократно отмечалось, характерны для румейского языка вообще. Однако они обычно наблюдаются в одних и тех же единичных неправильных глаголах в разных субдиалектах. В данном же случае ими оказываются охвачены целые глагольные подклассы, причем соответствия в других румейских субдиалектах не наблюдаются.

Раздробленность как особенность системы иррегулярных глаголов в ЯлСД еще более усиливается в результате языкового сдвига, который в данном селе зашел далее, чем во многих других румейских селах. По-видимому, ЯлСД полностью исчезнет одним из первых румейских субдиалектов. Ситуация в с. Ялта в некотором смысле противоположна ситуации в селах Малоянисоль и Красная Поляна — если в последних отчетливо прослеживается активное языковое развитие в новейший период существования языка, протекающее (по крайней мере, в МСД) и до сих пор, то ЯлСД, по-видимому, не только довольно мало изменялся и унифицировался в ходе исторического развития, но, наоборот, все больше дробился в отдельных идиолектах, постепенно выходя из употребления.¹¹³

10.6 Аналитические и нефинитные формы

10.6.1 Аналитические формы

Структура аналитических глагольных форм в большей степени относится к области синтаксиса, чем к области морфологии, и потому находится на периферии настоящего исследования. Однако несколько слов об этом сказать все же необходимо. Как говорилось в начале главы (с. 226), румейские субдиалекты распадаются на имеющие симметричную (БСД, ЯлСД, ССД) и асимметричную (МСД, НкСД, АСД) видовременную систему. При этом перф. формы непрош. вр. в субдиалектах первой группы употребляются исключительно в составе аналитических форм, почему такие словоформы и получили в неозелинистике название «зависимого наклонения».

В румейских субдиалектах эти формы употребляются после МЧ na , $\theta a/\delta a$, $m\acute{i}$, as и их сочетаний. Частица na имеет наиболее широкий спектр модальных значений, набор которых несколько различается по субдиалектам; частица $\theta a/\delta a$ служит, главным образом, для передачи значения буд. вр.; частица $m\acute{i}$ используется для передачи значения прохибитива; частица as используется в опативных конструкциях.¹¹⁴

Аналитические глагольные формы конструируются из следующих **компонентов**:

1. одной или нескольких **МЧ** (в зависимости от системы конкретного субдиалекта);

¹¹³ См. также Главу 4, в т. ч. с. 106 и сл.

¹¹⁴ Подробнее см. Главу 11 (с. 347).

2. для симметричных систем: перф. или имперф. **видовременной основы** (в зависимости от видового значения, которое хочет передать говорящий). В рамках асимметричной системы может употребляться только имперф. видовременная основа:
3. **окончания непрош. вр.** (пар. I и II).

Например: на *uǰáft-u* '[я] буду писать', на *uǰár-s-u* '[я] напишу' (примеры из ССД). В субдиалектах с асимметричной видовременной системой форма на *uǰáft-u* передает оба вида значений.

Важно отметить, что и имперф. акт. и пасс. формы (видовременные основы + окончания), употребляемые в аналитических формах, **омонимичны** соответствующим формам, употребляемым без частиц. Поэтому фактически о наличии аналитических формах с полным правом можно говорить применительно только к тем румейским субдиалектам, которые имеют симметричную видовременную систему, т.е. к субдиалектам, сохранившим четыре видовременных основы, одна из которых не может употребляться изолированно, а только в составе аналитической формы. Сочетание перф. основы с окончаниями непрош. вр. не является полноценной глагольной словоформой само по себе, а составляет в комбинации с МЧ часть аналитической глагольной словоформы.

Однако для субдиалектов, в которых перф. основы непрош. вр. были утрачены, понятие аналитических форм становится избыточным. В таких случаях можно обойтись понятием модальных конструкций, в которых могут быть использованы имперф. глагольные словоформы непрош. вр.

Характерно, что перф. основу непрош. вр. сохранили ЯлСД и БСД, сближающиеся и по многим другим параметрам (в т.ч. фонетическим¹¹⁵). Эту основу сохранил также ССД, который, как уже говорилось выше (напр., с. 299), в некоторых других аспектах также обнаруживает определенную близость к ЯлСД.

Интересно также, что АСД, имеющий в своем составе компонент типа БСД и приближающийся к этой группе субдиалектов по фонетическим и многим грамматическим характеристикам, не сохранил перф. акт. форму непрош. вр. Эта особенность может объясняться наличием понтийского компонента в АСД. В данный момент нет материала, который бы позволил либо подтвердить, либо опровергнуть эту гипотезу, но можно утверждать, что уже один факт отсутствия четвертой видовременной формы в АСД не позволяет причислить этот субдиалект к группе БСД.¹¹⁶

Представляется закономерным, что данную основу не сохранили МСД и НкСД, которые и по другим параметрам обнаруживают тенденцию к унификации и упрощению языковой системы.

Еще один интересный момент, который надо отметить применительно к аналитическим формам, — это особый морфонологический феномен, обнаруженный в ССД. Для ССД в некоторых случаях характерна реализация частицы *θa* как *a*, особенно в сочетании с отрицательной частицей *t'i*:

¹¹⁵ См. Главу 7, с. 166, рис. 7.2.

¹¹⁶ Впрочем, чтобы утверждать это с уверенностью, необходимо обследование субдиалектов сел Константинополь и Стыла, относящихся к группе БСД.

(10.39) sí an t'i¹¹⁷ ðoks-mi kapít'-a, ʒo t'i a ráʒu/t'a ráʒu¹¹⁸ [a]s tu tkan

‘Ты если не дашь мне денег, я не пойду в магазин’

Иногда частица *θa* употребляется в форме *a* не только в комбинации с отрицательной частицей, но и самостоятельно:

(10.40) ʒo [a]n [n]a [é]xu pulá plíča/ʒo **θa/a** ta plísu

‘Я если буду иметь много цыплят, я их продам’¹¹⁹

Вместе с тем, для ССД характерно выпадение этимологического начального *a*- в словообразующих основах многих глаголов, ср. *ʒar-ú* ‘любить’, *ʒagáz-u* (ССД) ‘покупать’ и *aʒar-ú*, *aʒagáz-u* (МСД и др. субдиалекты). Поэтому в данном субдиалекте формы типа *aʒar-ú*, *aʒagáz-u* следует понимать как сочетание глагола с частицей, т.е. *a ʒar-ú*, *a ʒagáz-u*. Кроме того, аналитические формы, где частица употребляется в полном виде *θa*, имеют иное морфологическое членение, по сравнению с омонимичными формами в других субдиалектах. Так, например, для ЯлСД форма *θaʒagás-um* ‘купим’ членится как *θ aʒagás-um*, т.е. морфонологическое выпадение гласного более естественно приписывать частице, чем глагольной основе. Однако омонимично звучащую форму из ССД следует членить как *θa ʒagás-um*.

Данный пример, как и анализ морфологического членения форм *ðoka* и *doka*, приведенный на с. 291 и сл., наглядно демонстрирует тот факт, что иногда омонимичные формы близкородственных языков должны интерпретироваться различным образом, поскольку являются частью принципиально различных системных соотношений.

10.6.2 Императив

Устройство системы форм императ. в румейских субдиалектах изоморфно устройству системы основ в формах непрощ. вр. В тех субдиалектах, где существует противопоставление перф. и имперф. финитных форм непрощ. вр., такая же оппозиция существует и для форм императ. Однако в императ. эта оппозиция в большей степени представляет собой рудиментарное образование и склонна к утрате. В [СЕРГИЕВСКИЙ 1934] еще приводятся для многих глаголов из ССД параллельные имперф. и перф. формы императ. Т. Н. Чернышева по материалам 50-х гг. уже отмечает, что «в урзуф-ялтинском говоре тенденция ⟨...⟩ к стиранию видового различия в повелительном наклонении получила окончательное завершение и распространилась не только на страдательный, но и на действительный залог» [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 49].¹²⁰ В настоящее время в большей части субдиалектов для большинства глаголов сохранилось только по одной форме (перф. или имперф. по происхождению) для выражения императ. 2 л. ед.ч. и 2 л. мн.ч. Эти формы в большой степени лексикализованы, и единых регулярных правил их образования не существует. Во многих случаях основа императ.

¹¹⁷ Прим. ред.: в потоке речи произносится *an d'i*.

¹¹⁸ При вторичном произнесении.

¹¹⁹ Оба примера записаны от инф. (жен.) 1941 г. р., род. в с. Сартана, образование 8 кл.

¹²⁰ Для пасс. глаголов М. В. Сергиевский приводит только формы императ., образованные от перф. пасс. основы.

совпадает с перф. основой непрощ. вр. (особенно для форм мн.ч.), однако для форм ед.ч. это далеко не всегда так. Форма императ. **ед.ч. акт. глаголов** обычно представляет собой либо чистую словообразовательную основу (часто просто корень), либо содержит видовой суффикс -s[i]-:¹²¹

1. в императ. 2 л. ед.ч. и в перф. формах суффикс -s[i]- (многосложные и иррегулярные глаголы): а) **многосложные**: (-**áz**-) aḡóra-si (aḡuráz-u) 'покупать', ḡavak-si (ḡaváz-u) 'читать', (-**áḡ**-) fílak-si (fláḡ-u) 'ждать', (-**éḡ**-) írmik-si (arméḡ-u/írméḡ-u) 'доить', (-**év**-/-**iv**-/-**ip**-) íríp-si (irév-u) 'хотеть', laxírdíp-si (laxardév-u) 'разговаривать', (-**év**-/-**jv**-/-**jp**-) džájp-si (džáév-u/džév-u) 'пасти', (-**íz**- редко) fáj-si (faíz-u) 'кормить', ḡánk-si (ḡaníz-u) 'давать в долг', xúlk-si (xlíz-u) 'кричать', (-**ón**- редко) kséru-si (ksirón-u) 'сушить', tsak-s'(/tsáku) (tsakón-u) 'разбивать' и др.; б) **иррегулярные**: ḡráp-sí (ḡráft-u) 'писать', ré-si (réft-u) 'ложиться', ír-si (íft-u) 'зажигать', kló-si (klóθ-u) 'крутить', lú-si (lúz-u) 'мыть', [a]ḡḡí-si (ḡḡíz-u) 'раздевать', vzí-si (vzíḡ-u) 'гасить', klár-si (kléḡ-u) 'плакать', psí-si (psín-u) 'печь', ḡé-si (ḡén-u) 'связывать', xlá-si (xlén-u) 'греть', ḡík-si (ḡíxn-u) 'указывать', stró-si (strón-u) 'стелить', zí-si (z-u) 'жить' и проч.;
2. в императ. 2 л. ед.ч. чистая словообразовательная основа, в перф. формах суффикс -s-: (**многосложные** глаголы): (-**á**-) aḡár (aḡar-ú) 'любить', dra (dran-ú) 'смотреть', péra (pirn-ú/piráz-u) 'пересекать', (-**í**-(/-**íḡ**-)) pul (pl-u) 'продавать', lal (lal-ú) 'играть', fkal (fkal-ú/fkáliḡ-u) 'подметать', pel (piliḡ-u/piléḡ-u) 'посылать', (-**év**-/-**jv**- ~ -**jz**-/-**j**-) bitráj (bitrév-u) 'заканчивать', (-**íz**-) gnéf (gnéfíz-u) 'будить, просыпаться', angál (angalíz-u) 'обнимать', nun (nuníz-u) 'думать', rot (rutíz-u) 'поить', jir (jiríz-u) 'возвращать(ся)', (-**ón**-) fčóru (fčurón-u) 'высыпать', kónu (kunón-u) 'лить', múlu (mlón-u) 'прятать', kalíḡu (kalḡón-u) 'подковывать', tsáku (/tsaks') (tsakón-u) 'разбивать, ломать', (-**én**-) for (furén-u) 'одевать(ся)' и проч.;
3. в императ. 2 л. ед.ч. чистая словоизменяющая основа, в перф. формах нет суффикса -s- (**иррегулярные** глаголы): fer/féri (fér-u) 'нести', kámi (kám-u) 'делать', val (vál-u) 'класть', ríni (rín-u) 'пить', spérni (spérn-u) 'сеять', síri/sir' (sír-u/sirév-u/sírín-u) 'отправляться, бросать', máθí (maθén-u) 'учиться', miḡál (miḡalén-u) 'расти', rémni (rimén-u) 'оставаться', gzéva (gzén-u) 'выходить', kadéva (kadén-u) 'спускаться', drámi (dréx-u) 'бежать', pe (léḡ-u) 'сказать', faj/troj (tróḡ-u) 'есть', ívri (vríšk-u) 'находить', éba (bén-u) 'подниматься', évḡal' (vḡál-u) 'извлекать', évḡa (vḡén-u) 'выходить', érap (pér-u) 'брат' и др.;
4. в императ. 2 л. ед.ч. суффикс -s-, в перф. формах суффикс -k- (**неправильные** глаголы): ḡo-s (ḡúḡ-u) 'давать', do-s (krúḡ-u) 'бить', pja-s (pján-u) 'ловить', af-s (fín-u) 'оставлять';
5. в императ. 2 л. ед.ч. суффикс -s[i]-, в перф. формах в перф. формах нет суффикса -s-: plísi (plín-u) 'мыть'.¹²²

В императ. **мн.ч. акт. глаголов** к основе добавляется суффикс -ét (МСД, ЯлСД, БСД)/-ítin(ʻ) (НкСД, БгСД)/-it[inʻ] (БСД)/-it (АСД)/-t (ЯлСД).¹²³ Что

¹²¹ Приводятся лишь примеры из МСД.

¹²² Такое соотношение было зафиксировано в МСД только для данного глагола.

¹²³ Правила распределения алломорфов суффиксов в различных румейских субдиалектах и примеры см. с. 332 и сл.

касается основы императ. мн. ч., то здесь наблюдаются следующие закономерности, справедливые, по крайней мере, для МСД:

1. перф. основа и/или основа императ. 2 л. ед.ч. содержит **суффикс -s-** → основа императ. 2 л. мн.ч. также содержит **суффикс -s-**. Например:¹²⁴ **ау́ога-s-a/ау́ога-si** — **ау́ога-s-ét** ‘покупать’, **ау́ар-s-a/ау́ар — ау́ар-s-ét** ‘любить’, **кóну-s-a/кóну** — **куну-s-ét** ‘лить’, **ѡ́к-а/ѡ́о-s** — **ѡи-s-ét** ‘давать’, **é-pl-a/plí-si** — **pli-s-ét** ‘мыть’, **é-s-s-a/zí-si** — **zi-s-ét/zí-s-át** (исключение в плане алломорфа окончания) ‘жить’.
2. перф. основа и основа императ. 2 л. ед.ч. не содержат суффикса -s-, основа императ. 2 л. ед.ч. оканчивается на **согласный** (обычно сонант) или на **гласный -i** (в некоторых субдиалектах, из-за отпадения данного гласного, основа императ. в этом случае всегда оканчивается на сонант) → основа императ. 2 л. мн.ч. образуется от основы императ. 2 л. ед.ч. и представляет из себя **чистую словоизменительную основу**, оканчивающуюся на согласный. Например: **é-kam-a/kámi** — **kam-ét** ‘делать’, **é-faḡ-a/faj** — **faj-ét** ‘есть’, **ívr-a/ívri** — **ivr-ét** ‘находить’, **miḡaln-a/miḡal** — **miḡal-ét** ‘расти’, **rém(i)n-a/rémni** — **pimn-ét** ‘оставаться’, **é-sirn-a/síri** — **sir-ét** ‘отправляться, бросать’, **rír-a/épar** — **ipar-ét** ‘брать’, **évuḡal-a/évuḡal** — **ivvuḡal-ét** ‘извлекать’, **é-maḡ-a/máḡi** (МСД, НкСД) — **maḡ-ítin** (НкСД) ‘учиться’. Надежной формы 2 л. мн.ч. для этого глагола в МСД не зафиксировано.
3. перф. основа и основа императ. 2 л. ед.ч. не содержат суффикса -s-, основа императ. 2 л. ед.ч. оканчивается на **гласный -a** или представляет из себя **структуру CV** → основа императ. 2 л. мн.ч. образуется от основы императ. 2 л. ед.ч. с помощью **суффикса -θ-/-t-** (омонимичного перф. суффиксу пасс. глаголов). В эту группу входит очень небольшое число неправильных глаголов: **gzév-a/gzéva** — **gziva-θ-ét** ‘выходить’, **kadév-a/kadéva** — **kad[i]va-θ-ét** ‘спускаться’, **éb-a/éba** — **iba-θ-ét** ‘подниматься’,¹²⁵ **í-p-a/pe** — **pi-t-ét** ‘сказать’.¹²⁶

Формы, передающие значение императ. 1 и 3 л., а также формы прохибитива являются аналитическими и образуются с помощью частиц **as** (оптатив), **[na] mí** (прохибитив). Соответственно, в тех субдиалектах, где существуют перф. формы непрош. вр., существует и возможность выразить видовое противопоставление в оптативе и прохибитиве. Например: **[na] mí tsakón'-s** ‘не ломай’ vs. **[na] mí tsakó-s'-s** ‘не сломай’ (ЯлСД). Что касается оптатива, то в субдиалектах с симметричной видовой системой с частицей **as** употребляется обычно перф. основа: **as tsakó-s-θ** ‘пусть сломает’ (ЯлСД).

10.6.3 Причастия

Единственный вид причастий, существующий в субдиалектах румейского языка — это причастия с суффиксом **-mép-** (этимологически пасс. причастия

¹²⁴ Приводятся формы аор./императ. 2 л. ед.ч. — императ. 2 л. мн.ч.

¹²⁵ По-видимому, так же образуется императ. 2 л. мн.ч. и от **évuḡa** ‘выходить’, в экспедиционных материалах он не зафиксирован.

¹²⁶ О структуре и акцентуации форм императ. пасс. глаголов см. с. 335 и далее.

прош. вр.). Однако даже эти формы уже во многом лексикализовались и превратились в прилагательные — продуктивный механизм их порождения утрачен не только в диалектах, но и в стандартном НГР. Эти причастия употребляются как в пасс., так и в акт. значении, довольно часто они имеют переносное значение. Например (причастия от глагола *daylév-u* ‘разваливать’): *dayli-mén-u xóɣ-a* ‘разбросанная деревня’, *dayli-mén-a čfal’-a* ‘непутевые люди’ (досл. ‘разваленные головы’). Как и в ситуации с формами императ., здесь тоже нельзя вывести четких правил образования причастий от глагольных основ. Кроме того, наблюдается очень сильная вариативность этих форм. В примерах (10.41) и (10.42), например, зафиксированы в МСД формы причастий от глаголов *kugév-u* ‘стричь’ и *arméy-u* ‘дойти’:

(10.41) **kurév-u:**

kuri-mén-u/kogu-mén-u/kuriy-mén-u/kurip-s-mén-u/korup-s-ménu
‘стриженный’;

(10.42) **arméy-u:** *irmiy-mén-u/armiy-mén-u/irmay-mén-u* ‘доенный’.

Помимо причастий, в румейском изредка встречаются отглагольные прилагательные, которые раньше тоже были причастиями, но на синхронном уровне полностью лексикализовались. Например: *anix-t-ó* ‘открытый’ (от *aníy-u* ‘открывать’), *drupjax-t-ó* ‘стыдливый, стеснительный’ (от *drupjáz-u* ‘стыдить’), *armax-t-ó* ‘доенный’.

Вариативность форм причастий во многом связана с тем, что они употребляются в речи довольно редко. Поэтому информант, отвечая на вопросы переводной анкеты, нередко конструирует требуемые формы спонтанно. Иногда такие формы с трудом поддаются анализу. Так, например, помимо более или менее регулярных форм *sparni-mén-u* и *spirni-mén-u* от глагола *spéɣ-u* ‘сеять’, была зафиксирована и такая форма как *sparmin-uménu* (по-видимому, с гаплогией суффикса).

Причастия образуются с помощью присоединения к перф. или имперф. видо-временной основе формообразующего суффикса *-mén-* и именного окончания. В МСД для причастий было обнаружено **пять** видов **окончаний** — три для ед. ч. и два для мн. ч. Эти окончания распадаются на **четыре группы**:

ед. ч.: (тип 1.1) *-mén-us* (м. р.), *-mén-sa* (ж. р.); (тип 1.2) *-mén-u*

мн. ч.: (тип 2.1) *-mén-∅*; (тип 2.2) *-mén-a*

В румейском языке на синхронном уровне не существует жесткого распределения употребления причастий с теми или иными окончаниями. Тенденция такова, что причастия с окончаниями (тип 1.1), в которых маркирована категория рода, употребляются при одушевленных существительных, прежде всего, при наименованиях людей.¹²⁷ При этом причастия с окончанием (тип 1.2), исторически являющимся окончанием ср. р., могут употребляться при любых существительных и часто замещают собой причастия с окончаниями первого типа. Таким образом, в современном состоянии языка маркирование категории одушевленности существительных в атрибутивных причастиях не является обязательным.

¹²⁷ См. Главу 8, с. 197 и сл.

Что касается употребления окончаний (тип 2), то их распределение еще более размыто. У румейских существительных окончание мн. ч. типа 2.1 соответствует «сигматическому» окончанию ед. ч. м. р. типа (1.1), а окончание (тип 2.2) — это окончание мн. ч. ср. р. Что касается причастий, то здесь некоторая тенденция к подобному распределению тоже прослеживается, однако при этом наблюдаются довольно сильные идиолектные вариации. Кажется, что говорящий, в принципе, может употребить причастие с любым из окончаний (тип 2) при любом существительном. Кроме того, причастия как в атрибутивной, так и в предикативной позиции могут присоединять окончания обоих подтипов типов 1 и 2.

Вообще, поскольку причастие объединяет в себе черты как глагола, так и имени, было бы любопытно включить его также в общий контекст именных румейских форм — возможно, тогда обнаружились бы какие-то новые закономерности его употребления в румейском языке.

10.7 Особенности акцентуации румейских глагольных словоформ

Известно, что греческий язык претерпел примерно такую же эволюцию в области акцентуации, что и русский. Фактически, со сменой мелодического ударения на динамическое произошел переход от одной акцентуационной (и вообще фонологической) системы к типологически совсем иной. Место ударения в современных диалектах НГР определяется не фонотактическими «счетными» правилами (номер слога от конца слова, зависимость от наличия долгих/кратких гласных и проч.), а морфонологическими, оно обусловлено не позицией в слове, а морфонологической структурой словоформы. Это очень хорошо видно на тех румейских примерах, где ударение оказывается на четвертом от конца слоге, например *jé-rip-išk-a* (БСД) '[я] пил'. Таких примеров в целом крайне мало, но само их наличие красноречиво говорит о том, что действие правила «счетности» в языке прекратилось.

Наиболее важной грамматической функцией ударения для глагольных словоформ, восходящей к ДГР, является выражение противопоставления прош. и непрош. вр. Однако фонотактическое правило о сдвиге ударения в прош. вр. на третий от конца слог, характерное для ДГР, сохранилось исключительно как морфонологическая закономерность, которая в ряде случаев перебивается действием других, более «сильных» правил.

Оказалось возможным построить единую систему правил ударения глагольных словоформ для всех румейских субдиалектов (по крайней мере, для финитных форм). Место ударения в словоформе определяется исходя из ее морфонологического состава и словоизменительной парадигмы. За исходную форму, на основе которой строится система правил постановки ударения, для согласн. типа берется форма 1 л. ед. ч. непрош. вр., а для гласного — форма 3 л. ед. ч. непрош. вр. Зная линейную морфонологическую структуру прочих видовременных основ той или иной лексемы, можно по правилам вывести позицию ударения в каждой из словоформ. На изменение позиции ударения в **личных формах**, по сравнению с лексическим ударением, оказывает влияние наличие следующих грамматических морфем:

1. аугмент (префикс прош. вр.);
2. окончания из пар. II;
3. перф. суффикс пасс. глаголов $-\theta[i]-/-t[i]-(-/-\chi-)$.

Правила постановки ударения в румейских глагольных словоформах расположены в порядке от наиболее «слабого» к наиболее «сильному» («доминантно-му»¹²⁸). Чтобы узнать акцентную характеристику той или иной словоформы, надо последовательно применить к ней эти правила, т.е. вначале ударение ставится согласно правилу 1., затем словоформа с уже проставленным по этому правилу ударением проверяется на действие следующего правила и так до правила 5.

10.7.1 Правила для финитных форм

Правило 1а. Финаль словообразующей основы представляет собой согласный: ударение падает на **последний гласный словообразующей основы**. $\delta av\acute{a}z-u$ 'читать', $katas\acute{o}n-u$ 'успевать', $mital\acute{a}z-u$ 'менять', $dr\acute{e}x-u$ 'бежать', $kartakul\acute{i}\gamma-u$ 'гнать', $p\acute{i}n-u/pin\acute{e}šk-\emptyset$ (БСД)/ $p\acute{n}\acute{e}šk-u$ (ССД) 'пить'.

Исключение составляют глаголы в ЯлСД и БСД, словообразующая основа имперф. формы непрош. вр. которых оканчивается на **суффиксы/суффиксоиды** $-i\acute{s}uk-(-i\acute{s}ik-/-i\acute{s}it'-/-i\acute{s}k-)/-e\acute{s}uk-(-e\acute{s}ik-/e\acute{s}it'/-e\acute{s}k-)$ (ЯлСД), $-un-(-in'-/-n-)$ (ЯлСД, БСД), $-ur-(-ir'-/-r-)$ (ЯлСД, БСД), $-a\acute{r}un-(-arin'-/-arn-)$.¹²⁹ Ударение в глаголах с финалью $-e\acute{s}uk-/-i\acute{s}uk-$, $-a\acute{r}un-$ падает на **первый гласный** финали. В глаголах с финалью $-un-$, $-ur-$ ударение всегда падает на гласный **перед финалью**. Например: $mi\gamma al'n'e\acute{s}uk-\emptyset$ (ЯлСД) vs. $mi\gamma al\acute{e}n-u$ 'расти', $vr\acute{i}šk-\emptyset$ 'находить' (ЯлСД) vs. $vr\acute{i}šk-u$, $ks'\acute{e}vur-\emptyset$ (ЯлСД, БСД) vs. $ks\acute{e}r-u$ 'знать', $\delta i\chi un-\emptyset$ (ЯлСД, БСД) vs. $\delta i\chi n-u$ 'указывать', $pil\acute{a}r un-\emptyset$ 'посылать' (ЯлСД) vs. $pil\acute{i}\gamma u$.

Правило 1б. Финаль словообразовательной основы представляет собой **гласный суффикс** $-a-$, $-i-$, $-u-$: этот суффикс **самоударный**. В случае исчезновения этого гласного перед первым гласным окончания ($-u-$), ударение падает на **первый гласный окончания** (приводятся формы 3 л. ед.ч. → 1 л. ед.ч.): $a\gamma ar\acute{a}-\emptyset \rightarrow a\gamma ar-\acute{u}$ 'любить', $pur\acute{i}-\emptyset \rightarrow pur-\acute{u}$ 'мочь', $zi-\emptyset \rightarrow z-u$ 'жить', $\acute{c}im\acute{a}-t \rightarrow \acute{c}im\acute{a}-tindun \rightarrow \acute{c}im-\acute{u}m - \acute{c}im-\acute{u}mni$ 'спать' (наст. вр. и имперф.), $mul\acute{u}-t \rightarrow mul-\acute{u}m$ 'прятаться'.

Ударение, которое ставится по правилам 1а. (согласн. тип) и 1б. (гласн. тип), и есть **лексическое ударение слова**. Фактически эти правила можно было бы объединить в одно, поскольку и в том, и в другом случае ударение падает на **последний гласный словообразующей основы**. Если этот гласный является конечной фонемой словообразующей основы (т.е. глагол относится к типу на гласный), то при исчезновении последнего гласного основы ударение может переходить на первый гласный окончания.

Правило 2. Наличие в словоизменительной основе глагола **перф. пасс. суффикса** $-\theta[i]-/-t[i]-$. Этот суффикс **самоударный** в том случае, если он представлен в виде аллофонов $-\theta i-/-t i-$, содержащих гласный: $\theta a t'im'i-\theta i-\emptyset$ (ЯлСД) '[он]

¹²⁸ Здесь используется терминология А.А.Зализняка, который определяет **доминантность–недоминантность** как «наличие или отсутствие регулируемого определенными правилами преимуществ в „конкуренции“ морфем за ударение» [Зализняк 1985].

¹²⁹ См. также с. 288

поспит'. Если суффикс представлен в виде аллофонов $-\theta/-t-$, не содержащих гласного, то:

1. при наличии справа от него гласного, ударение падает на этот гласный: $\check{c}imi-\theta-\acute{e}t$ 'поспите';¹³⁰
2. если суффикс стоит в абсолютном исходе слова и постановка ударения справа от него невозможно, ударение ставится слева от суффикса: $\check{c}im\acute{i}-\theta$ 'поспи'.

Исключение из этого правила составляют перф. пасс. формы непрош. вр. глагола 'приходить' $-\acute{e}r-t[-u]$ (ЯлСД, ССД, БСД): в этих формах ударение **всегда** ставится **слева** от суффикса $-t-$.

Правило 3. При наличии в словоформе окончаний из **пар. II** ударение **сдвигается на слог дальше от конца** по сравнению с исходной словоформой: $\acute{d}av\acute{a}z-u \rightarrow \acute{d}\acute{a}vaz-a/\acute{d}\acute{a}vak-s-a$ 'читать', $kartakul\check{f}y-u \rightarrow kartak\acute{o}li\check{y}-a$ 'выгонять', $a\check{y}ar\acute{a}-\emptyset$ (3 л. ед. ч.) $\rightarrow a\check{y}\acute{a}ran-a$ 'любить', $t'im'i-\theta'i-\emptyset$ (3 л. ед. ч.) $\rightarrow t'im'i-\theta-a$ (ЯлСД) 'спать', $fruk'is-ti-\emptyset$ (3 л. ед. ч.) $\rightarrow fruk\acute{u}s-t-a$ (ЯлСД) 'слушать'. Однако ударение по этому правилу не может сдвигаться дальше третьего от конца слога: $ma\theta\acute{e}n-u \rightarrow ma\theta\acute{e}n-i\check{s}k-a$ 'учиться'; по этой же модели и имперф. неправильных глаголов гласно-согласн. типа в МСД: $uk\check{s}\acute{a}-\emptyset$: $uk\check{s}\acute{e}n-i\check{s}k-a$ 'скисать'. Если сдвиг ударения невозможен в силу структуры словоформы, оно остается на своем месте: $rj\acute{a}n-u \rightarrow j\acute{e}-rjan-a$ (ЯлСД), но $rj\acute{a}n-i\check{s}k-a$ 'ловить', $r\acute{e}r-u \rightarrow r\acute{i}r-a$ 'брат', $\acute{d}\acute{u}y-u \rightarrow \acute{d}\acute{u}j-\check{s}k-a$ (НкСД, БгСД, АСД)/ $\acute{d}\acute{o}k-a$ 'брат', $\acute{d}\acute{a}kun-\emptyset$ ($\acute{d}\acute{a}kn-un$ 3 л. мн. ч.) $\rightarrow \acute{d}\acute{a}kin-a$ (ЯлСД) 'кусать', $\acute{e}rk-um/\acute{e}r-t-u \rightarrow \acute{i}r-t-a$ 'приходить'.

Стоит подчеркнуть, что кажущийся «счетный» характер данного правила, тем не менее, базируется на закреплённости ударения за определенным, морфологически обусловленным местом в исходной основе, а не на номере слога от конца слова. Поэтому фактически, в зависимости от конкретного субдиалекта, ударение в одних и тех же словоформах прош. вр. может сдвинуться на предпоследний или третий от конца слог: $ru\check{r}i-\emptyset$ — $r\acute{o}r-n-a$ (МСД), но $r\acute{o}r'i-n-a$ (ЯлСД). С формальной точки зрения номера слога от конца словоформы ударение может оставаться на своем месте, но при этом с морфонологической точки зрения оно сдвигается. Ср. формы наст. вр., имперф. и аор. глагола 'кричать; звать' в разных румейских субдиалектах в примерах (10.43–10.46), где ударение во всех случаях единообразно сдвигается в морфонологическом плане:

(10.43) $xul\check{f}z-u \rightarrow x\acute{u}liz-a - x\acute{u}lik-s-a$ (БСД)¹³¹

(10.44) $xul\check{f}z-u \rightarrow x\acute{u}liz-a - x\acute{u}lik-s-a/x\acute{u}l\emptyset k-s-a$ (НкСД)¹³²

(10.45) $xul\check{f}z-u \rightarrow x\acute{u}l\emptyset z-a - x\acute{u}l\emptyset k-s-a$ (ССД **Cr**)¹³³

(10.46) $x\emptyset l\check{f}z-u \rightarrow x\acute{u}l\emptyset z-a - x\acute{u}l\emptyset k-s-a$ (МСД)¹³⁴

¹³⁰ Сюда также относятся некоторые варианты на императ. пасс. глаголов, потому что эти нефинитные формы подчиняются общим акцентным правилам словоформ, имеющих в составе перф. пасс. суффикс.

¹³¹ Ударение в обеих формах прош. вр. формально сдвигается на слог дальше от конца.

¹³² В одной из альтернативных форм аор. ударение формально остается на предпоследнем слоге.

¹³³ В форме аор. ударение формально остается на предпоследнем слоге.

¹³⁴ Ударение во всех формах падает на единственный слог основы и формально не сдвигается.

То же самое относится к обширному классу тюркских заимствований, о котором шла речь выше (см. с. 277 и сл.). В тех субдиалектах (МСД, АСД, НкСД), где в основе наст. вр. последний гласный корня выпадает перед словообразовательным суффиксом *-év/-íz-*, ударение в формах прош. вр. тоже формально сохраняется на предпоследнем слоге, но с морфонологической точки зрения оно сдвигается, обуславливая соответствующие чередования \emptyset/\acute{a} и \acute{e}/j , ср.:

(10.47) *ptráév-u* — *ptráf-s-u* → *ptrájv-a* — *ptráj-s-a* (ССД) ‘заканчивать’ и
xuldaíz-u — *xuldaí-s-u* → *xuldájz-a* — *xuldáj-s-a* ‘двигаться’ (ССД Cr);
kučaraíz-∅ — *kučaraí-s-∅* → *kučarájza* — *kučaráj-s-a* (БСД) ‘передвигать’;
bura(j)íz-∅ — *bura-í-s-∅* → *burájz-a* — *buráj-s-a* (ЯлСД) ‘вертеть’;
zabulnaíz-u → *zabulnájz-a* — *zabulnáj-s-a* (БгСД) ‘заболеть’¹³⁵

(10.48) *bitr∅-év-u* → *bitrá-jv-a*/*bitrá-jz-a* — *bitr-ájs-a* ‘заканчивать’ (МСД);
aldíz-u → *aldájz-a* — *aldáj-s-a* (НкСД) ‘обманывать’; *jaldíz-∅* →
jaldájz-a — *jaldáj-s-a* (АСД) ‘плавать’¹³⁶

Исключение составляют неправильные глаголы особого гласно-согласн. типа в МСД со словоизменением типа *ukšá-∅* (3 л. ед. ч.) — *ukšén-išk-a* — *ukšás-a* ‘скисать’. Окончания пар. II не вызывают сдвига ударения в глаголах этого типа: в формах аор. ударение сохраняется на гласном суффиксе.

Правило 4. Аугмент всегда **самоударен**: *é-yğars-a* ‘[я] написал’, *í-p-a* ‘[я] сказал’, *í-fr-išk-a* (БСД) ‘[я] нес’, *kat-é-su-s-a* ‘[я] успел’, *jé-pin-išk-a* (БСД) ‘[я] пил’.

10.7.2 Акцент в нефинитных формах

Правило 5. В причастиях ударение всегда падает на суффикс *-mén-*.

Правило 6. Для форм императ. не удастся сформулировать четкие правила постановки ударения, поскольку на данный момент для этого недостаточно материала. Кроме того, акцентные правила для этих форм сильно варьируются по субдиалектам. Также среди форм императ. (особенно императ. ед. ч.) обнаруживается много структурно и акцентно нерегулярных форм. Тем не менее, можно отметить же некоторые закономерности.

а) В формах императ. ед. ч. акт. **многосложных** глаголов место ударения, по видимому, всегда **совпадает с местом ударения в формах прош. вр.**, вне зависимости от того, от какой основы (перф. или имперф.) образована форма. В качестве примера можно привести формы императ. 2 л. ед. ч. и формы аор. некоторых глаголов: *ayár* — *ayár-s-a* ‘любить’, *gnéf* — *[a]ynéf-s-a* ‘будить; просыпаться’, *yríka* — *yrík-s-a* (НкСД) ‘слушать; слышать’, *ayóراسي* — *ayóراس-a* ‘покупать’, *a(n)gál(-s)* — *angál-s-a/agál-s-a* (ЯлСД) ‘обнимать’, *bitráj* — *bitráj-s-a* ‘заканчивать’, *fčóru* — *fčóru-s-a* ‘опустошать; высыпать, выливать’, *gzéva* — *gzév-a* ‘выходить’, *rémní* — *rémn-a* ‘оставаться’. Что касается класса **односложных** глаголов, то в тех случаях, когда формы императ. являются многосложными, ударение в норме падает на **первый гласный корня**, например (приводятся формы императ. — наст. вр.): *ríni* — *rín-u* ‘пить’, *máθi* — *maténu* ‘учиться’, *síku* — *sikón-u* ‘поднимать’, *évçal* — *vçal-u* ‘извлекать’. Единственным обнаруженным исключением

¹³⁵ Ударение формально сдвигается на слог дальше от конца.

¹³⁶ Ударение формально остается на предпоследнем слоге.

в этом смысле является неправильный глагол ‘слышать’ с корнем [a]kúy-, имеющий дефектную парадигму во многих румейских субдиалектах (см. табл. 10.39, с. 293). В форме императ. 2 л. ед. ч. этого глагола ударение падает на второй гласный корня: akú-s ‘услышь, послушай’. В ЯлСД первый безударный гласный корня в форме императ. отпал: kuj-s’ (Ч).

Наличие ударения на первом гласном корня остальных иррегулярных глаголов, наоборот, зачастую обуславливает сохранение начального гласного, отпавшего в финитных формах прош. вр. В этом смысле формы императ. иногда помогают уточнить морфологическую структуру форм прош. вр., а именно — определить, что это: аугмент или сохранившийся под ударением корневого гласный. В качестве примеров такого рода уже были рассмотрены глаголы ‘доить’ (табл. 10.23, с. 269) и ‘находить’ (табл. 10.21, с. 267). Наличие гласного в формах императ. ítmik-si ‘подои’, ívti ‘найди’ указывает на то, что начальный -i- в формах прош. вр. не следует трактовать как аугмент, иначе грамматическое значение аугмента как префикса **прош. вр.** размывается. Среди других примеров можно назвать неправильный глагол ‘оставлять’, который сохранил первый гласный корня в финитных формах лишь в половине субдиалектов. При этом, по-видимому, первый гласный корня в форме императ. 2 л. ед. ч. сохранился во всех субдиалектах;¹³⁷ ср. формы наст. вр. и императ. 2 л. ед. ч. этого глагола в румейских субдиалектах: fín-u (МСД, НкСД, АСД, ССД)/[a]fín-u (ССД (Cr))/afín-u (БСД)/ifín-∅ (ЯлСД) — af-s (МСД)/áf-si (БгСД)/jáf’i-s (ЯлСД).

Любопытными случаями такого рода являются также глаголы bén-u ‘подниматься’, vúén-u ‘выходить’, vúál-u ‘извлекать’, rég-u ‘брать’ (см. табл. 10.53).

Из табл. 10.53 видно, что в некоторых субдиалектах (прежде всего, в МСД, НкСД, БгСД) зафиксировано наличие начального -é- /(-i-) в формах императ. ряда неправильных глаголов. Выше уже отмечалось, что появление подобного элемента в императ. препятствует трактовке начального -é- в формах аор. таких глаголов как аугмента, потому что иначе грамматическое значение последнего размывается. Однако во всех предыдущих случаях все румейские субдиалекты демонстрировали сходную тенденцию. Поэтому оказывалась возможной единая морфологическая трактовка формы аор. для всех субдиалектов. Здесь же часть субдиалектов явным образом демонстрирует одну тенденцию, часть — другую, и единая трактовка неприемлема. Недостаточное количество данных не позволяет однозначно решить, какую трактовку следует выбрать в каждой конкретной ситуации. Однако некоторые соображения системного порядка все же позволяют сделать определенные заключения.

Очевидно, что начальный элемент jé- в формах прош. вр. глаголов в ЯлСД всегда следует трактовать как аугмент. В формах императ. элемент jé- здесь нигде не зафиксирован. И, наоборот, у глаголов ‘подниматься’ и ‘извлекать’ jé- имеется еще и в формах имперф., что также подтверждает статус этого элемента в формах аор. как аугмента.

С другой стороны, также очевидно, что в МСД начальный é- в формах аор. этих четырех глаголов не следует трактовать как аугмент; в противном случае нарушается общая системность описания. Здесь наблюдается обратная ситуация, по сравнению с ЯлСД: начальный é- имеется в формах императ. всех этих глаголов, но отсутствует в формах имперф.

¹³⁷ Имеются данные не по всем субдиалектам.

Таблица 10.53. Наличие/отсутствие начального ё- (/i-) в формах императ.

	имперф.		перф.		императ. 2 л.	
	наст. вр.	прош. вр.	прош. вр.	наст. вр.	ед. ч.	мн. ч.
подниматься						
ЯлСД	b'en-∅	jé-b'-in-a	jé-b-a		b'i	
ССД	bén-u		é-b-a			
АСД	b'én-u	b'én-išk-a	é-b-a			
БСД	imbén-u					
НкСД	imbén-u	bén-išk-a	éb-a			
МСД	bén-u	bén-išk-a	éb-a		éba	iba-∅-ét
выходить						
ЯлСД	v'jen-∅			-vɣ-u (-vji-∅)	суппл.?	суппл.?
БСД	ɣ'en-∅	ɣ'én'-išk-a	суппл. (?)			
АСД	[v]ɣ'én-u	[v]ɣ'én'-išk-a/ vɣ'éj-šk-a/ v'én'-išk-a	суппл. (?)			
ССД	vjén-u	vjén-išk-a	é-vɣ-a	-vɣáks-u (?)	суппл.?	суппл.?
МСД	vɣén-u	vɣén-išk-a/ vɣáj-n-a	évɣ-a		évɣ-a	
НкСД	vɣén-u	vɣén-išk-a	évɣ-a			
извлекать						
ЯлСД	vɣan-∅/vɣaz-∅ (Ч)	jé-vɣan-a	jé-vɣal-a	-vɣal-∅ (Ч)	vɣal' (Ч)	vɣal'-t (Ч)
ССД	vɣál-u/vɣalén-u	é-vɣaln-a (Cr)	é-vɣal-a (Cr)	-vɣalí-s-u		
БСД	ɣan-∅	ɣán-išk-a				
АСД	ɣal-∅	ɣál-išk-a	é-ɣal-a			
МСД	vɣál-u	vɣál-išk-a	évɣal-a		évɣal'	ivɣal-ét
НкСД	ksivál-u	ksivál-išk-a	kséval-a			
братъ						
ЯлСД	p'érun-∅	p'írin-a/p'íran-a (Ч)	p'ír-a	-par	par'/?p'ir'	par'-t (Ч)
БСД	p'érun-∅/p'ér-u	pír-išk-a	p'ír-a	-par-u	par	
ССД	pér-u	pér-išk-a	pír-a	-par-u		
МСД	pér-u	pér-išk-a/pír-išk-a	pír-a		épar'/?épir'	ipar-ét
НкСД	pér-u	pér-išk-a	pír-a		épar (НкСД, БрСД)	

К МСД в этом смысле примыкают НкСД и БгСД — для этих субдиалектов зафиксирована форма императ. с начальным *é-* глагола ‘брать’, на синхронном уровне не имеющего данного элемента даже в формах аор. Глагол ‘извлекать’ в НкСД имеет структуру, отличную от его структуры во всех остальных субдиалектах: он является приставочным глаголом и для него действуют несколько иные правила морфемного членения. Что касается глагола ‘подниматься’, то хотя его формы имперф. и не зафиксированы в НкСД, трактовка начального *é-* как части корня подтверждается еще и структурой формы наст. вр. с начальным элементом *im-*. В глаголе ‘выходить’ также следует интерпретировать начальный *é-* как часть корня, исходя из общих соображений — из сопоставления с другими подобными глаголами этого субдиалекта и с аналогичными формами в МСД.

К ЯлСД, наоборот, примыкает ситуация в БСД. Для глагола ‘брать’ в БСД была зафиксирована форма без начального *[j]é-*. Впрочем, для всех остальных глаголов такого рода перф. формы и формы имперф. зафиксированы не были. Однако для глагола ‘подниматься’ можно интерпретировать начальный *[j]é-* в форме аор. как часть корня, поскольку форма наст. вр. этого глагола, как и в НкСД, содержит начальный элемент *im-*.

Наиболее сложной для интерпретации, при недостаточном количестве данных, кажется ситуация в ССД. Здесь при определении морфологической структуры форм аор. можно руководствоваться лишь общими соображениями. Интерпретацию затрудняет также тот факт, что ССД является переходным между субдиалектами типа ЯСД и МСД. Тем не менее, представляется, что по данной изоглоссе ССД должен примыкать к субдиалектам типа ЯСД — главным образом, по причине наличия в ССД перф. форм непрош. вр. В этих формах начальное *é-* не зафиксировано ни разу ни в одном субдиалекте, в т.ч. и в ССД. Кроме того, можно отметить закономерность: начальное *é-* в формах императ. отсутствует, прежде всего, в тех субдиалектах, где имеются перф. формы непрош. вр. Также начальное *é-* зафиксировано М.В.Сергиевским в глаголе ‘извлекать’ (ССД), что подтверждает статус этого элемента в обеих формах прош. вр. как аугмента. Поэтому, пока не доказано обратное, кажется более правильным считать для ССД начальное *é-* в формах аор. глаголов ‘подниматься’, ‘извлекать’ и ‘выходить’ аугментом.

Формы из АСД не дают надежных оснований для того или иного решения. В силу большей близости АСД к субдиалектам типа ЯСД (см. с. 345) можно условно считать начальный *é-* в глаголах ‘подниматься’ и ‘извлекать’ в АСД аугментом. Вместе с тем, в АСД отсутствуют перф. формы непрош. вр., кроме того, в нем имеется чуждый румейским субдиалектам понтийский компонент, поэтому для однозначных выводов о структуре форм аор. этих глаголов необходимо зафиксировать их формы императ.

б) В императ. 2 л. ед.ч. **пасс.** глаголов, основа которых практически всегда совпадает с перф. пасс. основой и оканчивается на суффикс *-t/-θ-*, ударение подчиняется действию **общих правил**, описанных для финитных форм: *fukrí-θ* ‘послушай’, *šimí-θ* ‘спи’, *kalmerí-θ* ‘поздоровайся’, *lus-t* ‘помойся’.

Исключениями здесь являются иные по структуре формы императ. неправильных глаголов *káθ-um* — **kat-s** ‘сиди’ и *érk-um* — **éla** ‘приди’.

с) В императ. **мн. ч.** наблюдаются акцентные вариации по субдиалектам. Наиболее унифицированной предстает акцентуация этих форм в МСД и НкСД (и

БгСД). Здесь как у акт., так и у пасс. глаголов формы имперф. образуются с помощью окончания *-ét* (МСД)/-*ftin*(') (НкСД, БгСД), на которое **всегда падает ударение**, например: (акт. глаголы) *krima-s-ét/krima-s-ftin* (НкСД) 'вешать', *ɣrap-s-ét/ɣrap-s-ftin* (НкСД) 'писать', *kam-ét/kam-ftin* (НкСД) 'делать', *jaɣalaj-s-ét/jaɣalaj-s-ftin* (НкСД) 'удаляться, отходить', *kadiva-θ-ét/kadva-θ-ét* 'спускаться', *gziva-θ-ét* 'выходить', *iba-θ-ét* 'подниматься', *af-s-ét* 'оставлять', *dram-ét* 'бежать', *pimn-ét* 'оставаться', *pin-ét* 'пить'; (пасс. глаголы) *nif-t-ét/nif-t-ftin* (НкСД) 'мыться', *angalix-t-ét* 'обниматься', *ɕimi-θ-ét* 'спать', *kat-s-ét* 'сидеть'.

Исключение представляет собой форма 2 л. мн.ч. глагола 'выходить' *ilá-t* (МСД)/*lá-tin*' (НкСД, БгСД), имеющая иной алломорф окончания имперф. *-t/-tin*('). Впрочем, в плане акцента эти формы не выделяются на фоне прочих.

В остальных субдиалектах распределение окончаний и акцентных характеристик словоформ более сложное и зависит, по-видимому, от структуры основы.

Для ЯлСД, БСД и АСД на основе имеющихся (весьма неполных) данных можно вывести приблизительно следующую закономерность:

- в случае, если словоизменительная основа императ. оканчивается на **сонант** или **суффикс** *-θ/-t-*, то ударение приходится на **окончание** *-ét* (ЯлСД, БСД)/-*ft* (АСД): *val-ét* (ЯлСД) 'ставить, класть', *sir-ét* (ЯлСД) 'отправляться', *spir-ét* (БСД) 'сеять', *faj-ét* (ЯлСД) 'есть', *supaθ-ft* (АСД) 'молчать';
- если словоизменительная основа императ. оканчивается на **шумный**, и прежде всего, **суффикс** *-s-*, то ударение приходится на **последний гласный основы** перед окончанием *-t*(') (ЯлСД)/-*t[in]*' (БСД)/-*it* (АСД): *travék-s'-t'* (ЯлСД) 'тянуть; курить', *jir-s'-t'* (ЯлСД) 'поворачивать(ся); возвращаться', *kadvá-s-t* (БСД) 'опускать; снимать', *avurí-s-t* (БСД) 'веять зерно', *aluní-s-t* (БСД) 'молотить зерно', *ɣráp-s-it* (АСД) 'писать', *kóp-s-it* (АСД) 'рубить', *jiff-k-t* 'оставить' (ЯлСД), *hijép-s-tin* (БСД) 'ценить, жалеть'.

Единственным не подпадающим под действие данного распределения оказался глагол 'приносить': для него в ЯлСД удалось зафиксировать форму *fer't* (Т. Н. Чернышева приводит также форму *fir-ét*). В МСД и БСД также была зафиксирована форма *fir-ét*, но в НкСД данная форма имела наосновное ударение: *fér-itin*.

ССД, по-видимому, должен демонстрировать такое же распределение, как и ЯлСД, БСД, АСД, ср. формы с **наосновным ударением**: *pirná-s-it* 'проходить; проникать', *urí-s-it* 'приказывать',¹³⁸ *ɣráft-it* (Сг) 'пишите', *ɣráps-it* (Сг) 'напишите'. Однако в экспедиционных материалах, как и в [СЕРГИЕВСКИЙ 1934] не встретилось ни одной формы императ. 2 л. мн.ч. глаголов с основой на сонант и с конечным ударением. М. В. Сергиевский, правда, приводит форму императ. 2 л. мн.ч. глагола 'приносить': *fér-at*, однако, как уже отмечалось, данный глагол не является показательным.

¹³⁸ В императ. 2 л. мн.ч. имеет значение 'пожалуйста'.

10.8 Выводы

10.8.1 Особенности функционирования различных видовременных глагольных форм

Как уже говорилось, в румейском языке как типичном языке флективного строя наблюдается довольно высокая степень независимости друг от друга видовременных форм, образуемых от разных словоизменительных основ. Оказывается, например, что четкое разделение на гласн. и согласн. типы актуально не для всех частных субпарадигм акт. глаголов, а только для имперф. форм. Перф. основы румейских глаголов по своей структуре значительно более однородны, в особенности перф. основы пасс. глаголов. Практически все эти основы, если не считать двух-трех исключений, оформлены с помощью суффиксов *-t/-θ-(-/-γ-)*, при этом выбор того или иного суффикса не коррелирует напрямую с морфологическим типом глагола. Для перф. основ акт. глаголов как гласн., так и согласн. типа важнейшим морфологическим средством оформления является суффикс *-s-*. Кроме того, в перф. основах как акт., так и пасс. глаголов нивелируется такой важный признак, как акцентологическое противопоставление гласн. и согласн. типов. Например, форма аор. *rót-s-a* (от *rut-ú (rutá-∅)* ‘спрашивать’) по структуре и особенностям акцентуации ничем не отличается от формы *skót-s-a* (от *skutón-u* ‘убивать’). Форма *prátik-s-a* в МСД является формой аор. как для глагола гласн. типа *prat-ú (pratá-∅)* ‘ходить’, так и для производного от него глагола согласн. типа *pratíz-u* ‘водить’. Форме *réga-s-a* в наст. вр. соответствуют как форма *pirn-ú (pirná-∅)*, так и форма *piráz-u* ‘проникать, проходить’.¹³⁹

Для перф. основ актуально разделение на регулярные и иррегулярные типы и подтипы, однако это деление осуществляется по другим принципам, нежели для имперф. форм. Так, например, одним из важных параметров классификации является тип морфонологического чередования в финали словообразующей основы при присоединении суффикса *-s-*. При этом глаголы, попадающие в разные классы с точки зрения данного параметра, могут оказаться в одном и том же классе с точки зрения структуры имперф. основ, и наоборот. Так, глаголы *pratíz-u* ‘водить’ и *nuníz-u* ‘думать’ оказываются в одном и том же классе с точки зрения структуры формы наст. вр. (согласн. тип, финаль основы *-íz-*), но в разных подклассах с точки зрения структуры форм аор.: *prátik-s-a* vs. *nún-s-a*. При этом, как отмечалось, *prátik-s-a* является также формой аор. глагола гласн. типа *prat-ú*, а форма *nún-s-a*, в свою очередь, по структуре омонимична форме другого глагола на гласный *-a- aṣar-s-a* (от *aṣar-ú* ‘любить’).

Большая степень морфологического единства перф. основ при высокой частоте их употребления (особенно форм аор.) во многом обуславливает сближение и других видовременных субпарадигм и возникновение вариативности словоизменительного типа как для отдельных лексем, так и для целых глагольных подклассов. Вариативность такого рода широко представлена в румейских субдиалектах. Однако такой «перекрестный» характер деления на морфологические классы для разных видовременных форм глагола одновременно обуславливает высокую степень независимости частных видовременных субпарадигм одних и тех же лексем друг от друга в психолингвистическом смысле. Подтверждением

¹³⁹ Различий в значении этих двух глаголов обнаружить не удалось.

этому может служить, например, тот факт, что чаще всего в другой словоизменительный класс переходит лишь какая-то часть частных субпарадигм глагола, т. е. смешанные морфологические типы превалируют над полной сменой словоизменительной парадигмы.

Преобладающим направлением перехода является переход из гласн. типа в согл. Во-первых, это обусловлено значительно меньшим удельным весом глаголов на гласный в словарном фонде румейского языка. Во-вторых, все морфологические средства, которые используются в формообразовании глаголов на гласный (т. е. суффиксы -n-, -s-, -θ-/-t-/-γ-), используются и в формообразовании глаголов на согласный, но не наоборот.¹⁴⁰ В этом смысле количественно преобладающие глаголы на согласный «универсальнее», богаче по своим морфологическим возможностям и поэтому лучше приспособлены для того, чтобы служить базой для морфологической унификации системы.

Что касается соотношения многосложных и односложных глаголов, то и здесь зачастую аналогичная структура перф. основы (и особенно формы аор.) также формирует своего рода цементирующую базу, способствующую аналогическим процессам и в других видовременных формах. Словоизменительные основы односложных глаголов могут быть действительно односложными в основном только в формах наст. вр. Во всех прочих видовременных формах за счет добавления видовременных грамматических показателей они становятся фактически многосложными. При этом перф. суффиксы -s- (у акт. глаголов) и -t-/-θ- (у пасс. глаголов) представлены в большинстве основ не только регулярных, но и иррегулярных глаголов. И, наоборот, в субдиалектах, имеющих редукцию безударных гласных в основе, некоторые глаголы, принадлежащие с морфологической точки зрения к регулярному многосложному типу, являются фактически односложными. Например, *zlíz-u* (МСД, ССД) 'сжимать' (см. с. 331, правило 3), *mlón-u* (ССД) 'прятать'. Иногда это обуславливает частичный переход таких глаголов в односложный класс, например *mlón-u* (ССД) → *mlón-išk-a* (имперф.).¹⁴¹

Наиболее часто колебания в структуре видовременных форм отдельных глаголов (в основном, морфонологического характера) отмечаются в формах наст. вр., реже — в формах аор., еще реже — в формах имперф. Для форм имперф. характерны не морфонологические колебания структуры, а колебания словоизменительного типа. Точно так же, если формы аор. обнаруживают вариативность по субдиалектам в формах отдельных глаголов, то для форм имперф. характерно междиалектное варьирование регулярных моделей формообразования, используемых в тех или иных глагольных подклассах.

Перф. основы обладают наибольшей степенью материального сходства по разным субдиалектам румейского языка. Эти основы объединяют румейские субдиалекты в единый диалект, противопоставляя его другим диалектам НГР. Ярким примером служит наличие во всех румейских субдиалектах архаической супплетивной перф. основы -*drám-* глагола 'бежать'. Не случайно в неоэллинистике, как отмечалось, принято выделять только две главные глагольные основы — наст. вр. и аор. — и считать, что образование форм имперф. осуществляется от основы наст. вр. Использование словоизменительной основы наст. вр. в формах имперф.

¹⁴⁰ Наиболее специфичным именно для гласн. типа является суффикс имперф. -n-, однако и он иногда используется в формообразовании неправильных глаголов согл. типа.

¹⁴¹ При этом характерно, что форма аор. сохраняется в неизменном виде: *múlu-s-a*.

в чистом виде встречается в НГР не так уж и часто. Это касается не только румейского языка, но и НГР. Помимо особых формоизменяющих суффиксов и префиксов, характеризующих основу имперф. иррегулярных глаголов и глаголов на гласный, форму имперф. отличает от форм наст. вр. еще и акцентная характеристика. Различное место ударения в формах прош. и непрош. вр. в румейском часто влечет за собой морфонологические чередования в соответствующих основах. Поэтому едва ли возможно считать, что в формах наст. вр. и имперф. представлена одна и та же словоизменяющая основа.

Однако такой подход довольно хорошо высвечивает основное различие в функционировании форм имперф. и аор. Образование основы имперф. даже для иррегулярных глаголов хорошо поддается описанию с помощью системы регулярных правил. Обычно словоизменяющая основа имперф. производится по правилам от словоизменяющей основы наст. вр., но в редких случаях она может быть производной и от основы аор. Показательным примером недавнего возникновения такого рода основ в процессе языкового развития являются формы имперф. глаголов *đók-išk-a* 'давать' и *dók-išk-a* 'бить' (МСД; см. табл. 10.37 и 10.38, с. 291 и 292, соответственно).

Морфонологические особенности перф. основ (как акт., так и пасс. глаголов) во многом обусловлены предшествующим историческим развитием языка и потому не поддаются объяснению на уровне синхронии. Неправильные глаголы (как односложные, так и многосложные, как гласн., так и согласн. типа) обычно «неправильны» именно в плане образования перф. основ. Эти основы носят идиоматический, лексикализованный характер, и часто их невозможно образовать по какой-либо регулярной модели, а необходимо просто знать. С психолингвистической точки зрения, формы имперф., по-видимому, производятся от форм наст. вр. по правилам, а перф. формы (и формы императ.) хранятся в памяти целиком, а не порождаются. Формы аор., к тому же, являются одними из самых частотных глагольных форм. Названными фактами, вероятно, и объясняется морфологическая устойчивость этих форм по субдиалектам, не очень значительное отличие их от димотических форм и даже сохранение некоторых архаических элементов.

Модели образования имперф., наоборот, противопоставляют различные румейские субдиалекты. Они показывают путь, пройденный каждым из субдиалектов, происходящие в них процессы развития и наличие ареальных контактов с соседними субдиалектами. Одни системы обнаруживают в этом смысле свой инновационный характер и активное языковое развитие, другие, наоборот, консерватизм и архаичность — те черты, которые характеризуют данные системы и по многим другим параметрам (фонетике, лексике и проч.).

10.8.2 Основные изоглоссы в глагольной системе румейских субдиалектов

В табл. 10.55 (с. 342) приводятся основные явления (суб)диалектного варьирования в сфере морфологии глагольных словоформ румейского языка. В эту таблицу вошли только самые основные грамматические явления; за ее рамками осталась морфологическая и семантическая вариативность отдельных глаголов. Многие глаголы, демонстрирующие подобную вариативность, были особо рассмотрены выше. В параллель к изоглоссам в сфере глагольной морфологии

приводится табл. 10.54 (с. 341) с основными фонологическими изоглоссами. При описании фонологических изоглосс акцент делается, прежде всего, на глагольную морфологию. После каждой таблицы дается комментарий к представленным в ней изоглоссам, а затем приводятся некоторые соображения о характере генетических и ареальных связей между основными группами румейских субдиалектов.

1. Примеры: *šim-úm* ‘спать’, *angév-u* ‘вспоминать’ (МСД) — *t'im-úmin* (НкСД)/*t'm-úmi* (ССД) — *t'im-úm* (ЯлСД, АСД), *and'ev-u* (АСД, БСД). МСД по этой изоглоссе является наиболее инновационным, ЯлСД, АСД, БСД — наиболее архаическими.
2. ЯлСД: противопоставление непалатализованных и палатализованных согласных развито в наибольшей степени: сформировалось наибольшее количество позиций противопоставлений. В частности, для глаголов в этом смысле важна оппозиция форм 1 л. ед. ч. vs. 3 л. ед. ч. наст. вр. (см. с. 234 и сл.). В АСД и БСД противопоставление в этих формах тоже существует, но при этом в 1 л. ед. ч. может быть факультативное окончание *-u*, т.е. оппозиция не вполне «чистая». В остальных субдиалектах имеются отдельные палатализованные фонемы, но отсутствует регулярная фонологическая корреляция по твердости/мягкости. Развитие такой корреляции является инновационной чертой.
3. Пример (аор.): *gzév-a* (МСД, ССД) — *ksév-a* (НкСД)/*ks'ev-a* (ЯлСД, АСД, БСД) ‘[я] вышел’. Инновационной чертой является озвончение.
4. Пример (аор.): *é-ugar-s-a* ‘[я] написал’ (МСД, НкСД, ССД, АСД, БСД) — *jé-ugar-s-a* (ЯлСД), *jé-r'in-a* (БСД) ‘[я] выпил’. Большинство форм с аугментом для БСД зафиксировано с наличием протетической йотации, но некоторый процент форм без йотации, тем не менее, отмечается (см. табл. 10.48, с. 311). Развитие йотации является инновационной чертой.
5. Примеры: *angalíz-u* ‘обнимать’ — *açalíz-∅* (ЯлСД), *mandrév-u* ‘запирать’ — *madalón-∅* (ЯлСД), *k-umbí* ‘пуговица’ — *kubí* (ЯлСД). Деназализация в ЯлСД является более инновационной чертой.
6. Выделяется три типа явлений: 1) сочетание *vʉ* перед гласными переднего и заднего ряда: *vʉén-u* ‘выхожу’, *é-vʉ-a* ‘вышел’ (МСД, НкСД); 2) сочетание *vʉ* перед гласными заднего ряда, сочетание *vj* перед гласными переднего ряда: *θa vʉ-ú* ‘выйду’, *θa-vj-∅* ‘выйдет’ (ЯлСД); *vjén-u* ‘выхожу’, *é-vʉ-a* ‘вышел’ (ССД); 3) упрощение группы *vʉ* до *ʉ*. Зафиксировано для АСД и БСД. Большинство форм такого рода имеют начальное *ʉ*, но отмечаются и иные формы: *[v]ʉén-u* (АСД)/*[v]ʉén-(u)* (БСД) ‘выхожу’, *[v]ʉén-išk-a/vʉéj-šk-a/v'én-išk-a* (АСД)/*ʉén-išk-a* (БСД) ‘выходил’. Распределение 2) соответствует распределению в НГР.
7. Примеры: *fsalíʉ-u* ‘закрывать’ (МСД, ССД) — *sval-ú/sval-ú* (ЯлСД)/*-sv'ík-s-∅* ‘сжать’ (перф. наст. вр., БСД) — *sal-ú* (НкСД)/*salíʉ-u* (АСД). Другие глаголы такого рода (МСД): *fséʉn-u* ‘сжимать’, *fsung-ú* ‘вытирать, стирать’.

Таблица 10.54. Основные изоглоссы в сфере фонологии румейских субдиалектов, существенные для глагольной морфологии.

изоглосса	МСД	НкСД (БгСД)	ССД	АСД	БСД	ЯлСД
Консонантизм						
1. Эволюция *k' и *g' перед гласными переднего ряда	č, g	t', d' ⁽¹⁾	t', d' ⁽¹⁾	t', d'	t', d'	t', d'
2. Наличие палатализованных согласных фонем	–	–	–	(+)	(+)	+
3. Озвончение группы глухих согласных в анлауте	+	–	+	–	–	–
4. Протетический j в анлауте перед гласным	–	–	–	–	+/(–)	+
5. Деназализация групп согласных *mb, *ng, *nd > b, ɣ, d	–	–	–	–	–	+
6. Эволюция группы согласных *vɣ/vj	vɣ	vɣ	vɣ[a]/vj[e]	ɣ/(vɣ)	ɣ/(vɣ)	vɣ[a]/vj[e]
7. Эволюция группы согласных *sf	fs/vs	s	fs/vs	s	sv	sf/sv
8. Эволюция группы согласных *sv	vz	vz	vz	z	z	zv
Вокализм						
9. Редукция безударных *i, *u (не в ауслауте)	∅, ∅	∅, u	∅, ∅	i, u	i, u	i, u
10. Эволюция сочетаний гласных на стыке корня и суффикса в тюркских заимствованиях	*aé > é *aí > í	*aí > í (НкСД); *aí > āí (БгСД)	*aé > ā'e, *aí > ā'í	*aí > í	*aí > ā'í	*aé > a[j]é, *aí > a[j]í
11. Развитие паразитических гласных в финальных группах согласных («внутренняя флексия»)	–	–	–	–	1) -éšk; 2) -un/-in; 3) -ur/-ir'	1) -išuk/-išik/-išit'; 2) -éšuk/-éšik/-éšit'; 3) -[ar]un/-[ar]in'; 4) -ur/-ir'
12. Переход e > o, i > u перед лабиализованными гласными	–	–	–	–	+	+

Примечание⁽¹⁾ Палатальные.

Таблица 10.55. Основные изоглоссы в сфере глагольной

изоглосса	МСД	НкСД	ССД
13. Устройство видовременной системы	асимметр.	асимметр.	симметр.
14. Окончание 1 л. ед. ч., пар. Ib	-и	-и	-и
15. Окончание 3 л. мн. ч., пар. Ib	-ni	-ип	-ni
16. Нарращение -in(ʼ) в ряде окончаний	3 л. ед. ч. (II)	3 л. ед. ч. (II), 2 л. мн. ч. (Ia,b; императ.), 1 л. ед. ч. (IIIa, b)	3 л. ед. ч. (II)
17. Устройство парадигмы III	Стратегия 1* (унифиц. с откл.)	Стратегия 1 (унифиц.)	Стратегия 1** (унифиц. с откл.)
18. Устройство парадигмы IV	Стратегия 2 (гласн. ↔ согласн. тип)	Стратегия 3 (агглют.)	Стратегия 2 (гл. ↔ согласн.)
19. Перф. пасс. суффиксы глаголов гласн. типа	1)-θ- (осн. суфф.); 2)-χ- (иногда + обычно вар. с -θ-)	1)-γ- (осн. суфф.); 2)-θ- (очень редко + вар. с -γ-)	1)-θ- (осн. суфф.); 2)-s- (skó-s-a); 3)?-t- (xarami-t-a)
20. Переход глаголов на -i- в тип на -iγ-: 1) в наст. вр.; 2) в имперф.	1) параллельные формы для большинства глаголов 2) почти не встречается	1) почти не встречается 2) —	1) массовый; 2) изредка
21. Прочие смешанные гласно-согласн. типы	ukš-ú (тип -á-) — ukšén-isk-a — ukšá-s-a	—	—
22. Морфологическое оформление заимствованных глаголов	Распред. 1: 1) ++-év-/-jv- -jz-/-j- 2) -év-/-iv-/-ip-	Распред. 3: 1) ++-iz-/-jz-/-j- 2) -év-/-iv-/-ip-	Распред. 2: 1) +-év-/-jv-/-j- 2) +-iz-/-jz-/-j- 3) -év-/-iv-/-ip-
23. Осн. модели образования имперф. ирегулярных глаголов	Распред. 1: 1) + финаль сонант → -isk-; 2) финаль смычный/спирант → je-	Распред. 2: имперф. на -isk- (отклонения БгСД)	Распред. 1*: 1) финаль сонант → -isk-; 2) +финаль смычный/спирант → je-
24. Ударение в императ. 2 л. мн. ч.	Распред. 1: всегда на суфф. -ét	Распред. 1: всегда на суфф. -itin(ʼ)	(? Распред. 2)

8. Примеры: vzíγ-u (МСД, НкСД) ‘гасить’, vzéγn-u (ССД) ‘запрягать’ — zvin-θ (ЯлСД) ‘гасить’ — zéγn-u (АСД) ‘запрягать’, jé-zʼik-s-θ (БСД) ‘[он] запряг’.
9. Пример: pl-u (МСД, ССД)/pul-ú (ЯлСД, НкСД)/pulix-θ (АСД, БСД) ‘продаю’ — rúl-n-a (МСД, НкСД, ССД)/rúli-n-a (ЯлСД)/rúli-γ-a (АСД, БСД) ‘[я] продавал’. При этом безударные *o, *e во всех субдиалектах единообразно изменились в u, i. Пример: rór-s-a (*passim*) ‘[я] мог’ — pur-ú (*passim*) ‘могу’.
10. См. с. 278 и далее.
11. См. с. 288 и сл.
12. Примеры: skón-u (МСД)/sikón-u (АСД) ‘поднимаю’ — sʼukón-θ (/sʼikón-θ) (ЯлСД) ‘поднимаю’/sʼukón-s (/sʼikóni-s) (БСД) ‘поднимаешь’; léγ-ni (МСД) ‘говорят’ — lʼóγ-ип (ЯлСД), léγ-u (МСД) ‘говорю’ — lʼúx-θ (ЯлСД). В ЯлСД отмечено также любопытное явление: продвижение вперед гласного заднего ряда под влиянием предшествующего слога, имеющего палатализованную финаль основы. Так, для глагола ‘приходить’ зафиксирована форма имперф. 3 л. ед. ч. jírʼ-tün (также jírʼ-tin), ср. имперф. 3 л. ед. ч. глагола ‘стоять’ sték-tun (см. табл. 10.14, с. 242). Т. Н. Чернышева отмечает окончание -тюн, однако, по экспедиционным данным, согласный в этом окончании не смягчается. Фонологический статус лабиализованной гласной переднего

морфологии румейских субдиалектов.

АСД	БСД	ЯлСД
асимметр.	симметр.	симметр.
-ц/-∅	-ц/-∅	-∅
-pi/-up	-pi/-up	-up
3 л. ед. ч. (II) (иногда)	3 л. ед. ч. (II) (иногда); императ. 2 л. мн. ч. (иногда)	–
Стратегия 1 → Стратегия 2	Стратегия 2 (гласн. ↔ согласн. тип)	Стратегия 1 (унифиц.)
Стратегия 3 (агглют.)	Стратегия 3 (агглют.)	(Стратегия 2) (гласн. ↔ согласн. тип)
-∅- (осн. суфф.)	1)-∅- (осн. суфф.); 2)-γ- (редко)	1)-∅- (осн. суфф.); 2)-s- (s'úk-s-a)
1) массовый ; 2) массовый	1) массовый ; 2) массовый	1) – (но иногда переход в тип на -agup); 2) –
–	dran-ú – drán-p'ísk-a – drán-s-a	–
Распред. 3: 1) ++-iz-/-jz-/-j- 2) -év-/-iv-/-ip-	Распред. 3: 1) ++-iz-/-jz-/-j- 2) -év-/-iv-/-ip-	Распред. 4: 1) +-iz-/-jz-/-j- 2) +-év-/-iv-/-ip- 3) на гласный -á-
Распред. 1**: 1) + финаль сонант → -ísk-; 2) финаль смычный/спирант → je- [распр. варьирование, особ. в типе на -γ-	Распред. 1**: 1) + финаль сонант → -ísk-; 2) финаль смычный/спирант → je- [распр. варьирование, особ. в типе на -γ-	Распред. 3: 1) + имперф. на -je; 2) финаль -ép- (редко -n-) → -ísk- 3) чистая сл.-обр. основа (суфф. -éšuk-, -up-, -ép-
Распред. 2: 1) финаль сонант → на суфф. -ét/-it 2) финаль суфф. -s- → перед суфф. ' -t-	Распред. 2: 1) финаль сонант → на суфф. -ét/-it 2) финаль суфф. -s- → перед суфф. ' -t-	Распред. 2: 1) финаль сонант → на суфф. -ét/-it 2) финаль суфф. -s- → перед суфф. ' -t-

ряда [ü] при этом вызывает значительные сомнения, поэтому, по-видимому, ее следует считать аллофоном гласной /u/.

13. Асимметричное устройство видовременной парадигмы — более инновационная черта, чем симметричная система (см. также с. 226 и сл.).
14. Нулевое окончание связано с общефонологическими процессами редукции гласных на конце слова в соответствующих субдиалектах и является более инновационной чертой, чем окончание -u-.
15. Окончание -pi является более инновационной чертой, чем окончание -up.
16. С точки зрения данной изоглоссы наиболее инновативным является НкСД, развивший наращение -in(ʔ) в наибольшем количестве личных окончаний. Примеры из НкСД: é-γar-s-in 'он написал' (II), γráft-it-in 'пишете' (Ib), aγará-t-in 'любите' (2 л. ед. ч. (Ia)), kam-it-in 'делайте' (императ. 2 л. мн. ч.), ék-um-in 'прихожу' (IIIb), t'im-úmin 'сплю' (IIIa).
- 17–18. См. с. 236 и далее. Наиболее инновативной является стратегия 3 (агглютинативная).
19. См. табл. 10.15, с. 254. Широкое распространение суффикса -γ- является инновацией.

20. См. с. 258 и далее. Переход из гласн. типа в тип на -iу- является инновацией.
21. См. с. 263 и далее. Возникновение подобных типов является инновацией.
22. См. с. 285 и далее.
23. См. табл. 10.45–10.50 (с. 302–318) и пояснения к ним. Наличие суффикса -išk- является более инновационной чертой.
24. См. с. 335, правило 6с. Унифицированное место ударения на окончании является наиболее инновативной чертой.

Из табл. 10.54 и 10.55 ясно видно, что на крайних точках диалектного континуума румейских субдиалектов находятся ЯлСД и МСД. Значения фонетических изоглосс для этих субдиалектов не совпадают ни в одном случае. Что касается глагольной морфологии, то значения для этих субдиалектов совпадают только по изоглоссам 17 и 18, и то условно, из-за крайней степени раздробленности и вариативности парадигм пасс. окончаний в ЯлСД. (см. табл. 10.10, 10.12, 10.14; с. 238–239, 240, 242, соответственно).

МСД имеет в целом более **инновативный** облик — как в фонологическом, так и в грамматическом плане. Так, МСД проявляет свою инновационность по изоглоссам 1, 3, 7, 8, 9, 10, 13, 15, 16, 21, 22, 24, отчасти — 6, 19, 20, 23. Стоит отметить, что инновационное развитие по большинству данных изоглосс характерно в разной степени и для других румейских субдиалектов, т. е. МСД по совокупности признаков является наиболее крайней точкой выражения развития, характерного для румейского языка в целом и противопоставившего этот субдиалект другим диалектам НГР.

ЯлСД имеет более инновационный облик по изоглоссам 2, 4, 5, 11, 12, 14. Интересно отметить, что развитие регулярной корреляции согласных по твердости/мягкости, редукция конечных гласных, развитие протетической йотации перед гласными в начале слова совпадает с процессами, происходившими в свое время в русском языке. Для румейских субдиалектов подобный путь развития скорее **нехарактерен**. Важно отметить, что ЯлСД единственный из румейских субдиалектов обнаруживает такой фонологический процесс, как **деназализация сочетаний** *mb, *ng, *nd > b, ŋ, d (изоглосса 5). Развитие такого рода подтверждает утверждение М. В. Сергиевского об изначально иной диалектной природе ЯСД еще в доприазовский и даже докрымский период существования рассматриваемых субдиалектов.

В наибольшей степени к ЯлСД в плане пути развития, а также, возможно, в плане доприазовской диалектной основы приближается БСД, обнаруживающий сходное инновационное развитие по изоглоссам 2, 4, 9, 11, 12, 14. Однако важнейшие процессы развития ЯлСД, такие, как развитие и закрепление корреляции по твердости/мягкости, развитие протетической йотации, редукция окончания 1 л. ед. ч. (Ib), не дошли в БСД до **финальной точки**. И наоборот, БСД характеризуется некоторыми общими для румейских субдиалектов тенденциями развития, в частности проникновением окончания 3 л. мн. ч. (Ib) -ni, а также наращением -in(ʹ) в некоторых окончаниях, агглютинативной стратегией оформления пар. IV, большей степенью распространенности имперф. на -išk-, чем в

ЯлСД, унификацией оформления заимствованных глаголов по модели на *-íz-*. По значениям большого количества ряда изоглосс БСД объединяется с АСД. При этом изоглоссы 6, 8, 20, 23 обнаруживают инновационные черты этих двух субдиалектов, не характерные для других румейских субдиалектов. Этот факт наглядно проявляет наличие **компонента типа БСД** в АСД. Однако объединению БСД и АСД в одну группу препятствует, прежде всего, **отсутствие в АСД перф. форм непрощ. вр.** (изоглосса 13), а также морфонологические различия по изоглоссам 4, 11, 12.

Обнаруживая варьирование по ряду фонологических (2, 6) и грамматических (15, 16, 23) изоглосс, оба субдиалекта несколько отклоняются от субдиалектов типа ЯСД в сторону субдиалектов типа МСД. Однако как БСД, так и АСД при этом все же значительно **ближе к ЯлСД**, чем к прочим румейским субдиалектам. Все три субдиалекта имеют одинаковые или сходные значения, одновременно противопоставляющие их прочим румейским субдиалектам, по изоглоссам 1, 2, 9, 14, 16, 24. Можно сказать, что группы субдиалектов типа ЯСД и БСД формируют **первый большой тип румейских субдиалектов** (диалектное объединение уровнем выше, чем группа субдиалектов), который можно условно назвать «**ялтинским**» типом. АСД также в целом примыкает к этому типу. Однако, в силу указанных выше отличий от БСД, которые одновременно являются и отличиями от ЯлСД, АСД следует считать **переходным**.

Наиболее ярким представителем **второго большого типа румейских субдиалектов** является МСД, поэтому сам тип можно условно назвать «**малоянисольским**». В этот тип входят субдиалекты типа МСД и НкСД. Для этих субдиалектов, как уже отмечалось, в целом характерен более **инновативный** фонологический и морфонологический облик. При этом направление развития происходило и происходит в сторону **унификации** языковой системы по различным параметрам.

Субдиалекты типа МСД обнаруживают большую степень инновативности, чем субдиалекты типа НкСД, по фонологическим изоглоссам 1, 3, 9, отчасти 7, 10, морфонологическим изоглоссам 15, 21, отчасти 20. Субдиалекты типа НкСД более инновационны, чем субдиалекты типа МСД, главным образом, в сфере глагольной морфологии. Для них характерна большая степень распространенности наращения *-in(ʹ)* в глагольных окончаниях (изоглосса 16), более инновативное и унифицированное устройство парадигм окончаний, особенно пасс. окончаний (изоглоссы 17, 18), более широкое распространение перф. пасс. суффикса *-y-* (изоглосса 19). Они также характеризуются более унифицированной системой морфологического оформления заимствованных глаголов (изоглосса 22). Но наиболее яркой чертой НкСД в плане инноваций в области глагольной системы является практически полное **замещение** префиксальной модели образования форм имперф. иррегулярных глаголов, исконной для НГР, **суффиксальной моделью на *-išk-***. Как уже отмечалось, по-видимому, именно НкСД послужил источником развития из словообразовательного суффикса *-išk-* словоизменительного суффикса имперф. и распространения суффиксальной модели образования имперф. в прочих румейских субдиалектах.

Субдиалекты типа ССД так же, как и АСД, являются **переходными** между субдиалектами «ялтинского» и «малоянисольского» типа. Если АСД скорее примыкает к «ялтинскому» типу, то ССД — к «малоянисольскому». При этом ССД в большей степени является именно переходным субдиалектом, а не отклонением

от одного типа в сторону другого. Он примыкает к субдиалектам «малоянисольского» типа, одновременно противопоставляясь субдиалектам «ялтинского» типа, по наибольшему количеству значений фонологических изоглосс (1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 11, 12), а также по морфологическим изоглоссам 14, 15, 16, 23. При этом ССД примыкает к субдиалектам «ялтинского» типа, в противопоставление «малоянисольскому типу», по такой важнейшей морфологической изоглоссе, как наличие перф. форм непрош. вр. (изоглосса 13 — здесь наблюдается обратная ситуация, по сравнению с АСД), а также, по-видимому, по значению изоглоссы 24. Кроме того, следует отметить наличие как в ЯлСД, так и в ССД, четвертой модели имперф. [j]e- + -п-, оформляющей глагол 'жить' и отсутствующей в других румейских субдиалектах. Из табл. 10.51 (с. 322) видно, что система иррегулярных глаголов в ССД по степени своей морфологической раздробленности примыкает скорее к «ялтинскому» типу, чем к «малоянисольскому» (более внутренне интегрированному в этом смысле). Также существует ряд лексических и морфологических изоглосс по отдельным глаголам, объединяющих ССД с субдиалектами «ялтинского» типа (см. также изоглоссу 19).

По морфологической изоглоссе 22 (стратегия оформления заимствованных глаголов) ССД наиболее ярко проявляет свое **особое промежуточное положение** между субдиалектами «ялтинского» и «малоянисольского» типа.

По-видимому, сходное фонологическое и морфологическое развитие МСД, НкСД и ССД в приазовский период их существования во многом объясняется территориальной близостью этих субдиалектов, т. е. представляет собой **ареальное явление**. Различия между ССД и МСД и НкСД, главным образом, связаны с тем, что в ССД это развитие происходило наименее интенсивно, и поэтому ССД сохранил несколько более консервативный облик. При этом центром инноваций в области фонологии является МСД, в равной степени удаленный как от НкСД, так и от ССД. Поэтому эти инновации в равной степени затронули оба типа субдиалектов, и в плане фонологии «малоянисольский» тип субдиалектов демонстрирует наибольшую степень внутреннего единства. Основным центром инноваций развития в сфере глагольной морфологии является НкСД, поэтому МСД, который территориально расположен ближе к нему, оказался затронут этими инновациями в значительно большей степени, чем субдиалекты типа ССД.

Субдиалекты типа БСД были затронуты этими морфологическими и фонологическими инновациями в еще меньшей степени, а ЯСД вообще остался практически вне сферы их действия. Таким образом, особый характер «ялтинского» типа в противопоставление «малоянисольскому» основывается не на ареальной близости входящих в него групп субдиалектов.¹⁴² Он основывается, прежде всего, на (а) предполагаемой **генетической близости** ЯСД и БСД, восходящей еще к **доприазовскому** периоду существования ЯСД и БСД, а также на (б) **консервативном** фонологическом и морфологическом облике этих субдиалектов, обусловленном тем, что уже в приазовский период своего существования и те, и другие находились в равной степени **далеко** (первые южнее, вторые севернее) от центров фонологических и морфологических инноваций и оказались затронуты ими лишь в малой степени.

¹⁴² БСД, ЯлСД и АСД находятся на значительном расстоянии друг от друга.

Глава 11

– Средства выражения
ирреальной модальности

Предметом этой главы является выражение значений ирреальной модальности в румейском языке,¹ причем наиболее подробно анализируется материал, собранный в с. Малоянисоль² (Донецкая обл., Мариупольский р-н), пос. Ялта (Донецкая обл., Первомайский р-н), с. Красная Поляна³ (Донецкая обл., Новоселковский р-н), принадлежащих к разным диалектным группам. В некоторых случаях привлекаются данные, полученные в результате работы в с. Сартана и с. Большая Новоселка (представляющих два оставшихся субдиалекта). Таким образом, к исследованию в разной степени оказались привлечены все пять существующих (суб)диалектных групп (субдиалектов).⁴

В силу отсутствия кодифицированной языковой нормы диалект существует исключительно как совокупность идиолектов, поэтому даже в отношении подробно исследованных диалектных групп нельзя с уверенностью говорить о завершении работы над интерпретацией языкового материала. Практически каждый перевод стимула уникален, и степень исследованности субдиалекта напрямую зависит от количества опрошенных носителей. В то же время, для того чтобы делать выводы относительно общих тенденций развития и различий между диалектными группами, достаточно минимальных сведений, полученных от небольшого количества информантов.

Различия между субдиалектами пронизывают все уровни языка, социолингвистическая ситуация в селах также неоднородна.⁵ Что касается сферы ирреалиса, то в диалекте, как и в НГР, для ее выражения существуют два способа: лексический и грамматический — с помощью модальных частиц (далее МЧ). Распределение МЧ различается в каждом изученном субдиалекте, что свидетельствует об их большом функциональном потенциале.

11.1 Лексическая модальность

Табл. 11.1 показывает, что набор лексем с модальным значением в субдиалектах не очень велик. В него входят лишь базовые единицы. Кроме того, в некоторых случаях информант предпочитает грамматический способ выражения

¹ Ирреальная модальность здесь и далее понимается как один из двух семантических центров глагольной модальности, в совокупности своих значений противопоставленный модальности оценки; ср. с [Плунгян 2000: 309].

² **Прим. ред.:** иначе Малый Янисоль.

³ **Прим. ред.:** до 1948 г. — Новая Каракуба; см. Приложение 1.1, с. 404.

⁴ О субдиалектах см. [Соколов 1930; СЕРГИЕВСКИЙ 1934; ЧЕРНЫШЕВА 1958] и «Предисловие» к этому тому, с. 13.

⁵ См. Главу 4 (с. 97).

Таблица 11.1. Способы выражения лексической модальности.

	МСД	ЯСД	НкСД
хочу	irévu	jirév	jirév
не хочу	či θélu	ðe θel	či θélu
могу	purú	purú	purú
(я) должен	1. xraz (неизменяемая) 2. xráškum (изменяемая)	1. xras't (неизменяемая) 2. xraz' (изменяемая)	θel
(не) должен (незачем)		(ðe na [e]x ⁽¹⁾)	
нельзя	č[i] eš' čará ⁽²⁾	ðébur' (однокоренное с purú 'мочь') ⁽³⁾	č[i] eš' čará
наверное	prer' (na)	alálim	prer' (na)
кажется	fénit + личн. мест. ⁽⁴⁾		fénit + личн. мест. (см. прим. 4)
может быть	bél'čim, baró		bél'čim
не может быть	č[i] eš' čará ⁽⁵⁾		

Примечания

- (1) **Прим. ред.:** происходит из па éxu.
(2) **Прим. ред.:** букв. 'нет способа, возможности'.
(3) Пишется в одно слово, поскольку ударение падает не на корневую морфему; **прим. ред.:** ср. с НГР ðev mloerí 'не может'.
(4) **Прим. ред.:** личн. мест. обозначает того, кому кажется. В связи с отсутствием в румейском род. п. и дат. п., ставится в вин. п. (или в косвенном падеже по терминологии, предложенной в Главе 8, с. 198).
(5) Употребление в сложноподчиненном предложении (далее СПП): č[i] eš' čará tos [a]kóma či ða írtin 'не может быть, чтоб он еще не пришел'.

модальности лексическому. Это характерно, прежде всего, для МСД, где долженствование нередко выражается сочетанием па + личная форма глагола (далее V_{fin}):⁶

(11.1) sí pses' na ðáinis su tkan

'Ты вчера **должен был** **сходить** в магазин'

В двух других субдиалектах также отмечено несколько подобных случаев. Такое использование МЧ можно встретить и в НГР.

Следует обратить внимание на некоторые особенности. Во-первых, во всех субдиалектах для глагола со значением 'хотеть' существует две лексемы, причем одна используется только при утверждении (yo jirév' 'я хочу'), а другая —

⁶ Сочетания па + V_{fin} в МСД полисемичны; о разных значениях этой МЧ см. ниже, напр., с. 354.

только при отрицании (yo ðe/çi ðel[/u]⁷ ‘я не хочу’). Оба эти глагола имеются в НГР, но значение ‘хотеть’ имеет только второй, ðélw, тогда как первый, yureúw, означает ‘искать’. В какой-то момент jirév’, скорее всего, приобрел в румейском новую семантику и стал употребляться вместо ðel при утверждении, и, по крайней мере, в МСД он сохранил и значение ‘искать’ (по-видимому, исключительно во фразеологизмах), что отмечают сами информанты: «... jirév’ — это просить (...) хотеть и просить...».

(11.2) mís çi ða laxardévum us pu kan[i]s’-mas çi jirév’ *прощения*

‘Мы не будем разговаривать до тех пор пока кто-то из нас не **попросит** [букв. не будет искать] прощения’

Дальнейшие изменения, связанные с употреблением этих глаголов, произошли уже на этапе существования отдельных субдиалектов. Например, в ЯСД jirév’ взял на себя функцию вспомогательного глагола.

Не менее интересна судьба глагола ðel в НкСД. В отличие от двух других субдиалектов, где ðel как смысловой глагол без отрицательной частицы не употребляется, — в НкСД эта форма сохранилась, приобретя при этом новое значение: ðel несет семантику долженствования и не имеет глагольного формоизменения:

(11.3) ul-ра ðel na maðéun

‘Все **должны** учиться’

(11.4) sí ðel na maðéniš

‘Ты **должен** учиться’

(11.5) sí pses’ ðel na ðájniš su tut’án

‘Ты вчера **должен** был сходить в магазин’

По-видимому, в субдиалекте нет других лексических способов выражения долженствования. Поэтому есть основания говорить о полисемии сочетания çi ðel, которое может иметь значение ‘не хочу’ (в противоположность jirév’ ‘хочу’), и ‘не должен’ (антонимичное ðel ‘должен’).

У глаголов, относящихся к этой семантической группе, в других субдиалектах утрачены некоторые элементы парадигмы. В ЯСД и МСД используются два варианта глагола ‘быть должным’ с корнем xraz: один изменяется по лицам и временам, другой (изначально — форма 3 л. ед. ч.) не изменяется по лицам и имеет одну форму для настоящего и одну форму для прошедшего времени. Выбор между вариантами происходит, скорее всего, уже на уровне идиолекта.

(11.6) **Глагол изменяется по лицам:** yo xraz’ na jiríz aksapísa

‘Мне **нужно** вернуться назад’ (ЯСД)

(11.7) **Неизменяемая форма:** yo xráz’[i]t na čunónu kras’í mis ta butíliks

‘Мне **нужно** разлить вино по бутылкам’ (ЯСД)

⁷ Вариант ðe ðel встречается ЯСД, çi ðélu — в МСД и КСД.

(11.8) aftós⁸ xráz'[i]t na ðuléps'

‘Он **должен** работать’

(11.9) sí xráz'[i]t na [a?]ʏorás' ʏal'tíʏal⁹

‘Ты должен купить молоко’ (ЯСД)

В ЯСД долженствование может выражаться еще одним способом — глаголом (ðе) на [e]x букв. ‘(не) иметь’:

(11.10) sí ðе na [e]š ti (?) atí na pajén's'¹⁰

‘Тебе **незачем** туда идти’

(11.11) ʏó na jerév' neró na [e]x aʏóraz pinéš¹¹

‘Когда [/если] я хочу пить, я покупаю воду и пью [букв. **имею** покупаю пью — О. Д.]’

В ЯСД ðébur', произошедший, несомненно, из ðе purú ‘не могу’ может обозначать как ‘нельзя’, так и ‘не могу’:

(11.12) aðó ðéburs' na lustís'

‘Здесь **нельзя** (2 л. ед. ч) купаться’

(11.13) sí ðéburs' na m[i] kan's' jardím?

‘Ты **не мог бы** мне помочь [букв. сделать помощь]?’

Абсолютное большинство лексем в табл. 11.1 (с. 348) — это либо глаголы, либо застывшие глагольные формы. На их происхождение иногда указывают конечные -т, изначально относившие высказывание к 1 л. (*кажется [мне]* и др.). Все предложения с «незастывшими» глаголами являются бипредикативными. В таком СПП в главной части стоит либо модальный глагол, либо перифрастическое выражение с модальным значением: č[i] eš' čaǵá ‘нельзя’ (букв. ‘нет выхода’).

11.2 Грамматикализованная модальность. Семантика и функции МЧ

Как известно, в древнегреческом языке для выражения значений ирреальной модальности использовались различные наклонения. На определенном этапе развития языка в нем проявилась тенденция к аналитизму, что привело к существенным изменениям в глагольной системе. Вместо аффиксальных показателей наклонений стали употребляться специальные предглагольные частицы

⁸ **Прим. ред.:** как свидетельствует [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 35, 373], вариант *aftós* встречается исключительно в ЯСД, тогда как формы *atós* и *tos* более распространены.

⁹ **Прим. ред.:** согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 346], форма *ǵal'tíǵal* характерна для НкСД, там, правда, отсутствует специализированная форма для ЯСД.

¹⁰ Ср. с аналогичной конструкцией (с глаголом ‘иметь’) во многих и.-е. языках, в т. ч. в НГР.

¹¹ **Прим. ред.:** согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 152, 388], для ЯСД характерна форма *pinéš*.

с модальным значением. Будущее время, как входящее в зону ирреалиса, также стала оформлять МЧ. Таким образом, с помощью относительно небольшого набора частиц стало возможным выразить весь спектр модальных значений.

Одним из явлений, характерных не только для НГР, но и для других языков, входящих в Балканский Языковой Союз (БЯС), является утрата инфинитива. Вместо инфинитива стало употребляться сочетание специальной формы финитного глагола с МЧ. Как отмечает Брайан Джозеф, «замена инфинитива личными формами глагола с модальными частицами укладывается в общую тенденцию к возникновению аналитических конструкций. . . ».¹² Сфера использования у такого сочетания шире, чем у инфинитива: оно, в сущности, оформляет бессюжную (в плане синхронии) бипредикативную конструкцию. Ситуацию потери инфинитива можно представить как замену элемента с более узкой семантикой на сочетание с более широкой семантикой — за счет использования в нем МЧ. Вообще, фразы типа *θέλω να γράφω* буквально следует переводить на русский фразой *я хочу, чтобы я писал*, ведь и *θέλω να γράφεις* обычно переводится фразой *я хочу, чтобы ты писал*. Как представляется, важное структурное отличие МЧ *να* от союза состоит в том, что она оформляет само придаточное предложение, а не связывает его с главным [JOSEPH 1987].

Наличие специальной глагольной формы, употребляющейся с МЧ, позволяет говорить об особом наклонении, в литературе носящем название *υποταχτική* 'зависимое наклонение'. Оно имеет два способа выражения:¹³

- а) *να* + основа настоящего времени = окончания настоящего времени
- б) *να* + основа прошедшего времени = окончания настоящего времени

С точки зрения семантики, зависимое наклонение часто приравнивается к конъюнктиву; ср.: в древнегреческом «. . . значение оптатива сходно со значением конъюнктива. Различие состояло, по-видимому, в том, что конъюнктив выражал бóльшую степень вероятности, чем оптатив. Еще бóльшую степень вероятности выражали сигматические глагольные формы. . . » [САВЧЕНКО 1974: 293].

Частица *να* (< ДГР *ἵνα* 'чтобы') имеет довольно много значений и используется очень активно. В описаниях, с одной стороны, *να* характеризуется как «самый распространенный показатель как эпистемической, так и агентивной модальности. . . », ¹⁴ с другой — как «основной показатель подчинения, по-видимому, не обладающий никаким модальным значением». ¹⁵ Видимо, именно по причине такого двойственного поведения МЧ, ее (и несколько других, функционально схожих) принято обозначать просто по расположению — как **предглагольную** (*preverbal*).

Тем не менее, случаи якобы формального употребления МЧ получают иную трактовку, если предположить, что все значения *να* сводятся не к одной, а к двум семантическим областям: модальности и каузативности.

¹² «The replacement of the infinitive by finite expressions with a verbal particle ties in with the general trend towards analytic constructions. . . » [JOSEPH 1987: 434] (**перевод ред.**).

¹³ Это, в частности, отражается в существовании двух видов будущего времени: заверщенного (с основой аориста) и длительного (с основой имперфекта).

¹⁴ «. . . the most common marker of both epistemic and agent-oriented modality. . . » [TSANGALIDIS 2002: 135].

¹⁵ «. . . general subordination marker which seems to lack any modal meaning» [TSANGALIDIS 2002: 135–136].

Побуждение любого рода (побуждение к действию или же, наоборот, к несовершению действия) непосредственно связано с каузацией, в других случаях можно как минимум констатировать выражение активного желания агенса. Выше уже приводилось мнение, что в конструкциях типа $\gamma\acute{o}$ $jir\acute{e}v$ na $f\acute{a}is$ 'я хочу, чтобы [ты] ел' частица na лишена каких-либо модальных значений. Поскольку на всегда анализируется именно с точки зрения ее «модальности», здесь возникает характеристика по обратному признаку, в таком употреблении модальность отсутствует. Тем не менее, не вызывает сомнения, что использование na , по крайней мере на начальном этапе бытования, обосновано семантически. Поэтому есть все основания предположить, что каузативная семантика не менее важна для na , чем модальная. Присутствие каузативной семантики может быть выражено в большей или в меньшей степени. Например, когда перед нами конструкция X $jir\acute{e}v$ (P) na . . . , каузативность усиливается: X выступает как участник ситуации, пытающийся изменить ее, воздействуя на P . В конструкциях с глаголом *мочь* выражается потенциальная возможность изменения ситуации и в то же время отсутствует непосредственное стремление изменить ее, поэтому каузативность отходит на второй план. Обычно здесь $X = P$, и чтобы обозначить возможность влиять на действия P ($X \neq P$), конструкцию нужно распространить: $*\gamma\acute{o}$ $ru\acute{g}\acute{u}$ na $k\acute{a}mu$ $aft\acute{o}s$ ¹⁶ na . . . 'я могу, чтобы я сделал его делающим что-либо'. В независимых предложениях na , как и императив, непосредственно создает ситуацию каузации. В бипредикативных структурах описывается волеизъявление говорящего, и na оказывается необходимым элементом каузации. Безусловно, степень свободы каузируемого предмета в высказываниях *хотеть, чтобы* и *сделать так, чтобы* различны: во втором случае она вообще отсутствует, а в первом - потенциальный участник может оказаться и слушателем, т. е. не выполнить желаемого. Исследуемый случай, таким образом, отражает опосредованную (вербальную) каузативность, противопоставленную непосредственной (физической) каузативности [Недялков, Сильницкий 1969; Касевич 1988; Плуноян 2000].

Одно из ярчайших проявлений «каузативности» $\nu\alpha$ — это **прохибитив**, оформленный как сочетание $\nu\alpha$ со специальным отрицанием $\mu\acute{\eta}[\nu]$ ¹⁷ и финитным глаголом. Обе эти черты прохибитива можно встретить и в других языках. Например, в испанском для императива существуют специальные формы, а для прохибитива используется отрицание с формами subjuntivo. В. А. Плуноян указывает ряд языков, в которых существуют «. . . специализированные аналитические „отрицательные частицы“, выражающие запрет и отличные от показателей обычного отрицания» [Плуноян 2000: 319]. Как уже отмечалось, $\nu\alpha$ (без отрицания) + V_{fin} может обозначать собственно побуждение к действию наравне с императивом.

Не меньший интерес представляет и частица $\vartheta\alpha$. Ведется много споров о том, к какой конструкции восходит эта частица и насколько правомерно называть ее развитие грамматикализацией. В [JOSEPH, PAPPAS 2001: 355] следующие описываются этапы формирования $\vartheta\alpha$:¹⁸

¹⁶ См. сн. 8.

¹⁷ Частица $\nu\alpha$ употребляется только с отрицанием $\mu\acute{\eta}(\nu)$.

¹⁸ Прим. ред.: в примерах исправлены ударения.

(11.14) θέλω γράφειν	θέλω (ῥ)να γράφω ¹⁹
θέλω γράφω	θέλει νὰ γράφω
θέλει γράγει	θὲ νὰ γράφω ²⁰
θέ γράφω	θα γράφω

По общепринятой точке зрения, θα восходит к θέλω να ‘хочу, чтобы’. Так или иначе, как указывает Брайан Джозеф, «в средневековый период можно обнаружить необыкновенное разнообразие аналитических форм будущего времени, образованных при помощи этого глагола».²¹ Есть некоторые данные о времени распространения новой формы: согласно Брайану Джозефу, «несмотря на то, что новые средства выражения будущего времени появлялись в период койне, конструкция, легшая в основу новогреческих форм будущего времени с частицей θα (хотя и не напрямую), а именно сочетание глагола θέλω с инфинитивом, вошла в употребление только в поздневизантийский и раннесредневековый (очевидно, подразумевается ранний НГР) периоды».²²

Теперь МЧ (вместе с глаголом в форме **зависимого наклонения**) входит в футуральные конструкции, в уступительные конструкции (далее УК) с нереальной посылкой (напр.: θα έγραφα το άρθρο αν είχα καιρό ‘я бы написал статью, если бы у меня было время’) и в предложения типа я бы написал статью с оптативной семантикой. Включая эти основные случаи употребления, θα «демонстрирует широкий спектр модальных и аспектуальных употреблений. . .».²³

Последняя частица, которая будет здесь упомянута — as, частица косвенного императива (букв. ‘пусть’). В НГР есть и другие МЧ, но этими тремя ограничивается система румейского языка.

Выражение ирреальной модальности исторически является одной из самых нестабильных зон в грамматике греческого языка. Безусловно, этому способствует потенциальная полисемичность МЧ. Исследование диалектов интересно тем, что позволяет рассмотреть варианты развития языковой системы. В данном случае речь идет не об одном, а о нескольких вариантах, поскольку румейский язык неоднороден.

Наличие во всех субдиалектах румейского языка особенностей в выражении ирреальной модальности говорит о том, что изменения в этой сфере продолжают происходить до сих пор. Причем зона грамматикализованной ирреальной модальности, пожалуй, единственная, в которой изменения не сводятся к упрощению морфологической структуры. Поскольку здесь часто приходится говорить не только об утере, но и о возникновении характеристик, наличие/отсутствие

¹⁹ На этом этапе начинается замещение инфинитива финитными формами.

²⁰ Эта стадия важна для МСД и КСД.

²¹ «. . . in the medieval period, an unusual variety of future formations with this verb can be found» [JOSEPH 1987: 431] (**перевод ред.**).

²² «. . . while new expressions for the future tense were emerging in the Koine period, the ultimate (though not direct) source of the Modern Greek future with the element θα, namely θέλω with an infinitive, did not gain currency until the late Byzantine and early Medieval period» [JOSEPH, INTERNET] (**перевод и прим. ред.**), опубликовано в [JOSEPH 2001: 519–520]: «. . . παρόλο που κατά την περίοδο της κοινής εμφανίζονταν νέες εκφορές του μέλλοντα χρόνου, η απώτερη (αν και όχι άμεση) πηγή του σχηματισμού του νεοελληνικού μέλλοντα με το μόριο θα, δηλαδή η περίφραση θέλω και απαρέμφατο, χρησιμοποιήθηκε ευρέως μόνο στα τέλη της βυζαντινής περιόδου και στις αρχές μεσαιωνικής».

²³ «. . . displays a wide range of modal and aspectual uses» [TSANGALIDIS 2002: 136] (**перевод ред.**).

особенностей в выражении ирреалиса можно выдвинуть в качестве одного из главных критериев выделения языковой группы в отдельный субдиалект.

Сопоставление субдиалектов позволяет выявить общие закономерности в употреблении МЧ и отделить от них частные особенности. Эти особенности, однако, иногда оказываются не «изобретением» субдиалекта, а реликтом старой структуры, следов которой нет ни в соседних субдиалектах, ни в НГР (например, некоторые случаи использования θa в МСД).

11.3 Общие закономерности в употреблении МЧ

11.3.1 na

1. Чаще всего na используется как связующий приглагольный элемент в полипредикативных конструкциях:

(11.15) γo $jir\acute{e}v$ na $f\acute{a}\gamma u$

‘Я хочу есть’ (ЯСД)

(11.16) γo $jir\acute{e}v$ na $f\acute{a}is'$

‘Я хочу, чтобы [ты] ел’ (ЯСД)

(11.17) γo $\check{c}i$ $\theta\acute{e}lu$ / $monax\acute{o}s$ na $rajs$ na $l\acute{u}\check{s}kis$ '²⁴

‘Я не хочу, чтоб [ты] один/сам шел купаться’ (МСД)

2. Если глаголов несколько, то МЧ ставится при каждом из них (ср. с (11.17)):

(11.18) $k\acute{a}\theta a$ $\acute{e}nas$ $xras't$ na $kser'$ na $\gamma raps'$ na $\delta jevas'$

‘Каждый должен уметь писать и читать’ (ЯСД)

3. na в значении ‘чтобы’ употребляется в придаточных предложениях цели:

(11.19) $m\acute{a}na$ $\delta ok'$ $t[u]$ $fut\acute{i}ja$ $pl'it\acute{a}$ na en' $am\acute{e}s[a]$ $xl'it'sk[u?]$

‘Мать затопила печь, **чтобы** в доме было тепло’ (ЯСД)

(11.20) γo $f\acute{o}rsa$ $tsang'ija$ na $r\acute{a}\gamma u$ $[a]s$ $baz\acute{a}r$

‘Я надел сапоги, чтобы пойти на рынок’²⁵ (НкСД)

4. na в сочетании с отрицанием $m\acute{i}$ и глаголом в индикативе оформляет прохибитив. Т. Н. Чернышева отмечает, что «в отличие от димотики²⁶ в подобных конструкциях обязательно присутствие частицы (на)» [Чернышева 1958: 47]. Это утверждение не совсем справедливо: в большинстве случаев, действительно, МЧ присутствует, но в ЯСД и МСД зафиксированы случаи употребления $m\acute{i}$ без МЧ:

²⁴ **Прим. ред.:** знак/указывает, что определение $monax\acute{o}s$ относится не к субъекту (γo), а к объекту.

²⁵ **Прим. ред.:** часто $baz\acute{a}r$ имеет значение ‘город’, и возможно, что (11.20) следует понимать, как ‘... чтобы поехать в город’.

²⁶ **Прим. ред.:** в данном случае термин ‘димотика’ следует считать равнозначным термину ‘новогреческий язык’.

(11.21) mí rajs ačí

‘Не ходи туда’ (МСД)

(11.22) mí t[u] vál’[i]s’ *чашка* pas gax trap’éz’ a to ěa xalás’ akát

‘Не ставь чашку на край стола, а то упадет²⁷’ (ЯСД)

5. Отрицательная частица *mí* используется только в сочетании с *na*. Подобное сочетание встречается и в обычных повествовательных предложениях:

(11.23) ěo kamía-ra ěi [í]ěa áěerpu *чтоб* na mí laxárdev’ guméika

‘Я никогда не видел человека, который не разговаривал бы по-румейски’ (МСД)

(11.24) ěo rigú na mí t[u] léyu aútu

‘Я могу не говорить этого²⁸’ (НКСД)

6. Параллельно с формой императива употребляется также сочетание *na + V_{fin}* (прямо противопоставленное сочетанию *na mí*), выражающее побуждение, видимо, в более мягкой форме:

(11.25) urís’t na pirás’t

‘Пожалуйста, проходите’

7. Значение интенциональности:²⁹

(11.26) mána-m [a]kóma ě[i] en’. na darnú pis su jalí, béěim³⁰ aftí³¹ árta érk’it

‘Мамы еще нет. Посмотрю в окно, может, она уже идет’ (МСД)

Примечательно, что конструкции с подобным значением попадают и в классификацию, построенную Т. Н. Чернышевой,³² где «сомнение или нерешительность» [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 47] — одно из частных значений зависимого наклонения в главном предложении. Приведу два из четырех примеров Т. Н. Чернышевой:³³

(11.27) *ти на кан?*

‘Что мне делать?’ (ЯСД)

(11.28) *на та ну ěo сена ула та алĵя*

‘Сказать ли тебе всю правду?’ (ЯСД)

²⁷ Прим. ред.: букв. ‘упадет и разобьется внизу’.

²⁸ Местоименный повтор дополнения; о нем см. Главу 13 (с. 393).

²⁹ Ср. с замечанием В. А. Плунгяна: «... к значению желания очень близко значение намерения, или „активного желания“ (‘X хочет P и предпринимает усилия, чтобы сделать P’)...» [Плунгян 2000: 316].

³⁰ Прим. ред.: это заимствование из урумского не фиксируется в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

³¹ Прим. ред.: обычно употребляется форма *atí* или *tí*; ср. с сн. 8.

³² Подробнее см. с. 358.

³³ Прим. ред.: здесь и далее в примерах из [ЧЕРНЫШЕВА 1958] сохраняется авторская орфография.

По-видимому, есть все основания выделять интенциональность как одно из значений па. Особенно здесь ценен материал ЯСД, т.к., скорее всего, информант построил бы конструкцию с частицей θа, если бы усматривал здесь будущее. Поскольку в МСД будущее (утвердительное) также обозначается частицей па,³⁴ интенциональность в этом субдиалектном варианте выделяется лишь по контексту.³⁵

8. Значение долженствования:

(11.29) **Стимул:** *мне бы сейчас надо выгонять корову*

yo na vʹaʎu tu xno

‘Я должен (мне надо) выпустить корову’ (МСД)³⁶

Информант из с. Большая Новоселка³⁷ перевел этот же стимул так:

(11.30) *me na áman xgaz na kulís’ xtinó*

‘Мне сразу нужно (я должен) выгнать корову’ (БСД)

Здесь использованы и лексический, и грамматический способы выражения долженствования. Скорее всего, это связано с желанием дублировать структуру русского предложения, причем МЧ па в сознании говорящего является эквивалентом русск. *бы*.

(11.31) **Стимул:** *хлеб должен быть посеян вовремя*

tu spuró na spérk’it an tu kó-t [tu]n óra

‘Посев [= хлеб?] должен быть посеян³⁸ в свое время’ (МСД)

ср. с реакцией на тот же стимул в НкСД, в котором θel имеет значение ‘быть должным’:

(11.32) *tu psum’í θel na en’ sparménu su sirá*

‘Хлеб должен быть посеян³⁹ во время’ (НкСД)

Для полноты характеристики необходимо немного отступить от принципа описывать здесь лишь то, что свойственно всем трем субдиалектам, и упомянуть об употреблении па, сейчас встречающегося только в ЯСД, а в прошлом, видимо, свойственном и для других субдиалектов.

9. па в придаточных предложениях времени:

(11.33) *aftós⁴⁰ pulá jedriš/os na xalás’ akát*

‘Он долго бежал, пока не упал’⁴¹ (ЯСД)

³⁴ **Прим. ред.:** в МСД возможны и формы с θа; см. с. 357.

³⁵ Можно подойти и с другой стороны и предположить, что любое будущее утвердительное в МСД имеет семантику интенциональности.

³⁶ **Перевод ред.**

³⁷ **Прим. ред.:** до 1946 г. Большой Янисоль; см. Приложение 1.1 (с. 404).

³⁸ **Прим. ред.:** букв. ‘посеяться’.

³⁹ **Прим. ред.:** форма sparménu восходит к пассивному причастию.

⁴⁰ См. сн. 8; **прим. ред.:** здесь и далее знак/отмечает начало придаточного.

⁴¹ **Прим. ред.:** букв. ‘пока не обрушился вниз’.

(11.34) s'í ða majerép's'/os na jérkum

‘Ты приготовишь [суп] к моему приходу?’⁴² (ЯСД)

В МСД и НкСД такая конструкция не употребляется или не зафиксирована. Ее заменяет конструкция, синтаксически идентичная русской:

(11.35) yo na tu kámu aútu tu ðlíja/us pu či b'itrévu-tu

‘Я буду делать эту работу, пока не закончу ее’ (МСД)

Подобные реликты системы встречаются не только в ЯСД. Таким реликтом, например, употребление θa в МСД.

11.3.2 θa

Частица θa в разных субдиалектах употребляется по-разному, что свидетельствует об активном процессе изменения языковой структуры, проходящем по своему в каждом субдиалекте. Судя по последним данным, наибольшую близость к НГР с точки зрения выражения будущего времени демонстрирует БСД. Употребление МЧ предполагает там постановку особой глагольной формы: т. н. *будущее несовершенное время* образуется с помощью МЧ θa и прибавления окончания к основе аориста:

(11.36) [s]turtérs mís θa maðénum

‘Осенью мы будем учиться’ (БСД)

Будущее совершенное время по форме не отличается от индикатива, т. е. в отличие от НГР, к основе индикатива МЧ не прибавляется:

(11.37) yo yrafu ávir' xartí

‘Я напишу завтра письмо’

11.3.3 Особенности употребления θa в МСД, НкСД и ЯСД

- a. Во всех трех субдиалектах θa может обозначать будущее время, но для ЯСД, в отличие от МСД и НкСД, это единственный способ построения футуральных конструкций (в сочетании со специальной формой глагола).
- b. В ЯСД θa не употребляется для оформления нереальных УК.
- c. В МСД и НкСД θa может употребляться для выражения как предшествования, так и эпистемической неожиданности. В ЯСД для обозначения предшествования и эпистемической неожиданности используются конструкции без θa . В МСД и НкСД эквивалентная (дублирующая) по смыслу конструкция без θa была зафиксирована только для выражения предшествования.

⁴² Букв. ‘к тому моменту, как приду’.

11.3.4 as

Частица *as* оформляет косвенный императив, причем любопытно, что употребляется она для 1 и 3 л. ед. и мн.ч. Таким образом, в румейском языке каузация возможна по отношению к любому лицу (для каузирования 2 л. ед. и мн.ч. предназначен императив). Как уже упоминалось, эти значения частично дублируются сочетанием *na + V_{fin}*.

(11.38) *as ráyu as lúškum*

‘А пойду-ка [я] купаться’ (МСД)

(11.39) *pes-tun/as tun ðok' t[u] mikró niró*

‘Скажи ему, чтоб напоил ребенка водой’⁴³ (ЯСД)

Несколько слов нужно сказать о принятом в НГР делении сферы ирреалиса на несколько наклонений и о попытке перенести эту структуру в румейский язык. В [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 46–51] для румейского языка «в полном согласии с димотикой» выделяется пять наклонений: 1) изъявительное, 2) зависимое или сослагательное, 3) повелительное, 4) желательное, 5) условное. При внимательном анализе классификации становятся очевидны ее сущностные недостатки. Все конструкции с *tha* и *na* попадают в тип 2.⁴⁴ Туда же по недосмотру автора попали и некоторые конструкции с *as*:

(11.40) *чомаса алюура ас їртъ дїком мана*

‘Хотя бы поскорее пришла моя мать’⁴⁵ (ЯСД) [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 48]

В результате, конструкции с *as* оказываются описанными дважды, поскольку в разных случаях принимались во внимание разные формальные признаки: аористная основа, из-за которой и появляется соответствующее описание в разделе «зависимое наклонение», и собственно частица *as* со своей семантикой.

На основании (11.40) Т.Н.Чернышева делает следующий вывод, довольно сильно искажающий реальное положение вещей: «В отличие от димотики в случае неисполнимого желания здесь употребляется аорист, в димотике — имперфект». «Неисполнимое желание» появилось в высказывании Т.Н.Чернышевой благодаря неверному переводу; на самом же деле семантика частицы *as* свидетельствует о противоположном. Появление в (11.40) основы аориста закономерно, и с точки зрения обозначения нереальности ситуации различия между диалектом и НГР не так велики.⁴⁶

В целом, по-видимому, разделение на наклонения при описании румейского языка приносит меньше пользы, чем последовательная характеристика функций

⁴³ **Прим. ред.:** букв. ‘пусть даст ребенку воду’.

⁴⁴ С таким решением трудно согласиться: см., в частности, анализ будущего времени в ЯСД на с. 364 и сл.

⁴⁵ Ближе по смыслу был бы следующий перевод: ‘пусть скорее придет моя мать’. **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, ИНТЕРНЕТ; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006] не удалось обнаружить словоформы *чомаса* и *алюура*, однако Т.Н.Чернышева приводит к этому примеру НГР параллель: *ἀπλοτε σε λίγο να έλθη η μάνα μου (там же)*, общий смысл которой полностью отражается в предложенном ей переводе. Можно предположить, что *алюура* является однокоренным с НГР *γρήγορα* ‘быстро’.

⁴⁶ См. об образовании следствия ирреальных УК на с. 370 и далее.

каждой МЧ. Основа аориста в ЯСД употребляется со всеми частицами и поэтому не является маркированным признаком.⁴⁷ Попытки следовать грамматической традиции неизбежно приводят к появлению громоздкой двухступенчатой классификации: на первом уровне — по наклонениям, которые формально часто не отличаются друг от друга, и на втором уровне — по семантике предглагольных частиц. В МСД и НкСД глагольную основу вообще нельзя рассматривать как актуальный признак, поскольку в этих субдиалектах отсутствуют глагольные показатели зависимого наклонения, и в сочетании с МЧ используется форма индикатива. Таким образом, невозможно составить объективную общую классификацию, придерживаясь традиции выделения наклонений, а разветвленную семантику ирреалиса следует рассматривать исключительно через анализ МЧ.

11.4 МСД

По сравнению с НГР, в МСД в употреблении МЧ произошли существенные изменения. В целом их можно охарактеризовать как «вторжение» МЧ на в сферу ирреалиса, что привело к видоизменению конструкций, прежде оформлявшихся исключительно с помощью МЧ θ_a .

Под сферой ирреалиса понимается, с одной стороны, будущее время, с другой — следствие контрафактических УК. Примечательно, что в МСД наблюдается полная симметрия в построении этих конструкций — то есть в плане употребления частиц они тождественны (из чего и можно сделать вывод, что по семантике действие в будущем приравнивается к ирреальному условию). Различия, таким образом, имеются только в глагольной форме: в первом случае это настоящее время, во втором — имперфект. В МСД отсутствуют собственно глагольные показатели будущего времени, что отличает его, во-первых, от НГР, во-вторых — от ЯСД, где специальная форма глагола (зависимое наклонение) сохранилась. Потеря глагольных показателей модальности — это несомненный признак продолжающегося движения к аналитизму.

О непосредственной связи будущего времени с семантикой ирреальной модальности свидетельствует и тот факт, что в МСД наблюдается вариативность в способах выражения будущего времени. Иногда при глагольных формах, обозначающих будущее время, вообще не используются МЧ, и грамматическое время можно определить только по контексту.⁴⁸ В МСД, правда, подобные случаи следует рассматривать на уровне идиолекта: одни информанты всегда образуют будущее время с помощью МЧ, для других же, по-видимому, важна степень «ирреальности» того, о чем они говорят.

Судя по данным НГР и ЯСД, МЧ на никогда не употреблялась в подобных конструкциях. Тем не менее, для МСД характерно именно такое употребление: на существенно потеснила θ_a на ее «исторических» позициях. Сосуществование МЧ при одинаковой функции обусловлено их нетривиальным распределением по семантике. Частица θ_a теперь выражает значение ирреальной модальности только при отрицании, составляя пару с на, которая ставится при утверждении.

⁴⁷ По предварительным данным, в ССД наблюдается схожая ситуация.

⁴⁸ В основном, имеются в виду утвердительные предложения.

Таблица 11.2. Конструкции с па и θа.

	Будущее	УК
POS.	tos na gzen' p'isu su spit' sa p'end[e/i] ors 'Он выйдет из дома в 5 часов'	s'í an ísni mónu ómurfa ⁽¹⁾ ki kalí/χo na si θila čálu pulá 'Если бы ты была не только красивая, [но — О. Д.] и добрая, я бы тебя любил ⁽²⁾ еще больше'
NEG.	χo típus-pa či θa na tróyu 'Я ничего не буду есть'	tos an mi parakalí-pa/χo či θa tun kámu jardfm 'Если бы он меня попросил, я бы не стал ему помогать'

Прим. ред.:⁽¹⁾ Согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 142] обычная форма для ж. р. выглядит как *бмурфа*.⁽²⁾ Досл. 'хотел'.

Поскольку это актуально не только для конструкций с семантикой будущего, но и для УК⁴⁹ — симметрия в их оформлении сохранилась; см. табл. 11.2:

В МСД с МЧ употребляется глагол в индикативе, согласующийся по времени со временем ситуации, а по лицу и числу — с субъектом ситуации. Встречаются случаи несоблюдения согласования по времени, когда в каком-либо из прошедших времен с МЧ стоит глагол в наст. вр.:

(11.41) χo či katésusa⁵⁰ na čimím

'Я не смог заснуть'⁵¹

Любое подобное движение к неизменяемости глагольной формы в сочетании с частицей па можно рассматривать как влияние русского языка. Уверенность в этом придает анализ примеров. Отсутствие согласования по времени наблюдается только там, где эквивалентом греческой фразы является русское сочетание с инфинитивом; т. е. например, отсутствие согласования по времени возможно в реакции на стимул *я хотел пойти туда*, но маловероятно в реакции на стимул *я хотел, чтобы ты пошел туда* (в НГР обе фразы строятся по единой схеме). Учитывая постоянный языковой контакт и доминирующую в нем роль русского языка,⁵² можно предположить, что количество случаев отсутствия согласования будет увеличиваться. Прежде всего, это проявится в спонтанных текстах, где всегда встречается большее количество «неправильных» форм по сравнению с массивом реакций информантов на стимулы собирателей. Однако, поскольку сфера употребления инфинитива в русском языке уже, чем сочетания па + V_{fin} в субдиалектах, «вторичный инфинитив» (появление неизменяемой формы) здесь вряд ли возможен.

⁴⁹ О видах УК см. с. 366.⁵⁰ **Прим. ред.:** глагол не обнаружен в [Анимича, Интернет; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].⁵¹ Букв. 'Мне не удалось заснуть (основа наст. вр.)'.⁵² См. Главы 4, с. 99 и сл., и 6 (с. 134).

Более массовый характер приобрели случаи (их зафиксировано около десяти), когда при глаголе вообще отсутствует частица *па*. По-видимому, такая ситуация возможна только в очень узком контексте. Эти примеры однотипны — в них всегда задействован фазовый глагол *начинать*:

(11.42) *tu balá pširá đavás' sa éks'i xurnú*

‘Ребенок начинает читать с шести лет’

(11.43) *pšírzan lázni ta đía šklíja-pa*

‘Начали лаять две собаки’⁵³

Недостаточно сказать, что здесь проявилось, безусловно, присутствующее влияние русского языка, в котором часто в качестве прямого дополнения при глаголе стоит простой инфинитив. Частица не опускается в сочетании с модальным глаголом, хотя в русском языке подобные конструкции формируются по той же модели, что и словосочетания с фазовым глаголом. Тем не менее, нельзя сделать окончательный вывод о том, что решающую роль здесь играет семантика «фазовости», поскольку для этого нужны примеры и с другими фазовыми глаголами. На данный момент подобные отклонения зафиксированы только с глаголом *начинать* (примерно в $\frac{2}{3}$ случаев его использования с инфинитивом) — а везде, где с инфинитивом употребляется глагол *заканчивать*, МЧ *па* присутствует. Других глаголов с фазовой семантикой, по-видимому, в МСД нет.⁵⁴

Таким образом, частица *па* в МСД полифункциональна и активно используется в независимых предложениях в разных значениях. Ее семантика по сравнению с *та* выражена более ярко. Сочетание *па* + V_{fin} описывает ситуацию, когда действие более ожидаемо и скорее исполнимо, чем в ситуации, описываемой конструкцией с *та*. Вероятно, подобная семантика сочетаний с *па*, как и, возможно, интенциональное значение этой МЧ, привели к тому, что формы с *па* — это формы будущего утвердительного. Если допустить сравнение с ситуацией в англ. яз., то *та* соотносимо с *will*, а *па* — с *to be going to*.

По-видимому, замена частицы *та* частицей *па* — относительно поздний процесс, результаты которого наложились на ранее существующую структуру.⁵⁵

Комментария требует цепочка *та па*, используемая для обозначения будущего времени:

(11.44) *tos ánda érk'it či та па thel па mas draná*

‘Он, когда придет, не захочет нас видеть’

Если принять ту точку зрения, что МЧ *та* произошла из сочетания $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega \nu\acute{\alpha}$, придется признать использование здесь *па* неправомерным, поскольку *па* уже в буквальном смысле «заложена» в *та*. Однако, ситуация становится сложнее, если признать справедливость поэтапной схемы появления *та*, которая приводится в (11.14). Предпоследняя стадия выглядит как $\acute{\epsilon} \nu\alpha$ ($\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$), и тогда структуры *па* + V_{fin} и *та* + *па* + V_{fin} идентичны. Поэтому есть основания предполагать, что

⁵³ Пример взят из письменного текста.

⁵⁴ В других субдиалектах ситуация аналогична.

⁵⁵ Возможно, МЧ *па* использовалось для выражения буд. вр. и в среднегреческом [JOSEPH, PAPPAS 2001].

еще в средние века в ряде греческих диалектов Крыма, легших впоследствии в основу МСД, закрепилось употребление θa на для обозначения форм будущего времени; в НГР же впоследствии получили наибольшее распространение и были кодифицированы формы с на. В этом случае ЯСД, в силу употребления θa без на, нужно рассматривать как (суб)диалект, отделившийся от НГР позднее.⁵⁶

Некоторые носители, тем не менее, употребляют θa в МСД без прибавления второй МЧ. Сложно сказать, произойдет ли в МСД полное вытеснение θa . В какой-то мере ответ на этот вопрос содержит следующая фраза из спонтанного текста:

(11.45) [a]tín tun *неделю* çi na érk'it
'На этой неделе [он/она] не придет'

Частица на, видимо, станет употребляться с нехарактерным для этой МЧ отрицанием çi, чтобы внешне не дублировать прохибитив.

Необходимо добавить, что в МСД и НкСД у МЧ θa есть специфическая сфера употребления, в которой на просто не может оказаться. Эти две МЧ обладают существенным различием. Если на, как уже отмечалось, этимологически восходит к союзу, то θa — к сочетанию глагола и союза. Именно это позволяет использовать МЧ θa для обозначения предшествования в сложноподчиненных предложениях.

(11.46) **Стимул:** *перед тем как уйти, он написал письмо*
tos ánda θa /na *дájnin/éyrapsin'*-mi xartí
'Он, когда должен был уйти, написал мне письмо' (МСД)⁵⁷

Это единственный случай, когда МЧ θa используется не при отрицании, и нужно сказать, что такие примеры довольно редки. Большинство информантов переводят такие стимулы «обходным» способом — с помощью союза *príma* 'пока':⁵⁸

(11.47) *príma* çi *đávin*/tos *éyrapsin* xartí
'Пока не ушел, он написал письмо' (МСД)

Другой вариант перевода — перевод с помощью союза *ánda* 'когда' — т. е. обозначение одновременности:⁵⁹

(11.48) **Стимул:** *перед тем как уйти, он закрыл дверь*
*ánda évün*⁶⁰ /*atós fsálsin'* tu *pórta*
'Когда уходил, он закрыл дверь' (МСД)

⁵⁶ Другое объяснение данного факта изложено ниже в разделе 11.6.

⁵⁷ **Перевод ред.**

⁵⁸ **Прим. ред.:** данный союз не удалось обнаружить в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; [Анимица, INTERNET] предлагает вариант *nir*.

⁵⁹ **Прим. ред.:** ср. также с (11.46).

⁶⁰ Иначе *vjén'isk'in*.

Есть все основания предполагать, что подобное обозначение предшествования имелось (или имеется) и в ЯСД, где вспомогательный глагол *jirév* 'хочу' используется очень активно при оформлении УК с нереальной посылкой. На данный момент, однако, зафиксирован лишь перевод с помощью союза со значением 'пока':

(11.49) *p'iri*⁶¹ *na mí rajén'*/*aftós*⁶² *éyrap's' hartí*

'Пока не ушел, он написал письмо' (ЯСД)⁶³

Заслуживает внимания также следующая конструкция, употребление которой зафиксировано только в МСД:

(11.50) *č[i] eš' čará/s'í [a]kóma či θa na isn'i su tkan*

'Не может быть, чтобы ты еще не сходил в магазин' (МСД)

Примечательно, что таким же образом, т. е. с помощью *θa*, переводятся исключительно стимулы *не может быть, чтобы... еще не...*

Ср.:

(11.51) *pos s'í θarís'*/*čto tos či katésusin na per psumí*

'Почему ты думаешь, что он не успел купить⁶⁴ хлеба?'

(11.52) **Стимул:** *не может быть, чтоб он еще не купил хлеба*

či purí na en' ítku/čtoб tos [a]kóma či θa aýóras'in psumí

'Не может быть такого, чтоб он **еще не купил** хлеба'⁶⁵

В ЯСД при переводе подобных стимулов МЧ не используется:

(11.53) **Стимул:** *не может быть, чтобы он еще не пришел*

*đébur na en'/pus*⁶⁶ *aftós*⁶⁷ *đe[n?] jirt'*

'Не может быть, чтобы он не пришел'⁶⁸

Предположительно, вставка МЧ в предложения типа *не может быть, чтоб он еще не пришел* связана с идеей нарушенного эпистемического ожидания. Тогда перед нами такой вид эпистемической оценки, когда «говорящий сообщает о том (...) соответствует ли наступление ситуации его ожиданиям по этому поводу...» [Плунгян 2000: 311]. Показатель эпистемической неожиданности — очень распространенное явление, в т. ч. он встречается и в балканских языках. Характерно, что здесь в этой роли выступает частица ирреалиса *θa*.

⁶¹ Прим. ред.: см. сн. 58.

⁶² См. сн. 8.

⁶³ Прим. ред.: перевод стимула из (11.46).

⁶⁴ Прим. ред.: досл. 'взять'.

⁶⁵ Перевод. ред.

⁶⁶ Прим. ред.: возможно, должно быть *pi*.

⁶⁷ См. сн. 8.

⁶⁸ Оставлено без перевода *еще*.

11.5 ЯСД

Характерной чертой ЯСД является отсутствие симметрии в выражении значеный ирреалиса. Это — внешний признак довольно глубоких изменений в структуре данного субдиалекта.

В МСД и НкСД симметрия возникает за счет того, что *θα* используется как вспомогательный элемент и в будущем времени, и в нереальной посылке. В ЯСД симметрия разрушена: в УК как вспомогательный здесь выступает глагол *jírev*'. Примечательно, что в таких случаях не происходитмены лексемы при отрицании (что актуально для смыслового глагола 'хотеть'), т. е. глагол *θei* в качестве вспомогательного никогда не употребляется.

(11.54) *patéra-mas na ðulév' seÿčas/m'ís-pa jírevam na ðul'épsum*

'Если бы наш отец сейчас работал, мы бы тоже работали'

(11.55) *na ítun ávir' jirtí⁶⁹/m'ís ðe jírevam na ðul'épsum*

'Если бы завтра было воскресенье, мы бы не работали'

Таким образом, *θα* в ЯСД используется только в футуральных конструкциях. Это не единственная отличительная особенность ЯСД в плане оформления будущего времени: только в ЯСД сохранилось зависимое наклонение, выражаемое на уровне глагольных аффиксов: в определенных случаях с частицей *θα* употребляется специальная форма глагола — основа аор. + окончание наст. вр. Аналогичное явление наблюдается и в сочетаниях с другими МЧ:

(11.56) *as vyi oks'*

'Пусть [он/она] выйдет (основа аор.) наружу'

Возможны исключения (использование неспециализированной формы), но они редко встречаются:

(11.57) *as en' ávir' kaló méra*

'Пусть будет (наст. вр.) завтра хорошая погода'

К исключениям, впрочем, не следует причислять случаи употребления неспециализированных форм от глаголов, не имеющих формы аориста, такие, как *ksévur* 'знаю'. Ситуация в ЯСД схожа с МСД: наблюдаются единичные случаи отсутствия согласования по времени, а также случаи пропуска МЧ при глаголе 'начинать'.

Итак, в ЯСД частица *θα* монофункциональна. Для обозначения однократного будущего она используется со специализированной глагольной формой. Можно

⁶⁹ **Прим. ред.:** в [АНИМИЦА, INTERNET] такая форма не фиксируется, а [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС И ДР. 2006: 273] предлагает следующие варианты: *диртí* (ЯСД), *тиртí* (БСД), *тиритí* (ССД) и *чиричí* (МСД).

предположить, что в ЯСД возникло полноценное буд. вр., с однозначными грамматическими показателями, уже не симметричное (как в других субдиалектах) ирреальным конструкциям, относящимся к прошедшему времени.⁷⁰

С этой точки зрения становится возможным объяснить, почему в ЯСД нет тенденции к унификации глагольных основ, проявившейся в полной мере в МСД и НкСД. Когда с помощью этих основ маркируется будущее время, уже «переросшее» простое сочетание МЧ с формой зависимого наклонения, унификация (т. е., фактически, «забывание» отдельных аффиксов), видимо, затруднена. Если унификация и происходит, то ее скорость в ЯСД гораздо меньше, чем в МСД и НкСД.

На основании этих данных можно сделать общий вывод относительно ситуации в ЯСД: тенденция к аналитизму в этом субдиалекте выражена намного слабее, чем в МСД и НкСД.

По последним данным, в ССД наблюдается полная симметрия в выражении ирреалиса, причем частица θa используется для выражения буд. вр. независимо ни от характера протекания (завершенности или незавершенности) действия, ни от утвердительного или отрицательного характера высказывания. Таким образом, разрушение симметрии произошло только в ЯСД.

11.6 НкСД

В НкСД произошли свои изменения в отображении ирреалиса. Сейчас ситуация такова, что в НкСД используются несколько способов выражения утвердительного буд. вр.:

(11.58) *tos furkalí tu pátu/ʔo pl'ínu-tu*

‘Он подметет (наст. вр.) пол, я помою (наст. вр.)’

(11.59) *tos íp'in ávri n[a] érk'itin' sp'it'-mas*

‘Он сказал, что завтра придет к нам в дом’

(11.60) *óla-pa θa n[a] en' kalá*

‘Все будет хорошо’

Ситуацию в НкСД помогает прояснить материал, собранный в с. Большая Новоселка. Система, в которой существует два вида буд. вр., совершенное и несовершенное (так она выглядит в с. Большая Новоселка), в НкСД постепенно разрушается по причине внедрения в нее третьего элемента, связанного уже не с семантикой желательности (с которой всегда была связана частица θa), — а с семантикой интенциональности. Употребление частицы *pa*, которая встречается только в сложных предложениях, без сомнения, связано с интенциональным значением. С разрушением старой системы двух будущих времен связано и то,

⁷⁰ О. Есперсен основным признаком наличия в языке буд. вр. считает именно однозначность элемента, оформляющего буд. вр.: «Процесс стирания значения особенно сильно сказывается в глаголе *shall*, который не носит никакого оттенка обязательства (...) таким образом, глагол *shall* стоит ближе всего к подлинному вспомогательному глаголу будущего времени, и если бы он употреблялся во всех трех лицах, можно было бы без колебаний сказать, что в английском языке есть будущее время» [ЕСПЕРСЕН 1958: 52].

что теперь θa практически не встречается без na . Таким образом, на данный момент θa по-прежнему связана с ирреалисом и используется как при утверждении, так и при отрицании. Пока еще не произошло ее вытеснения, но его можно прогнозировать, поскольку θa , по-видимому, уже не осознается носителями как самостоятельная единица, т. к. обычно выступает в паре с na .

Как уже отмечалось, в НкСД, как и в МСД, сохранилось обозначение предшествования с помощью θa . Мало того, встречается много примеров, в которых θa является, по-видимому, маркером эпистемической оценки (нарушенного ожидания):

(11.61) $\gamma o t'i [i]ks\acute{e}ra-tu/что s'imur s'i \theta a na \acute{e}rk'is'in$

‘Я не знал, что ты сегодня придешь’ (НкСД)

(11.62) $\gamma o \acute{c}i [i]ks\acute{e}ra-tu/что s'imur \acute{d}a^{71} na vre\acute{s}'$

‘Я не знал, что сегодня пойдет дождь’ (МСД)

В буд. вр. выражение отрицания неоднородно. Как и в МСД, используется цепочка $\acute{c}i \theta a (na)$, но возможно и отрицание $\acute{d}en$:

(11.63) $as ta \acute{i}p'is-ta^{72} s'i t'ist\acute{a}^{73}/tos \acute{c}i \theta a na \theta el na \acute{e}rk'itin$

‘После того, что ты сказал, он не захочет приходить’

(11.64) $\gamma o \textit{точно} [i?]ks\acute{e}ra-tu/что s'i \acute{d}en a\gamma or\acute{a}zis' av\gamma\acute{a}$

‘Я точно знал, что ты не купишь яиц’

Эти два варианта отрицания сосуществуют только в НкСД; в ЯСД употребляется $\acute{d}e(n)$, а в МСД — $\acute{c}i$.

11.7 Условные конструкции

УК входят в сферу ирреальной модальности как ее разновидность (обусловленная, или имплицативная модальность).⁷⁴

Согласно классификации Б. Комри,⁷⁵ параметрами типологического анализа УК являются:

1. порядок следования частей УК
2. маркирование условности
3. степени гипотетичности
4. временная референция

⁷¹ Иногда при оформлении буд. вр. в м. θa употребляется $\acute{d}a$, хотя такие случаи единичны.

⁷² **Прим. ред.:** по-видимому, тут местоименный повтор дополнения.

⁷³ **Прим. ред.:** слово $t'ist\acute{a}$ не представлено в [Аниммица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006] и его значение неясно.

⁷⁴ УК в субдиалектах здесь рассматриваются, прежде всего, с формальной точки зрения. В некоторых случаях параллельно с характеристикой УК даются общие сведения о сложном предложении, чтобы выяснить, в какой мере построение УК обусловлено свойствами сложного предложения в субдиалекте.

⁷⁵ Цит. по [Храковский 1998].

Именно на примере УК можно продемонстрировать широкие возможности использования МЧ, которые в разных субдиалектах используются по-разному, оформляя различные части УК.

В настоящее время в пределах румейского языка используются две принципиально отличающиеся друг от друга стратегии построения УК. В МСД зависимая часть УК (посылка) вводится с помощью специализированного союза *an* 'если'. ЯСД и НкСД, с другой стороны, характеризуются не лексическим, а грамматическим оформлением зависимой части УК. Грамматическим средством, вводящим условие, является частица *na*. Таким образом, эти субдиалекты не используют специализированных показателей условности.

Рассмотрим ситуацию подробнее, следуя порядку типологических параметров.

В МСД УК имеют вид СПП: «... формальная особенность СПП состоит в том, что в каждой ее части употребляются однородные финитные формы глаголов, а показателями связи (...) выступают союзы...» [ХРАКОВСКИЙ 1998: 76]. Единственным условным союзом, как уже отмечалось, здесь является *an* 'если'.

По построению УК несколько отличаются от других СПП (например, с придаточным времени, вводимым союзом *ánda* 'когда' и др.). При наличии формально выраженного субъекта союз 'если' стоит на втором месте в предложении:

(11.65) *s'í an le(γ)s ajts/mís' na xavγalévum*⁷⁶

'Ты если будешь говорить⁷⁷ так, мы поссоримся'

Такое расположение не вполне типично: «прототипической, наиболее распространенной следует признать абсолютную препозицию союза...» [ХРАКОВСКИЙ 1998: 61]. Субъект может быть опущен, если в его роли выступает личное местоимение. Тогда условный союз попадает на первую позицию:

(11.66) *γo či θa s'í ívr'iška/an ð[e] íl'[i?]γan-tu/pu ísn'i*

'Я бы не нашел тебя, **если** бы мне не сказали, где ты'

Отличие СПП с временными союзами *ánda* 'когда' и *us pu* 'пока' заключается в том, что союз может стоять на первом месте даже при выраженном субъекте. В этом случае субъект занимает позицию после глагола:

(11.67) *ánda ðán'in tos/m'ís ðájnam pal su máθim[a]*

'Когда уезжал он, мы снова шли учиться (досл.: на урок)'

Союз *tíl(a)γa* 'как' в абсолютном большинстве случаев выступает в препозиции. Все СПП объединяет то, что, если в обеих частях СПП фигурирует один субъект, он выражен только в одной из частей.

Ситуация в ЯСД и НкСД выглядит еще менее тривиальной. Возникают некоторые сложности в категоризации таких УК. Принято выделять два базовых типа УК: «... именно сложноподчиненные и осложненные предложения выступают в роли прототипических УК в самых различных языках...» [ХРАКОВСКИЙ 1998:

⁷⁶ Прим. ред.: глагол не представлен в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006]; [Анимица, INTERNET] предлагает (для МСД) вариант *xavγalévum*.

⁷⁷ Прим. ред.: букв. 'говоришь'.

181]. УК в ЯСД и НкСД полностью не подпадают под признаки ни одной из групп. С одной стороны, СПП характеризует лексическое оформление посылки, а здесь посылка оформляется грамматическими средствами. С другой, осложненными называются «предложения с оборотом, включающим какую-либо нефинитную форму» [Храковский 1998: 179], но здесь в обеих частях УК используются финитные формы, одна из которых — форма наклонения. Важно отметить, что эти встречаются и в независимых предложениях в качестве единственного предиката.

Ср.:

(11.68) atóra na t[u] skotčám⁷⁸ t[u] mijána

‘Вот бы [нам] сейчас убить муху!’ (ЯСД)

(11.69) na vastéks⁷⁹ kras’í m’is’ parakát lajín’/tu xalán

‘Если хранить вино в плохом кувшине, оно портится⁸⁰’ (ЯСД)

Считается, что «все способы выражения отношений обусловленности подразделяются на специализированные и неспециализированные...» [Евтюхин 1996: 152]. ЯСД и НкСД используют именно неспециализированный способ — частицу *na*. Вообще, «совмещение каких-то значений со значениями обусловленности в рамках неспециализированных способов — явление распространенное...» [Евтюхин 1996: 159]. Чаще всего говорят о совмещении условных (*если...*) и таксисных (*когда...*) значений. «Условные союзы выступают в качестве показателей побуждения, желания, темы, косвенного вопроса, а также показателей времени (таксиса), сопоставления, причины и уступительности...» [Храковский 1998: 70]. Здесь же, по-видимому, следует поменять акцент: частица *na*, которая в независимых предложениях может передавать долженствование, интенциональность, побуждение, употребляется также в качестве элемента, вводящего условие:

Ср.:

(11.70) atóra na p’ins lač, či θa na zabulnís’

‘Выпей сейчас лекарство, [и — О. Д.] не заболеешь’ (МСД)

(11.71) s’í ðen zabulnízis’/сейчас na pínis’ lač

‘Ты не заболеешь, если сейчас выпьешь лекарство’ (НкСД)

Видимо, УК в ЯСД и НкСД нужно охарактеризовать как бессоюзные, в которых союз не предполагается, а условие выражает неспециализированный элемент. Однако *na* здесь не используется с формой зависимого наклонения.

По данным, в частности, самой Т. Н. Чернышевой, в НГР *na* может оформлять нереальную посылку:

⁷⁸ Прим. ред.: более распространены форма с сужением безударного корневого гласного: *skut-*. Возможно, в ЯСД у данного глагола не происходит сужения корневого гласного.

⁷⁹ Прим. ред.: в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 50] предлагается вариант без суффикса *васту́*.

⁸⁰ Прим. ред.: досл.: ‘если хранишь {...}, портит его’.

(11.72) να ειχα χτηνος, θα σας εδωσα γαλα

‘Если бы у меня была корова, я бы вас угостила молоком’ [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 50]

В ЯСД и НкСД такое построение свойственно всем видам посылки. Любопытно: Т. Н. Чернышева, исследовавшая субдиалект в первой половине 1950-х гг., отмечает, что в ЯСД все же присутствует условный союз — но не *an*, как в НГР, а *édir*,⁸¹ который «происходит от турецкого *eder*»⁸² [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 50]. Этот союз не был зафиксирован во время экспедиций 2001–2004 гг. По-видимому, он всегда был факультативным: он не менял структуру УК, а лишь дополнял ее:

(11.73) едір сісь на т еурапсьт атут т філаџа, сас пулі їріван на сас лібістун

‘Если бы вы написали эту книгу, вам бы многие позавидовали’ (ЯСД) [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 51]

Даже с союзом *édir* УК не походили на «обычные» УК с условным союзом. Видимо, здесь сказался тесный и длительный контакт с крымско-татарским языком, в результате которого условный элемент, как формально отсутствующий, был заимствован из крымско-татарского языка⁸³ и надстроен над структурой с *na*. Со временем он просто перестал использоваться, поскольку семантически дублировал *na*.

В ЯСД и НкСД противопоставлены СПП с временным союзом.⁸⁴

(11.74) *tos na érk'itin'/in'ís' tu pórtá*

‘Если он придет, [он] откроет дверь’ (НкСД)

(11.75) *tos ánda θa n[a] érk'itin'/či θa na θel más na draná-mas*

‘Когда он придет, [он] не захочет нас⁸⁵ всех видеть’ (НкСД)

(11.76) *ódi θa rajén' школа/θa maθ['] na yrap's'*

‘Когда [он] пойдет в школу, он научится писать’ (ЯСД)

Очевидны различия в построении: когда описывается ситуация в будущем, в обеих частях СПП ставится маркер будущего времени (*θa*). Возможно, это влияние русского языка, потому что, например, в МСД такая структура не зафиксирована, и временные и условные придаточные оформляются одинаково (в зависимой части нет маркера будущего времени).⁸⁶

⁸¹ **Прим. ред.:** в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 301] ударение ставится иначе: *едіръ*.

⁸² **Прим. ред.:** видимо, имеется в виду тур. *éđer*, ср. с тат. *эгәр*, кр.-тат. *эгер*, урум. *эгер* или *эгер?*.

⁸³ **Прим. ред.:** скорее даже, заимствование произошло не из крымско-татарского, а из урумского языка; см. сн. 82. Об урумах и урумском языке см. Главу 3 (с. 79).

⁸⁴ При этом в ЯСД, в целом, сохранилось больше сложноподчиненных союзов, чем в МСД и КСД, в которых придаточные дополнительные, например, оформляются либо без союза, либо со вставкой русских союзов *что*, *чтобы* и др. Ср. ЯСД: *đébur' na jen' pus aftós ðe jirt'* МСД: *č[i] eš čará/tos [a]kóma čí ða írtin* ‘Не может быть, чтобы он еще не пришел’. В связи с отсутствием союзов, только в ЯСД без привлечения русских элементов могут быть образованы предложения типа: *at ú t[u] sp'it'/ru t[u] jéval' bába-m/m'is' púlsam-t[u]* ‘Этот дом, который {его} построил мой отец, мы продали’; **прим. ред.:** в предложении наблюдается местоименный повтор дополнения.

⁸⁵ **Прим. ред.:** местоименный повтор дополнения.

⁸⁶ Подобное возможно и в НГР. Отдельные примеры приводятся в [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 51].

11.8 Оформление посылки и следствия

Вид главной и зависимой частей УК напрямую связан со степенью ее гипотетичности.

11.8.1 Реальное условие

а) Посылка в настоящем/будущем, следствие в будущем:

ЗЧ: **условный элемент + наст. вр.**

ГЧ: **буд. вр.**⁸⁷

(11.77) [a]s ta s'éna na jen' kr'ijs'/yo θa sval'ís⁸⁸ ta paraθírs

'Если тебе холодно, я закрою окна' (ЯСД)

В НкСД здесь в обеих частях предложения используется глагол без частицы.

б) Посылка в прошлом, следствие в настоящем:

(11.78) anéps' na jirt'/aftós[a]tóra t'imát

'Если племянник уже пришёл, он сейчас спит' (ЯСД)

с) Посылка в прошлом, следствие в будущем:

(11.79) [a]ftós na jirt' ax šijér'⁸⁹/vrađí θa jirt' [a]s ta más

'Если он уже вернулся из города, то вечером придёт к нам' (ЯСД)

11.8.2 Нереальное (контрафактическое) условие

Основная отличительная черта ЯСД заключается в том, что ирреалис по отношению к любому времени оформляется с помощью вспомогательного глагола *jirév'*:

(11.80) na ítun ávir' jirtí⁹⁰/m'ís' đe jírevam na ðul'épsum

'Если бы завтра было воскресенье, мы бы не работали' (ЯСД)

В МСД и НкСД нет разграничения будущего реального и нереального. Маркер ирреалиса по отношению к прошедшему времени появляется в МСД лишь иногда. В НкСД подобного вспомогательного элемента нет вообще. Единственное жесткое условие построения нереальных УК, присутствующее во всех трех

⁸⁷ Ср. с данными, представленными в табл. 11.2 (с. 360), где оформление ЗЧ и ГЧ происходит аналогичным образом.

⁸⁸ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 310] предлагает вариант с оглушением в корне: *сфал-*.

⁸⁹ **Прим. ред.:** согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 288] для ЯСД характерна форма *диёрь*, тогда как в БСД и НкСД встречается форма *шиёр*. По-видимому, вариант *šijér'* представляет собой некую контаминацию обеих форм.

⁹⁰ См. сн. 69.

субдиалектах, — это распространенный запрет на употребление аористных форм как в ГЧ, так и в ЗЧ.⁹¹

В независимых конструкциях с тем же значением (например: *я хотел бы быть...*) в НкСД употребляется $\theta\alpha$ na (ближе всего к НГР), в ЯСД — jiriva (imprf) na + глагол в зависимом наклонении, а в МСД (в силу передвижения na в сферу будущего) — na .

11.8.3 Генерализованное условие

В ЯСД и МСД зафиксированы конструкции, характеризующие вневременную ситуацию:

(11.81) $\text{tu krasí } \check{\text{c}}\text{i xaramút/apsá an tu p'ins}$

‘Вино не испортится, быстро если его выпьешь’ (МСД)

Другая конструкция представлена в перечне примеров основных типов УК (с. 372). В таких случаях возможно употребление аориста в ЗЧ УК. По-видимому, эта конструкция развилась и под влиянием русского языка.

Вообще, влияние русского языка в данном случае (а также в случае отражения генерализованного условия)⁹² можно предположить, исходя из двух посылок:

1. по смыслу эти конструкции идентичны в русском и румейском языках;
2. наблюдается формальное отступление от традиционного построения (имеющего место в НГР), которое похоже на кальку с русского, то есть попытку отобразить русскую конструкцию средствами своего языка.

В лексике и грамматике румейского языка не раз возникали ситуации, когда в сферу влияния одного элемента вторгался другой, возможно, заимствованный из другого языка (разновидности языка) или просто пришедший из другой части системы самого румейского языка. Часто новый элемент не вытесняет старый: оба элемента начинают использоваться параллельно, различаясь либо по функции, либо по семантике. Это обуславливает их порой нетривиальное распределение. Так произошло:

- с традиционным глаголом $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ ‘хотеть’, который сейчас в НГР употребляется только при утверждении (*хочу*). При отрицании (*не хочу*) употребляется глагол, имеющий в НГР значение ‘искать’;
- с формами будущего времени в МСД, где для утверждения существует na (новый элемент), а для отрицания — исконный $\check{\text{c}}\text{i } \theta\alpha$;
- с отрицательными частицами в НкСД. Сейчас по семантике они неразличимы, но, судя по общей тенденции, в будущем разграничение возможно; в противном случае одна частица со временем может вытеснить другую (см. ниже);

⁹¹ Ср. с ирреальным условием в языке дари: «...говорящему известно, что условие фактически не выполнено (не было, не будет выполнено). В этом случае как в ЗЧ, так и в ГЧ ⟨...⟩, независимо от времени, к которому относится событие, употребляется имперфект...» [Островский 1998: 195].

⁹² См. примеры на с. 372 и пример (11.35).

- с выражением ирреалиса в ЯСД, где *jigév'* стал употребляться не только как смысловой, но и как вспомогательный. Частица *θa* преобразовалась в маркер будущего времени. *jigév'* взял на себя все функции *θa* в отображении ирреалиса. Таким образом, даже при описании нереальной ситуации в будущем в УК используется именно он. Вероятнее всего, это означает, что собственно *θa* в ЯСД уже как маркер ирреалиса не осознается. Будущее приобрело свои собственные показатели и связано со значением иррельной модальности уже только генетически.

Противоположная ситуация — вытеснение одного элемента структуры другим. Если разграничения по функции или по семантике не произошло, один из элементов неизбежно исчезнет. В этом плане показательна судьба татарского заимствования *édir'*,⁹³ какое-то время выступавшего как условный союз в ЯСД. Однако этот союз просто дублировал *na*, поскольку использовался только в сочетании с этой частицей. В результате, в целях языковой экономии, он, скорее всего, был выведен из системы языка за ненадобностью.

Другой пример — это конструкция *θa na*, выступающая в ряде случаев как маркер эпистемической оценки ситуации (эпистемической неожиданности) или же как маркер предшествования. В этих двух значениях она иногда употребляется в МСД и НкСД. В ЯСД для выражения ситуации предшествования сейчас употребляется конструкция *p'ir'*⁹⁴ *na m'i...* 'пока не...', которая, видимо, и вытеснила конструкцию со вспомогательным глаголом (*jigév'* в ЯСД). Какое-то время они могли сосуществовать — как это происходит сейчас в МСД — но такая ситуация не очень стабильна и, как кажется, рано или поздно должна завершиться вытеснением одной из конструкций.

Примеры основных типов УК

Реальное:

- (1) МСД. **Стимул:** Если он завтра придет, мы пойдем купаться
atós an érk'it ávri/na ráyum na lúškumits
 'Он если приходит завтра/МЧ [мы] идем МЧ купаемся'
- (2) ЯСД. **Стимул:** Если он завтра придет, мы пойдем купаться
aftós áv'ir' na jirt'/mís θa rajénum na lustúm
 'Он завтра МЧ приходит/мы МЧ идем МЧ [мы] купаемся (неизъявит)'
- (3) НкСД. **Стимул:** Если он придет, он откроет дверь
tos na érk'itin'/inís' tu pórtá
 'Он МЧ приходит/открывает Art дверь'
- (4) МСД. **Стимул:** Если у меня будет много индюшат, я не буду их продавать
An éxu pulá bibíča/čí θa na ta plu
 'Если имею много индюшат/не МЧ их продаю'
- (5) ЯСД. **Стимул:** Если завтра будет воскресенье, мы не будем работать
áv'ir' na jen' dirtí/mís ðe θa ðul'épsum
 'Завтра МЧ есть воскресенье/мы не МЧ (по?)работаем (неизъявит)'

⁹³ См. сн. 81.

⁹⁴ См. сн. 58.

- (6) НкСД. **Стимул:** Если у меня будет молоко, я не буду его продавать
 ʋo n[a] éxu ʋal'tíʋal/ðen tu⁹⁵ pulú
 'Я МЧ имею молоко/не его продаю'

Нереальное:

- (7) МСД. **Стимул:** Если бы ты сегодня не уезжал, мы бы пошли ловить рыбу
 símur sí an či dájnis'/mís na dájnam na p'jániškam⁹⁶ psáŋja
 'Сегодня ты если не уезжал/мы МЧ шли МЧ [мы] ловили рыб'
- (8) ЯСД. **Стимул:** Если бы он пришел, мы бы пошли купаться
 aftós na jirt'/mís jírivam na rajénum na lustúm
 'Он МЧ пришел/мы хотели МЧ идем МЧ [мы] искупались'
- (9) НкСД. **Стимул:** Я бы не пошел вчера туда, если бы ты меня не попросил
 ʋo na mí dájna su tut'án/sí na mí parakálnis'-mí
 'Я МЧ не ходил в магазин/ты МЧ не просил'
- (10) МСД. **Стимул:** Если бы он не хотел, он бы не ждал нас так долго
 tos an č[i] írivin'/as pulá či filaxin-mas
 'Он если не хотел/издавна(?) [он] не ждал нас'
- (11) ЯСД. **Стимул:** Если бы ты заболел, ты бы сюда не пришел
 s'í na zabúlnip's'/aðó ðe jíriv's' na jirt'
 'Ты МЧ заболел/сюда [ты] не хотел МЧ [ты] шел'
- (12) МСД. **Стимул:** Если бы я не сходила в магазин, я бы не купила хлеба
 an či dájna su tkan/či ða ríriška psumí
 'Если [я] не ходил в магазин/[я] не МЧ брал хлеб'
- (13) НкСД. **Стимул:** Если бы я не сходила в магазин, я бы не купила хлеба
 t'i aʋóŋaza psumí/ʋo by ðen dájna pses' atí
 'Не [я] покупала хлеб/я бы не ходила вчера туда(?)'

Генерализованное:

- (14) МСД. **Стимул:** Если бы я хотел пить, я бы купил воды
 ʋo an íriva na p'ín'iška/ʋo aʋóŋaza níŋó
 'Я если хотел МЧ [я] пил/я покупал воду'
- (15) ЯСД. **Стимул:** Если бы я захотел выпить воды, я бы купил [воду]
 ʋo na jíŋ'ersa na pín neŋó/ʋo aʋóŋaza
 'Я МЧ захотел МЧ пью воду/я покупал'

⁹⁵ Прим. ред.: при произнесении происходит озвончение t- в результате ассимиляции: ðen du.

⁹⁶ Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 165, 339] дает для МСД только форму *пьяну*.

Глава 12

– Порядок слов

Описание порядка слов в румейском языке следует предварить двумя важными замечаниями:

- I. субдиалекты румейского языка демонстрируют фонетические, лексические и ряд морфологических различий,¹ однако в области принципов исчисления порядка слов сильных различий не наблюдается;² поэтому в этой главе в основном использованы материалы по МСД;
- II. разговорный язык румеев и язык румейской поэтической и песенной традиции значительно отличаются друг от друга. Так, М. В. Сергиевский, основываясь на поэзии Г. Костоправа,³ делает ложный вывод о существовании перфекта в румейском языке [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 582–583]. В рамках настоящей главы нет возможности рассматривать особенности языка поэтической традиции, однако есть смысл привести количественные показатели, описывающие различия в порядке слов (см. рис. 12.1).

Еще более ярко различия в порядке слов в песенной традиции и в речи румеев видны при сравнении данных по позиции местоименных клитик (см. рис. 12.2).

Таким образом, материалом для настоящего исследования стали записи спонтанной речи информантов (бесед и рассказов) и в меньшей степени — переводы стимулов анкет, где, в основном, имеет место т. н. перевод *слово за слово*. Отдельные примеры, взятые из песен, помечены литерой **П**.

Носители румейского языка, как неоднократно уже отмечалось, за очень редким исключением, являются билингвами, причем доминирующим практически всегда оказывается русский язык.⁴ Влияние русского оказывается очень сильным на разных языковых уровнях,⁵ тем не менее, в области синтаксиса можно обозначить, по крайней мере, два явления, несомненно, сближающих румейский язык с НГР и его диалектами:

- i. местоименный повтор дополнения, который, впрочем, как свидетельствуют наблюдения А. Б. Борисовой, во многом отличается от НГР ситуации; например, в румейском возможно дублирование местоименного дополнения, выраженного слабой формой местоимения, местоименной клитикой;⁶
- ii. использование сентенциальной энклитики — частицы *ра*.

¹ См. особенно Главы 7, 8 и 10 (с. 163, 193 и 223 соответственно).

² Отдельные различия связаны с калькированием русских придаточных (см. Главу 11, с. 356–357).

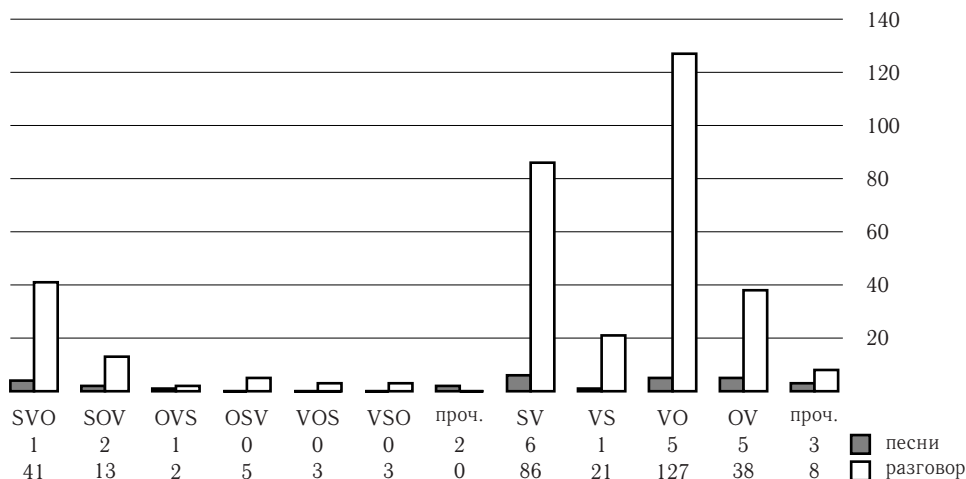
³ О Г. Костоправе см. Главу 1, с. 37.

⁴ См. напр., Главу 4, особенно с. 99 и сл., 101. Лишь однажды мне удалось встретить в с. Малоянисоль женщину (96 л.), которая вообще не говорила по-русски и практически не понимала русскую речь.

⁵ См. Главу 6 (с. 134).

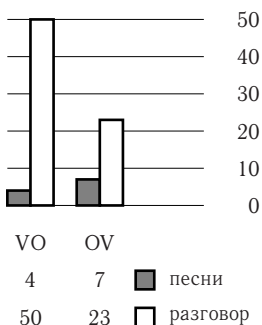
⁶ См. Главу 13, с. 399, примеры (13.50–13.55).

Рис. 12.1. Варианты порядка слов.

Примечание к рис. 12.1: Помета **проч.** обозначает такие порядки слов, когда при глаголе присутствуют несколько дополнений, причем развертывание происходит одновременно и вправо, и влево: [O]OV[O]O, SOVO. В основном, сюда входят случаи местоименного повтора дополнения (см. Главу 13 (с. 393)). Случаи, когда при глаголе имеется несколько неоднородных дополнений, занимающих одинаковую позицию относительно глагола, отдельно не выделяются (т.е. VOO=VO, SOOV=SOV и проч.; см. также с. 383). Данные по песням приводятся на основании материалов, собранных Д. В. Агафоновой; см. [Агафонова 2004].

Рис. 12.2. Позиция местоименных клитик⁽¹⁾

Примечание

⁽¹⁾ Случаи местоименного повтора дополнения здесь не учитываются.

В то же время румейский язык лишен, как минимум, двух основных синтаксических черт, характерных для НГР диалектов на территории Греции:

- i. румейский язык, строго говоря, не является языком типа Pro-Drop, т.е. употребление местоименного подлежащего не маркировано, хотя опускание личного местоимения возможно;⁷
- ii. позиция дополнения, выраженного местоименной клистикой, не определяется в румейском языке формой глагола, и, как свидетельствуют данные, приведенные в рис. 12.2, местоименное дополнение наиболее часто следует за управляющим глаголом (см. с. 388 и сл.).

С одной стороны, эти особенности можно объяснить влиянием русского языка, из которого, кстати, заимствованы и основные подчинительные союзы *что* /*šo*/ и *чтобы* /*šor*/, с другой стороны, они сближают румейский с анклавными диалектами НГР, в частности, с кипрским

⁷ Румейский язык можно отнести к языкам типа Pro-Drop, если принять менее строгое определение, которое предложил Брайан Джозеф: «In a NON-pro-drop language (...) every finite verb which can have a subject must have a subject (thus a pro-drop language is a one that is not a NON-pro-drop language)» [JOSEPH 1994: 27].

и понтийским. Можно предположить, что влияние русского языка не столько привнесло новые черты в румейский синтаксис, сколько стимулировало развитие определенных «врожденных» свойств. Во многих случаях румейский язык, несмотря на явные сходства с русским, сохраняет собственную внутреннюю логику, которая позволяет сформулировать ряд синтаксических правил, справедливых для румейского языка, но не работающих в русском языке.

12.1 Категории предложения

Перед тем как рассматривать порядок слов в предложении в целом или в рамках меньших синтаксических единств, необходимо определиться, какими единицами следует оперировать и какие позиции эти единицы могут занимать.

Таблица 12.1. Личные местоимения в косвенном падеже⁽¹⁾

			Str	Cl
Ед. ч.	1		ména	m(ʹ)i
	2		séna	s(ʹ)i
	3	м. р.	<a>tóna	tun
		ж. р.	<a>tína	tin(ʹ)
ср. р.		<a>tó	tu	
Мн. ч.	1		más ⁽²⁾	mas
	2		sás	sas
	3	м. р.	tints ⁽³⁾	ts ⁽⁴⁾
		ж. р.	atínu	t[i?]s
		ср. р.	atá	ta

Примечания

- (1) На материале МСД.
 (2) Не исключено, что возможны формы *emás* и *esás* для 1 и 2 л. мн. ч. соответственно.
 (3) Пишется без ударения, поскольку данная односложная форма не имеет омонимов; вероятно, возможен и вариант *tís*. Если он существует, его следует оформлять как ударный, чтобы отличать от формы 3 л. мн. ч. ж. р. *t[i?]s*.
 (4) В народных поэтических текстах, вероятно, возможна форма *tis*, ср. с примером (12.44).

В румейском языке можно выделить следующие категории предложения: подлежащее (S), прямое (O_d) и косвенное дополнения (O_i), финитная часть сказуемого (V_{fin}), именная часть сказуемого, связочные элементы (Aux), обстоятельства (Adv), частицы (Part) и клитики (Cl). Сложно говорить о нефинитной части сказуемого, учитывая замену инфинитива формой с *na*, если только не считать таковой русский инфинитив в конструкции типа *kámi жарить*, который отрывается от глагола *kámi* крайне редко, ср. с (12.43).⁸

12.2 Подлежащее (S)

12.2.1 Позиция в предложении

В румейском языке подлежащее может занимать практически любую позицию в предложении. Чаще всего оно стремится оказаться по возможности ближе к началу предложения:

(12.1) *ta ká-m*

ta yákis pánda-pa féni-mi čindir'áx

‘Art мои старшие братья

всегда приносят мне подсолнечное масло’

(12.2) *Nasutírkas k'i Сидоров xálasan-tu*⁹

‘Насутиркас и Сидоров разрушили ее [церковь]’

Однако оно может занимать вторую позицию:

⁸ См. Главу 6, с. 147 и сл.

⁹ Произносится с озвончением: *xálasan-du*.

(12.3) stéras' **máma**-m xúlksin-mas

‘Позже **мама** моя позвала нас’

и даже находиться далее второй позиции, если рассматривать предлог как отдельную синтаксическую позицию:

(12.4) p'isu kilsíja **mís** futíxtam

‘В церкви **мы** крестились’

(12.5) pisa čuxúr'ja **tín-pa**¹⁰ na urnáxkun

‘В ямах **они** чтоб выли’

Иногда подлежащее оказывается на последней позиции, правда, по-видимому, это возможно лишь в случае полной инверсии:

(12.6) p's[u] alón džéfkít **méya buxá**

‘На току пасется **большой бык**’; см. (12.16), ср. с (12.38)

12.2.2 Местоименное подлежащее: Pro-Drop

Как уже упоминалось на с. 375, румейский язык не является языком типа Pro-Drop в строгом понимании. В языках типа Pro-Drop личные местоимения часто противопоставлены друг другу, как это представлено в табл. 12.2.

Такая схема, в частности, справедлива как для НГР, так и для большинства его диалектов, где, помимо личных местоимений, оппозиция по маркированности/немаркированности затрагивает и притяжательные местоимения.

Таблица 12.2. Личные местоимения в языке Pro-Drop.

Падеж	Маркированные	Немаркированные
Именит. п.	Местоименное подлежащее	Нулевое подлежащее
Прочие	Сильная (ударная) местоименная форма	Местоименная клитика

В принципе, в румейском языке присутствуют все формальные черты языка типа Pro-Drop. Во-первых, возможно опускание местоименного подлежащего:

(12.7) éxu ómurfu fistán' žangarí

‘У меня есть (букв. имею) красивое синее платье¹¹’

Во-вторых, в румейском сосуществуют ударные и слабые (клитические) местоименные формы в косв. п. (см. табл. 12.1).

И, наконец, в-третьих, в румейском, как и в НГР, существует два набора форм притяжательных местоимений (см. табл. 12.3).

¹⁰ В потоке речи происходит ассимиляция: tím-ba.

¹¹ Досл. ‘платье синее’.

Таблица 12.3. Притяжательные местоимения⁽¹⁾.

		Лицо	Str		Сл
			Ед. ч.	Мн. ч.	
Ед. ч.	1		tu kó-m ⁽²⁾	ta ká-m	-m
	2		tu kó-s	ta ká-s	-s
	3	м. и ср. р.	tu kó-t	ta ká-t	-t
		ж. р.	tu kó-ts	ta ká-ts	-ts
Мн. ч.	1		tu kó-mas	ta ká-mas	-mas
	2		tu kó-sas	ta ká-sas	-sas
	3		tu kó-tin	ta ká-tin	-tin

Примечания

- (1) На материале МСД.
 (2) Для сильных форм притяжательных местоимений типа tu kó-m возможны варианты ðikó-m, ðikó-s, ðikó-t (ж. р. ðikó-ts), ðikó-mas, ðikó-sas, ðikó-tin [АНИМИЦА, Рукопись₂: 11–12]. Интересно, что подобных вариантов, по-видимому, нет у форм типа ta ká-m (согласующихся с мн. ч.). Подробнее о морфологическом членении и статусе форм притяжательных местоимений см. 390 и сл.

Румейский язык можно условно назвать языком *Post-Pro-Drop*, поскольку в нем еще сохранились формальные черты, свойственные языкам типа Pro-Drop, однако уже исчезла та семантическая основа, благодаря которой данные черты были релевантны. Сегодня уже можно не сомневаться в том, что очень скоро в румейском языке исчезнет противопоставление между сильными и слабыми формами и объектных, и притяжательных местоимений, да и сам Pro-Drop, как свидетельствуют подсчеты, реализуется довольно редко (см. рис. 12.3).

Тот факт, что румеи предпочитают употреблять местоименное подлежащее, объясняется, как мне кажется, не столько влиянием русского языка, сколько особенностями морфологии румейского глагола, о чем, в частности, свидетельствует следующий пример:

- (12.10) *mís ayórasam miskár' k'i na tu ráyum a[s] spit'. na tu ráyamits as spit'*
 'Мы купили теленка и отведем его домой (букв. его отведем). Отведем его домой'

Форма *ráyum*, как следует из контекста, скорее всего, является формой 1 л. мн. ч.: на это указывают, во-первых, местоимение *mís*,¹² во-вторых, аналогич-

¹² Это местоимение, строго говоря, может относиться только к глаголу *ayórasam*, и тогда перевод (12.10) выглядел бы так: 'мы купили теленка, и [я] его отведу домой. [Мы] его отведем домой'.

Однако, в отличие от НГР, в румейском языке различия между ударными и клитическими формами как личных, так и притяжательных местоименных форм не связаны, по крайней мере напрямую, с оппозицией *маркированность/немаркированность*, и, что еще более существенно, вне данной оппозиции оказывается выбор между употреблением и опусканием местоименного подлежащего, ср. следующие примеры:

- (12.8) *atós iðin' tun arlóyu-t*
 'Он увидел
 самого себя (букв. его)'

- (12.9) *∅ iðam tun arlóyu-mas*
 '[Мы] увидели
 самих себя (букв. нас)'

Рис. 12.3. Употребление местоименного подлежащего.

ное употребление формы ráʒum в (12.12) и, наконец, единодушные комментарии многочисленных информантов из с. Малоянисоль. Таким образом, получается, что обе формы, ráʒum и ráʒamits, описывают 1 л. мн. ч., при этом первая имеет окончание активного залога -m, а вторая — пассивного -mits (отложительный глагол). Однако, если ráʒamits — это 1 л. мн. ч., то форма 1 л. ед. ч. будет выглядеть как ráʒum. Получается, что имеются две абсолютно омонимичные формы ráʒum, одна из которых (акт.) обозначает 1 л. мн. ч., а другая (пасс.) — 1 л. ед. ч. Единственным формальным средством, позволяющим нейтрализовать подобную омонимию оказывается употребление местоименного подлежащего. Такое объяснение подтверждается также анализом примеров, в которых Pro-Dгор имеется:

(12.11) ru č[i] an ∅ ð[j]?ávam-ра *кругом*-ра p'íram-**mas** kalá

‘Куда бы ∅ [мы] ни пришли, везде принимали **нас** хорошо’

(12.12) **mís** aʒórasam ʒála, na tu ráʒum as spit'. ∅ p'íram ʒála, na tu ráʒum as spit'

‘**Мы** купили молоко, отнесем его домой. ∅ [Мы] взяли молоко, отнесем его домой’

В (12.11) и во втором предложении в (12.12) местоименное подлежащее опущено, однако это не может привести к непониманию в процессе коммуникации, т. к. ближайший контекст точно указывает на лицо опущенного подлежащего: в (12.11) это местоименная энклитика mas, в (12.12) — подлежащее **mís** в предыдущем предложении. Это наблюдение справедливо и для (12.9) и (12.10); в (12.9) лицо подлежащего очевидно, благодаря притяжательному местоимению mas, а в (12.10) ситуация аналогична ситуации в (12.12).

В результате можно сформулировать следующую закономерность:

В ближайшем контексте¹³ обязательно должен присутствовать какой-либо элемент, указывающий на лицо субъекта, помимо окончания личной формы глагола.

Отмеченная закономерность объясняет, почему в румейском языке регулярно опускается подлежащее в одной из частей сложного предложения (в случае совпадения субъектов в обеих частях):

(12.13) ánda ∅ irévu na p'ínu, **ʒo** na p'éru niró

‘Когда ∅ захочу пить, **я** возьму воды’¹⁴

Иногда, для указания на лицо (обычно 2 л. ед. ч.), используется обращение:

(12.14) či fuvísis **mána** sa rónja

‘∅ [Ты] не испугалась, **мама**, в трудностях’ (II)

Сформулированная выше закономерность лишь указывает на возможные ситуации, когда местоименное подлежащее может быть опущено, но ни в коем случае не ограничивает его употребление, ср. (12.8) и (12.9). Это свидетельствует о том, что со временем румейский язык окончательно перестанет быть Pro-Dгор языком.

В современном румейском языке к опусканию местоименного подлежащего может приводить употребление частицы na:¹⁵

¹³ Под ближайшим контекстом здесь понимается влияние других членов данного предложения или соседних контактных предложений; подробнее о контексте см. [Гинзбург, Пробст 1981; Хайдольф 1978].

¹⁴ Ср. с (12.21): an irév'it érk'it sis ‘если хотите, приходите вы’.

¹⁵ Вероятно, утверждение справедливо и для частицы 0a (ða).

(12.15) *сейчас* ∅ **na** sas léyu éna vaxtsítsku trayóθ *no* ruméjka

‘Сейчас ∅ вам скажу [спою] грустную песню по-румейски’

(12.16) p'ís[u] alón dzéfk'it méya bujá. prep' ∅ **na** tu ráyu as spit'

‘На току пасется большой бык. Надо, чтобы ∅ [я] его отвел домой’; см. (12.6)

(12.17) *Отче наш*, jox, ruméjka ∅ či kséru tu *Отче наш*, ∅ **na** léyu pséma ∅ či purú

‘«Отче наш», нет, по-румейски ∅ не знаю «Отче наш», говорить неправду ∅ не могу’

Особенно регулярно Pro-Dгор происходит, когда частица *na* выступает как показатель инфинитива, как в (12.16) и (12.17), ср. также со следующим:

(12.18) ti[n] íliya máma-m či íðilin **na** mi éðuin se (?)¹⁶ séna, ti[n] íliya ékleps'is-mi

‘[Я] ей рассказала, как моя мама не хотела меня отдавать тебе, [я] ей рассказала ей, [как ты] украл меня’

Опускание местоименного подлежащего в подобных случаях легко объяснимо. Заменяя инфинитив, конструкции *na* + V_{fin} , с одной стороны, не ощущаются как личные, а, с другой — что даже более существенно — всегда зависят от другого глагола, форма которого, если только он не безличный, как *prep'* в (12.16), в большинстве случаев определяет лицо подлежащего в зависимой конструкции.

Показательно, что в тех случаях, когда частица *na* указывает исключительно на модальность, подлежащее может не опускаться:

(12.19) mána tí na kámu **yo**?

‘Мама, что должна/буду делать **я**?’; ср. с (12.5)

Более трудный случай — это отсутствие местоименного подлежащего при *íliya* в (12.18) или при *kséru*:

(12.20) mis ađó p'ís[u] xóra afótistu áθarpus č[i] en'. ∅ mín¹⁷ **kséru** atóra ta in is kuní ta balájða. mís ul-mas-pa futiyméni ímits

‘В¹⁸ здесь в деревне некрещеного человека нет. ∅ Не знаю теперь того, кто баюкает детей. Мы все {мы} крещеные {есть}’

Можно предложить два возможных объяснения:

1. Глаголы *léyu* ‘говорить’ и *kséru* ‘знать’ в румейском языке, как и во многих индоевропейских языках, составляют особый лексико-семантический класс (классы?).

2. Формы 1 л. ед. ч. не требуют дополнительных указаний на лицо.

¹⁶ Форма *se* не очень понятна; под влиянием НГР ее хочется понять как предлог *se*, однако это либо предлог *as*, либо слабая форма местоимения *si* (местоименный повтор дополнения). К сожалению, плохое качество записи не позволяет однозначно решить, что произнес информант.

¹⁷ Не ясно, почему при глаголе употребляется именно такое отрицание, ожидалось бы *či*.

¹⁸ Возможно, имеется в виду ‘мы’; тогда в предложении анаколуф.

Последнее объяснение подтверждается следующим примером:

- (12.21) *đjáva pričepšičica. Pjatydesjat sem' let ∅ ékama den' i noč' p'isu kolhoz. đóđeka medál'ja ∅ éxu, an irév'it érk'it sis ul méra ∅ đíxnu-sas-tu*
 '∅ [я] пошла прицепщицей. Пятьдесят семь лет ∅ трудилась день и ночь в колхозе. Двенадцать медалей имею, если хотите, приходите {вы} в любой день, ∅ покажу вам их'; ср. с примерами (12.24, 12.39)

Не исключено, что к опущению местоименного подлежащего могут приводить отрицательные **mín** kséru atóra (12.20) и модальные частицы **na** sas léyu (12.15), **na** tu ráyu (12.16), **θa** ta fáyu (12.41) и порядок OV *đóđeka medál'ja éxu* (12.21).

12.2.3 Порядок развертывания ИГ

При рассмотрении порядка слов в ИГ необходимо различать два случая:

1. ИГ представляет собой сочетание имени существительного с согласованным определением (прилагательным). При развертывании этих групп определение почти всегда предшествует существительному:¹⁹

(12.22) *méyu đindró*
 'большое дерево'

(12.23) *xulčárku inéka*
 'злая жена'

2. ИГ представляет собой атрибутивную конструкцию, т. е. состоит из имени и несогласованного определения. Подобные ИГ рассматривались в Главе 8, с. 204 и сл.

12.3 Дополнение (O)

Несмотря на то, что в румейском языке, как уже неоднократно упоминалось, сохранились только два падежа, в исследовании по синтаксису имеет смысл различать прямое (O_d) и косвенное (O_i) дополнение по формальному признаку — соответственно, по отсутствию/наличию предлога при дополнении.²⁰

12.3.1 Прямое дополнение (O_d)

В румейском языке не наблюдается ограничений для позиции прямого дополнения. Оно может оказываться как в конце предложения: *yo na p'egú níró* (12.13), так и в начале: *đóđeka medál'ja éxu* (12.21), ср. со следующим:

(12.24) *ta dokuménča-m úla-pa ta érapša-ta kátu su kámsu na mí ta xánu*
 'Документы мои все [я] {их} зашила {их}²¹ под рубашку, чтобы их не потерять'

¹⁹ Одним из немногих исключений является пример (12.7): *fistán' žangarí*.

²⁰ Местоименные дополнения рассматриваются отдельно на с. 388 и сл. О позиции дополнений в рамках глагольной группы (далее ГГ) см. с. 382, о правиле рангов неместоименных дополнений см. с. 383.

²¹ Местоименный повтор дополнения. Интересно, что ИГ здесь дублируется дважды.

В отдельных случаях прямое дополнение может занимать некрайнюю позицию в предложении: на léyu **pséma** či rigú (12.17).

12.3.2 Косвенное дополнение (O_i)

Обычно дополнение с предлогом оказывается на последней позиции в предложении/колоне:

(12.25) yo káθi p'irnó nífkum **an tu**²² **kríju tu niró**

‘Я каждое утро умываюсь {с} **холодной водой**’

Крайне редко косвенное дополнение можно встретить в середине предложения. В единственном обнаруженном примере дополнением является местоименная форма:

(12.26) mís-**pa p'isu tin** traγóðjenam

‘Мы **вслед за ними** пели’

На первую позицию косвенное дополнение не ставится, если только не рассматривать как косвенные дополнения сочетания типа: **p'isu kilsíja** mís futíxtam (12.4), **pisa čuxúr'ja** tín-**pa** na urnáxkun (12.5), **p'is[u] alón** džéfkít méya bučá (12.6). Скорее всего, их целесообразнее рассматривать в качестве обстоятельств (см. с. 384 и сл.).

12.3.3 Порядок развертывания ГГ

В румейском языке в рамках ГГ возможны оба порядка: как VO, так и OV;²³ первый, как свидетельствуют количественные данные, следует считать базовым (см. рис. 12.4).

Многочисленные примеры подтверждают нейтральный характер этого порядка слов:

(12.27) mís **aγórasam yála**

‘Мы **купили молоко**’

(12.28) írini **na kátum dugún**

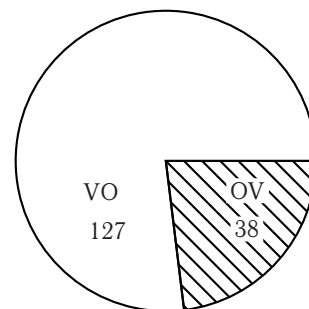
‘сказала **готовить свадьбу**’

(12.29) na p'erú niró

‘возьму **воды**’

Порядок OV, скорее всего, следует считать маркированным:

Рис. 12.4. Порядок слов в ГГ.

²² Произносится с озвончением: an du.

²³ Речь идет о дополнениях, выраженных не местоименными клитиками.

(12.30) [*Пятьдесят семь лет ёката день и ночь р'ису колхоз.*] *đóðeka međál'ja éxu*

‘[Так я пошла прицепщицей. Пятьдесят семь лет трудилась день и ночь в колхозе] двенадцать медалей имею’

(12.31) [*мёна фёнит-ми*] *yo что-то аурикса*

‘[мне кажется {мне}²⁴] я что-то слышал’

(12.32) а *председатель* *mís éxum áljax kaló*

‘А председателя мы имеем очень хорошего’

12.3.4 Правило рангов дополнений

Если при глаголе имеется несколько дополнений, выраженных не местоимениями, эти дополнения ставятся исключительно в постпозиции к управляющему глаголу. Порядок дополнений друг относительно друга свободен. Возможен как VOO_i:

(12.33) *yo férum jáblaka ax корзина*

‘Я беру яблоки из корзины’,

так и VO_iO:

(12.34) *stéras' kámu an tu vyo tu белок k'i tu сахар*

‘Позже делаю из яйца белок и сахар’

Последний, кажется, следует считать более употребительным.

12.4 Сказуемое (V)

12.4.1 Финитная часть сказуемого (V_{fin})

При наличии подлежащего глагол-сказуемое обычно не занимает ни первую, ни последнюю позиции в предложении:

(12.35) *tu kó-m máma íšin íkus balájða*

‘Моя мама **имела** двадцать детей’; ср. (12.1–12.3), (12.6), (12.8), (12.10–12.13), (12.16), (12.19), (12.25)

Если глагол оказывается на первой позиции, то чаще всего это происходит в ситуации Pro-Drop (см. с. 377 и сл.) В отдельных случаях, видимо, связанных с проявлением стратегий нарративности или эмфазой, глагол стоит в самом конце предложения или колона, например: *písa čuxúr'ja tín-pa na urnáxkun* (12.5), *na léyu pséma či purú* (12.17), *mís ađó p'ís[u] xóra afótistu áθarpus č[i] en'* (12.20), *mís-pa p'ísu tin trayóđjenam* (12.26).

²⁴ Местоименный повтор дополнения.

12.4.2 Именная часть сказуемого

Именная часть сказуемого, в целом, занимает в предложении то же место, что и глагол-сказуемое — чаще всего абсолютном конце: *ǰjáva прицепщица* (12.21), или в самом начале предложения:

(12.36) *futiyméni ímits ul-mas-ra*

‘Крешеные {есть} все мы’

Возможно также появление именной части в середине предложения. По-видимому, это происходит в том случае, когда именная часть предшествует свя-зочному элементу при порядке слов SV: *mís ul-mas-ra futiyméni ímits* (12.20).

12.4.3 Связочные элементы (Aux)

Глагол-связка (*быть*) обычно стоит либо в конце предложения или коло-на *mís ul-mas-ra futiyméni ímits* (12.20), либо занимает серединную позицию *futiyméni ímits ul-mas-ra* (12.36), *ul paší ínni ál’ax kalí* (12.52), *úla-m ta p’iǰjá en’ aravun’azména* (12.53). Иногда он вообще опускается:

(12.37) *ánda ítku tu zistó t[u] méra ʏo bǰín’a-ra či ráʏu*

‘Когда такой жаркий день, [я] никуда не пойду’; ср. (12.52).

Не исключено, что подобные случаи следует объяснять влиянием русского языка.

12.5 обстоятельство (Adv)

В румейском языке позиция обстоятельства очевидным образом зависит от его типа.

12.5.1 Обстоятельства места и времени

Обстоятельства места и времени обычно занимают либо начальную позицию в предложении/колоне:

(12.38) *adb pasu²⁵ dǰap ítan немцы*

‘Здесь на холме были немцы’, ср. с (12.4), (12.6), (12.11), (12.16)

(12.39) *psés’ íǰa tu kó-s tun tatá²⁶*

‘Вчера [я] видел твоего отца’, ср. с (12.3), (12.15)

либо могут ставиться в абсолютном конце предложения/колоне:

(12.40) *atós ǰjav’ árta makrá*

‘Он ушел довольно далеко (или давно)’

²⁵ Нельзя, правда, исключать и такого словораздела: *adb-ra su*.

²⁶ Произносится с озвончением: *tun datá*.

(12.41) θα τα fáyu **ávir'**

‘Съем это **завтра**,²⁷ ср. с (12.21)

Часто обстоятельства места и времени оказываются в середине предложения (между подлежащим и сказуемым):

(12.42) γο **ḏía vrad'és** či čeméθα

‘Я **две ночи** не спала’, ср. с (12.1), (12.25), (12.37), (12.45), (12.46)

12.5.2 Обстоятельства образа действия

Обстоятельства образа действия не имеют фиксированной позиции в предложении. Обычно они оказываются после глагола,²⁸ к которому относятся: *κρουγομ-ρα* p'íran-mas **kalá** (12.11), ср. со следующим:

(12.43) atí kan' **kalá** *заниматься* més[a] *десятый* t[u] *класс*

‘Она делает **хорошо** заниматься (= занимается) в десятом классе’²⁹

Иногда, видимо, по аналогии с обстоятельствами места и времени, как в (12.42), обстоятельства образа действия ставятся между подлежащим и сказуемым:

(12.44) mís **kaθará** tis³⁰ íḏam

‘Мы **ясно** их видели’ (Π)

При опускании местоименного подлежащего (Pro-Drop) обстоятельство образа действия может занимать первую позицию в предложении: **ruméjka** či kséru tu *Отче наш* (12.17).

12.6 Частицы (Part)

В румейском языке можно выделить два типа частиц: глагольные и сентенциальные. К глагольным частицам относятся показатель будущего времени и модальности па, его вариант θα/ḏа и приглагольные отрицания. Эти частицы всегда выступают как глагольные проклитики, т. е. ставятся контактно или в цепочке проклитик перед глаголом, к которому относятся, и перемещаются только в составе ГГ, см. с. 388.

В румейском языке существует только одна сентенциальная частица — частица ра. Она представляет собой сентенциальную энклитику и никогда не появляется на первой позиции в предложении. Можно утверждать, что ее положение до сих

²⁷ См. Главу 6, табл. 6.3 (с. 147).

²⁸ Или ГГ, если глагол управляет местоименной энклитикой

²⁹ См. Главу 6, пример (6.20) (с. 150).

³⁰ Возможно, правильнее ts; см. выше табл. 12.1 (с. 376). Не исключено, что появление формы tis вызвано метрическими факторами.

пор определяется законом Ваккернагеля:³¹ *кругом-ра* p'íran-mas kalá (12.11),³² *мис-ра* p'ísu tin trayóðjenam (12.26), *кафа ис'-ра* θel' na tu kser' aútu (12.49) и *ула-ра* na en' kalá (12.51).³³ Чаще, однако, ра находится далее второй позиции в предложении — на третьей: *чо бдін'а-ра* (12.37);³⁴ на четвертой:³⁵ *рíса чухúr'ja tín-ра* (12.5), *мис ул-мас-ра* (12.20), *та докумэнча-м ула-ра* (12.24); на пятой: *та кá-м та уákис páнда-ра* (12.1), *фutiyméni ímits ул-мас-ра* (12.36).

Сдвиг частицы ра далее второй позиции не является нарушением закона Ваккернагеля. В большинстве указанных примеров присутствует **барьер**:

(12.45) *чо барьер камíа-ра* či ðájna su skól'a

‘Я никогда не ходила в школу’, ср. с (12.37)

Помимо барьера, часто имеется **запрет на разрыв сложной составляющей**:

(12.46) ^{сложная составляющая} *jalía k'i pórtis páнда-ра* eš' tu spit'

‘Окна и двери всегда есть в доме (досл.: имеет дом)’, ср. с (12.1), (12.5), (12.11), (12.20), (12.24)

(12.47) *atín барьер* ^{сложная составляющая} *íran-tu úла-ра*

‘Они рассказали ему все’

Кроме того, при определении второй позиции необходимо выяснить, откуда вести отсчет. Как свидетельствуют большинство исследований по закону Ваккернагеля на материале греческого языка, точка отсчета и начало предложения далеко не всегда совпадают — ср. с примерами *pu č[i] an θ ð[j]?ávam-ра/ кругом-ра* (12.11) и *ánda ítku tu zistó t[u] méра чо бдін'а-ра* (12.37) — и целесообразно ввести понятие *колон* для обозначения меньшего единства, между компонентами которого имеются синтаксические отношения [WEIL 1879: 96; FRAENKEL 1933: 319; 1966: 67; КРАСУХИН 1997: 71; JANSE 2000: 234]. Использование понятия *колон* удобно и для некоторых румейских примеров: *futiyméni ímits/* ^{сложная составляющая} *ул-мас-ра* (12.36);³⁶ ср. также со следующим:

(12.48) *tu kó-m tajfá*³⁷ / *ула-ра* en' ta mtíja éna

‘В моей семье у всех носы одинаковые’³⁸

³¹ Напомним, что согласно закону Ваккернагеля безударные/слабоударные слова (энклитики) примыкают к сильноударным словам и занимают вторую позицию в предложении; подробнее см. [WACKERNAGEL 1892; COLLINGE 1985: 218; ЦИММЕРЛИНГ 2002: 72–77].

³² Имеется в виду ра в главном предложении (вторая). Отсчет позиции ведется от начала главного предложения.

³³ В примере *atós ðjav' áрта макрá чо-ра* на *рачу* (12.50) следует считать от начала главного предложения. Сюда можно отнести (12.38), если принять словораздел, предложенный в сн. 25 (*адб-ра су*), а также примеры (12.46) и (12.48), если согласиться с предложенным выделением колона; см. сн. 38.

³⁴ Отсчет позиции ведется от начала главного предложения; см. также ниже.

³⁵ Артикли не учитываются как отдельная синтаксическая позиция.

³⁶ Здесь и далее знак / указывает на начало колона.

³⁷ Произносится с озвончением: *tu kó-m dajfá*.

³⁸ Досл.: ‘Моя семья все есть носы один’; по-видимому, здесь путаются глаголы *быть* и *иметь*. Вместе с тем словосочетание *tu kó-m tajfá* можно интерпретировать как барьер с запретом на разрыв сложной составляющей.

В плане употребления сентенциальной энклитики румейский язык напоминает т. н. *позднее койне* VI–VIII вв. н. э. [Кисилиер 2006: 128 и сл.].

Для лучшего понимания принципов постановки частицы *ra* необходимо обратить внимание на ее значение. Можно заметить, что очень часто она употребляется после обстоятельств времени (*ránda* ‘всегда’ (12.1, 12.46); *kańía* ‘никогда’ (12.45)), места (*krugom* (12.11); *bđín’a* ‘нигде, никуда’ (12.37) и, возможно, *ađb* ‘здесь’ (12.38), см. сн. 25), а также после местоимений *ul* ‘весь, всякий, любой’ (или ИГ, включающих данное местоимение): (12.20) (12.24), (12.36), (12.47), (12.48); и *káθa is’* ‘каждый, любой’:

(12.49) *káθa is’-pa* θel’ na tu kser’ aútu

‘Каждый хочет это знать {это}’³⁹

Эти наречия и местоимения относятся к тому лексико-семантическому классу слов, которые (практически?) всегда находятся в фокусе внимания, т. е. маркированы. Частое употребление частицы *ra* сразу после таких слов или словосочетаний, маркированных при помощи этих наречий и местоимений, позволяет рассматривать *ra* как показатель присутствия эмфазы, своего рода аналог древнегреческих частиц, типа *γάρ* или *δέ*. Подобное предположение подтверждается также примерами, где отсутствуют перечисленные выше наречия и местоимения, но присутствует, например, антитеза, как в (12.50):

(12.50) *atós đjav’ ártá makrá ħo-pa* na ráħu

‘Он ушел довольно далеко (или давно), и мне **вот** [тоже] надо идти (или я [тоже] пойду)’

Необходимо, правда, признать, что удалось обнаружить некоторое количество примеров, где местоимения *ul* и *káθi* (12.25) и наречие *ránda* употребляются без частицы *ra*:

(12.51) **Стимул:** *Все будет хорошо*

úla-pa na en’ kalá. *úla* kalá k’i *pánda* kalá

‘**Все** будет/должно быть хорошо. **Все** хорошо, и **всегда** хорошо’

(12.52) **Стимул:** *Все толстые люди — добрые*

ul paší-*pa*. . . *ul* paší ínni ál’ax kalí. *ul* paší ál’ax kalí

‘**Все** толстые. . . **все** толстые очень хорошие. **Все** толстые очень хорошие’

(12.53) *úla-m* ta p’iđjá en’ aravun’azména

‘**Все** мои дети [сыновья] женаты’⁴⁰

(12.54) *kóma pánda* pernún

‘Все еще **всегда** приходят’

³⁹ Местоименный повтор дополнения.

⁴⁰ См. также Главу 11, пример (11.28) (с. 355).

Аналогичные частицы встречаются и в других диалектах НГР, например, на Закинфе (ἐδῶ πα или ἐδῶτα ‘именно здесь’⁴¹) и в понтийском.⁴² Понтийская частица функционально ближе к румейской, чем частица из Закинфа, поскольку последняя употребляется исключительно в сочетаниях с наречием места, и, по мнению Аксиопи Мурелату, происходит из наречия πάνω ‘на, наверху’ (ἐδῶ πα < ἐδῶ πάνω). В понтийском же, если верить Питеру Макриджу (см. сн. 42), па, видимо, появилась из наречия πάλι(ν) ‘опять, обратно’. Можно высказать еще одно предположение о происхождении частицы па, по крайней мере, для румейского — из восклицательного междометия па, встречающегося в разных диалектах НГР.⁴³

12.7 Клитики (CL)

В румейском языке можно выделить три синтаксических типа клитик: сентенциальные, глагольные и именные. В румейском языке сохранилась только одна сентенциальная энклитика — частица па, которая только что рассматривалась. К глагольным клитикам относятся МЧ па и та (или да) и слабые формы личных местоимений в косвенных падежах. Именные энклитики — это притяжательные местоимения. Таким образом, типы румейских клитик полностью совпадают с типами, традиционными для НГР и его диалектов.

12.7.1 Глагольные клитики

Рассмотрение глагольных клитик традиционно сводится к двум вопросам: а) морфологический статус клитик и б) позиция относительно словоформы-хозяина, т. е. глагольной формы, к которой эти клитики относятся. Статус МЧ практически никогда не вызывает сомнений, и румейские частицы па и та/да не являются здесь исключением. Они всегда ставятся перед словоформой-хозяином либо контактно, как, например, па ráуи в (12.50), либо могут отделяться отрицанием mí, например, па mí éдиin (12.18), местоименной проклитикой, как па tu ráуim (12.10) или даже цепочкой проклитик, например, па #mí ta# хáну (12.24).

Если с позицией и морфологическим статусом румейских МЧ все предельно ясно, то в случае с местоименными клитиками требуется более тщательный анализ. Они всегда ставятся контактно к управляющему глаголу, оказываясь либо в постпозиции к нему: ékleps’is-mi (12.18), либо, наоборот, предшествуя ему: tu ráуim (12.10). В большинстве случаев местоименное дополнение оказывается энклитикой, т. е. ставится после управляющего глагола (см. рис. 12.2, с. 375). Препозиция всегда имеет место, если перед глаголом стоит МЧ: na tu ráуim (12.10), та ta fáуи (12.41). Постпозиция обязательна при формах императ.:

⁴¹ Картотека Центра диалектологии афинской академии наук (Κέντρο Διαλεκτολογίας Ακαδημίας Αθηνών), ящик № 757. Благодарю сотрудника Центра диалектологии Аксиопи Мурелату за предоставленную мне информацию по частице па на Закинфе.

⁴² Там же. Как мне сообщил Питер Макридж, он встретил частицу paI у понтийских греков на территории Турции, где свойства данной частицы (как показателя маркированности) практически полностью совпадают с румейской частью па.

⁴³ Картотека. . . , там же.

(12.55) fer-mi psumé

‘принеси мне хлеба’

В отличие от НГР, в румейском позиция местоименной клитики не обусловлена формой управляющего глагола. В случае с МЧ, видимо, проявляется тенденция к формированию цепочки клитик и запрет на существование одновременно проклитики и энклитики при одной словоформе-хозяине. Подобная тенденция проявляется и в следующем примере:

(12.56) #sas tu# léyu guméika

‘вам это по-румейски говорю’

Цепочку sas tu нельзя разорвать, что и приводит к препозиции, поскольку вариант *léyu guméika-#sas-tu# невозможен, т. к. sas tu являются глагольными клитиками и, следовательно, не могут отрываться от глагольной формы. Разрыв устойчивого выражения léyu guméika также представляется маловероятным.

Не исключено, что именно метрико-просодические ограничения влияют на позицию местоименных клитик и в фольклорных текстах, как, например, mís kaθará tis íðam (12.44), где изменение порядка VO приводит к сбою в метрике (см. также сн. 30). Даже постпозицию при императ. (12.55) скорее следует рассматривать, как остаточное просодическое явление, связанное с действием закона Ваккерн-геля, нежели как морфологическое требование.

Определение морфосинтаксического статуса местоименных клитик в румейском языке, на первый взгляд, осложняется тем, что сами румеи часто не воспринимают их как отдельные словоформы и записывают их слитно с управляющими глаголами⁴⁴ или через дефис. Похожая картина наблюдалась иногда и в ДГР надписях, где либо имеет место слитное написание,⁴⁵ либо наблюдаются ассимилятивные процессы между глагольной формой и местоименной энклитикой.⁴⁶ Несмотря на эти примеры, нет никаких оснований считать местоименные (сентенциальные) энклитики в ДГР местоименными аффиксами, поскольку в рамках предложения они могли занимать любую позицию, кроме первой. В румейском языке позиция клитик менее свободна, чем в ДГР, потому что глагольные клитики, в отличие от сентенциальных, примыкают не к любому полноударному слову, а только к управляющему глаголу. При этом слабые местоименные формы в румейском языке обладают большей линейно-синтагматической свободой, чем местоименные клитики в НГР и многих его диалектах,⁴⁷ где местоименные дополнения никогда не рассматриваются как аффиксы. Таким образом, нет

⁴⁴ В первую очередь имеются в виду энклитические формы.

⁴⁵ В частности, в [КАЗАНСКИЙ 2001: 246–247] приводится надпись с вазы аттического мастера Эккекия: Εὐσεβίας : μελοισεν : εν ‘Эккекий #меня сделал# хорошо’ (Лувр F54; ок. 540 г. до н. э., знаки словораздела (:)) были и на сосуде).

⁴⁶ Например: δίδ[ους]ίμ μοι ‘дают мне’, ἐγράψαμές σοι ‘[мы] написали тебе’ [MAYSER, SCHMOLL 1970: 204–205].

⁴⁷ В НГР позиция местоименной клитики зависит исключительно от формы управляющего глагола; в некоторых диалектах НГР, например, в понтийском, где влияние греческих средств массовой информации не очень сильно, предпочтительным порядком является постпозиция: ἀτὰ εἶχα νὰ ἔλεγα τον ‘[я] должен был ему это сказать’ [ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ 1958: 236]. Показательно, что в отличие от румейского, в понтийском не наблюдается тенденция сохранять/формировать цепочки клитик, т. е. появление МЧ να не приводит к постпозиции.

никаких оснований рассматривать румейские местоименные клитики в качестве местоименных аффиксов.

Как уже отмечалось выше, местоименные клитики могут формировать цепочки с другими неударными словами. Выделяется два типа таких цепочек: 1) местоименные: $\delta\acute{\iota}\chi\pi\upsilon\text{-}\#sas\text{-}tu\#$ (12.21) и 2) смешанные, состоящие из МЧ и местоимения: $\#na\ sas\#\acute{\iota}\epsilon\upsilon\upsilon$ (12.15). Смешанные цепочки иногда включают до трех компонентов: $\#na\ mi\ ta\#\acute{\chi}\acute{\alpha}\pi\upsilon$ (12.24). Глагольные клитики не могут составлять цепочки ни с именными, ни с синтаксическими. В цепочке клитик всегда действует правило рангов. В смешанных цепочках местоименная клитика следует за МЧ (12.15). В местоименных цепочках правило рангов выглядит как **адресат + объект** независимо от того, стоит цепочка в препозиции $\#sas\ tu\#\acute{\iota}\epsilon\upsilon\upsilon$ (12.56) или постпозиции $\delta\acute{\iota}\chi\pi\upsilon\text{-}\#sas\text{-}tu\#$ (12.21) к глаголу. Этот порядок сохраняется и в том случае, если местоименная клитика оказывается не одиночным дополнением, а компонентом местоименного повтора дополнения:

(12.57) $st\acute{\epsilon}\upsilon\pi\iota^{48}\ tu\ \acute{\epsilon}\acute{\iota}\ \delta\acute{\upsilon}\acute{\iota}\iota\text{-}\#mi\text{-}tu\#$

‘Крышу {ee} не дали мне {ee}’

12.7.2 Именные энклитики

Притяжательные местоимения обладают намного меньшей степенью линейно-синтаксической свободы, чем объектные местоимения. В подавляющем большинстве примеров они ставятся либо после существительного, к которому относятся, например: $m\acute{a}ma\text{-}m$ (12.3), $ta\ dokum\acute{e}n\acute{\epsilon}\tau\acute{s}a\text{-}m$ (12.24),⁴⁹ либо входят в состав особой формы, которую условно можно назвать сильной формой притяжательного местоимения: $tu\ k\acute{o}\text{-}m$ (см. также табл. 12.3, с. 378).⁵⁰ Как и в случае с объектными местоимениями, носители румейского языка пишут их слитно с существительным или, в лучшем случае, через дефис. В пользу того, чтобы считать притяжательные местоимения аффиксами, можно привести еще два следующих довода:

1. В урумском языке, которым большинство румеев владели и из которого в румейский язык вошло много лексических заимствований,⁵¹ притяжательность выражается местоименными аффиксами.
2. В понтийском диалекте, который часто считают близкородственным румейскому языку,⁵² притяжательные местоимения именуют аффиксами и при записи не отделяют их от определяемого существительного [ЕЛОЕВА 2004: 123–131].

⁴⁸ Слово не обнаружено в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

⁴⁹ Варианты $*m\acute{a}ma\ X\ m$, где X — любая словоформа, и $*m\acute{a}ma$ невозможны, если не рассматривать как такой вариант примеры типа $tu\ k\acute{o}\text{-}m\ m\acute{a}ma$ (ср. с $tu\ k\acute{o}\text{-}m\ ta\acute{j}\acute{f}\acute{a}$ (12.48)), где, правда, чаще всего употребляется артикль: $tu\ k\acute{o}\text{-}m\ tu\ m\acute{a}ma$, ср. с $[tu]\ k\acute{o}\text{-}mas\ tu\ ta\acute{i}\acute{f}\acute{a}$ (12.60).

⁵⁰ Эта особая форма уже практически вытеснила обычные притяжательные местоимения и сейчас уже не воспринимается как маркированная.

⁵¹ См., например, Главу 6, с. 152 и сл.

⁵² См. «Предисловие», с. 18.

Тем не менее, приведенные выше доводы, как представляется, не являются достаточным основанием для того, чтобы считать слабые формы притяжательных местоимений аффиксами:

1. Действительно, румейские притяжательные местоимения занимают фиксированную позицию и не могут отрываться от словоформы-хозяина. Однако в этом они полностью повторяют слабые формы притяжательных местоимений в НГР. Аналогия усиливается еще и благодаря тому, что и в румейском, и в НГР притяжательные местоимения иногда «прикрепляются» не к существительному, а к определяющему его прилагательному: ο *χαλός μου φίλος* ‘мой хороший друг’ и *καρδῆγιάκι-μ τυ αγάπ* ‘моя сердечная любовь’ [ШЕБАНИЦ 1994: 30].⁵³ Следовательно, если ставить вопрос об отождествлении притяжательных местоимений с аффиксами, то его надо ставить для НГР в целом, а не отдельно для румейского.
2. Если усматривать здесь влияние урумского языка, возникает вопрос: почему это влияние проявилось только на уровне местоименных аффиксов и почему в румейском не появились еще какие-либо черты языка агглютинативного строя?

Отношение румеев к словосочетанию с притяжательным местоимением как к одному слову может быть вызвано тем, что в ед. ч. слабая форма притяжательного местоимения представляет собой, в сущности, один согласный: -m ‘мой’, -s ‘твой’, -t ‘его’ (см. табл. 12.3, с. 378). Носителям большинства индоевропейских языков трудно представить себе слово, которое бы состояло из одной согласной, и, тем более, писать его раздельно.⁵⁴

Следует также отдельно сказать несколько слов о сложных формах типа *tu kó-m*. Традиционно носители румейского языка пишут ее как *тукóм* (изредка *тукó-м*). Несомненно, здесь вычленяется собственно именная клитика, но возникает вопрос об оставшейся части *тукó*. Те, кто прочитал эту главу и предыдущие, могли заметить, что везде принято написание *tu kó*. Настало время объяснить причины такого членения, противоречащего языковому сознанию румеев. Рассмотрим три примера:

(12.58) **tu kó-mas tu chóra**
‘наша деревня’

(12.59) **su kó-mas tu chóra**
‘в нашей деревне’

(12.60) **p’isu kó-mas tu taifá**
‘в нашей семье’

⁵³ Подобное перемещение притяжательного местоимения от существительного к определению без изменения референции служит, как кажется, убедительным доказательством того, что притяжательные местоимения не являются местоименными аффиксами; ср. с аналогичными примерами *ul-mas* в (12.20) и (12.36), *arlóyu-t* в (12.8) и *arlóyu-mas* в (12.9).

⁵⁴ Родство между румейскими -m, -s, -t, с одной стороны, и соответствующими местоимениями в НГР *μου, σου, του*, с другой стороны, не вызывает сомнения, причем переход *μου > -m* наблюдается и в ряде диалектов внутри самой Греции [KONTOSPOULOS 2001: 96–97].

В (12.59) и (12.60) перед ИГ ставятся предлоги *kla]s* и *p'ís[u]*, соответственно, и компонент *tu* сливается с предлогом, однако *[a]s + tu = su* или *p'ís[u] s + tu = p'ís[u]* в том случае, когда *tu* — артикль.⁵⁵ Справедливость подобного членения подтверждается и формами мн.ч. *ta ká* (см. табл. 12.3, с. 378). Скорее всего, оставшийся компонент *kó* (мн.ч. *ká*) соответствует НГР *δῆξ(ς)*:

			ед.ч.			мн.ч.
(12.61)	НГР	<i>το</i>	<i>δῆξό</i>	<i>μου</i>	<i>τα</i>	<i>δῆξά μου</i>
	РУМ	<i>tu</i>	<i>kó</i>	<i>-m</i>	<i>ta</i>	<i>ká -m</i>

В завершение рассмотрения именных энклитик стоит отметить, что притяжательные местоимения могут формировать цепочки с частицей *pa*: *ul-#mas-pa#* (12.20), (12.36).

12.8 Порядок слов в предложении

Порядок слов в румейском языке свободный, поскольку ограничений на позиции полноударных членов предложения не наблюдается.⁵⁶ Возможна частичная или полная инверсия, вызванная, прежде всего, действием эмфазы: **ta dokuménca-m** *úla-pa ta érapsa-ta kátu su kámsu* (12.24). Возможен также разрыв ИГ:

(12.62) *yo udramájða na sas léyu č'ulí*
 'Я частушки вам спою **полевые**', ср. с (12.32)

Нейтральным (базовым) порядком слов в румейском языке следует считать (S)VO. Об этом свидетельствуют, во-первых, количественные данные, представленные на рис. 12.1 (с. 375), а во-вторых, тот факт, что именно с помощью этого порядка оформляются простые повествовательные высказывания: *tu kó-m máma íšin íkus balájða* (12.35), ср. также со следующим:

(12.63) *yo ðúlepa saránda xróp'ja*
 'Я проработала сорок лет'

В рассказах часто встречается полная инверсия, что можно считать проявлением стратегии нарративности: *p'ís[u] alón džéfkít méya buya* (12.6), *ađó pasu džap ítan немцы* (12.38).

Порядок слов в вопросительных предложениях не отличается от порядка слов в невопросительных предложениях:

(12.64) *pses' íðas tu kó-m tun tatá?*⁵⁷ *pses' s'í íðas tu kó-m tun tatá? s'í íðas tu kó-m tun tatá?*

'Вчера [ты] видел моего отца? Вчера ты видел моего отца? Ты видел моего отца?'

⁵⁵ О слиянии предлога с артиклем см. «Предисловие», с. 22.

⁵⁶ См. также количественные данные на рис. 12.1, с. 375.

⁵⁷ Здесь и далее произносится с озвончением: *tun datá*.

(12.65) tí atí mónu kánni ðljá

‘Что, они только делают работу?’

Возможно, диморфизм имеет место в восклицательных предложениях, однако обнаруженные примеры относятся к фольклору и песенной традиции:

(12.66) mána tí na kánnu yo

‘Мама, что делать мне’⁵⁸ (II)

⁵⁸ Букв. ‘что делать я’. Строго говоря, данное предложение можно считать и вопросительным.

Глава 13

– Местоименный повтор дополнения

13.1 Общие сведения

Повтор дополнения — конструкция, в которой дополнение, прямое или косвенное, выраженное ИГ или ударной формой личного местоимения, дублируется безударной формой личного местоимения, является одной из характерных особенностей НГР. Для того чтобы выяснить, существует ли данная конструкция в румейском языке, румеям, владеющим помимо румейского также и русским языком, предлагались русские предложения, переводы которых на румейский предположительно могли содержать повтор. В целом, материал по повтору дополнения основывался как на анкетах, специально составленных по местоименному повтору, так и на переводах анкет по другим грамматическим темам. Кроме того, к исследованию привлекались спонтанные тексты, записанные в с. Малый Янисоль в июле 2002 г.¹

В работах, исследующих повтор дополнения в НГР, обычно утверждается, что дублироваться могут только определенные ИГ, а также то, что повтор маркирует дополнение как тему предложения. Первое утверждение, впрочем, уже давно было подвергнуто сомнению.² Повтор определенных ИГ действительно более распространен, однако неопределенные ИГ также могут дублироваться, но только в том случае, если они референтны. Это справедливо и для румейского языка. Подавляющее число дублируемых ИГ — это определенные ИГ, но, например, перевод стимула «*некоторые из этих деревьев придется спилить*» содержит повтор:

(13.1) éna d̥ía d̥índra³ xrášk'it na ta kóftum

‘Одно-два дерева_{ИГ} нужно, чтобы [мы] их_{СЛ} спилили’

Второе утверждение — о том, что повтор маркирует дополнение как тему предложения, обычно подается как аксиома.⁴ На самом деле, это не совсем верно: дополнение может быть темой предложения и при этом не дублироваться, что подтверждается и румейским материалом. В одном и том же стимуле «*Петя руки моет, а ноги не моет*», ИГ *ноги*, являющаяся темой второй части сложносочиненного предложения, в переводах одних информантов дублировалась, а в переводах других не дублировалась:

¹ Об экспедициях см. «Предисловие», с. 17, и Главу 2, с. 65.

² См., напр., [KAZAZIS, PENTHEROUDAKIS 1976: 399; Лопашов 1978: 48].

³ Прим. ред.: [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 73] дает для МСД также вариант с другой позицией ударения *д̥ындра*.

⁴ См., напр., [WARBURTON 1977: 260; THEOPHANOPOULOU-KONTOU 1986–1987: 43; HABERLAND, VAN DER AUWERA 1990: 132; HOLTON ET AL 1997: 430–439; KALLULI 1999: 218; MACKRIDGE 2000: 323]

(13.2) *ta šéra-t pliš[k?]-ta a ta bďára-t či plišk(-ta)*

‘Руки свои_{ИГ} моет их_{CL}, а ноги_{ИГ} свои не моет {их_{CL}}’ (см. также пример (13.14))

По крайней мере, предположение о том, что дополнение, являющееся ремой предложения, дублироваться не может, по-видимому, верно и в отношении стандартного НГР, и в отношении румейского языка.

Интересно отметить, что все зафиксированные в МСД случаи повтора ИГ — это примеры репризы (ИГ предшествует безударной форме личного местоимения), в то время как ни разу не встретилась антиципация (безударная форма личного местоимения предшествует ИГ).

С повтором личных местоимений дело обстоит сложнее. Во-первых, существующее правило о дублировании ударных форм безударными перестает работать в отношении личных местоимений 1 и 2 л. мн. ч. В примере из спонтанного текста *ínišin⁵ du(n)güš émbri mas xúlzan-mas* ‘случилась война, вперед⁶ нас позвали {нас}’ обе формы личного местоимения безударны.

Во-вторых, даже в тех случаях, когда, очевидно, присутствуют и ударная, и безударная форма, остается непонятным, какая из них является дублирующей, ведь и безударная, и ударная форма могут употребляться отдельно в нейтральных контекстах:

(13.3) *sí aḡarás-mas*

‘Ты любишь нас_{CL}’ (см. также пример (13.59))

(13.4) *ḡo atóna/atúna či kséru*

‘Я ego_{STR} не знаю’

В случаях присутствия и безударной и ударной формы, их расположение относительно глагола может быть различным:

(13.5) ударная форма + глагол + безударная форма:⁷

s’í a t í n a θel’s⁸-tin?

‘Ты e_{STR} любишь {ee_{CL}}?’ (см. также пример (13.21))

(13.6) безударная форма + глагол + ударная форма:

tís tu ékam’in a ú t u⁹?

‘Кто это_{CL} сделал {э т o_{STR}}?’ (см. также пример (13.43))

(13.7) глагол + безударная форма + ударная форма:

tos furčíksin’-tun t ó n a

‘Он утопил ego_{CL} {e г o_{STR}}’ (см. также пример (13.47))

⁵ Прим. ред.: букв. ‘наступила, стала’.

⁶ Прим. ред.: букв. ‘навстречу’.

⁷ Здесь и далее слабая форма выделяется полужирным шрифтом, сильная — разрядкой.

⁸ Прим. ред.: букв. ‘желаешь’.

⁹ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 35] указывается, что форма *aḡtus* свойственна для БСД и НкСД.

Довольно сложно понять, что заставляет информанта выбирать один из существующих вариантов расположения безударной и ударной форм местоимения относительно глагола. В предложенных выше примерах невозможно выделить какие-нибудь принципиальные различия, за исключением их коммуникативной направленности (первое и второе предложение являются вопросительными, а третье утвердительным). Кроме того, если сравнить примеры, содержащие только безударную или ударную форму, с примерами, содержащими обе формы, принцип, согласно которому производится выбор той или иной конструкции, также неочевиден. Не очень помогают понять этот принцип и сами информанты. Так, стимул «*Когда я тебя увижу?*» был вначале переведен как

(13.8) *pot*¹⁰ na *si*_{CI} *draní?*¹¹

Далее информанту был задан вопрос: «*А можно сказать: pot na si*_{CI} *draní s é n a*_{STR}?»,¹² на который был получен ответ: «*séna — тебя, можно*».

Нередко отмечается, что повтор дополнения — явление, главным образом, свойственное разговорной речи. Пожалуй, это замечание неверно в отношении повтора ИГ: повтор встречается и в художественной, и в научной литературе, и в газетах; но для повтора личных местоимений это скорее верно: он, действительно, редко встречается в письменном тексте. Напротив, в устном тексте повтор личных местоимений более распространен, и это подтверждается, например, и румейскими данными.

Подобная неопределенная ситуация, когда, например, информант вначале переводит стимул «*Он его напоил*» как *tos atóna rótsin'*, используя только ударную форму, а потом добавляет «*или rótsin'-tun*» (прибавляя еще и безударную), говорит о том, что безударные личные местоимения¹³ находятся на полпути к грамматикализации, постепенно приобретая черты глагольных аффиксов. Поэтому информанты часто неосознанно чувствуют необходимость прибавления к глаголу подобного аффикса.

13.2 Выборочный перечень примеров

13.2.1 Повтор ИГ

(13.9) **Стимул:** *Письмо я получила вчера*

Инф1: *tu kó-t tu xartí*_{IG}¹⁴ *yo p'íra-tu*_{CI} *apsés*¹⁵

Инф2: *xartí*_{IG} *p'íra psés*¹⁶

¹⁰ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 157, 326] отмечает, что форма *pot* характерна для БСД, ССД и ЯСД, тогда как в МСД встречается *póty*; показательно, что именно последний вариант приведен в [АНИМИЦА, INTERNET].

¹¹ См. также пример (13.41).

¹² 'Когда **тебя**_{CL} увижу тебя_{STR}' (**перевод ред.**).

¹³ О морфологическом статусе безударных форм личных местоимений см. Главу 12, с. 389.

¹⁴ **Прим. ред.:** букв. 'его письмо'.

¹⁵ **Прим. ред.:** [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 27, 277] не указывает варианта для МСД; форма *apsés* трактуется как ЯСД или *apsés* — как БСД; в [АНИМИЦА, INTERNET] словоформа отсутствует.

¹⁶ **Прим. ред.:** для МСД форму *psés* указана лишь в [АНИМИЦА, INTERNET]; [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 277] трактует ее как ССД.

Инф3: **tu xartí**_{ИГ} p'íra-**tu**_{С1} pses

(13.10) **Стимул:** *Работу я выполнила вовремя*

Инф1: **tu ðljá**_{ИГ} yo kámu¹⁷-**tu**_{С1} s[tu?]n óra

Инф2: **tu ðljá**_{ИГ} b'itrájsa¹⁸-**tu**_{С1} *вовремя*

Инф3: **tu ðljá**_{ИГ} ékama-**tu**_{С1} an t[u] óra

(13.11) **Стимул:** *Моя мама дала Маше воды, а Насте не дала*

Инф1: mána-m ðók'in neró **t[u]** **Маша**_{ИГ} a **t[u]** **Настенька**_{ИГ} či ðók'in típus-pa¹⁹

Инф2: mána-m ðók'in **t[u]** **Маша**_{ИГ} neró a **t[u]** **Настя**_{ИГ} či ðók'in

Инф3: mána-m ðók'in **t[u]** **Маша**_{ИГ} neró a **t[u]** **Настя**_{ИГ} či ðók'in

(13.12) **Стимул:** *Сыновьям отец привез подарки, а дочерям не привез*

Инф1: **ta p'íðijá**_{ИГ}²⁰ táta **tin**_{С1}²¹ íf'ir'in ta podárk'is²² a **ta kur'íçja**_{ИГ} ðen²³ ðók'in típus-pa²⁴

Инф2: **ta p'íðijá**_{ИГ} táta **tin**_{С1} íf'ir'in padárk'is a **ta kur'íçja**_{ИГ} jox

Инф3: **ta p'íðijá**_{ИГ} táta **t[a]**_{С1} íf'ir'in padárk'is a **ta kur'íçja-t**_{ИГ} típus-pa č[i] íf'ir'in²⁵

(13.13) **Стимул:** *Гриша дал мне яблок, а я их все съела по дороге*

Инф.: yr'íšas ðók'in-mi m'íla yo **úla-pa**_{ИГ} éfaɣa-**ta**_{С1} lon stráta

(13.14) **Стимул:** *Петр руки моет, а ноги не моет*²⁶

Инф1: p'itrús **ta šéra-t**_{ИГ}²⁷ plíšk-**ta**_{С1} a **ta bdára-t**_{ИГ}²⁸ či plíšk-**ta**_{С1}

Инф2: p'ét'as **ta šéra-t**_{ИГ} plíšk-**ta**_{С1} a **ta bdára-t**_{ИГ} či plíšk-**ta**_{С1}

Инф3: p'ét'as **ta šéra-t**_{ИГ} plíšk-**ta**_{С1} a **ta bdára-t**_{ИГ} či plíšk

¹⁷ **Прим. ред.:** букв. 'делаю'.

¹⁸ **Прим. ред.:** букв. '[я] закончила'.

¹⁹ **Прим. ред.:** букв. 'а Настеньке не дала ничего'.

²⁰ **Прим. ред.:** букв. 'мальчиком'.

²¹ **Прим. ред.:** видимо, информант осознает существительное p'íðijá как м.р., а не ср.р., поэтому дублирует его клитическим местоимением м.р. мн.ч. tin, а не ср.р. ta, ср. с переводом того же стимула ниже у Инф3; формы личных местоимений в косв. п. представлены в Главе 12, с. 376.

²² **Прим. ред.:** заимствованное существительное не фиксируется в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006]

²³ **Прим. ред.:** представляется, что данное отрицание не свойственно для МСД.

²⁴ **Прим. ред.:** букв. 'а девочкам не дал ничего'.

²⁵ **Прим. ред.:** букв. 'а девочкам своим ничего не принес'.

²⁶ См. также пример (13.2).

²⁷ **Прим. ред.:** букв. 'руки свои'.

²⁸ **Прим. ред.:** букв. 'ноги свои'.

13.2.2 Повтор личных местоимений

13.2.2.1 Ударная форма + глагол + безударная форма

(13.15) **Стимул:** *Ее увезли в город*

Инф.: a t í n a_{Str} ḏávan_{C1} su bazár

(13.16) **Стимул:** *Ее выгнали на пастбище*

Инф.: a t ó_{Str}²⁹ kortakósan-tu_{C1} na vóšk'it

(13.17) **Стимул:** *Он меня не знает*

Инф.: atós m é n a_{Str} čí kser-mi_{C1}

(13.18) **Стимул:** *Вся моя семья знает его*

Инф.: úlu-m tajfá³⁰ a t ó n a_{Str} ksérni³¹-**tu**_{C1}

(13.19) **Стимул:** *Мой сосед его знает*

Инф.: tu kó-m xumšús t ó n a_{Str} kser'-**tu**_{C1}

(13.20) **Стимул:** *Ты меня не любишь?*

Инф.: sí m é n a_{Str} č[i] aḡapás-mi_{C1}?

(13.21) **Стимул:** *Ты его любишь?*

Инф.: sí t ó n a_{Str} θel's³²-**tu**_{C1}?³³

(13.22) **Стимул:** *А ты их любишь?*

Инф.: a sí a t í n ' t s_{Str}³⁴ θel's-**ts**_{C1}?

(13.23) **Стимул:** *Это сделал я*

Инф.: a ú t u_{Str} ékama-**tu**_{C1} ḡo

(13.24) **Стимул:** *Я бы этого не делала*

Инф.: ḡo a ú t u_{Str} č[i] éftaḡa³⁵-**tu**_{C1}

(13.25) **Стимул:** *Он его убил*

Инф.: tos t ó n a_{Str} skótsin-**tu**_{C1}

(13.26) **Стимул:** *Мы его посадили*

Инф.: mís t ó n a_{Str} káθsam-**tu**_{C1}

(13.27) **Стимул:** *Меня вырастили*

Инф.: m é n a_{Str} meḡálnan-mi_{C1}

²⁹ **Прим. ред.:** ср. р.

³⁰ **Прим. ред.:** произносится с озвончением: úlu-m **da**jfá

³¹ **Прим. ред.:** букв. 'знают'.

³² См. сн. 8.

³³ См. пример (13.5).

³⁴ **Прим. ред.:** мн. ч., ж. р.

³⁵ **Прим. ред.:** букв. 'изготовил'; [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 208, 317] определяет *ftáḡu* только как ССД, однако это глагол приводится в [АНИМИЦА, INTERNET].

(13.28) **Стимул:** *Вы его вырастили*

Инф.: s'is a t ó n a_{Str} meýálnit-**tu**_{Cl}

(13.29) **Стимул:** *Я тебя пугаю*

Инф.: ýo s é n a_{Str} fuver'ízu-s'i_{Cl}

(13.30) **Стимул:** *Тебя Гриша пригласил?*

Инф.: s é n a_{Str} ýr'íšas xúlksin-si_{Cl}?

(13.31) **Стимул:** *Гриша меня пригласил, а тебя — нет*

Инф.: ýr'íšas m é n a_{Str} xúlksin-mi_{Cl} a séna jox

(13.32) **Стимул:** *Нет, его не выгнали, а Петю выгнали*

Инф.: jox t ó n a_{Str} či siųájsan³⁶-**tu**_{Cl} a tun *Петя* siųájsan-tun

(13.33) **Стимул:** *Его теперь никуда не возьмут*

Инф.: t ó n a_{Str} tóra bđína-pa či pérni-**tu**_{Cl}

(13.34) **Стимул:** *Тебя накормили обедом?*

Инф.: s é n a_{Str} fájsan-si_{Cl}?

(13.35) **Стимул:** *Он его утопил*

Инф.: tos a t ó n a_{Str} fúrčiksin'-**tu**_{Cl}

(13.36) **Стимул:** *Они его утопили (котенка)*

Инф.: atín'³⁷ a t ó_{Str}³⁸ fúrčiksan-**tu**_{Cl}

(13.37) **Стимул:** *Они его утопили (человека)*

Инф.: atín' a t ó n a_{Str} fúrčiksan-**tu**_{Cl}

(13.38) **Стимул:** *Они его напоили*

Инф.: atín' a t ó n a_{Str} pótsan-**tu**_{Cl}

13.2.2.2 Безударная форма + глагол + ударная форма

(13.39) **Стимул:** *Не увозите ее в город*

Инф.: na mí **tin**_{Cl} rajt³⁹ a t í n a_{Str} su bazár

(13.40) **Стимул:** *Не зови его*

Инф.: na mí **tu**_{Cl} xlízit⁴⁰ t ó n a_{Str}

³⁶ **Прим. ред.:** словоформа отсутствует [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

³⁷ **Прим. ред.:** местоимение не представлено в [Анимица, INTERNET; Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

³⁸ См. сн. 29.

³⁹ **Прим. ред.:** губной смычный озвончается после носового и проклитика с глаголом произносятся, как *tin bajt*.

⁴⁰ **Прим. ред.:** букв. 'не зовите'.

(13.41) **Стимул:** *Когда я тебя увижу?*

Инф.: pot⁴¹ na si_{Cl} dranú s é n a_{Str}?⁴²

(13.42) **Стимул:** *Как ты это сделал?*

Инф.: tíla⁴³ tu_{Cl} ékamis a ú t u_{Str}?⁴⁴

(13.43) **Стимул:** *Кто это сделал?*

Инф.: tis tu_{Cl} ékamin' a ú t u_{Str}?⁴⁵

(13.44) **Стимул:** *Я не знаю, зачем я это сделал*

Инф.: yo či kséru pos tu_{Cl} ékama a ú t u_{Str}

13.2.2.3 Глагол + безударная форма + ударная форма

(13.45) **Стимул:** *Дайте ему хлеба*

Инф.: ðusét-tun_{Cl} t ó n a_{Str} psum'í

(13.46) **Стимул:** *Не давайте ему хлеба*

Инф.: mí ðut'-tun_{Cl} t ó n a_{Str} psum'í

(13.47) **Стимул:** *Он его утопил*

Инф.: tos furčíksin'-tun_{Cl} t ó n a_{Str}?⁴⁶

(13.48) **Стимул:** *Вы его вырастили*

Инф.: s'is meyálnit-tun_{Cl} a t ó n a_{Str}?⁴⁷

(13.49) ⟨...⟩ u tos xúlzin-mi_{Cl} m é n a_{Str} na tun éftaya⁴⁸ jardím

⟨...⟩ и он позвал меня помогать ему⁴⁹

13.2.2.4 Безударная форма + глагол + безударная форма

(13.50) **Стимул:** *Они нас не слышат*

Инф.: atín'⁵⁰ mas č[i] aɣr'ikún-mas⁵¹

(13.51) **Стимул:** *Нас одели*

Инф.: mas fórxasan-mas

⁴¹ **Прим. ред.:** См. сн. 10 и комментарии к примеру (13.8).

⁴² См. также пример (13.8).

⁴³ **Прим. ред.:** слово не представлено в [АНИМИЦА, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

⁴⁴ См. сн. 9.

⁴⁵ См. пример (13.6).

⁴⁶ См. также пример (13.7).

⁴⁷ См. также пример (13.53).

⁴⁸ **Прим. ред.:** [ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006: 208, 401] дает глагол *ftáɣu* только для ССД; однако он приводится и в [АНИМИЦА, INTERNET], что свидетельствует о его употреблении и в МСД.

⁴⁹ Спонтанный текст.

⁵⁰ См. сн. 37.

⁵¹ См. также пример (13.56).

(13.52) **Стимул:** *Нас купают*

Инф.: **mas** lúzni-**mas**

(13.53) **Стимул:** *Вы вырастили нас*

Инф.: s'is **mas** meḡálnit-**mas**⁵²

(13.54) **Стимул:** *Нас накормили обедом, а вас — нет*

Инф.: **mas** fájsan-**mas** a sás jox

(13.55) ⟨...⟩ ínišin dugúš émbro **mas** xúlzan-**mas**

⟨...⟩ случилась война, вперед нас позвали нас⁵³

13.2.2.5 Только безударная форма

(13.56) **Стимул:** *Они вас не слышат*

Инф.: atín' **sas** č[i] aḡ'íkún⁵⁴

(13.57) **Стимул:** *Я его не знаю, но они знают*

Инф.: ḡo atóna či kséru *no* atín ksérni-**tun**

(13.58) **Стимул:** *Когда я тебя увижу?*

Инф.: pot na **si** dranú?⁵⁵

(13.59) **Стимул:** *Ты любишь нас*⁵⁶

Инф.: sí aḡarás-**mas**

(13.60) **Стимул:** *Вы вырастили нас*

Инф.: s'is meḡálnit-**mas**

(13.61) **Стимул:** *Я тебя напугал*

Инф.: ḡo fuvérsa-**si**

(13.62) **Стимул:** *Мы напугали вас*

Инф.: mís fuvérsam-**sas**

(13.63) **Стимул:** *Нет, я их не видел, а видел девочек*

Инф.: jox ḡo **tin** č[i] íða a íða ta kur'íča

⁵² См. также пример (13.48).

⁵³ Спонтанный текст.

⁵⁴ См. также пример (13.50).

⁵⁵ См. сн. 10 и комментарии к примеру (13.8).

⁵⁶ См. пример (13.3).

13.2.2.6 Только ударная форма

(13.64) **Стимул:** *Я его не знаю*

Инф.: ʔo **atóna** čì kséru

(13.65) **Стимул:** *Я ее не знаю*

Инф.: ʔo **atína** čì kséru

(13.66) **Стимул:** *Я его не знаю, но они знают*

Инф.: ʔo **atóna** čì kséru *no* atín ksérni-tun

(13.67) **Стимул:** *Вы его вырастили*

Инф.: s'is meɣálnit **atóna**

(13.68) **Стимул:** *Он его напоил*

Инф.: tos **atóna** pótšin'

(13.69) **Стимул:** *Они их напоили*

Инф.: atín⁵⁷ **atín'ts** pótšan

⁵⁷ См. сн. 37.

—Приложения

Приложение 1

– Греческие села Приазовья

1.1 Изменения названий населенных пунктов

Основано	Историческое название	Переименовано	Советское название	Название возвращено
1779	Большой Янисоль	1946	Большая Новоселка	не возвращено
1779	Старый Керменчик	1947	Старомлиновка	не возвращено
1780	Большая Каракуба	1946	Раздольное	не возвращено
1780	Малоянисоль	1954	Куйбышево	2 марта 1995
1780	Мангуш	1946	Першотравнове	27 марта 1995
1780	Мариуполь	1948	Жданов	13 января 1989
1780	Сартана	1946	Приморское	15 июня 1992
1780	Старая Карань	1946	Гранитное	не возвращено
1780	Урзуф	1946	Приморское	8 августа 1989
1780	Чердакли	1945	Кременёвка	не возвращено
1780	Чермалык	1946	Зажиточное	15 декабря 1999
1797	Новая Каракуба	1948	Красная Поляна	не возвращено
1802	Бугас	1948	Максимовка	5 января 1993
1883	Византия	1930	Ключевое	не возвращено
1883	Македоновка	1930	Октябрьское	24 июня 1991
1883	Кизилташ	1947	Андреевка	не возвращено
1927	Афины	1930	Заря	не возвращено

1.2 Количество избирателей в селах Володарского р-на в 1999 г.¹

Село	Количество избирателей	Село	Количество избирателей
Боевое	779	Новогригорьевка	333
Заря	2 140	Новокрасновка	973
Зеленый Яр	608	<i>Новоянисоль</i>	385
Кальчик	1 290	Республика	940
<i>Касьяновка</i>	753	Старченково	773
<i>Кирилловка</i>	484	Тополиное	913
<i>Кременёвка</i>	897	<i>Труженка</i>	500
<i>Македоновка</i>	930	Федоровка	434
Малиновка	800	Шевченко	474
<i>Малоянисоль</i>	1 732		

¹ Названия румейских сел выделены курсивом.

Приложение 2

– Образец румейского спонтанного текста*

- 1 *Сейчас я вам запою «Мána», сперва «Мána»*
 2 mís jinísam sa varéja ta xrónja
 3 *ни fursíja k'i ni fájmu kaló*
 4 či fuvísis mána sa rónja
 5 an tu¹ kó-ts² tajfá³ pliθiγó
 6 mána mána manítsa
 7 sí su zísamu ḏókis-mas fos
 8 ta ugrájsin tu kó-ts kardjá
 9 [a]tó prep' kser'-tu mónu θiγós
 10 ta ta íðis ta pérasis manítsa
 11 ta ugrájsis-ta mána sí
 12 pánda-pa is tu kó-mas txaná⁴
 13 k'i úlmu-mas-pa ḏókis pši
 14 an tu⁵ kó-tstu ísus kardjá
 15 čičakjásin úlu-s tajfá⁶
 16 č[i] ípis jox kanína-pa [ka?]mía-pa
 17 mónu pél'nis ta ḏákris kirfá
 18 mas tu ḏókis tu zísamu sta xláðja
 19 [a]tó pánda-pa mas na mas xlen'
 20 akirvó jan di⁷ séna *мамочка*
 21 su du[ji?]njá álu kanís-pa č[i] en'
 22 *сейчас* na sas léyu éna vaxtsítsku trayóθ *no ruméjka*
 23 dárma⁸ mána pu [í?]ne kaká
 24 pal č[i] en' an tun táta⁹
 25 mána s'íres pér[a] k'i-pa
 26 tu Ivláts f'in p'is stráta
 27 paj ksénu tajfá draná
 28 aḏ[ó] aítú-t xuríškit
 29 *как бы* tu zísamu na vríškit
 30 ti na parγuríškit

Примечания

* Тексты записали Д. Агафонова, В. Федченко и В. Чистякова. Подготовил к публикации М. Л. Кислиер. Инф жен., 82 г., образования нет.

¹ Произносится с озвончением: du.

² Здесь, видимо, проявляется влияние русского местоимения *свой*; должно быть tu kó-s 'твой'.

³ Произносится с озвончением: dajfá.

⁴ Слово не зафиксировано в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

⁵ Произносится с озвончением: du.

⁶ Произносится с озвончением: dajfá.

⁷ Слово неясно; возможно, этот слог добавлен для ритма.

⁸ Слово не зафиксировано в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006].

⁹ Произносится с озвончением: dun dáta.

1 Сейчас я вам спою песню «Мама», сперва [песня] «Мама»
 2 мы родились в тяжелые годы,
 3 ни одежды, ни еды хорошей.
 4 [Ты] не испугалась, мама, в трудностях
 5 вместе со своей⁽¹⁾ семьей многочисленной,
 6 мама, мама, мамочка,
 7 ты в жизни дала нам свет.
 8 То[, что] перенесло ее⁽²⁾ сердце,
 9 это должен знать {это} только Бог.
 10 Это, это ты видела, это ты пережила, мамочка,
 11 это перенесла это, мама, ты.
 12 всегда [ты] {есть} наша ласка
 13 и всем нам [ты] отдала душу.
 14 У ее прямого (открытого) сердца
 15 расцвела вся твоя семья.
 16 Не сказала [ты] «нет» никому никогда,
 17 только лила слезы тайком,
 18 нам {её}⁽³⁾ ты дала жизнь в тепле,
 19 это всегда {нас} пусть нас греет.
 20 дорогого как ты, мамочка,
 21 в мире другого никого нет.
 22 сейчас [я] вам скажу (спою) грустную песню по-румейски
 23 стенанья, мама, какие {есть} плохие,
 24 опять нет вот отца
 25 мама, [ты] уходишь туда, и
 26 Ивлац остается на улице,
 27 идет в чужую семью, смотрит,
 28 там себя самого «предлагает».
 29 Как бы жизнь [ему] найти,
 30 как бы [ему] утешиться?

Примечания

(1) Досл. 'ее', см. прим. 2.

(2) Возможно, имеется в виду *твое сердце*, см. прим. 2.

(3) Местоименный повтор дополнения; см. Главу 13 (с. 393).

31 Hazáx Tudórs pémnin arfanós
 32 uxtú xurnú sun táta¹⁰
 33 mána ti ívrin tu xismét
 34 Tudórs pémnin p'is stráta
 35 mána ti na kámu ɣo
 36 as páɣu [a]s ksenitíja¹¹
 37 vaj t[u] arfanú-m tu peđíts
 38 sí či f'ilás su đl'ija
 39 *молодец, второго этот месяц jómusa восемьдесят два*
 40 ɣo udramájða na sas léɣu ta en čulí
 41 aítá ta traɣóđja tu kurítsi-m
 42 tu kó-m d'éda-m máma-m pápa-m traɣóđjenan émbu
 43 ɣo ímni t[u] álu kurtsíts
 44 t'ín suréfkandan émbu p'íniškan mandatilá¹² léɣu ti
 45 m'ís suréfknamits ta ađréfja-m éna v'il'ját¹³ čaraníts béniškam pas subá
 46 tot ítun *строго* na káθis sí émbu sa d'édis émbu sa pápis pasu subá káθnamits
 47 t'ín traɣóđjenan m'is-pa p'isu tin traɣóđjenam
 48 k'i ájtsa émaθam-ta
 49 atóra a'ika¹⁴ traɣóđja kan'is-pa či traɣuđá
 50 jo ta kurtsítsja-m pu irév'it sirét a'ika traɣóđja
 51 mía írtin tu *сельсовет* éɣrapsin-ta¹⁵ pulá
 52 *ну* tot [a]kóm[a] fksira k'i ála pulá ɣo ruméjka
 53 kaná tría xron's *подряд Света* su *контора*
 54 tu kó-mas *Света* tints fériškin su *Греция*
 55 atín épeftan ađó-pa đía peđjá jáška agúr *ну* jášku kózmus
 56 ɣo stróniška-ta pasu kurvát ja pasu *кровать*
 57 usun purnó¹⁶ éɣraftam traɣóđjenam
 58 t'ínta traɣóđjenan [a]ndáma usun purnó
 59 či čimúmits d'eds íl'in¹⁷
 60 aj p'iset kámet l'íɣu *отдыхать*
 61 t'ín íl'íɣan jox ómurfa *баба* traɣuđá áljax ómurfa
 62 ster ta ká-mas kózmus t'ína đjávau su *Греция* k'i kamjá írtin
 63 l'éɣun-un-mi *тетя Маруся* ta traɣóđja-s *до чего* traɣuđún-ta p'isu *Греция*

Примечания

¹⁰ Произносится с озвончением: sun dáta.

¹¹ Произносится с озвончением: z gzenitíja.

¹² Слово неясно.

¹³ Слово неясно.

¹⁴ Слово не зафиксировано в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-Рионис и др. 2006].

¹⁵ Произносится с озвончением: éɣrapsin-da.

¹⁶ Происходит ассимиляция: úsum burnó.

¹⁷ По-видимому, стяженная форма.

- 31 Хазах Тудорс остался сиротой
 32 восьми лет у отца.
 33 Мама, почему ты нашла [такую] долю?
 34 Тудорс остался на улице.
 35 Мама, что делать мне?
 36 Поеду-ка на чужбину.
 37 Ой, моя сирота, дитя,
 38 ты не подходишь для работы.
 39 Молодец. Второго этого месяца [мне] исполнилось восемьдесят два [года].
 40 Я вам скажу (спою) полевые [песни].
 41 Эти песни, девочка моя,
 42 мой дед, моя мама, мой папа пели давно.
 43 Я была другая девочка.
 44 Они собирались давно, пили. . . , вот и? говорю.
 45 Мы собирались, мои братья, одной большой? кучкой, влезали на печку.
 46 Это было строго, что сидишь ты перед дедушками, перед папами на печке
 [мы] сидели.
 47 Они пели, мы вслед за ними пели.
 48 И так [мы] выучили их.
 49 А теперь такие песни никто не поет.
 50 Да, девочки мои, где хотите, ищите такие песни.
 51 Как-то пришел сельсовет, записали их много.
 52 Ну, тогда еще знала других много я румейских.
 53 Примерно три года подряд Света из конторы,
 54 наша Света, их привозила из Греции.
 55 Они падали (ложились) здесь, двое ребят, молодые юноши, ну, молодые люди.
 56 Я стелила им на курвати или на кровати.
 57 До утра [мы] записывали, пели.
 58 Они [мы] их пели вместе до утра.
 59 [Мы] не спали, дед говорил:
 60 «Ай, ложитесь, отдохните немного».
 61 Они говорили: «Нет! Красиво баба поет, очень красиво».
 62 Потом кто-то из наших поехал⁽⁴⁾ поехал в Грецию и ни одна не приехала.
 63 Говорят мне: «Тетя Маруся, твои песни.., до чего поют их в Греции».

Примечания

⁽⁴⁾ Досл.: наши люди какие-то

- 64 *da da* p'isu kilsíja mís futíxtam
 65 íxamits méya ómurfu kilsíja kurítsi-m
 66 mís íxamits áljax méya kilsíja ómurfu
 67 aíku kilsíja bđína-pa č[i] ítun, *ни в Святогорске ни бđína*
 68 tu kó-mas kilsíja éftajen *славиться*
 69 *a* pas aútu rutsét ti na irévit
 70 Nosutírkas ki *Сидоров* xálasan-tu¹⁸
 71 pisa čuxúr'ja tín-pa¹⁹ na urnáxkun
 72 ómurfu kilsíja íxam ékaman skól'ja pánu p'is aútu tun tópu²⁰ ékaman skól'ja
 73 papá íxamits *знаменитый* papá ruméjs
 74 ster ítun Džartís ruméjos ítuni
 75 ki tos péθanin p'is kilsíja mis kilsíja²¹ paráxusan-tun²²
 76 álus tin zmos²³ ítuni zmos ítuni aýá
 77 tun íliyan-tun Džartí[s?] kalí papás ítan
 78 mis ađó p'is[u] xóra afótistu áθarpus č[i] en'
 79 mín kséru²⁴ atóra ta in is kuní ta balájða mís úl-mas-pa futiyméni ímits
 80 *мама венчалась, а я нет. сейчас скажу почему*
 81 *мы хотели венчаться* ta kurtsítsa-m
 82 *в сорок первом году вышла замуж*
 83 *в сорок первом году открылась война, правильно говорю*
 84 ánda aravun'aska ađó-pa iníxtin tu dugúš *вот pšírsin tu dugúš*
 85 tun d'eds píran-tun²⁵ ékaman *эвакуироваться* a p'isu kó-mas tu spit'
 86 đájnam éksi numát čáča-m *комбайнёром* ɣo *трактористка*
 87 ɣáka-m *тракторист*, t[u] álu-m ɣáka-m *тракторист*
 88 ki deds-pa tu kđ-m *тракторист*
 89 *a* pós[a?] numát na đájnam p'is éna spit' *эвакуироваться*

Примечания

- ¹⁸ Произносится с озвончением: xálasan-du.
¹⁹ В потоке речи происходит ассимиляция: tím-ba.
²⁰ Произносится с озвончением: tun dópu.
²¹ Произносится с озвончением: gilsíja.
²² В потоке речи происходит ассимиляция: paɣáxusan-dun.
²³ Слово не зафиксировано в [Анимица, INTERNET; ДИАМАНТОПУЛО-Рионис и др. 2006].
²⁴ Произносится с озвончением: mín gzéru.
²⁵ Произносится с озвончением: dun; здесь местоименный повтор дополнения.

- 64 Да, да, в церкви мы крестились.
 65 [У нас] была большая красивая церковь, девочка моя.
 66 У нас была очень большая церковь, красивая.
 67 Такой церкви нигде не было: ни в Святогорске, ни где-то [еще].
 68 Наша церковь славилась.
 69 А об этом спрашивайте, что хотите.
 70 Носутиркас и Сидоров разрушили ее.
 71 В ямах чтоб они выли.
 72 Красивая церковь [у нас] была, сделали школу наверху.
 73 На этом месте сделали школу. Поп был [у нас], знаменитый поп, румей.
 74 Потом был Джартис, румей был.
 75 И он умер в церкви, в церкви похоронили его.
 76 Другой из них кривой был, кривой был, господин.⁽⁵⁾
 77 Его звали {его} Джарти[с?], хорошие попы были.
 78 {В⁽⁶⁾} здесь в деревне некрещеного человека нет.
 79 [Я] не знаю {о тех}, [кто] теперь нянчит⁽⁷⁾ младенцев, мы все крещеные.
 80 Мама венчалась, а я — нет. Сейчас скажу, почему.
 81 Мы хотели венчаться, девочки мои⁽⁸⁾.
 82 В сорок первом году [я] вышла замуж,
 83 в сорок первом году открылась (началась⁽⁹⁾) война, правильно говорю.
 84 Когда я обручилась, тогда-то и началась война; вот началась война.
 85 Деда взяли, его эвакуировали (заставили эвакуироваться?), а из нашего дома
 86 пошли шесть человек: мой дядя — комбайнером, я — трактористкой,
 87 мой брат — трактористом, другой мой брат {мой} — трактористом
 88 и дед мой — тоже трактористом.
 89 А [вот] столько человек нас поехало из одного дома эвакуироваться.

Примечания

- (5) Возможно, здесь русское междометие *aga*.
 (6) Возможно, имеется в виду 'мы' (mís); тогда в предложении анаколуф.
 (7) Вероятно, имеется в виду крестит
 (8) Обращение к соб.
 (9) Не исключено, что это влияние румейского.

Приложение 3

– Имя прилагательное

3.1 Прилагательные из [ХАРТАХАЙ 1859]

1. <i>авракатус</i> — бесштаный	33. <i>какѳс</i> — худой, недобрый
2. <i>агнѳс</i> — постный	34. <i>карѳакѳс</i> — родной
3. <i>аксапѳсус</i> — упрямый, противный	35. <i>карфумѳнус</i> — пригвожденный
4. <i>ѳлжус</i> — соленый	36. <i>катарамѳнус</i> — проклятый
5. <i>ѳлус</i> — другой	37. <i>кинѳурѳу</i> — новое
6. <i>андрумѳнус</i> — женатый	38. <i>козмукѳс</i> — народный, мирской
7. <i>ѳннусту</i> — безвкусный (о еде)	39. <i>кѳчѳинус</i> — красный
8. <i>арѳѳс</i> — поздний, поздно	40. <i>кунѳѳс</i> — короткий
9. <i>арѳзкус</i> — бедный (с сожалением)	41. <i>куфтирѳс</i> — острый
10. <i>аршѳс</i> — старинный, прежний	42. <i>кѳфус</i> — пустой
11. <i>ѳскимус</i> — безобразный, некрасивый	43. <i>ларѳс ламбрѳс</i> — целый-целешенький
12. <i>ахилѳаркус</i> (тат.) ¹ — умный, расторопный	44. <i>лигнѳс</i> — тонкий, гибкий
13. <i>ахмѳхс</i> (тат.) — глупый	45. <i>липарѳс</i> — жирный
14. <i>ваѳѳ</i> — глубокое, глубоко	46. <i>маѳврус</i> — черный
15. <i>варѳ</i> — тяжелое, тяжело	47. <i>макрѳ</i> — далеко
16. <i>взѳзмѳнус</i> — погашенный	48. <i>макрѳ</i> — длинное
17. <i>врумѳяр</i> — вонючий (бранное слово)	49. <i>малакѳс</i> — мягкий
18. <i>врумѳярку</i> — вонючее	50. <i>мандзѳра</i> — скромный
19. <i>галѳчѳѳцку</i> — сладкое, сладенькое; сладко	51. <i>мандунѳя</i> — неповоротливый
20. <i>гарѳпкус</i> — бедный	52. <i>миѳвизмѳнус</i> — пьяный
21. <i>гаструмѳн</i> — жеребая, беременная	53. <i>мирѳьянѳфѳнду</i> — распроклятый
22. <i>гластрѳс</i> — гладкий, скользкий	54. <i>мѳртку</i> — слабое
23. <i>ѳннатѳс</i> — крепкий	55. <i>ниѳкумѳнус</i> — умытый
24. <i>ѳѳа ѳѳпѳис</i> — вдвое сложенный	56. <i>нунѳзкус</i> — умный
25. <i>ѳрактѳс</i> — быстрый (о воде)	57. <i>пѳилѳс</i> — высокий
26. <i>ѳрмус</i> — проклятый, ненавистный	58. <i>раткус</i> (тат.) — спокойный
27. <i>зарѳ</i> — кривой, неровный	59. <i>румѳкус</i> — румейский
28. <i>зинданѳс</i> — живой, неубитый	60. <i>рѳусус</i> — русский
29. <i>зитѳлянус</i> — просящий милостыню	61. <i>сапѳмѳнус</i> — гнилой
30. <i>змѳжшѳрс</i> — сопливый	62. <i>сарѳ</i> (тат.) — рыжий
31. <i>идрумѳнус</i> — потный	63. <i>сѳѳирѳ</i> — железное
32. <i>каварѳс</i> — чистый	64. <i>сирникѳс</i> — мужской
	65. <i>спѳрнѳс</i> — вечерний
	66. <i>спѳрмѳнус</i> — засеянный
	67. <i>спрѳцкус</i> — белый
	68. <i>стаѳрѳс</i> — кривой

¹ Пометкой (тат.) оформлены слова, для которых в [ХАРТАХАЙ 1859] приведен татарский вариант.

69. <i>stírɔs</i> — яловый	83. <i>xamɪlɔs</i> — низкий
70. <i>stratí</i> — дорожное	84. <i>xizgándʒs</i> (тат.) — скупой
71. <i>суглитɔs</i> — остроконечный	85. <i>хлицку</i> — теплое, тепло
72. <i>тимíзку</i> — чистое	86. <i>хлицкус</i> — теплый
73. <i>тимисíзку</i> (тат.) — нечистое	87. <i>хлурɔs</i> — зеленый
74. <i>тиндрíз</i> (тат.) — трезвый	88. <i>хуличáрс</i> — сердитый
75. <i>тíткус, тítку</i> — такой, такое	89. <i>хундрокéфалос</i> — большеголовый
76. <i>тифлɔs</i> — слепой	90. <i>хундрɔs</i> — крупный, большой
77. <i>фáйдасíз</i> — бесполезное	91. <i>хурсɔs</i> — прекрасный
78. <i>фсихтɔs</i> — тугой	92. <i>хурьáткус</i> — сельский
79. <i>фтухɔs</i> — худой, тощий	93. <i>цáкумéнус</i> — поломанный
80. <i>фувирɔs</i> — опасный	94. <i>чал</i> (тат.) — чальный
81. <i>фуштяр</i> — вонючий	95. <i>чамán</i> (тат.) — упрямый, ленивый
82. <i>хамéнус</i> — потерянный (о человеке)	96. <i>чинúриу</i> — новое

3.2 Прилагательные в ЯСД (запись 2001 г.)

1. áɥɪɔ — зеленый, неспелый	27. kaló 1 — хороший
2. alikó — соленый	28. kaló 2 — красивый
3. [tu] álu(s) 1 — другой	29. kaló 3 — добрый
4. [tu] álu(s) 2 — следующий; прошлый	30. káθa — каждый
5. anixtó — открытый	31. kóčun' — красный
6. araná — мелкий (об озере, яме)	32. krij(s), kɪɪ — холодный
7. aranátsik — мелкий	33. ks'en — чужой
8. apsó — злой	34. kudó — короткий
9. arxód' — богатый	35. kudútsik — короткий
10. áspro — зеленый	36. kufferó, kaxteró — острый
11. čál't'ik — быстрый	37. líɔ — грязный
12. ðiks(')éja — правый	38. lafrútsik — легкий
13. ðinató — сильный	39. makr'í 1 — длинный
14. fтинútsik — тонкий	40. makr'í 2 — высокий (о дереве)
15. ftixó — худой	41. makr'í 3 — широкий
16. (fti)xútsik — худенький	42. mavrútsik — черненький
17. ɥar'ír's — бедный	43. mávɪɔ, mávɪɔ — черный
18. ɥarðikó — родной	44. méɥa 1 — большой
19. ɥal'títik — сладкий	45. méɥa 2 — старший
20. ɥl'ikó — сладкий	46. meɥálo — старший
21. ɥnostikós, ɥnustikós — умный	47. mikró 1 — маленький
22. ɥudanó — живой	48. mikró 2 — низкий (о дереве)
23. jášik, jášs', jášku — молодой	49. mikró 3 — младший
24. jíl' — стеклянный	50. mikrútsik(s) — маленький
25. jiród'ik, jiróts — старый (о человеке)	51. [oʔ]mnustútsik — вкусный
26. jumá — полный (о ведре и т. п.)	52. murfútsik — красивый
	53. óft'ur — пустой (о ведре, доме)
	54. ómurf — красивый

55. óks'un — кислый	72. t'em'íz, tam'íz, timízik — чистый
56. padr'em'én — женатый	73. t'unúr(')ij — новый
57. pal'éj(s) — старый (о вещи)	74. θiló(s) — плохой, вредный (о человеке)
58. paší(s) — толстый (о книге, человеке)	75. var'í — тяжелый
59. pikró — горький	76. vaθ(')í — глубокий
60. platéj — прямой	77. vurm'ár'e — гнилой (мясо)
61. platí — широкий	78. xalam'én — плохой, порченный
62. prót(u) — первый	79. xam'ilútsik — низенький (о дереве)
63. psiló(s) — высокий	80. haz'ír'ik — готовый (о еде)
64. pulá (неодуш.) pulí (одуш.) — (Pl. t.) многие	81. xl'ítsik — теплый
65. puθamén('s) — мертвый	82. xlró — зеленый
66. sarmén — гнилой	83. xudró 1 — большой
67. saxúx — широкий	84. xudró 2 — высокий
68. spastirkó — чистое	85. xudró 3 — полный, толстый
69. sprútsik, sprútsku — белый	86. xudró 4 — тяжелый
70. stinútsik — узкий	87. z'ervó — левый
71. svál'm'én — закрытый	88. z'istó — горячий

3.3 Совпадения между материалом из ЯСД и [ХАРТАХАЙ 1859]

ЯСД	[ХАРТАХАЙ 1859]
yaɣ'ip's' 'бедный'	га́рпкус 'бедный'
ɣl'ikó 'сладкий'	га́льчѣцку 'сладкое, сладенькое; сладко'
ɣudanós 'живой'	зи́данос 'живой, неубитый'
ftixó 'худой'	фту́хос 'худой, тощий'
kóɕun 'красный'	кóчунус 'красный'
kudó 'короткий'	ку́дос 'короткий'
kufterót 'острый'	ку́фтирос 'острый'
makr'í 'длинный'	ма́крѣ 'длинное'
mávuɣ 'черный'	ма́врус 'черный'
padr'em'én 'женатый'	андруме́нус 'женатый'
psiló(s) 'высокий'	пси́лос 'высокий'
sprút's'ik 'белый'	спру́цкус 'белый'
t'em'íz, timízik 'чистый'	тимѣ́зку 'чистое'
t'unúr(')ij 'новый'	чинѣ́руу 'новое'
t'unúr(')ij 'новый'	кинѣ́руу 'новое'
var'í 'тяжелый'	ва́рѣ 'тяжелое, тяжело'
vaθí 'глубокий'	ваθѣ́ 'глубокое, глубоко'
xam'ilút's'ik 'низкий'	хамѣ́лос 'низкий'
xlít's'ik 'теплый'	хлѣ́цкус 'теплый'
xudró 'большой, высокий'	ху́дрос 'крупный, большой'
xlró 'зеленый'	хлу́рос 'зеленый'

3.4 Зафиксированные формы рода и числа

3.4.1 Формы рода (ед. ч.)

ср. р.	м. р.	ж. р.
ɣnostikó, ɣnustikó	ɣnustikós	ɣnostik'i
jášik, jášku	jašs'	jášsa, jáša
jiród'ik	jiróts	jirótsa
kaló	kalós	kalí, kalísa
méɣa	m'eɣal's'	—
murfút's'ik	murfút's'iks	murfúts'iksa
psiló	psilós	—
paší	pašís	pašósa
xudró	—	xudr'í, xudr'ísa
xút'ik	xút'iks	xút'iksa

3.4.2 Формы числа

Ед. ч.	Мн. ч.
áɣur	áɣ[u?]ra
ɣl'ikó	ɣ(a)liká
ɣnostikó, ɣnustikó	ɣnostiki
jášik	jáška
jiróts	jirót
jiród'ik	jiród'ka
kaló	kalá, kalí
kóɕun'	kóɕn'a
liró	lira
mikrút's'ik	mikrút's'ka
makr'í	makr'éjja
mávur	mávra
murfút's'ik	murfút[s?]'ka, murfútsika
óft'ur	óft'ura
ómurí	ómuría
pal'éj(s)	paléjja
platéj	platéjja
—	pulá, pulí
xudró 1	xudrá
vaθí	vaθéjja
xalam'én	xalam'éna
z(')istó	z(')istá

3.5 Примеры употреблений имен прилагательных в ЯСД (записи 2001 г.)

1. áyur — зеленый, незрелый
áy[u?]ra míla — незрелые яблоки
2. alikó — соленый
alikó *sup* — соленый суп
3. [tu] ál[u](s) — следующий/прошлый
t[u] ál[u] t[u] xron ʋo θa pág[u?] áx ta tútn'a t[u] in'éka ʋalt'íʋul — в следующем году я буду брать у этой женщины молоко
t[u] ál[u] t[u] furá mís' *gorazdo* čalkótra jírtam — в прошлый (тот) раз мы приехали гораздо быстрее
4. anixtó — открытый
rógta jen' anixtó — дверь открыта
5. arapó — мелкий (об озере, яме)
arapó jaló — мелкое море
6. arapútsik — мелкое
mis xóga jen' t[u] jaló arapútsik, mis t[u] urzúf vaθí — в деревне море мелкое, в Урзуфе — глубокое.
7. arsó — злой
ščilí jen' pulá arsó — собака очень злая
8. arxód' — богатый
arxód' á[n]dra — богатый человек
aftós jen' arxód' — он богатый
9. arxód'ik — богатый
arxód'ik á[n]dra — богатый человек
10. čál't'ik — быстрый
ʋo jex čál't'ik áluʋ — у меня есть быстрый конь
t[u] ál[u] t[u] furá mís' *gorazdo* čalkótra jírtam — в другой раз мы приехали гораздо быстрее
11. ðiks(')éja — правый
sí p'ir's' t[u] mašér' mis ðikséja šer' — ты берешь нож в правую руку
12. ðinató(s) — сильный
aftós jen' pulá ðinatós — он очень сильный
aftí jen' pulá ðinatí — она очень сильная
13. ftixó — худой
mikrútsiks aftós jítn pulá ftixó píðíts — в детстве (букв. маленький) он был очень худым мальчиком
14. ftinútsik — тонкий
ftinútsik tajáx — тонкая палка

15. $\gamma\alpha\rho'\acute{\iota}\rho's'$ — бедный
 $\gamma\alpha\rho'\acute{\iota}\rho's' \acute{\alpha}[n]d\tau\alpha$ — бедный мужчина
 $\acute{\alpha}[n]d\tau'its \rho'in'\acute{\epsilon}\acute{s}it', z'i \gamma\alpha\rho'\acute{\iota}\rho's\alpha, \rho\alpha\rak\acute{\alpha}\tau\alpha$ — муженек пьет, живет бедно, плохо
16. $\chi\nu\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\varsigma, \chi\nu\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\varsigma$ — умный
 $at\acute{u}t[u]s \acute{\alpha}\theta\rak\upsilon\varsigma \text{jen}' \chi\nu\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\tau\upsilon\tau\varsigma$ *чем* $aft\acute{o}\varsigma$ — этот человек умнее, чем тот
 $aft\acute{\iota} \text{jen}' \chi\nu\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\tau\upsilon\tau\varsigma\alpha$ *чем* al' — она умнее, чем другая
17. $\zeta\upsilon\delta\alpha\nu\acute{o}(s), \zeta\upsilon\delta\alpha\nu\acute{o}$ — живой
 $\zeta\upsilon\delta\alpha\nu\acute{o} \text{fi}\acute{\theta}'$ — живая змея
18. $j\acute{\alpha}\acute{s}ik, ja\acute{s}s', j\acute{\alpha}\acute{s}ku$ — молодой
 $j\acute{\alpha}\acute{s}ik \rho\acute{\iota}\delta\acute{\iota}$ — молодой человек (парень)
 $j\acute{\alpha}\acute{s}ik \text{kur}\acute{\iota}\tau\varsigma$ — молодая девушка
 $j\acute{\alpha}\acute{s}ka \rho\acute{\iota}\delta\acute{\iota}\acute{\alpha}$ — молодые парни
 $j\acute{\alpha}\acute{s}ka \text{kur}\acute{\iota}\tau\varsigma\alpha$ — молодые девушки
 $j\acute{\alpha}\acute{s}\alpha \text{in}'\acute{\epsilon}ka$ — молодая женщина
 $j\acute{\alpha}\acute{s}\alpha \text{t}[u] \text{kur}\acute{\iota}\tau\varsigma$ — молодая девушка
 $ja\acute{s}s' \acute{\alpha}[n]d\tau\alpha\varsigma'$ — молодой мужчина
 $ja\acute{s} \acute{\alpha}d\acute{\iota}\rho'$ — молодые мужчины
 $ja\acute{s} \text{in}'\acute{\epsilon}k'$ — молодые женщины
 $\text{tos} \text{jen}' \text{k}\acute{o}\mu\alpha \text{j}\acute{\alpha}\acute{s}\varsigma'$ — он еще молодой
 $aft\acute{o}\varsigma \text{k}\acute{o}\mu\alpha \text{j}\acute{\alpha}\acute{s}ku$ — он еще молодой
19. $j\acute{\iota}\rho\acute{o}d'ik, j\acute{\iota}\rho\acute{o}\tau\varsigma$ — старый (о человеке)
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}\tau\varsigma \acute{\alpha}\theta\rak\upsilon\varsigma$ — старый человек
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}\tau\varsigma \acute{\alpha}[n]d\tau\alpha\varsigma'$ — старый мужчина
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}\tau\varsigma\alpha \text{in}'\acute{\epsilon}ka$ — старая женщина
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}\tau\varsigma \text{k}\acute{o}\zeta\acute{\iota}\mu'$ — старые люди
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}d' \acute{\alpha}\theta\rak\upsilon\varsigma$ — старые мужчины
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}d' \acute{\alpha}d\acute{\iota}\rho'$ — старые мужчины
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}d' \text{in}'\acute{\epsilon}k'$ — старые женщины
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}d'ik \acute{s}\acute{c}il'\acute{\iota}$ — старая собака
 $j\acute{\iota}\rho\acute{o}d'ka \acute{s}\acute{c}il'\acute{\iota}ja$ — старые собаки
20. $j\acute{u}\mu\acute{\alpha}$ — полный
 $j\acute{u}\mu\acute{\alpha} \text{t}[u] \text{tsib}'\acute{\epsilon}rka$ — полное ведро
 $[\text{бочка } \text{jen}'] \text{j}\acute{u}\mu\acute{\alpha} \text{t}[u] \text{p}\acute{\iota}\rho\acute{o}$ — бочка полна воды
21. $kal\acute{o}$ — хороший
 $kal\acute{o} \text{kur}\acute{\iota}\tau\varsigma/\text{kur}\acute{\iota}\tau\varsigma\acute{\iota}\tau\varsigma$ — хорошая девочка
 $kal\acute{o} \rho\acute{\iota}\delta\acute{\iota}\tau\varsigma$ — хороший мальчик
 $kal\acute{o} \acute{s}\acute{c}il'\acute{\iota}$ — хорошая собака
 $kal\acute{o} \text{m}\acute{\epsilon}\rho\alpha$ — хороший день

kalós áθraps — хороший человек
 kalí in'éka — хорошая женщина
 kalá míla — хорошие яблоки
 kalá piðía — хорошие мальчики
 pulá kalá spít'a² — много хороших домов
 kalá sta'íl'a — хороший виноград
 kalí kózim' — хорошие люди
 kalí in'éka jen' — [она] хорошая женщина
 sí ješ³ kaló kuríts — ты хорошая девочка
 sí ješ kaló piði — ты хороший мальчик (см. прим. 3)
 ta spít'a jen' pulá kalá — дома очень хорошие (см. прим. 2)
 aftí jen' kalí in'éka — она хорошая женщина
 aftí in'éka jen' kalí — эта женщина хорошая
 aftós jen' pulá kalós — он очень хороший
 kalí kózim ješ *крузом*-ра — хорошие люди есть⁴ кругом
 atú t[u] kózim jen' kalí — эти люди хорошие
 kaló jen' mána-m — хорошая у меня мама (досл. хорошая моя мама)
 ðikó-mas ðjaskals jen' kalós a ðikó-tin jen' kalíturs — Наш учитель хороший, а их —
 лучше
 ðikó-m méya t[u] piði aðurás' kalá míla — мой старший сын покупает хорошие яблоки

22. káθa — каждый

káθa t[u]⁵ pirnó jérina psárgja — каждое утро я ловил рыбу
 káθa vraði parajévçala-tin spit' — каждый вечер я провожал ее до дома
 káθa méra — каждый день

23. kóçun' — красный

kóçn'a míla — красные яблоки
 pulá kóçn'a míla — много красных яблок
 ço p'éru mis t[u] *правый* t[u] šer' kóçun' mil' — я беру в правую руку красное яблоко
 kóçun' p'inat' — красная миска
 kóçun' spit' jen' murfútur ax t[u] sprútsik — красный дом красивее, чем белый
 kóçn'a çiçák'a — красные цветы
 ðen eš' puðína-ra kótn'a xarpúz'a — нигде нет спелых арбузов

24. krij(s), kri — холодный

krij šer' — холодная рука
 aftós [tu?] xron šumó itun pará[n?] krijš — в этом году зима была очень? холодная
 tút[u] faí jen' kriétur — этот суп холоднее
 símur jen' krijš — сегодня холодно

² **Прим. ред.:** более употребительным представляется вариант с палатализацией: spíça.

³ **Прим. ред.:** букв. 'имеешь'. Очевидно, здесь путаются глаголы 'быть' и 'иметь'.

⁴ **Прим. ред.:** букв. 'имеются'; ср. с НГР *έχει*.

⁵ **Прим. ред.:** произносится с озвончением t birnó.

25. ks'en — чужой
ks'en spit' — чужой дом
ks'éna xurǰata — чужие деревни
26. kudútsik — короткий
malíja kudútska — короткие волосы
27. liró(s) — грязный
liró pinát' — грязная миска
lirá pinát'i — грязные миски
28. lafrútsik — легкий
lafrútsik sakúl' — легкий мешок
lafrúts'ka tsibérkis — легкие ведра
29. makr'í 1 — длинный
makr'í tajáx — длинная палка
atút[u] jen' lon makr'étur maxalá [mis xóra] — это самая длинная улица [в селе]
makr'étra malíja — более длинные волосы
30. makr'í 2 — высокий (о дереве)
makr'í utéja — высокая ива/верба (см. также прим. 11)
31. makr'í 3 — широкий
ta strátis jen' makr'éja — улицы широкие
32. mavrútsik — черненький
mavrútsik ščilíts — черненькая собачка
33. mávur, mávru — черный
mávur katúð' — черная кошка
mávur t[u] áluḡ jen' mikrótur *чем* sprútsik — белый конь моложе, чем черный
mávru psumí — черный хлеб
mávra m'iján'is — черные мухи
34. méḡa 1 — большой, огромный
méḡa spit' — большой дом
méḡa kaláš — большой мешок
méḡa kaláθ' — большая корзина
méḡa l'uk — огромный волк
méḡa ješ utéja — большое есть (букв. имеется) дерево
35. méḡa 2 — старший
méḡa-m t[u] riðí — мой старший сын
ðikó-m méḡa t[u] riðí — мой старший сын
ðikó-s méḡa t[u] riðí — твой старший сын
ðikó-m méḡa t[u] riðí irév' na [a]ḡogás' míla — мой старший сын хочет купить яблоки

36. meýálo, meýálu — старший
 meýalu-m t[u] piði — мой старший сын
 meýalótur kurtsíts — старшая дочь
37. meýál's — главный
 aftós en' að m'eýál's — он здесь главный
38. mikró[s] 1 — маленький
 mikró spit' — маленький дом
 mikrá piða — маленькие мальчики
 yo aýápana na peks ódi ímna mikrós — я любил играть, когда был маленький
39. mikró[s] 2 — низкий
 mikró utéja — низкая верба/ива (см. также прим. 11)
 tút[u] utéja jen' xudrótur ax t[u] aftó, aftó jen' mikrótur — эта ива/верба выше, чем та; та ниже (см. также прим. 11)
40. mikró[s] 3 — младший
 mikrótur-tin t[u] piði — их младший сын
 mikrótur t[u] piði — младший сын
 mikrótur kuríts — младшая дочь
 mávur t[u] áluþ jen' mikrótur *чем* sprútsik — белый конь моложе, чем черный
 tút[u] jen' t[u] xudró t[u] þáxlu,⁶ tút[u] jen' mikrótur — этот палец большой, этот меньше
41. mikrútsik — маленький
 mikrútsik ščilits — маленькая собачонка
 mikrútsik spit' — маленький дом
 mikrútsik utéja — маленькое дерево
 mikrútsik skamní — маленький стул
 mikrúts'ka maخالá — узкие улицы
 mikrúts'ka piða — маленькие мальчики
 mikrútsik aftós jidun pulá ftuxó piðits — в детстве он был очень худым мальчиком
 mikrútsik þaxl'íts — маленький пальчик (см. также прим. 6)
 sí aýápan's' na p'eks' ódi ísuns mikrútsiksa — ты любила играть, когда была маленькой
42. [o?]mnustútsik — вкусный
 áv'ir' yo ðux m[p]justútsik staf'í' — завтра я дам вкусного винограда
43. murfúts(')ik(s) — красивый
 murfúts'ik katúð' — красивая кошка
 murfútsik ščil'í — красивая собака
 murfútsik kuríts — красивая девушка/девочка

⁶ Прим. ред.: согласно [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 71, 382], данный вариант характерен для МСД и ССД, тогда как в ЯСД употребляется *ðvaxtuja*.

murfútsik piðíts — красивый мальчик
 murfútsik mikró — красивый ребенок
 murfútsik spit' — красивый дом
 murfúts'iksa in'éka — красивая женщина
 murfúts'iks á[n]dras — красивый мужчина
 murfúts'ka spít'a pulá — много красивых домов
 murfúts'ik in'ék — красивые женщины
 pulí á[n]dri murfúts'ik — много красивых мужчин
 murfúts'ik' kózim — красивые люди
 murfúts'ka mikrá pulá ješ — красивых детей много {имеется}
 aftós jén' murfútsiks — он красивый
 kalí in'éka jen', murfúts'iksa — хорошая женщина, красивая
 kóčun' spit' jen' murfútur ax t[u] sprútsik — красный дом красивее, чем белый
 kóčun' spit' pas⁷ ð[i]kó-mas' t[u] maخالá jen' lon murfútur — красный дом — самый
 красивый на нашей улице

44. óft'ur — пустой
 óft'ur tsib'érka — пустое ведро
 óft'ura tsibérkis — пустые ведра
 óft'ur t[u] spit' — пустой дом
45. ómurf — красивый
 ómurf kurtsíts — красивая девушка
 ómurf piðíts — красивый мальчик
 ómurf pal'ikár' — красивый парень
 ómurfa ðaskál'na-sas — ваша красивая учительница
 ómurfa čičák'a — красивые цветы
46. ógum — спелый
 kóma piðína-ра ðen eš' ógma míla/zardáli — еще нигде нет спелых яблок/абрикосов
47. óks(')un⁸ — кислый
 óks'una ta míla — кислые яблоки
 ax ta óksuna ta míla — из кислых яблок⁹
48. padr'em'ép — женатый
 padr'em'ép á[n]dras — женатый мужчина
49. pal'éj[s] — старый (о вещи)
 pal'éjs spit' — старый дом
 pal'éja gúxa — старая одежда

⁷ Прим. ред.: в потоке речи произносится с озвончением: paz ðkó-mas.

⁸ Прим. ред.: в [Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 200] приводится форма *уксиуцукс* 'кисловатый' для MSD и SSD.

⁹ Перевод ред.

50. parakát — плохой
 psumí parakát — плохой хлеб
 parakát méra — плохой день
 in'éka jen' parakátsa — женщина плохая
 tút[u] spit' jen' parakátur *чем* t[u] ál[u] spit' — этот дом хуже, чем тот
 tút[u] spit' jen' kaló t'[i] ál[u] jen' parakátur — этот дом хороший, а тот хуже
 atú t[u] spit' jen' parakatótur *чем* áftó t[u] ál[u] — этот дом хуже, чем тот
 ti áršín na pin' áršín na ðulév' *гораздо* parakáta — как [он] начал пить, [он] начал
 работать гораздо хуже
 á[n]dr'its p'in'éšit', z'i yar'ip'sa, parakáta — муженек пьет, живет бедно, плохо
51. raší(s) — толстый (о книге, женщине)
 rašís á[n]dras — толстый мужчина
52. pikró — горький
 atúta agúr'a jen' pulá pikrá — эти огурцы очень горькие
 pikrá agúr'a — горькие огурцы
 pikró agúr' — горький огурец
53. grót[u] — первый
 prot *виноград* jen' lon ʒal'tétur — первый виноград самый сладкий
 próta stafíl'a jen' lon ʒal'tétra — первый виноград самый сладкий¹⁰
54. psiló[s] — высокий
 psiló spit' — высокий дом
 psiló utéja — высокая верба/ива (см. также прим. 11)
 psilós áθraps — высокий человек
 ta míla rémnan psilá pas ta v'étiks/pas t[u] utéja — яблоки остались высоко на ветках/на дереве¹¹
 psiló *ветка* — высокая (верхняя) ветка
 psilí in'éka — высокая женщина
55. pulá (неодуш.) pulí (одуш.) — (Pl t.) многие
 pulá kóčn'a míla — много красных яблок
 pulí á[n]dri murfúts'ik — много красивых мужчин
 murfúts'ka spít'a pulá — много красивых домов¹²
 pulá pilistéra — много голубей
 murfúts'ka mikrá pulá ješ — красивых детей много {имеется}
 pulá faí — много еды
 pulí kózim' — много людей
 ʒo ríra pulá kartópla ax t[u] bába-m — я взял много картошки у своего отца

¹⁰ **Прим. ред.:** букв. 'первые виноградины самые сладкие'.

¹¹ **Прим. ред.:** букв. 'на иве/вербе'. Либо информант путает название деревьев, либо слово стало использоваться в субдиалекте для именованя дерева вообще.

¹² **Прим. ред.:** букв. 'красивые дома многие'.

- sí p'ir's' pulá kartópla ax t[u] bába-s — ты взял много картошки у своего отца
 pulá pul'íja ješ — много птиц {имеется}
 pulá pinát'a — много мисок
 pulá pinat'a kóčn'a — много красных мисок
 nún'iza pulá, típta-ра де ks'er — [я] думал много, ничего не знаю
56. puθamén('s) — мертвый
 puθamén ið' — мертвая змея
 puθamén's áθgaps — мертвый человек
57. sprútsik, sprútsku — белый
 sprútska spít'a — белые дома
 kóčun' spit' jen' murfútur ax t[u] sprútsik — красный дом красивее, чем белый
 mávur t[u] áluç jen' mikrótur *чем* sprútsik — черный конь моложе, чем белый
58. t'em'íz, tam'íz, timízik — чистый
 éna pinát' jen' timízik — одна миска {есть} чистая
 timíz'ka pinát'a — чистые миски
59. t'unúr(')ij — новый
 t'inúrij spit' — новый дом
 t'inúrij póрта — новая дверь
 t'inúr'ja rúxa — новая одежда
60. var'í — тяжелый
 var'í sakúl — тяжелый мешок
 atú t[u] tsib'éрка jen' var'étur — это ведро тяжелее
 varéja tsib'érkis — тяжелые ведра
61. vaθ(')í — глубокий
 vaθí čaxúr' — глубокая яма
 vaθí хujú — глубокий колодец
 mis xóra jen' t[u] jaló arapútsik, mis t[u] *Urzuř* vaθí — в деревне море мелкое, в Урзуфе глубокое.
62. xalam'éna — (мн. ч.) плохие, порченные
 atú t[u] tsib'éрка jen' [a]s ta xalam'éna ta mí'a — это ведро для испорченных яблок
 xalam'éna (ta) kartópla — испорченная картошка
 xalam'éna ta kurm'íð[a?] — испорченный лук
63. xam'ilútsik — низкий (о дереве)
 xam'ilútsik utéja — низкая ива/верба (см. также прим. 11)
64. xl'ítsik — теплый
 xl'ítsik níró — теплая вода
 xl'ítska ta šér'ja — теплые руки
 símur jen' pulá xl'ítsiks — сегодня очень жарко
 áv'ir' θa jen' xléturs' — завтра будет теплее

65. xudró 1 — большой
 xudró spit' — большой дом
 xudró kaláθ' — большая корзина
 xudrá spít'a — большие дома
 atú t[u] spit' en' xudrótur pos álus — этот дом больше, чем другой
 aftú t[u] spit' jen' xudrótur ax t[u] ðikó-m (t[u] spit') — этот дом больше, чем тот (дом)
 aftú t[u] spit' jen' lon xudrótur pas¹³ ðikó-mas t[u] maخالá — этот дом самый большой в нашем квартале
 atú t[u] spit' jen' pulá xudró — этот дом самый большой
 tút[u] jen' t[u] xudró t[u] ðáxlu tút[u] jen' mikrótur — этот палец большой, этот меньше
66. xudró 2 — высокий
 xudró utéja — высокая ива/верба (см. также прим. 11)
 tút[u] utéja jen' xudró — эта ива/верба высокая (см. также прим. 11)
 tút[u] utéja jen' xudrótur ax t[u] aftó aftó jen' mikrótur — эта ива/верба выше, чем та, та ниже (см. также прим. 11)
 atú t[u] utéja jen' xudrótur ax t[u] ál[u] — эта ива/верба выше, чем та (см. также прим. 11)
67. xudró 3 — полный, толстый
 xudrí in'éka — полная женщина
 xudrísá in'éka — полная женщина
68. zervó — левый
 zervó maréja — правая сторона
 sí p'irs' t[u] mašér' mis zervó šer' — ты взял нож в левую руку
69. z'istó — горячий
 yo jévala z'istó *суп* — я поставила горячий суп
 yo séna ðóka z'istó *суп* — я тебе дала горячий суп

¹³ Прим. ред.: произносится с озвончением: paz ðikó-mas.

Приложение 4

– Предметы материальной культуры,
привезенные из экспедиций**№ 7219–1. Домотканый коврик в виде круга [Фото 16]**

Народ — румеи.

Местное название *круг*.

Место создания: с. Малоянисоль Володарского р-на Донецкой обл. Республики Украина. Был подарен Марией Георгиевной П. (по прозвищу Абаина) 1920 г. р. Местные жители советовали обратиться к ней за предметами традиционной культуры греков Приазовья. Круг изготовил муж Марии Георгиевны П. — Степан Федорович П. 1911 г. р. Муж умел ткать на станке дорожки и плести коврики. От мужа научилась такому рукоделию и сама информантка. Круг был сделан в 1995 г. Он связан крючком из тряпок. Для этого резали на тонкие полоски ненужные вещи, а потом из этих полосок вязали коврик. Форма ковра — круглая. Цветовая гамма пестрая. Преобладают цвета: оранжевый, белый, бежевый, хаки, зеленый. В основе хлопчатобумажные ткани. Сохранность — хорошая.

Размеры: Диаметр 80 см. Толщина 0,8 см.

№ 7219–2. Деревянный пест [Фото 20]

Народ — румеи.

Сделан в с. Малоянисоль Володарского р-на Донецкой обл.

Был подарен директором сельской школы. Пест был изготовлен местными умельцами в первой половине XX в. Такие изделия для домашнего пользования изготавливали многие мужчины в селе. Для их создания необходима была древесина, которая всегда стоила дорого в этих краях. Пест выточен на токарном станке из единого куска дерева. Пест потемнел от времени. Ручка песта имеет резное завершение. Середина ручки украшена резным поясом. Сохранность — удовлетворительная.

Размеры: Длина 43,5 см. Диаметр широкой части (наибольший диаметр) 6,8 см. Диаметр ручки (наиболее тонкая часть) 1,2 см.

№ 7219–3. Пест для взбивания масла [Фото 19]

Народ — румеи.

Сделан в с. Малоянисоль Володарского р-на Донецкой обл.

Был подарен директором сельской школы. Пест был изготовлен местными умельцами в первой половине XX в. Такие изделия для домашнего пользования изготавливали многие мужчины в селе. Для их создания необходима была древесина, которая всегда стоила дорого в этих краях. Пест выточен на токарном станке из двух кусков дерева. Пест потемнел от времени. Рабочая часть предмета насажена на ручку через вырезанное отверстие. Рабочая часть имеет 6 лопастей. В поперечном плане рабочая часть имеет вид шестиконечной звезды. Ручка песта не имеет резных украшений. Сохранность — удовлетворительная.

Размеры: Длина 40 см. Диаметр широкой части (наибольший диаметр) 5,7 см. Диаметр ручки (наиболее тонкая часть) 1 см.

№ 7219–4. Скалка для раскатывания теста [Фото 17]

Народ — румеи.

Сделан в с. Малоянисоль Володарского р-на Донецкой обл. Была подарена Ириной С. Пест был изготовлен местными умельцами в конце XX в. Такие изделия для домашнего пользования изготавливают в наше время лишь некоторые мужчины в селе. Этой скалкой раскатывали тесто для приготовления знаменитых греческих чебуреков. Поэтому она довольно длинная. Для других нужд хозяйки пользовались скалками меньшей длины. Данная скалка бытовала в хозяйстве несколько лет. Скалка выточена на токарном станке из одного куска дерева. Сохранность — удовлетворительная.

Размеры: Длина 55 см. Диаметр 3,5 см.

№ 7219–5. Сосуд керамический в виде горшка [Фото 18]

Был подарен информантами в с. Малоянисоль участнице экспедиции к румеям Юлие Оселедько. Юлия Оселедько, выпускница кафедры этнографии СПбГУ, любезно передала керамический сосуд в дар МАЭ РАН. Сосуд, по словам информантов, был выполнен гончарами в XIX в. Подобные сосуды использовали для приготовления и хранения пищи. В румейских селах были мастера, которые изготавливали подобные керамические изделия как для себя, так и на продажу. Сосуд имеет форму горшка с плоским дном и широкой горловиной. На одном боку сосуда имеется скол, напоминающий скол от отбитой ручки, крепившейся к стенкам сосуда лишь в одной точке. В другом месте имеется след отшелушивания поливы. Сосуд покрыт зеленовато-желтой поливой. Внутри сосуд покрыт такой же глазурью, что и снаружи. Сохранность — удовлетворительная.

Размеры: Высота 15 см. Диаметр горловины 17,5 см. Диаметр плоского дна 13 см. Диаметр (наибольший) 18,5 см.

—Список таблиц

0.1	Слияние предлога с артиклем.	22
5.1	Информанты.	113
6.1	Показатели прямого и косвенного падежей.	141
6.2	Спряжение глагола <i>kámti</i> в ЯСД	147
6.3	Формы глагола <i>kámti</i> в рамках конструкций.	147
6.4	Пространственные предлоги	156
7.1	Консонантизм НкСД.	164
7.2	Классификация субдиалектов.	166
7.3	Реализации гласных МСД.	167
7.4	Позиционное распределение гласных [a] и [ɑ].	170
7.5	Распределение гласных [a] и [ɑ] у разных говорящих.	171
7.6	Реализации гласных [i] и [ɪ] в абсолютном начале.	173
7.7	Реализации согласных в соседстве с [i] и [ɪ] и их распределение у говорящих.	173
7.8	Реализации носовых гласных.	176
7.9	Соответствия гласных НГР и МСД.	177
7.10	Дистрибуция согласных МСД.	179
7.11	Соответствия сочетания согласных в НГР среднеязычным в МСД.	182
7.12	Распределение реализаций твердых, мягких и аффрикат у говорящих.	184
7.13	Согласные фонемы МСД.	185
7.14	Ассимиляция согласных.	186
7.15	Перечень примеров	188
8.1	Падежные окончания.	198
8.2	Склонение имен существительных в НкСД по Паппу-Журавлевой	200
9.1	Образование мн. ч. у прилагательных.	221
10.1	Симметричная видовременная система.	226
10.2	Упрощенная схема выражения грамматических значений в окончаниях глагола.	228
10.3	Окончания глаголов II спряжения в НГР.	230
10.4	Сдвиг ударения	231
10.5	Парадигма Ia в румейском и НГР.	233
10.6	Парадигма Ib в НГР и румейских субдиалектах.	234
10.7	Морфонологические чередования в глагольных основах.	235
10.8	Парадигмы Ia и Ib в АСД.	235
10.9	Парадигма II в НГР и в румейских субдиалектах.	236
10.10	Пар. III, IV для НГР и ССД, МСД, НкСД (БгСД), БСД, АСД.	238
10.11	Парадигмы IIIa и IIIb НкСД.	238
10.12	Парадигмы IVa и IVb в МСД.	240
10.13	Парадигмы IVa и IVb в АСД.	241
10.14	Парадигмы III, IV для ЯлСД.	242
10.15	Варьирование перф. пасс. основ по субдиалектам	254
10.16	Глагол 'посылать' в румейских субдиалектах.	259
10.17	Колебание типов на -i- и -iʉ- по субдиалектам	260
10.18	Глагол 'кусать' в румейских субдиалектах.	263

10.19	Гласно-согласный тип глаголов с тюркскими корнями в МСД.	265
10.20	Гласно-согласный тип глаголов в БСД	266
10.21	Глагол 'находить' в румейских субдиалектах.	267
10.22	Глагол 'пить' в румейских субдиалектах.	268
10.23	Глагол 'доить' в румейских субдиалектах.	269
10.24	Типы морфонологических чередований в финали словоизменительной основы многосложных глаголов.	271
10.25	Образование глаголов от имен.	273
10.26	Образование от акт. глаголов.	273
10.27	Образование от непрозводных пасс. (отложительных) глаголов.	273
10.28	Ономатопэтические глаголы.	274
10.29	Образование глаголов на -év- с тюркскими корнями от существительных.	275
10.30	Образование глаголов на -év- с тюркскими корнями от прилагательных.	275
10.31	Глаголы на -év- и их тюркские этимологические соответствия.	276
10.32	Глаголы 'пасти, пастись', 'расстилать, стелить постель' в румейских субдиалектах.	278
10.33	Морфологическое оформление заимствованных глаголов в румейских субдиалектах	282
10.34	Корни греческие и тюркские.	286
10.35	Морфонологическое чередование -u-/i-(/∅) в глаголах в ЯлСД.	288
10.36	Глагол 'делать' в румейских субдиалектах.	289
10.37	Глагол 'давать' в румейских субдиалектах.	291
10.38	Глагол(ы) 'бить — ударить' в румейских субдиалектах.	292
10.39	Глагол 'слышать' с корнем [a]kɨç- в румейских субдиалектах.	293
10.40	Глаголы слухового и интеллектуального восприятия в румейских субдиалектах	294
10.41	Глагол(ы) 'выходить — выйти' в румейских субдиалектах.	296
10.42	Глагол(ы) 'идти — уходить' в румейских субдиалектах.	297
10.43	Глагол 'мыть' в румейских субдиалектах.	298
10.44	Глаголы звукопорождения в румейских субдиалектах	300
10.45	Классы иррегулярных глаголов в МСД.	302
10.46	Классы иррегулярных глаголов в ССД.	305
10.47	Классы иррегулярных глаголов в АСД.	309
10.48	Классы иррегулярных глаголов в БСД.	311
10.49	Классы иррегулярных глаголов в НкСД (и БгСД).	314
10.50	Классы иррегулярных глаголов в ЯлСД.	318
10.51	Неправильные глаголы смешанных односложно-многосложных типов в ЯлСД.	322
10.52	Степень интеграции/раздробленности подсистемы иррегулярных глаголов в румейских субдиалектах.	322
10.53	Наличие/отсутствие начального é- (/i-) в формах императ.	334
10.54	Основные изоглоссы в сфере фонологии румейских субдиалектов, существенные для глагольной морфонологии.	341
10.55	Основные изоглоссы в сфере глагольной морфологии румейских субдиалектов.	342

11.1	Способы выражения лексической модальности.	348
11.2	Конструкции с $\mu\alpha$ и $\theta\alpha$.	360
12.1	Личные местоимения в косвенном падеже	376
12.2	Личные местоимения в языке Pro-Drop.	377
12.3	Притяжательные местоимения	378

—Список рисунков

0.1	Первый румейский алфавит.	11
0.2	Современный румейский алфавит.	15
1.1	Указание о переименовании с. Чердакли.	49
7.1	Вокализм НкСД.	163
7.2	Различия группировки субдиалектов по вокализму и консонантизму.	166
7.3	Вокализм МСД.	177
7.4	Сонограмма 'церковь'.	190
7.5	Сонограмма 'мама'.	190
7.6	Сонограмма 'мама моя' (Вин. п.).	191
7.7	Сонограмма 'церковь'.	191
7.8	Сонограмма 'в церковь'.	192
10.1	Асимметричная видовременная система.	227
10.2	Выражение грамматических значений в окончаниях финитного глагола.	228
10.3	Иерархия глагольных классов.	233
12.1	Варианты порядка слов.	375
12.2	Позиция местоименных клитик	375
12.3	Употребление местоименного подлежащего.	378
12.4	Порядок слов в глагольной группе	382

—Библиография

- АГАФОНОВА 2004 Агафонова Д. В. Современное состояние песенной традиции греков Приазовья. Дипломная работа. СПбГУ, 2004.
- АГДЖА 1994 Агджа Н. К своим истокам // Заря Приазовья. 17 сентября 1994 г.
- АНИМИЦА 2003 Анимича Е. Г. Греки в судьбе России. Екатеринбург, 2003.
- АНИМИЦА, РУКОПИСЬ₁ Анимича Г. А. Из истории основания с. Малоянисоль и с. Чердакли. Рукопись.
- АНИМИЦА, РУКОПИСЬ₂ Анимича Г. А. Краткая грамматика румейского языка. Малоянисольский диалект — харахлотку. Рукопись.
- АНИМИЦА, РУКОПИСЬ₃ Анимича Г. А. «Леонтий Хонагбей». Поэма Георгия Костоправа. Список издания 1934 г. в кириллической графике с переводом. Рукопись.
- АНИМИЦА, INTERNET Анимича Г. А. Румейско-русский словарь // <http://www.mak-mak.com/gendb/RomRus.asp>.
- АРАДЖИОНИ 1999 Араджиони М. А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в.—90-е гг. XX в.). Симферополь, 1999.
- АРУТЮНОВ 1989 Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- АРШ 1994 Арш Г. Л. Греки в Росії // Музей Філікі Етерія. Одеса. Історичні нариси. Каталог. Афіни, 1994.
- АЧКИНАЗИ 2003 Ачкинази И. В. Крымчаки // Козлов, Чижова 2003.
- БАЛДЖИ 1995 Балджи А. Я. Эллины Приазовья вчера, сегодня, завтра. Греческое национальное движение в Украине — глазами мариупольского журналиста. Мариуполь, 1995.
- БАЛДЖИ 1997 Балджи А. Я. Нужны ли литературе чернорабочие? // Эллины Украины № 4 (9). Май—июнь 1997 г.
- БАЛДЖИ, ПАТРИЧА 2002 Балджи А. Я., Патрича Д. К. (сост.) Пирнешу астру 5. Сабати йылдыз (Ранкова зірка). Поезія та проза. Донецк, 2002.
- БЕЙЛИН 1997 Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Кибрик и др. 1997.
- БЕЛЕЦКИЙ 1959 Белецкий А. А. Дієслівна система говірок с. Кременівка (Чердакли) і Куйбишево (Малоянісоль) // Вісник Київського університету, Серія філології та журналістики. Вип. 2. Мовознавство. № 2. 1959.
- БЕЛЕЦКИЙ 1964 Белецкий А. А. Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка) // Межвузовская лингвистическая конференция «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Т. 1. Самарканд, 1964.
- БЕЛЕЦКИЙ 1969 Белецкий А. А. Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности // Ученые записки ЛГУ. № 343. Кафедра общего языкознания. Серия «Филологические науки». Вып. 73. Балканская филология. 1969.
- БЕЛЕЦКИЙ 1986 Белецкий А. А. Вступительное слово // ШАПУРМАС 1986.
- БОНДАРКО 1996 Бондарко А. В. (Отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. СПб., 1996.

- БРАУН 1890 Браун Ф. А. Мариупольские греки // Живая старина. Т. 1. Вып. 2. 1890.
- ВАХТИН 2001a Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- ВАХТИН 2001b Вахтин Н. Б. «Языковая смерть» в функциональном аспекте: особенности функционирования марковского говора // Сборник Европейского Университета. Вып. 1. СПб., 2001.
- ВИНОГРАДОВ, КОСИК 2003 Виноградов В. Н., Косик В. И. (отв. ред.). В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003.
- ВОЛОШКО 1962a Волошко Е. М. Георгий Костоправ // Радянська Донеччина. 3 февраля 1962 г.
- ВОЛОШКО 1962b Волошко Е. М. Честь поэта реабилитирована // Донбасс (альманах). Январь–февраль 1962 г.
- ВОЛОШКО 1963 Волошко Е. М. Георгий Костоправ // Костоправ 1963.
- ГАРБУЗ, ХАДЖИНОВ 2001 Гарбуз К., Хаджинов К. Где родился митрополит Игнатий? // Хронос. № 9 (49). Ноябрь 2001 г.
- ГАРКАВЕЦ 1988 Гаркавец О. М. Ана тилиндé. Киев, 1988.
- ГАРКАВЕЦ 1999 Гаркавец О. Н. Уруми Надазов'я. Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999.
- ГАРКАВЕЦ 2000 Гаркавец О. М. Урумський словник. Алма-Ата, 2000.
- ГЕРЦЕН, ХРАПУНОВ 2004 Герцен А. Г., Храпунов И. Н. (ред). От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.). Симферополь, 2004.
- ГИНЗБУРГ, ПРОБСТ 1981 Гинзбург Е. Л., Пробст М. А. Контекст и текст // Мотина 1981.
- ГНЕДИЧ 1825 Гнедич Н. И. Простонародные песни нынешних греков. СПб., 1825.
- ГНЕДИЧ 1956 Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956.
- ГОЗАДИНОВА 1915 Гозадинова Е. И. По поводу одной старой рукописи // Русская старина. Т. 163. 1915.
- ГРЕКИ 2000 Греки на українських теренах. Нариси з етнічної історії. Документи, матеріали, карти. Київ, 2000.
- ГРИГОРОВИЧ 1874 Григорович В. И. Записки антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и южные побережья Днепра и Днестра. Одесса, 1874.
- ДЖУХА 1993 Джуха И. Г. Одиссея мариупольских греков. Очерки истории. Вологда, 1993.
- ДЖУХА 2000 Джуха И. Г. Милар (Мельница). Донецк, 2000.
- ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006 Диамантопуло-Рионис А. А., Демерджи Д. Л., Давыдова-Диамантопуло А. М., Шапурма А. А., Харабадат Р. С., Патрича Д. К. Румейско-русский и русско-румейский словарь пяти диалектов греков Приазовья. Мариуполь, 2006.
- ДОДУЛЯК 2001 Додуляк Т. Чествуя Костоправа // Заря Приазовья № 173 (10786). 26 декабря 2001 г.
- ЕВТЮХИН 1996 Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Бондарко 1996.
- ЕЛОЕВА 1992 Елоева Ф. А. Введение в новогреческую филологию. СПб., 1992.
- ЕЛОЕВА 1995 Елоева Ф. А. Тюркоязычные православные греки Восточной Грузии (Цалкинский и Тетрицкаройский районы). СПб., 1995.

- ЕЛОЕВА 2004 Елоева Ф. А. Понтийский диалект в синхронии и диахронии. СПб., 2004.
- ЕЛОЕВА 2006 Елоева Ф. А. Конфликт языка и самосознания (На примере языковой ситуации тюркоязычных православных греков восточной Грузии и урумов мариупольского края) // РУСАКОВ 2006.
- ЕСПЕРСЕН 1958 Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- ЖЕЛТУХИНА 2003 Желтухина О. А. Крымские татары в XIX–начале XX вв. Путеводитель по этнографическому отделу. Бахчисарай, 2003.
- ЖУГРА, ШАРАПОВА 1998: 140 Жугра А. В., Шарапова Л. В. Говор албанцев Украины // КУЗЬМЕНКО 1998.
- ЖУРАВЛЕВА 1979 Журавлева Е. Ф. Категория твердости-мягкости в новогреческом (тавро-румийском) и русском языках // «Октябрьские чтения». Конференция молодых ученых и специалистов Пермского университета. Пермь, 1979.
- ЖУРАВЛЕВА 1982 Журавлева Е. Ф. Фонологическое описание греческого новокаракубского говора в сравнении с другими таврорумийскими говорами и северногреческими диалектами. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1982.
- ЗАЙЧЕНКО 1995 Зайченко С. А. Танцы греков Приазовья. Мариуполь, 1995.
- ЗАЛИЗНЯК 1967 Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- ЗАЛИЗНЯК 1985 Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- ЗАСОРИНА 1977 Засорина Л. Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. М., 1977.
- ЗАХАРОВА 2000 Захарова Г. М. Дело К. Ф. Челпана. Мариуполь, 2000.
- ЗИНДЕР 1979 Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
- ИВАНОВА (ОТВ. РЕД.) 1979 Иванова Ю. В. (отв. ред.). Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979.
- ИВАНОВА 1979 Иванова Ю. В. Особенности формирования хозяйственного комплекса многонационального района Приазовья // ИВАНОВА (ОТВ. РЕД.) 1979.
- ИВАНОВА 2004 Иванова Ю. В. (сост., отв. ред.). Греки России и Украины. СПб., 2004.
- ИВАНОВА, НОВИК 2001а Иванова Ю. В., Новик А. А. «Далекое — близкое» в Кунсткамере // Все музеи Северо-запада России. №№ 11-12. 2001.
- ИВАНОВА, НОВИК 2001б Иванова Ю. В., Новик А. А., Далекое — близкое: Новые европейские экспедиции Кунсткамеры. Буклет. СПб., 2001.
- ИГСУ 1976 История городов и сел УССР. Т. 6. Донецкая область. Киев, 1976.
- ИТОГИ 1963 Итоги всесоюзной переписи 1959. Украинская ССР. М., 1963.
- ИТОГИ 1973 Итоги всесоюзной переписи населения 1970. Т. 4. Национальный состав населения СССР. М., 1973.
- КАЗАНСКИЙ (РЕД.) 2001 Казанский Н. Н. (ред.) Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб., 2001.
- КАЗАНСКИЙ 2001 Казанский Н. Н. Между письменным и устным текстом: древнегреческое «наивное» письмо // КАЗАНСКИЙ (РЕД.) 2001.
- КАЗАНСКИЙ 2002 Казанский Н. Н. (ред.). Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. СПб., 2002.

- КАЛОЕРОВ 1997 Калоеров С. А. Греки Приазовья. Аннотированный библиографический указатель. Донецк, 1997.
- КАЛОЕРОВ 1998 Калоеров С. А. О переселении греков в Приазовье и основании греческих населенных пунктов // КАЛОЕРОВ, ЧЕРДАКЛИ 1998
- КАЛОЕРОВ, ЧЕРДАКЛИ 1998 Калоеров С. А., Чердакли Г. Н. (сост.). Материалы по истории и культуре греков Украины. № 1. Сборник статей. Донецк, 1998.
- КАСЕВИЧ 1986 Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986.
- КАСЕВИЧ 1988 Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- КАУРИНКОСКИ 2002 Кауринкоски К. Греки Приазовья: особенности этнокультурной идентичности // Диаспоры. Независимый научный журнал. № 1. 2002.
- КЕССИДИ 1990 Кессиди Ф. Х. Маршал Жуков — грек? // Логос № 2. 15 октября 1990 г.
- КЕССИДИ 1994 Кессиди Ф. Х. (ред. и сост.). Энциклопедия советских греков. Вып. 1. М., 1994.
- КИБРИК 2001а Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 2001.
- КИБРИК 2001б Кибрик А. Е. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // КИБРИК 2001а.
- КИБРИК и др. 1997 Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Москва, 1997.
- КИОР 1990 Киор В. И. Хасевет йазмахлары. Печальные письма. Донецк, 1990.
- КИОР, ТОЦКАЯ 1991 Киор В. И., Тоцкая И. В. О некоторых парадоксах языковой ситуации в регионе Приазовья // Греки Украины: история и современность. Материалы научно-практической конференции «Греки Украины: поиск и формирование национальной культуры» 9–19 февраля 1991 г. Донецк, 1991.
- КИРЬЯКОВ 1988 Кирьяков Л. Н. (сост.). Пирнэшу Астру 1. Стихя, пиимата, дьымата. Донецк, 1988.
- КИРЬЯКОВ 1989 Кирьяков Л. Н. (сост.). Пирнэшу Астру 2. Стихя, пиимата, дьымата, хурато, паримия, аинигмата. Донецк, 1989.
- КИРЬЯКОВ 1991 Кирьяков Л. Н. (сост.). Пирнэшу Астру 3. Сабати йылдыз: стихя, пиимата, дьымата, метафрасис, фолклор, юмор, драматико эрго. Донецк, 1991.
- КИРЬЯКОВ 1993а Кирьяков Л. Н. Ап ато марея ас та трия ялус. Донецк, 1993.
- КИРЬЯКОВ 1993б Кирьяков Л. Н. (сост.). Пирнэшу Астру 4. Сабати йылдыз: стихя, пиимата, метафрасис, фолклор, юмор. Донецк, 1993.
- КИРЬЯКОВ 1994 Кирьяков Л. Н. (ред.). Кузмуку пигады (Народне джерло). Пісни греков Приазов'я. Румейською та урумською мовами. Донецк, 1994.
- КИРЬЯКОВ 1999 Кирьяков Л. Н. Русско-румейско-новогреческий словарь. Мариуполь, 1999.
- КИСИЛИЕР 2003 Кисилиер М. Л. Особенности языка Иоанна Мосха (Закон Ваккернагеля и местоименные клитики в тексте позднего койне). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 2003.
- КИСИЛИЕР 2006 Кисилиер М. Л. Закон Ваккернагеля в позднем койне (на материале «Лу-га Духовного» Иоанна Мосха) // Язык и Речевая Деятельность 6. 2003. СПб., 2006.
- КОВАЛЕВСКИЙ 1928 Ковалевський А. Підземні сховища зерна у маріупольських греків // Східний світ № 6. 1928.

- КОВАЛЕВСКИЙ 1961 Ковалевский А. П. (ред.). Антологія літератур сходу. Харьков, 1961.
- КОЗЛОВ, ЧИЖОВА 2003 Козлов С. Я., Чижова Л. В. (отв. ред.). Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки. М., 2003.
- КОНОНОВ 1997 Кононов А. Н. Турецкий язык // РОГОВА и др. 1997.
- КОССЕ 2000 Коссе Н. Художник, личность, творец // Эллины Украины № 6 (44). Июнь 2000 г.
- КОСТАН 1932 Костан К. (Гаргала А. К.) З літератури маріюпільських греків. Харьков, 1932.
- КОСТАН 1994 Костан К. (Гаргала А. К.) З літератури маріюпільських греків. Харьков, 1994.
- КОСТОПРАВ 1963 Костоправ Г. Здравствуй, жизнь. Донецк, 1963.
- КРАСУХИН 1997 Красухин К. Г. Закон Ваккернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестник Московского Государственного Университета 6. Серия 9. Филология. 1997.
- КУЗЬМЕНКО 1998 Кузьменко Ю. К. (отв. ред.). Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб., 1998.
- КУЗЬМИНКОВ 1997 Кузьминков Л. Н. Переселение крымских греков в Северное Приазовье в 1778–1780: причины и следствия. Мариуполь, 1997.
- КУЗЬМИНКОВ 2006 Кузьминков Л. Н. Предисловие // ДИАМАНТОПУЛО-РИОНИС и др. 2006.
- ЛЕВЕНТИС 1998 Левентис (Левентов) Г. М. Цена свободы. Τιμή της ελευθερίας. Мемуары. Донецк, 1998.
- ЛОГВИНОВ 1999 Логвинов И. Сельский музей // Заря Приазовья № 105 (10399). 8 сентября 1999 г.
- ЛОПАШОВ 1978 Лопашов Ю. А. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л., 1978.
- ЛЭС 1990 Ярцева В. Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- ЛЯКСО 2002 Ляксо Е. Е. Некоторые характеристики материнской речи, адресованной младенцам первого полугодия жизни // Психологический журнал 2. 2002.
- МАЗУР 1962 Мазур П. И. Талантливый поэт // Приазовский рабочий. 8 сентября. 1962 г.
- МАЗУР 2003 Мазур П. И. Георгий Костоправ: поэт и гражданин. Дніпропетровськ, 2003.
- МАСЛИНСКИЙ 2002 Маслинский К. А. Система пространственных предлогов и местоимений в приазовском диалекте новогреческого языка // Тезисы V межвузовской научной конференции филологов. Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2002.
- МАЦУКА 1991 Мацука Г. Х. Язык — признак национального интеллекта // Греки Украины: история и современность. Материалы научно-практической конференции «Греки Украины: поиск и формирование национальной культуры» 9–19 февраля 1991. Донецк, 1991.
- МЕЛЬЧУК 1997 Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. М., Вена, 1997.
- МИХАЛЬЧЕНКО 2002 Михальченко С. И. (отв. ред.). Проблемы славяноведения. № 4. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2002.
- МИШИН 2002 Мишин А. Далекое — близкое. Новые европейские экспедиции Кунсткамеры // Петербург-экспресс. 2.02.2002.
- МОТИНА 1981 Мотина Е. И. (отв. ред.). Аспекты изучения текста. М., 1981.

- Недялков, Сильницкий 1969 Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович 1969.
- Николайко 1994 Николайко Л. От цели к реальности // Зоря Приазовья № 30 (10148). 1 апреля 1994 г.
- Новик 2001 Новик А. А. Греческое население в украинских селах Приазовья (район Мариуполя). Август 2001 г. Полевые записи. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Фонд К-1. Опись 2. № 1745.
- Новик 2002а Новик А. А. Приазовский отряд. Поселок Малоянисоль. Июль 2002 г. Полевые записи. Архив МАЭ РАН. Фонд К-1. Опись 2.
- Новик 2002б Новик А. А. Традиционная культура мариупольских греков. Предварительные итоги экспедиции 2001 г. // Казанский 2002.
- Новик, Перехвальская 2002 Новик А. А., Перехвальская Е. В. Этнолингвистическое изучение Приазовья. Экспедиция к мариупольским грекам 2001 г. // Михальченко 2002.
- Новик, Перехвальская 2003 Новик А. А., Перехвальская Е. В. Этнолингвистическая ситуация в поселениях мариупольских греков: по итогам экспедиций 2001–03 гг. // Південний архів. Філологічні науки. № XXII. Збірник наукових праць. Херсон, 2003.
- Островский 1998 Островский Б. Я. Условные конструкции в языке дари // Храковский (ред.) 1998.
- Папуш 1996 Папуш И. А. История Древней Греции. Т. 1–2. Мариуполь, 1996.
- Папуш 2000 Папуш И. А. Творческая деятельность греков Приазовья. Конец XIX–XX века. Мариуполь, 2000.
- Папуш 2002 Папуш И. А. Сартана. Мариуполь, 2002.
- Патрича 1992 Патрича Д. Наша судьба. Заметки публициста. Библиотечка газеты «Жизнь». Донецк, 1992.
- Патрича 2001 Патрича Д. Доля поэта. Донецк, 2001.
- Пенез 1997 Пенез Д. Калка. Стихя, пиимата, метафрасис. Донецьк, 1997.
- Перехвальская 2002 Перехвальская Е. В. Приазовские греки (очерк социоллингвистической ситуации) // Казанский 2002.
- Пешковский 1956 Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Плунгян 2000 Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Проценко-Пичаджи 2001 Проценко-Пичаджи А. Годы созидания // Эллины Украины № 11 (61). Ноябрь 2001 г.
- Пушкин 1937 Πύσχιν Α. Σ. Σιλογί έργων. Σύνταξι Γ. Κοστοπράβ. Μαριούπολις, 1937.
- Рогова и др. 1997 Рогова Н. В., Романова О. И., Черкасова И. Н. Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.
- Рославцева 2003 Рославцева Л. И. Крымские татары. Материальная культура // Козлов, Чижова 2003.
- Русаков 2000 Русаков А. Ю. Рецензия на: Yaron Matras, Peter Bakker and Hristo Kyuchukov (eds.). The typology and Dialectology of Romani (Current Issues in Linguistic Theory, 126). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1997 // Русаков, Соболев 2000.

- РУСАКОВ 2006 Русаков А. Ю. (отв. ред.). Проблемы балканской филологии. Сборник статей. СПб., 2006.
- РУСАКОВ, СОБОЛЕВ 2000 Русаков А. Ю., Соболев А. Н. (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы четвертого рабочего совещания. СПб., 2000.
- РЫЛЬСКИЙ 1962 Рыльский М. Ф. Георгий Костоправ // Літературна Україна. 12 июня 1962 г.
- САВЧЕНКО 1974 Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
- САРАВАС 1962 Саравас П. Г. Честь поэта реабилитирована // Приазовский рабочий. 25 апреля 1962 г.
- СЕМЕНОВ 1885 Семенов-Тянь-Шаньский П. П. Географо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. СПб., 1885.
- СЕМЕНОВ 1910 Семенов-Тянь-Шаньский В. П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 14. Новороссия и Крым. СПб., 1910.
- СЕРГЕЕВ 2000 Сергеев Н. Заря создает общество // Эллины Украины № 40. Январь–февраль 2000 г.
- СЕРГИЕВСКИЙ 1934 Сергиевский М. В. Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Т. 7. 1934.
- СКЛАД 2002 Национальний склад та рідна мова населення Донецької області. (За даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року.) Донецьк, 2002.
- СОКОЛОВ 1930 Соколов И. И. О языке греков Мариупольского и Сталинского округов // Язык и литература. № 6. 1930.
- СПІРИДОНОВ 1930 Спіридонов Д. Історичні інтерес вивчення говірок маріупільських греків // Східний світ № 12 (3). 1930.
- ТЕНИШЕВ 2001 Тенишев Э. Р. (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- ТЕСТЕЛЕЦ 2001 Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- ТИМОШЕВСКИЙ 1892 Тимошевский Г. И. (сост.). Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.
- ТОВАРЧИ 2001 Товарчи Е. Помним корни свои // Заря Приазовья № 173 (10786). 26 декабря 2001 г.
- ТРИАНДАФИЛИДИС 1995 Триандафилидис М. А. Малая грамматика новогреческого языка, Салоники, 1995.
- ТРИАНДАФИЛОВ 1994 Триандафилов Х. В. Греки России — уезжать или оставаться? М., 1994.
- ХАДЖИНОВ 2000 Хаджинов К. Э. Греки Приазовья — в Интернете // Эллины Украины № 40. Январь–февраль 2000 г.
- ХАДЖИНОВ 2003 Хаджинов Э. Хронология жизни и творчества Георгия Костоправа // Хронос № 1 (58). Январь 2003 г. Подг. к публикации О. К. Хаджинова.
- ХАЙДОЛЬФ 1978 Хайдольф К. Э. Контекстные отношения между предложениями в генеративной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике 8. 1978.
- ХАРАКОЗ 1999 Харакоз Н. Г. Издан русско-румейско-новогреческий словарь // Эллины Украины № 8 (27). Сентябрь–октябрь 1999 г.

- ХАРАКОЗ, КиОР 1998 Харакоз Н. Г., КиОР В. И. (сост.). *Моя Эллада — Украина*. Донецк, 1998.
- ХАРТАХАЙ 1859 Хартахай Ф. А. *Язык умирающего греческого наречия*. [Греческий глоссарий]. Сартана, 1859.
- ХАРТАХАЙ 1861 Хартахай Ф. А. *Игнатий, митрополит Готфийский и Кафейский* // Иллюстрация. *Всемирное обозрение* № 171 (1 июня). СПб., 1861.
- ХАРТАХАЙ 1864 Хартахай Ф. А. *Христианство в Крыму. Посвящ. незабвенной памяти Игнатия, митрополита Готии и Кафы*. Симферополь, 1864.
- ХАРТАХАЙ 2003 Хартахай Ф. А. *Христианство в Крыму. Посвящ. незабвенной памяти Игнатия, митрополита Готии и Кафы*. М., 2003.
- ХАСХАЧИХ 2001 Хасхачих В. И. *История села Чермалык*. Мариуполь, 2001.
- ХАСХАЧИХ 2004 Хасхачих В. И. *История села Чермалык*. Мариуполь, 2004 (2 изд.).
- ХОДЖЕЙСА 1990 Ходжейса В. Ф. *Пригласил всех панаир* // *Логос* № 2. 15 октября 1990 г.
- ХОДЖЕЙСА 2001 Ходжейса В. Ф. *Кременевка — село спортивное* // *Эллины Украины* № 4 (54). Апрель 2001.
- ХОЛОДОВИЧ 1969 Холодович А. А. (Отв. ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л., 1969.
- ХОРОШ 1998 Луис (Хорош) Н. *Ялита*. Донецк», 1998.
- ХРАКОВСКИЙ (РЕД.) 1998 Храковский В. С. (Ред.). *Типология условных конструкций*. Л., 1998.
- ХРАКОВСКИЙ 1998 Храковский В. С. *Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология)* // Храковский (ред.) 1998.
- ЦИММЕРЛИНГ 2002 Циммерлинг А. В. *Типологический синтаксис скандинавских языков*. М., 2002.
- ЧАПНИ 2000 Чапни И. *Как солнце в капельке росы* // *Заря Приазовья* № 30 (10488). 29 марта 2000 г.
- ЧЕРНУХИН 2005 Чернухин Е. *Греческие молитвы, заклинания и заговоры из Большой Каракубы*. Донецк, 2005.
- ЧЕРНЫШЕВА 1958 Чернышева Т. Н. *Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района Сталинской области. Исторический очерк и морфология глагола*. Киев, 1958.
- ЧЕРНЫШЕВА 1959 Чернышева Т. Н. *Греческий глоссарий Ф. А. Хартахая* // *Вісник Київського університету, Серія філології та журналістики*. Вип. 2. *Мовознавство*. № 2. Киев, 1959.
- ЧЕРНЫШЕВА 1960a Чернышева Т. Н. *Про грецький фольклор на Україні* // *Народна творчість та етнографія* 4. 1960.
- ЧЕРНЫШЕВА 1960b Чернышева Т. Н. *Фонетический (гласные) обзор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района Сталинской области* // *Научные записки Киевского Государственного Университета*. Т. 18. Вып. 7. 1960.
- ЧЕРНЫШЕВА 1964 Чернышева Т. Н. *Развитие румейского языка на Украине* // *Актуальные вопросы языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова*. Материалы конференции. Т. 1. Самарканд, 1964.
- ЧИЖОВА 2003 Чижова Л. В. *Караимы* // Козлов, Чижова 2003.

- ШАПУРМАС 1986 Шапурмас А. Кардъяко-м ту Приазовье. Стихя, пиимата, парамитъя ки хуратайдъа сты элиники (румэйку) глоса. Киев, 1986.
- ШЕБАНИЦ 1994 Шибаниц Ф. С ксер-с та ризис такас. Стихя, юмор. Донецьк, 1994.
- ШЕРЕМЕТ 2003 Шеремет В. И. Османская империя в международных отношениях на Балканах // Виноградов, Косик 2003.
- ШУМЕЕВА 1997 Шумеева О. С чувством гордости и национальной скромности // Эллины Украины № 9. Май–июнь 1997 г.
- ЯЛИ 1931 Яли С. Греки в УССР. Харьков, 1931.
- ЯЛИ 1991 Яли И. А. (ред). Греки Украины: история и современность. Донецк, 1991.
- ANDERSON 1996 Anderson B. Census, Map, Museum // ELEY, SUNY 1996.
- ANTEJAVA, BIT SULEIMAN 2003 Antelava N., bit Suleiman D. Notes from Tsalka: The Vanishing Greeks of Tsalka // Transitions Online, 18/8/2003 (<http://www.tol.cz/look/TOLnew/article.tpl?IdLanguage=1&IdPublication=4&NrIssue=49&NrSection=17&NrArticle=10407>).
- BALTA 1997–1998 Balta E. Périodisation et typologie de la production des livres karamanlis // Δελτίο του Κέντρου Μικροασιατικών Σπουδών 12. 1997–1998.
- BARTH (ED.) 1998 Barth F. (Ed.). Ethnic Group and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Illinois, 1998.
- BARTH 1998 Barth F. Introduction // BARTH (ED.) 1998.
- BERNSTEIN-RATNER 1987 Bernstein-Ratner N. The Phonology of Parent — Child Speech // KLEECK, NELSON 1987.
- BEUKEMA, DEN DIKKEN 1999 Beukema F., Den Dikken M. (Eds.). Clitic Phenomena in European Languages. Amsterdam, Philadelphia, 1999.
- BHAT 1978 Bhat D. N. S. A General Study of Palatalization // Greenberg 1978.
- BLAU 1874 Blau F. Über die griechischen-türkische Mischbevölkerung von Mariupol // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft XXVIII. 1874.
- CHRISTIDIS 2001 Χριστίδης Α.-Φ. (Επιστ. επιμ.). Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας. Από της αρχές έως την ύστερη αρχαιότητα. Θεσσαλονίκη, 2001.
- COLLINGE 1985 Collinge N. E. The Laws of Indo-European. Amsterdam/Philadelphia, 1985.
- COMRIE 1987 Comrie B. (Ed.). The World's Major Languages. London, Sydney, 1987.
- DIMADIS 1999 Dimadis K. (Ed.). Akten des I. Europäischen Kongresses für Neugriechische Studien (Berlin, 2–4. 10. 1998). Bd. I. Athen, 1999.
- DORIAN 1992 Dorian N. C. (Ed.). Investigating Obsolescent: Studies in Language Contraction and Death. Cambridge, 1992.
- DRETTAS 1999 Drettas G. The Greek-Pontic Dialect Group // KARANTZOLA 1999.
- DYSON, GENISHI 1984 Dyson A. H., Genishi C. Language Assessment in the Early Years. Norwood, 1984.
- ELEY, SUNY 1996 Eley G., Suny R. G. (Eds.). Becoming National. A Reader. New York, 1996.
- ELL 1994 Asher R. E, Sympson J. M. Y (Eds.). The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 5. Oxford, 1994.
- FERGUSON 1967 Ferguson Ch. A. Assumptions about Nasals. A Sample Study in Phonological Universals // GREENBERG 1967.

- FERGUSON 1977 Ferguson Ch. A. Baby Talk as a Simplified Register // FERGUSON, SNOW 1977.
- FERGUSON, SNOW 1977 Ferguson Ch. A., Snow C. E. Talking to Children. Cambridge, 1977.
- FERNALD, SIMON 1984 Fernald A., Simon T. Expanded Intonation Contours in Mothers' Speech to Newborns // *Developmental Psychology* 20. 1984.
- FISHMAN 2001 Fishman J. (Ed.). Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited. A 21st Century Perspective. Clevedon a. o., 2001.
- FOTIADIS 1990 Φωτιάδης Κ. Ο Ελληνισμός της Κριμαίας. Μαριούπολη, δικαίωμα στη μνήμη. Αθήνα, 1990.
- FRAENKEL 1933 Fraenkel E. Kolon und Satz: Beobachtungen zur Gliederung des antiken Satzes I // *Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse*. 1933.
- FRAENKEL 1966 Fraenkel E. Zur 'Wackernagelschen' Stellung von ἡμῖν, ὑμῖν, nobis, vobis // *Museum Helveticum*. T. 23. N 1. 1966.
- GREENBERG 1967 Greenberg J. H. (Ed.). Universals of Human Language. Cambridge, 1967.
- GREENBERG 1978 Greenberg J. H. (Ed.). Universals of Language 2. Cambridge, 1978.
- GRENOBLE, WHALEY 1999 Grenoble L. A., Whaley L. J. (Eds.). Endangered Languages. Language Loss and Community Response. Cambridge, 1999.
- HABERLAND, VAN DER AUWERA 1990 Haberland H., van der Auwera J. Topics and Clitics in Greek Relatives // *Acta Linguistica Hafniensia. International Journal of Linguistics* 22. 1990.
- HATZIDAKI 1999 Hatzidaki A. The Survival and Functioning of Greek Dialects of the Area of Marioupolis // KARANTZOLA 1999.
- HENRICH 1999 Henrich G. S. Γραμματική των κριμααιοζοφικών ή ταυρορουμαιϊκών διαλέκτων // DIMADIS 1999.
- HOLTON ET AL 1997 Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I. Greek: A Comprehensive Grammar of the Modern Language. London and NY, 1997.
- HRISTOU 2007 Χρίστου Χ. Γλωσσική συρρίκνωση στην Κρημαιοζοφική διάλεκτο. Μαριούπολης, 2007.
- IVANOVA, NOVIK 2002 Ivanova Ju., Novik A. Das Vergangene und das Nahe. Forschungsreisen der Kunstammer // *St. Petersburgische Zeitung. № 02 (111)*. 2002.
- JANSE 2000 Janse M. Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns // SORNICOLA ET AL. 2000.
- JOSEPH 1987 Joseph B. D. Greek // COMRIE 1987.
- JOSEPH 1994 Joseph B. D. On Weak Subjects and Pro-Drop in Greek // PHILIPPAKI-WARBURTON ET AL. 1994.
- JOSEPH 2001 Joseph B. D. Προς τα Νέα Ελληνικά // CHRISTIDIS 2001. Μετάφρ. Ι. Βλαχόπουλος.
- JOSEPH 2003 Joseph B. D. Some Reflections on Greek in a Slavic Context, in Both Academia and the Real World, with an Overview of Greek in the Former Soviet Union // *Balkan and Slavic Linguistics in Honor of the 40th Anniversary of the Department of Slavic and East European Languages and Literatures (Ohio State Working papers in Slavic Studies 2)*. 2003.

- JOSEPH, INTERNET Joseph B. D. Early Movement Towards Modern Greek // <http://www.ling.ohio-state.edu/~bjoseph/publications/2000ear1.pdf>.
- JOSEPH, PAPPAS 2001 Joseph B. D., Pappas P. The Development of the Greek Future System: Setting the Record Straight // Greek Linguistics 99. Proceedings of the 4th International Conference on Greek Linguistics, Nicosia, September 1999. Thessaloniki, 2001.
- KALLULI 1999 Kallulli D. Direct Object Clitic Doubling in Albanian and Greek // BEUKEMA, DEN DIKKEN 1999.
- KARANTZOLA 1999 Καραντζόλα Ε. (επιμ. εκδ.). Διαλεκτικοί θύλακοί της ελληνικής γλώσσας (Dialect Enclaves of the Greek Language). Αθήνα, 1999.
- KARDASIS 1998 Καρδάσης Β. Έλληνες ομογενείς στη Νότια Ρωσία 1775–1861. Αθήνα, 1998.
- KAURINKOSKI 1997 Kaurinkoski K. Les Grecs dans le Donbass. Analyse des identités collectives dans deux villages d'Ukraine orientale. Université de Provence, 1997.
- KAZAZIS, PENTHEROUDAKIS 1976 Kazazis K., Pentheroudakis J. Reduplication of Indefinite Direct Objects in Albanian and Modern Greek // Language 52. 1976.
- KLEECK, NELSON 1987 Kleeck A., Nelson K. (eds.). Children Language 6. 1987.
- KONTOSOPOULOS 2001 Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής. Αθήνα, 2001.
- KRETSCHMER 1905 Kretschmer P. Der heutige lesbische Dialekt. Wien, 1905.
- KUHL ET AL. 1997 Kuhl P., Andruski J., Chistovich I. A., Chistovich L. A., Kozhevnikova E. V., Ryskina V. L., Stolyarova E. I., Sandberg U., Lacerda F. Cross-Language Analysis of Phonetic Units in Language Addressed to Infants // Science 777. 1997.
- MACKRIDGE 1985 Mackridge P. The Modern Greek Language. A Descriptive Analysis of Standard Modern Greek. Oxford, 1985.
- MACKRIDGE 2000 Mackridge P. Η Νεοελληνική Γλώσσα. Αθήνα, 2000.
- MACKRIDGE ET AL. 1999 Mackridge P., Holton D., Φιλιππάκη-Warburton Ει. Γραμματική της Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα, 1999.
- MAYSER, SCHMOLL 1970 Mayser E., Schmoll H. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit (I.1.). Berlin, 1970.
- NEWTON 1972 Newton B. The Generative Interpretation of Dialect, A Study of Modern Greek Phonology. Cambridge, 1972.
- OIKONOMIDIS 1958 Οικονομίδης Δ. Η. Γραμματική της Ελληνικής διαλέκτου του Πόντου. Αθήνα, 1958.
- PAPPOU-ZOURAVLIOVA 1995 Παππού-Ζουραβλιόβα Αι. Η ταυρορουμακή διάλεκτος των Ελλήνων της Αζοφικής στη Νοτιοανατολική Ουκρανία (Περιοχή της Μαριούπολης) // Αρχείον Πόντου 48. 1995.
- PAPPOU-ZOURAVLIOVA 1998 Παππού-Ζουραβλιόβα Αι. Μορφολογία των νεοελληνικών ιδιωμάτων της Ουκρανίας. Οι αντωνυμίες και η ταξινόμησή τους στην ταυρορουμαϊκή διάλεκτο των Ελλήνων της Μαριούπολης σε σύγκριση με τη νέα ελληνική // Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα. № 19. 2–4 Μαΐου 1997. Θεσσαλονίκη, 1998.
- PAPPOU-ZOURAVLIOVA 1999 Pappou-Zouravliova E. The Greeks of Azov Region (Marioupolis District) and Their Language // KARANTZOLA 1999.
- PAPPOU-ZOURAVLIOVA 2001 Παππού-Ζουραβλιόβα Αι. Ιδιαιτερότητες των άτονων φωνηέντων στην Ελληνική διάλεκτο της Ουκρανίας (περιοχή Μαριουπόλεως) σε σύγκριση με τα Ρωσικά // Πρακτικά του 5^{ου} Διεθνούς Συνεδρίου Ελληνικής Γλωσσολογίας 13–15 Σεπτεμβρίου 2001. Τ. 2. Παρίσι, 2001.

- PHILIPPAKI-WARBURTON ET AL. 1994 Philippaki-Warburton I., Nikolaidis K., Sifianou M. Themes in Greek Linguistics. Papers from the 1st International Conference on Greek Linguistics, Reading, September 1993. Amsterdam, 1994.
- POPOV 2003 Popov A. Becoming Pontic: «Post-socialist» Identities, «Transnational» Geography, and the «Native» Land of the Caucasian Greeks // *Ab Imperio* 2. 2003.
- RUHLEN 1967 Ruhlen M. Nasal Vowels // GREENBERG 1967.
- SCHMIDT 1985 Schmidt A. Young People. Dyirbal, 1985.
- SCHWAN 1911 Schwan E. Grammatik des Altfranzösischen. Neu bearbeitet von D. Behrens. Leipzig, 1911.
- SORNICOLA ET AL. 2000 Sornicola R., Poppe E., Shisha Ha-Levy A. (eds.). Stability and Change of Word-Order Patterns over Time. Amsterdam, 2000.
- SYMEONIDIS, ΤΟΜΠΑΪΔΙΣ 1999 Συμεωνίδης Χ., Τομπαΐδης Δ. Η σημερινή Ελληνική διάλεκτος της Ουκρανίας (περιοχής Μαριούπολης) // Παράρτημα 20 του περιοδικού «Αρχαίον Πόντου». Αθήνα, 1999.
- THEOPHANOPOULOU-KONTOU 1986–1987 Θεοφανοπούλου-Κοντού Δ. Κενές κατηγορίες στην ΝΕ: η περίπτωση του άμεσου αντικείμενου // *Γλωσσολογία* 5–6. 1986–1987.
- THOMASON, KAUFMAN 1988 Thomason S.G., Kaufman T. Language Contact, Creolisation, and Genetic Linguistics. University of California Press, 1988.
- TRUDGILL 2003 Trudgill P. Modern Greek Dialects // *Journal of Greek Linguistics* 4. 2003.
- TSANGALIDIS 2002 Tsangalidis A. Homonymy, Polysemy, Category Membership: The Case of Greek Modal Particles // VAN DER WOUDE ET AL. 2002.
- VAN DER WOUDE ET AL. 2002 Van der Wouden T., Foolen A., Van de Craen P. (Eds.). Particles. (Belgian Journal of Linguistics 16). Bruxelles, 2002.
- WACKERNAGEL 1892 Wackernagel J. Über ein Gesetz der Indogermanischen Wortstellung // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 1. 1892.
- WARBURTON 1977 Warburton I.P. Modern Greek Clitic Pronouns and the «Surface Structure Constraints» Hypothesis // *Journal of Linguistics* 13. 1977.
- WEIL 1879 Weil H. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langages modernes: question de grammaire générale. Paris, 1879.

—Summary

The Greek settlers came to the Azov Sea region from the Crimea in the late 18th century. They founded the city of Mariupolis and numerous villages, calling them like those in the Crimea. Some kind of the Tatar-Greek diglossia may have existed as early as during Crimean period, Greek was less prestigious, therefore the *Rumejs*, Greek-speaking Greeks, were considered to be less cultured than the *Urums*, Tatar-speaking Greeks. Today *Rumeika* (Greek dialect) is spoken in some 17 villages in the region of Mariupolis. It consists of five subdialects that vary in phonetics and vocabulary, as well as some morphological features. Most speakers are either elderly people or young men who use *Rumeika* as some kind of a secret language within their male company. Though *Rumeika* shows a lot of features common with Pontic and Northern Greek dialects, there is no doubt that it should be regarded as a separate idiom among other dialects of Modern Greek.

The *Language and Ethno-Cultural Situation in Greek Villages of Azov Region*, the first volume in the *Language and Culture of Mariupolis Greeks* series has been prepared by the Hellenic Institute of St. Petersburg. It is based on a field research in Greek villages in Mariupolis region. The expeditions carried out in 2001–2004 were organized by St. Petersburg State University.

The goal of this volume is to present an overall description of history, ethnography, culture and language of Azov *Rumejs*. The volume consists of thirteen chapters and four appendixes.

Chapter 1 deals with the history of Greeks in the Azov region from 1771 till 2003. Besides a chronological table, it provides the necessary information on important personalities, such as poets or enlighteners. Chapter 2 is concerned with the traditional culture of the region. Special sections describe cooking and eating, handicraft, needlework and traditional clothes and decorations. The following four chapters (3–6) deal with language contacts, the status of the language of both *Urums* (Ch. 3) and *Rumejs* (Ch. 4), their identity, language acquisition by young speakers (Ch. 5), code-switching and grammatical interference with Russian (Ch. 6).

Chapter 7 provides a thorough description of the phonological system of the Greek dialect, especially its local idiom spoken in the village Maloyanisol. Chapter 8 gives the information on nouns, articles, declension, models of plural and attributive forms in three main subdialects. Adjectives, degrees of comparison and formation of adverbs are described in Chapter 9. Chapter 10, the largest in the volume, presents an attempt to describe the verbal system, verbal stems, paradigms and tenses. The next chapter (11) follows the subject as it focuses on lexical and grammaticalized modality.

The last part of the volume deals with syntax. Chapter 12 describes the word-order patterns both within the sentence in general and in NP and VP in particular. One can also find here information on Pro-Drop, pronominal clitics and their positioning, the sentential *pa* enclitic and focalization. The last chapter (13) describes object doubling in *Rumejka* and shows the difference from the Standard Modern Greek model.

The four appendixes include the list of old and modern names of the villages, samples of dialect texts, the list of adjectives and a description of handicraft objects brought from the expeditions.